Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

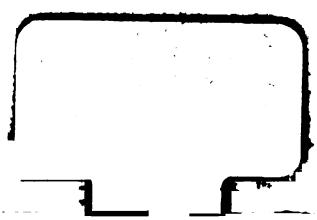
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

NYPL RESEARCH LIBRARIES
3 3433 07920053 5

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

Digitized by Google

Digitized by Google

ВРЕМЯ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ М. ДОСТОЕВСКАГО

№ 2. ФЕВРАЛЬ

ПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЙА
1863

Digitized by Google

THE NEW YO
PUBLIC LIBRA
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOU
R 1904 L

Одобрено цензурою. С. Петербургъ, 6 февраля 1863 года.

Digitized by Google

БѢГЛЫЕ ВОРОТИЛИСЬ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

ШТУРМЪ ПЕРЕВОЧЕНСКОЙ

Рано на зарѣ генералъ и Тарханларовъ проснулись въ дорогѣ, покачиваемые въ колискѣ въ виду уѣзднаго городка, заброшеннаго въ глухой поволжской юговосточной лощинѣ, между пологими каменистыми буграми.

— Такова-съ наша здѣшняя дѣйствительность! сказалъ совѣтникъ, зѣвая и оправляясь отъ сна въ углу коляски: — это не старосвѣтская ваша Малороссія!

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Нашъ юго-востокъ, сравнительно съ вашею Украйною, это какъ бы вамъ сказать? — это отрочество человѣчества... сравнительно съ его юностью! Украйна — это милая женщина, имѣвшая много поклонниковъ, хотя быть-можетъ ни одного особенно-страстнаго и вѣрнаго обожателя. Она какъ-будто вздыхаетъ о прошломъ и мало уже расчитываетъ на будущее. Вы не разъ вѣроятно встрѣчали такихъ женщинъ, такихъ преждевременныхъ вдовушекъ.

— Да вы поэтъ! сказалъ Рубашкинъ Тарханларову: — только кажется преувеличиваете! Мнѣ родина и Украйна и ея колоніи, здѣшній юго-восточный и новороссійскій край. Я люблю равно нашъ востокъ и нашъ западъ и не сказалъ бы этого объ

Digitized by Google

Украйнѣ. У нея есть свои надежды: народность ея языка, нравовъ и обычаевъ навѣрное возродится... Напрасно вы сравниваете ее съ вдовушкой.

— Ей богу такъ. То-ли дѣло наша юго-восточная глушь! Это вѣкъ будущій, какъ Украйна ваша вѣкъ прошедшій. Тамъ на всемъ уже старая, ѣдкая пыль; тамъ есть свои старыя смертельныя, незабываемыя раны. У насъ же одинъ просторъ, одна свобода во всемъ, новая почва, безъ грозныхъ могилъ и костей, которыя взываютъ къ мести и къ оправданію, безъ ядовитыхъ плевелъ. Паши, сѣй отборныя зерна и собирай въ житницы твою жатву.

— Не преувеличивайте.

— Ей-ей такъ! Поневолѣ вдумываешься... Ну, чѣмъ вамъ храбриться? скажите, чѣмъ хвастать въ вашей Украйнѣ?

— А у васъ чѣмъ?

Тарханларовъ засмѣялся.

— Что сохранилось у васъ хорошаго? спросилъ онъ: — что было то минуло, а что есть, никуда поправдѣ не годится. Поэтическая лѣнь? эка невидаль! Зато посмотрите на дѣятельную жизнь у насъ. Любуйся да и только! Сколько силъ, сколько средствъ, сколько труда и замысловъ. Вы старая метрополія, вы Англія, а мы новый міръ, мы колонія, мы Америка. Я радъ, что воротился сюда. Вѣдь я тоже, какъ и вы, былъ въ забродчикахъ, состоялъ на службѣ, гдѣ-бы вы думали? — въ Архангельскѣ, въ портовомъ управленіи! Насилу судьба надоумѣла воротиться домой... и вотъ я тоже теперь дома здѣсь! дышу свободнѣе, живу отраднѣе.

Рубашкинъ вздохнулъ.

— То-то и бѣда, сказалъ генералъ: — что Америка забыла свою мать родную, Англію; а вы забываете, что здѣшній юго-востокъ прежде всего есть созданіе казачества, колонія той же Украйны. Казачество откололось нѣкогда отъ барской и крѣпостной Украйны и пошло на Запорожье; Запорожье стало заводить зимовники и хутора, сперва по близости Днѣпра, а потомъ раздвинуло границы свои далѣе къ морямъ и къ большимъ юго-восточнымъ рѣкамъ. Его разорили, это правда; но зато оно еще сильнѣе двинулось вдаль переселенцами, хуторами и починками. Въ тоже время съ сѣвера изъ Великороссіи по Волгѣ сюда двигалось другое, великорусское колонизующее начало, бѣгле-

Digitized by Google

цы сѣверныхъ мѣстъ, великорусскій расколъ. Тутъ эти два начала встрѣтились и остановились, прогремѣли въ исторіи Разинымъ, Пугачевымъ, Булавинымъ и Заметаевымъ; эти два начала здѣсь слились и другъ друга пополнили. Вотъ почему вы не правы, во всемъ осуждая Украйну: она отдѣлила сюда и завѣщала вамъ лучшія свои силы, и отсюда же быть-можетъ получитъ впослѣдствіи и свое собственное обновленіе, какъ это произойдетъ вѣроятно и съ старой Англіей, относительно свободнаго роста ея дочери, Америки.

— Согласенъ; но жалѣю, что не всѣ такъ смотрятъ на дикій и чудный нашъ край, какъ вы, Адріянъ Сергѣичъ; его слишкомъ обвиняютъ за его торговый, дѣловой и лихорадочно-промышленный нравъ...

— Что я не обвиняю, доказывается, я думаю, лучше всего тѣмъ, что самъ я на закатѣ дней моихъ, какъ видите, бросилъ старую, по вашему чуть не отжившую Украйну, и пытаюсь здѣсь поискать счастія и обновиться вашею дѣятельною жизнью... Я ирландецъ — переселился на берега Онтаріо...

— Милости просимъ, милости просимъ! Не раскаетесь! У насъ стóитъ заняться всѣмъ, торговлею, промыслами и хозяйствомъ. Получите имѣніе, и съ Богомъ! Да вотъ мы и пріѣхали, Адріянъ Сергѣичъ! Очень радъ, что вы такъ судите! Смотрите, какъ теперь закипитъ наше дѣло: не то, что у васъ тамъ въ старыхъ городишкахъ, потонувшихъ, извините, въ болотахъ всякихъ наносныхъ преданій! Значитъ, оба мы дома! Странствовали на чужбинѣ, набирались тамъ опытности и силъ, какъ молодыя птицы, улетающія за море до весны. Но часъ пробилъ, и мы снова у себя дома, чтобъ здѣсь испытать свои привезенныя силы...

Путники вошли въ земскій судъ. Тарханларовъ, пріѣздъ котораго сюда уже нѣсколько подготовилъ данный ему помощникъ, былъ встрѣченъ тутъ всѣми не безъ трепета. Но дѣло какъ-то пошло не очень плавно. Повѣстки хоть и были разосланы изъ суда къ становому и въ сосѣднія села, но исправникъ отозвался дѣлами, болѣе не терпящими отлагательства, и не дождавшись губернскаго слѣдователя, вопреки его отношенію, уѣхалъ изъ города въ то самое утро въ другое мѣсто. Также поступилъ и уѣздный предводитель, не доставивши совѣтнику никакихъ нужныхъ новыхъ свѣдѣній о личности Перебочèнской и о ея

Digitized by Google

мнимомъ нездоровьи, которое будто бы препятствовало донынѣ ея выѣзду изъ чужого имѣнія. Когда Тарханларовъ явился въ предводительскую канцелярію, секретарь ея даже встрѣтилъ его съ нѣкоторою ироніею. Замѣтно было, что прежде, чѣмъ повѣстки и помощникъ совѣтника явились въ городъ, лазутчики Перебоченской обо всѣхъ эволюціяхъ новаго, угрожавшаго ей штурма дали уже знать сюда изъ среды самого губернскаго правленія, какъ Тарханларовъ ни старался свой быстрый выѣздъ облечь тайною. «Даже Ангела къ намъ выслалъ, острили о грекѣ уѣздные чиновники, по уходѣ Тарханларова: — но и ангелъ небесный не сможетъ ничего съ нами сдѣлать, коли мы захотимъ! вотъ оно какъ!»

Дѣйствительно, полномочный членъ высшей мѣстной администраціи, совѣтникъ губернскаго правленія, вооруженный наилучшими, опредѣленнѣйшими инструкціями «раскрыть наконецъ дѣло, во чтобы то нистало, отрѣшить всякаго изъ чиновниковъ, замѣшанныхъ тутъ, если онъ найдетъ умышленныя послабленія со стороны ихъ, и вывести Перебоченскую изъ имѣнія Рубашкина даже силою, не принимая болѣе отъ нея никакихъ отговорокъ и отписокъ, и всему составить подробный журналъ»— озадачился сразу, встрѣтивши эти первыя каверзы и чуть не потерялся. Явивши въ земскомъ судѣ особый приказъ губернскаго правленія, онъ тутъ же сдѣлалъ распоряженіе объ удаленіи отъ должности исправника, записалъ свое постановленіе въ протоколъ суда, внесъ его и въ свой особый секретный журналъ, отмѣтилъ въ немъ между-прочимъ, что повѣстки о высылѣ въ Конскій Сыртъ понятыхъ изъ сосѣднихъ съ нимъ селъ посланы нарочно, для замедленія понятыхъ, не верхомъ, а пѣшкомъ, черезъ сторожа-инвалида изъ земскаго суда, хотя изъ города до этихъ селъ было болѣе сорока верстъ. Тарханларовъ должность исправника слалъ земскому засѣдателю, распекъ и его предварительно на обѣ корки и взялъ съ собой, а приставу стана, гдѣ былъ Конскій Сыртъ, послалъ съ коннымъ нарочнымъ отъ себя вторую повѣстку о немедленной явкѣ на сборный пунктъ въ Малый-Малаканецъ, къ квартирѣ Рубашкина.

Къ обѣду того же дня, шестерикомъ на обывательскихъ, Тарханларовъ прибылъ съ Рубашкинымъ и съ земскимъ засѣдателемъ въ Малаканецъ. Тамъ ихъ встрѣтилъ помощникъ Тарханларова, Ангелъ, а станового и понятыхъ еще не было. Подо-

Digitized by Google

ждали они съ часъ, другой. Ямщики влѣзали на крыши хатъ, выходили далеко въ поле на бугры, смотрѣли, но никого не было видно.

— Чтоже ихъ ждать, рѣшилъ совѣтникъ: — начнемъ, откроемъ дѣйствія, заявимъ этой барынѣ послѣднюю волю начальства! На томъ, чѣмъ она намъ отвѣтитъ, основуемъ дальнѣйшія наши мѣры. Можетъ-быть къ крутымъ и не придется прибѣгать! А пока, разсмотримъ еще бумаги. Вы, г. засѣдатель, въ качествѣ исправника, потрудитесь въ болѣе близкія села отъ себя еще разъ дать строгія повѣстки о сборѣ понятыхъ; вотъ хоть въ Есауловку, въ Карабиновку, въ Авдуловку и сюда въ этотъ Малаканецъ...

— Люди теперь въ разбродѣ, рабочая пора; къ вечеру только съ полей придутъ домой.

— Ничего, пишите. Хоть мало сперва, а соберутся.

Пересмотрѣли еще бумаги, все приготовили, дали повѣстки съ ямщиками въ Есауловку и по Малаканцу. Тѣ съѣздили и воротились со словами, что понятые къ Конскому Сырту будутъ сейчасъ.

Часа за три за четыре до захода солнца, еще подождавши станового и трижды уже заказанныхъ понятыхъ, Тарханларовъ и прочіе поѣхали къ усадьбѣ Конскаго Сырта. Что-то въ душѣ говорило Рубашкину о не совсѣмъ удачномъ исходѣ дѣла; но красавецъ и молодчина губернскій совѣтникъ ѣхалъ бодро, весело мурлыкая про себя какую-то пѣсенку и съ любопытствомъ поглядывая по сторонамъ.

— Мѣстечко прелестное! сказалъ онъ, завидѣвши подъ склономъ есауловскихъ бугровъ надъ рѣкою Лихимъ зеленыя низменности Конскаго Сырта: — у васъ съ руками оторвутъ на аренду эту землю даже мелкіе здѣшніе табунщики и сгонщики скота, если сами не пожелаете хлопотать...

— Я думаю самъ хозяйничать.

— И дѣло. Говорятъ, что у насъ воровская сторона; говорятъ, что низовыя страны, Волжская и Донская Украйны, краи плутовъ, перебѣжчиковъ, всякой голытьбы, инородцевъ и проходимцевъ. Оно точно: здѣсь дѣйствуетъ всякій народецъ, и армянинъ, и обрусѣлый татаринъ, и раскольникъ-ярославецъ, и пирной киргизъ, и хохолъ и всякій. А какая дѣятельность у насъ кипитъ. Вотъ смотрите, у васъ въ Конскомъ-Сыртѣ, по ва-

Digitized by Google

шимъ зеленымъ раздольямъ, какіе гурты скота и стада овецъ ходятъ... Тутъ съ одной стороны Донъ, а подъ-носомъ и Волга сюда колѣномъ повернулась, — да еще какимъ колѣномъ: верстъ на десять синимъ моремъ разлилась, давая воды и береговъ вдоволь и вамъ и намъ, потомкамъ украинцевъ и русскихъ, потомучто я здѣсь принадлежу къ племени русскихъ переселенцевъ...

— Тарханларовъ? спросилъ генералъ: — да это что-то какъ-будто татарское... тарханъ...

— Э! доискиваться, такъ вѣдь и тарелка и лошадь не русскія, татарскія слова; а сколько столѣтій уже, какъ они обрусѣли! И я русскій!

Въѣхали экипажи во дворъ Перебоченской. Во дворѣ было тихо: ни одна душа не показывалась. Кухня, амбары и всякія пристройки молчали. Окна и крыльца дома молчали также. Когда власти подъѣхали, гремя колокольчиками, къ главному крыльцу, въ концѣ двора прошолъ отъ кухни къ сараю, опустя голову и не поднимая глазъ, низенькій коренастый господинъ, или собственно прошли его длиннѣйшіе рыжіе усы: то былъ панъ Жукотыньскій, приказчикъ барыни. — «Эй, ты! послушай!» крикнулъ ему съ козелъ коляски титулярный совѣтникъ Ангелъ; но рыжій шляхтичъ прошолъ важною журавлиною походкой, руки въ карманахъ балахона, опустя рыжіе огненные усы чуть не до земли, и скрылся...

Тарханларовъ, земскій засѣдатель и Рубашкинъ вошли въ сѣни и въ переднюю; ни души. Лазарь Лазарычъ Ангелъ остался у крыльца, хмуря черныя кустоватыя брови, сердито сопя и крутя черные усы, еще длиннѣйшіе, чѣмъ были у шляхтича-прикащика. Онъ сторожко, какъ чуткая дрофа въ степи, посматривалъ изъ-за коляски и лошадей во всѣ углы двора, ожидая, гдѣ вынырнетъ шляхтичъ.

Едва Тарханларовъ взялся за ручку двери въ залъ, шепнувши сопутникамъ: «Мы пока сюда; а Лазаръ Лазарычъ довольно надежная сила въ арьергардѣ; онъ бѣдовый: его тронутъ, такъ онъ и ножомъ въ бокъ пырнетъ!» какъ дверь передъ нимъ отворилась и на порогѣ показалась хозяйка, Пелагея Андреевна Перебоченская. Рубашкинъ теперь былъ одѣтъ за-просто, въ лѣтней парусинной накидкѣ и безъ портфеля подъ мышкой фрака, какъ нѣкогда, въ первый пріѣздъ сюда. Старуха же встрѣтила

Digitized by Google

посѣтителей такая же сухощавая, сутуловатая и будто придавленная и забитая, хотя была особой почтеннаго роста и прежнему въ темномъ, притасканномъ платьишкѣ и въ чепцѣ, перевязанномъ подъ подбородкомъ и по ушамъ бѣлымъ платкомъ, вродѣ того, какіе носятъ нищенки-попрошайки. Она молча остановилась въ дверяхъ, держа грязный гарусный ридикюль и вопросительно поднявши къ посѣтителямъ сморщенное желтое личико и жалкіе, убогіе и будто плачущіе глаза.

— Повелѣніемъ высшаго начальства! звонко и отчетисто заговорилъ молодчина Тарханларовъ, выставя впередъ румяныя круглыя щоки и вынимая изъ кармана бумагу: — приказано васъ, сударыня...

— Не надо! вовсе этого не надо! отвѣтила старуха, тихо отодвигая бумагу.

— Какъ не надо! Воля высшаго начальства-съ... Что вы? шутить?.. Извольте слушать! Только надѣюсь не здѣсь въ передней, а какъ слѣдуетъ... въ залѣ... у васъ...

И онъ шагнулъ къ порогу въ залъ. Перебоченская однако не двинулась съ мѣста.

— Я уже все это знаю... и вашу бумагу! сказала она, тихо потупя глаза: — это все пустяки; я отсюда не поѣду; я больна, стара и всякія тревоги. . особенно выѣздъ... могутъ причинить мнѣ... даже смерть!

Тарханларовъ оглянулся на спутниковъ своихъ и насмѣшливо имъ подмигнулъ; Рубашкинъ степенно стоялъ сзади, выжидая, что будетъ; засѣдатель, не поднимая глазъ, былъ блѣденъ и стоялъ на-вытяжку.

— Вы можете мнѣ говорить все что вамъ угодно! громко сказалъ опять совѣтникъ: — но я имѣю предписаніе начальства, основанное, извините, на предыдущихъ вашихъ выходкахъ и продѣлкахъ, не принимая отъ васъ никакихъ болѣе отговорокъ, вывезти васъ изъ этого чужого имѣнія-съ... отобрать у васъ всю хозяйственную движимость... сдать ее владѣльцу имѣнія, до уплаты вами, по третейскому суду, денегъ за всѣ годы аренды, а послѣ расчета съ нимъ дозволить вамъ изъ движимости и строеній взять отсюда по особой новой расцѣнкѣ...

— И гурты и овецъ сдать ему? спросила Перебоченская, указавши пальцемъ на генерала.

Digitized by Google

— Сдать все пока... въ видѣ обезпеченія уплаты за десятилѣтнюю аренду...

— Никогда! я прежнему владѣльцу все уплатила... а хоть бы деньгами и не уплатила, не дамъ! у насъ съ нимъ счеты кончены...

— За что же онъ съ вами тягался все послѣднее время?

— Оставьте меня и не тревожьте... прошу васъ мнѣ не грубить! передъ вами дама-съ!

— Росписокъ у васъ нѣтъ! формальный договоръ нарушенъ! Все, что ходитъ по этой землѣ, вами получено съ земли же, а за нее вы ничего не платили... слѣдовательно...

— Разберутъ по суду... какой вы судъ! вы полицейскій чинъ...

— Судъ давно рѣшилъ дѣло противъ васъ и столько лѣтъ ждалъ отъ васъ, сударыня, доказательствъ; всѣ здѣшнія власти дѣлали вамъ поблажки. Теперь уже дѣлу конецъ. Вы оскорбляете администрацію, распорядительную власть, которая должна въ точности исполнять рѣшенія суда; и она командировала наконецъ меня... Извольте выѣзжать отсюда; извольте пустить меня въ залъ и выслушать постановленіе губернскаго правленія. Слышите-ли? Имѣю честь рекомендоваться...

— Знаю, знаю...

— Я совѣтникъ губернскаго правленія...

— Да знаю же, говорю вамъ!

— Губернскаго правленія, Тарханларовъ... И потому снова говорю...

Тусклые глазки барыни холодно и злобно завиляли. Лицо и ридикюль задвигались.

— Палàжка! крикнула она, не оборачиваясь съ порога.

Тарханларовъ, зная отъ Рубашкина продѣлки барыни и то, какъ она и генералу грозила Палажкою, невольно улыбнулся, приготовился взять Перебоченскую за руку и шагнулъ впередъ.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пройти въ залъ и сообщить вамъ рѣшеніе суда и окончательное предписаніе губернатора...

Онъ бережно взялъ старуху за сухощавую, въ тревогѣ дрожавшую руку. Но въ то же время за спиной хозяйки обрисовались два помѣщика, отставной прапорщикъ изъ букеевскихъ ордынцевъ Кѣбабчи и неслужившій нигдѣ черноморскій дворянинъ и сосѣдній гуртовщикъ, Хутчѣнко

Digitized by Google

— Удивляемся! сказали разомъ оба господина, умышленно и какъ-то особенно неблаговидно бася и щетиной подвигаясь передъ изъ залы: — удивляемся вашей дерзости къ дворянкѣ... и не вѣримъ, чтобъ вы были съ такими азіатскими-съ, да-съ, именно-съ! азіатскими полномочіями...

Перебоченская тотчасъ же, не оборачиваясь попрежнему, отрекомендовала обоихъ защитниковъ своихъ и Тарханларову и Рубашкину.

— А это вотъ учитель музыки въ здѣшнихъ мѣстахъ, г. Рахилевичъ! прибавила она, почувствовавши, что за спиной ея прибавилось еще одно лицо изъ внутреннихъ комнатъ, юноша лѣтъ девятнадцати, румяный, пухлый, съ бараньими, тусклыми и на выкатъ глазами: — онъ учитъ у моихъ родныхъ и близокъ въ домѣ г. предводителя!

— Однако же вы должны, сударыня, выслушать бумагу начальства и по порядку законовъ дать на нее отзывъ! отозвался, нисколько не теряясь, Тарханларовъ: — повторяю вамъ, я совѣтникъ губернскаго правленія и прошу со мною не шутить...

— Полноте сочинять! это, господа можетъ-быть и не совѣтникъ вовсе! громко объявилъ своимъ товарищамъ развязный учитель музыки Рахилевичъ, насмѣшливо пошатываясь за ихъ плечами, съ руками въ широкихъ зеленыхъ шароварахъ, и одѣтый въ какую-то фантастическую голубую куртку съ шнурками и бронзовыми стекольчатыми пуговицами: — я совѣтниковъ всѣхъ въ губерніи знаю-съ; это должно быть такъ себѣ какой-нибудь канцеляристъ, для штуки нанятый Рубашкинымъ!

Рубашкинъ обомлѣлъ.

— Ну спросите у него видъ; есть ли у него, господа, видъ еще? Не самозванецъ ли это? прибавилъ Рахилевичъ, мигнувши прапорщику Кебабчи, на котораго, какъ видно, компанія возлагала также не мало надеждъ.

— Ни-да-съ! шаловливымъ басомъ и въ галстухъ сказалъ мѣдноцвѣтный, какъ пятакъ, Кебабчи: — попросите, Пелагея Андреевна, этого господина однако въ кабинетъ: пусть онъ намъ покажетъ свой видъ, паспортъ. Можетъ-быть это еще и по правдѣ самозванецъ! Вы ужь, сударь, извините насъ: здѣсь страна всякихъ подлоговъ и самозванствъ; тутъ дѣйствовали Пугачевъ-съ, Разинъ, разбойники изъ киргизъ-кайсаковъ, Кудеяръ и Кувыканъ, Булавинъ и Заметаевъ...

Digitized by Google

— Такъ вы полагаете, что я тоже какой-нибудь Кувыканъ или Кудеяръ, подложный, а не настоящій чиновникъ? спросилъ засмѣявшись Тарханларовъ, въ то время, какъ самъ онъ однако чувствовалъ, что еще мгновеніе и пожалуй въ этой глуши, не подоспѣй понятые, его самого обратятъ въ подсудимаго, силой свяжутъ и подъ конвоемъ повезутъ на общій позоръ и смѣкъ въ городъ, въ его же губернское правленіе, вмѣсто Перебоченской, которую онъ собирался взять силой.

— Нечего, нечего смѣяться! опять рѣзко перебилъ учитель музыки, Рахилевичъ: — давайте-ка лучше ваши бумаги! Не на дураковъ напали... насъ не проведете! стрѣлянные...

— Пожалуйте въ кабинетъ! а въ залъ я васъ все-таки не допущу: у меня дѣла и сама я больная! сказала со вздохомъ хозяйка и тутъ же отъ порога ступила черезъ лакейскую въ сосѣдній, особый, темноватый кабинетикъ.

Тарханларовъ, Рубашкинъ и блѣдный засѣдатель, переглядываясь между собою, вошли туда за нею. Кебабчи, Хутченко и Рахилевичъ вступили туда же и кинулись запирать двери. Ихъ лица глядѣли мрачно, а рѣзкія, порывистыя движенія показывали, что они готовы были рѣшиться на все. Рубашкинъ глянулъ на помертвѣлаго засѣдателя, и у него самого точно холодная водица полилась по спинѣ и мурашки въ желудкѣ задвигались...

Всѣ сѣли. Тарханларовъ внятно и внушительно сталъ читать грозную бумагу о своей командировкѣ, снова попросилъ Перебоченскую не упорствовать, потомучто скоро вечеръ, а онъ къ ночи долженъ все покончить, не принимая отъ нея никакихъ отговорокъ, и протянулъ бумагу слушателямъ, чтобъ всѣ ее разсмотрѣли.

— Бланки и подписи дѣйствительно подлинные! сказалъ мѣдноцвѣтный Кебабчи: но этому все-таки не бывать никогда, никогда! пока въ нашихъ жилахъ течетъ дворянская кровь!

— Не бывать! подхватили и его товарищи.

— Да-съ... рѣшила и хозяйка, завилявши глазками и теребя въ рукахъ ридикюль.

— Пожалуйте отзывъ! сказалъ Тарханларовъ.

— Вотъ онъ! давно написанъ на ваши бумаги эти...

И она подала совѣтнику готовый отзывъ по всѣмъ пунктамъ грознаго рѣшенія.

Digitized by Google

— Новое преступленіе! объявилъ совѣтникъ, быстро пробѣжавши отзывъ: — я его кладу при васъ, господа, въ карманъ и записываю въ журналъ слѣдствія; оказывается, что секретнѣйшія и важнѣйшія бумаги начальства передаются сюда изъ города въ копіяхъ и прежде, чѣмъ въ подлинникѣ попадаютъ къ виновнымъ! Отлично! Ай да мѣстечко-съ!..

— Кладите! выстрѣлилъ въ него глазами Рахилевичъ: — мы и не прячемся отъ васъ; эка гроза какая! Бумагу эту сообщилъ намъ самъ уѣздный предводитель, а онъ — извините! человѣкъ со связями-съ, имѣетъ вездѣ противъ крючковъ лазутчиковъ; въ обиду своей дворянки не дастъ никому, а я у него учу въ семействѣ-съ...

— А, такъ вотъ какъ! Вы видѣли, слышали, г. засѣдатель? Отвѣтъ уже готовъ и подписанъ! Я его принимаю не какъ доводъ къ отказу, а какъ улику къ прежнимъ преступленіямъ здѣшнихъ властей...

Засѣдатель молча поклонился, продолжая мигать оторопѣлыми глазами.

— Такъ я повторяю, началъ опять Тарханларовъ, вставая и выпрямляясь во весь ростъ: — угодно ли вамъ, г-жа Перебоченская, безъ всякихъ дальнѣйшихъ проволочекъ, сегодня же, слышите? сегодня же къ ночи выѣхать отсюда и все сдать г. Рубашкину?

— Нѣтъ... никогда! я больна, стара, и притомъ же...

— Въ такомъ случаѣ я открываю присутствіе и черезъ полчаса арестую васъ силою и подъ стражей препровожу въ городъ! брякнулъ совѣтникъ.

Засѣдатель даже привскочилъ на мѣстѣ.

Перебоченская задергала опять пальцами, но ни слова не отвѣтила.

— Можете открывать присутствіе! забасили еще непріязненнѣе Кѣбабчи, Рахилевичъ и Хутчѣнко: — а мы будемъ смотрѣть...

Наглость всего этого начинала взрывать Тарханларова. Онъ вышелъ въ лакейскую и на крыльцо. На нѣжныхъ полныхъ щекахъ его показались багровые кружки. Глаза его затуманились. Онъ отеръ платкомъ лобъ и сказалъ засѣдателю: «Гдѣ-бъ намъ открыть присутствіе и начать дѣйствовать?»

— Въ каретномъ сараѣ! отвѣтилъ стоявшій на крыльцѣ Ла-

Digitized by Google

зарь Лазарычъ Ангелъ, отъ злости и отъ расходившейся въ немъ греческой желчи уже ставшій желтѣе лимона: — тутъ небывалый воровской притонъ, всѣ штуки идутъ какъ по маслу; ждалъ я, ждалъ, пошолъ къ кухнѣ — заперта на ключъ; глянулъ я въ окно, пуста — однѣ мухи бьются въ стекла... Я въ людскую избу, въ конюшню, подъ сараи, вездѣ пусто. Устроимъ присутствіе въ каретникѣ; тамъ кстати стоитъ какая-то перевернутая кадка... На ней и писать можно...

— Доставайте, господа, изъ коляски припасы! сказалъ Рубашкинъ, обмахиваясь платкомъ.

— А намъ? спросили обывательскіе ямщики.

— Распрягайте лошадей и ступайте по домамъ. Мы отсюда на другихъ лошадяхъ выѣдемъ!

Ямщики отправились выпрягать коней.

— Гайда, господа, въ каретникъ.

Тарханларовъ попрежнему легко и свободно зашагалъ отъ крыльца по двору, однакоже прибавилъ:

— Жаль, господа, что мы не распорядились о болѣе значительномъ количествѣ понятыхъ; кажется здѣсь не совсѣмъ безопасно! Что это значитъ? и станового досихъ-поръ нѣтъ?

— Съ одной стороны тутъ сущая татарія, Курдистанъ; а съ другой и матушка Русь здѣсь же, какъ дома, расположилась! пустился разсуждать вслухъ Рубашкинъ: — мнѣ это приходило въ голову еще, какъ я первый разъ сюда пріѣзжалъ! Ждешь тутъ, что убьютъ тебя, либо зашьютъ какъ разъ въ мѣшокъ, да и въ воду; а тутъ же скворецъ вонъ тихо прыгаетъ въ клѣткѣ, дѣвка бѣлобрысая чулокъ вяжетъ, барыня пасьянсъ въ гостиной раскладываетъ, тупоумный тульскій маятникъ упорно постукиваетъ въ лакейской, точно въ безсонную ночь гдѣ-нибудь на станціи, когда ждешь лошадей...

Посмотрѣли господа въ поле изъ-за конюшни: не видно было еще ни станового, ни понятыхъ. Въ сараѣ на полу было множество голубиныхъ слѣдовъ. Ласточки съ звонкимъ крикомъ влетали въ щели надъ воротами и опять вылетали отсюда. Прочный новый тарантасъ барыни стоялъ подъ полотняною покрышкой въ одномъ углу; въ другомъ возвышались развалины старинной кареты. Сметя соръ съ опрокинутой кадки, засѣдатель и Лазарь Лазарычъ приготовили канцелярскій бивакъ. Тарханларовъ разсказалъ засѣдателю, какъ ему писать, и тотъ съ дро-

Digitized by Google

щими руками присѣлъ съ перомъ и съ бумагами на тарантас-
й сундукъ къ кадкѣ. Прочіе всѣ вышли изъ сарая. На дворѣ
прежнему было тихо и не видно живого существа, какъ на
ощадяхъ крѣпости передъ послѣднимъ натискомъ осаждаю-
ей арміи.

— Что это засѣдатель вашъ такъ труситъ? спросилъ Рубаш-
кинъ Ангела.

— Въ передѣлкѣ здѣсь былъ, значительно отвѣтилъ Лазарь Лазарычъ: — онъ былъ въ тотъ самый въѣздъ властей сюда, когда Перебоченская высланному къ ней чиновнику особыхъ порученій дала пощечину. Все и скрыли. Чиновникъ переждалъ, да скорѣе и далъ тягу куда-то на сѣверъ...

— Вотъ то-то и бѣда, возразилъ Рубашкинъ: — что всѣ трусятъ и скрываются; ты побитъ и опубликуй самъ! Что за стыдъ быть удареннымъ бѣшеною лошадью или дикою киргизскою коровой!

Тарханларовъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Ну нѣтъ, господа; съ нами она этого не сдѣлаетъ! А иначе либо я самъ не пожалѣю съ нею силъ, либо рапортомъ донесу обо всемъ въ наготѣ высшимъ властямъ. Что вы думаете? Вѣдь объ оскорбленіи чиновника на службѣ... да еще въ такой беззащитной глуши... обязаны будутъ по законамъ донести лично государю...

— И донесутъ! Вотъ меня не разъ помяли. Доносили... Что-же? Отписывались! сказалъ, крутя черные усы, Ангелъ.

Тарханларовъ покраснѣлъ. Онъ долго молчалъ, прислушиваясь къ скрипу пера засѣдателя.

— Господа! Теперь не зѣвать! Готова будетъ бумага, составится журналъ первыхъ дѣйствій... Скоро все поспѣетъ? спросилъ Тарханларовъ.

— Составлено, готово все-съ...

— Подписывайте, господа. А вотъ кстати и понятые...

Всѣ подписали вступительныя бумаги. У сарая во дворѣ показались первые понятые, такъ себѣ какіе-то сѣренькіе, переминавшіеся мужички, изъ поселянъ поплоше.

— Вотъ наша вѣрная опора! иронически подмигнулъ товарищамъ на понятыхъ Тарханларовъ, прочелъ вслухъ мужикамъ бумаги, разъяснилъ имъ смыслъ дѣла и велѣлъ всѣмъ смотрѣть въ оба и слушаться строго его приказаній.

Digitized by Google

— Будете слушаться? гаркнулъ подъ конецъ совѣтникъ.

— Будемъ! отозвалась кучка понятыхъ, едва шевелившихъ отъ страха языками и уныло почесывавшихъ спины и затылки.

— Переписать ихъ по именамъ!

Засѣдатель переписалъ. Подождали еще. Солнце клонилось уже къ закату.

— Будутъ еще ваши? нетерпѣливо спросилъ Рубашкинъ.

— Будутъ вѣрно... десятскіе сгоняютъ съ поля! какъ не быть! вѣрно будутъ... отвѣтили понятые, глупо и пугливо переступая съ ноги на ногу.

Вдали въ полѣ еще показалась кучка понятыхъ. Ангелъ крикнулъ отъ плетня:

— Еще идутъ!

— Теперь, господа, прямо въ домъ! рѣшилъ Тарханларовъ: отыщите ломъ или молотокъ; если дверь въ залъ опять запрутъ, надо будетъ при понятыхъ выломать, всѣхъ изъ дома взять подъ арестъ и скрѣпить наши мѣры новымъ журналомъ...

Нашли какую-то желѣзную полосу. Уже двинулись было къ крыльцу, какъ Лазарь Лазарычъ, успѣвшій съ этою запуганною толпою земскихъ поличныхъ обнюхаться по своему и перемолвиться по душѣ, шепнулъ совѣтнику:

— Надо отрядить часть понятыхъ въ поле. Одинъ изъ нихъ сейчасъ сообщилъ, что полякъ прикащикъ этой барыни туда поскакалъ задами, собираетъ сгонщиковъ и намѣренъ какъ-видно угнать куда-нибудь съ этой земли, если не всѣ гурты скота, такъ табунъ лошадей или часть овецъ.

— Что это, сдача или отступленіе?

— Далеко до сдачи... Спѣшите!.. Это просто одна изъ азіатскихъ хитростей...

— Кого же послать? Отрядъ поличныхъ и такъ у насъ малъ, а мы и обывательскихъ лошадей отослали по домамъ! Эй, вы, понятые!

Часть мужиковъ отдѣлилась къ каретнику.

— За мной въ барскую конюшню. Садитесь сейчасъ на коней и гайда въ степь...

Наскоро Тарханларовъ свернулъ замокъ у конюшни, мужики оттуда вывели тройку упряжныхъ лошадей, послѣднихъ, какіе тамъ были, и иные изъ нихъ уже стали моститься сѣсть безъ сѣделъ на жирныхъ скакуновъ.

Digitized by Google

— Не трогать барскихъ коней! раздался съ прибавкой крупной брани крикъ съ крыльца.

Мужики оторопѣли. То былъ голосъ знакомаго имъ сосѣда ихъ, прапорщика Кебабчи.

— Садись! крикнулъ въ свой чередъ совѣтникъ: — какъ вы смѣете не слушаться?

— Не садись: убью перваго, кто осмѣлится! прибавилъ съ крыльца Кебабчи, въ патронташѣ и размахивая ружьемъ.

Мужики раскрыли рты отъ изумленія и выпустили поводья. Прапорщикъ Кебабчи съ крыльца продолжалъ ругаться вслухъ, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ чиновниковъ. Титулярный совѣтникъ Ангелъ не вытерпѣлъ, самъ схватилъ первую выведенную лошадь за поводъ, потрепалъ ее по спинѣ, вскочилъ на нее и во всю прыть понесся за дворъ, крича понятымъ: «За мною!» Двое ободранныхъ мужиковъ прыгнули также на лошадей и вскачь скрылись за конюшней. Выстрѣла съ крыльца не послѣдовало, хотя Кебабчи довольно рѣшительно и грозно еще тамъ потрясалъ ружьемъ. Остальные понятые ожили также. «Все-таки власть! — думали они, тѣснясь у конюшни: насъ бы тотъ баринъ сразу пострѣлялъ, а по чиновникамъ такъ и не цѣлится!»

Тарханларовъ приказалъ понятымъ идти къ крыльцу. Кебабчи отступилъ внутрь дома, а власти съ мужиками вступили въ сѣни.

— О, Русь! думалъ Рубашкинъ, идя за Тарханларовымъ и присматриваясь къ его сердитому мясистому затылку: — чего только на тебѣ не бываетъ! Невѣроятно даже... ружьями грозятся!

Чиновники вошли въ лакейскую; понятые размѣстились тутъ же и въ раскрытыхъ сѣняхъ. Зала была попрежнему затворена. Засѣдатель попробовалъ: она была заперта на замокъ.

— Видите ли, ребята, началъ Тарханларовъ: — я посланъ отъ губернатора, а онъ назначенъ властью еще высшею. Я старшій чинъ въ правленіи по губерніи, и мнѣ велѣно эту барыню взять силой, такъ какъ она закона не слушается, а все имѣніе это отдать этому барину.

Онъ указалъ на Рубашкина.

— Да мы все это знаемъ давно! робко и вполголоса отозва-

Digitized by Google

лись нѣкоторые понятые: — только ужь какъ бы намъ чего не отвѣчать!

— Знаете? тѣмъ лучше. Вотъ и бумага объ этомъ. Барыня заперлась; надо сломать замокъ. Давайте опять ломъ... я разбиваю двери, чтобъ вы видѣли...

Подали совѣтнику снова желѣзную полосу. Тарханларовъ нажалъ ее на замокъ; дверь отскочила: въ залѣ было пусто. Онъ заглянулъ въ коридоръ: вездѣ тихо, ни души. Онъ поставилъ часть понятыхъ слѣдить вдоль коридора выходъ изъ дому къ другому крыльцу, а самъ черезъ залъ подошолъ къ запертой двери въ гостиную. Но едва онъ нажалъ ломомъ и на эту дверь, какъ въ нее изъ гостиной разомъ что-то навалило, и съ криками и воплями въ залъ выскочили: сама хозяйка, помѣщики ея защитники, Кебабчи и Хутченко, учитель музыки Рахилевичъ и вся тѣсно-скученная и озадаченная дворня барыни: горничныя, поваръ, батраки, кучеръ, ключникъ, даже дворовыя дѣти. Послѣдніе взревѣли, едва дверь отворилась.

— Караулъ! разбой! караулъ! грабятъ! рѣжутъ! заорали господа и слуги.

Нѣкоторые изъ дворни оказались вооружонными: кто палкой, кто кочергой; одна баба съ половой щеткой, кучеръ съ косой, а Кебабчи попрежнему въ патронташѣ съ ружьемъ.

Тарханларовъ невольно потерялся.

— Вы, господа, вижу я, всему зачинщики и подстрекатели! сказалъ онъ Рахилевичу, Кебабчи и Хутченку: — вы болѣе всѣхъ будете отвѣчать. Но до васъ очередь дойдетъ послѣ! Понятые! слушать моихъ приказаній! гаркнулъ онъ, сильно повысивши голосъ: — а вы, дурачье безмозглое, дворня барыни вашей! Васъ только перепорятъ за то, что вы мѣшаетесь, куда васъ не зовутъ! Ну, чего стоите! Дѣвки, бородачи! маршъ по своимъ угламъ.

Молодцоватый голосъ Тарханларова звонко раздался въ залѣ, гдѣ вслѣдъ за первымъ появленіемъ домашней засады, воцарилась было мгновенно мертвая тишина. Дворня осунулась. Перебоченская стояла въ заднихъ рядахъ, тормоша ридикюль и поглядывая, какъ крыса, атакованная ловкою и наметанною кухаркой въ углу комнаты, откуда некуда было податься.

— Вона! весело крикнулъ вдругъ Рахилевичъ, нагло пошатываясь, опять съ руками въ широкихъ зеленыхъ шараварахъ: — а

Digitized by Google

вы, ослы, и опѣшили? думаете, взаправду это важная птица налетѣла! Да это не губернаторскій совѣтникъ, а панóкъ изъ Боромли! Я его и въ карты обыгрывалъ, ейбогу! это Рубашкинъ его за десять цѣлковыхъ нанялъ... комедію отколоть... Это самозванецъ! Вѣдь вы слышали, что тутъ на Волгѣ бывали прежде самозванцы, которыхъ послѣ въ желѣзныхъ клѣткахъ отвозили въ столицы? Это и есть одинъ изъ такихъ...

— Понятые впередъ! гаркнулъ еще громче мнимый «панóкъ изъ Боромли» почувствовавшій всю бездну, въ которую его могли столкнуть: — берите прежде этого господина Рахилевича! Я вамъ приказываю...

Онъ оглянулся и невольно поблѣднѣлъ. Понятые не трогались съ мѣста.

— Ну, ейбогу же, вотъ побожился вамъ, что это самозванецъ и я его отлично знаю! опять спокойно прибавилъ Рахилевичъ: — не насъ, а его надо связать, чтобъ шуму-то въ порядочныхъ домахъ не дѣлалъ...

— Самозванецъ! Панокъ изъ Боромли! и мы его знаемъ! добавили рѣшительно и Хутченко съ Кебабчи.

Тарханларовъ однако снова не потерялся, хотя первое мгновеніе для него вышло убійственное, и понятые уже начали было подозрительно посматривать на него самого, помышляя: «Что, дескать, и одѣтъ-то онъ за-просто, и мундира богатаго на немъ нѣтъ, и не при саблѣ; Богъ его знаетъ, кто онъ такой; а знакомые господа божатся и смѣются надъ нимъ...»

— Чтоже вы молчите? отнесся Тарханларовъ вслухъ къ стоявшему сзади его засѣдателю: — вы здѣсь непремѣнный засѣдатель земскаго суда, васъ должны всѣ тутъ знать, въ самомъ этомъ домѣ вы неразъ были, а теперь вы у меня подъ командой... Чтоже вы молчите?

— Что вы, что вы! крикнулъ Рахилевичу засѣдатель: — опомнитесь. Какія шутки! — Ступайте вонъ отсюда! прибавилъ онъ дворовымъ людямъ Перебоченской.

Горничныя отступили первыя, за ними наемные батраки; отступленіе готово было начаться полное...

— Что вы, г. Рахилевичъ, развѣ ослѣпли? спросилъ опять засѣдатель, обращаясь къ защитнику хозяйки.

— А ты забылъ, собака, что у меня десять паръ воловъ въ

подарокъ недавно получилъ? шепнула засѣдателю сзади хозяйка, ухватя его за рукавъ...

Засѣдатель сталъ опять ни живъ, ни мертвъ.

— Ребята, взять Рахилевича! скомандовалъ Тарханларовъ, и когда понятые двинулись за нимъ, самъ подступилъ къ учителю музыки и наложилъ на его плечо руку.

— А, братъ! Такъ вотъ же тебѣ что! крикнулъ Рахилевичъ, и какъ видно обдумавши все напередъ съ товарищами, кинулъ чѣмъ-то мелкимъ въ глаза совѣтнику.

Ослѣпленный Тарханларовъ разсвирѣпѣлъ, бросился въ бокъ, желая ухватить руками негодяя, но тотъ ускользнулъ. И въ тоже мгновеніе Тарханларову показалось, что въ залѣ началась непостижимая свалка... Онъ кое-какъ выскочилъ въ сѣни, дорогой обо что-то сильно ударившись виском, долго теръ глаза и минуты черезъ три сквозь слезы усилился оглянуться въ домъ. Понятые въ залѣ въ общей суматохѣ силились взять Рахилевича; дворня его съ ругательствами отбивала.

— Воды, вотъ вамъ воды въ глаза! сказалъ Рубашкинъ, появившись съ дѣвичьяго крыльца со стаканомъ воды: — промывайте скорѣе! Это страсть, что за вертепъ! Боже! куда мы попали! Засѣдателя Перебоченская съ дѣвками связала и кричитъ, что подъ карауломъ пошлетъ его и всѣхъ насъ въ городъ.

Тарханларовъ дрожалъ отъ бѣшенства и наскоро сталъ промывать глаза и ушибенный до крови високъ.

— Гдѣ Лазарь Лазарычъ? спросилъ онъ...

— Еще не воротился съ поля...

— Велите посмотрѣть, не ѣдетъ ли?

Рубашкинъ распорядился.

— Я ничего не сдѣлалъ противозаконнаго, крайняго? спросилъ онъ Рубашкина.

— Ничего... вы дѣйствовали пока очень кротко... даже черезчуръ...

— Слава-богу. Тутъ какъ разъ потеряешься. Счастье, что револьвера не выхватилъ изъ кармана: вотъ онъ; въ такія командировки я иначе не ѣзжу!

Онъ вынулъ револьверъ.

— А! вотъ и Лазарь Лазарычъ! Что новаго? Безъ васъ дѣло тутъ не обойдется...

— Я съ поля... гуртъ отшибъ, а табунъ угнали должно-быть

Digitized by Google

къ Кебабчи въ другой уѣздъ, либо къ Хутченку на сосѣдній хуторъ. Къ утру и тамъ уже ихъ не найдемъ... извѣстное дѣло: Кебабчи первый тутъ, какъ я узналъ, конокралъ, а Хутченко женатъ на цыганкѣ и черезъ родичей своей жены сбываетъ всѣхъ ворованныхъ лошадей...

— Гдѣ же отбитый гуртъ?

— Наши понятые гонятъ его со степи; пастухи и сгонщики арестованы. Я собралъ еще новыхъ понятыхъ и привелъ сюда въ подмогу. Станового же нигдѣ и не найдутъ; какъ въ воду канулъ въ своемъ станѣ... Какъ идутъ дѣла у васъ?

Тарханларовъ, утираясь, наскоро передалъ о томъ, что произошло въ домѣ, въ отсутствіе Лазаря Лазарыча; но о вискѣ прибавилъ, что въ этомъ виной онъ самъ, ударившись о притолокъ двери.

Лазарь Лазарычъ недовѣрчиво покосился на високъ совѣтника и сталъ прислушиваться къ шуму въ залѣ. Кто-то тамъ неистово горланилъ; десятокъ голосовъ ему еще безобразнѣе вторили, а остальные оспаривали этихъ. Грекъ взглянулъ съ крыльца на солнце, уже заходившее за садъ, и спросилъ: «Что же? или еще ожидать? не распорядиться ли понашему, побылому? Приказываете?.. Еще минута и насъ всѣхъ запрутъ въ подвалъ, а послѣ обвинятъ въ буйствѣ... Надо ловить время... Вы знаете, что такое наши понятые и настроеніе ихъ умовъ въ такой глуши!» Тарханларовъ сказалъ: «Дѣйствуйте!» Шумъ въ залѣ увеличивался... Тарханларовъ вынулъ бумажникъ и сталъ наскоро записывать происшествіе. Глаза его сильно жгло; високъ болѣлъ еще сильнѣе; Лазарь Лазарычъ подумалъ, прыгнулъ съ крыльца, сбѣгалъ за ворота, взялъ оттуда еще кучу приведенныхъ понятыхъ, въ числѣ которыхъ были и два благообразныхъ молодца, одинъ въ гражданскомъ пальто, а другой въ синей чуйкѣ, и съ ними смѣло вошолъ въ домъ.

— Кто эти? спросилъ Тарханларовъ есауловскаго десятскаго, также подоспѣвшаго къ крыльцу.

Десятскій уже зналъ о важности всего происшедшаго въ домѣ и безъ шапки съ палкой стоялъ у крыльца.

— Это наши-съ, ваше высокоблагородіе...

— Ты же кто? Чей?

— Есауловскій десятскій, а тѣ двое понятыхъ изъ нашихъ парней.

Digitized by Google

— Отчего же они одѣты не помужицки?

— Одинъ, ваша милость, изъ нашей барской музыки, флейтистъ, Кирюшка Безуглый, а другой — сынъ нашего прикащика, Илья Танцуръ...

— Зачѣмъ же ты привелъ дворовыхъ? Надо бы лучше было изъ хозяевъ, изъ надежныхъ мужиковъ...

— Всѣ въ полѣ; прикащика дома нѣтъ, я безъ него не посмѣлъ; а эти почитай сами напросились, ну, я ихъ и взялъ! Они такъ почти у насъ маются, ничего не дѣлаютъ...

Рубашкинъ, узнавши Илью, догналъ его въ лакейской.

— Что жена вашего священника? Жива? Я и не спросилъ о ней за хлопотами въ Малаканцѣ...

— Жива! Легче стало отъ лекарствъ того барина-съ...

— Саддукѣева?

— Да-съ...

«Господи, подумалъ Рубашкинъ: — вотъ бы узнать Саддукѣеву что̀ тутъ дѣлается: пожалуй ста лѣтъ жизни мало будетъ, чтобъ все это пережить.»

Въ тоже мгновеніе, сквозь шумъ и гулъ въ залѣ, раздался опять женскій визгъ, а потомъ общіе крики: «Рѣжутъ, грабятъ!»

— А! пошолъ на приступъ Лазарь Лазарычъ! сказалъ совѣтникъ: — оно точно; съ моею властью я лучше останусь здѣсь послѣднею вашею, генералъ, надеждою...

Грекъ тихо вошолъ въ залъ, осмотрѣлъ присутствующихъ, намѣтилъ среди нихъ зеленые штаны и голубую куртку Рахилевича, кинувшаго пескомъ и золой въ глаза Тарханларову, и ни слова не говоря, подошолъ къ нему, обхватилъ его, поднялъ отъ полу и побѣжалъ съ нимъ изъ толпы въ сѣни. Визгъ и крикъ провожали его. Рахилевичъ, сдавленный на его груди, болталъ ногами, старался въ отчаяніи и безсиліи зацѣпиться обо что-нибудь, выбиться изъ его рукъ и даже нѣсколько разъ мѣтилъ укусить Лазаря Лазарыча за щеку, но тщетно. Бросивши съ крыльца Рахилевича къ Тарханларову, грекъ опять кинулся въ залъ. Онъ прыгалъ какъ кошка и бѣшено сверкалъ налитыми кровью и жолчью глазами. Тарханларовъ, принявши Рахилевича, велѣлъ его сейчасъ же связать чьимъ-то поясомъ и сталъ громко читать наставленія бывшимъ у него въ отрядѣ понятымъ. Эти послѣдніе, держа уже такого немаловажнаго плѣнника, какъ Рахилевичъ, хранили молчаніе. Сознаніе силъ и своего значенія къ нимъ

Digitized by Google

возвращалось. Шумъ въ залѣ снова усилился. Теперь тамъ гремѣлъ или скорѣе ревѣлъ безобразный женскій голосъ. «Бей его, стрѣляйте по немъ, стрѣляйте!» кричала Перебоченская: — «слышите? я все на себя беру!» — «Ружье въ кабинетѣ!» пугливо отвѣчалъ голосъ Кебабчи. «Палажка, Палажка! Гдѣ ты? Ружье принеси изъ кабинета! Убить этого разбойника! убить его!» — «Веревокъ!» не теряясь заревѣлъ толпѣ Лазарь Лазарычъ. Толпа не двигалась въ залѣ. Въ растворенныя двери отъ крыльца сюда заглядывали остальные понятые и также трусили. — «Да что же это, братцы?» отозвался въ смолкнувшей залѣ голосъ Ильи Танцура: «овцы мы что-ли? Надо исполнить приказъ его благородія! Вѣдь это царскіе чиновники...» — «Надо!» подхватилъ изъ-за плечъ другихъ Кирило Безуглый. — «Ахъ, вы мошенники, сволочь, бродяги!» крикнула имъ Перебоченская: «вотъ я отца твоего, Илюшка, вызову! Палажка, розогъ!» — Илья Танцуръ молча выскочилъ на крыльцо, за нимъ Кирило; они быстро пробѣжали къ конюшнѣ, потомъ опять въ домъ, неся веревки и возжи. «Да гдѣ же Палажка?» кричала между тѣмъ уже тише Перебоченская: — «гдѣ Палажка?» Въ залѣ вдругъ стало рѣдѣть. Дворня отступала на всѣхъ концахъ. Лазарь Лазарычъ съ кѣмъ-то боролся въ углу залы; между обѣденнымъ складнымъ столомъ и дверью въ коридоръ; пыль столбомъ поднималась тамъ отъ полу; это былъ опрокинутый грудью къ ребру стула Кебабчи. Раздалась послѣдняя усиленная возня и сдержанные мужскіе стоны: «Полноте, мусье, экуте! Что вы дѣлаете? Нетроньте меня, отпустите! Ой, пальцы, пальцы! Ногу скрутили, перелóмите! Слушайте, сто цѣлковыхъ дамъ...»

— Бассама-терéмте-те! бѣшено рычалъ на это, возясь надъ Кебабчи длинноусый грекъ.

Изъ сѣней на крыльцо показалась торжественная процесія. Шестеро дюжихъ понятыхъ, и впереди всѣхъ два есауловскихъ пріятеля, Илья и Кирило, красные и въ поту, вынесли связаннаго возжами прапорщика Кебабчи и положили его на крыльцѣ передъ Тарханларовымъ. Освобожденный отъ рукъ дѣвокъ и бабъ засѣдатель разсвирѣпѣлъ въ свой чередъ и съ понятыми изъ кучи буяновъ взялъ Хутченка, связавши и ему какимъ-то полотенцомъ назадъ руки. Между тѣмъ окончательно вошедшій въ ярость и дѣятельность грекъ рѣшительно преобразился: сыпалъ полурусскія, полугреческія ругательства, сверкалъ жол-

Digitized by Google

тыми бѣлками и съ пѣной у рта метался вездѣ, какъ тарантулъ. Изъ-подъ растегнутаго форменнаго сюртука у него Рубашкинъ замѣтилъ какую-то кожаную сумку и на перевязи будто кинжалъ; чуть ли даже кольчуга не померещилась на грекѣ генералу, хотя быть-можетъ кромѣ смиренныхъ помочей, да заношенной красной греческой фланелевой фуфайки на немъ ничего и не было. «Герой, Колокотрони да и баста!» невольно подумалъ генералъ Рубашкинъ, глядя на отчаяннаго грека изъ-за спины другихъ и будучи самъ въ свалкѣ сильно помятъ, храня разумный и спокойный нейтралитетъ.

— А, мерзавцы! А, ослушники! такъ вы за тѣхъ, кто не покоряется закону, не хочетъ знать чиновниковъ! кричалъ на дворню Лазарь Лазарычъ: — вы ослушивались его? и онъ указалъ на Тарханларова, стоявшаго у крыльца въ кругу окончательно-собранныхъ и готовыхъ теперь на все понятыхъ. Тутъ уже было ихъ человѣкъ подъ-сто.

— Маршъ всѣ въ кухню; вонъ до единой души изъ этого разбойничьяго дома! Обо всемъ донесется высшему начальству! Вонъ, собаки... басама-теремте-те!

Грекъ стукнулъ ногою по крыльцу, на которомъ охая лежалъ Кебабчи, и дворня, какъ стадо овецъ, бросилась кучами и въ разсыпную къ кухнѣ и людской.

— Что прикажете теперь дѣлать? съ особеннымъ, умышленнымъ почтеніемъ и даже раболѣпіемъ, спросилъ Лазарь Лазарычъ Тарханларова, вытянувшись и держа руки по швамъ: — приказаніе вашего высокоблагородія исполнено: гг. Рахилевичъ, Кебабчи и Хутченко арестованы; прикажете арестовать и г-жу Перебоченскую? Но смѣю еще прибавить, что эти два понятыхъ (онъ указалъ на Илью и на Кирилу) были главными и лучшими моими помощниками.

Тарханларовъ важно взошолъ на крыльцо. Грекъ почтительно спустился внизъ къ понятымъ. На дворѣ между тѣмъ темнѣло окончательно. Слова «арестовать Перебоченскую» произвели магическое впечатлѣніе на понятыхъ, мыслившихъ въ это время: «Неужели найдется та рука на свѣтѣ, чтобы могла покорить и эту бѣдовую барыню?»

— Сотскіе и десятскіе впередъ! скомандовалъ Тарханларовъ, Юпитеромъ рисуясь на площадкѣ крыльца.

Вызванные выступили къ крыльцу.

Digitized by Google

— Разборка тѣмъ изъ васъ, негодяи, кто опоздалъ и кто потомъ не слушалъ первыхъ моихъ приказаній, будетъ послѣ. Есауловскимъ понятымъ объявляю мою благодарность. Отчего такъ поздно сошлись понятые? Сотскіе! вашъ отвѣтъ.

— Мы отъ станового ничего не получали, а явились по вашимъ уже повѣсткамъ, ваше высокоблагородіе.

Тарханларовъ, желая еще болѣе придать силы своему опрокинутому было значенію, крикнулъ засѣдателю:

— Записать все это въ протоколъ! и прибавилъ: — отрядить часть понятыхъ на всю ночь въ здѣшній садъ, къ садовымъ окнамъ дома, а часть къ окнамъ въ дворъ. По два къ каждому окну! Лазарь Лазарычъ! Вы извольте принять этихъ гг. дворянъ подъ собственный вашъ надзоръ на ночь; надо бы ихъ посадить... куда-бы?

— Въ сарай-съ... сѣна туда можно принести для постелей.

— Нѣтъ, въ людскую... извольте ихъ посадить въ людскую! Господа! вы отдадите во всемъ отчетъ высшему начальству за ваше буйство, за возмущеніе понятыхъ и за поведеніе ваше противъ меня.

— Посмотримъ! сказалъ попрежнему развязно, хотя уже тише юный Рахилевичъ: — развѣ ошибиться нельзя было?

Дворянъ повели въ людскую. Вокругъ дома поставили густые караулы.

— Да нельзя ли насъ накормить ужиномъ, г. совѣтникъ? спросили дорогой, идя подъ арестъ, Кебабчи и Хутченко.

— Ужинъ вамъ, господа, будетъ послѣ, въ острогѣ! значительно перебилъ ихъ Тарханларовъ.

— Вотъ тебѣ и чи-чи-чи, ко-ко-ко! шепнулъ товарищамъ трухнувшій прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ прапорщикъ Кебабчи, когда грекъ ихъ запиралъ на ключъ въ людской и ставилъ возлѣ узенькихъ оконъ этой избы и у дверей особенно сильный караулъ, зорко обнюхивая каждое бревно и каждый уголъ. До нѣкоторыхъ вещей грекъ, какъ осторожный тараканъ въ поискахъ пищи, даже будто дотронулся носомъ и концомъ своихъ огромныхъ усовъ.

Самъ же Тарханларовъ, засѣдатель и Рубашкинъ, съ отборными стариками изъ понятыхъ, вошли въ домъ и узнали отъ знаменитаго дромадера Палажки, подъ предводительствомъ которой дѣвки было связали засѣдателя, что барынѣ дурно, и что

Digitized by Google

она заперлась въ спальнѣ. Чиновники предложили ей выйти къ нимъ и присутствовать при описаніи вещей, и когда она отказалась, стали сами производить опись. Рубашкинъ, все еще потирая себѣ сильно помятые въ суматохѣ бока и чьимъ-то сапогомъ оттоптанные мозоли, не захотѣлъ однако тотчасъ принимать дома съ прочей утварью, а попросилъ все опечатать и сдать пока на руки земской полиціи, т. е. засѣдателю съ сотскими, а Перебоченскую утромъ отсюда вывезти, по точному смыслу инструкцій губернатора. Домъ и мебель скоро были описаны. Пошли съ фонарями въ амбары, въ сараи, въ батрацкія избы, вездѣ. Описали и тамъ все, заставляя сотскихъ считать всякую движимость. Поляка-прикащика Жукотыньскаго понятые нашли полумертвымъ отъ страха гдѣ-то на чердакѣ птични. Онъ оказался тутъ же, по собственному признанію, безпачпортнымъ мѣщаниномъ изъ Польши, совершенно потерялся, сталъ просить о помилованіи, упалъ на колѣни, ломалъ себѣ руки, взывалъ къ Іезусу и Маріи и вызвался выдать все имущество Перебоченской. Тарханларовъ, видя эту жидкую на расправу личность, приказалъ есауловскому десятскому взять мнимаго шляхтича на веревочку, какъ бродягу и наглеца, солившаго цѣлому околодку, и въ назиданіе другихъ водить его такъ при описаніи имущества Перебоченской. Комнаты, сундуки, шкапъ и кладовыя наконецъ опечатали. Рахилевичъ въ окно вымолилъ позвать грека, доказалъ ему, что безъ папироски и безъ ѣды онъ умретъ, а что безъ ужина и самимъ чиновникамъ плохо будетъ спать, и настоялъ на томъ, что отыскали-таки въ общей суматохѣ повара хозяйки и заказали кое-какой ужинъ.

Залъ въ домѣ былъ обращенъ въ канцелярію. Изъ понятыхъ оказалось двое весьма грамотныхъ, именно тѣ же флейтистъ Кирило Безуглый и есауловскій садовникъ, Илья Танцуръ, помогавшіе арестовать сильнаго буяна Кебабчи. Тарханларовъ ихъ отрядилъ въ помощь засѣдателю писать копіи съ журналовъ, съ протоколовъ и съ извѣщеній и для переписки къ рукоприкладству по именамъ всѣхъ понятыхъ, которымъ совѣтникъ велѣлъ также приготовить ужинъ, и переписавши и накормивши ихъ, ни одного не отпускать отнюдь по домамъ. Садовникъ Илья Танцуръ, главный герой послѣ грека въ арестованіи Кебабчи, оказался грамотнѣе флейтиста, и засѣдатель предложилъ, чтобы онъ по отобраніи рукъ отъ понятыхъ, вездѣ за всѣхъ, какъ это

Digitized by Google

водится, и расписался. Тарханларовъ согласился. Перья заскрипѣли; понятыхъ переписали; они расположились у оконъ, у дверей дома и у людской. Дворня была также вся переписана по именамъ, и съ повѣшенными головами сошлась въ кухню шептаться о томъ, какихъ беззаконій они надѣлали сдуру и что съ ними будетъ. Грекъ предложилъ арестовать до утра и всю дворню барыни. Сперва было Тарханларовъ это отвергнулъ, но потомъ согласился, и у кухни поставили также караулъ. Перебоченская сидѣла между-тѣмъ въ спальнѣ, запершись тамъ съ горничною. Рубашкинъ подходилъ къ ея двери въ коридорѣ и смотрѣлъ въ замочную скважину. Барыня оказалась сидящею передъ столомъ на кровати. Она плакала; вѣрный стражъ ея, Палажка, стояла передъ нею и также плакала.

— Пойти бы однако къ ней! сказалъ Рубашкинъ, прогуливаясь по саду съ совѣтникомъ.

На дворѣ была уже ночь.

— Нѣтъ, пусть прежде подготовятъ остальныя бумаги. Я предложу ей скрѣпить всѣ описи ея рукою; если она откажется, то по закону, при особомъ объ этомъ протоколѣ, за нея подпишемъ мы, чиновники, и тогда посадимъ ее въ ея же тарантасъ и рано на зарѣ за конвоемъ вывеземъ съ этой земли...

— А какъ она опять ворвется сюда?

— Тогда вамъ останется обзавестись однимъ... именно пушками! сказалъ шутя Тарханларовъ, ощупывая между-тѣмъ рукою въ карманѣ брюкъ револьверъ: — и храбро отбиваться отъ нея, какъ отбивались тутъ недавно еще наши предки отъ предковъ нынѣ мирныхъ сосѣдей нашихъ татаръ! Едва я вывезу ее, мои полномочія кончатся... Но я надѣюсь, что теперь уже она сластся... Главные помощники ея разбиты и обезславлены въ глазахъ всѣхъ теперь на всегда!

Собесѣдники подошли къ краю сада, гдѣ стояла голубятня, знакомая Рубашкину. Генералъ напомнилъ объ этомъ Тарханларову.

— Отлично! Надо бы увидѣть однако эту Фросю! сказалъ совѣтникъ: — она лицо обиженное; нельзя ли отъ нея вывѣдать еще чего-нибудь объ имуществѣ взятомъ нами штурмомъ этой сатрапихи? Надо кликнуть грека!

Грека собесѣдники нашли у оконъ людской на стулѣ. Онъ сердито сопѣлъ и курилъ изъ длиннаго витаго чубука. Перего

Digitized by Google

воря съ совѣтникомъ, онъ изъ кухни въ садъ прислалъ съ сотскимъ требуемую Фросю.

— Не плачь, милая, ничего не бойся! скажи, какъ была эта исторія у тебя съ голубятней?

Горничная ободрилась и все расказала.

— Есть еще одно дѣло! прибавила она, пугливо озираясь.

— Что ты? Говори, не бойся.

— Коли на то пошло, ваше благородіе, знайте, все скажу. Пусть не стрямятъ насъ... барыня поѣдомъ заѣла всѣхъ...

— Ну?

— Барыня черезъ Палажку достала водки и караульныхъ возлѣ дома два раза уже поила. А сама Палажка съ какимъ-то-съ письмомъ барыни вышла сію минуту со двора, требовала лошадь тутъ у одного понятого съ повозкой, тотъ не далъ, и она пѣшкомъ полемъ куда-то пошла. Должно быть въ хутора за Лихой, а оттуда наймetъ подводу-съ...

— Спасибо тебѣ, душенька, сказалъ Тарханларовъ: — вотъ тебѣ цѣлковый. Ступай и все намъ говори, что еще узнаешь...

Фрося ушла.

— А! Каково! Вотъ вамъ и наши средства, наши силы въ подобной глуши! сказалъ совѣтникъ генералу, который между тѣмъ думалъ: «Однако же эта дѣвочка, тово... хорошо бы ее отбить у этого флейтиста, хоть онъ и помогъ тутъ намъ. Поселюсь, запущу глаза къ барынѣ на эту ягодку...»

Поднялась опять суматоха. Понятыхъ перебрали. Часть была уже навеселѣ. Ихъ замѣнили тѣми, которые были у амбаровъ. Лазарь Лазарычъ донесъ, что два батрака верхами ускакали также куда-то еще въ то время, какъ онъ вязалъ прапорщика Кебабчи.

— Гдѣ этотъ Жукотынскій? спросилъ Тарханларовъ.

— Въ погребѣ, въ подвалѣ, я его туда заперъ.

— Позовите его; надо начать переговоры съ барыней. Бумаги кончаются... Полякъ запуганъ, сталъ уже «падамъ до ногъ», то онъ на свою былую хозяйку можетъ произвести хорошее вліяніе...

Пошли съ фонаремъ къ подвалу. Часовые съ дубинками стояли у дверей, но полякъ тоже исчезъ...

— Э, да что же это наконецъ дѣлается? сказалъ Тарханларовъ — хвороста сюда! Разложите осторожно костры среди

Digitized by Google

двора. Свѣтлѣе и дальше будетъ по двору видно. Фонарей сюда къ крыльцу. Какъ тебя звать, садовникъ?

— Илья Танцуръ...

— Ну, отбирай руки у понятыхъ. Зови ихъ сюда частями. Слушайте о томъ, что вы будете подписывать...

Тарханларовъ шепнулъ Ильѣ, чтобъ тотъ поговорилъ съ понятыми и приказалъ засѣдателю громко прочесть формальные акты всему ходу дѣла, первому появленію чиновниковъ въ этомъ дѣлѣ, буйству хозяйки и ея знакомыхъ дворянъ, аресту ихъ и главное сопротивленію властямъ и оскорбленію совѣтника и другихъ чиновниковъ, во время отправленія ими своихъ обязанностей. Понятые выслушали. Илья съ Кирилой уговаривали ихъ слушаться совѣтника и не бояться никого.

— Такъ все тутъ написано, какъ было?

— Такъ... точно такъ, ваше высокоблагородіе...

— Давайте руки Ильѣ Танцуру.... Согласны? Вы его знаете и вѣрите ему?

— Согласны, знаемъ его и вѣримъ ему...

Понятые вздыхая и почесываясь дали руки. Илья за нихъ подписалъ акты. Призваны были другіе изъ понятыхъ, всѣ сотскіе и десятскіе. Подписали наконецъ всѣ.

Къ Тарханларову подошла какая-то плачущая баба въ платкѣ и объявила, что барыня проситъ его къ себѣ въ спальню. Совѣтникъ попросилъ Рубашкина, засѣдателя и грека ждать въ залѣ и явиться къ нему по первому зову, а самъ пошолъ къ хозяйкѣ.

Онъ засталъ ее на диванѣ. Лампадка слабо освѣщала комнату; свѣчки въ комнатѣ не было уже. Со стула возлѣ Перебоченской поднялся какой-то толстый, черномазый человѣкъ, родъ мѣщанина.

— Это кто?

— Извините, что безъ васъ я приняла его: — это есауловскій прикащикъ пришолъ меня провѣдать бѣдную. Романъ Танцуръ...

— Кто же тебя сюда пропустилъ? спросилъ Тарханларовъ думая: «Какъ это все дѣлается тутъ? Горничная ушла мимо сторожей; явилась къ плѣнницѣ снова посторонняя баба, а тутъ этотъ прикащикъ!..»

Digitized by Google

Романъ Танцуръ смолчалъ, смиренно потупившись, и только поклонился.

— Господинъ совѣтникъ, начала жалобно Перебоченская и встала, судорожно потрясая ридикюлемъ: — мы здѣсь одни...

— Что вамъ угодно?

— Вотъ-съ, возьмите триста цѣлковыхъ... прекратите дѣло.

— Что вы, сударыня! опомнитесь!..

— Возьмите тысячу! Вотъ, вотъ... возьмите...

Перебоченская дрожащими руками стала наскоро вынимать изъ ридикюля пачки депозитокъ.

— Вы снова оскорбляете меня, сударыня! Я долженъ донести и объ этомъ...

Ридикюль упалъ изъ рукъ барыни.

— Романъ, притвори на ключъ двери! шепнула барыня прикащику и кинулась изъ-за стола.

Ключъ щелкнулъ. Совѣтникъ хотѣлъ крикнуть, полагая, что его сейчасъ убьютъ, и выхватилъ изъ кармана револьверъ.

— Оставьте... Ни шагу съ мѣста! сказалъ онъ и взялъ за грудь Романа.

— Что вы, что вы! вскрикнула барыня: — Я не то! Я на колѣни передъ вами, какъ передъ Богомъ! Двѣ тысячи, пять... если хотите...

Она упала въ ноги совѣтнику и чепцомъ стукнулась объ полъ.

— Баринъ, сжальтесь надъ Пелагеей Андреевной! прибавилъ изъ угла блѣдный, какъ стѣна, Романъ Танцуръ.

Въ умѣ Тарханларова соблазнительно мелькнула сумма: пять тысячъ... Но разбитый високъ и запорошенные, все еще болѣвшіе глаза напомнили ему объ испытанныхъ имъ за часъ неслыханныхъ оскорбленіяхъ. — «Пустое! Эти деньги мнѣ можетъ дать и самъ Рубашкинъ, какъ оправится при случаѣ!» быстро добавилось у него въ умѣ, а память подсказала, что въ свалкѣ кто-то еще ухватилъ его даже за шиворотъ и чуть ли наконецъ онъ не получилъ толчка по шеѣ. — «Нѣтъ! рѣшилъ онъ быстро: — все надо сдѣлать гласнымъ! И публиковать объ этомъ арестѣ буяновъ, взятыхъ почти на абордажъ, слава будетъ не послѣдняя по службѣ; да не безъ того, что и они при слѣдствіи станутъ откупаться!» прибавило соображеніе совѣтника.

Digitized by Google

— Господа! крикнулъ Тарханларовъ засѣдателю и генералу изъ спальни, возвышая голосъ: — господа! пожалуйте сюда!

Перебоченская билась головой объ полъ и ловила совѣтника руками и губами за ноги. Онъ однако шагнулъ къ двери, отперъ ее, сказалъ прикащику: — «А ты, негодяй, уноси отсюда пятки, да забудь навѣки что слышалъ тутъ, а иначе и тебя я привлеку къ слѣдствію! за твоего сына только тебѣ и прощаю!» и выскочилъ изъ коридора въ залъ, откуда готовился ему на подмогу оставленный арьергардъ. Лазарь Лазарычъ, заслыша его голосъ, выскочилъ на крыльцо и звалъ опять попятыхъ, сотскихъ и десятскихъ. Въ двухъ словахъ передалъ Тарханларовъ Рубашкину о свиданіи своемъ съ Перебоченской, остановилъ распоряженія грека, взялъ только еще двухъ-трехъ надежныхъ понятыхъ, и всѣ вошли въ спальню хозяйки. Романа Танцура тамъ уже не было. — «Какъ бы однако арестовать ея деньги?» подумалъ Тарханларовъ и сказалъ грозно, подступая къ барынѣ:

— Сударыня! пожалуйте ваши деньги! мы должны ихъ также арестовать для расчета вашего съ владѣльцемъ имѣнія... Сколько у васъ на лицо имѣется денегъ?

— Денегъ? спросила изумившись барыня: — у меня денегъ нѣтъ...

Кинулись къ ея ридикюлю, осмотрѣли комодъ, всѣ углы: деньги исчезли. Или они провалились сквозь землю, или переданы были въ окно, во время краткаго отсутствія совѣтника изъ спальни, или ихъ унесъ есауловскій прикащикъ.

— Знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю! отвѣтила спокойно Перебоченская на новый распросъ о деньгахъ, поправляя чепецъ и принявши опять видъ щедушной пищенки: — я давно разорена-съ... и денегъ въ домѣ не имѣю и ста рублей!

Осмотрѣли окно. Оно было плотно затворено и приперто снаружи ставней. Послали въ погоню за исчезнувшимъ приказчикомъ, но не догнали и его. — «Бросьте теперь его; нечего его болѣе звать сюда! рѣшилъ совѣтникъ: — запрется также навѣрное во всемъ, а деньги, если ихъ увезъ, сумѣетъ спрятать!» Внесли въ спальню свѣчи. Грекъ еще перешарилъ всѣ углы, въ печку даже подъ заслонки заглядывалъ. Усы его шевелились, какъ у таракана. Мозолистыя руки дрожали. Кусокъ красной фуфайки выглядывалъ изъ-за подъ жилета, а на затылкѣ торчали завяз-

Digitized by Google

ки съѣхавшей на бокъ машинки. Сумма, которую видѣлъ совѣтникъ, исчезла. Въ комодѣ однако нашли въ мѣшочкѣ горсти двѣ мѣдныхъ денегъ, часть серебра и двѣ депозитки по пятьдесятъ цѣлковыхъ. Грекъ поднесъ ихъ къ свѣчѣ и крякнулъ. Понятые не отходили отъ него.

— Гм! Медвѣжьи, фальшивыя-съ, изъ Нахичевани... Гдѣ, сударыня, взяли вы ихъ? спросилъ грекъ, бѣшено вращая бѣлками и подзывая знаками Тарханларова.

— Мало ли откуда попадутъ. Для косарей мелочь держала я; должно-быть отъ сгощиковъ какихъ съ Черноморья завезли...

— А вы видѣли, что я точно эти асигнаціи изъ этого комода вынулъ? спросилъ грекъ понятыхъ.

— Видѣли! мы и развязывали мѣшочекъ! отвѣтили понятые.

Грекъ показалъ депозитки Тарханларову. Совѣтникъ этой находки велѣлъ составить также актъ, хоть этому на первый разъ онъ мало повидимому приписывалъ важности, среди другихъ событій того дня и вечера. Фальшивыхъ асигнацій тогда множество ходило въ томъ околоткѣ и розыски о нихъ даже приѣлись чиновникамъ. Совѣтникъ болѣе всего раздумывалъ о тайныхъ гонцахъ барыни, прорвавшихся куда-то съ ея письмами, и это его очевидно безпокоило. Лазарь Лазарычъ одинъ сразу сильно задумался надъ случайною находкой и молча прошолъ въ залъ. Тамъ онъ сталъ шептаться съ Рубашкинымъ.

— Да! повторилъ генералъ, кончая греку разсказъ обо всемъ, что слышалъ прежде мелькомъ касательно скораго обогащенія Перебоченской, на покупкѣ гуртовъ въ Черноморіи и на ея сношеніяхъ съ есауловскимъ прикащикомъ: — я и самъ полагаю, что чуть ли это не новая исторія; и мнѣ кажется, что этотъ Романъ Танцуръ и Перебоченская лѣтъ десять назадъ навѣрное прихватили, въ свою поѣздку въ Нахичевань, значительную сумму этихъ медвѣжьихъ асигнацій...

— Я это все зарублю у себя на носу! сказалъ Ангелъ: — а вы знаете, какъ мой греческій носъ еще длинеетъ, несмотря на то, что я значительно обрусѣлъ на новой моей родинѣ...

Писавши копію съ акта о найденныхъ депозиткахъ для немедленнаго извѣщенія объ этомъ губернатора и жандармскаго

Digitized by Google

генерала, сильно задумался надъ бумагой этой и есауловскій садовникъ, Илько Таицуръ.

Тарханларовъ оставилъ Перебоченскую, которая разумѣется отказалась отъ всего и не подписала ни одной изъ прочтенныхъ ей бумагъ. Онъ попросилъ ее только не покушаться на что-нибудь противозаконное, и оставилъ ее до утра, лично еще разъ съ другими осмотрѣвши, припугнувши и ободривши караулы.

Чиновники и генералъ наскоро поужинали и бивакомъ, на притащенномъ въ залъ сѣнѣ, легли въ повалку спать. Къ генералу подошолъ засѣдатель впотемкахъ и стоя въ одной рубахѣ сказалъ:

— Меня дѣвки было осилили, связали... просто срамъ-съ!.. Теперь вы здѣсь водворяетесь: не оставьте меня, генералъ, вашими милостями... Жена, дѣти; хозяйствишко тоже есть... Помилуйте, когда за эту барыню всѣ стоятъ. Да и сама того гляди въ морду съѣздитъ...

Онъ говорилъ что-то долго.

Въ лакейской на стѣнѣ пробило два часа почи. Огни вездѣ погасли. Часовые лежали по назначеннымъ мѣстамъ въ саду и на дворѣ кучами, или прохаживались и перекликивались, какъ на сторожевыхъ форпостахъ казаки, ожидая нападенія на степныя пикеты киргизовъ или коканцевъ. А Рубашкинъ, долго не засыпая и потирая бока и мозоли думалъ: «кой-чортъ однако занесъ меня въ эту глушь! Какъ я могъ такъ скоро подать въ отставку, бросить выгодную службу! Чѣмъ я тутъ вознагражу былое, теперь далекое? И какъ я могъ такъ вдругъ рѣшаться? Сорокъ лѣтъ служилъ, былъ дѣльнымъ человѣкомъ, добился тамъ почету... всего... уваженія... и вдругъ! Да и проклятое же время! Сколькихъ оно подмыло такъ и осрамило... Мальчишки! Взрослыхъ какъ надуваютъ прогресомъ... И что подумаютъ теперь обо мнѣ въ Петербургѣ, какъ узнаютъ все? Вотъ тебѣ и степи, и областная практика!»

II

СТОЙТЕ, Я НЕ ПОЗВОЛЯЮ!

Зажглась блѣдная заря.

Едва Тарханларовъ и Рубашкинъ успѣли проснуться, заку-

Digitized by Google

рить въ постеляхъ папироски и разговорились, какъ у крыльца раздался стукъ телѣжки и вошолъ становой, молодой человѣкъ, совершенно бѣлокурый, съ красными золотушными глазками и въ голубомъ галстухѣ, хотя и въ форменномъ сюртукѣ. Онъ вѣжливо раскланялся передъ Тарханларовымъ, который въ полусвѣтѣ едва его разглядѣлъ.

— Что вамъ?

— Я становой-съ.

— Отчего вы вчера не прибыли?

— Я повѣстки вашей не получилъ, а былъ на слѣдствіи о вскрытіи тѣла и о поджогахъ, съ г. исправникомъ. Онъ поручилъ по долгу службы просить васъ приостановиться здѣсь съ дѣломъ о выводѣ изъ имѣнія г-жи Перебоченской.

— Вашъ исправникъ два дня какъ уже отрѣшонъ мною отъ должности! сказалъ совѣтникъ, приподнимаясь подъ одѣяломъ, пока другіе одѣвались: отчего вы до сихъ поръ не оказали содѣйствія по дѣлу г. Рубашкина?

— Исправникъ это дѣло велетъ самъ-съ... Притомъ же и г. предводитель злѣшняго уѣзда ждетъ теперь въ Есауловкѣ отвѣта также отъ васъ: угодно ли вамъ оставить этотъ домъ и прекратить слѣдствіе?

Совѣтникъ вскочилъ.

— Это наконецъ изъ рукъ вонъ! Какъ вы осмѣливаетесь передавать мнѣ такія порученія? вы здѣшняя земская власть, вы слѣдовательно мой подчиненный. Какъ вы смѣете шутить со мною? Вы забываетесь, я васъ подъ-судъ отдамъ... я... — Тарханларовъ разгремѣлся.

Становой ошалѣлъ и началъ какъ говорится «у волка глазъ занимать», поглядывая на присутствующихъ и глупо играя часовою цѣпочкою.

— Это все-съ предводитель и исправникъ-съ...

— Онъ въ Есауловкѣ? Давно? Онъ точно поручилъ вамъ все это мнѣ передать?

— Ахъ, да! забылъ еще-съ. Вотъ вамъ отъ него, отъ князя-съ письмо.

Тарханларовъ взглянулъ въ письмо и расходился еще болѣе.

— Господа! это наконецъ безуміе! Слушайте что предводитель пишетъ мнѣ. Онъ родня что-ли владѣтелю Есауловки?

— Племянникъ его! подсказалъ Рубашкинъ.

Digitized by Google

— Слушайте же что онъ пишетъ.

«Милостивый государь! васъ и все губернское правленіе ввели въ заблужденіе насчетъ личности почтенной дворянки здѣшняго уѣзда, подпоручицы Пелагеи Андреевны Перебоченской. Прошу васъ поэтому избавить ея домъ отъ ретивости вашихъ чиновниковъ. Бѣлое чернымъ всегда можно представить; а васъ, какъ благороднаго человѣка, обманываютъ. Еще разъ прошу васъ остановить слѣдствіе и выводъ изъ этого имѣнія дворянки Перебоченской. Я все беру на себя. Иначе я вынужденъ буду, какъ ближайшій защитникъ мѣстнаго дворянства, прибыть въ усадьбу Конскаго-Сырта, лично приостановить ваши дѣйствія и обо всемъ особо донести высшему начальству. Конскій-Сыртъ русская помѣщичья деревня, а не кокапское кочевье, и мы съ вами не калмыцкіе наѣздники. Надо и на самой службѣ помнить съ кѣмъ имѣешь дѣло.»

Рубашкинъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Въ головѣ его опять упорно замелькали и зарябили разныя былыя петербургскія убѣжденія: сила закона, святость долга, честь сословій и еще какія-то новыя слова: равенство всѣхъ передъ судомъ, мѣстное самоуправленіе, земство. Остальные слушатели стояли также озадаченные донельзя.

— Вотъ вамъ, господа, что значитъ эта смѣсь властей, вѣдомствъ, привилегій и всякихъ перегородокъ и границъ! сказалъ Тарханларовъ: — вы, генералъ, осилили своею правотою судъ, уѣздную и губернскую полицію, добыли себѣ въ защиту главнаго чиновника изъ мѣстной администраціи, онъ все распуталъ, обличилъ, и что же? является совершенно-посторонее лицо и говоритъ: «довольно! я не хочу, чтобъ правда отыскалась!» и я долженъ бросить снова все...

На щекахъ его обозначились багровые кружки.

— Что прикажете донести его сіятельству? уныло спросилъ сбоку становой: — и что прикажете дѣлать-съ мнѣ самому?

— Вамъ совѣтую расти, умнѣть, приучаться къ труду, къ дѣлу... а ему? Тьфу, господа, я начинаю глупѣть! теряю всякое сознаніе! Слышали вы? я ему говорю: не ваше дѣло... а онъ? Хорошихъ становыхъ назначаютъ! и все эти протекціи! Вамъ бы въ классныя дамы, молодой человѣкъ, въ женскій институтъ поступить, а не въ становые на низовьяхъ Волги. Васъ бы я долженъ смѣнить; но вы такъ наивны, что вѣроятно и не пой-

Digitized by Google

мете за что это! Оставайтесь; только будьте на будущее время осторожнѣе.

Становой глупо поклонился.

Вошолъ Лазарь Лазарычъ и отозвалъ совѣтника и Рубашкина въ сторону.

— Я посадилъ на тройку Кебабчи и Рахилевича и рано на зарѣ отправилъ ихъ въ острогъ, а Хутченка подъ домашній арестъ въ городъ въ полицію; и послалъ отъ лица вашего объ этомъ нужныя отношенія къ кому слѣдуетъ.

— Отлично! Хоть вы мнѣ помогаете. Благодарю васъ: безъ васъ бы и я тутъ ошалѣлъ. А этотъ засѣдатель — пѣшка... Хорошихъ выбираютъ, нечего сказать!

Совѣтникъ передалъ греку предложеніе предводителя; тотъ метнулъ бѣлками на станового и окончательно сконфузилъ молодого человѣка.

— И это земская полиція, надежда цѣлаго околотка! сказалъ шопотомъ грекъ: — неужели вы его отпустите въ Есауловку къ предводителю?

— Онъ глупъ, совершенный мальчишка! Пусть себѣ ѣдетъ!

Тарханларовъ послалъ станового къ предводителю съ такимъ отвѣтомъ:

— «Приостановить своихъ дѣйствій надъ дворянами Кебабчи, Хутченко и Рахилевичемъ, а равно и надъ Перебоченскою я не могу, по долгу службы и присяги; объ ихъ проступкахъ и преступленіяхъ составлены особые акты и безотлагательно посылаются по начальству. Къ этимъ же актамъ присоединится и письмо вашего сіятельства, доказывающее, что вы, предводитель, всему потакаете и рѣшаетесь наконецъ мнѣ грозить, что остановите высшаго чиновника въ отправленіи ввѣреннаго ему слѣдствія надъ нарушителями общественнаго спокойствія и порядка.»

Не успѣлъ становой скрыться, не успѣли слѣдователи побояться, напиться чаю и распорядиться объ очисткѣ зала отъ ночлега и о приготовленіи тарантаса для выѣзда изъ дома хозяйки, какъ въ ворота двора влетѣлъ во всю конскую прыть шестерикомъ вороно-пѣгихъ новый экипажъ, и въ немъ въ уланскомъ безсрочномъ мундирѣ оказался князь-предводитель.

— Стойте, я не позволяю! Собрать сюда понятыхъ! запаль-

Digitized by Google

чиво крикнулъ онъ, еще стоя въ коляскѣ, и вышелъ изъ нея нетерпѣливо, гремя саблею по ступенямъ крыльца.

Изъ сѣней показался Тарханларовъ. Соцкіе заметались, не зная снова кого слушаться. Въ глазахъ ихъ пошли какіе-то кружки: то золотая каска, сабля и шпоры имъ хорошо извѣстнаго богача и сосѣда, кавалериста-предводителя; то болѣе скромный видъ губернскаго чиновника, его зеленый воротникъ и потертый сюртукъ, безъ всякихъ внушающихъ уваженіе касокъ и сабель. Не трудно было сдѣлать выборъ между этими двумя лицами соцкимъ и вновь созваннымъ къ крыльцу понятымъ, какъ людямъ совершенно простымъ и всегда зависящимъ отъ властей ближайшихъ. Они думали, пока предводитель ходилъ по крыльцу и разлавалъ новыя приказанія, отмѣнявшія распоряженія совѣтника:

— «Тамъ этотъ чиновникъ хоть и изъ губерніи присланъ и засѣдателемъ даже помыкаетъ, а пока до губерніи, то этотъ бѣдовый предводитель коли не шею поколотитъ, такъ цѣны сбавитъ у себя же намъ на уборкѣ пшеницы и вездѣ, а онъ цѣну первый кладетъ по своему богатому имѣнію.»

— Что вамъ угодно, князь? спросилъ появившись весь блѣдный отъ негодованія и волненія Тарханларовъ: — опомнитесь, не погубите себя и меня... Одумайтесь, что вы дѣлаете; вы вѣроятно неопытны и законовъ не знаете.

— Все знаю! отвѣтилъ бѣшено и глухо предводитель, сѣдлая носъ лорнетомъ и даже не взглянувши на Тарханларова: — я не позволю попирать всякому... права сословій... дворянъ... и... и.

Князь вертѣлся. Нижняя губа его дрожала; сабля звякала объ полъ крыльца.

— Вы забываетесь, князь! злобно шепнулъ совѣтникъ.

Князь презрительно поглядѣлъ на него черезъ погончикъ эполета и промолчалъ. Кромѣ ихъ двухъ на крыльцѣ никого не было.

— Плевать я хотѣлъ на всѣхъ вашихъ крючковъ! сказалъ князь, и тутъ же на землю плюнулъ съ крыльца.

— Мальчишка! прошипѣлъ совѣтникъ, сжимая кулаки и отворачиваясь къ сторонѣ амбаровъ.

Пѣтухи звонко заливались по задворью.

— Бюрократическая пьявка! сказалъ будто про себя князь, посвистывая и также поглядывая кругомъ.

Digitized by Google

— Такъ вы меня полагаете втоптать въ грязь? произнесъ совѣтникъ.

— Важная птица!

— Хорошо же-съ. Теперь берегитесь.

— Посмотримъ, экія угрозы. Vogue la galère! и я не безъ силы здѣсь.

Князь въ домъ не пошолъ. Изъ сѣней явились перепугапный Рубашкинъ, засѣдатель и грекъ. Къ крыльцу, съ понурыми головами, между тѣмъ понемногу сошлись снова понятые и дворня.

— Сходите за Пелагеей Андреевной! сказалъ предводитель засѣдателю, узнавши его, а на другихъ не обращая вниманія: — скажите ей, чтобъ ничего не боялась и что я здѣсь! Понимаете?

Перебоченская явилась съ ридикюлемъ и въ томъ же убогомъ чепцѣ. Она всхлипывала. Глазки ея слезились.

— Пелагея Андреевна, сказалъ князь, становясь въ торжественную позу, отдувая грудь и сквозь лорнетъ глядя на Тархапларова, какъ смотритъ морякъ за семь миль на темную точку въ морѣ: — здѣсь вышли недоразумѣнія! Я получилъ ваши письма, и обо всемъ донесъ вчера-же еще губернатору и далѣе. Не стоитъ вамъ дѣйствительно оставаться въ этомъ домѣ; васъ эти господа не оставятъ въ покоѣ.

— Послушайте однако! перебилъ Рубашкинъ: — я не ожидалъ, чтобъ ваше сіятельство...

— А я, извините, не ожидалъ, чтобъ ваше превосходительство...

— Такое вмѣшательство со стороны вашего сіятельства...

— Такое посягательство на спокойствіе больной дамы и дворянки со стороны вашего превосходительства...

— Гдѣже она больная? докажите!

Князь поморщился и сказалъ:

— Ну, генералъ, объ этомъ насъ разсудятъ въ собраніи нашего сословія... и продолжалъ, обращаясь къ Перебоченской: — я беру васъ нетолько подъ свою защиту, но за честь для себя считаю предложить пока вамъ и свой домъ. Никто при мнѣ здѣсь, даю вамъ честное слово, не помѣшаетъ вамъ открыть ваши ящики, сундуки и кладовыя, такъ нагло опечатанные, и взять оттуда все что вы захотите. Земля положимъ принадлежитъ г. Рубашкину; оставьте ему зато всѣ строенія; хоть вы и

Digitized by Google

правы, я въ томъ совершенно увѣренъ. А остальное берите все, все — оно ваше.

— Вы вмѣшиваетесь въ дѣла судебныя! перебилъ его Рубашкинъ, также отдувая грудь и принимая журавлиныя позы.

— Согласны вы на это? спросилъ предводитель Перебоченскую, будто не слыша генерала.

— Согласна–съ, но мнѣ бы надо взять еще тутъ мебели: вотъ бюро, кресла, зеркала; притомъ же въ амбарахъ мука есть свѣжая... веревки, ну и прочее.

— Ну–съ, это уже послѣ, это лишнее! рѣзко замѣтилъ предводитель барынѣ.

— Согласна–съ, ваше сіятельство... въ такомъ случаѣ согласна–съ... отчего же!

— Въ такомъ случаѣ пожалуйте лично со мною; берите ваши вещи, срывайте печати... Я самъ ихъ сорву!

Предводитель пропустилъ въ домъ Перебоченскую, а самъ, обратившись къ совѣтнику, спросилъ съ улыбкой:

— Вѣроятно протестуете, а?

— Да, протестую и не дозволю. Слѣдствіе кончено и всѣ акты подписаны; понятые дали руки. Вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло, вы посягаете и на власть судебную, и на административную полицейскую, не имѣя ни той, ни другой... Генералу велѣно сдать все. Прошу васъ еще разъ не вынуждать меня къ крайнимъ мѣрамъ и противъ васъ.

— Противъ меня? спросилъ князь и ухватился за саблю.

— Да, противъ васъ! гаркнулъ молодчина совѣтникъ.

Тарханларовъ дрожалъ отъ злости.

— Вы дали руки, ребята? спросилъ князь понятыхъ.

— Дали.

— Это все я объявляю недѣйствительнымъ. Слѣдствіе произведено умышленно, а подписано такимъ лицомъ, которое само не имѣетъ права быть свидѣтелемъ.

— Кѣмъ же–съ? спросилъ совѣтникъ.

— Воротившимся изъ бѣговъ, послѣ двѣнадцатилѣтняго отсутствія, сыномъ есаулóвскаго прикащика, Ильей Танцуромъ. Его отецъ самъ проситъ обратить на это вниманіе слѣдователей, а вы не обратили.

Тарханларовъ оглянулся на Рубашкина и Лазаря Лазарыча.

— Онъ воротился добровольно, а убѣжалъ еще несовершен-

Digitized by Google

нолѣтнимъ! сказалъ Рубашкинъ: — и самъ его отецъ явилъ его въ земскій судъ и принялъ обратно въ составъ деревни, гдѣ онъ и приписанъ уже болѣе полугода.

— Генералъ! вскрикнулъ запальчиво предводитель: — вы тутъ не судья; будьте довольны тѣмъ, что васъ водворятъ наконецъ въ домѣ и въ имѣніи, которое къ вамъ какъ съ неба упало, а я свое дѣло знаю. Понятые по домамъ!

— Я знаю тоже одну вещь, ваше сіятельство, и знаю твердо! отвѣтилъ Рубашкинъ: — дорого вы впослѣдствіи дадите, чтобъ ничего этого не было вами сдѣлано и сказано, но будетъ уже поздно!

— Дудки-съ, дудки! повторялъ съ хохотомъ князь, ломаясь и лорнируя понятыхъ: — Что, братцы, шепчетесь? По домамъ! гаркнулъ онъ снова: — слышите? по домамъ... я васъ распускаю.

Понятые пошли въ разсыпную.

Предводитель направился въ домъ и тотчасъ же съ Перебоченской приступилъ къ вскрытію опечатанныхъ засѣдателемъ замковъ и ящиковъ. Къ дѣвичьему крыльцу подвезли тарантасъ барыни и еще двѣ подводы, и стали ихъ нагружать разнымъ хламомъ.

— Пропалъ же ты бѣднякъ князекъ! сказалъ засѣдатель, стряпая новый актъ о перерывѣ слѣдствія.

— Сомнительно! рѣшилъ о томъ же разсуждая грекъ: — положимъ всѣмъ будетъ нахлобучка! Ладно, гуть и зверъ гуть, да чтоже изъ того? Въ главномъ-то все-таки и эти господа навѣрное будутъ отписываться отъ десятка всякихъ комиссій и комиссій надъ комиссіями, до скончанія дней своихъ, какъ это дѣлаютъ и другіе.

— Я сдѣлалъ все что могъ! сказалъ разбитымъ и усталымъ голосомъ Тарханларовъ, утирая щоки и лобъ: — болѣе ничто не въ моихъ силахъ! Она уѣдетъ, мое слово сдержано... за симъ увольте меня отъ дальнѣйшихъ хлопотъ. .

— Благодарю васъ отъ души!

— Теперь и для меня подпишите послѣднюю бумагу... о самовольствѣ предводителя...

— Извольте!

— Соцкіе! Собирайте и мнѣ лошадей!

— Готовы-съ... давно собраны...

Digitized by Google

— Кто велѣлъ?

— Я! отозвался грекъ: — на всякій случай еще къ утру я велѣлъ ихъ припасти, боясь, чтобъ эти Кебабчи, Рахилевичъ и Хутченко не отбились дорогой отъ конвоя и не явились бы сюда съ цѣлой арміей себѣ подобныхъ! Вѣдь это дѣло тутъ также возможное...

— Какъ вы думаете, они скоро доѣдутъ до острога?

— Скоро. Теперь власти задвигались. Въ острогъ посадятъ и Хутченко: онъ дорогой попросилъ у одного изъ провожатыхъ хлѣба, тотъ сталъ рѣзать на перевалѣ, а Хутченко ножъ у него выхватилъ, да и ну имъ фехтовать. Насилу и его одолѣли! Хотѣлъ отбиться и уйти...

Тарханларовъ бережно сложилъ всѣ бумаги въ портфель и взялся за шапку.

— Счастливо оставаться на сельскомъ хозяйствѣ! сказалъ онъ Рубашкину: — вообще деревенскій воздухъ иногда дорого достается.

— Куда же вы? Погодите еще, чтобъ хоть они при васъ выѣхали...

— Не хотѣлось бы еще разъ встрѣтиться съ этимъ князькомъ-уланчикомъ. Ну да нечего дѣлать, останусь для васъ. А если онъ еще скажетъ дерзость, я и уши ему выдеру. Что ихъ щадить! Или отведу въ сторону, да и поколочу безъ свидѣтелей. Шолковый тогда будетъ. Знаете поговорку: въ морду — и полюбитъ! Пойдемте въ садъ. Посмотримъ какъ наконецъ выѣдетъ барыня эта, что десять лѣтъ тутъ жила своевольно, подъ видомъ мнимой болѣзни. О Бедламъ, Бедламъ!

Черезъ часъ предводитель и Перебоченская уѣхали. Послѣдняя призывала своихъ нанятыхъ людей изъ дворни, всѣхъ разочла, объявила имъ, что они наконецъ свободны, а что она по гробъ разорена и убита. За полчаса до ихъ отъѣзда, къ изумленію генерала и чиновниковъ, съ земли Конскаго-Сырга погнали гурты скота, табунъ лошадей и всѣхъ овецъ. Батраки изъ собственныхъ крѣпостныхъ людей барыни успѣли нагрузить нѣсколько возовъ мукой, зерномъ, бочками солонины, медомъ, кожами, мебелью и прочимъ.

— Вотъ вамъ и разочли васъ съ нею по неоплаченной десятилѣтней арендѣ! сказалъ Тарханларовъ, гуляя съ Рубашкинымъ въ саду и куря сигару: — шутка ли, вмѣшался въ дѣло,

Digitized by Google

порученное мнѣ по указу губернскаго правленія, вмѣшался въ рѣшонный пскъ по неоплаченной арендѣ двухъ тысячъ земли, за десять лѣтъ...

— Ничего, хоть уголъ теперь у меня благодаря вамъ есть! Я и этимъ доволенъ! Прахъ побери остальное. Начать же вести дѣло по новымъ апеляціямъ, такъ и жизни моей не хватитъ... Стану хозяйничать и на этомъ...

— Какое ничего! Да весь этотъ скотъ, лошади и овцы по-настоящему ваши. Вѣдь это проценты на проценты, доходъ на доходъ съ этой же земли! Вѣдь это всѣ знаютъ; она явилась сюда безъ гроша денегъ...

Подошолъ грекъ.

— Что, г. Ангелъ? Что вы намъ скажете новаго?

— Уѣхали. Пожалуйте въ домъ!

— Только-то? Въ опустошонный?

— Пока не больше.

— Какъ пока?

— Именно-съ. У меня бродятъ разныя знаете новыя мысли въ головѣ; ну, да и у нихъ въ головѣ тоже вѣрно есть что-то... Призвали передъ отъѣздомъ сына есауловскаго прикащика, что былъ вчера въ попятыхъ и такъ отлично помогъ намъ повершить все дѣло, шептались съ нимъ долго, потребовали потомъ его отца, бумаги и пера, и я видѣлъ въ окно съ дѣвичьяго крыльца, какъ старуха сама что-то писала, а диктовалъ предводитель. Прикащикъ же все говорилъ и размахивалъ руками...

— Что бы это было? Г. Тарханларовъ, вытребуйте сюда къ допросу этого прикащика, допытайтесь что это такое? сказалъ Рубашкинъ.

— Э, нѣтъ! Теперь уже баста, надоѣло-съ и мнѣ, господа! Я все свое сдѣлалъ, а болѣе ни-ни. Перебоченская уѣхала. Засимъ, Адріанъ Сергѣичъ, до свиданія снова! Надѣюсь, что я все исполнилъ, о чемъ мы условились въ городѣ?

Тарханларовъ отказался даже отъ обѣда и уѣхалъ съ Лазаремъ Лазарычемъ, а засѣдатель остался сдавать окончательно генералу по описи имѣніе и усадьбу, брошенныя Перебоченскою. Для этого приглашены были въ свидѣтели оба есауловскіе священника и еще какой-то сосѣдній, поволжскій однодворецъ. Описывали опять то, что осталось послѣ наѣзда князя, до обѣда другого дня, причемъ священники оказались въ явномъ

Digitized by Google

разладѣ и другъ съ другомъ ничего не говорили, а однодворецъ съ засѣдателемъ все пугливо о чемъ-то шептались и пили наливку. Понятна была вражда священниковъ въ этомъ домѣ: всѣ знали пріязнь генерала къ отцу Смарагду, а недавняя обитательница Конскаго-Сырта была въ дружбѣ съ отцомъ Иваномъ. Отецъ Смарагдъ еще съ вечера скрѣпилъ своею подписью руку Ильи на всѣхъ актахъ.

Къ вечеру другого дня Рубашкинъ, оставшись одинъ, принялся за устройство новаго угла. Перевезъ сюда всѣ свои вещи изъ Малаго-Малаканца, а тамошнюю хозяйку напялъ къ себѣ пока въ ключницы. Въ опустошенной до-тла спорной усадьбѣ не было видно и слышно ни единаго живого существа. Наемные люди Перебоченской всѣ ушли, а пять-шесть человѣкъ крѣпостныхъ людей, уцѣлѣвшихъ отъ бѣговъ съ той поры, какъ бѣжалъ столяръ и слесарь ея Талавѣрка, уѣхали съ барыней въ деревню къ предводителю. На четвертый день по выѣздѣ Перебоченской, когда у Рубашкина прибрался еще болѣе домъ и явилась кое-какая своя прислуга, въ гостяхъ у него сидѣлъ отецъ Смарагдъ и разбиралъ только-что привезенные номера газеты, а самъ Рубашкинъ читалъ полученныя письма. Священникъ сидѣлъ грустный, потомучто его женѣ снова вдругъ сдѣлалось хуже. Рубашкинъ его утѣшалъ, хотя въ умѣ его мелькали невольно слова зубоскала-Саддукѣева: «онъ потому хлопочетъ о женѣ, что ему нельзя на другой жениться...»

— А! письма отъ Тарханларова, Саддукѣева и... это еще отъ кого?.. Незнакомая подпись!.. Отецъ Смарагдъ, не знаете этой руки? Э, есть подпись: отъ какого-то чиновника, по порученію Кебабчи... изъ острога! Каково! Хотите прочту?

Священникъ бросилъ газеты.

— Читайте что́ они тамъ пишутъ.

— Слушайте, Тарханларовъ пишетъ. Прежде всего его письмо...

«Я уѣхалъ отъ васъ не вдухѣ, и было отъ чего. Зато въ городѣ я ожилъ. Всѣ мои бумаги приняты губернаторомъ отлично. Онъ былъ какъ громомъ пораженъ всѣми этими событіями и замѣтилъ, кажется, что вы кругомъ его провели, то-есть

Digitized by Google

скрывши отъ него всю важность возложеннаго на меня порученія. Ксчастію, сказать между нами, и у него вышли непріятности съ этимъ предводителемъ поповоду какого-то оскорбительнаго требованія, и онъ далъ полный ходъ моимъ рапортамъ и протоколамъ. Князь-предводитель уже смѣненъ по телеграфу изъ Петербурга. Депеша, говорятъ, туда шла въ двѣсти словъ. Будетъ съ сѣвера особая комиссія для слѣдствія надъ оскорбленіемъ меня и другихъ чиновниковъ. Глаза мои и високъ освидѣтельствованы; мнѣ лучше. Я сдѣлался львомъ въ городѣ, благодаря смѣло вынесенной исторіи по милости вашего имѣнія. Титулярный совѣтникъ Ангелъ, знакомецъ вашъ по этому же дѣлу, представленъ къ ордену, а я къ полученію не въ зачетъ годового оклада жалованья. Лазарь Лазарычъ черезъ эту командировку входитъ въ силу и ему кажется отныпѣ сдадутъ всѣ важнѣйшія слѣдствія по губерніи. Я за него очень радъ. Онъ вамъ кланяется и поручилъ сказать, что вы скоро о немъ услышите снова. Затѣваетъ что-то поповоду найденныхъ у Перебоченской асигнацій, но отъ меня скрываетъ это пока. Жена моя и новорожденный кланяются вамъ. Я пишу вамъ все это откровенно, какъ новому другу. Надѣюсь, что вы и въ будущемъ не обѣжите моего угла въ городѣ, куда впрочемъ теперь васъ вѣроятно по концѣ вашего дѣла и калачомъ не заманишь.»

— Ну-съ, чтоже пишутъ изъ острога по порученію этого Кебабчи? спросилъ отецъ Смарагдъ: — свирѣпствуетъ онъ по прежнему или по поговоркѣ Тарханларова, что «въ морду — и полюбитъ» становится передъ вами на заднія лапки?

— Слушайте! Незнакомая рука пишетъ:

«Г. прапорщикъ и кавалеръ Кебабчи желаетъ здравствовать генералу Рубашкину, а равно тоже свидѣтельствуютъ ему и его несчастные страдальцы-товарищи. Чтоже дѣлать! Пардонъ! Молодые люди погорячились. Смилуйтесь надъ ними, простите ихъ, генералъ, и остановите это унизительное дѣло. Мы по гробъ жизни ваши добрые сосѣди и слуги. Слышимъ, что вы водворились уже въ своемъ имѣніи, а вашъ врагъ наконецъ изгнанъ. Поздравляемъ васъ, ваше превосходительство, отъ души. Мы всегда были за васъ. Но чтоже дѣлать; юноши погорячились и теперь просятъ пардону: я, Кебабчи, Хутченко и Рахилевичъ. Пришлите намъ денегъ. Мы вамъ многое скажемъ. Вопервыхъ я, Кебабчи, сообщаю вамъ тутъ же, что дѣвушка Перебочен-

Digitized by Google

скій, Палажка, подала жандармскому генералу письменный извѣтъ на г. Тарханларова, будто бы онъ, губернскій чиновникъ, во время слѣдствія надъ ея барышею, занимался волокитствомъ за женскимъ поломъ и на вѣки погубилъ ее, Палажку... понимаете? погубилъ насильно... Это скверный извѣтъ—съ, повредить вамъ и ему сильно можетъ! Вовторыхъ я, Рахилевичъ, вызываюсь, если генералъ войдетъ съ нами въ добрую сдѣлку, опровергнуть вполнѣ извѣтъ этой дѣвушки на почтеннаго слѣдователя, и готовъ составить лично, не своею разумѣется рукою, кипу любовныхъ писемъ, будто бы отъ разныхъ солдатъ и лакеевъ къ этой дѣвушкѣ Палажкѣ и представить ихъ въ опроверженіе ея извѣта въ томъ, якобы ее .. Понимаете? Дѣло это мы можемъ передѣлать! Втретьихъ я, Хутченко, въ случаѣ немедленнаго моего освобожденія черезъ васъ, генералъ, могу бросить значительный свѣтъ на нѣкоторыя отношенія Перебоченской къ есауловскому прикащику по ихъ обогащенію, такъ какъ мнѣ кое-что извѣстно изъ ихъ поѣздки въ Черноморье и въ Нахичевань...»

Рубашкинъ сталъ потирать себѣ лобъ.

— Бросьте! сказалъ съ омерзеніемъ священникъ: — бросьте это письмо, не стоитъ читать далѣе! Экіе негодяи и подлыя душонки!

Генералъ однако спряталъ это письмо въ столъ.

— Но вотъ еще письмо нашего несравненнаго Саддукѣева. Онъ поздравляетъ меня съ успѣхомъ. Вотъ его приписка:

«Да, пакуралесилъ вашъ трехбунчужный паша, вашъ предводитель, вселюбезнѣйшій генералъ! Теперь и я подумываю: не сбавить ли со ста лѣтъ, которыя я стремлюсь прожить, годика этакъ два-три. Право, прогресомъ пахнетъ. Это я говорю, потомучто Тарханларовъ обработалъ все дѣло отлично, вы водворены на мѣстѣ, а нѣсколько негодяевъ преданы формально уголовному суду. Кажется и у насъ правда начнетъ скоро брать верхъ и мы дождемся-таки восхода желанныхъ дней. Армяшка, знакомый вамъ откупщикъ Халыбовъ, едва узналъ, что вы взяли верхъ и что наконецъ живете полнымъ владѣльцемъ, хотя и опустошоннаго, но дорогого-таки Сырта, пріѣхалъ ко мнѣ и самъ предложилъ дать вамъ взаймы еще три тысячи, съ тѣмъ, чтобы закладную на мой домъ похерить, а вамъ ему до уплаты заложить за эти пять тысячъ рублей всю вашу землю. Гусь не

Digitized by Google

промахъ! Двѣ тысячи десятинъ черноземныхъ луговъ и вѣковѣчной нови за пять тысячъ! Да нечего дѣлать и я вамъ совѣтую принять его предложеніе. Что подруга нашего Смерочки? Напишите о немъ и о себѣ. Вашъ преданный и проч.»

— Слышите? Это о васъ! Какъ здоровье вашей жены въ самомъ дѣлѣ?

— Плохо, очень плохо... Надо бы акушорку, доктора... Не переживетъ она, а у меня денегъ на это нѣтъ. Гдѣ и возьму?

Генералъ помолчалъ и сталъ чесать носъ.

— Ну, теперь, отецъ Смарагдъ, мы заживемъ пососѣдски друзьями. Прошу чаще у меня бывать. Вмѣстѣ вычислимъ проектъ о населеніи Сырта; начнемъ тутъ же съ осени вольнонаемное хлѣбопашество, гурты станемъ разводить и съ своей стороны...

— Извольте, извольте! А вы мнѣ книжечекъ побольше, книжечекъ выписывайте и давайте читать, если сами не сдѣлали привычки, да и некогда вамъ будетъ ихъ читать при хозяйствѣ...

— Прелесть! Какъ теперь все здѣсь затихнетъ! Мы подберемъ добрыхъ, вольныхъ работниковъ. Почва наша безъ дурныхъ сѣменъ, безъ плевелъ; я простонародья ничѣмъ не раздражилъ, я другъ всѣмъ здѣсь... брависсимо! всякъ мнѣ позавидуетъ!

— И точно! сказалъ со вздохомъ священникъ: — вы счастливецъ. Спѣшите. Вы уже не молоды. Осень тоже теперь не за горами. Надо достать сѣменъ, еще денегъ. Пашите и сѣйте побольше.

— Да и старость-то моя не за горами. Авось хоть что-нибудь сдѣлаю тутъ полезнаго. Именно денегъ, денегъ прежде всего! Ѣду, завтра же ѣду въ городъ; заложу армянину всю землю и привезу снова немногѣ трехъ-четырехъ тысячъ, а домъ Саддукѣева освобожу изъ-подъ залога. Ужь я не стану этихъ кровныхъ, запятыхъ денегъ кидать на обѣды и балы сосѣдямъ, какъ дѣлывали это наши предки, закладывая нѣкогда души своихъ крѣпостныхъ въ приказы да въ совѣты! Деньги мои пойдутъ на обороты по хозяйству, и только частичкой на самое нужное для дома въ этой глуши; закуплю про запасъ сахару, чаю, муки, хорошей посуды, хламу тамъ разнаго для буфета и для кухни; еще книгъ выпишу... это уже собственно для васъ!

Digitized by Google

хе-хе! лошадокъ добрыхъ куплю, безъ нихъ въ этихъ пустыняхъ быть рѣшительно нельзя. Правда, отецъ Смарагдъ?

— Правда, правда...

— Чтоже вы такъ нахохлились опять?

Священникъ былъ въ волненіи. Грудь его тяжело дышала. Потъ катился съ скулистаго, широкаго и некрасиваго лица. Глаза были опущены.

— Что съ вами?

— Такъ-съ, ничего.

— Нѣтъ, говорите, прошу васъ.

Священникъ поднялъ сѣрые робкіе глаза. Они были совершенно тусклы и полны невыразимой борьбы, отчаянія и стыда.

— Знаете текстъ: «Помяни мя, егда пріидише»? сказалъ онъ блѣдными, дрожащими губами.

— Какъ-съ? Что-съ?

— Дайте мнѣ, прошу васъ изъ этихъ-то новыхъ трехъ-четырехъ тысячъ цѣлковыхъ, что займете, хоть сотняжку рублей взаймы. Бѣда-съ! Въ домѣ свѣчей давно нѣту, дѣтямъ чаю ни крохотки напиться, не-начто бабу-старуху нанять, хоть въ болѣзни-то походить покa за моею Пашинькой.

Рубашкинъ покраснѣлъ, однакоже досталъ бумажникъ.

— Вы меня спасли, первые дали вѣрный совѣтъ, повезли въ городъ, даже на овесъ моему буланому тогда дали, черезъ васъ и все получилъ. Я помню все это... Вотъ вамъ... пятнадцать рублей! Болѣе не могу, извините. Берите ихъ, какъ благодарность, а не взаймы!

Священникъ взялъ со вздохомъ деньги.

— А больше нельзя? Тутъ и акушерки не-начто пригласить!

Рубашкинъ покраснѣлъ еще болѣе, подумалъ: «Эге! да и ты кажется на взятки падокъ!» и отвѣчалъ: «извините, болѣе не могу!», хоть у него было еще болѣе двухсотъ рублей.

Священникъ ушолъ.

Рубашкинъ съѣздилъ снова въ городъ, заложилъ откупщику Конскій-Сыртъ, взялъ у него еще не три, а пять тысячъ рублей подъ это имѣніе, и остался дѣлать необходимѣйшія закупки въ городѣ. Онъ остановился опять у Саддукѣева. Безпардонный учитель гимназіи оказался съ первой ихъ новой встрѣчи еще болѣе въ ударѣ на всякія комическія выходки, смѣшилъ генерала

Digitized by Google

трое сутокъ сряду, снабдилъ его кучею городскихъ анекдотовъ и сплетень и угостилъ его неимовѣрнымъ какимъ-то казачкомъ, который заставилъ проплясать своихъ оборванныхъ и запыленныхъ дѣтей, а самъ при этомъ хохоталъ, какъ помѣшанный, закидывая назадъ огромную голову съ большими сквозными ушами и грызя до крови давно обкусанные и заѣденные ногти. На прощаньи однако онъ сказалъ генералу:

— Въ гимназіи вышла исторія: я сболтнулъ тамъ одну штуку ученикамъ. Противъ меня теперь ведутъ подкопъ; не мудрено, что меня и отставятъ. Тогда надѣюсь не откажете меня принять къ себѣ хоть въ прикащики? А?

— О, разумѣется! отвѣтилъ генералъ, снова краснѣя, замолчалъ и уѣхалъ надутый, провожаемый маханьями Саддукѣева, который даже влѣзъ на крышу и на радости выпустилъ всѣхъ голубей.

Явились въ Конскомъ-Сыртѣ рабочіе, явилась и окончательно устроенная наемная прислуга. Рубашкинъ все приладилъ въ двѣ-три недѣли отлично. Отдѣлалъ въ особенности съ любовью свой кабинетъ, изъ оконъ котораго сквозь главную алею сада видна была на скатѣ бугровъ вся Есауловка и обѣ ея церкви. По столу и диванамъ въ этомъ кабинетѣ и въ залѣ, ознаменованной недавними битвами, явились въ изобиліи дѣловыя бумаги, хозяйственныя книги и счеты. Поля зачернѣли полосами пахоти подъ-зябь. Скупалась рожь и озимая пшеница на посѣвъ. Въ двухъ концахъ поля стали прохаживаться небольшіе сосѣдскіе гурты скота, пущенные сюда за хорошія деньги до перваго снѣга. Словомъ, чего желалъ и добивался воротившійся съ чужбины къ родному краю и дѣлу Рубашкинъ, то и случилось.

— Не правда ли, у меня есть дарованіе организатора? спрашивалъ онъ отца Смарагда: — я бы могъ управлять областью, населять пустыни?

— Кажется! отвѣтилъ священникъ: — только не мѣшало бы вамъ подумать о докторѣ, когда теперь у васъ все есть...

Не такъ родина встрѣтила другихъ своихъ дѣтей.

Осень того года ознаменовалась для высшаго круга той губерніи усиленными разговорами о двухъ экстренныхъ комис-

Digitized by Google

сіяхъ, смѣнившихъ въ два мѣсяца одна другую, касательно разслѣдованія, дослѣдованія и переизслѣдованія непостижимаго дѣла: о десятилѣтнемъ невыѣздѣ подпоручицы Перебоченской изъ непринадлежащаго ей по актамъ имѣнія, о командировкѣ туда на слѣдствіе совѣтника Тарханларова, о засореніи его глазъ и о буйствѣ тамъ дворянъ Кебабчи, Хутченка и Рахилевича, и о самовольномъ вмѣшательствѣ въ слѣдствіе мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства. Перебоченская проживала въ уѣздномъ городѣ подъ арестомъ въ собственномъ ея домѣ. Тутъ же жилъ недалеко и находившійся подъ слѣдствіемъ предводитель, который вдругъ оказался артистомъ и сталъ брать уроки музыки и пѣть, повторяя, что генералъ Рубашкинъ цинникъ, мясникъ, вольнодумецъ и даже на старости лѣтъ чуть ли не республиканецъ и врагъ всего дворянства.

Допросы, переспросы и очныя ставки шли своимъ чередомъ. Всѣ показанія рапортовъ Тарханларова подтверждались новыми слѣдствіями. Но Перебоченскую кто-то навѣстилъ, научилъ ее, и она отвела однимъ взмахомъ пера почти всѣхъ свидѣтелей по слѣдствію и понятыхъ. «Такого-то я обсчитала у себя на работѣ, такого-то поколотилъ палкой за грубость мнѣ мой прикащикъ, а этихъ сѣкли по моему приказу мои батраки. Всѣ они злобствуютъ на меня, потому и клевещутъ.» — Начали привлекать къ дѣлу другихъ свидѣтелей. Тутъ-то впуталась между прочимъ въ исторію о Перебоченской и исторія о Тарханларовѣ, по извѣту горничной Палажки въ его посягательствѣ будто бы на ея красоты. Молодчина совѣтникъ, вѣрный другъ жены и всегда примѣрный семьянинъ, такъ было опѣшился отъ этой новой штуки, что недѣли три никуда въ городѣ со стыда и негодованія не показывался. Доносъ Палажки нежданно вползъ въ дѣло, расплодился отъ всякихъ справокъ и надолго затормозилъ слѣдствіе объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ чиновнику при отправленіи его службы. Громкая исторія Конскаго-Сырта наконецъ начинала всѣмъ приѣдаться. Но на сѣверѣ чуткіе новые носы стерегли ее и вдругъ подали опять неожиданно сюда такого пару, что губернскія головы снова потерялись. Явилась комиссія надъ комиссіею изъ самаго Петербурга. Дѣломъ, какъ увидали мѣстные чины, не хотѣли тамъ шутить. Трехъ буяновъ-дворянъ, выпущенныхъ было подъ шумокъ изъ острога на поруки, посадили снова въ острогъ и покрѣпче прежняго. Князь, отставной предводитель, предложилъ

губернатору дуэль и выслант былъ за это въ другую болѣе отдаленную губернію — въ имѣніе своей жены. Вся эта исторія вскорѣ очутилась въ неясныхъ намекахъ въ одномъ сатирическомъ столичномъ журналѣ. Перебоченская долго свободно ходила въ знакомомъ всѣмъ чепцѣ, перевязанномъ платкомъ, и съ ридикюлемъ по улицамъ. Но вдругъ и ее пригласили изъ уѣзднаго города въ губернскій, и тоже помѣстили гдѣ-то на благородной половинѣ при полиціи. Лазарь Лазарычъ Ангелъ посѣщалъ ее поминутно, оставался съ нею по цѣлымъ часамъ, бесѣдовалъ, игралъ съ нею даже въ карты, подъ предлогомъ предлагаемыхъ услугъ, выспрашивалъ ее о разныхъ разностяхъ и вдругъ уѣхалъ въ Черноморье.

Перебоченская усмирилась, сбыла куда-то свой скотъ и прочее движимое состояніе, обратила все въ деньги, крѣпостныхъ людей помѣстила частью при домишкѣ своемъ, бывшемъ въ уѣздномъ городѣ, а частью при хуторкѣ своемъ близь Конскаго-Сырта, и стала всѣмъ говорить: «Не постигаю, почему меня здѣсь опять безпокоятъ! Генералъ Рубашкинъ достойнѣйшій человѣкъ. Онъ мнѣ все простилъ, покончилъ со мною, старухой бѣдной, всѣ расчеты, и даже мы совершили въ уѣздѣ формальную обо всемъ мировую. А тутъ опять крючки подпускаютъ, да еще и не говорятъ зачѣмъ; живи тутъ, да и баста. Ну, и живу. Благо церквей много; славно пѣвчіе поютъ и есть гдѣ помолиться. Чтоже! Дѣтей у меня нѣтъ, капиталецъ кое-какой былъ, да и тотъ разсыпала я за этими несчастьями... Остается умереть въ покаяніи, въ монахини пойти, а заблудшихъ и разбогатѣвшихъ своихъ крестьянъ собрать, найти ихъ всѣхъ къ новому этому манифесту о волѣ, что ожидаютъ къ веснѣ, и помѣстить опять тутъ либо при домѣ, либо при хуторѣ. Вѣдь тридцать семь душъ считается всѣхъ по ревизіи. Авось хоть что-нибудь казна дастъ за нихъ чистыми деньгами: вѣдь я малопомѣстная, безземельная сирота и притомъ вдова».

Такъ пѣла на жалобные лады Перебоченская, собираясь въ монахини, а между тѣмъ еженедѣльно толклась съ какою-нибудь новою челобитною въ пріемные дни у губернатора, и съ неизмѣнною холодностью и молчаніемъ, какъ по рецепту, была имъ обходима, причемъ ея челобитныя даже не передавались въ канцелярію для справокъ.

Digitized by Google

— За что же я тутъ живу? спрашивала губернатора Перебоченская.

— Увидите! Не скучайте у насъ; вы любительница церквей: посѣщайте ихъ, молитесь Богу; авось скоро мы и отпустимъ васъ...

Перебоченская осклаблялась, вздыхала, цѣловала губернатора въ плечо и уходила, теряясь въ догадкахъ, въ отведенную ей частную квартиру, куда ее по назойливости перевели мѣсяца черезъ два изъ полиціи.

Мировая ея съ Рубашкинымъ точно была подписана. Генералъ это сдѣлалъ, чтобы угодить мѣстной дворянской партіи, которая было сильно возроптала на новаго своего члена. Но не было еще кончено дѣло о нанесеніи обидъ чиновнику Тарханларову. Отчетъ послѣдней комиссіи былъ переданъ въ мѣстную уголовную палату на ревизію и на заключеніе. Члены комиссіи уѣхали. Всѣ вздохнули свободнѣе и вдругъ это дѣло снова остановилось за пустякомъ: палата раздѣлилась голосами по поводу признанія или непризнанія за воротившимся, хотя бы и добровольно, изъ бѣговъ Ильей Танцуромъ права быть свидѣтелемъ и рукоприкладчикомъ за всѣхъ понятыхъ по слѣдствію Тарханларова. Посланъ былъ куда-то далеко по части законодательной объ этомъ запросъ. Отвѣтомъ медлили. Дѣло стало снова...

Но за то расходился отецъ Ильи. Перебоченская вызвала въ городъ Романа и дала ему замѣтить, что не худо было бы подкупить его Илью, чтобъ тотъ отказался отъ своей руки и объявилъ бы себя неграмотнымъ, или сказалъ бы въ новомъ заявленіи суду, что онъ писалъ всѣ показанія и отбиралъ руки отъ понятыхъ не добровольно, а по принужденію чиновника Тарханларова, причемъ генералъ Рубашкинъ будто бы даже въ него мѣтилъ пистолетомъ.

— Нѣтъ, на это мой Илько не пойдетъ! рѣшилъ Романъ, пріѣхавши въ городъ: — я уже его щупалъ съ этой стороны. Сорванецъ, какъ кремень, стойкій!

— Что же намъ, душечка, дѣлать? шептала Перебоченская, ломая руки и притворно хныкая и заглядывая ему въ глаза.

Романъ задумался. Желтизна отъ губъ давно стала всходить

Digitized by Google

вдоль смуглыхъ щокъ его къ зоркимъ каримъ глазамъ. Онъ сидѣлъ въ длиннополомъ нанковомъ сюртукѣ, согнувшись и смотря въ землю. Еще передъ отъѣздомъ изъ Сырта барыня сказала Ильѣ:

— «Помни, подлецъ, ты губишь меня, но погубишь и своего отца! Откажись отъ своей руки и отъ своихъ показаній!»

— «Не могу!»

— «Ну такъ знай же: попадешься гдѣ въ чемъ-нибудь; своими руками удавлю тебя, а уже не выпущу, слышишь?»

— Есть одно дѣло, матушка Пелагея Андреевна, сказалъ наконецъ Романъ Танцуръ, глухо вздохнувши и не глядя на Перебоченскую: — да я не знаю какъ вамъ и сказать его... Охъ! господи, господи!

— Говори, душечка, говори! Ты знаешь, я готова тебѣ во всемъ помогать; помоги же и ты мнѣ! Что? Говори скорѣе, не бойся, ангелочекъ...

Вялые глазки Перебоченской такъ и бѣгали, заглядывая въ лицо прикащика.

— Охъ, матушка, тяжело. Сами знаете! началъ шепотомъ и оглядываясь Романъ Антонычъ: — я былъ простой мужикъ, голякъ; вы точно меня вытащили изъ грязи, похвалили моему барину-князю. Ну вы дали мнѣ весь ходъ, торговлю; но вѣдь и я вамъ далъ помощь. Первое время барскими деньгами я васъ снабжалъ; а потомъ... потомъ вы знаете, сударыня, куда мы съ вами... вдвоемъ-то... за деньгами ѣздили... знаете? а?..

— Тш! зашипѣла барыня, и загородивши костлявой рукой ротъ старика, вскочила и дверь квартиры заперла на ключъ.

— Никто не услышитъ насъ, матушка; Богъ одинъ услышитъ! напрасно вы запираете двери...

— Ну? Чего же ты мнѣ грозишься? ну!..

— Ѣздили мы за деньгами съ вами, мѣняли ихъ... сбывали на скотъ въ Черноморіи и на Дону, и тутъ по мелочамъ... Вы хорошо повели свое хозяйство, въ тысячахъ стали... А я все таки и теперь мужикъ мужикомъ... Ничего не умѣю, ничего не имѣю, одно только, что жена въ ситцахъ ходитъ, да чай мы пьемъ по пять разъ въ день...

— А деньги твои? У тебя свои есть!

— Какія деньги?

— А твои собственныя?

Digitized by Google

— Да вы забыли развѣ барыня, что они всѣ у васъ въ оборотѣ на одномъ честномъ вашемъ словѣ, а у меня на нихъ отъ васъ нѣтъ не только заемнаго письма, но даже ни клочка росписки или какой бумаги! Умри вы или я, семья моя опять будетъ нищею... Пора бы вамъ подумать обезпечить меня въ моей же заработанной съ вами долѣ... Сами знаете, что намъ въ случаѣ открытія одна дорога обоимъ — въ Сибирь...

— Да чего ты, дурачище, орёшь?

— Не ору, а вы дайте мнѣ вексель. Умри вы или... откажись... повторяю, мы нищіе...

— Да вѣдь нищими же вы были прежде?

Прикащикъ вытаращилъ глаза.

— Да ты чего смотришь? Я, душечка, только шучу! Не пропадетъ твоей ни одной копѣйки. Вотъ тебѣ Богъ! А ты мнѣ только помоги изъ этой-то бѣды выпутаться... сына все-таки уговори своего. Нелегкая его впутала сюда въ понятые! И гдѣ онъ, мерзавецъ, этой грамотѣ выучился?

— Въ бѣгахъ, въ бѣгахъ! Охъ ужь эта воля! Чему въ ней они ни научатся! Совсѣмъ другой воротился: я его ждалъ вотъ какъ! думалъ въ наши дѣла, въ помощники къ себѣ его взять! Куда! Я вамъ только не докладывалъ объ этомъ...

— Чтоже онъ тебѣ отвѣчалъ?

— Какъ мышь, зарылся въ саду, хатёнку себѣ тамъ устроилъ, требуетъ земли, хочетъ непремѣнно въ рядовые мужики идти: не хочу, говоритъ, въ дворовую сволочь! Просто бунтовалъ въ началѣ. Насилу я его успокоилъ...

— Да ты его постарингѣ-то, въ томъ же саду, знаешь; осиль его этакъ подъ вечеръ невзначай, или въ темную ночь, да и помучь его... розгами, или такъ погрози, будто поотцовски-то блуднаго сына убѣдить соберись... вѣдь ты отецъ, что ты! Какъ пропускать такое упорство! Онъ испугается и можетъ быть сдастся, особенно подъ розгами-то; подбери человѣкъ трехъ вѣрныхъ помощниковъ себѣ... ну, и отваляй его! И лютыя собаки на это сдаются... У меня были такія дѣти и я ихъ хорошо школила...

— Слушайте же, сказалъ Романъ. — Заставить его, не заставишь теперь... ничѣмъ... а удалить его можно... и навсегда можно удалить.. Я знаю такое средство... только вы помилосердствуйте; не переголите дѣла... вѣдь это все-таки мой сынъ...

Digitized by Google

— Ну, чѣмъ же можно удалить Илью?

— А вы не напортите, сударыня, дѣла?

— Нѣтъ, клянусь тебѣ, душечка!

— Вѣдь вы горячка, я знаю; иной разъ, какъ вспылите, и я васъ боюсь... хе-хе!

— Да ну-же, голубчикъ, душечка, говори скорѣе; не мучь меня... видишь, я вся дрожу...

— А денегъ хоть часть воротите мнѣ?

Перебоченская замялась.

— Сколько я тебѣ должна всего?

Антонычъ досталъ изъ-за пазухи озираясь затасканный платокъ, а изъ него лоскутокъ бумажки съ потертыми цыфрами карандашемъ. То были выкладки его счетовъ рукою отца Ивана.

— Вотъ мы въ послѣдній разъ считались съ вами; мнѣ послѣ считалъ отецъ Иванъ. Я неграмотный, но надѣюсь на васъ, какъ на Бога. Вы не обидите меня... Вѣдь вы не обидите?.. Я бобылемъ былъ убогимъ и вмѣстѣ съ вами обдѣлалъ дѣло... разбогатѣлъ... и видите ли, какъ я вѣрилъ вамъ, сударыня: всѣ деньги мои у васъ...

— Сколько тутъ? А! три тысячи цѣловыхъ. Отлично. Я ихъ тебѣ ворочу, не бойся ничего... что я? разбойникъ, что-ли?

Руки у прикащика тряслись.

— Когда же, сударыня? Вѣдь десять лѣтъ...

— Какъ кончится мое дѣло, тогда; а теперь ты, понимаешь, тутъ такой смутъ, такой смутъ! Ну, такъ какъ же? чѣмъ можно удалить отсюда... твоего сына? Этого-то мерзавца. Илью какъ удалить, чтобъ и духу его тутъ не пахло? Устрой это дѣло, тогда въ нашу пользу порѣшится и мое, у меня развяжутся руки, понимаешь, ну... я тогда тебѣ сразу настоящими деньгами и ворочу мой долгъ...

— У васъ тогда въ Сыртѣ было вѣдь пять тысячъ; вы при мнѣ ихъ вынимали и предлагали тому чиновнику... куда же они дѣлись?

— Э! были, да сплыли! Я, душечка, ихъ подъ платье спрятала тогда, какъ совѣтникъ выткнулся въ коридоръ, а потомъ отдала ихъ предводителю спрятать... Такъ говори же скорѣе, что ты тамъ надумалъ? Ну?

Прикащикъ завернулъ бумажку опять въ платокъ, положилъ за пазуху, посмотрѣлъ на Перебоченскую, вздохнулъ и сказалъ:

Digitized by Google

— Въ бѣгахъ Илья былъ долго въ Ростовѣ, сударыня...

— Ну? Чтоже изъ того?

— Тамъ онъ сошолся съ однимъ богатымъ каретникомъ, старикомъ, тоже изъ бѣглыхъ, и жилъ у него два года...

— Ну?

— Каретникъ этотъ богачь; у него свой домъ, вывѣска золотая... Илья и слюбился съ его дочкой, Настей, чтоли. Пришолъ только сюда земли, дуракъ, просить, чтобъ жениться и перевести ее сюда. А если не потакнуть ему, наотрѣзъ отказать, онъ дастъ сразу тягу туда, только мы его и видѣли! Слѣдствіе это рухнетъ само собою, а понятыхъ въ другомъ допросѣ легко будетъ либо отвести, либо спутать... За это беруся я!

— Слава тебѣ, Господи! Молодецъ, Антонычъ! Такъ и поступи; благословляю тебя.

— Такъ отказать ему отъ земли?

— Отказывай и напугай его еще чѣмъ-нибудь, понимаешь...

Прикащикъ всталъ.

— Кто же этотъ каретникъ, откуда онъ? спросила, крестясь, барыня.

Романъ запнулся. Множество разнородныхъ ощущеній боролись въ немъ: боязнь потерять нажитыя деньги и страхъ окончательно погубить сына, желаніе угодить Перебоченской и недовѣріе къ ея алчной, холодно-жестокой и мстительно-мелкой душонкѣ.

— Ну? добродушно спросила барыня.

— Это вашъ-съ... бывшій столяръ, Пелагея Андреевна... Талавѣрка Афанасій! брякнулъ старикъ и самъ не понялъ какъ онъ это сказалъ.

Перебоченская позеленѣла и ухватилась костлявыми пальцами за столъ. Комната въ ея глазахъ заходила ходуномъ. Подъ ложечкою стало ее сосать что-то жгучее и вмѣстѣ сладкое. А въ мысляхъ пронеслись слова: богачь, каретникъ, ея бѣглый столяръ, новая нажива, отместка за прошлое, новыя кляузы, новый случай молить власти о помощи.

— Талавѣрка ты говоришь?

— Да-съ.

— Афонька Талавѣрка? что спьяну въ меня когда-то бросилъ молоткомъ въ кузницѣ и убѣжалъ?

Digitized by Google

— Онъ самый, сударыня! Только вы его-то оставьте въ покоѣ; онъ къ дѣлу не идетъ, и не безпокойтесь очень...

— Какъ же онъ теперь тамъ зовется въ Ростовѣ?

— Я все подслушалъ однажды ночью, видите ли, какъ сынъ товарищу тамъ одному про свое бродячее житье расказывалъ... И какъ не подслушать? Вижу, дружится Илья съ сволочью, я и ну за нимъ слѣдить; да чуть собачка каторжная не выдала, какъ я изъ-за кустовъ слушалъ его...

— Полно баласы-то точить. Канъ этого каретника-то тамъ зовутъ? Ты мнѣ имя его скажи... имя?.. слышишь?

— То-то... я все подслушалъ и помню... на вывѣскѣ надъ его заведеніемъ будто бы Егоръ Масанелли написано, какъ будто онъ выходецъ изъ Яссъ, чтоли; такъ и въ полиціи онъ отмѣченъ. А онъ доподлинно вашъ бывшій самый этотъ Талавѣрка. Вотъ къ нему-то опять и можно сплавить Илюшку...

Перебоченская спокойнѣе опустилась на диванъ, понюхала табаку, съ тупымъ вниманіемъ обтерла платкомъ влажные пальцы, бравшіе табакъ, еще посмотрѣла на Романа Тандура и задумчиво отрадно уставилась глазами въ полъ.

— Все теперь сударыня? спросилъ прикащикъ, почтительно вставши.

— Поѣзжай домой себѣ, душечка! Ты теперь уже пока мнѣ не нуженъ. А на счетъ денегъ извѣщу тебя какъ-нибудь...

— Пожалуйте ручку поцѣловать, сударыня...

— На...

— Какъ воротите деньги, брошу моего барина, откуплюсь или просто тоже уйду и заживу гдѣ-нибудь въ Москвѣ или въ Кіевѣ купцомъ. Все тоже скотомъ буду торговать. Оно выгоднѣе. Лишь бы князя нашего дождаться. Не было бы начетовъ какихъ-нибудь на меня по конторѣ. Французу нашему я плачу; да плохо, люди совсѣмъ обижаютъ, не слушаются — другіе вовсе стали... Какъ бы не попасть еще подъ отвѣтъ передъ княземъ! Богъ съ нимъ, оставлю его...

Романъ еще постоялъ.

— Чего же ты, милейькій, стоишь? Иди себѣ, поѣзжай домой. Прощай. Нужно будетъ, такъ въ городъ опять къ себѣ позову; теперь еще пока сама не знаю, куда склоню голову. Подожди...

Прикащикъ уѣхалъ. Перебоченская вскочила, всплеснула

Digitized by Google

руками, упала передъ иконами, долго молилась и тутъ же пригласила къ себѣ квартальнаго. Она разсказала ему о нежданномъ открытіи мѣстопребыванія бѣглаго ослушника и слуги своего Талавѣрки, написала явку и требованіе о немъ въ ростовскую полицію, а квартальный заднимъ числомъ и мѣсяцемъ эту бумагу скрѣпилъ своею подписью.

Роковой пакетъ полетѣлъ къ югу. Зашевелилъ онъ въ разныхъ мѣстахъ усердную на этотъ счетъ полицію. Заскрипѣли перья, помертвѣли давно-счастливыя и спокойныя души, и закапали горькія и безнадежныя слезы. Слѣдствіе пошло сперва въ Ростовѣ, но потомъ справки перекинулись въ самую Бессарабію... Кончался южный, мокрый противный январь; наступалъ февраль.

Весна рано готова была дохнуть изъ-за бугровъ и долинъ съ юга. Въ Петербургѣ также ожидалась весна. Печаталось положеніе о волѣ народа. Втихомолку передавался волшебный слухъ, что скоро выйдетъ манифестъ. Высшее общество тревожно приглядывалось къ газетамъ. Низшіе класы были попрежнему спокойны и не ожидали ничего особеннаго.

Съ юга отъ Азовскаго моря уже летѣли журавли, утки, гуси и цапли. Половодье начиналось во всемъ разгарѣ.

Вдругъ изъ Ростова явилась въ уѣздномъ приволжскомъ городкѣ и скоро стала извѣстна въ ближайшемъ околоткѣ полученная на имя Перебоченской одна радостная для нея бумага. Въ тоже время, совершенно по другой причинѣ, губернскій сыщикъ, титулярный совѣтникъ Ангелъ, возвращаясь съ Черноморья, завернулъ въ Есауловку, зашолъ подъ домъ въ княжескую контору къ прикащику Роману Танцуру, попросилъ рюмку водки, закусилъ, поболталъ съ Романомъ, выразилъ удивленіе, отчего съ нимъ не живетъ такой славный парень, какъ его сынъ, Илья, и пожелалъ снова его увидѣть. Илью позвали. Подъ какимъ-то предлогомъ грекъ выслалъ изъ конторы Романа, потомъ его жену, а тамъ и Власика, и спросилъ Илью:

— Въ бѣгахъ ты бывалъ въ Нахичевани?

— Бывалъ-съ...

— О рѣзчикѣ печатей Крутиковѣ слышалъ?

Илья замялся, но отвѣтилъ, что слышалъ. Грекъ болѣе его не распрашивалъ.

Но слѣдуетъ воротиться нѣсколько назадъ, и именно къ

Digitized by Google

тѣмъ суетливымъ и смутнымъ днямъ, когда Перебоченская съ предводителемъ оставила навсегда усадьбу Конскаго-Сырта, когда въ ней поселился генералъ Рубашкинъ и Романъ еще не открылъ въ городѣ Перебоченской о Талавѣркѣ.

III

ПОСЛАНЦЫ ОТЪ НАРОДА И ВЕНЕЦІЯНЕЦЪ ВАСЬКА КОМАРЪ

Слѣдовательно мы еще въ августѣ.

Наступалъ вечеръ второго дня по отъѣздѣ Перебоченской. Есауловскій прикащикъ думалъ такъ: «Пойду, окончательно поговорю съ сыномъ, напугаю его и коли не сдатся, такъ уйдетъ прямо въ Ростовъ, и слѣды свои скроетъ.» Романъ къ вечеру было и пошолъ въ садъ къ сыну, но узналъ отъ жены, что у Ильи въ хаткѣ какіе-то гости, которыхъ видѣли теперь тутъ впервые на селѣ. Хотѣлъ было онъ сразу пугнуть и ихъ, погрозить сыну, чтобъ не пускалъ въ барскій садъ всякую сволочь, но одумался: проку изъ того вышло бы мало, а сынъ могъ еще склониться съ нимъ на нужную сдѣлку. Хотѣлъ наконецъ прикащикъ опять подслушать изъ-подъ кустовъ у пустки толки сына съ гостьми: не были ли это воры? Чего добраго, еще не обокрали бы княжескаго дома? Вѣдь этотъ сорванецъ не даромъ столько лѣтъ по разнымъ вертепамъ шлялся и не принесъ домой ни копѣйки.

Но Романъ и объ этомъ передумалъ. Собачка Ильи до того навострилась и озлилась въ послѣднее время, что какъ разъ его откроетъ и осрамитъ передъ сыномъ и чужими людьми. Итакъ уже его дозоры крестьяне звали волчьими, а его самого звали на деревнѣ стоглазымъ. Онъ рѣшилъ подождать и когда попозже, отдавая ягоды изъ саду, сынъ зашолъ къ матери за какой-то посудиной и столкнулся съ нимъ подъ барскимъ домомъ, онъ сказалъ ему: «Тебя вчера просила барыня Перебоченская отказаться отъ тѣхъ бумагъ, на которыя нелегкая тебя натолкнула; ты не уважилъ ея просьбы и моего желанія. Теперь слышу, что тебя звали опять вчера уже поздно вечеромъ засѣдатель и генералъ. Правда это?» — «Звали.» — «Зачѣмъ?» — «Еще тамъ одну бумагу подписать.» — «Смотри, Илько, чтобъ не дописался

Digitized by Google

до чего! Какой бѣсъ носилъ тебя туда въ понятые? жаль, что я ѣздилъ на пристань, а дуракъ десятскій такъ тутъ безъ меня напакостилъ. Чего ты тамъ все возишься съ господами?» — «Звали по дѣлу, а общество довѣрило мнѣ всѣ свои руки; ну, я и писалъ!» — «Охъ, ужь вы безштанники, голыши, съ вашими обществами!» — Еще передъ вечеромъ, до встрѣчи своей съ отцомъ и до прихода гостей, Илья подозвалъ Власика въ садъ, помочь ему до захода солнца обобрать по приказу матери на варенье какія-то ягоды. Власикъ подошолъ нахмуренный.

— Что ты дуешься, Власъ?

— Батька твой опять прибилъ.

— За что?

— Такъ, здорово живешь.

— Не можетъ быть!

— Не въ первое. Ухватилъ ручищами за вихоръ и ну трепать. Видно ты его разсердилъ, чтоли, дядя Илья...

— Чтоже ты?

Власикъ съ важностью подбоченился, поднялъ камушекъ, помолчалъ и ухарски швырнулъ имъ въ деревья по воробью.

— Не бросай, въ окно попадешь.

— Эвона! Постой ты еще, стоглазый! Весной убѣгу отъ него, какъ и ты, Илья, убѣжалъ тогда отъ нѣмца...

«Какъ люди мѣняются! невольно помыслилъ Илья, въ фартукъ и въ миску собирая ягоды: — тогда отецъ былъ бобыль, кроткій такой, меня же научалъ уйти; а теперь и у него такой же мученикъ на потѣхахъ живетъ...»

— Помоги, Власъ, кончить. Мать заказала ягодъ на варенье собрать, для барина чтоли. Надо непремѣнно до сумерекъ кончить.

— Сами слопаютъ, а намъ съ тобою не дадутъ и понюхать! проворчалъ озлившійся мальчикъ: — давай объѣдимъ весь кустъ; что на нихъ-то потакать! Кабаны жирные!..

— Мать меня любитъ? спросилъ Илья: — какъ ты замѣтилъ?

— Была хорошая, чаю пила только много; все мучился я надъ самоваромъ; а теперь на водку насѣлась и вотъ какъ дуетъ: напьется и упадетъ спать... И съ чего зачала пить твоя мать, не знаю! Самъ-то онъ про то тоже не знаетъ, а придетъ иной разъ

Digitized by Google

злой, либо меня хлеснетъ, либо ее за косы сейчасъ. Что! Снотъ, а не человѣкъ. Убѣгу и я, дядя Илья, какъ ты; право слово...

Вечеръ между-тѣмъ разыгрался чудный. Отдавши ягоды матери, Илья вышелъ на поляну сада, откуда была видна далеко окрестность, и сѣлъ подъ деревомъ. Опять передъ нимъ выяснились въ отблескахъ зари по луговинамъ, обступая Конскій-Сыртъ, знакомые лѣски: ближе Дятловскій-липнякъ, далѣе Соловьиные-верболозы, еще далѣе Кукушкины-кучугуры, и другіе. Онъ оглянулся назадъ: опять засинѣли и вмѣстѣ заалѣли въ лучахъ заката за Есауловкою, толпясь къ Волгѣ, горбатые, остроконечные, плоскіе и всякіе, одинъ другого выше, голубѣе и огнистѣе холмы Бугры-Стеньки-Разина, Уши-Пугача, Авдулины-бугры, склоняясь къ воднымъ затонамъ и къ множеству ключей и озеръ, утиныхъ, гусиныхъ, журавлиныхъ, лебединыхъ и всякихъ. Илья сидѣлъ, слѣдилъ, какъ садъ и окрестности меркли и тонули въ наступавшей темнотѣ, и думалъ о далекомъ донскомъ городкѣ, о Настѣ и о Талавѣркѣ.

— Что-то она бѣдная? чай ждетъ меня! Хоть бы письмо какое отписала о себѣ! — Невольно пришла ему въ голову и вчерашняя возня за рѣкой: — добился-таки! подумалъ онъ о Рубашкинѣ. Безъ видимой причины вспомнилъ онъ опять и Нахичевань и найденныя у Перебоченской двѣ фальшивыя депозитки. Онъ сидѣлъ и силился еще что-то вспомнить... По дорожкѣ раздались шаги. То былъ опять Власикъ.

— Дядюшка Илько, тамъ васъ кто-то спрашиваетъ.

Сердце у Ильи запрыгало.

— Кто?

— Я въ вашу хатку ихъ провелъ за садомъ.

— Кто же тамъ такіе?

— Трое какихъ-то. Два старые-престарые, а одинъ молодой, точно баринъ или богатый лакей. Идите, а я въ контору скорѣе; еще бы не спохватились меня Я уже давно за дворомъ съ ребятишками по селу бѣгаю...

— Никто ихъ не видѣлъ?

— Никто. Вотъ еще; развѣ я-то скажу или выдамъ кому тѣхъ, кто къ вамъ зайдетъ? Не на таковскаго напали...

Власикъ опять изъ всѣхъ силъ чѣмъ-то швырнулъ въ темные кусты, и заложа руки въ карманы, плюнулъ, какъ плюютъ за трубкой кучера. Илья пошолъ въ хатку. Скоро тамъ разда-

Digitized by Google

лись тихіе, но дружескіе голоса, которые и услышалъ было, идя къ сыну, прикащикъ Романъ. Романъ побродилъ возлѣ хатки, гдѣ свѣтился огонь и пошолъ обратно въ контору, рѣшившись съ сыномъ объясниться окончательно и разъ на-всегда на утро. Романъ, самъ не зная почему, передъ сыномъ терялся и былъ не въ своей тарелкѣ.

— Угадай кто! сказалъ на встрѣчу Ильѣ, веселый, шамкающій голосъ старика въ потьмахъ, когда Илья торопливо пробѣжалъ садомъ и вскочилъ въ сѣни хатки.

— Не знаю...

— Угадай! Гости къ тебѣ...

— Какіе?

— Угадай!

Старикъ опять тихо засмѣялся не двигаясь съ мѣста.

— А отчего мужикъ дёшевъ? спросилъ, прыснувши со смѣху, тотъ же старикъ.

— А! входите, входите, узналъ! сказалъ Илья: — оттого дешевъ мужикъ, что глупъ!

Илья кинулся зажигать жировую плошку. Гости вошли въ освѣщонную лачужку.

— Оттого мужикъ дешевъ, что глупъ! сказалъ и знакомый уже читателю семидесяти-лѣтній сапожникъ, Гриценко, тридцать-три года бывшій въ бродягахъ: — оно точно, Илюша, что глупъ былъ доселѣ мужикъ; да умнѣе ли теперь сталъ? вотъ что скажи ты намъ!.. да!

— Ну, сказалъ Илья, какъ бы не разслыша старика: — откуда васъ Богъ принесъ?

Другой старикъ, знакомый читателю по кучкѣ *людей*, воротившихся въ одно время съ Ильей изъ бѣговъ, тотъ самый Шуменко, что долго былъ въ Одессѣ квасникомъ, положилъ на столъ шапку, сѣлъ на скамейкѣ и вздохнулъ.

— У тебя тутъ никто не подслушаетъ, Илько? спросили старики: — ты добрый, мы тебя узнали; а все, знаешь, не мѣшаетъ беречься.

Илья вытащилъ за шею изъ хатки собаку, рычавшую до надсада на гостей, пустилъ ее въ садъ и сказалъ:

— Говорите все, вотъ мой сторожъ! Она не подпуститъ сюда никого...

Digitized by Google

Всѣ сѣли. Илья заслонилъ тряпьемъ окно и приперъ на засовъ двери.

— Какъ дѣла, Илья? спросилъ Гриценко.

— Ничего. Ваши какъ?

— И наши ничего...

Гости переглянулись. Между ними Илья замѣтилъ еще третье лицо и долго съ него не спускалъ глазъ. Это былъ малый лѣтъ двадцати-шести, но на видъ ему, по рано-состарѣвшемуся блѣдному и морщинистому лицу, можно было дать лѣтъ сорокъ. Отжившіе сѣрые глаза его смотрѣли тускло. Отвислыя безцвѣтныя губы едва прикрывались рѣдкими усиками. Голова была почти лысая, расцвѣченная прыщиками и красноватыми пятнами. Зато на немъ былъ послѣдней моды суконный сѣрый сюртучокъ, въ ухо болталась золотая серга, изъ подъ зеленаго галстука высовывались смятые крахмаленные воротнички, а по клѣтчатому жилету была развѣшена серебряная часовая цѣпочка. Онъ пристально смотрѣлъ на Илью, дѣлая себѣ папироску.

— Да! сказалъ Гриценко: — ты, Илья, этого парня не знаешь?

— Не знаю.

— Это Васька Комаръ, изъ Карабиновки. Онъ восемь годовъ былъ въ бродягахъ, попалъ въ самую Италію и проживалъ... какъ?.. да... въ Винеціи, а теперь тоже воротился къ своимъ господамъ.

Венеціянецъ Васька всталъ, закурилъ на плошкѣ папироску и взявши Илью за руку сказалъ:

— Я тоже радъ-съ познакомиться. Много наслышамшись про васъ отъ людей.

— Чтожъ, какъ застали дома своихъ? спросилъ Илья стариковъ.

— Дома пока тоже еще все выходитъ по былому. Молодые барщину отправляютъ, но не сидятъ и старики. Ты же какъ?

— Я хочу къ обществу. Отецъ упирается, да нѣтъ. Свое возьму. Требую землю; на старомъ мѣстѣ, на Окнинѣ, тутъ за садомъ и дворъ опять поставлю.

— Больше ничего новаго?

— Ничего.

— Не врешь?

Digitized by Google

— Не вру.

Гости опять переглянулись. Сапожникъ всталъ и въ поясъ поклонился Ильѣ.

— Ты, малый, меня прости; вотъ при людяхъ говорю... Ты намъ надежный, значитъ, нужный человѣкъ. Мы тебя узнали еще дорогой, какъ шли вмѣстѣ, да и тутъ про твою душу стало слышно. Ты грамотный, а мы всѣ слѣпые, темные. Міръ твой тебя любитъ, съ понятыми въ Сыртѣ хорошо ты поступилъ; все слышно...

— Такъ что же?

Всталъ и бывшій квасникъ.

— Я первый передъ тобою виненъ. Какъ ты шолъ еще сюда, вижу, парень молодой! началъ онъ, переминаясь и несмотря на товарищей: — а на послѣднемъ привалѣ, подъ городомъ, въ нонкѣ я узналъ, что отецъ безъ тебя въ прикащики попалъ... Скрою отъ него, думаю, и скрылъ... А тутъ, помнишь, у тебя гнѣдой конекъ былъ... Думаю: отецъ-то у него теперь его заграбитъ; что такъ-то отдавать? Ну... подсмотрѣлъ, какъ ты его тогда въ лѣску-то привязалъ, да ночью подобрался и укралъ его....

Илья покачалъ головой. Венеціянецъ Васька заморгалъ вѣками, слулъ пепелъ съ папироски и сказалъ:

— Это ты... это не слѣдъ! Въ чужихъ земляхъ за это въ тюрьму, на галеры бы попалъ, по нашему въ Сибирь...

— Ужь и въ Сибирь! возразилъ квасникъ Шуменко: — что такъ скоро, братъ?

— Потому кража... а въ Лондонѣ у агличанъ даже вѣшаютъ за это! Не слѣдъ, отцы родные, мы посланцы; мы теперь значитъ ходоки отъ міра; насъ выбрали: такъ первый ты говори правду, когда положилъ покаяться...

Квасникъ вздохнулъ и продолжалъ:

— Прости, паренекъ; укралъ я, что дѣлать. Ты шолъ на хорошіе хлѣба, къ отцу-прикащику. А меня дома жена вѣдьма злющая ждала; семнадцать годовъ ее не видалъ. Сказано намъ было на вольницѣ: идти домой; я и пошолъ, какъ и всѣ. А съ чѣмъ манифеста дожидаться? Съ чѣмъ на землю-то эту сѣсть? Я вотъ конька-то твоего и продалъ доброму человѣку и... прости, братъ!.. деньги взялъ. Міръ узналъ и велѣлъ тебѣ все сказать...

— Ты его, Илько, прости! подхватилъ сапожникъ: — какъ

Digitized by Google

поумнѣемъ мы всѣ, онъ тебѣ воротитъ деньги. Сколько взялъ? Тридцать цѣлковыхъ, чтоли?

— Тридцать-пять...

— Ну, онъ тебѣ ихъ отдастъ.

— Ей-же-ей, отдамъ! Только надо быть, сказуютъ, на готовѣ къ веснѣ. По веснѣ-то чиновники наѣдутъ...

— А ужь мнѣ-то, мнѣ-то теперь деньги нужны! сказалъ съ чувствомъ Илья: — просто, братцы, едва пробиваюсь: вонъ бондарствомъ занялся. Своимъ мужикамъ ведра, корыта дѣлаю. Письма не на что переслать иной разъ. Ты, братъ, деньги мнѣ отдай, какъ надобны станутъ, а то ославлю.

— Что ты, что ты! Я только держу; а приди, хоть съ жены платье сниму, а ворочу тебѣ. Она же теперь, вѣдьма, отъ радости, что я пришолъ, чуть насѣдкой не квокчетъ, и даже сдуру забрюхатѣла кажется... Вонъ и тальянецъ нашъ, Васютка, тоже на волѣ восемь годовъ былъ безъ жены, а теперь воротился и рыло воротитъ отъ своей былой сужоной; говоритъ, больно пахнетъ отъ нея — въ чужихъ краяхъ бабы почище и онъ на нихъ зубы привѣлъ вдоволь...

— Полно врать-то! перебилъ его Комаръ: — мало баринъ-старикъ тебя стращалъ, какъ ты воротился, хоть ему тоже чуть не за восемьдесятъ годовъ. Отсылалъ тебя намедни съ сердцовъ въ судъ, а теперь на птичню посадилъ. Ты, говоритъ, мнѣ вовсе не нуженъ, тебя на соръ да на сметье пора выкинуть; а впрочемъ, садись, Карпушка, индюшичьи яицы считать! И посадилъ. Сидѣлъ бы. Нѣтъ, храбрится; земли тоже ждетъ, на хозяйство мостится.

— А вы-то?

— Я? спросилъ сапожникъ.

— Да, хоть и ты...

— Въ старосты церковные, братъ, буду проситься, какъ волю прочитаютъ. Пришолъ, чтобъ хоть посмотрѣть, какъ эта воля у насъ скажется и какъ внуки по ней за-ново заживутъ. Ты, Илья, скажи однако, мы пришли отъ міра къ тебѣ: ничего тамъ этого еще нѣтъ сверху?

— Ничего. Я бы вамъ, отцы родные, сказалъ.

— Ей-богу ничего?

— Ей-богу.

Сапожникъ почесался.

Digitized by Google

— Тебѣ мы вѣримъ. Ты грамотный и съ отцомъ не якшаешься. У насъ вездѣ уже, какъ говоримъ тебѣ, про тебя слышно стало, межъ молодыхъ и старыхъ. Къ намъ за Авдулины-бугры перелетѣла вѣсть сразу отъ вашихъ, что тебя вашъ міръ полюбилъ. Вотъ, братъ, это дѣло. Тутъ дешевъ не будешь. А мы, темные и слѣпые, затѣмъ къ тебѣ посланцами-ходоками отъ нашихъ селъ пришли, чтобы узнать все дѣло: нѣтъ ли чего въ газетахъ или манифестъ не высланъ ли къ попамъ? и поклониться тебѣ отъ нашего міру.

Оба старика и венеціянецъ Васька встали съ лавки и поклонились Ильѣ, который покраснѣлъ и растерялся.

— «Со мной прошу дружбу вести! сказалъ Васька, подавая опять руку Ильѣ: — меня моя барыня за грубость въ солдаты хотѣла отдавать; такъ я-съ черезъ Адесту и Турцію на пароходѣ убѣжалъ, а въ Италіи въ наймахъ по парикмахерской части былъ и самаго аппиратора Наполеона видѣлъ. Зайдите когда-нибудь, про все раскажу. У насъ въ Карабиновкѣ говорятъ, что чуть манифестъ выйдетъ, чтобъ къ вамъ я шолъ про все узнавать.

Весь тронутый и взволнованный, Илья отвѣтилъ:

— Ничего, братцы, еще нѣту главнаго, ничего; я бы зналъ. Повѣстки въ экономію изъ стана сюда все лѣто я отцу читаю; а отъ господъ хорошихъ ничего не слышно. Священникъ, значитъ отецъ Смарагдъ отъ меня бы не потаился: онъ про все мнѣ говоритъ; да и генералъ Рубашкинъ за услуги мои, ждать надо, теперь не потаится. Люди все важнѣйшіе и отмѣнные.

— Такъ, такъ. Подождемъ еще.

— Надо ждать. Такъ своимъ и скажемъ.

— Ну, а комитеты? спросилъ моргая блѣдными вѣками венеціянецъ: — что про нихъ слышно?

— И про это скажу-съ... Комитеты кончили значитъ свои дѣла, списки людямъ и скоту, и постройкамъ, и всякому имуществу сдѣлали. И теперь тѣ списки въ Петербургѣ. Разбираютъ ихъ значитъ на счетъ того, какъ то-есть богатъ или бѣденъ мужикъ? А какъ воля выдетъ, ужъ генералъ Рубашкинъ безпремѣнно первый по газетамъ узнаетъ. Тогда и приходите. Я открою все. Дворяне уже дважды ѣздили въ Петербургъ. Приходите спустя время. Скажите вашимъ всѣмъ, что я ничего не утаю и навсегда слуга вашему міру...

Digitized by Google

— Ладно, придемъ. Дожить бы только. Авось и къ намъ оттуда сверху, черезъ Авдулины-бугры-то, новый вѣтерокъ потянетъ. Прощай, Илюша!

— Посидѣли бы еще... Блиновъ не спечь ли?

— Некогда, нельзя; далече идти! сказалъ сапожникъ: — а знаешь самъ наши силы и кости старыя; съ тобою вѣдь мы волоклись сюда отъ моря. Пора бы уже умирать; а все-таки на волюшку хотѣлось бы поглядѣть. Прощай. Видишь, какъ тебя общества наши полюбили: чуть узнали какъ ты въ Конскомъ-Сыртѣ правое дѣло поддержалъ и всѣ руки скрѣпилъ, сейчасъ насъ нарядили къ тебѣ съ поклономъ. Вѣсти добрыя, точно ласточки, разлетѣлись во всѣ концы. Кто-то узналъ, что вотъ старикъ-то этотъ Шуменко у тебя коня стащилъ; его міръ ихній призвалъ, назначилъ къ тебѣ въ ходоки на счетъ вѣстей о волѣ и велѣлъ во всемъ покаяться тебѣ...

— Потому безобразный поступокъ! прибавилъ венеціянецъ: - я въ Италіи по четыре дня въ первое время голодалъ, языка не знаючи, а красть не кралъ. Я тоже, братъ, не грамотный; мнѣ тоже земля нужна, я ищу отцовскую, купленную; такъ ты уже не выдай, помоги тамъ, знаешь...

— Будьте всѣ спокойны!

Посланцы пошли къ сѣнямъ.

— А записку ты ему отдалъ? спросилъ сапожникъ Василія.

— Нѣтъ. Вотъ она. Пардонъ, братъ, и забылъ... хворалъ я долго тамъ въ чужихъ краяхъ; памятью ослабѣлъ...

— Отъ кого?

— Я опять пароходомъ воротился, какъ изъ-за границы ѣхалъ, только на Ростовъ; тамъ у меня братъ по пачпорту у купца въ сидѣльцахъ; черезъ него я у одного каретника побывалъ. Тамъ одна дѣвушка и передала эту записку... Вона, цѣла; гляди, къ тебѣ ли? Ты грамотный, ты и разбирай...

— Ко мнѣ, ко мнѣ! сказалъ Илья радостно, читая надпись и угадывая, отъ кого было письмо.

— Проводи же насъ. Да придержи собаку! сказалъ сапожникъ.

— Идите.

Илья проводилъ гостей за канаву на Окнину, посовѣтовалъ имъ, какъ осторожнѣе миновать улицу возлѣ барскаго двора,

Digitized by Google

чтобъ не наткнуться на отца его, и кинулся съ замирающею душой снова въ пустку, напутствуемый словами Васьки Комара:

— Вы же, Илья Романычъ, смотрите... зайдите ко мнѣ... пока до воли господа меня повернули въ портные; безштанную дворню обшиваю-съ и жду того радостнаго дня, какъ вы намъ все скажете, потомучто и я неграмотный, даромъ прошлялся и только свое здоровье погубилъ. Я пріѣхалъ отыскивать землю, что отецъ мой покойный когда-то на свои денежки купилъ, на имя барыни. Удастся ли, не знаю! Хозяева изъ Венеціи не пускали...

Илья взялъ отъ иконы восковую свѣчку, зажогъ ее въ помощь плошкѣ, опять приперъ двери и сталъ читать.

Письмо было отъ дочери Талавѣрки, писанное четкою красивою рукою. Настя писала: «Сердце мое, лапушка, жизнь и сужоный мой вѣрный, Илья Романычъ. Накого же ты покинулъ меня? За что стрѣлами такого молчанія пронзаешь меня, бѣдную? Помни, припомни нашъ садокъ, вспомни ноченьки, какъ мы съ тобою гуляли по саду и какъ я тебѣ читала напамять Кольцова пѣсни и Пушкина стихи. Меня ничто не занимаетъ, окромѣ тебя. Скоро ли ты за мною пріѣдишь? Не смотри, что я въ ситцахъ хожу; тутъ всѣ дѣвушки даже въ деревняхъ въ ситцахъ ходятъ. А батюшка хочетъ, чтобы мы съ тобою на деревенское хозяйство, на хлѣбопашество сѣли, и я готова, пока жива; въ поле пойду, серпъ возьму; не истомятся мои рученьки, не обсѣкутся объ траву мои ноженьки; лишь бы ты со мною былъ. И ставь хату на той самой Окнинѣ, про которую ты, Илюша, отцу сказывалъ. Отецъ сталъ хворать что-то; старъ становится. Работа однако идетъ хорошо; сами чиновники насъ уважаютъ. Тятенька дѣлаетъ карету главному тутъ по всякимъ дѣламъ барину въ полиціи. Пиши и ты мнѣ. А переписываетъ тебѣ за меня это письмо Аверкіи ученикъ, булочницы той вдовы сынъ, что изъ мѣщанокъ. Онъ читалъ мнѣ все письмо и я рада: онъ помѣстилъ все, какъ я говорила ему, и ничего не пропустилъ. Твоя по гробъ любящая невѣста, Настасья Масанешти.»

Долго сидѣлъ надъ этимъ письмомъ Илья. Восковая свѣчка давно догорѣла; догорѣла и жировая плошка. Онъ и хлѣба куска на ужинъ себѣ не отрѣзалъ. Перекрестился, вздохнулъ и легъ на залавокъ, не раздѣваясь.

— «Слава тебѣ Господи! думалъ онъ, засыпая почти на зарѣ и перемысливши разныхъ разностей съ цѣлый коробъ: — гра-

Digitized by Google

мота-то мнѣ какъ пригодилась. Не даромъ выучилъ нѣмецъ! Хоть этимъ его добромъ помянешь! Міръ замѣтилъ меня; надо же честью послужить міру. Лишь бы случай былъ!»

Бодро вставши и умывшись, Илья закусилъ и принялся съ сапкой за полотье грядъ капусты и барской садовой бакши съ дынями и арбузами.

Романъ засталъ сына за этою работою. Илья даже пѣлъ, звонко оглашая садовыя кущи.

— Вотъ какъ! поешь! сказалъ прикащикъ, подходя и искоса поглядывая на сына.

— Пою.

— Брось сапку. Надо съ тобой поговорить.

Илья поднялся отъ грядъ и вышелъ ближе къ дорожкѣ. Увалень и тихій отъ природы, онъ за нѣсколько мѣсяцевъ жилья въ Есауловкѣ сталъ еще медленнѣе и суровѣе.

— Слушай и не пророни ни единаго моего слова. Я давно слѣжу за тобой. Ты пришолъ сюда; я тебя принялъ, заявилъ объ тебѣ полиціи, пустилъ тебя въ деревню барскую, а ты шашни вездѣ завелъ? Противъ меня идешь? Противъ господъ, которые меня любятъ и отличаютъ? Это что значитъ? отвѣчай!

— Я пришолъ къ міру, къ обществу, а не къ барину и... не къ вамъ, батюшка...

— Вотъ какъ! Ахъ ты щенокъ! Да я тебя въ плети; гаркну на соцкихъ, свяжу тебя, положу и отдеру...

— Стара штука, батюшка. Незачто!

— Что? Какъ? Что ты сказалъ мнѣ, молокососъ?

Романъ кинулся къ сыну. Илья быстро отступилъ и крѣпко сжалъ въ рукахъ огородную сапку.

— Да ты кто? Сынъ ты мнѣ, или нѣтъ? Къ міру! Къ мужикамъ? Вотъ какъ! Не бывать же этому вовѣки: ты сынъ мой и я записалъ тебя въ дворовые въ поданной сказкѣ, съ якою о тебѣ въ палату. Въ мужики я тебя не пущу...

— Сынъ я вамъ, да только не дворовый. Я родился, когда вы, батюшка, еще въ селѣ жили, на Окшинѣ... все-таки въ составѣ здѣшняго общества, а не въ дворовыхъ; тогда, какъ вы еще не помыкали міромъ, не пили христіанской крови, не сѣкли

Digitized by Google

своихъ же братьевъ, мужиковъ... не мучили Власика-сироты... вотъ что! Грѣхъ вамъ, батюшка!

Романъ почернѣлъ отъ бѣшенства, и не помня себя, снова кинулся къ Ильѣ.

— Не замай, батько! сказалъ вдругъ Илья, понуря голову и также ставши изъ блѣднаго темнымъ: — теперь меня не трогай! Я не ручной вамъ и даромъ не поддамся... Руки теперь твои, батько, на меня коротки!

Прикащикъ уставился испуганными глазами на сына и сталъ безсмысленно шевелить губами. Онъ никакъ не ожидалъ такого отпора и на первое время ему показалось, что Илья рехнулся въ умѣ.

— Руки мои на тебя коротки?

— Коротки...

— Вотъ какъ! Когда же они укоротились?

Илья молчалъ.

— Гдѣ ты выросъ такой, пакостное зелье?

— На волѣ, батько, на волѣ... Одумайтесь и вы: вспомните прежнее свое житье; лучше откажитесь отъ помыканья людьми. Другія времена пришли, батюшка, одумайтесь лучше... не губите души своей.

Голосъ Ильи изъ суроваго и глухого перешолъ опять въ мягкій. Онъ поднялъ глаза на отца и собирался сказать что-то ласковое.

— Эй, Илько, берегись! крикнулъ Романъ: — вѣдь я здѣсь все равно, что баринъ; за князя всѣмъ управляю... Знаешь ли ты, собачье твое отродье, что я станового могу вызвать? въ тюрьму могу тебя засадить; пропадешь ты тамъ, какъ блоха, вотъ что!

— Миновалося ваше панство, батюшка! отвѣтилъ спокойно Илья, тряхнувши черною кудрявою головой и снова опустивши въ землю глаза: — вы слѣпы, да и потатчики ваши слѣпые. Не то говорятъ давно на сторонѣ...

— Что же говорятъ-то, что говорятъ на сторонѣ? Что хвастаешься, поросенокъ? Ты лучше покорись, не слушай дураковъ, иди ко мнѣ въ контору, въ дворовые, да помоги отцу счеты сводить, барскія деньги въ толкъ привести, письма къ его сіятельству за границу надо готовить о смутахъ да о дурачествахъ вашего же брата... Что говорятъ-то? отвѣчай ты мнѣ!

Digitized by Google

— Многое говорятъ, да не вамъ вижу я то слушать. И потому... я знать ничего не знаю и вѣдать ничего не вѣдаю; а мое дѣло пока... сами знаете... барскій садъ!

— Вонъ отсюда, вонъ; чтобъ твоего и духу тутъ не пахло! Вонъ! Ступай на деревню...

— Давайте хату мнѣ на селѣ, такъ и пойду.

— Не будетъ...

— Давайте хоть мѣсто, да лѣсу; самъ построю съ добрыми людьми.

— Не будетъ тебѣ, собака, ничего! Вонъ! вонъ съ глазъ моихъ, хоть въ Ростовъ...

Романъ еще крикнулъ и пошолъ. Съ конца дорожки онъ однако же воротился. Илья опять чистилъ грядки.

— Илья! сказалъ прикащикъ нѣсколько мягче: — какъ мнѣ не сердиться? вонъ ты какой сталъ! Разсердилъ такъ, что я чуть тебя не поколотилъ. Не думалъ я тебя такого встрѣтить, какъ ждалъ, да высматривалъ тебя изъ бѣговъ домой. Не груби мнѣ больше, эй, не груби! а не то, побью при всѣхъ.

— Не замай, батюшка! а не то и я... не спущу — помѣряемся! глухо проговорилъ Илья, опять блѣднѣя: — особенно берегитесь, совѣтую вамъ это, меня тронуть при людяхъ, на міру! Хоть грѣхъ будетъ, а тогда уже и я не спущу...

— О-го! какіе храбрецы нашлися!

Прикащикъ притворно усмѣхнулся, самъ между тѣмъ не вѣря ни глазамъ своимъ, ни ушамъ. Илья стоялъ передъ нимъ, съ полновѣсною сапкой въ рукахъ и кажется все въ немъ говорило: «Эй, батько, не тронь меня; довольно съ тебя и Власика; не то и я тебя поколочу!»

— Такъ слушай же, Илько! Оставайся тутъ; изволь, я согласенъ. Стройся себѣ на Окнинѣ, бери землю... дамъ тебѣ и лѣсу... Не хочешь помогать отцу, такъ Богъ съ тобой. Только сдѣлай одно дѣло, Илько...

— Какое?

— Прошу тебя... слышишь? прошу! Я, я твой отецъ, прошу тебя, кланяюсь тебѣ...

— Какое же тамъ дѣло у васъ? Ну?

— Откажись отъ своей руки въ тѣхъ бумагахъ, что ты противъ той барыни подписалъ...

— Такъ и вы, батюшка, про эти глупости просите? пере-

Digitized by Google

былъ Илья, усмѣхнувшись: — ну, развѣ это можно? Если уже меня судьба натолкнула на это дѣло, и я не гадаючи съ Кирюшкой впутался туда, — такъ тому и быть... Всѣ про то уже знаютъ, огласка вездѣ пошла... Міръ не шутка, чтобъ съ нимъ баловать!

— Опять міръ? Пропади онъ! Слушай, Илья; сердце у тебя доброе было... Откажись, объяви, что тебя принудили и принудили съ тобою всѣхъ понятыхъ. Не погуби и меня... Илько! Съ тою барыней все мое имущество связано; у нея всѣ деньги мои безъ записки на храненіи. Хоть малость тамъ, а все-таки тебѣ же останутся. Гдѣ намъ снова отъ господъ нажить? Пропадетъ она, пропадутъ и эти мои деньги! Откажись, сынъ; я тебѣ самъ... барщиной... хату-то поставлю... и воловъ тебѣ, и корову, и овецъ на хозяйство дамъ... къ князю про твои заслуги напишу... Я вѣдь въ силѣ, я все могу у князя...

— Отказаться отъ своей руки я не могу, пока живъ...

— Прошу тебя, Илья, еще разъ прошу тебя и кланяюсь!

Романъ опять поклонился сыну въ поясъ.

Илья схватилъ въ руку горсть земли.

— Вотъ вамъ, батько, клятва! Видите? землю ѣмъ, коли лгу: изломайте во мнѣ всѣ косточки, изрѣжьте тѣло мое на куски, а я отъ того, что показалъ за себя и за міръ въ томъ дѣлѣ, не откажусь!

Онъ взялъ въ ротъ земли и обернувшись, съ сапкой черезъ плечо, молча пошолъ къ пусткѣ.

— Такъ будь же ты проклятъ, собака! крикнулъ ему вслѣдъ отецъ: — не хотѣлъ покориться и пожалѣть отца родного, пропадай самъ и съ своею невѣстою. Я все знаю; все слышалъ, какъ ты своему любезному пріятелю Кирюшкѣ Безуглому разсказывалъ. Знаю всѣ твои дѣла и похожденія. Убирайся на Окнину; стройся. Созывай сосѣдей, кланяйся міру, пусть тебѣ помогаютъ; даю и барскій лѣсъ тебѣ на хату. Отказать не могу; идешь въ мужики. Только помни: сокомъ тебѣ выйдетъ треклятое отродье твое, и эта Настя Талавѣркова и ея бродяга — отецъ...

Долго раздавались въ кустахъ сада угрозы Романа. Илья порывался воротиться къ отцу, кинуться ему въ ноги, просить о прощеніи, лишь бы тотъ не мстилъ Талавѣркѣ. Но упорство взяло верхъ. «Не посмѣетъ онъ донести!» подумалъ Илья и не вернулся къ отцу. Онъ пришолъ въ пустку, бросилъ объ полъ сапку, уложилъ въ узелъ кое-какіе вещи и пожитки, въ томъ

Digitized by Google

числѣ бережно снялъ отъ иконъ картину покойнаго Савушки; положилъ все это на залавокъ, заперъ дверь на замокъ, свиснулъ на собаку, и перескочивши черезъ канаву на Окнинѣ, пошолъ въ винокуренный заводъ, гдѣ помѣщались начинавшіе со скуки буянить музыканты, къ Кирилѣ Безуглому, а оттуда съ вѣрнымъ другомъ на совѣтъ къ отцу Смарагду. Онъ рѣшился тогда же бросить и садъ и пустку.

Священникъ сверхъ ожиданія далъ сильную головомойку Ильѣ. Онъ стыдилъ его за непочтеніе къ отцу, совѣтовалъ идти просить у него прощенія и вообще помириться съ отцомъ. Священникъ былъ очень грустенъ.

— Виноватъ, отецъ Смарагдъ, погорячился! Только отказаться отъ того что я написалъ въ бумагахъ на слѣдствіи, я не могу .. Вовѣки не откажусь! Безъ меня понятые ничего бы не сдѣлали; самъ совѣтникъ это знаетъ! Не откажусь во вѣки! Я уже самъ тутъ сталъ слугой царскимъ!

— Это другое дѣло. Тутъ отказаться, значитъ идти противъ совѣсти и вѣры. На совѣты отца я тебя не благословляю!

Илья съ чувствомъ поцѣловалъ руку священника.

— А о волѣ, батюшка, ничего еще не слышно новаго? спросилъ Кирило.

— Ничего. Сегодня газету у генерала читалъ.

— Эхъ, когда же это она будетъ?

— Ждите. Ждали же долѣе!

— Я-то готовъ ждать, да есть такія дѣла, что молилъ бы Господа-Бога, чтобъ скорѣе пришла эта воля! сказалъ Илья вздыхая.

— Какія же тамъ дѣла?

Илья молчалъ.

— Онъ боится, отецъ Смарагдъ, заговорилъ за него Кирило: — прикащикъ подслушалъ наши рѣчи съ нимъ въ саду. Илья про бѣга свои расказывалъ. Ну, знаете, тамъ у него въ Ростовѣ... вамъ можно все передать... любовишка, невѣста осталась... А отецъ-то ея бѣглый столяръ Перебоченской, Афонасій Талавѣрка. И Настя, значитъ, у него всего единая дочь... ну, тутъ и есть самое дѣло!

— А! Перебоченская точно давно еще мнѣ про этого Талавѣрку говорила; года два назадъ будетъ. Она твердила все, что

Digitized by Google

такой знающій и мастеровой человѣкъ навѣрно гдѣ-нибудь живъ и разбогатѣлъ, и полагала сама поживиться его добромъ.

— Такъ вотъ Илья боится, чтобъ отецъ-то его со злости теперь не выдалъ этой тайны и чтобы эта вѣдьма-съ барыня не стала бы Талавѣрку искать. Сами знаете; времена у насъ еще старыя. Отпишетъ, снесется; полиція нагрянетъ, докажетъ, и не только его самого сюда приволокутъ къ ней, а еще и имѣньишко-то его все растащутъ по мытарствамъ. Романъ узналъ, что Талавѣрка сидитъ теперь въ тысячахъ ..

— Дастъ Богъ, этого не будетъ! Молитесь милосердому Богу. Все-таки Романъ тебѣ отецъ.

Священникъ посмотрѣлъ въ-бокъ. Илья стоялъ въ слезахъ, ломая руки и перешептываясь съ Кирилой.

— Полно, Илья, стыдись! не отчанвайся! А еще такой храбрый парень!

— Не знаете вы, ваше преподобіе, вижу, людской злобы, да не знаете и полиціи. А я все это узналъ уже, хоть малый вѣкъ живу. И чуетъ душа моя, что черезъ эту любовь мою и черезъ отца моего, пропадетъ Талавѣрка ни за грошъ...

— А съ нимъ и его значитъ невѣста! добавилъ Кирило, вздыхая.

— Нѣтъ, Романъ можетъ сердиться на тебя, можетъ журить и грозить тебѣ! сказалъ священникъ: — но я полагаю, онъ не выдастъ будущаго тестя твоего Перебоченской. Онъ знаетъ, что Талавѣрка разбогатѣлъ, и будетъ радъ, чтобъ ты женился на его единственной дочкѣ. Вѣдь изъ прикащиковъ Романа могутъ легко и смѣстить. Что же ему ужь такъ хлопотать для Перебоченской?

— Нѣтъ-съ, ваше преподобіе, перебилъ опять Кирило: — позвольте-съ, я слово доложу... Фрося... значитъ, тоже моя любовница-съ, извините... а больше того невѣста моя, горничная этой барыни... Когда Перебоченскую уже совсѣмъ увозили, эта Фрося прибѣжала ко мнѣ тамъ въ овражокъ въ полѣ, обняла меня, извините, и говоритъ: — «Коли меня барыня къ зимѣ или къ веснѣ за тебя отъ себя не отпуститъ, такъ ты, Кирюша, проси о томъ Романа Антоныча... Это такой сильный человѣкъ у нашей барыни, такой сильный, что другого такого у нея и нѣтъ... И часто въ щелочку смотрѣла что они запершись дѣлали. — «Чтоже они дѣлали?» спрашиваю. «А вотъ, говоритъ, что: онъ

Digitized by Google

считаетъ ей асигнаціи, а она все ихъ пачками связываетъ. Такая пропасть бывало лежитъ это передъ ними на столѣ. И должно быть онъ гдѣ-нибудь ей ихъ мѣнялъ... Какъ они еще въ Черноморію ѣздили, я была маленькою дѣвочкою и барыня брала меня съ собою. Туда они ѣхали почти безъ денегъ; у барыни было немного денегъ на покупку скота; а изъ Нахичевани они вывезли цѣлый сундучокъ денегъ и все тутъ считали...» — «Откуда же это все ты подсматривала? спрашиваю. — «Изъ кладовой, что возлѣ спальни барыни; тамъ не стѣна, а тоненькая перегородка, и въ перегородкѣ такая щелочка, что только прутокъ продѣть: оттуда я все и видѣла» — Такъ вы, батюшка, на счетъ дружбы прикащика нашего съ этою барынею не сомнѣвайтесь! прибавилъ Кирило Безуглый: — какъ у нихъ богатые такіе счеты между собою, такъ онъ не задумается ей когда-нибудь угодить и Талавѣркою! Это такъ!»

— Что за чудеса однако расказывала тебѣ эта Фрося! Слышишь, Илья? спросилъ священникъ, не знавшій съ Ильей еще ничего о томъ, что Романъ все расказалъ Перебоченской и что поиски о Талавѣркѣ уже начались...

— Слышу.

— Чтоже ты на это скажешь?

— Ничего не знаю, батюшка, ейбогу. И меня неразъ брало раздумье: откуда разбогатѣла Перебоченская, а съ нею и мой отецъ. Что-то мерещится мнѣ какъ вспомню про Нахичевань, гдѣ я тоже жилъ какъ-то въ бѣгахъ! Да Богъ съ ними; не хочу грѣха брать на душу. Лишь бы они за меня другихъ не губили... А погубятъ, низачто не поручуся. Услышатъ про такое, что и во снѣ имъ не приснится... Радъ я отцу покориться и благодарю васъ за совѣтъ. Пойду къ нему завтра; даже въ конторѣ стану помогать ему. А тѣмъ часомъ таки по его слову на Окнину начну перебираться. Осень подходитъ. Надо успѣть хату срубить, укрыть ее и обмазать. Поклонюсь опять міру; можетъ дадутъ мнѣ помощь. Надо и угостить людей. Тамъ надъ ключами у вербъ, на мірской землѣ подъ селомъ и строиться стану. Только сны я все вижу нехорошіе, батюшка...

— Какіе?

— Смутные. Все одинъ старикъ съ длинною сѣдою бородою смущаетъ меня. Я его въ бѣгахъ видѣлъ въ Ростовѣ, и онъ мнѣ впервое тогда про волю настоящую говорилъ. Умный старикъ;

Digitized by Google

его Зѣнцемъ зовутъ. Онъ по сосѣдству съ Талавѣркой огородъ держалъ. Бѣдовый, все знаетъ раньше всѣхъ и страхъ какъ дворянъ не любитъ! Такъ какъ отецъ меня уже выселяетъ и надо кстати освятить мѣсто на постройку, такъ отслужите мнѣ, батюшка, въ это воскресеніе молебенъ и о мѣстѣ и о здравіи моемъ, чтобъ ничто меня не смущало про волю...

— О твоемъ только здоровьи? спросилъ священникъ съ грустною улыбкою: — а о Настѣ?

— Ну, хоть и не объ одномъ моемъ! отвѣтилъ потупившись Илья.

Изъ сосѣдней комнаты раздавались между тѣмъ стоны больной жены священника.

Въ слѣдующее воскресеніе отецъ Смарагдъ служилъ Ильѣ молебенъ. Прикащикъ съ-вилу какъ-будто простилъ сына и далъ даже барщиной людей въ помощь ему на закладку хаты. Хата заложена была на прежнемъ старомъ мѣстѣ, среди журчащихъ ключей на Окнинѣ, подъ обломанными вербами, насажонными еще дѣдомъ Ильи, отцомъ Романа Танцура, прозваннымъ такъ потому, что онъ былъ также любимцемъ на селѣ и всегда въ праздники потѣшалъ міръ плясками.

— Коли моя Фрося отойдетъ отъ барыни, сказалъ, выпивши на освященіи хаты, Кирило: — такъ я поселюсь тутъ же возлѣ тебя; только на шпилю, повыше, чтобъ слышно было лучше флейту мою, какъ стану я играть тебѣ, Илюша.

IV

НЕ ПОЗДНО ЛИ?

О Талавѣркѣ по объявленію Перебоченской производились справки.

Нахмурился сентябрь. Его смѣнилъ свѣтлый, морозный низовый октябрь. Въ половинѣ ноября повалилъ снѣгъ, но не дружный. Вездѣ было тихо, не было слышно особенныхъ происшествій.

Подъ Есауловкою между-тѣмъ надъ ключами, на Окнинѣ, возникла новая хата. Ее выстроили частью барщиной, частью міромъ, успѣли обмазать и укрыть. Десятскій былъ хорошій печникъ и

Digitized by Google

самъ сдѣлалъ Ильѣ печь. Товарищи флейтиста Кирила въ праздники, за полведра водки, съѣздили съ Ильей въ Кукушкины-кучугуры, вывезли оттуда нѣсколько возовъ лозы и кольевъ и заплели вокругъ хаты хорошенькій дворикъ. Утварь Ильи изъ садовой пустки перешла въ эту новую хату. Илья сталъ строить сарайчикъ; вправилъ ворота въ дворъ. Онъ ничего не зналъ о доносѣ отца Перебоченской и по совѣту священника помирился съ отцомъ. Романъ ходилъ смутный, точно въ тяжеломъ чаду. Такъ его озадачила Перебочевская отказомъ въ отдачѣ денегъ до конца ея дѣла. Кирило заходилъ къ Ильѣ, поглядывалъ на новые углы хаты, на новую золотистую соломенную крышу, возился вмѣстѣ съ пріятелемъ надъ устройствомъ внутри оконъ, дверей, полокъ и лавокъ. Садъ опустѣлъ, помертвѣлъ. Виноградъ былъ зарытъ въ землю. Илья все еще пока носилъ званіе садовника. Мать Ильѣ принесла тайно отъ мужа большую икону и помѣстила ее въ главномъ углу хатки. Илья ниже ея привѣсилъ въ сторонѣ картину покойнаго Саввушки, и добрые люди, входя посмотрѣть на житье бѣдоваго парня, который не пошолъ плясать по дудкѣ стоглазаго отца, крестясь на икону и видя случайно противъ входа въ хату нарисованнаго Саввушкой молодцоватаго запорожскаго казака, говорили: «Сейчасъ видно хорошаго человѣка: самъ казакъ, намалёванная казака и за хозяйку взялъ себѣ!» Илья ходилъ въ угоду отцу иной разъ въ контору, перевѣрялъ денежные счеты и книги всякаго рода. Все это писалось другими со словъ самаго Романа, слѣдовательно нечего было и сидѣть надъ ними, хоть прикащикъ иногда, уставясь глазами въ сына во время повѣрки итоговъ, будто такъ и ожидалъ, что вотъ тотъ скажетъ: «А! тутъ ошибка!» Окрестности запорошило снѣгомъ. Легъ зимній путь. Рѣки стали. Мужички, къ будущему сплаву, на себя и на владѣльцевъ бодро молотили новый хлѣбъ. Скотъ давно стоялъ въ загонахъ. Земскія власти, какъ сурки въ теплыхъ норахъ, сидѣли дома, покуривали табачокъ, поигрывали въ картишки и вели бесѣды о далекомъ и темномъ Петербургѣ, о новыхъ сановникахъ, о смѣнѣ старыхъ, и съ трепетомъ въ желудкѣ и въ спинѣ шопотомъ передавали другъ другу пугливыя догадки о томъ что-то будетъ къ веснѣ.

Забытая есауловская усадьба попрежнему грустно безмолвствовала и пустынничала въ отсутствіи своего настоящаго хо-

Digitized by Google

зяина. Французикъ, мосье Пардонне, сахаровaръ, изрѣдка наѣзжалъ сюда изъ города, выпивалъ добрую порцію мѣстной крѣпкой водки, настоенной женою Романа на апельсинныхъ коркахъ, говорилъ прикащику, топорща кверху востренькій багровый носикъ: «Итакъ, пошлякъ, трудись, молоти клѣбъ, пшеницъ; а главное побольше князю посылайтъ денегъ!» бралъ отъ Романа въ карманъ, смотря въ сторону мутными глазками, двѣ–три сѣрыхъ депозитки и уѣзжалъ обратно въ городъ. Къ Роману между-тѣмъ завертывали въ гости по былому разныя личности, купцы, мѣщане, однодворцы, барочники и рыбаки, закупали барское зерно, снимали барскія рыбныя тони по Волгѣ и по Лихому, рубили лѣсъ, угоняли купленный скотъ и овецъ. Есауловскіе мужички чесали въ затылкахъ, посматривая на все это, и въ недоумѣніи покорно шли на работы. «Кто у батька твоего купилъ бракованныхъ воловъ и овецъ, и почемъ?» спрашивали они изрѣдка Илью украдкой на общихъ барщинныхъ работахъ, куда и онъ сталъ опять являться съ зимы, на гумнѣ, на вывозкѣ дровъ и сѣна. «Богъ ихъ знаетъ; я въ то не мѣшаюсь. Ходилъ я было съ осени въ контору книги свѣрять, да теперь ужь и самъ отецъ меня не зоветъ! Что–то пересталъ опять просить!» Изрѣдка по Есауловкѣ, въ отсутствіе мужа, старая прикащица Ивановна пошатывалась пьяная, возвращаясь изъ гостей отъ жены другого священника, отца Ивана, также тянувшаго водку. Въ праздности и скукѣ болтались по селу и его окрестностямъ есауловскіе музыканты, то собираясь въ свою квартиру на винокуренномъ заводѣ и начиная нелѣпо играть какой–нибудь маршъ, то возлѣ шинка заводя ссоры и драки. Отецъ Смарагдъ говорилъ прикащику: «Эй, Антонычъ! Добейся ты толку отъ венгерца: что онъ бросилъ заниматься съ музыкантами? Не надѣлали бы они тебѣ бѣды!» Самъ Романъ, слыша кругомъ себя вездѣ тревожные толки о разныхъ ожиданіяхъ и видя Есауловку забытою и брошенною всѣми, предавался иной разъ тоскѣ и утѣшался только мыслью, что вотъ Перебоченская одумается, дѣло ея поправится, она воротитъ ему его деньги, онъ женитъ Илью и всѣ заживутъ счастливо. Неимовѣрная скука господствовала въ Есауловкѣ. Особую грусть всему придавала въ ней еще, гаснувшая безъ всякой помощи въ болѣзни, жена отца Смарагда.

Усадьба Конскаго-Сырта между–тѣмъ сильно оживилась.

Digitized by Google

Генералъ Рубашкинъ, новый сельскій хозяинъ того околодка, не на шутку на закатѣ дней своихъ рѣшился хлопотать, и какъ онъ выражался, оставить по себѣ на землѣ добрый и хотя бы одинъ дѣльный и прочный слѣдъ. Онъ облекся въ простую дубленку, частью купилъ скота, а частью пустилъ нѣсколько десятковъ головъ чужихъ воловъ и овецъ къ себѣ на зимовлю и самъ наблюдалъ за отпускомъ сѣна, припасеннаго впрочемъ еще трудами Перебоченской. Какъ видно, онъ не жалѣлъ денегъ на первые главные обороты по хозяйству и хвастливо толковалъ всѣмъ, что онъ состоитъ у себя и прикащикомъ, и конторщикомъ, и разсыльнымъ. Все шло у него изрядно; одна бѣда — на плечахъ его было за пятьдесятъ лѣтъ. Онъ часто кряхтѣлъ, испытывалъ боль въ ногахъ, въ спинѣ, изрѣдка отъ пустяковъ простужался и кашлялъ, и еще главнѣе — скучалъ неимовѣрно. «Эхъ, не поздно ли я за умъ взялся? думалъ онъ: — да и то самъ не понимаю, какъ я рѣшился вдругъ! раньше было бы бросить этотъ отвратительный Петербургъ, Сколько онъ даромъ стягиваетъ къ себѣ лучшихъ соковъ и силъ нашихъ! Или надо уступить дорогу другимъ?..» Мечты стараго юноши напрягались, онъ уходилъ въ занесенное снѣжными сугробами поле, къ батрацкимъ избамъ, гдѣ весело теплились печки, а изъ трубъ печей вырывался въ морозную лазурь душистый дымъ овечьяго кизяка. Онъ отправлялся посмотрѣть, какъ на солнышкѣ, съ завихрившимся въ инеѣ волосомъ, стоятъ въ дворахъ загоновъ тучные волы и щурясь медленно жуютъ жвачку. Пѣтухи и гуси кричали. Но не о нихъ думалъ генералъ. Адріяну Сергѣичу тогда представлялся Петербургъ, залъ пышнаго маскараднаго бала, франты съ лорнетами, красавицы, громъ музыки. Тутъ же мелькалъ въ его мысляхъ Невскій, тьма магазиновъ, вывѣсокъ, отчаянно-мчащійся, точно отъ какой страшной погони, экипажъ, съ бѣшенными сѣрыми рысаками и съ полумертвою отъ скуки и гордости барыней-щеголихой. А тутъ вдругъ изъ тумана выходилъ передъ нимъ его департаментъ, теплые огромные покои, швейцаръ, скрипъ перьевъ, столоначальники, нюхающіе табачокъ надъ только-что состряпанными громовыми бумагами въ провинцію. Возлѣ снова улицы, городовой на углу какого-то громаднаго и холоднаго моста, расхаживающій по морозу и на-единѣ разсуждающій о томъ, сколько это рублей и копѣекъ выйдетъ всего, если сложить въ

Digitized by Google

казнѣ жалованье и пенсію и пойдетъ ли напримѣръ провожать его самого на Смоленское кладбище былой камрадъ его по гвардіи, Иванóвъ сороковой, и также ли мимо другого городового, по этому же мосту, будуть мчаться коляски, тащиться извощики и бѣжать въ припрыжку бродяги-мальчишки, нищенки-старушки и очумѣлыя отъ голода и злости, бросившія хозяевъ собаки. Представлялся Рубашкину въ прогулкахъ по работамъ въ имѣніи, безъ всякой повидимому причины, любимецъ музъ и грацій, поэтъ Пушкинъ и его незабвенные стихи о Невскомъ: «Поди-поди, раздался крикъ; морозной пылью серебрился его бобровый воротникъ.» Генералъ вспоминалъ при этомъ кучу такихъ именно воротниковъ у своихъ былыхъ друзей и сослуживцевъ. Потомъ почему-то онъ вспоминалъ Адмиралтейскую-иглу и стихъ того же поэта: «И свѣтла... Адмиралтейская-игла» — за нею одну уксусную барыню въ желтыхъ лентахъ, мѣтившую попасть въ салоны нѣкоей сморщенной маркизы изъ французскихъ эмигрантокъ двѣнадцатаго года, страдавшей какимъ-то необычайнымъ разслабленіемъ, вслѣдствіе котораго у нея бывали всѣ, а она, чертовски-умный дипломатъ, не выѣзжала сама никуда. Въ головѣ генерала наконецъ роились разныя служебныя интриги, игра чиновниковъ въ реформы, въ громкія фразы и въ споры о значеніи разныхъ угловъ и захолустьевъ отчизны. А вокругъ Рубашкина наяву во дворѣ звонкими блестящими пилами въ десятки рукъ пилился на постройки тесъ, очищалось и обдѣлывалось множество колодъ, сновали новые нанятые батраки; конюхи иной разъ гоняли на веревкѣ молодого жеребца, чистили на разостланныхъ холстинахъ перемолоченный хлѣбъ изъ запаса, захваченнаго послѣ выѣзда Перебоченской. Окна въ домѣ были старательно законопачены, двери обиты полстьми и клеенкой; въ комнатахъ появились ковры и прочая петербургская рухлядь генерала: бронзы, хрусталь, скатеретки, всякіе поддоннички и картины. Въ кабинетѣ, передѣланномъ изъ обширной и ни кчему ненужной гостиной, полвился еще съ осени вмѣсто печи каминъ, а вмѣсто твердаго дивана, на которомъ сживала раскладывая карты Перебоченская, явилась мягкая обширная софа изъ города, уложенная гаруспыми и штофными подушками. Дѣловыя бумаги и хозяйственныя книги лежали тутъ на двухъ столахъ. Возлѣ нихъ изрѣдка копался надъ листкомъ газеты гость и другъ хозяина, отецъ Смарагдъ, иногда

Digitized by Google

оставлявшій больную жену, или самъ Рубашкинъ, воротившись съ обхода по хозяйству и лежа на мягкой софѣ, читалъ и соображалъ разные имъ самимъ сочиненные проекты спекуляцій. Часы въ передней остались прежніе. Остался побылому въ углу залы и дроздъ въ клѣткѣ. Онъ также упорно, какъ и при бывшей хозяйкѣ своей, среди тишины комнатъ прыгалъ со дна клѣтки на жордочку и обратно, будто съ крыши весной на землю капали непрестанныя и ровныя капли оттепели. Каминъ часто горѣлъ въ кабинетѣ, добродушно потрескивая въ ту пору, какъ генералъ писалъ, толковалъ съ рабочими, сильными лѣнтяями, перяхами и объѣдалами, вообще туго понимавшими то что отъ нихъ требовалось, и волкомъ смотрѣвшими въ лѣсъ, или когда Рубашкинъ урывками за чтеніемъ смѣтъ и проектовъ переговаривался съ отцомъ Смарагдомъ.

— Вы, я слышалъ, соль на пристани закупили? спрашивалъ священникъ.

— На спекуляцію! Каковъ-то будетъ ея новый сборъ въ Елтонскомъ озерѣ съ весны!

— Пшеницы еще не спрашивали у васъ?

— Нѣтъ. Я не думаю и продавать, а еще бы поискалъ купить; разузнайте и вы стороной. Хочу подобрать хорошую партію къ открытію пристаней. Впрочемъ вижу потёмки еще тутъ во всемъ.

— Денегъ много еще у васъ осталось отъ займа?

— Довольно. Полагаю взять на аренду еще сосѣдніе куски земли: павловскій, урюпинскій и землю у жены Кебабчи. Пущу туда чужіе гурты.

— Вотъ какъ! У Кебабчи?

— Просить сама бѣдная. Мужъ все еще въ острогѣ сидитъ.

— Какъ идетъ ихъ дѣло?

— Плохо кончится. Не тѣ времена. Жена Кебабчи съ сестрой Хутченка ѣздила въ Петербургъ, потратилась и воротилась ни съ чѣмъ. Тамъ дѣло поняли хорошо. Правитъ теперь у насъ все народъ изъ молодыхъ...

— Отлично. Узналъ бы Саддукѣевъ, еще бы пять лѣтъ со ста скостилъ изъ того что прожить хочетъ.

— Знаетъ, знаетъ. Отъ него тоже письмо на дняхъ я получилъ. Поздравляетъ; пишетъ, что и въ городѣ у нихъ хорошо; только чуть кажется его самого изъ гимназіи не изгоняютъ.

Digitized by Google

— За что?

— Пишетъ, чудакъ, что вздумалъ распространяться о чемъ-то по исторіи, знаете .. и касательно тоже правъ гражданства каждаго человѣка и личной тамъ чтоли свободы... Нѣтъ, письмо его что-то отзывается грустью. Позвольте, гдѣ оно? Поправдѣ сказать: пустоватъ вашъ пріятель, извините... Что это за фразы о стараніи прожить сто лѣтъ? Что за недовѣріе къ успѣхамъ времени? Что за радикализмъ, да еще голословный! Нѣтъ, пустоватъ; я его раскусилъ...

Священникъ вспыхнулъ, нахмурился еще болѣе и сѣлъ на дальнемъ стулѣ. Ему жаль было Саддукѣева.

— Странно, что вы его не жалѣете, когда его гонятъ со службы. .

— Онъ въ управители ко мнѣ просится. Чудакъ! Ну, какой онъ управитель? Дитя!

Рубашкинъ всталъ къ рабочему столу.

— Вотъ его письмо! Да! Онъ еще приписываетъ и любопытную для насъ съ вами новость. Представьте, Перебочепскую опять изъ губернскаго города перевели въ уѣздный и позволили ей снова жить въ ея домѣ и на хуторѣ. Загадки! А чувствуется, что о ней вѣроятно собираются грозныя справки. Лазарь Лазарычъ недаромъ все вертится возлѣ нея...

Священникъ вздохнулъ и молча сталъ пересматривать листокъ газеты; куря крѣпчайшій турецкій табакъ, онъ безпокоилъ генерала. Генералъ закурилъ сигарку, протянулъ ноги, обутыя въ красныя туфли, по софѣ, и какъ видно хотѣлъ еще поговорить.

— Великое дѣло комфортъ! сказалъ онъ: — что дѣлать! Привыкъ къ нему въ столицѣ! Какъ вы рѣшаете, отецъ Смарагдъ: еслибы мнѣ не выпало здѣсь наслѣдство, добытое впрочемъ съ такими трудами, могъ ли бы я вотъ такъ, каковъ я есть, найти себѣ тутъ или въ другомъ мѣстѣ на нашемъ югѣ другую, такую же здоровую, плодотворную дѣятельность?

— Вы какъ это спрашиваете? шутя? ядовито спросилъ священникъ. Скулистое лицо его было сердито, сѣрые глаза устремлены на генерала съ выраженіемъ обиды и насмѣшки.

— То-есть безъ случая этого, безъ упавшей мнѣ съ неба поземельной собственности, которая дала мнѣ и кредитъ и готовыя всякія средства, могъ ли бы я тутъ извернуться съ тѣми мысля-

Digitized by Google

ми, которыя вы знаете насчетъ моихъ замысловъ о прочности человѣческихъ дѣлъ?

— Съ мыслями не знаю, а съ вашей пенсіей я бы и безъ этой земли нашолся бы.

— Вы; это все вы. А я?

— Можетъ быть и вы.

— Можетъ быть! Скажите, какъ навѣрное по вашему? Не устарѣлъ еще я? не поздно ли мнѣ?

Священникъ сидѣлъ нахмурившись.

— Съ землей этой теперь вы перенесете всякій случай; хорошо съ нею и на спекуляціи рѣшаться: одно сорвется, другое вывезетъ. Все здѣсь еще темно; сами видите, что ощупью надо вездѣ идти.

— Да вы скажите мнѣ, какъ бы я по вашему могъ извернуться съ единымъ моимъ капиталомъ, съ пенсіей? Вѣдь двѣ тысячи цѣлковыхъ! Могъ ли бы я напримѣръ гостинницу гдѣ-нибудь, или такъ вотъ винный погребъ снять, въ Таганрогѣ чтоли, въ Екатеринодарѣ, въ Царицынѣ или въ Астрахани? Поставку припасовъ какихъ-нибудь взять съ торговъ на войско, на постройку дорогъ, или станціи наконецъ почтовыя гдѣ снять? Я самъ вѣдь вездѣ наблюдаю... самъ тружусь!

— Нѣтъ, вы, генералъ, не годитесь сами на это! Видите ли, Адріянъ Сергѣичъ, оно точно: вы вездѣ сами даете направленіе, и, извините, даже поминутно хвастаете тѣмъ, что вы не бѣлоручка, а сами почитай вездѣ у себя и прикащикъ, и конторщикъ, и разсыльный. Это хорошо и дастъ плоды. Только вотъ бы кому быть владѣльцемъ земли; — Роману Танцуру, а онъ дворовый! такъ и всѣ мы не намѣстѣ...

— Такъ и вы не на мѣстѣ?

— Я первый.

— Гм! Какъ же онъ по должности съ народомъ въ Есауловкѣ обходится? спросилъ вздыхая генералъ.

— Освирѣпѣлъ это сильно. Становой недавно весь оркестръ нашей музыки пересѣкъ. Чуть не убили венгерца своего капельмейстера! Ничего не дѣлаютъ; венгерецъ тоже, не получая отвѣта никакого изъ Италіи отъ князя и не зная что дѣлать съ музыкантами, опѣшился, разлѣнился, не занимается съ ними! А они только шляются, пьютъ, да буянятъ. Еще бы хуже чего не надѣлали! Я говорилъ Роману...

Digitized by Google

— Прочтутъ весной имъ волю, батюшка. Изъ этого оркестра хорошіе бы кажется пастухи могли выйти; что имъ Россини или Обера разыгрывать! Пусть за скотомъ походятъ! Кирюшка же флейтистъ могъ бы идти въ конторщики! Вотъ и будутъ тогда всѣ на своихъ мѣстахъ...

— Вы будете скоро на своемъ мѣстѣ, а они нѣтъ...

— Отчего же я?

— Соскучитесь... и уѣдете отсюда назадъ на службу, въ Петербургъ.

— Никогда! о никогда! Что за отступленіе!

— А дюровые эти въ наймы долго не пойдутъ! Ждите! Народъ избалованный; они цѣны себѣ не сложатъ. Да и вы хороши: уже о конторщикахъ тоже думаете? Давно ли сами за всѣмъ полагали смотрѣть?

— Старости боюсь; не растащили бы всего... ну, да и Саддукѣевъ просится...

Генералъ отрадно опять потянулся на софѣ, закурилъ новую сигарку и добродушно сталъ разсматривать бѣлокурую, несовсѣмъ щегольски-повязанную по будничному, косичку волосъ на затылкѣ священника, который грустно перебиралъ листки газеты.

— Что вы печальны все, отецъ Смарагдъ? что ваша жена?

— Плоха, Адріянъ Сергѣичъ. Таетъ не по днямъ, а по часамъ. Гибель, сущая гибель эти пустыри: лекаря за сорокъ верстъ кругомъ нѣтъ. Бѣда тутъ заболѣть! Кажется, Пашенька моя до весны не доживетъ.

— Что вы, что вы!

Генералъ вскочилъ.

— Да-съ! Англичанамъ поневолѣ позавидуешь: вы вотъ комфортомъ обзавелись, а они строя колонію, вслѣдъ за постановкой кухни, хлопочутъ о докторѣ, да хоть о маленькой дорожной аптекѣ.

— А гдѣ бы и мнѣ нанять медика?

— Поздно-съ... то-есть не знаю... знаю одно, что кажется придется, благодаря этой глуши, проститься съ Пашей.

Срывалась метель. Вечерѣло. Къ Ильѣ въ хату зашолъ Кирило Безуглый.

Digitized by Google

— Пойдемъ, Илья, походимъ.

— Съ ума ты сошолъ! Такая погода!

— Пойдемъ, дѣло есть.

— Въ хатѣ говори.

— Выстроилъ хату, такъ и не вытащишь тебя! Гдѣ былъ всѣ эти дни? Какъ ни зайдешь, нѣту.

— Барскіе три дня былъ на барщинѣ, а свои у попа долгъ отрабатывалъ за хату.

— Вотъ какъ. Вы уже нынѣче мужикомъ-съ, не тронь насъ; гражданинъ-съ, на-поди; по три дня, нето что мы день каждый въ дѣлѣ.

Въ голосѣ флейтиста слышалось непривычное раздраженіе.

— Ужь будто вы что день и въ дѣлѣ? А кажись такъ болтаетесь по селу.

— Илюша, пойдемъ, некогда; не подошолъ бы кто-нибудь, не подслушалъ бы насъ! Пойдемъ, сердце!

Илья одѣлся въ шубу, бросилъ долото, которымъ долбилъ кому-то чашку, взялъ шапку и вышелъ.

— Куда же идти? говори.

Кирило направился къ заметенному и шумѣвшему отъ вѣтра саду. Сумерки сгущались. По саду были протоптаны тропинки отъ гумна, мимо барскаго дома къ двору. Ноги тонули въ сугробахъ. Миновавши заваленную до крыши садовую пустку Ильи, Кирило прошолъ въ кусты, разбирая вѣтви, скрипѣвшія отъ гололедицы подъ рукою, и тутъ остановился.

— Илюша, другъ, скажи мнѣ поправдѣ: что такое сдѣлаютъ съ человѣкомъ, коли онъ убѣжитъ куда-нибудь далеко?

Илья сразу не понялъ вопроса.

— Какъ это люди бѣгаютъ и что сдѣлаютъ съ такимъ человѣкомъ въ судѣ, кто поймается?

— Зачѣмъ это тебѣ?

— Бѣжать хочу я опять... То мы, музыканты, бѣгали недалеко, тутъ по близости по пристанямъ шлялись; а теперь я хочу забѣжать такъ, чтобъ и слѣдъ мой простылъ навѣки.

— Съ ума ты сошолъ? Вотъ-вотъ волю прочитаютъ; слухи прошли, что уже на царской бумагѣ золотомъ ее печатаютъ къ вестѣ, а ты бѣжать?

— Не въ силахъ быть такъ долѣе! Моченьки нѣтъ. Скука такая, скука смертная, что хоть въ прорубь, либо въ колодезь

Digitized by Google

кипуться! То была еще тутъ поблизи Фрося моя, а теперь и она съ барыней своей въ городѣ живетъ. Я подсылалъ къ барынѣ этой людей, самъ намедни съ венгерцемъ въ городъ ѣздилъ и просилъ ее выдать за меня: сто цѣлковыхъ, говоритъ, давай да и баста! Возьмите, прошу, двадцать-пять; пальто продамъ, всю одежу заложу, а эти деньги принесу, — не согласилась. И я ей говорилъ, какъ ты вотъ, Илюша, что волю тоже къ веснѣ не дальше скажутъ; а она плюнула и засмѣялась: «жди, говоритъ! Прежде на ладони у меня, сказала, волосы выростутъ, да еще и кудрявые, чѣмъ этой воли вы дождетесь!» Съ тѣмъ я и ушолъ. Тутъ-же, братъ, опять у насъ такой кавардакъ идетъ, что хоть въ лѣсъ бѣги: венгерецъ не учитъ, наши всѣ бунтуютъ. Намедни пятерыхъ въ станъ возили; сказываютъ, высѣкли. Такъ ужь ты, Илья, не оставь; ты все знаешь; раскажи какъ это вотъ такъ человѣкъ, коли навсегда убѣжитъ, и коли его вдругъ поймаютъ, что бываетъ?

Илья вздохнулъ. Мысли его бродили далеко, въ Ростовѣ, возлѣ Насти.

— По закону, какъ поймаютъ тебя, это велѣно сейчасъ, по одной такой статьѣ, если назовешься непомнящимъ родства, на правой рукѣ ниже локтя выжечь букву б: то-есть значитъ бродяга али бѣглый. Тоже и дезертирамъ изъ солдатъ велѣно, сказываютъ, дѣлать! Иной сдуру все на допросахъ твердитъ: «не помню ни отца, ни матери, ни роду-племени...»

— И выжигаютъ?

— Клеймятъ, братъ, самъ видѣлъ. Такіе уже фельшеры на это приставлены въ судахъ и въ острогахъ и клейма держатъ.

— Тебя не клеймили?

— Хотѣли два раза, да все убѣгалъ; и я назывался со страху непомнящимъ.

— А потомъ? спросилъ Кирило, пугливо вглядываясь въ темные кусты.

— Какъ поймаютъ, публикуютъ еще въ газетахъ заразъ приметы твои, вотъ какъ иной разъ о найденномъ мертвомъ тѣлѣ: не найдется ли кто до тебя касающій! отвѣтилъ Илья, также вздрагивая отъ холода.

— Охъ страшно, Илья. Какъ поймаютъ, куда же это тебя посадятъ?

— Въ острогъ, либо прежде въ полицію, а потомъ и пой-

Digitized by Google

дешь разгуливать по этапамъ. Иные такъ по пяти годовъ ходятъ и болѣе. Ноги изранятся, бѣлье потлѣетъ на тебѣ.

Кирило подумалъ.

— Теперь, если меня вдругъ гдѣ застукаютъ, положимъ не въ городѣ, и гдѣ станового нѣтъ: отбиться и утечь можно? И опасно ли тебя, бродягу, держать?

— Опасно, и какъ еще опасно! И-и! Тебя положимъ держутъ; ты работаешь тайкомъ своему хозяину, и за него иной разъ больше убиваешься, чѣмъ за себя... Удивляешься? Слушай. Первое въ законѣ уже такъ прописано; тамъ тоже такая статья есть: замѣтилъ ты бѣглаго, сейчасъ это кличь станового; онъ явится съ понятыми, тѣ не осилятъ, полицейскихъ приведетъ; даже войска ходятъ...

— И войска на бѣглаго?

— И войска... значитъ, больше изъ пѣхоты...

— А-а-а! Чтоже дальше?

— Ты обязанъ бродягу выдать, а не выдалъ, такъ ты пристанодержатель. Штрафу сейчасъ съ тебя слупятъ на помѣщика шестьдесятъ цѣлковыхъ за годъ за каждаго бѣглаго. Всѣ обязаны помогать ловить бродягу, не только полицейскіе, но даже лѣсная стража, гдѣ есть лѣса, объѣздчики полей и всякіе караульщики. Всякому за поимку бродяги отъ полиціи, братъ, выдадутъ три цѣлковыхъ, а кто поймалъ десятокъ бродягъ или безпашпортныхъ, вотъ какъ въ ростовскомъ али въ одесскомъ уѣздахъ бываетъ, такъ поимщикамъ даются особыя награды по такимъ это квиткамъ, оптомъ значитъ, и послѣ вывертываютъ эти деньги съ передержчиковъ бѣглыхъ...

— А, батюшки! Куда же тебя дѣнутъ, когда попадутъ на слѣдъ твоихъ господъ и когда воротятъ тебя къ нимъ?

— Какъ куда? Туда же, куда и меня! Садись опять на свое мѣсто и работай, а прежде тебя еще въ судъ свезутъ, на допросъ, гдѣ былъ? у кого работалъ и долго ли?

— Какъ же тутъ-то говорить надо?

— Извѣстно, какъ: гдѣ день, а гдѣ ночь. Зарядилъ одно, и отвяжутся. Не выдавать же добрыхъ людей!

— Случается, что и семейныхъ ловятъ?

— Охъ, бываетъ. Ты женился въ бродягахъ, есть жена и дѣти, отберутъ и ихъ съ воли, и съ тобою господамъ отдадутъ тоже. Оттого почитай всѣ въ бѣгахъ безъ вѣнца въ свальномъ

Digitized by Google

грѣхѣ и живутъ. Тутъ поймали тебя съ бабой, съ ребятишками, навели справки: хоть па дѣлѣ и твои, а по бумагамъ-то чужіе; ну, тебя къ господамъ воротятъ, а ихъ па поселеніе. Все-таки, надо полагать, имъ-то тамъ въ Сибири лучше будетъ, чѣмъ тебѣ... Я съ Настей ни-ни! Не трогалъ ее... жду теперь...

— Чтоже это за клейма тѣ на локтяхъ? Для чего?

— Чтобъ видѣть, въ какой разъ ты въ бѣгахъ состоишь?

— Вытравить ихъ нельзя?

— Трудно. Одинъ дезертиръ прямо при мнѣ, какъ ушолъ изъ острога съ такимъ клеймомъ, упросилъ товарища ему руку отрубить...

— И тотъ отрубилъ ему?

— Отрубилъ. Дезертиръ и теперь по городамъ въ Крыму милостыню проситъ, точно раненный бродитъ — скрывается... Я его видѣлъ...

— Ну, а бабъ какъ?

— И ихъ таврятъ.

— Чѣмъ же, братъ, отбиваться можно отъ становыхъ или отъ поимщиковъ тѣхъ?

Илья помолчалъ. Вѣтеръ усиливался. Садъ темнѣлъ болѣе и болѣе.

— Одними деньгами. Есть деньги, заработалъ, живи покойно; нѣтъ денегъ, пропалъ. Не отобьешься ничѣмъ. По бѣглымъ, братъ, позволено даже въ случаѣ стрѣлять — по ногамъ, коли ты бѣжишь и тебя не догонятъ. Скверно... Не совѣтую идти въ бродяги; воротишься, долго не проходишь теперь: весной волю скажутъ... Со мной что ни случись теперь, не уйду, суда буду искать. Развѣ Настя вызоветъ или ее кто обидитъ...

Пріятели вышли изъ кустовъ. Было уже совершенно темно. Они едва выбрались изъ сугробовъ на тропинку къ дому. Пройдя опять нѣсколько шаговъ, остановились и присѣли на заметенную снѣгомъ лавочку. Огромный домъ сурово молчалъ съ закрытыми на крючки и на желѣзные болты ставнями. Вѣтеръ шумѣлъ и стучалъ болтами.

Кирило помолчалъ.

— Илья!

— Что?

— Въ домѣ тутъ болты снутри замыкаются?

— Снутри.

Digitized by Google

— Въ домъ теперь кто-нибудь изъ твоихъ ходитъ?

— Врядъ ли. Отцу незачѣмъ: все у него подъ замками. У крыльцъ часовые по наряду съ села ночуютъ. Развѣ мать иной разъ съ фонаремъ въ верхнюю кладовую пройдетъ.

— Чтоже тамъ въ той кладовой?

— Какъ-то и я туда разъ съ нею попалъ, что-то переносили. Варенье, медъ стоитъ тамъ, наливка, вина какія лучшія въ ящикахъ стоятъ. Все-таки тамъ сохраннѣе, чѣмъ въ погребѣ.

— Вотъ бы поживиться наливочкою! сказалъ смѣясь Кирило.

— Что ты! Какъ можно! Губа-то у тебя не дура...

— Я пошутилъ... такъ... А гдѣ хранятся, Илья, конторскія деньги?

— Должно-быть при себѣ отецъ держитъ. Не много тамъ запасу бываетъ! Что соберется, сейчасъ князю шлютъ. Живетъ себѣ нашъ баринъ гдѣ-то и нуждушки ему мало до того, какъ люди тутъ маются безъ него...

— Повѣришь, братъ Илья, животы подвело съ той мѣсячины: по два пудика отсыплютъ муки съ трухой пополамъ да четыре фунта соли, да гарнецъ пшена, вотъ и живи. Больше ничего не полагается дворовому на харчи, самъ знаешь У семейныхъ хоть квашнина какая есть, бураки или тамъ капуста. А тутъ, какъ не стянешь у мужика лѣтомъ съ грядки моркови, такъ овощи и не понюхаешь. Даже венгерецъ нашъ бунтуетъ. Напьется пьянъ и кричитъ: убью Романа. Знаешь что, Илья, я думаю? прибавилъ Кирило.

— Говори.

— Обокрадемъ право кладовую въ домѣ! Хоть наливки напьемся вдоволь, варенья со скуки наѣдимся. И для кого его варятъ? Когда эти господа еще наѣдутъ?

— Что ты, что ты, безпутный! Воромъ, братъ, я еще не бывалъ и не знаю, буду ли когда! Другое какое дѣло можно, а воровство нѣтъ.

Кирило засмѣялся.

— Я пошутилъ... все шучу съ тобою. Тошно на свѣтѣ жить. Даже на флейтѣ давно не игралъ съ той поры, какъ Фрося въ городъ съ барыней уѣхала...

— Не шути такъ никогда...

— Прощай. Такъ не бѣжать мнѣ?

— Одному?

Digitized by Google

— Нѣтъ, съ Фросей хочу! И она ладится. Можетъ-быть падуетъ, не знаю; падка она больно на наряды; прежде на горячихъ порахъ, какъ мы съ ней сошлись, меня дарила, а теперь все требуетъ у меня денегъ...

— Обождите весны; совѣтую.

— Хорошо тебѣ ждать. Спорилъ съ отцомъ, а все-таки на своемъ поставилъ и живешь пыньче въ своей хатѣ какъ хочешь. Попробовалъ бы я или кто другой изъ нашихъ дворовыхъ. Броситъ меня Фроська, удавлю ее! Эхъ, Илья, Илья! Трудно такъ, что либо наши-то венгерца съ дуру убьютъ, либо разбѣгутся сами всѣ, какъ волки...

— Какіе волки? спросилъ разсѣянно Илья, прислушиваясь къ гулу вѣтра въ деревьяхъ.

— Музыка наша, оркестръ весь. Ей-богу мостятся обокрасть кого-нибудь. Пока Саввушка покойный живъ былъ, онъ всѣхъ сдерживалъ. Прощай, Илья... Безъ Саввушки наши то спорятъ, то злобствуютъ на другихъ...

— Прощай, Кирюша.

— Денегъ нѣтъ? Дай Илюша на табакъ! Вотъ какъ грудь сосетъ, жилетку бы заложилъ, да у насъ некому! Пока Фрося ко мнѣ бѣгала, все отъ нея поживлялся. Она по зарямъ на сторону кружева плела и мнѣ на папироски носила. Дай, Илья, хоть гривенникъ.

— На... два трёшника мѣдныхъ... шесть копѣекъ... только не замышляй глупостей.

— Спасибо! Ну, да вѣдь ты насъ не продашь, мы знаемъ! Не я замышляю, а другіе...

V

ОБОКРАДЕННЫЙ ДОМЪ

Прошло нѣсколько недѣль. Прикащикъ Романъ, потерявшій надежду сплавить сразу сына изъ деревни и изъ губерніи, выжидалъ случая какъ-нибудь его таки уломать отказаться отъ показаній его въ дѣлѣ выѣзда чиновниковъ къ Перебоченской. Старикъ Танцуръ хоть все еще сильно тосковалъ, но какъ-будто на время успокоился, такъ какъ изъ города вѣсти на время за-

Digitized by Google

тихли, и сама Перебоченская тоже его не натравливала на сына. Романъ сталъ помышлять даже о томъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ, подъ шумокъ, сдѣлать хорошую штуку, именно помочь сыну жениться на дочкѣ разбогатѣвшаго Талавѣрки, но не желая показать, что сразу сдался, все еще хмурился и относился къ сыну, какъ къ опальному. Въ тоже время старый хитрецъ неожиданно запустилъ разные пріемы лично и черезъ другихъ, чтобы сойтись съ новымъ сосѣдомъ, Рубашкинымъ. Толкала ли и его на это скука, затишье въ торговлѣ зимой и отсутствіе разнаго заѣзжаго люда, съ которымъ онъ любилъ водить хлѣбъ-соль, или другія какія причины, только онъ положилъ себѣ непремѣнно войти въ пріязнь новаго обитателя Конскаго-Сырта.

Онъ уже самъ побывалъ раза три у генерала, какъ-будто невзначай, то занять у него веревокъ, то сѣно обмѣнять на двойное или тройное количество соломы, то условиться о ловли рыбы въ общихъ тоняхъ по Лихому и по Волгѣ.

Разъ, въ ясное морозное утро, пріѣхавши по обычаю своему верхомъ въ усадьбу Конскаго-Сырта, Романъ былъ допущенъ въ кабинетъ генерала и въ синей шубѣ, съ сѣрыми бараньими оторочками, почтительно стоялъ у дверей, бесѣдуя съ Рубашкинымъ. Старая служанка подносила прикащику по времепамъ чай съ пуншемъ. Горѣлъ опять каминъ. Генералъ лежалъ на любимомъ мѣстѣ у стола на софѣ, въ бархатномъ сюртучкѣ и въ туфляхъ, и курилъ сигару.

— Оно точно, сударь! бесѣдовалъ Романъ Танцуръ, стоя съ стаканомъ чаю въ рукахъ и приобрѣтя въ голосѣ отъ недавней простуды лишнія ноты густого баса: — вы рисково думаете вести хозяйство. Прочтутъ волю, съ деньгами тутъ вы всѣхъ подорвете. Только полагаю напрасно вы изъ чужихъ краевъ думаете нѣмецкихъ али французскихъ колонистовъ сюда выписывать. Народъ не подходящій. Населятъ вашъ Сыртъ, это такъ. Много денегъ вы убьете и въ акуратъ у васъ все выйдетъ, это уже видно. Но разорятъ они васъ, замучатъ всякими ломаньями да баловствомъ. Сейчасъ кофіи потребуютъ, постели, матрацы тамъ всякіе, бѣлый хлѣбъ; это первое. Потомъ каждому давай либо особую избу, либо свою комнату; это второе. Мяса тоже имъ поставляй, картофелю, а не то и пива потребуютъ. Видѣли мы ихъ тутъ вдоволь. Не годятся на наши харчи и на наше про-

Digitized by Google

стое дѣло. Работами не окупятъ своего содержанія и жалованья.

— Но вѣдь колоніи на Молочныхъ водахъ пошли хорошо! А саратовскія, а бердянскія?

— Э, сударь, говорите это другому! Пошли оттого, что у казны. То казна, а то мы. Изъ казны слышно на нихъ сотни тысячъ, мильоны пошли. И то съ первыми переселенцами чиновники не знали что дѣлать, пока передовые, начальные забіяки перемерли...

— Такъ потвоему, если я выпишу иноземныхъ колонистовъ, мнѣ они пользы мало принесутъ?

Романъ задумался. Рубашкинъ ему нравился толковитостью своею болѣе Перебоченской и онъ помыслилъ: «вотъ бы съ кѣмъ было дѣло начинать; этотъ и расплатился бы со мною честнѣе.»

— Какъ вамъ сказать, не соврать? отвѣтилъ онъ, грызя сахаръ и дуя на блюдцо съ чаемъ: — вамъ пользы будетъ мало. Васъ замучатъ они, пока привыкнутъ къ мѣсту. Вотъ коли бросятъ васъ, али другой кто ихъ у васъ переманитъ, тому они пользу сдѣлаютъ, а третьему еще больше. Обживутся, обстрѣляные станутъ.

Рубашкинъ засмѣялся.

— Это недурно. Вижу, ты крѣпокъ на всякія споровки. По твоему выходитъ, что лучше мнѣ колонистовъ изъ-за границы не выписывать, а подождать и просто переманить у другого, къ кому они явятся. Такъ ли?

— Шутить изволите. А вы вмѣсто того, чтобъ за чужими гоняться, да ихъ перезывать всякими льготами и контрактами, кофіемъ, матрацами да булками, съѣздите-ка лучше, сударь, сами, или пошлите вѣрнаго человѣка въ наши верхнія губерніи къ русскимъ же, къ своимъ-то безземельнымъ мужичкамъ. Потолкуйте ладкомъ съ смолянами, съ псковичами, съ тверскими, либо съ витебскими, что къ намъ иной разъ изъ-за одного хлѣба на заработки ходятъ, рвы копать да колодцы, либо плотничать...

— Эва, куда загнулъ. Дудки!

— Нѣтъ, сударь, не дудки. Оцѣните то что вы думаете дать чужимъ, со всѣми значитъ баловствами, да дайте тоже самое своимъ, или хоть половину того, такъ увидите что будетъ.

Digitized by Google

Свои сочтутъ себя у васъ, какъ у Бога за пазухой, и вѣрьте — сторицею отработаютъ... Что съ того толку, что у насъ главный управитель французъ, а капельмейстеръ венгерецъ? Не хочетъ вѣрить князь: найми русскихъ и онъ, у насъ дѣла бы лучше пошли. Такъ-то-съ! Лучше русскаго батрака намъ нѣтъ человѣка. Русскихъ берите въ колонисты...

— Не пойдутъ свои, нечего и хлопотать.

— Позовите прежде ихъ ходоковъ, чтобъ ходоки высмотрѣли мѣсто и условія ваши. Посылаютъ же смоляне такихъ ходоковъ выбирать земли у казны даже за Ураломъ. Вотъ я тоже разное такое и госпожѣ-съ... Перебоченской совѣтовалъ. Кабы она не барыня, не трусиха, а такъ вотъ мужчина, какъ вы, такъ вѣрите ли, не то что-съ... а прямо...

Генералъ помолчалъ.

— Романъ, у меня къ тебѣ просьба...

— Какая-съ?

— Бѣда здѣсь у васъ насчетъ... насчетъ женщинъ. Не знаешь ли какой порядочной, чтобъ согласилась ко мнѣ идти въ прачки чтоли? Понимаешь?

Романъ почтительно слушалъ, не поднимая глазъ.

— Вотъ я тутъ случайно видѣлъ горничную Перебоченской, эту Фросю, что твой Илья изъ голубятни освободилъ. Мнѣ она нравится. Говорятъ, что вашъ флейтистъ Безуглый за нею тутъ волочился. Теперь ее въ городѣ отпускаетъ барыня въ наймы. Съѣзди, поговори съ нею, нельзя ли, а?

— Можно-съ! началъ старый Романъ: — для васъ можно... оно точно здѣсь трудно: нравы крутые-съ... Вотъ и нашъ князь, какъ наѣзжалъ...

Романъ не договорилъ. Въ лакейской, а потомъ и въ залѣ послышался шумъ, раздалась возня разомъ вошедшихъ нѣсколькихъ лицъ.

— Кто тамъ? крикнулъ Рубашкинъ.

Отвѣта не было, но робкіе и вмѣстѣ торопливые шаги раздавались по залѣ.

— Кто тамъ? опять спросилъ генералъ.

Романъ выглянулъ въ залъ и отшатнулся.

— Чего вы, безпутные? спросилъ онъ тихо, не вѣря своимъ глазамъ.

Рубашкинъ тоже выскочилъ въ залъ. У ногъ Романа валя-

Digitized by Google

лась упавшая на полъ почти безъ чувствъ жена старика, а Власикъ перепуганными глазами, весь синій отъ холода и отъ усталости, смотрѣлъ на кучу батраковъ генерала, выглядывавшихъ изъ лакейской.

— Говори, говори что случилось! говорилъ Романъ Танцуръ, силясь поднять жену съ пола.

— Ой, батюшки, батюшки! Разорили, погубили насъ всѣхъ до тла. Домъ нашъ... княжескій домъ нашъ... весь обокраденъ. Насилу мы сюда къ тебѣ добѣжали...

— Домъ? Быть не можетъ!

— Весь дочиста обокраденъ... Замки вездѣ переломаны, кладовая на верху отбита; выпиты и перебиты бутылки съ винами, варенье съѣдено и разлито вездѣ по комнатамъ. Серебро изъ шкафовъ, вещи разныя, все пропало, растаскано!

— Кто же это первый узналъ? Давно ли это сдѣлано?

— Я первая узнала... Пошла съ Власикомъ наверхъ круповъ на кашу взять; онъ еще фонарь за мною несъ. Я въ шубѣ и онъ въ шубѣ. Холодно тамъ и окна, ты знаешь, всѣ заперты ставнями. На лѣстницѣ я обо что-то споткнулась; смотрю, твоя шуба старая лежитъ, а далѣе по ступенькамъ двѣ прежнія лакейскія ливреи. Я замерла отъ страху; поднялась въ верхнюю переднюю, заглянула въ залъ: по полу вездѣ смородинное варенье накапано. Я въ барскую спальню, въ образную, въ гостиную, замки въ комодахъ отбиты, ящики раскрыты...

— Извините, сударь! глухо сказалъ Романъ: — видите, какая бѣда надъ нами стряслась. Прощайте! плохо-съ теперь барское добро намъ дуракамъ стеречь. Счастлива ваша земелька, что вы сами тутъ живете, а мы брошенные, позабытые...

Онъ кинулся въ переднюю. Лицо его изъ смуглаго сдѣлалось оливковымъ.

— Откуда входъ воровъ сдѣланъ? спросилъ Рубашкинъ у охавшей еще Ивановны.

— Изъ саду съ балкона черезъ окно. Отвинченъ болтъ и по ночамъ вѣрно воры входили не въ одинъ разъ. Рамы выставлены. Они влѣзали въ окно, опять замыкали ставни, дѣлали свое дѣло внутри и опять тѣмъ же концомъ выходили. Хожено съ восковыми свѣчами. Вездѣ накапаны ихъ слѣды по полу. Теперь уже полонъ домъ людей. Часовые ночью прозѣвали. Пропадать нашимъ головамъ видно, да и только...

Digitized by Google

Ивановна вышла. Генералъ сталъ къ окну во дворъ. Въ окно видно было и здѣсь волненіе. Новость такая поразила всѣхъ. Власикъ бѣжалъ въ припрыжку по снѣжнымъ сугробамъ изъ воротъ. За нимъ переваливалась Ивановна. А Романъ вдали во весь опоръ мчался на каурой кобылкѣ къ мосту черезъ Лихой.

— Ну, подумалъ генералъ: — эта кража пророчитъ что-то скверное. Бѣглые, бѣглые... А какъ тихо было кругомъ. Я даже было мирился съ жизнью въ этой глуши, о дѣвочкѣ тоже помышлялъ, о домашнемъ очагѣ, о тихомъ аркадскомъ счастьи сельскаго пастуха и хозяина... Чтоже значитъ этотъ неожиданный взрывъ въ такой смирной деревнѣ, какъ Есауловка? Ну, у меня этого быть не можетъ!

Онъ воротился въ спальню, заперся и сталъ ревизовать наличное комнатное оружіе.

Прикащикъ засталъ весь княжескій домъ полнымъ крестьянъ. Мужички съ неподдѣльнымъ сожалѣніемъ и грустью похаживали по комнатамъ и лѣстницамъ, смотря на богатые палисандровые, орѣховые и краснаго дерева комоды, шкафы, бюро, столы и шифоньерки, съ избитыми и проломанными въ щепы у замковъ боками и крышами. Разныя вещи, ковры, скатерти, подсвѣчники и прочее валялись по полу. А запасъ вина и наливки въ кладовой былъ до капли выпитъ. Видно было ясно, что воры тутъ хозяйничали безъ перерыва цѣлый рядъ ночей. По двору толпились бабы. Въ комнатѣ въ толпѣ крестьянъ толкались и дворовые, пастухи, конюхи, музыканты съ постоянно-пьянымъ венгерцемъ. Всѣ тревожно распрашивали о происшествіи другъ друга.

Романъ вбѣжалъ наверхъ, быстро окинулъ взглядомъ залъ и гостиную, вскочилъ въ образную, гдѣ въ особомъ шкафѣ хранилось старинное княжеское столовое серебро, увидѣлъ и этотъ шкафъ разбитымъ, ахнулъ, зашатался и упалъ на полъ, стукнувшись виском о притолокъ двери. Его снесли внизъ въ контору. Послали нѣсколькихъ верховыхъ въ станъ, въ городъ къ исправнику и къ главному управителю имѣнія къ французику-сахаровару. Илья съ частью мужиковъ былъ въ полѣ на вывозкѣ сѣна. Дали и ему знать. Онъ прибѣжалъ безъ памяти. Отецъ его лежалъ въ конторѣ на кровати, съ повязанной головой, а жена его и еще какая-то сморщенная старушка-крестьянка ставили

Digitized by Google

ему къ бокамъ пьявки. Отецъ Смарагдъ, никогда въ жизни никому не бросавшій крови, прибѣжалъ, покопался въ столѣ Романа, досталъ оттуда перочинный ножикъ, подумалъ, перекрестился и бросилъ прикащику кровь. Илья засталъ отца уже внѣ опасности. Старикъ лежалъ еще весь черный и едва къ вечеру проговорилъ, попросивши пить.

— Вотъ, сказалъ Ильѣ священникъ, уходя домой: — не подвернулся бы я, отецъ твой былъ бы къ вечеру въ гробу! Какъ фельшера не нанять! Ахъ вы, душегубы! Князю посылаютъ по три, по четыре тысячи цѣлковыхъ. Не пошли лишнихъ ста цѣлковыхъ, не то что фельшеръ, докторъ бы сюда наѣзжалъ хоть изрѣдка. И моя жена осталась бы здорова... а то лежитъ вонъ сколько времени!

— Не наши дѣла! отвѣчалъ со вздохомъ Илья: — а вашу матушку всѣ мы жалѣемъ вотъ какъ!

Становой пріѣхалъ къ ночи. Сдѣлали законный осмотръ ограбленнаго дома, опросили все село, обошли всѣ избы, клѣти, погреба и гумна повальнымъ обыскомъ. Послали верховыхъ по сосѣднимъ дорогамъ. Допросъ мало-мальски подозрительныхъ лицъ изъ своихъ и сосѣдей длился три дня. Но молодой становой, знакомый намъ по дѣлу Перебоченской, уѣхалъ, не открывши ничего и узнавши только достовѣрно, что въ домѣ князя случилось такое дѣло: въ кладовой выпиты все вино и наливка и съѣдено все варенье; а въ остальныхъ комнатахъ инструментомъ, вродѣ долота, взломаны всѣ замки; но что пропало, неизвѣстно, такъ какъ и самъ прикащикъ не зналъ о вещахъ, запертыхъ тамъ. Разная рухлядь разбросана была по дому, но не украдена; а пропало еще княжескаго столоваго серебра примѣрно тысячъ на десять цѣлковыхъ Это становой внесъ со словъ прикащика, когда тому стало легче. Въ слѣдующую ночь у генерала Рубашкина изъ конюшни также нежданно пропала тройка лошадей и хомуты.

Становой уѣхалъ, донесъ обо всемъ въ земскій судъ, судъ въ губернское правленіе; правленіе о покражѣ въ Есауловкѣ и въ Сыртѣ напечатало очень красно въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Кого-то изъ обитателей Есауловки при этомъ кстати, по просьбѣ Романа, высѣкли, но не по дѣлу воровства, котораго не открыли, а такъ болѣе для обстановки. Юноша-становой вездѣ поставлялъ себѣ за честь то, что онъ всегда дѣйствовалъ

Digitized by Google

въ угоду старыхъ хозяевъ въ станѣ, путемъ всякаго рода устрашеній. И тутъ тогда только онъ успокоился и уѣхалъ въ станъ съ бумагами, когда у конюшни въ Есауловкѣ десятскіе растянули по землѣ какого-то рябого парня и тотъ болѣе десяти минутъ подъ розгами выкрикивалъ на всѣ лады: «простите! ой! не буду больше!» Крестьяне, вѣсть о покражахъ принявшіе было съ сожалѣніемъ, послѣ этого разошлись изъ есауловскаго двора озлобленные, пасмурные и дали себѣ зарокъ не заботиться болѣе о розыскахъ пропавшихъ вещей.

Черезъ два дня у Рубашкина произошло новое событіе: кто-то провертѣлъ полъ въ амбарѣ и ночью выточилъ значительное количество пшеницы.

Поражонный событіемъ воровства Романъ оправился, написалъ при помощи также озадаченнаго генерала Рубашкина слезный докладъ обо всемъ князю-барину въ Италію, прибавилъ, что не худо бы нанять дохтура, что онъ чуть не умеръ и что ждетъ за такой случай либо казни себѣ отъ князя, либо кары небесной отъ Бога, хотя самъ ни въ чемъ не считаетъ себя виноватымъ; отослалъ письмо на почту, заколотилъ снова вскрытое ворами окно, поправилъ отвинченный болтъ, загладилъ черезъ столяра и слесаря слѣды воровъ на мебели, и успокоился. Но не былъ спокоенъ Илья.

— Черти, это вы! шепнулъ онъ одинъ разъ Кирилѣ, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ.

— Нѣтъ, это не мы! Не я... ей-богу! чего лѣзешь! глухо отвѣтилъ ему недавній его пріятель Кирило.

— Черти! воротите серебро, а не то выдамъ васъ! развѣ нельзя было иначе проучить батьку моего, чтоли? сказалъ Илья, догнавши Кирилу и ухвативши его за воротникъ пальто.

— Попробуй выдать, ребята кишки выпустятъ! Тебѣ и Рубашкина жаль, что поминутно рабочихъ мѣняетъ? не замай; не твое дѣло! Да и я говорилъ съ тобой глазъ на глазъ тогда; свидѣтелей не было. Землю ѣсть стану, а не признаюсь. Ну, да погоди; и ты не то запоешь; доѣдутъ и тебя...

Кирило Безуглый сталъ неузнаваемъ. Онъ поблѣднѣлъ, лицо его опухло, онъ басилъ и водкой несло отъ него, небритаго и немытаго, какъ изъ бочки. Не лучше были и остальные музыканты съ своимъ венгерцемъ. Землякъ Кошута передъ тѣмъ незадолго, когда становой пересѣкъ его музыкантовъ, разбросалъ

Digitized by Google

со злобой ноты, взялъ скрипку, пошолъ самъ въ кабакъ, цѣлый день тамъ игралъ и пѣлъ, угощаемый мужиками, да и закурилъ. Прикащикъ этого не замѣчалъ, потомучто до дѣлъ венгерца съ оркестромъ не мѣшался. Музыканты зашевелились, стали отлучаться по сторонамъ. Кирило Безуглый раза два ходилъ къ Фросѣ, противъ которой и Романъ для генерала пустилъ въ ходъ разные соблазны. Бѣгство свое съ Фросей Кирило однако откладывалъ. Да и Фрося вдругъ стала къ нему холоднѣе, хоть онъ ее теперь и дарилъ. Музыканты какъ видно воры были неловкіе. Пуская награбленныя вещи по частямъ въ оборотъ, они постоянно по ночамъ всѣ напивались. Даже есауловскіе мужики замѣтили, что въ винокуренномъ заводѣ у венгерца не совсѣмъ ладныя дѣла.

— Эй, братцы, берегитесь! говорили музыкантамъ крестьяне: — не донесли бы на васъ становому! Что-то вы больно куражитесь!

— Кому донести? Лишь бы не вы!

— Мы-то въ сторонѣ; чортъ съ ними съ господскими прихвостнями!

Кирило замышлялъ гдѣ-то нанять подводку, ночью подъѣхать въ городъ за Фросей и дать тягу съ ней сперва на Донъ, а весной далѣе. Онъ уже и лошадь нашолъ и задатокъ далъ ея хозяину...

Романъ окончательно поправился, ходилъ бодрѣе; но кража не давала ему покоя и онъ всячески надъ нею ломалъ голову, приписывая ее то заѣзжавшимъ къ нему и обсчитаннымъ какимъ-то однодворцамъ, то злобствующимъ на него своимъ же братьямъ крестьянамъ, то наконецъ сатанѣ.

— Илья! сказалъ онъ однажды сыну, послѣ обѣдни въ большой праздникъ: — вижу, я виноватъ былъ сначала передъ тобою; можетъ-быть за то Господь и попуталъ меня! Изволь, я согласенъ на твою женитьбу на дочкѣ Талавѣрки. Пиши туда, только осторожнѣе съ ними условься. Можетъ и я тебя туда провожу, какъ опять за скотомъ на Кубань поѣду, а ѣхать кажется придется.

Илья довѣрчиво поблагодарилъ отца, досталъ бумаги отъ священника, чернилъ и перо и написалъ къ Настѣ, адресуя пакетъ на имя каретника Егора Масанешти, въ Ростовъ, письмо такого содержанія:

Digitized by Google

«Многоценная и милая Настенька! Оно конешно, у васъ въ Ростове напишутъ нежнѣи и все што вмысляхъ. Но я помню і прогулки наши і стишки ваши. Ахъ, Настенька серце, — все уладилося благодареніе боху; хата готова, дворикъ готовой. Я полочку сдѣлалъ на стишки ваши, штобъ класть книшку; будимъ сладко жить. Скоро-скоро ждутъ у насъ воли. Избавимся мы отъ рабства и тиранствія людскаго и будемъ вместе свами жить. Я по три дни хожу смиромъ работать и спахалъ сосени полторы дисятины подъ хлебъ. Кто-то снимать его будетъ. Должно статся вы Настинька серце. Скажите родителю, у насъ великій смутъ, подлецы одни обокрали барскій домъ у насъ. Охъ и вопче тяжко жить на свете а вособенности безвасъ. А ночки-ноченьки тѣ, какъ мы свами гуляли надъ Дономъ! Кланяюся ниско, а когда буду не знаю — именно когда все сполнится. Отецъ мой одумался и сталъ добрее. Уже скоро постъ и весна. Вашъ нискій слуга и любясчой жинихъ Илья Танцуръ.»

Письмо отнесено въ городъ на почту. Адресъ на конвертѣ тщательно для разборчивости надписанъ за три копѣйки дневальнымъ почтальономъ при почтовой конторѣ. Уходя изъ города, Илья въ харчевнѣ закусилъ и здѣсь вдругъ услышалъ отъ захожаго солдата неясные толки о томъ, что въ ту ночь сдѣлали обыскъ въ кухнѣ одной барыни и взяли въ полицію ея горничную, по подозрѣнію въ сообщничествѣ съ ворами, по дѣлу какой-то огромной покражи.

— Ужь не у нашей ли Перебоченской, подумалъ невольно Илья, выходя въ поле: — жаль, что не зашолъ къ Фросѣ узнать вообще про дѣла; Кирюшка будетъ ругать! Что если это Фросю взяли? Успѣетъ ли бѣднякъ Кирило уйти? Это правда, не можетъ быть, чтобъ онъ былъ зачинщикомъ; не такая душа; кто-нибудь другой...

Поздно къ ночи Илья воротился въ Есауловку, подвезенный часть дороги въ пошевняхъ сосѣднимъ рыбакомъ. Вошолъ въ улицу: странно. Такая поздняя будничная пора, а огни вездѣ еще по селу горятъ. Слышался въ разныхъ мѣстахъ въ ночной тишинѣ людской говоръ, раздавались оклики и торопливые шаги. Онъ пошолъ садомъ къ барскому двору и остановился подъ угломъ дома. Во дворѣ чей-то рѣзкій и громкій голосъ кричалъ:

— Да захвати еще кстати веревокъ; а коли есть собачьи цѣпи въ амбарѣ, такъ и цѣпи захвати.

Digitized by Google

Опять все стихло. Илья пробрался у стѣны къ калиткѣ изъ саду. По двору ходили люди съ фонарями. У конюшни бабій голосъ ревмя ревѣлъ, глухо причитывая отчаянныя сожалѣнія, а изрѣдка и проклятія.

— Эй, кто тамъ волкомъ воетъ! прибрать ее! крикнулъ изъподъ дома отъ конторы тотъ же голосъ.

— Хома, прогони ее! торопливо крикнулъ отъ амбара десятскому знакомый голосъ прикащика Романа, отмыкавшаго дверь.

Илья замѣтилъ подъ заборомъ дрожавшаго отъ холода Власка, безъ шапки и со спущенными рукавами.

— Ты это, Власъ?

— Я... Ой-ой-ой...

— Что у васъ тутъ дѣлается?

— Опять чиновники наѣхали.

— Зачѣмъ?

— Слѣды воровства нашли; всѣхъ музыкантовъ нашихъ и самаго венгерца забрали на винокуренномъ заводѣ, на ихъ квартирѣ, и всѣхъ вязать веревками хотятъ.

Илья замеръ отъ испуга.

— А серебро или другое что не нашли?

— Охъ, дядя Илько, все нашли: на барскомъ току подъ скирдой въ землю было зарублено; чиновникъ этотъ не то, что становой: точно бѣсъ прямо приѣхалъ на токъ, подошолъ тамъ къ крайней скирдѣ, сказалъ: тутъ! призвалъ нашего стоглазаго, твоего-то батьку, мужиковъ, заставилъ отрывать солому и снѣгъ, рубить землю топорами, да здѣсь сразу и нашолъ узлы съ платьемъ, бѣльемъ и съ серебромъ. Пишутъ бумаги теперь.

— А кто это воетъ у конюшни?

— Кирюшкина мать со слободы.

Илья опрометью кинулся къ себѣ на Окнину, въ хату, затопилъ печь, позвалъ къ себѣ сосѣда-мужика и подробно отъ него узналъ обо всемъ.

— Говорятъ, передавалъ мужикъ: — что это все именно черезъ Фроську узнали; барыня ея давно замѣчала, что какъ ни прилетъ въ городъ нашъ Кирюшка, такъ дѣвка и на-веселѣ, а Кирюшка въ кабакѣ гуляетъ; наканунѣ же это она у нея увидѣла ложечку чайную съ клеймомъ нашего князя-барина. Ну, донесла полиціи. А на ту пору въ городѣ по другому дѣлу былъ тотъ самый чиновникъ-грекъ, что помнишь одинъ трехъ

Digitized by Google

помѣщиковъ у барыни Перебоченской одолѣлъ и перевязалъ, какъ насъ съ тобою въ понятые призывали. Онъ взялъ въ полицію Фроську, настращалъ ее чтоли и допросилъ; она всѣхъ, какъ дѣло-то знала, выдала, а грекъ покраденное тутъ и нашолъ. Что Фроська! Попала въ городъ, сейчасъ пошла гулять съ другими; Кирюшку-то она можетъ и подвела, коли и онъ въ этомъ точно виноватъ. Вонъ, толкуютъ, что твой батько ее сманивалъ и къ Рубашкину въ ключницы... На все мастакъ бѣсъ стоглазый! Лишь бы угодить сильному человѣку... А еще старикъ! Отцы-матери музыкантовъ теперь во какъ побиваются по деревнѣ. И мой племянникъ попался; на барабанѣ состоялъ при той музыкѣ анафемской: не къ добру она ихъ довела.

Илья чутко прислушивался къ палворью; ему все чудились шаги, но никто за нимъ не шолъ.

— Не потерпѣлъ бы и ты, Илько, за нихъ: всѣ знаютъ, что ты съ Кирюшкой былъ дружонъ, а онъ, какъ думаютъ, главный въ воровствѣ и всему зачинщикъ.

— Богъ не выдастъ, дядя, свинья не съѣстъ; а я тутъ чистъ, вотъ какъ передъ Богомъ.

— Ну да и Романъ Антонычъ-то, батько твой... неужели онъ не отстоитъ тебя, не избавитъ отъ тяганья по судамъ своего дитяти роднаго?

Илья вздохнулъ и погасилъ плошку, провожая за двери сосѣда.

— Богъ его знаетъ моего отца; душа у него темная. Какъ въ колодезь иной глубокій въ степи смотришь; ничего не увидишь что тамъ есть. На него не очень надѣюсь, а ребята души своей не захотятъ погубить и не втянутъ меня неповиннаго въ это дѣло.

— Прощай, Илюша; не унывай.

— Что мнѣ, я ничего...

На утро Романъ шумно вошолъ съ обходомъ въ хату къ сыну. Съ нимъ былъ знакомый уже Ильѣ титулярный совѣтникъ Ангелъ, къ которому перешли въ губерніи за это время всѣ главныя и громкія слѣдственныя дѣла. Онъ входилъ въ большую силу у властей. Просунувшись въ хату къ Ильѣ, въ заиндѣвѣвшей на морозѣ сѣрой бараньей шапкѣ, голубой на мѣху бекешѣ и съ чудовищно-длинными усами, грекъ ласково крикнулъ:

— А, ты тутъ живешь? крѣпись, братъ! Дѣло о нашемъ вы-

Digitized by Google

ѣздѣ въ Сыртъ въ уголовной палатѣ и все вертится теперь на тебѣ. Стой, братъ, коли спросятъ; ты свихнешься или подломятъ тебя, пропало и это дѣло. Барыню эту и тѣхъ дворянъ тогда освободятъ...

— Это мой сынъ-съ! поспѣшилъ подобострастно прибавить прикащикъ, видя такую милость грознаго сыщика къ Ильѣ и егозя по хатѣ.

— Знаю его лучше тебя. Не впервое видимся! Ты въ бѣгахъ прежде былъ?

— Былъ, но самъ воротился.

— Какъ же, братъ, это все извѣстно. На дняхъ это дѣло переносятъ въ сенатъ; стой на своемъ и веди себя хорошо; а попадешься въ чемъ, сочтутъ и показанія твои подлогомъ...

Романъ чутко вслушивался въ слова грека.

— Какъ онъ ведетъ себя теперь?

— Отлично! отвѣтилъ Романъ.

— Ищите и у него; да я на него надѣюсь, что онъ чистъ во всемъ! сказалъ сыщикъ понятымъ. — Тѣ обшарили хату, чердакъ и дворъ Ильи, какъ обыскивали для порядку всю деревню.

— Кто этотъ столъ, эти лавки рѣзныя дѣлалъ? спросилъ грекъ, обогрѣваясь въ избѣ Ильи и обрывая ледяныя сосульки съ исполинскихъ усовъ.

— Я самъ! отвѣтилъ Илья, стоя у двери.

— Такъ ты на всѣ руки: и грамотный и мастеровой! Молодецъ, братъ! Не унывай. Главное, помни вездѣ одно: ничего ни передъ кѣмъ не таи и всегда говори во всемъ правду. Прощай.

Обходъ воротился назадъ. А черезъ часъ, за сильнымъ конвоемъ сосѣднихъ понятыхъ и сотскихъ, подъ начальствомъ жандармскаго урядника, изъ Есауловки въ городъ повезли на трехъ подводахъ связанный по рукамъ и по ногамъ весь княжескій оркестръ, въ тулупахъ и валенкахъ, человѣкъ семнадцать. Кирилу, какъ зачинщика въ воровствѣ по мнѣнію грека, повезли особо на конной подводѣ въ кандалахъ. Съ нимъ усаженъ былъ и допившійся до дрожанія членовъ капельмейстеръ венгерецъ. Бабы выли у околицы. Романъ вертѣлся верхомъ на конѣ и для порядка непомѣрно на всѣхъ ругался. День былъ опять морозный, солнечный. Толпа народу смотрѣла съ моста на Лихомъ на печальный поѣздъ арестантовъ, поднимавшійся отъ рѣчной низменности въ гору, за Авдулины-горбы. А далѣе, по сверкающему

Digitized by Google

въ алмазныхъ искрахъ и ослѣпительно-бѣлому взгорью скакалъ во всю прыть пятерикомъ на обывательскихъ, въ открытыхъ саняхъ, съ казакомъ и разсыльнымъ солдатомъ, одѣтый въ голубую теплую бекешу, титулярный совѣтникъ Лазарь Лазарычъ Ангелъ.

Прикащикъ Романъ вскорѣ поѣхалъ въ уѣздный городъ съ податями за крестьянъ и навѣстилъ кстати для себя и съ цѣлью окончательно сманить къ генералу Фросю домъ своей былой пріятельницы Перебоченской. Онъ сталъ у нея снова просить свои деньги.

— Деньги? А ты исполнилъ то что я тебя просила? Спровадилъ ты этого висѣльника, твоего сына? Отвѣчай! Дѣло тянется и клянусь тебѣ — скверно можетъ кончиться...

— Сударыня, вѣдь это мое дѣтище!

— Дѣтище? А какъ въ сенатѣ рѣшатъ опять переспросить свидѣтелей и понятыхъ, опросятъ и твоего сына, а онъ вдругъ останется при своемъ, да насъ всѣхъ, тѣхъ дворянъ-то и меня рабу грѣшную, сошлютъ въ Сибирь? Что тогда будетъ? Денегъ опять придешь просить? А? Говори...

Романъ вздохнулъ.

— Вы бы хоть вексель, барыня, чтоли мнѣ дали. Вѣдь сколько денегъ, не шутка!

— А кукишь не хочешь? Спровадь своего сына, говорю тебѣ, чтобъ и духу его тутъ не пахло. Дѣло скоро рѣшатъ. Тѣ господа изъ острога налегаютъ отъ скуки...

Прикащикъ молчалъ. Перебоченская вдругъ всплеснула руками.

— Да чтоже я, глупая, вотъ тебѣ отличный случай; самъ Богъ посылаетъ: — подай добавочную явку теперь же отъ себя, что подозрѣваешь Илюшку въ стачкѣ съ музыкантами... За нимъ пошлютъ; а ты его предупреди, настращай его и острогомъ — онъ дастъ тягу; тогда какъ закоренѣлаго бродяги, въ дѣлѣ всѣ его показанія отвергнутъ; а если не успѣетъ убѣжать, его схватятъ, станутъ судить по воровству и тоже выкинутъ изъ свидѣтелей противъ насъ...

— Сударыня... дѣтище вѣдь мое... я было уже и такъ на его эту сватьбу соглашаться сталъ... обнадежилъ его...

Digitized by Google

Перебоченская понюхала табаку.

— Ну, какъ знаешь, душечка; твое дѣло, а не мое; твои деньги у меня! А я тебѣ еще признаюсь: о Талавѣркѣ я уже дала знать въ Ростовъ и получила извѣщеніе, что его уличили и скоро вѣрно будетъ ему капутъ...

Романъ ахнулъ.

— Что вы сдѣлали?

— Дѣлай и ты такъ; вѣрь, лучше будетъ! сказала Перебоченская.

Она кликнула вѣрную Палажку, взяла изъ рукъ ея карты и стала спокойно класть пасьянсъ.

Романъ постоялъ еще, помолчалъ, вздохнулъ и вышелъ на улицу.

— Палажка! выдь, посмотри, куда этотъ старый чортъ пойдетъ! шепнула барыня горничной.

Горничная выбѣжала на улицу и черезъ десять минутъ воротилась.

— Слѣдила я за нимъ, барыня, издали вплодь до площади.

— Ну?

— Пошолъ прямо въ судъ... даже рукой махнулъ...

— А! явку о сынѣ рѣшился подать! Хорошо!

А пока Романъ сдавалъ въ городѣ подати, къ Ильѣ зашолъ опять изъ-за Авдулиныхъ горбовъ знакомый уже недавній его гость, именно венеціанецъ Васька Комаръ, принесшій ему письмо отъ Насти въ то время, когда онъ приходилъ съ стариками-посланцами отъ сосѣднихъ селъ справляться отъ него о волѣ. Комаръ опять зашолъ къ Ильѣ узнать, нѣтъ ли чего новаго о той же волѣ. Венеціанецъ Васька сидѣлъ въ хатѣ Ильи на лавкѣ, курилъ папироску, щурилъ подслѣповатые тусклые глазки, и сказалъ: — «Не дождаться мнѣ возврата отцовской земли! Наше село тоже почитай забытое и заброшенное. Баба моя, законная разжирѣла... Пудъ въ десятокъ вѣсомъ стала... Противно! То ли дѣло дѣвочки въ Италіи. Извели онѣ меня совсѣмъ! Я тамъ съ ними все въ гондолахъ катался... Да! Я васъ Илья Романычъ и не обрадовалъ, извините. Опять вамъ письмо...

— Черезъ кого? Какое?

Digitized by Google

— На имя мое, черезъ одного тоже бѣглаго вѣстечка вамъ опять изъ Ростова; мужичокъ вдовецъ оттуда въ одно сосѣднее село изъ бѣговъ тоже воротился, и ему дадено это письмо черезъ купца, съ наказомъ, чтобъ сперва меня непремѣнно розыскать, а я чтобы отнесъ его вамъ.

Илья взглянулъ на первыя строки короткаго на этотъ разъ посланія Насти, вдругъ вскочилъ, закричалъ не своимъ голосомъ, ухватился за волоса, сталъ бить руками по столу и объ стѣны, и зарыдавши, какъ малое дитя, упалъ на лавку... Василій Комаръ кликалъ его, теребилъ, утѣшалъ, допрашивалъ; напрасно. Илья стоналъ и съ письмомъ въ рукѣ головою бился объ лавку.

— Видно съ нимъ припадокъ, или любезная померла! грустно рѣшилъ про себя гость и рѣшился отправиться домой.

Въ поджаромъ пальто и въ фуражкѣ, Комаръ вышелъ на Окнину, взглянулъ на Есауловку и печально побрелъ пѣшкомъ во-свояси въ бѣдную дворовую хатенку, гдѣ ожидала его немилая и давно разлюбленная жена.

Настя писала: «Пропала теперь вся наша доля, Илюша, пропали и наши душеньки. Помѣщица наша отъ кого-то узнала гдѣ мы и что съ нами, дала знать въ тутошнюю полицію, къ намъ наѣхали полицейскіе, все опечатали, отца таскаютъ, меня таскаютъ, и сказываютъ, что такой есть законъ: отца и меня воротятъ опять подъ начало нашей былой барыни, а имущество наше распродадутъ и ей же отдадутъ деньгами. Голубчикъ Илюша, не знаю, увидимся ли еще съ тобою на этомъ бѣломъ свѣтѣ! Письмо это опять тебѣ пишетъ тотъ булочницынъ сынъ. Посылаю письмо черезъ саввинскаго купца, на имя Василія Марковича Комара, что воротился изъ Винеціи въ ваши мѣста, а дойдетъ ли мое письмо, про то не знаю и не вѣдаю и гдѣ тогда мы будемъ сами!» — Отецъ!! подумалъ Илья, прочтя письмо, и судорожно сжалъ кулаки: — это онъ выдалъ насъ барынѣ; онъ! Больше некому! Ему я бѣльмо на глазу... А Талавѣрка? Бѣдные, бѣдные! Теперь уже они пропали!.. пропали на вѣки! И черезъ кого? Черезъ меня! Господи!

Онъ выскочилъ изъ хаты.

Digitized by Google

Дни становились теплые. Изъ-за Авдулиныхъ-бугровъ и изъ-за Пугачова-горба замѣтно тянуло весной. Съ крышъ на пригрѣвѣ солнца капало. Мужички принимались уже справлять плуги и бороны для весенней работы. Въ чуткомъ воздухѣ громче отдавались голоса бабъ и дѣвокъ, идущихъ съ ведрами по воду. Дѣтскія рѣзвыя ноги весело бѣгали по почернѣлымъ обтаявшимъ тропинкамъ. Вороны шаловливыми стаями кружились въ недосягаемой вышинѣ, и будто падая оттуда, пророчили перемѣну погоды.

Смутный воротился Романъ къ ночи изъ города. Зажогъ въ конторѣ свѣчку, велѣлъ женѣ и Власику чаю себѣ приготовить и сѣлъ къ столу у окна во дворъ сводить счеты поѣздки въ городъ. Лицо его было сердито. Руки дрожали...

Вдругъ съ-надворья кто-то съ силой ударилъ чѣмъ-то тяжолымъ въ оконную раму конторы, прямо въ упоръ противъ Романа. Окно зазвенѣло и стекла посыпались на столъ передъ прикащикомъ.

Съ бѣшенствомъ выскочилъ изумленный Романъ снизу къ выходу изъ коридора. На дворѣ было тихо и не видно ни души. Сторожа еще не приходили на ночной караулъ. Въ деревнѣ было также спокойно, въ хатахъ кое-гдѣ только свѣтились огоньки. «Что за бѣсъ разбилъ у насъ окно!» подумалъ Романъ, быстро вбѣжалъ опять въ контору, зажогъ фонарь и вышелъ съ женою и Власикомъ во дворъ, освѣщая мѣсто у разбитаго окна. Возлѣ фундамента лежало бревно, родъ полѣна. Болѣе ничего не было видно. — «Хорошо еще, что по рамѣ, а не по моей головѣ ударилъ какой-то сатана! Плохіе приходятъ времена!» мысленно сказалъ про себя Романъ, приперъ окно ставнею, послалъ Власика за десятскимъ и соцкими, объявить имъ это и чтобъ сторожей они къ дому высылали скорѣе, и хотѣлъ было запереться опять въ конторѣ надъ счетами; но раздумалъ, снялъ со стѣны всегда заряжонное ружье и вышелъ въ садъ. Едва ступилъ онъ за калитку, какъ за угломъ дома у ближнихъ кустовъ замѣтилъ впотьмахъ какого-то человѣка. Подошолъ, окликнулъ его: Илья.

— Это ты разбилъ окно, собака?

— Я!

— Убить меня хотѣлъ?

— Не я, а другіе убьютъ тебя когда-нибудь, вотъ что!

Digitized by Google

Романъ кинулся на Илью и схватилъ его за шиворотъ. Ружье при этомъ онъ уронилъ.

— Э! Съ ружьемъ на меня идете? Дудки!

Илья выбился изъ рукъ отца, поднялъ ружье и отдалъ его ему.

— Батюшка! Вы Талавѣрку выдали барынѣ... Его съ дочкой схватили уже въ Ростовѣ, разоряютъ, мучатъ... Богъ накажетъ васъ за это. А коли Настя теперь не пойдетъ за меня, — знайте, я подожгу васъ, барскій домъ, всю деревню...

Романъ закричалъ:

— Караулъ, бекѣтные! сюда! взять его...

Съ двора послышались шаги. Илья хотѣлъ еще что-то сказать и бросился въ темныя алеи сада. Романъ раздумалъ его преслѣдовать.

На утро Романъ одѣлся, собрался опять къ Ильѣ, сказать наконецъ сыну, что вотъ такъ и такъ въ городѣ о немъ пошли разные толки, поповоду арестованныхъ воровъ, и не худо бы ему было принять свои мѣры и уйти изъ Есауловки, коли онъ что чувствуетъ за собою. Романъ встрѣтилъ у хаты Ильи сосѣда-мужика. Мужикъ передъ Романомъ снялъ шапку и сталъ заминаться.

— Что ты, братъ?

— Недоброе, Романъ Антонычъ, случилось! Илья нашъ опять... полагать должно. . убѣжалъ... Хата расперта, настужена; одежа его забрана и самого его еще съ вечера нѣтъ въ хатѣ...

— «А! сбылъ!» подумалъ Романъ и не зналъ поправдѣ что далѣе мыслить: радоваться или горевать.

Онъ запахнулся плотнѣе кафтаномъ, заглянулъ въ хату сына, прислалъ жену запереть ее на замокъ и поѣхалъ въ тотъ же день въ городъ извѣстить Перебоченскую, что сынъ его такъ и такъ наконецъ опять убѣжалъ безъ слѣда. Генералу онъ доставилъ вскорѣ освобожденную изъ исторіи музыкантовъ Фросю и при этомъ ему доложилъ, что Илья бѣжалъ вслѣдствіе соприкосновенности къ воровству. Денегъ барыня однако Роману не воротила.

Наступила быстрая, дружная весна. Окнина и сосѣднія болота, озера и ключи оттаяли, задымились туманами, закипѣли

Digitized by Google

дичью. Но хатка и новый дворикъ подъ вербами на Окнинѣ были пусты.

— «Неужели Илья Танцуръ опять убѣжалъ? спрашивали другъ друга есауловцы: что за причина?» — Никто навѣрное этого рѣшить не могъ.

А. СКАВРОНСКІЙ

Digitized by Google

ОТЪ ПЕТЕРБУРГА ДО ЕКАТЕРИНОСЛАВЛЯ

II

Ошибочныя и неполныя понятія о бытѣ нашей арміи въ петербургскихъ кружкахъ и скудость свѣдѣній, представляемыхъ военной литературой. — Различныя общества офицеровъ въ нашей арміи. — Системы пополненія арміи офицерами. — Французская система въ примѣненіи къ нашей арміи. — Офицеры изъ юнкеровъ, изъ кадетъ, изъ унтеръ-офицеровъ. — Еврейское населеніе Рогачева. — Наше отплытіе. — Суда, употребляемыя для плаванія по Днѣпру. — Устройство берлины. — Наше плаваніе. — Днѣпръ. — Выборное начало въ арміи: въ средѣ офицерской — казначей и квартирмейстеръ; въ средѣ солдатской — артельщикъ. — Ротное хозяйство.

Я давно уже оставилъ армію, лѣтъ семь тому назадъ. Въ Петербургѣ мало знакомы какъ съ нашей провинціальной жизнью, такъ и съ бытомъ арміи. О жизни провинціальной составляются мнѣнія по понятіямъ, слагающимся по жизни столичной и по даннымъ, представляемымъ литературою, далеко впрочемъ не захватывающей въ глубь губернской и уѣздной жизни; по центральной администраціи составляютъ мнѣніе объ управленіи провинціи, по быту гвардіи и войскъ, квартирующихъ въ Петербургѣ, слагается мнѣніе объ арміи.

Въ воззрѣніяхъ, составляемыхъ такимъ образомъ, заключается не малая доля ошибокъ и заблужденій. Такъ въ послѣднее время родились у насъ розовыя мечты о томъ, что движеніе русской мысли, дѣйствительно замѣтное въ столичной литературѣ, вѣрно отражаетъ собою такое же движеніе впередъ всего обширнаго нашего отечества. Не разъ случается слышать въ Петербургѣ отъ нашихъ оптимистовъ, что жизнь провинціальную теперь узнать нельзя: такіе успѣхи сдѣлала она. И вотъ, когда случай доставилъ мнѣ возможность приглядѣться къ ней попристальнѣе, эти розовыя мечты, уже начинавшія подкапывать мои мнѣнія, основанныя

Digitized by Google

на прежнихъ наблюденіяхъ, стали разлетаться при первомъ соприкосновеніи съ дѣйствительностью. Сколько мнѣ кажется, движеніе только и существуетъ въ нѣкоторыхъ литературныхъ кружкахъ, которые впрочемъ увѣрены, что мнѣнія, ими проповѣдуемыя, раздѣляются чуть-ли не цѣлою Русью. На самомъ же дѣлѣ все существуетъ постарому, и безпристрастный наблюдатель замѣчаетъ одинъ только фактъ: освобожденіе крестьянъ, которое, какъ бы оно ни понималось и ни приводилось въ исполненіе, разбило цѣпи, сковывавшія нашего мужика, и поставило его въ раздумье, отъ котораго можно ожидать положительнаго движенія нашей общественной и гражданской жизни. Какъ онъ устроится, куда пойдетъ, какія препятствія встрѣтитъ на пути своемъ?

Первое мое столкновеніе съ нашей арміей было въ Рогачевѣ. Но прежде чѣмъ говорить о встрѣчѣ этой, я долженъ сдѣлать небольшое общее разсужденіе. Мнѣ случалось бывать въ самыхъ разнообразныхъ и разнохарактерныхъ военныхъ кружкахъ, приглядываться къ ихъ составу, къ ихъ отличительнымъ свойствамъ, къ ихъ направленію — и я вывелъ заключеніе, что наилучшій составъ общества офицеровъ въ нашей арміи безспорно принадлежитъ артиллеріи. Впрочемъ я не думаю, чтобы я сдѣлалъ какое-нибудь открытіе и сказалъ что-нибудь новое — мнѣ бы хотѣлось только указать по возможности на причины этого явленія и уяснить, почему оно не существуетъ или существуетъ въ слабѣйшей степени въ прочихъ частяхъ арміи.

На первый взглядъ главная причина, почему общество артиллерійскихъ офицеровъ составляетъ повидимому такое исключительное явленіе, заключается въ его однородномъ составѣ, ибо части артиллеріи пополняются офицерами изъ артиллерійскаго училища и изъ кадетскихъ корпусовъ; стало-быть всѣ они близки по степени и характеру воспитанія и образованія, которыми снабжаютъ ихъ на жизненное и служебное поприще военно-учебныя заведенія. Но подобное разсужденіе было бы неосновательно: таже система пополненія офицеровъ существуетъ и въ гвардіи, съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что въ гвардію выпускались доселѣ лучшіе воспитанники тѣхъ же корпусовъ; стало-быть казалось бы, что тутъ гораздо болѣе шансовъ на корпорацію офицеровъ болѣе совершенную. Между тѣмъ, я думаю, нечего и доказывать, что разница между обществомъ гвардейскихъ и артиллерійскихъ офицеровъ бросается въ глаза всякому немножко наблюдательному человѣку, такъ что нельзя не отдать преимущества послѣднему.

Настоящія причины лучшаго товарищества артиллерійскихъ офицеровъ заключаются стало-быть не въ одной только однород-

Digitized by Google

ности его состава изъ кадетъ училища и корпусовъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ условіяхъ: вопервыхъ путей для особеннаго рода отличій въ артиллеріи не имѣется; здѣсь отличія и награды, производящіяся почти всегда на одномъ основаніи — общей очереди — случаются гораздо рѣже и туже, вслѣдствіе чего онѣ не способствуютъ развитію духа честолюбія, который съ немногими хорошими сторонами своими влечетъ за собой полное разъединеніе, рождаетъ зависть, подрываетъ всякаго рода солидарность между членами одного и того же общества. Ничто не дѣйствуетъ такъ пагубно, не разлагаетъ такъ успѣшно самыя естественныя отношенія между людьми одного кружка или цѣлаго общества, какъ учрежденія, открывающія пути честолюбивымъ страстямъ человѣческимъ, быть можетъ самымъ опаснымъ для человѣческихъ обществъ. Невыгоды этихъ учрежденій не сглаживаются даже въ томъ случаѣ, когда награды и повышенія основаны на выборномъ началѣ. Прослѣдите внимательнѣе вліяніе наградъ и отличій со школьной скамейки до звѣздъ и лентъ и вы увидите, что эти знаки не рѣдко искажали человѣческія добродѣтели и гораздо рѣже приносили ожидаемую отъ нихъ пользу, чѣмъ нежданный и не всегда бросающійся въ глаза вредъ. Теоретики утверждаютъ, что они необходимы для поддержанія духа соревнованія, гражданской доблести и указываютъ на исторію и отдаленную древность. Противъ этой теоріи мы смѣло выставляемъ другую, по которой заслуга и добродѣтель по своей сущности награды требовать не могутъ, ибо въ противномъ случаѣ добродѣтель и заслуга перестаютъ быть добродѣтелью и заслугой; для поддержанія же духа соревнованія и гражданской доблести, продолжаетъ таже теорія, ничто не можетъ быть сильнѣе сознанія цѣли и ея полезности, необходимости ея достиженія для моего и общаго блага.

Два другихъ выгодныхъ условія для общества артиллерійскихъ офицеровъ заключаются какъ въ самой ограниченности числа ихъ въ боевой и административной единицѣ артиллеріи — батареѣ, — такъ и въ спеціальности самихъ служебныхъ занятій, имѣющихъ ту характеристическую черту, что они не допускаютъ педантизма, формалистики, выправки, шагистики и прочихъ золъ, которыя оказали такія вредныя послѣдствія для нашей арміи, послѣдствія, выказавшіяся въ послѣднюю войну на офицерѣ еще болѣе, чѣмъ на солдатѣ.

Читателю можетъ-быть придетъ въ голову спросить, почему я говорю объ этомъ предметѣ, который по малочисленности артиллерійскихъ офицеровъ въ общемъ составѣ арміи кажется исключительнымъ. Но я имѣю на то самыя законныя основанія, и предпославъ

Digitized by Google

эти мысли и соображенія, я перехожу къ арміи, гдѣ тѣже причины, оказывающія непосредственное вліяніе на характеръ общества офицеровъ, принимаютъ серьозные, важные размѣры и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мнѣ кажется, что 35 тысячъ офицеровъ, ихъ положеніе, образованіе, развитіе, отъ которыхъ по преимуществу зависитъ, чтобы сила, представляемая арміей, получила характеръ силы сознательной, разумной, проникнутой чувствомъ долга и уваженія къ принципамъ, которые она защищаетъ, во имя которыхъ она служитъ, — стóятъ, чтобы на ихъ положеніе обращено было общее вниманіе.

Въ отдаленныя времена, о которыхъ мечтаютъ наши славянофилы, выборное начало входило замѣтнымъ элементомъ въ наше войско, и не только въ Малоросіи, Запорожьи и казачествѣ, но и въ регулярныхъ полкахъ. Петръ Великій поддержалъ это начало въ арміи допущеніемъ въ ряды офицеровъ и на высшія военныя ступени лицъ изъ простого народа по ихъ заслугамъ предъ государствомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ введена была система, основанная на исключительномъ старшинствѣ, которая при его преемникахъ преобладала въ нашей арміи до времени французской революціи; она особенно замѣтна во время рабской подражательности военнымъ учрежденіямъ Фридриха II и вытѣснила либеральныя учрежденія Петра, по которымъ званіе офицера было доступно всякому, отличившемуся заслугами и познаніями. На званіе офицера получили право только привилегированныя сословія; для производства введена была система старѣйшинства, съ исключеніями не въ пользу дѣйствительнаго отличія и способностей, а въ пользу протекціи и происковъ. Послѣ войнъ революціи и имперіи, когда вся Фридрихова система разрушена была въ одинъ и тотъ же день при Іенѣ и Ауэрштедтѣ, подражаніе стало переходить на сторону французовъ, милитаризмъ которыхъ сталъ образцовымъ для всей Европы и продолжаетъ быть типомъ, съ котораго снимаются копіи до нашихъ дней. Революція открыла офицерамъ мѣста для всякаго, и нѣсколько простыхъ солдатъ выслужилось до маршаловъ; — это одно изъ самыхъ отличительныхъ свойствъ французской арміи со времени революціи и оно служитъ сильнѣйшимъ рычагомъ для поддержанія въ ней воинскаго духа. Но одного его недостаточно: недостатокъ образованія, вообще не считавшагося прежде необходимымъ для армій, сталъ чувствоваться замѣтно, и не для одного представительства арміи предъ своей землей и иностранцами, а для самой службы. Для удовлетворенія этой потребности требовалось ввести въ нее элементъ гуманный и общечеловѣческій, т. е. допустить въ ряды офицеровъ людей, получившихъ такое гуманное, общечеловѣческое образованіе. Съ другой

Digitized by Google

стороны, вслѣдствіе успѣховъ военной науки, потребовавшихъ особеннаго, спеціальнаго съ ней ознакомленія, безъ котораго невозможно нынѣче одерживать побѣды, слѣдовало позаботиться о пополненіи рядовъ арміи особыми спеціалистами, ознакомившимися основательно съ военной наукой въ высшихъ военныхъ школахъ.

Вотъ три элемента, имѣющіе непосредственное вліяніе на составъ офицеровъ во французской арміи: правительство назначаетъ по своему выбору и производитъ (сообразуясь съ старшинствомъ, но не стѣсняясь имъ) офицеровъ-спеціалистовъ; производство офицеровъ, окончившихъ курсъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, соотвѣтствующихъ нашимъ гимназіямъ, основано исключительно на старшинствѣ ихъ по службѣ; наконецъ производство третьяго разряда офицеровъ изъ низшихъ класовъ арміи основано на выборномъ началѣ, съ условіемъ подвергнуться легонькому испытанію въ первоначальныхъ наукахъ. Количество производствъ и назначеній почти одинаково по всѣмъ тремъ разрядамъ. Эти начала вошли въ военныя учрежденія европейскихъ армій, въ однихъ больше, въ другихъ меньше, подвергаясь измѣненіямъ и искаженіямъ, согласно съ общимъ характеромъ учрежденій каждой страны, то приближаясь, то удаляясь отъ оригинала. У насъ нельзя сказать утвердительно, какая система преобладаетъ въ арміи; можно только замѣтить, что французскія основанія для допущенія въ ряды офицеровъ нижнихъ чиновъ вовсе не соотвѣтствуютъ своему назначенію, какъ это будетъ видно ниже.

Армія наша пополнялась до сихъ поръ офицерами вопервыхъ изъ юнкеровъ-дворянъ, рѣдко окончившихъ гимназическое воспитаніе, а чаще недостигшихъ четвертаго или пятаго класа, либо учившихся дома и выдержавшихъ установленный экзаменъ въ юнкера; вовторыхъ изъ кадетъ, окончившихъ корпусное воспитаніе или оставившихъ корпусъ за какую-нибудь шалость или неуспѣхи въ наукахъ; наконецъ изъ нижнихъ чиновъ, дослужившихся до офицера и выдержавшихъ легкій, формальный экзаменъ. Отношеніе числительности ихъ таково, что на сто офицеровъ приходится около половины или пятьдесятъ юнкеровъ-дворянъ; остальная половина раздѣляется между кадетами и офицерами изъ нижнихъ солдатскихъ чиновъ (послѣдніе слывутъ въ арміи подъ названіемъ бурбоновъ). Я не говорю ни слова о студентахъ, которые хотя и встрѣчаются, но въ такомъ ограниченномъ числѣ, что принять его въ расчетъ при соображеніяхъ невозможно.

Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ обозначенныхъ разрядовъ. Изъ приведеннаго отношенія числительности всѣхъ разрядовъ уже видно, какимъ значительнымъ элементомъ входятъ въ

Digitized by Google

общую массу офицеровъ юнкера изъ дворянъ. Вотъ почему правительство въ настоящее время обратило особенное вниманіе на этотъ источникъ пополненія арміи офицерами: уровень образованія, характеръ всего общества офицеровъ зависитъ преимущественно отъ людей, которые составляютъ такое значительное большинство. Соотвѣтствующій ему разрядъ во французской арміи отличается тѣмъ, что въ послѣдней онъ состоитъ изъ офицеровъ, окончившихъ *полный* курсъ наукъ въ среднихъ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ и нуждающихся только въ нѣкоторыхъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣніяхъ въ военныхъ наукахъ, которыя и преподаются имъ во время прохожденія службы до выслуженія сроковъ и открытія офицерскихъ вакансій и въ которыхъ они подвергаются серьозному и строгому экзамену. У насъ иное дѣло: окончившихъ гимназическій курсъ поступаетъ въ военную службу весьма немного; по большей же части молодые люди, посвящающіе себя военному званію, оставили низшіе класы гимназіи или получили далеко неудовлетворительное домашнее воспитаніе, въ надеждѣ получить офицерскій чинъ по выслуженіи законныхъ сроковъ и хотя они подвергаются экзамену, но самому поверхностному и такъ-сказать формальному. Экзаменаторамъ приходилось на практикѣ становиться въ весьма щекотливое положеніе: справедливость относительно оцѣнки познаній подрывалась столько же чувствомъ состраданія къ людямъ, неимѣвшимъ никакихъ средствъ получить болѣе основательныхъ свѣдѣній, безполезностью этой строгости, которая не могла привести къ лучшимъ результатамъ и необходимостью все-таки произвесть извѣстное число юнкеровъ на открывавшіяся вакансіи. Кому же произвести въ офицеры нерѣдко означаетъ въ такомъ случаѣ дать средства человѣку выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и неудобной среды, чтобы сдѣлать что-нибудь для своего развитія.

Вотъ почему я ничего не могу сказать противъ этого чувства состраданія и хорошо знаю, что не поведутъ ни къ чему строгіе экзамены людей, не имѣвшихъ случая и возможности учиться, какъ слѣдуетъ, да ктому же достоинства будущаго офицера весьма трудно опредѣлить числомъ баловъ, полученныхъ имъ на экзаменѣ. Я указываю только на необходимость дать средства къ образованію огромному числу молодыхъ людей, которые впродолженіи двухлѣтней или четырехлѣтней своей службы при средствахъ, предоставленныхъ самимъ правительствомъ, могли бы пополнить и исправить нѣкоторые пробѣлы своего неполнаго гимназическаго или нерадиваго домашняго воспитанія. Къ сожалѣнію на этотъ весьма важный вопросъ до самаго послѣдняго времени не было обра-

Digitized by Google

щено почти никакого вниманія. Сколько намъ извѣстно, въ нашей арміи заведено еще весьма незначительное число школъ для юнкеровъ, притомъ ихъ собираютъ для занятій науками на зимніе мѣсяцы; по большей же части образованіе предоставлено на ихъ собственныя средства. Все время службы своей они остаются при своихъ полкахъ и батальонахъ и вовсе не готовятся къ экзамену, основательно возлагая свою надежду на чувство состраданія и снисходительность экзаменаторовъ. Если принять къ тому же въ соображеніе, что большинство изъ нихъ люди безъ всякаго состоянія, то можно сдѣлать предположеніе, справедлива ли бы была строгость экзаменовъ для людей, неимѣвшихъ положительно никакихъ средствъ приготовиться къ нимъ. При этомъ не должно упускать изъ виду, что армія все-таки нуждалась въ извѣстномъ числѣ юнкеровъ для замѣщенія офицерскихъ вакансій, и нерѣдко нужда эта бывала до того настоятельна, что производство дѣлалось и безо всякихъ экзаменовъ, а изъ корпусовъ выпускались въ офицеры кадеты, не дошедшіе до послѣдняго класа.

Что касается до кадетъ, составляющихъ едва четвертую часть офицеровъ въ арміи, то несмотря на сравнительно лучшую ихъ подготовку, мы предоставляемъ на общій судъ: соотвѣтствуютъ ли достигаемые военно-учебными заведеніями результаты тѣмъ значительнымъ расходамъ, которые идутъ на этотъ предметъ изъ государственнаго казначейства. По моему крайнему разумѣнію, если-бы эти суммы употреблены были по прямому и естественному своему назначенію для доставленія возможно лучшаго образованія для молодыхъ людей, готовящихся въ офицеры и составляющихъ значительное большинство во всей массѣ офицеровъ, то уровень этого образованія значительно бы поднялся и отъ этого нисколько не пострадали бы и тѣ, которые проходятъ теперь чрезъ корпуса. Вотъ почему въ послѣднее время нѣсколькими учрежденіями старались предотвратить замѣченные недостатки, но размѣры этихъ заведеній, существованіе ихъ въ одной только столицѣ, а равно незначительное число ихъ ограничиваютъ благодѣяніе, ими приносимое и мало измѣняютъ положеніе большинства, предоставленнаго на произволъ случайности и на свои скудныя средства.

Не могу не упомянуть объ одномъ фактѣ, всегда поражавшемъ меня въ арміи и къ сожалѣнію случавшемся весьма нерѣдко. Въ войскахъ встрѣчалось весьма значительное число кадетъ, высланныхъ изъ корпусовъ за дурное поведеніе или неуспѣхи въ наукахъ. Какая цѣль этого остракизма — я никогда понять не могъ. Молодой человѣкъ, часто еще дитя и по возрасту и по развитію, сдѣлалъ проступокъ, требующій строгаго взысканія, оказываетъ

Digitized by Google

плохіе успѣхи въ наукахъ, — и за это ставили его въ самую невыгодную среду для исправленія или для дальнѣйшаго развитія, т. е. отнимали у него всякую возможность исправленія и къ несчастію обращали его весьма часто въ дѣйствительнаго уже негодяя. Мнѣ кажется, что подобная мѣра прямо противоположна своей цѣли. Если уже принимать на свое попеченіе человѣка съ его дѣтскаго возраста, то слѣдовало бы нести отвѣтственность за то, что изъ него выйетъ: у мальчика развивается дурная нравственность — тѣмъ большія слѣдовало бы употребить старанія для ея исправленія или для лучшаго направленія; мальчикъ не оказываетъ успѣховъ въ наукахъ — тѣмъ большія нужны усилія для его развитія. А то это выходитъ весьма немудреная педагогическая наука: ребенокъ провинился или еще того хуже, его вызвали на грубость, на отпоръ — вонъ его изъ заведенія; не оказываетъ успѣховъ въ наукахъ (часто вслѣдствіе неумѣнія преподавать ихъ), вонъ его. Какая цѣль, еще разъ, этого жестокаго остракизма? Неужели пришлось бы намъ встрѣтить и здѣсь общія, избитыя возраженія на вопросы, предлагаемые при подобныхъ же обстоятельствахъ теоретической юридической наукой? Неужели снова услышимъ мы про христіанское возмездіе, про неизбѣжное исправленіе, вызванное чувствомъ боли и страданія, наконецъ про примѣръ, еще никогда ни на кого не подѣйствовавшій!

Мы твердо впрочемъ увѣрены, что если бы люди, такъ ловко высылающіе мальчика изъ корпуса юнкеромъ въ армію, прослѣдили бы за нимъ нѣсколько далѣе, до полученія имъ хоть офицерскаго чина; если бы они присмотрѣлись къ тѣмъ неблагопріятнымъ условіямъ для его исправленія и дальнѣйшаго развитія, въ которыя онъ попадаетъ; если бы они знали, что ихъ жестокая строгость вовсе не достигаетъ цѣли, ибо молодой человѣкъ въ извѣстный срокъ все-таки обыкновенно производился въ офицеры, если открывалась вакансія, и по своему мнѣнію выигрывалъ еще, ибо избавлялся отъ антипатичной корпусной ферулы, то они постарались бы пріискать какое-либо иное средство для наказаній и для достиженія своихъ цѣлей. Въ послѣднее время болѣе человѣколюбивая педагогика вслѣдствіе преобразованій какъ по военному министерству, такъ и по военно-учебнымъ заведеніямъ уже оказала замѣтные благодѣтельные результаты.

Перехожу къ послѣднему изъ обозначенныхъ мною разрядовъ. Офицеры, произведенные изъ нижнихъ чиновъ, всегда поражали меня тѣми свойствами, которыя казалось бы, менѣе всего можно было предполагать въ нихъ. Это самые суровые, самые жестокіе, самые тяжолые для солдата начальники. Пройденный ими тернистый

Digitized by Google

путь, печальная судьба, которую они испытали, прошли для нихъ не даромъ: они ожесточили ихъ сердце, заслонили къ нему доступъ чувству состраданія къ бывшимъ товарищамъ. Это грустный, возмущающій насъ, но какъ-видно необходимый, естественный, психологическій законъ человѣческаго организма. Такъ-называемые въ арміи бурбоны отплачиваютъ на солдатѣ всѣ тѣ оскорбленія, обиды, наказанія, которымъ они подвергались во время службы своей въ нижнихъ чинахъ.

Такъ какъ большинство изъ нихъ проходило чрезъ всѣ ступени нижней іерархіи, занимало мѣста каптинармусовъ и фельдфебелей, то ихъ отличаютъ два существенныхъ свойства: знаніе до малѣйшихъ мелочей ротнаго и полкового хозяйства и строгая, неуклонная, неразсуждающая исполнительность. Эти свойства всегда высоко ставили ихъ во мнѣніи полковыхъ командировъ добраго стараго времени. Каждая командировка, сопряженная съ извѣстнаго рода выгодами, денежныя и хлѣбныя порученія, сколько я замѣтилъ, всегда поручались этимъ людямъ, которые не забывая своихъ собственныхъ выгодъ, не забывали выгодъ своего начальника. Единственное средство вызвать хорошихъ и достойныхъ офицеровъ изъ этого источника возможно только при поднятіи общаго уровня образованія въ низшихъ слояхъ арміи; тогда получатся и благодѣтельные результаты, т. е. солдатъ, дослужившійся до офицерскаго званія, будетъ естественно ближе къ своимъ бывшимъ товарищамъ; лучше сознавая ихъ свойства, нужды, онъ будетъ относиться къ нимъ гуманнѣе и симпатичнѣе, чѣмъ это случалось къ сожалѣнію доселѣ.

Но пора обратиться мнѣ къ моему путешествію, отъ котораго я невольно отвлеченъ былъ встрѣчей съ арміей. Рогачевъ лежитъ на Днѣпрѣ; я упоминалъ уже о его важномъ положеніи на перекресткѣ двухъ большихъ путей, соединяющихъ Кіевъ съ тремя столицами. Населенъ онъ почти исключительно одними евреями, занимающимися крупною и мелочною торговлею. Вами чувствуется это уже за нѣсколько станцій къ нему, на которыхъ билетики съ подписью здѣшняго откупщика Гинцбурга ходятъ какъ настоящія деньги за отсутствіемъ мелкой размѣнной монеты. Въ здѣшней сторонѣ безъ еврея-фактора ступить нельзя; посредствомъ его вы можете получить всѣ свѣдѣнія, достать все что вамъ угодно, и грѣшно бы было сказать, что онъ дорого продаетъ свою услугу. Нигдѣ въ большей степени какъ въ западныхъ губерніяхъ, не сохранилъ еврей своей типичности и оригинальности, отличающихъ его отъ прочихъ породъ человѣческихъ. Начиная съ внѣшнихъ признаковъ, костюма, прически, жестовъ и кончая свойствами внутренними, все говоритъ

Digitized by Google

въ пользу необыкновенной устойчивости, солидарности, живучести этого класическаго племени. Что за странная судьба этого народа? Дать всему человѣчеству библію и евангеліе, религію и цивилизацію, и остаться внѣ общаго могучаго движенія; возбудить противъ себя гоненія, какихъ разумѣется не испытало ни одно племя, и вынести его со стойкостью, равною преслѣдованію; жить среди народовъ, выработавшихъ возможную степень развитія, и остаться при формалистикѣ талмуда; не имѣть отечества, скитаться по чужимъ и вѣчновепріязненнымъ народамъ, изощрявшимъ свое воображеніе для изобрѣтенія противъ нихъ всѣхъ видовъ гоненія и неправды, и сохранить свою самобытность, свою непостижимую солидарность общенія съ соплеменниками, разсѣянными по всему лицу земли. Кажется душа давно улетѣла изъ ихъ общественнаго организма, осталась одна форма; каково же было въ свое время содержаніе, если только одна сохраненная форма держится столько вѣковъ? Каковъ былъ законъ этого организма, геніально и вдохновенно понятаго Моисеемъ, если сокрушить его не могли ни успѣхи всѣхъ отраслей человѣческаго знанія, ни успѣхи наукъ философскихъ и богословскихъ, ни успѣхи самой жизни, ни жесточайшія преслѣдованія, которыя когда-либо выпадали на долю народа и время которыхъ далеко еще не миновало? Удивительный народъ! И что за энергія, что за настойчивость при достиженіи цѣли!

Явившійся къ моимъ услугамъ факторъ оказался недавно разорившимся богачемъ. Съ философскою твердостью переносилъ онъ удары капризной судьбы; вкусивши всѣхъ удобствъ и прелестей богатства, онъ спокойно переносилъ крайнюю бѣдность и твердо вѣрилъ въ возвращеніе бывшихъ золотыхъ дней. Дайте возможность только стать этому племени на ноги, развяжите связывающія его путы — оно двинется впередъ и у насъ, какъ двинулось во всѣхъ отличающихся терпимостью государствахъ запада, чтобы принять участіе во всеобщемъ совершенствованіи.

Чрезъ нѣсколько дней по прибытіи моемъ въ Рогачевъ прибылъ батальонъ, съ которымъ предстояло мнѣ спуститься внизъ по Днѣпру. Въ прекрасное апрѣльское утро отслужили по обыкновенію молебенъ на берегу рѣки; солдаты ревностно клали на столъ, покрытый бѣлою скатертью, мѣдныя деньги, усердно крестились, лица у всѣхъ были серьозны. По ихъ походкѣ, по жестамъ и движеніямъ можно было догадаться, что это были люди неслишкомъ закаленные самобытнымъ, оригинальнымъ военнымъ бытомъ, который кладетъ на нашего крестьянина отпечатокъ, сохраняемый имъ во всю остальную жизнь и создаетъ совершенно новый типъ въ нашей народной

Digitized by Google

жизни. Дѣйствительно, большинство ихъ прослужило не болѣе двухъ-трехъ лѣтъ и выпущено было въ отпускъ, продолжавшійся уже болѣе пяти лѣтъ, когда снова призвали ихъ на службу. Были и такіе, которые выслуживали свои сроки и такихъ легко было отличить сколько-нибудь опытному глазу. Вѣроятно многіе и позабывали, что они солдаты, перестали думать, что въ нихъ встрѣтится надобность, обзавелись семьей, женой, дѣтьми, какъ вдругъ, какъ молнія, упалъ на ихъ голову призывъ на дѣйствительную службу.

Съ нѣкоторыми пришли ихъ жены. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ одной изъ сценъ, которыя я желалъ бы отъ всей души не встрѣтить въ моей жизни — такъ тяжелы онѣ. По окончаніи молебствія нужно было сажать войска на суда — началось прощаніе. Если несчастіе, печаль нашего простого народа и не сопровождаются изящными, поэтическими выраженіями, тѣмъ не менѣе они глубоко потрясаютъ непривычный къ нимъ организмъ. Вѣроятно моему читателю, если не случалось видѣть, то случалось читать или слышать про раздирающій душу крикъ, нечеловѣческіе стоны, которыми сопровождаютъ у насъ въ деревняхъ покойниковъ, или которыми жена провожаетъ мужа; про вопли, вылетающіе изъ груди, про причитыванія и земные поклоны, которыми они сопровождаются. Я увидѣлъ эту печальную сцену въ огромныхъ размѣрахъ. Я не зналъ, куда мнѣ дѣться, чтобы избавиться отъ непріятныхъ, тяжолыхъ ощущеній, и отвернулся въ сторону, но наткнулся на другую сцену, болѣе молчаливую, но не менѣе тяжолую. Это было тоже прощаніе, но какое-то исключительное и до того грустное, что свидѣтель его нескоро позабудетъ и предъ нимъ долго еще будетъ мерещиться печальная картина. Молодой солдатъ, лѣтъ двадцати-семи прощался съ молодой женщиной, вѣроятно женой. Смуглыми, грубыми руками держалъ онъ ея красивую голову; съ невыразимою тоской она глядѣла ему въ лицо — оба молча, тихо плакали.

Эхъ, братъ, служба, подумалъ я, кто тебя дернулъ жениться и полюбить такъ?

Нельзя не поблагодарить правительство за сокращеніе срока военной службы для солдата, но нельзя не желать еще бо́льшаго сокращенія срока этой службы. Продолжительный срокъ службы влечетъ за собою важныя невыгоды какъ для солдата, такъ и для всей страны. Службою отрывается членъ общества и чѣмъ болѣе она продолжительна, тѣмъ менѣе вѣроятности, что окончившій срокъ своей службы снова возвратится къ своимъ занятіямъ, къ производительному труду. Онъ и обращается по большей части къ мелочной торговлѣ, сидитъ гдѣ-нибудь въ кабакѣ или откры-

Digitized by Google

ваетъ при содѣйствіи жены или какой-нибудь кумы какое-нибудь еще менѣе замысловатое заведеніе, но къ землѣ не возвращается.

Главными причинами продолжительнаго срока службы были у насъ доселѣ: система набора и приготовленіе рекрута на дѣйствительную службу; система и требованія самой службы, начинавшей свое дѣло съ убѣжденія молодого рекрута, что онъ ходить-то даже не умѣетъ (какого-нибудь коробейника-офеню, дѣлавшаго тысячи верстъ съ своимъ коробомъ); излишняя формалистика и сложность того, чему долженъ быть обученъ солдатъ; наконецъ плохія пути сообщенія, канцелярская процедура и всѣ послѣдствія отживающей администраціи. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что по удаленіи всѣхъ этихъ препятствій явится возможность новаго сокращенія срока службы для солдата; тогда онъ будетъ возвращаться въ то состояніе, изъ котораго вызвалъ его призывъ въ ряды арміи и обращаться къ прежнему своему труду.

Пароходъ нашъ тронулся, плавно потащилъ за собою берлины и за первымъ поворотомъ широко разлившагося Днѣпра Рогачевъ съ толпою народа, собравшеюся на берегу рѣки, съ плачущими и воющими солдатскими женами скрылся изъ глазъ нашихъ. Я долженъ впрочемъ объяснить моему читателю что́ такое берлина; уже нѣсколько разъ употреблялъ я слово это, напоминающее прусскую столицу. По Днѣпру, за исключеніемъ плотовъ, составляющихъ вмѣстѣ и грузъ и судно, товары сплавляются на двоякаго рода судахъ. При конструкціи однихъ имѣютъ главнымъ образомъ въ виду одну только возможно-бо́льшую вмѣстимость. Они очень высоки, широки (на третью часть длины), длиною бываютъ отъ двѣнадцати до двадцати-четырехъ саженъ. Вообще они называются *барками*, хотя у здѣшнихъ спеціалистовъ этимъ именемъ называются только большія этого разряда суда: болѣе 20-ти саженъ длины, 7 саженъ ширины, 1 сажень высоты, сидящія въ водѣ 2—2½ арш. и подымающія 30 т. пудовъ груза, а меньшія слывутъ подъ названіемъ *брянокъ;* послѣднія подымаютъ 7 т. пуд. груза.

Естественно, что суда съ подобной неуклюжей конструкціей негодны для плаванія вверхъ по рѣкѣ по своей несоразмѣрной ширинѣ, представляющей слишкомъ большую площадь для упора воды, особенно въ весеннее полноводье, когда теченіе Днѣпра бываетъ особенно быстро. Идти на нихъ подъ парусами тоже невозможно. Посему для плаванія вверхъ по рѣкѣ и для возможности при благопріятныхъ условіяхъ идти вѣтромъ, устраиваются особаго рода суда — *байдаки*, длиною 15—21 саж., шириною 2—4 саж., высотою до двухъ аршинъ, съ осадкою въ 1½ аршина и поднимающія грузу 14 т. пудовъ. Хотя суда этой конструкціи и удобнѣе ба-

Digitized by Google

рокъ, тѣмъ неменѣе устройство ихъ самое нелѣпое и не выдерживаетъ критики человѣка даже вовсе непосвященнаго въ тайны кораблестроенія. Однако они благополучно совершали плаваніе по Днѣпру, какъ вдругъ, съ прорытіемъ каналовъ, соединяющихъ Днѣпръ съ Нѣманомъ и Вислою, показались суда, хотя подходящія къ байдакамъ по своему внѣшнему виду, но отличающіяся отъ нихъ меньшею величиною, легкостью и вмѣстимостью. Эти-то суда и получили названіе *берлинъ*, строились ли они въ Пруссіи или Польшѣ. Длиною они бываютъ отъ 12-ти до 20-ти саж., шириною отъ 2 до $2^1/_2$ и вышиною 2 аршина, сидятъ въ водѣ менѣе $1^1/_2$ арш. и подымаютъ 8 тыс. пудовъ груза. Мало-помалу берлины стали вытѣснять байдаки, но должно отдать справедливость, многія качества послѣднихъ перешли къ судамъ новой конструкціи, такъ что по легкости, по граціозности, по тщательной и чистой отдѣлкѣ вы не затруднитесь отличить нѣмецкую или польскую берлину отъ нашей доморощенной.

Берлина — самое граціозное рѣчное судно, какое мнѣ удавалось видѣть; гонимая легкимъ вѣтромъ, надувающимъ ея огромный парусъ, прикрѣпленный къ высочайшей мачтѣ, она чрезвычайно граціозно скользитъ по водѣ. На такихъ берлинахъ перевозятся по контракту наши войска. Разумѣется, что онѣ не принадлежатъ къ разряду нѣмецкихъ, или польскихъ и отличаются отъ нихъ сравнительною короткостью. Внутри самаго судна почти посрединѣ устроена кухня, т. е. печь, въ которую вдѣланы два огромныхъ котла; въ кормѣ помѣщается сколоченная изъ досокъ каюта для офицеровъ или подъ заболѣвающихъ; въ носу помѣщеніе для рабочихъ при берлинѣ; остальное пространство занято досчатою настилкою, широкою въ срединѣ и болѣе узкою по бортамъ, оставляя два узкихъ прохода. Это — нары для помѣщенія солдатъ; въ срединѣ судна они широки настолько, что на нихъ можетъ лежать человѣкъ поперегъ; по мѣрѣ удаленія къ кормѣ и носу онѣ уже. Палубу составляетъ покатая на обѣ стороны крыша, съ люками (отверстіями) для схода внизъ, по бортамъ огороженная перилами, отдѣляющими носовую часть, предназначенную для прислуги и въ которой то опускающіеся, то подымающіеся канаты, смотря по движенію и поворотамъ парохода, дѣлаютъ эту часть палубы небезопасною для людей; вслѣдствіе чего солдатамъ отдано было приказаніе отнюдь не быть въ этомъ опасномъ мѣстѣ. Нѣсколько берлинъ нагруженныхъ войсками, высыпавшими на верхнюю палубу и размѣщенными, вслѣдствіе ея устройства, амфитеатромъ представляютъ чрезвычайно-живописный видъ. По условію, помѣщенному въ контрактѣ, берлина забираетъ столько людей, сколько можетъ ихъ помѣ-

Digitized by Google

ститься на верхней и нижней палубахъ въ повалку. Это размѣщеніе было бы не тѣсно, еслибы не слѣдующія два обстоятельства: въ первые рейсы, совершонные въ прохладное, свѣжее еще время года, люди стремились внизъ, гдѣ было теплѣе, въ болѣе жаркое всѣ выползали на верхъ, гонимые душною, жаркою температурою внутри берлины. Въ обоихъ случаяхъ дѣлалась тѣснота и давка. Кромѣ того верхняя палуба не всегда могла быть защищена отъ дождя или отъ палящихъ лучей лѣтняго солнца, ибо искры, мильонами вылетающія изъ трубы парохода, не замедлили бы зажечь крышу или тентъ, еслибы таковой былъ натянутъ.

Какъ бы то ни было, все же легче войскамъ перенести эти неудобства и проплыть въ нѣсколько дней разстояніе, на прохожденіе котораго обыкновеннымъ порядкомъ потребовалось бы болѣе мѣсяца. Ктому же неудобства эти можно отчасти отстранить лучшимъ приспособленіемъ пароходовъ и берлинъ, что было бы легко исполнить подрядчикамъ, еслибы новый способъ перевозки людей, употребляемый все еще въ видѣ опыта, былъ бы окончательно принятъ военнымъ министерствомъ. Только тогда подрядчики рѣшились бы потратить суммы для лучшаго приспособленія берлинъ для войскъ, когда убѣдились бы, что эти затраты неубыточны, но могутъ быть выручены съ барышомъ.

Берлины тащутся пароходами посредствомъ толстыхъ, массивныхъ канатовъ, которыми либо охватываютъ ихъ кругомъ, либо прикрѣпляютъ къ невысокимъ двумъ мачтамъ, нарочно для этого поставленнымъ; настоящая же берлина несетъ на себѣ одну только мачту, но громадной вышины. Отъ шкипера, управляющаго пароходомъ, тянущимъ берлины, требуется особенная смѣтливость и искуство, соединенныя съ совершеннымъ знаніемъ мѣстности, т.-е. теченія Днѣпра, часто весьма капризнаго и измѣнчиваго. Второй рейсъ, съ которымъ мнѣ случилось спускаться, имѣлъ лучшаго изъ здѣшнихъ шкиперовъ, родомъ пруссака, съ польской впрочемъ фамиліей, пятнадцать лѣтъ постоянно плававшаго по Днѣпру и все это время жившаго на пароходѣ, которымъ онъ управляетъ. Это была оригинальная, честная, прекрасно знающая свое дѣло личность.

Днѣпръ знакомъ былъ этому шкиперу какъ пять пальцевъ. Меня поистинѣ приводило въ недоумѣніе, какъ это по признакамъ совершенно для меня незамѣтнымъ, непонятнымъ даже и тогда, когда они указаны, по какому-то различію въ теченіи и виду волнъ, можно угадывать на днѣ мель, колоду или камень. Шкиперъ нашъ былъ женатъ на полькѣ, которая помѣщалась со всѣмъ своимъ хозяйствомъ въ кормовой каютѣ и тоже никогда не сходила жить на

Digitized by Google

берегъ. Пароходъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного владѣльца къ другому и съ нимъ его шкиперъ съ своимъ семействомъ. Это просто было семейство полиповъ, приросшихъ къ пароходу, соединенныхъ съ нимъ на вѣчныя времена самою судьбою.

Шли мы обыкновенно такимъ образомъ: подымались съ якоря часу въ третьемъ утра, часовъ въ одиннадцать пароходъ уменьшалъ ходъ, спускались шлюбки; офицеры, если они помѣщались на пароходѣ, а не на берлинахъ, отправлялись визитировать свои роты, присутствовать при раздачѣ людямъ водки; часовъ въ девять или десять, смотря по темнотѣ вечера, мы приставали къ какой-нибудь косѣ, всегда имѣя въ виду уберечься отъ шкваловъ, которые не ожиданно и съ необыкновенной силой проносятся по Днѣпру. Тутъ подымалась на пароходѣ возня и страшный шумъ, сносили дрова, которыхъ пароходъ поднималъ на себѣ не болѣе какъ на однѣ сутки. Дрова забирались либо съ пристани, къ которой старались поспѣть на ночлегъ, либо перепосились съ берлинъ, на которыхъ они, должно сказать по справедливости, значительно стѣсняли войска. Не ранѣе полуночи все успокоивалось и погружалось въ сонъ. Въ этотъ торжественный часъ я рѣдко находилъ товарища любоваться класическою украинскою ночью съ лупою, съ неумолкаемою пѣснею соловья, съ таинственнымъ говоромъ степи или лѣса. Пристально, съ трепетнымъ чувствомъ всматривался и вслушивался я въ нее; мнѣ приходили въ голову поэтическія описанія ея Пушкина и Гоголя, но правдѣ не возбуждающія и малой доли того обаятельнаго, чарующимъ образомъ дѣйствующаго на нервы чувства, возбуждаемаго дѣйствительною, *живою* ночью. Посему и самъ я воздержусь отъ описанія неизобразимой ночи.

Скажу нѣсколько словъ о самомъ Днѣпрѣ. Онъ былъ въ разливѣ. Незнакомому съ мѣстностью глазу невозможно было опредѣлить, гдѣ оканчиваются берега, гдѣ начинается разливъ. Всюду торчатъ изъ воды то огромныя столѣтнія деревья, то верхи кустарниковъ. Первыя задавали намъ особеннаго страху: того и смотри, напесетъ на торчащій изъ воды огромный пень или стволъ и разобьетъ еле-сколоченное судно. Днѣпръ представлялъ огромное, широкое, извилистое озеро, всюду усаженное вѣковыми соснами, березами и дубами или густыми кустами вербы или ивы. Среди этого лабиринта, понятнаго только одному нашему шкиперу да рулевому, нужно было дѣлать безчисленные повороты и зигзаги. Чѣмъ опаснѣе было мѣсто, тѣмъ чаще слышались отрывочныя приказанія шкипера внизъ къ машинисту: «langsam, vorwärtz, etwas vorwärtz!»

Digitized by Google

Итакъ я опускаю описаніе болѣе или менѣе поэтическихъ моментовъ плаванія, и слѣдуя духу времени, перехожу къ предметамъ существеннымъ, болѣе любопытнымъ для нашей стремящейся перейти отъ словъ къ дѣлу эпохи, а именно: къ механизму военнаго хозяйства и домашняго управленія.

Должно знать, что механизмъ этотъ основанъ на выборномъ началѣ. Выборы въ арміи бываютъ офицерскіе и солдатскіе. Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ и другихъ. Офицеры выбираются изъ среды своихъ товарищей для занятія должностей казначея и квартирмейстера. Почему эти должности должны были замѣщаться по выбору при существовавшей организаціи хозяйства, я положительно не понимаю и считаю необходимымъ предувѣдомить читателя, что бывшая система совершенно преобразовывается въ настоящее время посредствомъ комитетскаго, хозяйственнаго управленія. Тѣмъ не менѣе не безполезно будетъ сказать о ней нѣсколько словъ. При разборѣ дѣятельности выборныхъ лицъ оказывается, что цѣль выборовъ главнымъ образомъ заключалась въ томъ, чтобы казна могла возвратить свои деньги, еслибы онѣ были растрачены какимъ-либо противозаконнымъ образомъ казначеемъ или квартирмейстеромъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ офицеры своимъ жалованьемъ отвѣчаютъ за благонадежность этихъ должностныхъ лицъ. Никакихъ выгодъ выборы эти не представляли обществу офицеровъ, выборные несли весьма неважную службу предъ обществомъ, ни въ чемъ предъ нимъ не отвѣчали. Они исполняли порученія, почти некасавшіяся интересовъ офицеровъ. Военные законы имѣли это въ виду, и потому предоставили, въ полкахъ — полковому, а въ батальонахъ — батальонному командирамъ право непринимать выбора офицеровъ и назначать казначея и квартирмейстера по своему усмотрѣнію, принимая въ такомъ случаѣ на себя отвѣтственность за нихъ. Правомъ этимъ полковые командиры пользовались не рѣдко, покрайней мѣрѣ такъ было во время моего служенія въ арміи, и никогда общество офицеровъ не могло навязать полковому командиру казначея или квартирмейстера противъ его желанія. Кромѣ вышеозначеннаго права, онъ могъ еще отстранить лицо, выбранное офицерами, не объясняя даже причины этого отстраненія. И это было совершенно справедливо при существовавшей организаціи полкового хозяйства: и казначей, и квартирмейстеръ имѣли постоянныя и несравненно-важнѣйшія сношенія съ полковымъ командиромъ, блюли его выгоды, между-тѣмъ какъ сношенія ихъ съ офицерами были номинальны и неважны, такъ что если выборы не были отмѣнены, то это только по той причинѣ, что некому было бы отвѣчать предъ казною въ случаѣ растраты суммъ, которыя при

Digitized by Google

существовавшемъ порядкѣ возвращались въ казну вычетомъ изъ офицерскаго жалованья.

Вотъ въ главныхъ чертахъ обязанности обоихъ выборныхъ лицъ. На рукахъ у казначея всѣ полковыя суммы; онъ завѣдуетъ предметами комиссаріатскаго довольствія, принимаетъ ихъ въ комиссіяхъ и сдаетъ въ роты; у него ключъ отъ полкового денежнаго ящика, въ которомъ вмѣстѣ съ полковыми суммами хранятся и ротныя, отъ которыхъ впрочемъ ключи хранятся у ротныхъ командировъ; онъ же получаетъ на почтѣ и выдаетъ денежныя письма, получаемыя солдатами. Всѣ сношенія его съ офицерами ограничивались полученіемъ и выдачею имъ жалованья, а они отвѣчали своимъ содержаніемъ въ случаѣ его неисправности. Между-тѣмъ съ полковымъ командиромъ у него самыя близкія и частыя сношенія. Что касается до сдачи имъ въ роты уже принятыхъ изъ комиссіи вещей, напримѣръ сукна, полотна, сапоговъ, амуничныхъ принадлежностей, то его отвѣтственность была только формальная. На дѣлѣ ни ротный командиръ, ни рота не могли отказаться отъ вещей, принимаемыхъ изъ полкового цейхгауза, каковы бы ни были ихъ достоинства.

Должность казначея представляла въ мое время многія выгоды, помимо злоупотребленій, извѣстія о которыхъ мнѣ случалось впрочемъ встрѣчать и въ послѣднее время въ «Инвалидѣ», какъ напримѣръ стачки съ комиссіями или удержаніе солдатскихъ денежныхъ писемъ. Читателю моему вѣроятно случалось слышать о такъ-называемыхъ *безгрѣшныхъ*, *законныхъ* доходахъ, которые существовали и въ арміи, какъ въ земскихъ или уѣздныхъ судахъ. Главный доходъ казначея — отъ пріемки вещей въ комиссаріатской комиссіи. Прошу не забывать, что я говорю о добромъ старомъ времени, которое, повторяю согласно со многими голосами въ Петербургѣ, весьма измѣнилось къ лучшему. Я принимаю на себя отвѣтственность только за то что было на моемъ вѣку, во время моей службы, и чего я былъ либо личнымъ свидѣтелемъ, либо что я хорошо знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ.

Итакъ казначей пріѣзжаетъ въ комиссію. По расчету ему слѣдуетъ получить то-то и то-то. Положимъ, что всѣ предметы, всѣ матерьялы соотвѣтствуютъ закономъ установленнымъ образцамъ. Комиссія или ея комиссіонеръ, предлагаютъ казначею 500—600 р. (смотря по количеству вещей, подлежащихъ пріемкѣ, иногда эта сумма, слыхалъ я, доходила и до полуторы тысячи рублей), только за то, чтобы *количество* принято было на вѣру. И тутъ почти никогда не бывало обмана: матерьяловъ въ дѣйствительности отпускалось нѣсколько болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, такъ что въ полкъ слава-

Digitized by Google

лось всегда больше противъ описи, и все-таки у казначея оставался добрый остатокъ.

Плата эта выдавалась съ тою цѣлью, чтобы избавить комиссіонера отъ измѣренія десятковъ тысячъ аршинъ полотна, сукна, сапожнаго товара, на что потребовалось бы весьма значительное время, особенно если за вещами пріѣдутъ разомъ нѣсколько казначеевъ. Впрочемъ для удостовѣренія точности мѣтокъ выбирается на удачу нѣсколько кусковъ и измѣряется. Настоящая пріемка требовала бы тщательнаго осмотра каждаго куска; но еслибъ нашолся такой добросовѣстный казначей, то онъ и черезъ полгода не возвратился бы въ полкъ съ вещами, между-тѣмъ какъ на пріемку ему дается не болѣе нѣсколькихъ недѣль. Что касается до качества, опредѣленнаго закономъ, то я умолчу объ этомъ, и скажу только, что чѣмъ было оно хуже, и чѣмъ болѣе удалялось отъ законныхъ образцовъ, тѣмъ было выгоднѣе казначею.

Вы можетъ-быть составляете уже слишкомъ дурное мнѣніе о бывшихъ у насъ казначеяхъ — напрасно. Пусть онъ попробовалъ бы не принять вещей (были и такіе): назначили бы комиссію для разбора *недоумѣній;* она нашла бы, что вещи весьма годны, а еслибы онѣ были уже слишкомъ плохи, то представлены бы были самыя законныя причины, почему матерьялы *нѣсколько* разнятся отъ казенныхъ образцовъ, казначею натянули бы носъ, сдѣлали бы выговоръ за строптивость, и все-таки заставили бы принять вещи. Въ полку... въ полку ихъ тоже примутъ вслѣдствіе солидарности всѣхъ отраслей управленія одного и того же вѣдомства. Хорошій казначей получалъ въ мое время доходу отъ своего мѣста отъ одной до полуторы тысячи рублей, если онъ былъ смѣтливъ и расторопенъ, и если полковой командиръ не прибиралъ къ своимъ рукамъ его части. Какимъ же теперь образомъ, скажете мнѣ, вещь, принятая при такихъ обстоятельствахъ, можетъ быть отвергнута ротою и въ чемъ состоитъ отвѣтственность казначея передъ офицерами, которымъ до всего этого рѣшительно не было никакого дѣла? Вы мнѣ скажете, что солдатъ могъ жаловаться, объявить претензію на инспекторскомъ смотру и проч. Объ этомъ я скажу ниже при случаѣ, а теперь перехожу къ другому должностному лицу: къ квартирмейстеру полковому или батальонному.

Квартирмейстеръ снабжаетъ войска провіантомъ; онъ же завѣдуетъ распредѣленіемъ квартиръ, отопленіемъ и освѣщеніемъ. По роду послѣдняго довольствія онъ находится въ постоянномъ сношеніи съ земствомъ. Мнѣ слѣдовало бы сказать объ этихъ отношеніяхъ поподробнѣе, но это совершенно отклонило бы меня отъ моего предмета.

Digitized by Google

Обязанность квартирмейстера въ извѣстномъ смыслѣ была выгоднѣе казначейской. Съ полковымъ командиромъ, особенно если онъ не посвященъ во всѣ малѣйшія подробности хозяйственнаго управленія, онъ имѣетъ сношенія по вопросамъ отопленія и освѣщенія, а также по доставленію фуража полковымъ лошадямъ; но послѣдній предметъ полковые командиры удерживали обыкновенно за собою и хлопоты по доставленію фуража лошадямъ возлагали обыкновенно на фурштадскаго офицера, всегда болѣе спеціально знакомаго съ этимъ предметомъ. Въ снабженіи же ротъ провіантомъ полковые командиры, хотя и подписываютъ *ордера* или требованія на муку и крупу, но рѣдко мѣшаются въ это дѣло, если уже это не такія личности, которыя, зная до подробности доходъ квартирмейстера, захотятъ и это дѣло прибрать къ рукамъ своимъ.

Пріемка квартирмейстеромъ провіанта подобна уже описанной мною пріемкѣ казначеемъ предметовъ комиссаріатскаго довольствія, съ тѣмъ различіемъ, что вмѣсто комиссаріатскаго чиновника является на сцену провіантскій, обыкновенно смотритель магазина или же вольный подрядчикъ. Пока мука дойдетъ до ротъ, т.-е. до настоящихъ потребителей, она десять разъ ревизуется всякаго рода начальствомъ, чрезъ что разумѣется не улучшается ея качество, и если она принята въ провіантскій магазинъ, то хороша она или дурна, войскамъ нельзя отъ нея отказаться по положеннымъ выше причинамъ. Случалось мнѣ встрѣчать такихъ смотрителей магазиновъ или чиновниковъ провіантскаго вѣдомства, которые отказывались принять муку, несмотря на то, что самъ законъ дозволяетъ имъ взять при пріемѣ съ подрядчика по извѣстному количеству копѣекъ съ куля. Тогда начальство, которое лучше понимаетъ это дѣло, присылало обыкновенно предписаніе принять муку по изслѣдованіи ея качествъ. Весьма рѣдко случалось, чтобы назначенная на сей конецъ комиссія не приняла муки, если не всей, то значительной ея части, а развѣдываться съ войсками предоставляется на благоусмотрѣніе смотрителя или чиновника. Послѣдніе поступили бы вполнѣ нераціонально и вопреки своимъ выгодамъ, еслибы въ случаѣ отказа войска принять муку, обратились бы къ начальству съ удостовѣреніемъ, что мука, признанная уже ими неудовлетворительною, но принять которую имъ приказано, войсками не принимается. Вотъ и обращались они къ сдѣлкѣ: съ одной стороны съ подрядчиками, увеличивая закономъ опредѣленныя деньги, получаемыя при пріемѣ, разумѣется въ обратномъ отношеніи съ качествомъ муки; съ другой стороны съ полковыми квартирмейстерами и пріемщиками, какъ въ предыдущемъ случаѣ; послѣдніе кромѣ денежнаго вознагражденія за кажущійся рискъ получали извѣстную

Digitized by Google

надбавку, часть которой доходитъ до ротъ къ ротному командиру, а въ ротахъ тѣмъ не менѣе будетъ и припекъ и квасъ, безъ котораго ротное хозяйство не обходится.

Изъ сказаннаго мною уже можно заключить, что никакой солидарности между выборнымъ принципомъ и обязанностями казначея и квартирмейстера предъ офицерами полка не имѣется. Полученіе своего жалованія они могли бы поручить одному изъ товарищей; все же остальное: пріемка вещей, матерьяловъ, дровъ, провіанта не подлежитъ ихъ контролю и находится внѣ ихъ вліянія. Совсѣмъ иное дѣло отношеніе этихъ лицъ къ полковому командиру: тутъ постоянные счеты, порученія, отчетность и проч. Напрасно стали бы вы, читатель, жаловаться на этотъ бывшій еще такъ недавно порядокъ. Вы видѣли, что взвалить всю вину на разбираемыя должностныя лица невозможно; невозможно и безполезно было бы взваливать ее и на полкового командира.

Полковые командиры были вовсе безсильны въ сравненіи съ могущественнымъ обычаемъ, привитымъ къ арміи и вошедшимъ въ плоть и кровь ея.

Разница между хорошимъ и дурнымъ полковымъ командиромъ заключалась только въ томъ, что при первомъ наживались выборныя лица и ротныя власти столько же сколько и онъ, а при дурномъ всѣ выгоды текли въ однѣ руки.

Перехожу къ выборному началу въ средѣ солдатской, въ ротѣ, о значеніи которой, какъ артели въ хозяйственномъ отношеніи, я уже говорилъ. Главныя лица въ ротѣ по управленію хозяйствомъ — ротный командиръ, фельдфебель, каптенармусъ и артельщикъ. Выборное начало прилагается иногда къ каптенармусу, но весьма рѣдко, преимущественно же оно допущено для избранія артельщика. Первыя же два лица, власть и значеніе которыхъ болѣе строевыя и боевыя, назначаются военно-административнымъ порядкомъ. Законъ не далъ права ротному командиру, какъ полковому, назначать артельщика произвольно, на свой страхъ и отвѣтственность, но за нимъ существуетъ тоже право отвода безъ всякаго объясненія причинъ. Разумѣется, что одного отвода выборнаго лица уже достаточно, чтобы подорвать все выборное начало, но все же послѣднее не было бы искажено, еслибы встрѣчало одно только это препятствіе для своего приложенія. На дѣлѣ можно сказать утвердительно, что изъ десяти артельщиковъ не болѣе двухъ избиралось ротами. Прошу снова читателя не забывать, что я говорю о добромъ старомъ времени, — теперь весьма многое измѣнилось, въ чемъ легко убѣдиться, слѣдя только за всѣми послѣдними распоряженіями по военному министерству и не принимая въ расчотъ преобразованій,

Digitized by Google

проектированныхъ или начатыхъ, но не приведенныхъ еще окончательно въ исполненіе. По многократному личному моему наблюденію избраніе ротою артельщика происходило слѣдующимъ образомъ. Ротный командиръ избиралъ какого-нибудь лично ему извѣстнаго расторопнаго, вѣрнаго солдата, и чрезъ фельдфебеля рекомендовалъ его въ капральствахъ (рота разбивается на четыре капральства). Капральства обыкновенно соглашаются на указанія своего начальника, и объявленіемъ этого согласія обыкновенно кончалось все дѣло. Весьма рѣдко (всего два раза) случалось мнѣ встрѣчать отпоръ такому избранію со стороны роты, но никогда я не видѣлъ и не слыхалъ, чтобы рота настояла на своемъ: явленіе это я объяснилъ весьма понятнымъ стремленіемъ начальства поддержать воинскую дисциплину...

Можетъ-быть читатель будетъ въ сомнѣніи: какимъ образомъ независимо избранный артельщикъ можетъ стѣснить ротнаго командира; не все ли равно послѣднему, кто будетъ у него въ ротѣ артельщикомъ? Вопросъ этотъ разъяснится, если ознакомиться ближе съ бывшимъ механизмомъ ротнаго хозяйства. Послѣднее вертѣлось на сношеніяхъ ротнаго командира съ фельдфебелемъ, артельщикомъ и каптенармусомъ. Послѣдній по своему исключительному назначенію не можетъ разыгрывать слишкомъ важной роли, тѣмъ не менѣе онъ принадлежитъ къ ротной іерархіи и пользуется наравнѣ съ своими товарищами по ней нѣкоторыми преимуществами: жирнѣе ѣстъ, болѣе тунеядствуетъ, пользуется почетомъ и услугами и проч. Онъ завѣдуетъ ротнымъ цейхгаузомъ, ротными складами, онъ же главное лицо при пріемкѣ вещей и провіанта, чрезъ него они доходятъ до капральства, ему извѣстны расходы, остатки, припекъ и проч.; онъ ведетъ по книгамъ отчетность вмѣстѣ съ фельдфебелемъ посредствомъ ротнаго писаря.

Артельщикъ получаетъ на руки часть денегъ для разныхъ закупокъ, къ нему нерѣдко придается солдатъ или два частью для помощи, а частью для контроля. Онъ представляетъ и отчетъ въ издержанныхъ деньгахъ ротному командиру; послѣдній приказываетъ вносить расходъ въ книги; книги эти въ извѣстные сроки читаются предъ ротой, которая по закону имѣетъ право и должна слѣдить за всѣми расходами и знать всѣ колебанія прихода и расхода въ экономической и артельной суммахъ. Такимъ образомъ становится яснымъ, что если возможны здѣсь злоупотребленія, то они зависятъ отъ веденія приходо-расходныхъ книгъ. Уловить эти злоупотребленія вообще чрезвычайно трудно, ибо вся отчетность ведется въ непроницаемой тайнѣ; я подвергался сильно гоненію за свои стремленія узнать, въ чемъ дѣло, а еще болѣе за сдѣланныя мною от-

Digitized by Google

крытія. Я пришолъ къ убѣжденію, что командованіе ротою заключается въ *уединенныхъ* бесѣдахъ ротнаго командира съ фельдфебелемъ, каптенармусомъ и артельщикомъ.

Злоупотребленія, случавшіяся въ мое время по этой части управленія, были возмутительны столько же по своимъ размѣрамъ, сколько и по своему характеру, и надобно благодарить судьбу, что приняты всевозможные способы для ихъ искорененія.

Кромѣ обозначенныхъ лицъ есть еще другія маленькія піявки, которыя тянутъ по своимъ средствамъ кровь изъ роты. Но тутъ дѣло само себя оправдываетъ: ничего нѣтъ мудренаго, что кашеваръ и хлѣбопекъ сытѣе строевого солдата, или что капральный получаетъ лучшую порцію мяса противъ рядового. Наконецъ, чтобы заключить рѣчь объ этомъ предметѣ я долженъ сказать, что денежные доходы ротнаго командира простирались въ мое время отъ 25 до 50 руб. въ мѣсяцъ, смотря по мѣстности, въ которой квартировала рота, по роду довольствія, времени года, а также по многимъ частнымъ случайностямъ, какъ напримѣръ имѣлись ли вольныя работы, сѣнокосъ и проч.

Перечитывая однако то что мною написано, я нашолъ, что путевыя замѣтки мои рѣшительно приняли характеръ бесѣдъ по военно-административнымъ вопросамъ. Имѣя въ виду говорить о нашемъ плаваніи по Днѣпру, я все прицѣплялся къ военнымъ вопросамъ, такъ что я не на шутку боюсь, не надоѣлъ ли я читателю, несмотря на объявленное мною въ самомъ началѣ моихъ писемъ намѣреніе не стѣснять себя никакими соображеніями и вести мой разсказъ, какъ онъ польется изъ души моей. Я постараюсь, если мнѣ это удастся, повести будущія письма ближе къ моему путешествію и поговорить о другихъ предметахъ и событіяхъ на пути моемъ отъ Рогачева до Екатеринослава.

П. ВИВИКОВЪ

Digitized by Google

V.

ОЧЕРКЪ

ИСТОРІИ УМСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ ИСПАНСКАГО НАРОДА ОТЪ ПЯТАГО ВѢКА ДО СРЕДИНЫ ДЕВЯТНАДЦАТАГО

изъ сочиненія Бокля «Исторія цивилизаціи въ Англіи»

Главныхъ, основныхъ началъ цивилизаціи четыре. *Первое:* прогресъ человѣчества зависитъ отъ успѣха изслѣдованія законовъ явленій физическаго и нравственнаго міровъ и отъ объема распространенія знанія этихъ законовъ. *Второе:* прежде чѣмъ начнется подобное изслѣдованіе долженъ вступить въ свои права скептическій духъ, сперва помогающій изслѣдованію, а потомъ получающій туже помощь отъ него. *Третье:* открытія, сдѣланныя посредствомъ изслѣдованія законовъ явленій, увеличиваютъ вліяніе интелектуальной правды; и уменьшаютъ, если не абсолютно, то относительно, вліяніе моральной правды. Интелектуальная правда постоянно измѣняется, моральная же болѣе неподвижна, — она получаетъ весьма малыя добавленія. *Четвертое:* великій врагъ цивилизаціи — протекціонный духъ; въ этомъ выраженіи я подразумѣваю понятіе, что общество не можетъ преуспѣвать, если правительство или духовенство берутъ на себя трудъ предугадывать общественныя надобности. Пренебреженіе этими основными началами дѣлаетъ невозможнымъ развитіе цивилизаціи и причиняетъ упадокъ націи. Разительнымъ тому доказательствомъ служитъ Испанія, страна, гдѣ главнѣйшія условія народнаго движенія были слишкомъ явно насилованы, гдѣ возмездіе за это было самое тяжкое: слѣдовательно разсматривая исторію развитія испанскаго народа, легко опредѣлить въ какой степени вліяніе извѣстныхъ мнѣній, господствующихъ въ народѣ, причиняетъ паденіе націй.

Древняя тропическая цивилизація сопровождалась всегда тѣмъ

Digitized by Google

явленіемъ, что законы природы гораздо болѣе управляли умомъ человѣческимъ, чѣмъ этотъ послѣдній вліялъ на нихъ. Здѣсь, въ роскошныхъ равнинахъ Африки и Азіи, прекрасный климатъ и грозныя явленія природы воспламеняли воображеніе, фантазія разыгрывалась, а за ней появлялся непремѣнный ея спутникъ — суевѣріе. Оно препятствовало людямъ рѣшиться разбирать физическія явленія, однимъ словомъ препятствовало созданію естественной науки. Можно смѣло сказать, что въ этомъ отношеніи, въ Европѣ нѣтъ страны до такой степени сходной съ тропическими странами, какъ Испанія. Нѣтъ другой страны въ Европѣ, такъ ясно предназначенной быть убѣжищемъ суевѣрія. Самыя важныя физическія причины суевѣрія: голодъ, повальныя болѣзни, землетрясенія и общая нездоровость климата, сокращающая среднее продолженіе жизни. Они-то побуждаютъ людей часто и ревностно призывать сверхъ-естественную помощь. Эти особенности, взятыя вмѣстѣ, нигдѣ въ Европѣ такъ не бросаются въ глаза, какъ въ Испаніи; слѣдовательно необходимо разсмотрѣть вредное дѣйствіе, произведенное вліяніемъ ихъ на образованіе національнаго характера.

Въ Испаніи, исключая самую крайнюю сѣверную часть, климатъ жаркій и сухой, производящій крайнее затрудненіе орошенію. Рѣки, пересѣкающія Испанію по всѣмъ направленіямъ, протекая по большой части въ слишкомъ глубокихъ руслахъ съ крутыми берегами, не могутъ быть полезными для орошенія почвы, которая по этой причинѣ почти безплодна. Рѣдкіе дожди и невозможность воспользоваться рѣками для орошенія сдѣлали Испанію страной, одаренной богаче прочихъ европейскихъ странъ засухами; отъ нихъ естественно происходитъ частый и серьозный голодъ; климатическія же перемѣны, обыкновенныя въ центральной части Испаніи, дѣлаютъ ее страной нездоровой. Нездоровость климата, безпрестанное повтореніе голода причиняли въ средніе вѣка необыкновенно пагубныя опустошенія и моръ. Если сверхъ того прибавимъ, что на полуостровѣ, включая Португалію, землетрясенія, будучи крайне разрушительны, естественно возбуждали суевѣрныя чувства, то можемъ составить нѣкоторую идею о ненадежности жизни и о легкости, съ которою искусное и честолюбивое духовенство могло обратить эту ненадежность въ орудіе для увеличенія своей собственной власти.

Другая черта этой особенной страны, склонность къ пастушеской жизни, преимущественно причиняющая затрудненіе къ основанію правильныхъ привычекъ земледѣльческой промышленности. Въ большей части Испаніи, климатъ не позволяетъ работнику работать цѣлый день; черезъ эти насильные перерывы народъ при-

Digitized by Google

выкаетъ къ неправильности и непостоянству дѣла, заставляющимъ бродячее занятіе пастуха предпочитать самымъ опредѣленнымъ земледѣльческимъ занятіямъ. Впродолженіе долгой и горячей войны противу магометанскихъ пришельцевъ, испанцы, часто подвергаясь нечаяннымъ нападеніямъ со стороны своихъ непріятелей, невольно пришли къ заключенію, что благоразумнѣе всего устроить имъ свои средства къ существованію такъ, чтобы ихъ легко было передвигать вмѣстѣ съ собою съ мѣста на мѣсто; поэтому-то они и предпочитали продукты, получаемые отъ стадъ, продуктамъ, получаемымъ отъ земледѣлія, и были пастухами вмѣсто того чтобы быть земледѣльцами просто потому, что при пастушескихъ занятіяхъ они менѣе страдали въ случаѣ неблагопріятнаго исхода войны. Даже послѣ взятія Толедо въ VIII столѣтіи, пограничные обитатели Эстремадуры, Ла-Манша и Новой Кастиліи были преимущественно пастухи, и ихъ скотъ пасся не въ отдѣльныхъ лугахъ, а на цѣломъ полѣ. Все это увеличивало неизвѣстность жизни, усиливало страсть къ приключеніямъ и создало романическій духъ, въ позднѣйшій періодъ давшій тонъ народной литературѣ. При такихъ обстоятельствахъ все становилось ненадежнымъ, безпокойнымъ и непостоянымъ; мышленіе и изслѣдованіе были невозможны, сомнѣніе неизвѣстно, а этимъ приуготовился путь для развитія суевѣрныхъ обычаевъ и упорныхъ вѣрованій, составляющихъ главнѣйшую черту въ исторіи испанской націи.

Что вся сумма этихъ обстоятельствъ сама по себѣ имѣла вліяніе на окончательную судьбу Испаніи, это вопросъ, на который трудно отвѣчать, но не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что ихъ дѣйствіе всегда было значительно, хотя по малому числу доказательствъ мы не въ состояніи измѣрить его съ надлежащей точностію. При взглядѣ на дѣйствительные результаты, это дѣйствіе какъ ни кажется маловажнымъ, ибо въ длинной цѣпи оно сплетено съ другими еще болѣе вліятельными, доказывающимися гораздо точнѣе результатами, однакоже оно приводитъ къ соображеніямъ, руководствуясь которыми, мы можемъ съ непогрѣшительною вѣроятностію начертать тотъ путь, по которому нація послѣдовательно клонилась къ упадку. Исторія причинъ униженія Испаніи вполнѣ прояснится, если будетъ изучаема на основаніи общихъ началъ изъясненныхъ мной, которыя сами проясняются свѣтомъ, бросаемымъ ими на этотъ поучительный, хотя печальный предметъ.

Послѣ разрушенія Римской имперіи первымъ важнымъ происшествіемъ въ исторіи Испаніи было водвореніе вестъ-готовъ и утвержденіе въ странѣ ихъ религіозныхъ понятій. Вестъ-готы, также какъ и свевы, ихъ предшественники, были аріане, и Испанія

Digitized by Google

втеченіе ста-пятидесяти лѣтъ стала сборнымъ пунктомъ этой знаменитой ереси, которой придерживалась большая часть готскихъ племенъ. Въ концѣ V вѣка франки, при обращеніи своемъ изъ язычества, предпочли противоположное ученіе, и тѣмъ самымъ, а еще болѣе усиліями своего духовенства, были возбуждены на войну съ еретическими сосѣдями. На Кловиса, тогдашняго короля франковъ, церковь смотрѣла какъ на поборника вѣры, для пользы которой онъ напалъ на невѣрныхъ вестъ-готовъ. Наслѣдники Кловиса, движимые тѣми же самыми побужденіями, слѣдовали той же самой политикѣ, и почти втеченіе цѣлаго столѣтія между Франціей и Испаніей шла война за религіозныя мнѣнія. Во время войны Вестъ-готское государство подверглось серьозной опасности, и неразъ находилось на краю гибели. Отсюда въ Испаніи война за религіозныя убѣжденія стала войной за независимость, отчего и произошла тѣсная связь между аріанскими королями и аріанскимъ духовенствомъ. Послѣднее, въ этотъ вѣкъ невѣжества, естественно выиграло отъ подобнаго соединенія. Дѣйствительно, духовенство получило значительныя земныя выгоды въ отплату, какъ за молитвы, возносимыя имъ для испрошенія побѣды надъ непріятелями, такъ и за чудеса, при случаѣ имъ выполняемыя. Такимъ образомъ съ этихъ еще поръ положено основаніе тому непомѣрному вліянію испанскаго духовенства, которое безпрестанно усиливалось послѣдующими событіями, и почти нисколько не уменьшилось даже до нашего времени. Въ VI вѣкѣ, когда латинское духовенство обратило своихъ вестъ-готскихъ властителей, испанское правительство, сдѣлавшись правовѣрнымъ, естественно дало своимъ учителямъ власть, подобную той, которую имѣла аріанская іерархія. Испанскіе властители, благодарные своимъ учителямъ за свое обращеніе, пожелали не уменьшить, но увеличить ихъ власть; этимъ духовенство сумѣло воспользоваться, такъ что въ первой половинѣ VII столѣтія духовное сословіе въ Испаніи обладало гораздо большимъ вліяніемъ, чѣмъ духовенство другихъ странъ Европы. Духовные синоды стали не только собраніями для рѣшенія церковныхъ дѣлъ, но также и парламентами королевства. Въ Толедо, тогдашней столицѣ Испаніи, власть духовенства была такъ громадна и такъ тщеславно выказывалась, что въ собраніи духовенства, бывшемъ въ 633 году, мы находимъ короля, буквально лежащаго ницъ передъ епископами, а въ половинѣ слѣдующаго столѣтія духовная исторія упоминаетъ, что это унизительное положеніе повторилось другимъ королемъ, и такимъ образомъ, говоритъ исторія, положеніе это стало какъ бы установленнымъ обычаемъ. Что это не было просто пустой церемоніей, очевидно и изъ другихъ, подобныхъ же фактовъ. Испанское

Digitized by Google

законодательство того времени даетъ понятіе объ огромной власти духовенства. По вестъ-готскому уложенію, если кто-либо или истецъ, или отвѣтчикъ, хотя бы оба міряне, ведя свое дѣло, захотѣлъ защищать его въ епархіальномъ судѣ своего епископа, противная сторона не имѣла уже права судиться обыкновеннымъ порядкомъ въ гражданскомъ судѣ; даже если обѣ стороны соглашались предпочесть гражданскій трибуналъ, епископъ еще сохранялъ власть отмѣнить рѣшеніе, по его мнѣнію неправильное. Спеціальнымъ дѣломъ епископа было — присматривать за судебной администраціей, научать судей какъ слѣдуетъ исполнять свою обязанность. Но самое горестное доказательство вліянія духовенства — это законы противу еретиковъ. Они въ Испаніи были несравненно жесточе чѣмъ въ другихъ странахъ; въ особенности евреи были преслѣдуемы съ непреклонной строгостью. Сильное желаніе поддержать вѣру породило формальное признаніе за правило, что государь до тѣхъ поръ можетъ быть признаваемъ подданными за своего властителя, пока онъ охраняетъ чистоту вѣры; судьями же чистоты были сами епископы: имъ король такимъ образомъ былъ обязанъ своимъ троном.

Таковы были обстоятельства въ VII и предыдущихъ вѣкахъ, помогшія испанскому духовенству получить вліяніе, несравненно большее, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Позже, въ VIII столѣтіи, произошло событіе, повидимому разбившее и уничтожившее испанское духовенство, въ сущности же весьма полезное для него. Въ 711 году магометане, плывя изъ Африки, высадились на берегъ на югѣ Испаніи и впродолженіи трехъ лѣтъ покорили всю страну, за исключеніемъ почти недоступной сѣверозападной части. Испанцы скоро опомнились, подъ защитой родныхъ горъ соединили свои силы и начали съ своей стороны нападать на магометанъ. Произошла отчаянная борьба, продолжавшаяся почти восемь столѣтій; во второй разъ въ Испаніи война за независимость была также войной за религію. Споръ между невѣрными аравитянами и испанскими христіанами подобенъ былъ спору между французскими тринитарами и испанскими аріанами. Медленно и съ безконечными затрудненіями вели войну христіане. Въ половинѣ IX столѣтія они дошли до линіи Дуэро. Въ концѣ XI покорили страну до Таго и взяли Толедо, свою древню столицу, въ 1085 году. Но все еще много оставалось сдѣлать. На югѣ борьба приняла самыя смертоносныя формы; здѣсь она продолжалась съ такимъ упорствомъ, что только послѣ покоренія Малаги въ 1487 году и Гренады въ 1492 году, было вновь утверждено христіанское господство и испанская монархія была окончательно возстановлена.

Digitized by Google

Дѣйствіе всѣхъ этихъ событій на характеръ испанской націи весьма замѣчательно. Втеченіе восьми столѣтій сряду вся страна призывалась постоянно въ крестовые походы для защиты религіи; эти святыя войны, которыя другія націи испытывали временно, продолжались безъ перерыва болѣе чѣмъ двадцатью поколѣніями. Цѣлью войны было нетолько возвратить назадъ свою территорію, но также водворить вѣру; натурально, истолкователи вѣры присвоили себѣ значительное, бросающееся въ глаза положеніе. Въ лагерѣ и въ тайномъ совѣтѣ слушали и повиновались голосу духовенства; такъ какъ посредствомъ войны домогались распространить христіанство, то казалось справедливымъ, чтобы служители христіанства играли видную роль въ дѣлѣ, прямо касающемся его. Опасность, которой подвергалась страна, была весьма угрожающаго свойства: она въ высочайшей степени возбудила всѣ тѣ чувства, которыя, какъ я прежде изъяснялъ, составляютъ особенность тропической цивилизаціи. Какъ только испанскіе христіане, изгнанные изъ своихъ домовъ, нашли убѣжище на сѣверѣ, этотъ великій принципъ началъ дѣйствовать. Въ своихъ горныхъ убѣжищахъ они сохранили ящики съ мощами святыхъ; обладая ими, считали себя въ безопасности. Мощи были ихъ національнымъ знаменемъ, вокругъ котораго они собирались; съ помощью мощей они одерживали побѣды надъ своими невѣрными противниками. Смотря на себя, какъ на солдатъ креста, они привыкли вѣрить сверхъестественнымъ явленіямъ, что сохранилось до сихъ поръ, и въ этомъ отношеніи испанцы сильно отличаются отъ каждой европейской націи. Ихъ молодежь видѣла видѣнія, а старикамъ снились сны. Разными видѣніями ихъ удостоивало небо: наканунѣ битвы появлялись чудесныя предзнаменованія; было замѣчаемо, что всякій разъ какъ магометане обижали гробницу христіанскаго святого, посылались громъ и молнія, чтобы образумить невѣрующихъ и если была надобность наказать ихъ дерзкое нападеніе.

При подобныхъ обстоятельствахъ духовенство не могло испытать неудачи, стараясь увеличить свое вліяніе; лучше сказать самый ходъ событій увеличивалъ его вліяніе. Испанскіе христіане, запертые долгое время въ горахъ Астурій, лишонные своихъ прежнихъ средствъ, скоро переродились, потеряли и ту скудную цивилизацію, которой было достигли. Лишонные всего своего имущества и заключенные почти въ безплодной странѣ, они опять впали въ варварство, и оставались покрайней-мѣрѣ цѣлое столѣтіе безъ искуствъ, торговли и литературы. По мѣрѣ увеличенія ихъ невѣжества, въ той же степени увеличивалось суевѣріе; послѣднее еще усиливалось авторитетомъ духовенства. Подобный порядокъ дѣлъ былъ весьма

Digitized by Google

ветуралемъ. Магометанское вторженіе сдѣлало христіанъ бѣдными, бѣдность произвела невѣжество, невѣжество причинило легковѣріе, а легковѣріе, лишая людей желанія и возможности изслѣдовать самимъ, возбуждаетъ боязнь и основываетъ покорныя привычки и слѣпое повиновеніе духовенству, составляющія главную и самую несчастную особенность испанской исторіи.

Изъ этого оказывается, что слѣдствіемъ магометанскаго вторженія было усиленіе суевѣрныхъ чувствъ; это произошло по тремъ причинамъ: первая, долгая и упорная религіозная борьба; вторая, постоянно угрожающая опасность, и третья — явившаяся между христіанами бѣдность, а за ней невѣжество.

Этимъ событіямъ предшествовала аріанская война; она сопровождалась и безпрестанно подкрѣплялась физическими явленіями; все это вмѣстѣ взятое, работало съ такими соединенными усиліями, что въ Испаніи теологическій элементъ сталъ нетолько составной частью національнаго характера, но скорѣе самимъ характеромъ. Искусные и самые честолюбивые изъ испанскихъ королей принуждены были идти по общему пути, и хотя были неограниченными властителями, однакоже уступали тому мнѣнію, что дѣйствія ихъ относительно вѣры должны контролироваться. Война съ Гренадой въ концѣ XV столѣтія была скорѣе теологическая, чѣмъ за мірскіе интересы. Изабелла, приносившая большія жертвы для веденія ея, способностями и честностію превосходившая Фердинанда, считала цѣлью войны нестолько возвращеніе территоріи, сколько распространеніе христіанской вѣры. Въ самомъ дѣлѣ сомнѣнія, которыя можно имѣть относительно цѣли этой борьбы, должны разсѣяться послѣдующими событіями. И точно едва война окончилась, Фердинандъ и Изабелла издали декретъ, которымъ изгонялся изъ Испаніи каждый еврей, отказывающійся отречься отъ своей вѣры; желали чтобы ни одинъ невѣрный не осквернялъ своимъ присутствіемъ испанской территоріи. Сдѣлать ихъ христіанами, или въ случаѣ неуспѣха, истребить ихъ, было дѣломъ инквизиціи, учрежденной въ это царствованіе и уже въ концѣ XV вѣка вполнѣ утвердившейся. Впродолженіи XVI столѣтія тронъ былъ занятъ двумя государями, отличавшимися высокими способностями. Карлъ V, наслѣдовавшій Фердинанду въ 1516 году, управлялъ Испаніею втеченіи сорока лѣтъ. Общій характеръ его управленія былъ тотъ же, какъ и его предшественника. Изъ дѣлъ его внѣшней политики замѣчательны три войны: съ Франціею, съ германскими принцами и съ Турціей. Изъ нихъ первая была свѣтская, прочія существенно религіозныя. Въ германской войнѣ, Карлъ защищалъ церковь противу нововведеній и въ сраженіи при Мюльбахѣ такъ смирилъ протес-

Digitized by Google

тантскихъ принцевъ, что остановилъ на время развитіе реформаціи. Въ другой большой войнѣ, онъ какъ поборникъ христіанства противъ магометанства, довершилъ дѣло, начатое его дѣдомъ, Фердинандомъ. Карлъ поражалъ и гналъ магометанъ на востокѣ также какъ Фердинандъ на западѣ. Отраженіе турокъ отъ Вѣны было въ XVI столѣтіи тѣмъ же, чѣмъ въ XV отнятіе у аравитянъ Гренады. Карлъ въ концѣ своего поприща съ полной справедливостью могъ хвастать, что онъ всегда предпочиталъ вѣру своему отечеству и что главнѣйшимъ предметомъ его честолюбія было поддерживать пользы христіанства. Ревность, съ которой онъ боролся за вѣру, также выказывалась въ войнѣ противъ еретиковъ въ Нидерландахъ. Согласно современнымъ, довольно вѣроятнымъ свѣдѣніямъ, впродолженіе его царствованія, въ Нидерландахъ умерщвлено отъ 50 до 100,000 человѣкъ. Позднѣйшіе изслѣдователи сомнѣваются въ точности этихъ свѣдѣній, считая ихъ преувеличенными; но мы знаемъ, что между 1520 и 1550 годами Карлъ издалъ рядъ законовъ, въ силу которыхъ каждый, кто осуждался за ересь, наказывался или отсѣченіемъ головы, или сжигался живой, или же живой зарывался въ землю. Множество различныхъ наказаній положено и въ другихъ случаяхъ, имѣвшихъ, хотя нѣкоторое отношеніе къ ереси. Большія наказанія налагались на тѣхъ, кто продавалъ еретическую книгу, или покупалъ ее, или даже списалъ ее для собственнаго употребленія. Послѣдній совѣтъ Карла сыну прекрасно согласуется съ этими мѣрами. За нѣсколько дней до смерти, онъ сдѣлалъ приписку въ своей духовной, въ которой предлагаетъ никогда не оказывать ни малѣйшей милости еретикамъ; онъ говоритъ: ихъ всѣхъ слѣдуетъ казнить, надо приложить всѣ старанія для поддержанія инквизиціи, и это будетъ лучшимъ средствомъ дойти до желаннаго конца.

Эта варварская политика не должна быть приписываема ни порокамъ, ни характеру извѣстнаго правителя, но дѣйствію великихъ общихъ причинъ, вліяющихъ на отдѣльное лицо и понуждающихъ его избрать этотъ, а не другой путь. Карлъ отнюдь не былъ мстительнымъ человѣкомъ: его естественной склонностью было скорѣе милосердіе чѣмъ жестокость; его искренность неоспорима; онъ дѣлалъ то что дѣлать считалъ своей обязанностью, онъ былъ добрый человѣкъ; тѣ, которые знали его хорошо, любили его, и это большинство. Меньшинство однакоже судило о немъ по его публичному поведенію совершенно наоборотъ. Онъ былъ принужденъ повиноваться идеямъ вѣка и страны, въ которой жилъ. Каковы были эти идеи, оказалось послѣ его смерти, когда испанскій тронъ болѣе сорока лѣтъ былъ занятъ государемъ, наслѣдовавшимъ его въ цѣлѣ

Digitized by Google

жизни, царствованіе котораго особенно интересно, какъ симптомъ и послѣдствіе склонностей управляемаго имъ народа.

Филипъ II, наслѣдовавшій Карлу V въ 1555 году, былъ превосходное созданіе своего времени; самый искусный изъ его біографовъ весьма удачно опредѣляетъ его, какъ самый совершеннѣйшій типъ національнаго характера. Любимѣйшее правило, составляющее основаніе его политики, было «лучше не царствовать совсѣмъ, чѣмъ царствовать надъ еретиками». Вооруженный высшей властью, онъ напрягалъ всю свою энергію, чтобы привести въ дѣйствіе этотъ принципъ, и что удивительно, находилъ полное сочувствіе въ народномъ характерѣ, слѣдовательно могъ дѣйствовать не страшась перемѣны народнаго чувства, что́ такъ часто было причиною волненій въ другихъ странахъ Европы. Въ Испаніи, реформація послѣ краткой борьбы была совершенно уничтожена, такъ что чрезъ десять лѣтъ послѣ ея появленія изчезли послѣдніе ея слѣды. Въ Голландіи очень многіе приняли реформатское ученіе. Съ цѣлью истребить новое ученіе, Филипъ началъ противъ него жестокую войну, продолжавшуюся до его смерти слишкомъ тридцать лѣтъ. Онъ приказалъ жечь каждаго еретика, который откажется отречься отъ своей ереси. Если еретикъ отрекался, ему оказывалось нѣкоторое снисхожденіе: его не жгли, а просто казнили, ибо какъ человѣкъ заражонный, онъ все же долженъ былъ умереть. О числѣ людей, дѣйствительно пострадавшихъ въ Нидерландахъ, мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Альба, съ совершеннымъ хладнокровіемъ торжественно хвалился, что въ пять или шесть лѣтъ своего управленія онъ казнилъ болѣе 18,000 человѣкъ, и еще большее число еретиковъ убито въ сраженіяхъ съ его войсками. Такимъ образомъ въ свое короткое управленіе, Альба лишилъ жизни болѣе 40,000 жертвъ. Этотъ итогъ не совсѣмъ далекъ отъ истины, ибо мы знаемъ изъ другихъ источниковъ, что въ одинъ изъ годовъ его управленія сожжено или просто казнено болѣе 8000 человѣкъ. Эти мѣры были результатомъ наставленій, полученныхъ Филипомъ и составляютъ необходимую часть его общаго плана. Главное его желаніе, которому онъ посвятилъ всѣ другіе свои помыслы, было уничтожить новую вѣру и возстановить вездѣ старую. Этому даже подчинялось его безмѣрное честолюбіе и любовь къ власти. Онъ домогался обладанія Европой, потомучто желалъ укрѣпить авторитетъ церкви. Вся его политика какъ внѣшняя, такъ и внутренняя, всѣ его войны указываютъ на эту цѣль. Вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ, онъ заключилъ позорный трактатъ съ папой, по которому обязывался защищать святого отца противъ всѣхъ, кто осмѣлится поднять оружіе на главу христіанскаго міра. Послѣдимъ, самымъ

Digitized by Google

значительнымъ изъ всѣхъ по своимъ силамъ, предпріятіемъ Филиппа было: знаменитая Армада, съ которою онъ надѣялся унизить Англію и нанести европейской ереси сильнѣйшій ударъ, лишивъ протестантовъ ихъ главной помощи и единственнаго убѣжища, гдѣ они были увѣрены въ своей безопасности.

Между тѣмъ какъ Филиппъ, идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, расточалъ кровь и сокровища Испаніи для распространенія религіозныхъ убѣжденій, народъ, вмѣсто того чтобы возмутиться противъ чудовищной системы, снисходилъ къ ней и отъ души подтверждалъ ее; и нетолько подтверждалъ ее, но почти обожалъ человѣка, приводящаго ее въ исполненіе. Врядъ ли гдѣ-нибудь былъ государь, который впродолженіи такого долгаго періода, среди столькихъ превратностей счастія, былъ такъ любимъ своими подданными какъ Филиппъ. Въ худыхъ и хорошихъ обстоятельствахъ испанцы одинаково оставались ему непоколебимо вѣрны. Ни несчастія, ни отвратительное поведеніе, ни жестокость, ни страшное лихоимство, ничто не могло уменьшить привязанность къ Филиппу испанскаго народа. Вопреки всему, народъ любилъ его до конца. Такова была нелѣпая надменность Филиппа, что онъ требовалъ отъ всѣхъ, даже отъ самыхъ могущественныхъ вельможъ, колѣнопреклоненія, когда они хотѣли съ нимъ говорить, а онъ съ своей стороны отвѣчалъ полуфразами, предоставляя имъ угадывать остальное и исполнять его приказанія какъ сами знаютъ; тѣмъ не менѣе они проворно повиновались малѣйшимъ его желаніямъ. Современники Филиппа, пораженные всеобщимъ къ нему почтеніемъ, говорили, что испанцы нетолько любятъ, нетолько уважаютъ, но рѣшительно обожаютъ Филиппа и почитаютъ его приказанія такими священными, что нарушеніе ихъ есть какъ бы преступленіе противу самого Господа Бога.

Что человѣкъ, подобный Филиппу II, необладавшій хорошими качествами характера, человѣкъ самого отвратительнаго поведенія, суровый властитель, безчеловѣчный семьянинъ, кровожадный и немилосердый правитель, былъ уважаемъ народомъ, среди котораго жилъ и который всегда могъ вѣрно судить о его дѣйствіяхъ, ибо видѣлъ ихъ своими глазами, что это случилось, есть конечно одинъ изъ самыхъ удивительныхъ и съ перваго взгляда одинъ изъ самыхъ необъяснимыхъ фактовъ новѣйшей исторіи. Мы видимъ короля, обладающаго качествами, способными возбудить ужасъ и отвращеніе, любимаго тѣми, которые бы должны его бояться; мало того, этотъ король дѣлается идоломъ великаго народа во все продолженіе своего долгаго царствованія. Это чрезвычайно замѣчательно и вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія. Чтобы прояснить

Digitized by Google

это странное обстоятельство, необходимо изслѣдовать причины возникновенія въ Испаніи духа вѣрности. Сильнымъ развитіемъ духа вѣрности испанцы впродолженіе нѣсколькихъ столѣтій отличались отъ всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ.

Безъ сомнѣнія одной изъ первыхъ причинъ было безмѣрное вліяніе духовенства на народъ. Главнымъ ученьемъ, натверживаемымъ этимъ могущественнымъ сословіемъ, было ученіе о безпредѣльномъ уваженіи народа къ государямъ...

Самымъ важнымъ изъ историческихъ событій для Испаніи было великое аравійское вторженіе, которое довело испанцевъ до большой крайности: они были загнаны въ самый уголъ Испаніи. Чтобы держаться противъ своихъ враговъ, имъ было необходимо установить строжайшую дисциплину и самое непоколебимое повиновеніе своимъ вождямъ. Вѣрность своимъ государямъ сдѣлалась нетолько привычной, но и необходимой; еслибы испанцы ссорились между собой, они никогда не могли бы стать противъ далеко не равныхъ, страшныхъ силъ своихъ непріятелей и естественно не имѣли бы никакой возможности сохранить свое національное существованіе. Долгая война, будучи вмѣстѣ и политической и религіозной, произвела окончательное соединеніе между политическими и религіозными класами, такъ какъ король и духовенство имѣли одинаковые интересы въ изгнаніи магометанъ изъ Испаніи. Почти впродолженіе восьми столѣтій особенность положенія Испаніи сдѣлала необходимой связь между церковью и государствомъ, и когда эта необходимость перестала существовать, естественно случилось, что понятіе объ необходимости этой связи крѣпко вкоренилось въ умахъ народа, пережило ее, такъ что почти не было возможности уничтожить эту связь.

Очевидность впечатлѣнія, произведеннаго на испанскій народъ непоколебимою вѣрностію, доказывается различными, многочисленными фактами. Ни въ какой другой странѣ нѣтъ такого множества баладъ, тѣсно связанныхъ съ національной исторіей. Замѣчательно, что главная ихъ характеристика — ревность, съ которой они натверживали повиновеніе и преданность государямъ, и то, что эти качества еще болѣе чѣмъ военные подвиги служили для испанцевъ самыми любимыми примѣрами доблести. Въ литературѣ первое великое проявленіе испанскаго генія была поэма Сидъ, написанная въ концѣ XII столѣтія; въ ней мы находимъ ясное доказательство необыкновенной вѣрности, поставившей въ особое положеніе испанскій народъ. Духовные совѣты выставляли подобное же ученіе, ибо, кромѣ весьма немногихъ исключительныхъ случаевъ, ни одна церковь такъ горячо не поддерживала королевскія права. Граждан-

Digitized by Google

ское законодательство обработывало тѣже принципы; можно слѣпо утверждать, что ни одно уложеніе не заключаетъ въ себѣ до такой крайней степени приведенныхъ въ систему законоположеній о вѣрности, какъ испанское. Даже драматическіе писатели не хотѣли представлять на сценѣ актъ возмущенія, такъ какъ это дѣло въ глазахъ каждаго добраго испанца было самымъ гнуснымъ изъ всѣхъ преступленій. Все то, къ чему прикасался король, въ нѣкоторой степени освящалось отъ его прикосновенія. Никто не могъ ѣздить на лошади, на которой король когда-либо ѣздилъ верхомъ; никто не могъ жениться на любовницѣ, которую король оставилъ. Лошадь и любовница, обѣ одинаково становились священными и было слишкомъ нечестиво для подданнаго коснуться того что имѣло счастіе удостоиться вниманія помазанника. Подобныя правила исполнялись нетолько для государя дѣйствительно царствующаго, но даже и послѣ смерти короля запрещалось выходить замужъ всякой женщинѣ, которую онъ бралъ себѣ, хотя бы и на самое короткое время, въ любовницы. Она была избрана королемъ, такой выборъ возвышалъ ее надъ остальными смертными и ей оставалось только удалиться въ монастырь и проводить жизнь въ печали о своей незагладимой потерѣ. Эти уставы укрѣпились скорѣе обычаемъ, чѣмъ закономъ. Они поддерживались народнымъ желаніемъ и были результатомъ чрезмѣрной вѣрности испанскаго народа. Вѣрностію часто хвастались испанскіе писатели: они считали ее неприкосновенной; ничто не могло потрясти ее. Она одинаково примѣнялась какъ къ дурнымъ, такъ и къ хорошимъ королямъ. Она была въ большой силѣ во время славы Испаніи въ XVI вѣкѣ, она слишкомъ явно выказывалась въ XVII вѣкѣ, когда нація упадала, она пережила гражданскія войны XVIII столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ это чувство такъ выработалось преданіями страны, что стало нетолько національной страстью, но почти статьей національной вѣры. Кларендонъ въ своей исторіи великой англійской революціи (подобной революціи, какъ Кларендонъ хорошо зналъ, никогда не могло быть въ Испаніи) дѣлаетъ о вѣрности испанцевъ справедливое и дѣльное замѣчаніе. Онъ говоритъ, что на отсутствіе почтенія къ королямъ испанцы смотрѣли какъ на чудовищное преступленіе; покорное благоговѣніе къ своимъ государямъ было въ Испаніи жизненной частію ихъ религіи.

Вотъ два главные элемента, изъ которыхъ составился испанскій характеръ. Вѣрность и суевѣріе, благоговѣніе къ своимъ королямъ и благоговѣніе къ своему духовенству были главнѣйшими принципами, имѣвшими вліяніе на испанскій умъ и управлявшими ходомъ испанской исторіи. Особенныя и безпримѣрныя обстоятельства,

Digitized by Google

изъ которыхъ они вышли, были уже обозначены; узнавъ ихъ происхожденіе, мы попытаемся теперь начертать ихъ слѣдствія. Такое разсмотрѣніе результатовъ будетъ чрезвычайно важно, не только потому, что нигдѣ въ Европѣ эти чувства не были такъ крѣпки, такъ постоянны и такъ чисты, но также и потому, что Испанія, будучи расположена въ дальнемъ концѣ континента, отъ котораго отрѣзывалась Пиренеями, имѣла сколько по физическимъ, столько и моральнымъ причинамъ, весьма мало связи съ другими націями. Какъ на ея жизнь почти не имѣли никакого вліянія иностранные обычаи, то весьма легко открыть чистыя и естественныя слѣдствія суевѣрія и вѣрности, двухъ самыхъ могущественныхъ и безкорыстныхъ чувствъ, занимающихъ мѣсто въ человѣческомъ сердцѣ, чувствъ, соединенными дѣйствіями которыхъ такъ ясно объясняются событія испанской исторіи.

Результаты этого соединенія, впродолженіе значительнаго періода, были повидимому благотворны. Церковь и корона имѣли общую цѣль, были ободряемы сердечной преданностію народа, отдавшаго всю свою душу на ихъ процвѣтаніе и выказавшаго ревность, обезпечившую успѣхъ. Постепенно подвигаясь съ сѣвера Испаніи, христіане, сражаясь шагъ за шагомъ, шли все впередъ, пока не овладѣли они самой южной оконечностію; тогда только совершенно побѣдили магометанъ и привели цѣлую страну подъ одну власть и одну вѣру. Это великое дѣло окончено въ концѣ XV столѣтія; оно дало необыкновенный блескъ испанскому имени. Испанія, долго занимавшаяся своими собственными религіозными войнами, не имѣла досуга обращать вниманіе на иностранныя государства, которыя съ своей стороны также не много уважали ее. Теперь же она составила связную и нераздѣльную монархію, разомъ присвоила себѣ значительное положеніе въ европейскихъ дѣлахъ. Впродолженіе слѣдующихъ ста лѣтъ, ея могущество увеличилось съ быстротой, примѣра которому свѣтъ не видѣлъ со времени римской имперіи. Такъ въ 1478 году Испанія была еще раздѣлена на независимыя и часто враждебныя государства; въ Гренадѣ господствовали магометане, тронъ кастильскій занимался однимъ, а арагонскій другимъ государемъ. Въ 1590 году нетолько эти отдѣльныя части твердо соединились въ одно королевство, но пріобрѣтенія въ чужихъ краяхъ дѣлались такъ быстро, что подвергли опасности независимость Европы. Исторія Испаніи впродолженіе этого періода есть исторія непрерывныхъ успѣховъ. Эта страна, недавно раздираемая гражданскими войнами и смущаемая враждебными вѣрованіями, впродолженіе трехъ поколѣній присоединила къ себѣ Португалію, Наварру и Русильонъ. Дипломатіей или силой оружія она пріобрѣ-

Digitized by Google

за Артуа, Франшъ-Конте, Нидерланды, Миланъ, Неаполь, Сицилію, Сардинію, Балеарскіе и Канарскіе острова. Одинъ изъ ея королей былъ императоромъ германскимъ, сынъ же этого короля, женившись на англійской королевѣ, имѣлъ вліяніе на Англію. Турецкое государство, тогда самое страшное въ цѣломъ мірѣ, начало приходить въ упадокъ и войска его были разбиваемы со всѣхъ сторонъ. Французская монархія усмирена; французскія арміи были безпрестанно побѣждаемы; Парижъ однажды подвергнулся большой опасности, и король французскій, разбитый на полѣ сраженія, взятъ и приведенъ плѣнникомъ въ Мадритъ. Внѣ Европы дѣла Испаніи также были въ чудесномъ положеніи. Въ Америкѣ испанцы стали обладателями территоріи, покрывавшей собою шестьдесятъ градусовъ широты и заключавшей въ себѣ оба тропика. Кромѣ Мексики, центральной Америки, Венецуэллы, Новой-Гренады, Перу и Чили, они покорили Кубу, Санъ-Доминго, Ямайку и другіе острова. Въ Африкѣ ими приобрѣтены Цеута, Мелилла, Оранъ, Бугіа и Тунисъ; они привели также въ страхъ все варварійское поморье. Въ Азіи они утвердили свои поселенія въ Деканѣ, завладѣли частію Малакки и утвердились на островахъ Пряныхъ-Зелій. Покореніе Филиппинскихъ острововъ окончательно соединило самыя отдаленныя владѣнія и помогло сношеніямъ между частями этого громаднаго государства, опоясывавшаго собою земной шаръ.

Въ связи съ этими успѣхами, возрасталъ въ странѣ воинственный духъ въ такой силѣ, въ какой онъ никогда не показывался ни въ одной изъ новѣйшихъ націй. Всѣ развитые люди въ странѣ принимали на себя или духовное званіе, или (и такихъ большая часть) всѣ услуги свои отдавали военному дѣлу. Иногда же оба дѣла соединялись въ одномъ лицѣ: видѣть духовное лицо, отправляющееся на войну, въ испанской арміи была не рѣдкость даже и тогда, когда въ остальной Европѣ духовенство уже давно перестало это дѣлать. Всѣ событія показываютъ развитіе воинственнаго духа въ Испаніи. Простое исчисленіе успѣшныхъ битвъ и осадъ въ XVI и частію въ XV вѣкахъ, доказываетъ огромное преимущество испанцевъ въ воинственности надъ своими современниками; также показываетъ оно какъ много творческаго ума было потрачено на совершенствованіе искуства разрушенія. Другое толкованіе можно вывести изъ того страннаго факта, что со времени древней Греціи, ни одна страна не произвела такъ много замѣчательныхъ литераторовъ между людьми, носящими военное званіе, и почти исключительно изъ этого званія. Кальдеронъ, Сервантесъ и Лопе-де-Вега рисковали своей жизнію, сражаясь за отечество. Военная професія также была предпочтена многими извѣстными писателями, между

Digitized by Google

которыми можно упомянуть Арготе де-Молино, Акуна, Берналь Диазъ дель-Кастильо, Босканъ, Карильо, Изетина, Эргилья, Эспинель, Франческо де-Фигуэроа, Горчилассо-де-ла-Вега, Гилленъ-де-Кастро, Гота, Гуртадо-де-Мендоза, Мармоль Карвайяль, Перецъ-де-Гусманъ, Пульгаръ, Реболледо, Роксасъ и Вируэсъ; всѣ они показали большую степень ума, доказывающую развитіе испанской націи.

Здѣсь мы имѣемъ соединеніе такихъ элементовъ, которые, какъ бы о немъ теперь ни думали, въ то время, возбуждало удивленіе и страхъ Европы. У насъ передъ глазами великій народъ, обладающій военной, религіозной и патріотической пылкостію, которая горячая ревность была скорѣе увеличиваема, чѣмъ смягчаема почтительнымъ повиновеніемъ своему духовенству и рыцарскою преданностію своимъ королямъ. Энергія Испаніи, одушевляемая и контролируемая, сдѣлалась столько же осторожной, сколько и пылкой; этому рѣдкому соединенію противоположныхъ качествъ надобно приписать тѣ великія дѣла, о которыхъ выше было упомянуто. Худая сторона развитія подобнаго рода та, что оно слишкомъ много зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей, а слѣдовательно бываетъ непрочно. Подобное движеніе продолжается только до тѣхъ поръ, пока оно руководимо талантливымъ человѣкомъ. Когда же хорошимъ предводителямъ наслѣдуютъ дурные, система немедленно теряетъ почву, потомучто народъ привыкъ получать сверху побужденія къ необходимой дѣятельности, но не привыкъ самъ примѣнять искуство, которымъ руководится дѣятельность. Подобное положеніе дѣлъ поможетъ намъ замѣтить существенную разницу между цивилизаціей Испаніи и Англіи. Англичане, народъ способный къ критикѣ, не легко удовлетворяющійся и щекотливый; они постоянно жалуются на своихъ правителей, подозрѣваютъ ихъ намѣренія, разбираютъ во враждебномъ духѣ ихъ мѣры, даютъ весьма небольшую власть какъ духовенству, такъ и государямъ, управляютъ своими дѣлами сами, готовы при малѣйшемъ возбужденіи отречься отъ этой условной, только на словахъ крѣпкой вѣрности, которая въ дѣйствительности никогда не трогая англійскаго сердца, стала не болѣе какъ наружной привычкой, а не страстью, пустившей свои корни глубоко въ сердце. Вѣрность англичанина не побудитъ его пожертвовать своими правами въ угоду власти; ничто не ослѣпитъ англичанина, когда дѣло касается его собственныхъ интересовъ. Развитіе націи идетъ непрерывно, нѣтъ нужды какой король царствуетъ. Великое движеніе идетъ своимъ чередомъ. Англійскіе государи могли быть и слабоумными и порочными безъ вреда для націи. Даже такіе го-

Digitized by Google

судари какъ Генрихъ III и Карлъ II были бы неспособны сдѣлать зло англійскому народу. Впродолженіе XVIII и нѣсколькихъ лѣтъ XIX столѣтій, когда быстрое развитіе Англіи выказывалось слишкомъ явно, государи ея были весьма неспособны. Анна и два первые Георга были грубо невѣжественны: они были дурно воспитаны и характеръ имѣли слабый и упрямый. Царствованіе всѣхъ ихъ трехъ продолжалось шестьдесятъ лѣтъ; послѣ же нихъ, въ теченіе другого періода въ шестьдесятъ лѣтъ, Англія была управляема государемъ, который долгое время былъ неспособенъ управлять по болѣзни. Правду сказать, это было даже лучше, ибо тогда онъ дѣлалъ меньше зла. Здѣсь не мѣсто выставлять принципы, защищаемыя Георгомъ III; ими гнушались современные ему писатели; они достойно осуждены потомствомъ; однако же вѣрно то, что ни его понятія, ни его деспотическій характеръ, ни его презрѣнное суевѣріе, ни неимовѣрная низость этого неблагороднаго сластолюбца, который наслѣдовалъ Георгу III, ничто не могло остановить движенія англійской цивилизаціи, или удержать стремленіе англичанъ къ благосостоянію. Англія идетъ своимъ путемъ, нисколько не обезпокоиваясь подобными вещами. Англичане убѣждены, что они обладаютъ въ самихъ себѣ тѣми источниками и той плодовитостью соображенія, посредствомъ которыхъ люди могутъ сдѣлаться великими, счастливыми и мудрыми.

Въ Испаніи напротивъ, какъ только правительство ослабло, все стало распадаться. Во все время ея процвѣтанія, о которомъ мы только-что говорили, испанскій тронъ былъ занятъ весьма способными и разумными государями. Фердинандъ и Изабелла, Карлъ V и Филипъ II — рядъ замѣчательныхъ государей, царствовавшихъ одинъ послѣ другого въ теченіе долгаго періода времени. Подобнаго положенія не имѣла ни одна страна въ мірѣ. Все великое было произведено усиліями этихъ замѣчательныхъ государей. Испанія повидимому процвѣтала. Но что послѣдовало, когда они удалились со сцены? Оказалось, что все было искуственно, что все было гнило, что всякое развитіе требовало предварительнаго покровительства, что вся правительственная система опиралась на вѣрность и почтеніе народа, что всякій успѣхъ зависѣлъ не отъ дарованій націи, но отъ дарованій тѣхъ, которымъ были ввѣрены интересы націи.

Филипъ II, послѣдній изъ способныхъ испанскихъ королей, умеръ въ 1598 году; послѣ его смерти государство пошло быстрыми шагами къ упадку. Отъ 1598 до 1700 года тронъ былъ занятъ Филиппомъ III, Филиппомъ IV и Карломъ II. Контрастъ между ними и ихъ предшественниками былъ самый разительный. Филипъ III и

Digitized by Google

Филипъ IV, лѣнивые, невѣжественные и слабо развитые, провели всю свою жизнь въ низкихъ и самыхъ гнусныхъ удовольствіяхъ. Карлъ II, послѣдній изъ австрійской династіи, въ началѣ такъ замѣчательной талантливыми представителями, обладалъ почти каждымъ порокомъ, который могъ имѣть человѣкъ смѣшной и презрѣнный. Его умъ и его фигура были таковы, что въ каждой другой націи, подвергли бы его всеобщему осмѣянію. Хотя онъ умеръ еще въ цвѣтѣ жизни, онъ смотрѣлъ старымъ, изношеннымъ развратникомъ. Въ тридцать-пять лѣтъ онъ былъ совершенно лысый, потерялъ брови, былъ разбитъ параличемъ, имѣлъ падучую болѣзнь, и какъ всему свѣту было тогда извѣстно — неспособенъ даже къ брачной жизни. Наружный видъ его былъ возмутителенъ: онъ похожъ былъ на слюняваго идіота. При его огромнѣйшемъ ртѣ, нижняя челюсть высовывалась такъ страшно впередъ, что зубы никогда не могли встрѣтиться, и потому онъ былъ неспособенъ жевать пищу. Степень его невѣжества была такъ велика, что можно бы усомниться въ ея существованіи, еслибы не было тому очевидныхъ доказательствъ. Онъ не зналъ именъ большихъ городовъ, даже провинцій въ своихъ владѣніяхъ. Во время войны съ Франціей, онъ сожалѣлъ объ англичанахъ, теряющихъ города, которые на самомъ дѣлѣ составляли часть его собственной территоріи; наконецъ онъ былъ погружонъ въ самое низкое суевѣріе: вѣрилъ, что былъ постоянно искушаемъ дьяволомъ, дозволялъ дѣлать надъ собой заклинанія для прогнанія злыхъ духовъ, и никогда не уходилъ спать иначе, какъ въ сопровожденіи своего духовника и двухъ монаховъ, которые ложились около него во время ночи.

Теперь каждый можетъ ясно видѣть, что когда Испанія имѣла способныхъ государей — она процвѣтала; какъ только явились безсильные государи — она пошла къ упадку. Почти каждое дѣло, устроенное великими государями въ XVI вѣкѣ, было разстроено ихъ мелкими наслѣдниками въ XVII. Такъ быстро совершилось паденіе Испаніи, что только въ три царствованія послѣ смерти Филипа II, самая могущественная монархія въ свѣтѣ опустилась до самой низкой точки униженія, была безнаказанно оскорбляема иностранными націями, не одинъ разъ доходила до банкротства, была лишена своихъ лучшихъ владѣній, публично опозорена, сдѣлалась для школьниковъ и моралистовъ темой для указанія несовершенства человѣческихъ дѣяній, и наконецъ подверглась жестокому униженію видѣть свою территорію, раздѣленною трактатомъ, въ которомъ она не участвовала; противиться же этому она была не въ состояніи. Тогда поправдѣ испила она горькую чашу своего стыда.

Digitized by Google

Ея слава умерла, она была наказана и унижена. Полное право имѣлъ испанецъ того времени, сравнивая настоящее съ прошедшимъ, оплакивать свое отечество, рыцарство и романтизмъ, храбрость и вѣрность. Владычица міра, царица океана, ужасъ народовъ, она исчезла, ея могущество прошло, не было болѣе возврата.

Будетъ скучнымъ и безполезнымъ трудомъ исчислять потери и несчастія Испаніи впродолженіи XVII вѣка. Непосредственной причиной ихъ было дурное правительство и неискусные государи...

Увеличившееся вліяніе испанскаго духовенства было первымъ и самымъ явнымъ слѣдствіемъ павшей энергіи испанскаго правительства. Ибо вѣрность и суевѣріе, будучи главными составными частями національнаго характера, сами были результатомъ привычекъ къ почитанію; отсюда не трудно заключить, что если почитаніе не будетъ ослаблено, то вслучаѣ ослабленія одной изъ главныхъ составныхъ его частей вся сила перейдетъ на другую. Такъ впродолженіе XVII столѣтія испанское правительство, благодаря своей крайней неспособности, безъ сомнѣнія потеряло нѣкоторую часть народной привязанности; естественно, что духовенство въ той же привязанности заняло вакантное мѣсто, получило то что корона потеряла. Кромѣ того слабость исполнительнаго правительства поощряла требованія духовенства: оно вынудило у правительства такіе акты, которые испанскіе государи XVI вѣка, какъ они ни были суевѣрны, ни зачто бы не утвердили. Отсюда выходитъ странный фактъ, что въ то время, когда во всѣхъ другихъ странахъ, исключая впрочемъ Шотландіи, въ XVII столѣтіи могущество духовенства стало уменьшаться, въ Испаніи оно увеличивалось все болѣе и болѣе. Результаты этого могущества достойны вниманія не только людей, занимающихся философской исторіей, но и всѣхъ тѣхъ, кто озабоченъ благосостояніемъ своего отечества или имѣетъ желаніе дѣлать практическія примѣненія въ управленіи своемъ общественными дѣлами.

Послѣ смерти Филиппа II, тронъ двадцать-три года былъ занятъ Филиппомъ III, государемъ отличавшимся въ такой же степени неспособностію, какъ его предшественникъ своими талантами. Впродолженіе слишкомъ столѣтія, испанцы привыкли вполнѣ управляться своими королями, которые съ неутомимою дѣятельностію лично занимались самыми важными дѣлами, въ дѣлахъ же меньшей важности имѣли строгій надзоръ за своими министрами. Но Филиппъ III, нерадивость котораго доходила почти до глупости, былъ неспособенъ для подобной работы; онъ передалъ всю правительственную власть герцогу Лерма и этотъ послѣдній держалъ власть въ своихъ рукахъ двадцать лѣтъ. Въ глазахъ народа, такого вѣрнаго

Digitized by Google

какъ испанцы, подобное положеніе дѣлъ не могло не ослабить исполнительной власти, ибо въ его глазахъ неминуемое вмѣшательство въ управленіе дѣлами государя служило главнымъ образомъ для блага народа. Лерма, прекрасно понимая это чувство и сознавая свое положеніе шаткимъ, весьма естественно желалъ утвердить его посредствомъ посторонней поддержки, такой, которая не совершенно бы зависѣла отъ короля. По этой причинѣ онъ тѣсно соединился съ духовенствомъ, и отъ начала до конца своего продолжительнаго управленія дѣлалъ все что было въ его власти для увеличенія могущества своего союзника. Такимъ образомъ вліяніе, потерянное короною, было выиграно духовенствомъ, которое получило уваженіе гораздо большее того, какое ему прежде давало суевѣріе государей XVI вѣка. Въ этой сдѣлкѣ на интересы народа не обращено никакого вниманія. Его благосостоянію не отведено мѣста въ общемъ планѣ. Напротивъ духовенство, благодарное правительству, такъ чувствительному къ его выгодамъ и такому религіозному, употребляло все свое вліяніе въ пользу правительства; иго двойного деспотизма поработило эту бѣдную націю, которая до сихъ поръ еще вслѣдствіе этого пожинаетъ горькіе плоды.

Увеличившееся вліяніе испанскаго духовенства впродолженіе XVII столѣтія доказывается безчисленнымъ множествомъ примѣровъ: оно проявлялось вездѣ. Монастыри и церкви увеличивались съ такой ужасающей быстротой, ихъ богатства становились такъ громадны, что даже кортесы, какъ они ни были слабы и покорны, рѣшились предостеречь націю. Въ 1626 году, только пять лѣтъ послѣ смерти Филипа III, они вошли съ прошеніемъ о принятіи мѣръ для предупрежденія постояннаго и все болѣе и болѣе увеличивающагося вторженія духовенства во всѣ дѣла. Въ этомъ замѣчательномъ документѣ, кортесы, собранные въ Мадритѣ, объявляли, что скоро придетъ время, когда міряне будутъ лишены всего своего имущества для обогащенія духовенства. Зло дошло до такой страшной степени, что въ Испаніи тогда было, не считая женскихъ, болѣе 9000 мужскихъ монастырей. Возможности такого необыкновеннаго положенія дѣла я думаю нельзя противорѣчить: мы имѣемъ еще и другія весьма достовѣрныя показанія. Давилла, жившій въ царствованіе Филипа III, утверждаетъ, что въ 1623 году два ордена, францисканскій и доминиканскій, считали въ своей средѣ 32,000 членовъ. Прочее духовенство увеличилось въ соразмѣрности. Предъ смертію Филипа III, число священниковъ, отправлявшихъ служеніе въ севильскомъ каѳедральномъ соборѣ дошло до 100, а въ севильской епархіи было 14,000 капеляновъ; въ епископствѣ Калагора 18,000. Казалось, не было никакой возможности помочь этому ужас-

Digitized by Google

ному положенію. Чѣмъ богаче была церковь, тѣмъ болѣе было побужденій для мірянъ вступать въ число ея членовъ. Было слишкомъ очевидно, что не будетъ предѣла принесенія въ жертву мірскихъ интересовъ на пользу духовенства. Въ самомъ дѣлѣ движеніе, несмотря на свою внезапность, было совершенно правильно, являясь вслѣдствіе ряда многихъ предыдущихъ обстоятельствъ. Впродолженіе пяти столѣтій, путь событій, какъ мы уже видѣли, неизмѣняемо стремился по этому направленію и обезпечилъ духовенству власть, которую не стерпѣла бы никакая другая страна. Такимъ образомъ умы народа были приготовлены; онъ смотрѣлъ на это спокойно и считалъ нечестивымъ противиться, ибо какъ замѣчаетъ испанскій историкъ Семперъ, всякое предложеніе было почитаемо еретическимъ, если оно касалось уменьшенія числа духовныхъ лицъ, или если говорило о необходимости остановить возрастаніе громаднаго богатства, которымъ обладала испанская церковь.

Какъ все это было натурально, выкажется изъ другого, тоже весьма важнаго факта. Въ Европѣ семнадцатое столѣтіе вообще было замѣчательно значительнымъ увеличеніемъ числа произведеній свѣтской литературы, пренебрегающихъ теологическими теоріями. Самые вліятельные писатели Бекопъ и Декартъ, будучи мірянами, чаще враждебно чѣмъ дружески, обращались къ духовенству и писали свои произведенія вполнѣ съ мірской точки зрѣнія. Но въ Испаніи не произошло перемѣны подобнаго рода. Въ этой странѣ духовенство находило себѣ подпору какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ умахъ. Общественное мнѣніе было на сторонѣ духовенства: каждый авторъ, не обращая вниманія на то, къ какому роду литературы принадлежало его произведеніе, гордился, считая себя членомъ духовной професіи, интересы которой онъ защищалъ съ ревностію, достойною темныхъ вѣковъ. Сервантесъ, за три года до смерти, сдѣлался францисканскимъ монахомъ. Лопе-де-Вега былъ священникъ и служитель инквизиціи; въ 1623 году онъ присутствовалъ какъ дѣйствующее лицо при ауто-да-фэ, за алькальской заставой Мадрита, гдѣ при огромномъ стеченіи народа былъ сожженъ еретикъ. Морито, одинъ изъ трехъ величайшихъ драматурговъ Испаніи, принялъ монашескую одежду на послѣднія двѣнадцать лѣтъ своей жизни. Монтальванъ, котораго комедіи еще до сей поры не лишены интереса, былъ священникъ и имѣлъ должность въ инквизиціи. Торрега, Мира-де-Мескуа и Тирео-ди-Молина, замѣчательные сценическіе писатели, были духовными лицами. Солисъ, знаменитый историкъ Мексики, также принадлежалъ къ духовному званію. Сандоваль, историографъ, который написалъ исторію царствованія Карла V, сочиненіе до сей поры пользую-

Digitized by Google

щееся авторитетомъ, былъ сперва бенедиктинскимъ монахомъ, послѣ сталъ епископомъ Туи, а позднѣе получилъ памплунскую епархію. Давилла, біографъ Филиппа III, священникъ, Маріанна іезуитъ, и Минана, продолжавшій его исторію, былъ настоятель монастыря въ Валенціи. Мартинъ Карильо, законовѣдъ и историкъ, неудовольствовавшись двумя занятіями, вступилъ въ духовное званіе и сталъ каноникомъ въ Сарагоссѣ. Антоніо, самый свѣдущій изъ біографовъ Испаніи, былъ каноникомъ въ Севильѣ. Граціанъ, отличный прозаикъ, почитаемый великимъ писателемъ, былъ іезуитъ. Между поэтами замѣчается тоже самое. Паравичино, былъ впродолженіе шестнадцати лѣтъ популярнымъ проповѣдникомъ при дворѣ Филиппа III и Филиппа IV. Замора монахъ, Аржензола каноникъ въ Сарагоссѣ, Кангора священникъ, Ріойа занималъ высокій постъ въ инквизиціи. Кальдеронъ былъ капелланомъ у Филиппа IV; за свои фанатическія мнѣнія, помрачающія его блистательный геній, онъ былъ названъ поэтомъ инквизиціи; его любовь къ церкви была страстію, онъ не стѣснялся ничѣмъ тамъ, гдѣ дѣло касалось ея интересовъ. Въ Испаніи подобныя чувства были натуральны, хотя въ другихъ націяхъ они кажутся до того странными, что превосходный критикъ Сальфи, разбирая произведенія Кальдерона, говоритъ, что ихъ едвали возможно читать безъ негодованія. Еслибъ это было такъ, негодованіе должно бы распространиться почти на всѣхъ современныхъ соотечественниковъ Кальдерона, великихъ или малыхъ. Едвали бы нашолся между испанцами того періода человѣкъ, не державшійся тѣхъ же убѣжденій. Даже Виллавичіоза, авторъ одной изъ лучшихъ юмористическихъ поэмъ, былъ не только самъ служителемъ инквизиціи, но въ своемъ завѣщаніи настоятельно проситъ свое семейство и будущихъ ихъ потомковъ идти на службу въ это благородное учрежденіе: пусть берутъ всякую должность, какая только представится, ибо говоритъ онъ, всѣ мѣста въ этомъ учрежденіи достойны почтенія. Въ подобномъ состояніи общества невозможны талантливыя произведенія вполнѣ съ мірскимъ или ученымъ содержаніемъ; каждый долженъ вѣрить и вѣрить, никто не имѣетъ права изслѣдовать и не изслѣдуетъ. Между людьми высшихъ класовъ одни берутъ военныя, другія духовныя должности, или наконецъ соединяютъ въ одномъ лицѣ оба занятія. Тѣ, которые литературу дѣлаютъ своимъ занятіемъ, должны служить ей какъ слѣдуетъ, т. е. одерживать верхъ надъ предразсудками. Обо всемъ что касалось духовенства, говорилось не только съ уваженіемъ, но и съ подобострастіемъ. Искуство и способности, достойныя лучшаго употребленія, издерживались на восхваленіе нелѣпостей, изобрѣтенныхъ суевѣріемъ. Худо то, что большая

Digitized by Google

часть писателей, писала именно въ пользу этихъ нелѣпостей, а не нашлось ни одного, кто бы осмѣлился напасть на нихъ. Количество испанскихъ сочиненій, доказывающихъ необходимость религіозныхъ гоненій, безчисленно, и это было въ странѣ, гдѣ не одинъ человѣкъ изъ тысячи сомнѣвался прилично ли жечь еретиковъ. Что до чудесъ, оказывающихъ другую важную помощь теологамъ, они въ семнадцатомъ столѣтіи случались безпрестанно, и разумѣется безпрестанно были описываемы. Всякій литераторъ заботился сказать что-нибудь объ этомъ важномъ предметѣ. Святые также были въ большой чести; ихъ біографіи писались во множествѣ и съ совершеннымъ равнодушіемъ къ правдѣ. Этими и подобными имъ предметами главнымъ образомъ былъ занятъ испанскій умъ. Мужскіе и женскіе монастыри, религіозные ордена, кафедральные соборы пользовались одинаковымъ вниманіемъ: огромнѣйшія книги писались о нихъ, съ цѣлію сохранить на вѣки каждую особенность. Почти каждый монастырь, почти каждый соборъ имѣлъ нѣсколькихъ историковъ, каждый изъ нихъ искалъ удалить своего непосредственнаго соперника, а потому изо всѣхъ силъ старался описывать славу испанской церкви и поддерживать интересы, которыхъ эта церковь была хранительницей.

Таковъ былъ перевѣсъ въ положеніи духовенства и таково уваженіе къ его пользамъ, оказываемое испанцами XVII столѣтія. Они дѣлали все чтобы усилить власть духовенства въ то самое время, когда другія націи старались ослабить ее. Эта несчастная особенность безъ сомнѣнія была дѣломъ предшествовавшихъ событій; она была непосредственной причиной упадка Испаніи, ибо какое бы дѣйствіе ни производила эта особенность въ древнія времена, извѣстно, что въ новѣйшія, благосостояніе націй зависитъ отъ тѣхъ началъ, которымъ духовенство какъ сословіе всегда неизмѣняемо противодѣйствуетъ. При Филиппѣ III, духовенство приобрѣло несомнѣнное прибавленіе своего вліянія и въ тоже царствованіе оно ознаменовало новую эпоху своей власти дѣломъ ужаснаго варварства — изгнаніемъ изъ Испаніи всѣхъ мавровъ. Это дѣло, само по себѣ до крайности жестокое, произвело такія ужасныя послѣдствія, что нѣкоторые писатели приписываютъ единственно ему послѣдующій упадокъ Испаніи, забывая, что многія другія гораздо болѣе могущественныя причины были также въ дѣйствіи, и что изумительное преступленіе могло быть совершено только въ такой странѣ, которая давно уже привыкла смотрѣть на ересь, какъ на самое гнусное изъ всѣхъ преступленій, въ той странѣ, которая готова всякой цѣной очистить свою землю, освободить себя отъ людей, на присутствіе которыхъ смотритъ, какъ на оскорбленіе христіанской вѣры.

Digitized by Google

Послѣ покоренія въ XV столѣтіи послѣдняго магометанскаго королевства въ Испаніи, главной заботой испанцевъ сдѣлалось обращеніе въ христіанство покоренныхъ ими магометанъ. Они думали, что будущее благосостояніе цѣлаго народа зависитъ отъ этого и находя, что увѣщанія духовенства не имѣютъ силы, прибѣгли къ другимъ средствамъ и притѣсняли тѣхъ, которыхъ не въ состояніи были убѣдить. Мучая однихъ, сжигая другихъ и угрожая всѣмъ, они наконецъ успѣли; можно смѣло утверждать, что въ 1526 году въ Испаніи не было магометанъ: всѣ были обращены въ христіанство. Несмѣтное множество ихъ крещено силой, но какъ актъ крещенія предполагалъ за собой подчиненіе духовенству, то вновь крещенные были обязаны подчиняться дисциплинѣ, наложенной церковью. Эта дисциплина установлена цивилизаціей, которая въ продолженіи остальныхъ годовъ XVI столѣтія подвергала новыхъ христіанъ, или Moriscoes какъ ихъ тогда называли, самому варварскому обхожденію. Неподдѣльность ихъ насильнаго обращенія была сомнительна, поэтому церковь считала своей обязанностью испытывать ихъ искренность. Гражданское правительство съ своей стороны также помогало духовенству въ этомъ дѣлѣ; между другими узаконеніями замѣчателенъ эдиктъ, выданный Филиппомъ II въ 1556 году, которымъ принуждали мавровъ оставлять все что могло напомнить прежнюю ихъ религію. Имъ было приказано, подъ страхомъ большого наказанія, изучать испанскія и оставить всѣ арабскія духовныя книги. Имъ запрещалось читать и писать на родномъ языкѣ, и даже говорить на немъ въ своихъ собственныхъ домахъ. Ихъ церемоніи и самыя игры были строго запрещены. Имъ не позволялось забавляться, какъ забавлялись ихъ отцы, ни даже носить той одежды, съ которой они свыклись. Ихъ женщины должны были ходить съ открытымъ лицомъ; и какъ бани считались языческимъ обычаемъ, то всѣ публичныя бани были разрушены; не избѣгли этой участи даже бани въ частныхъ домахъ.

Такими мѣрами подстрекнули несчастный народъ къ возстанію, и въ 1568 году онъ рѣшился на отчаянную мѣру — съ своими силами стать противъ цѣлой испанской монархіи. Нечего было сомнѣваться въ результататѣ борьбы, однако мавры, взбѣшенные страданіями дрались отчаянно и протянули борьбу до 1571 года: тогда только возстаніе окончательно было подавлено. Этими безуспѣшными усиліями мавры много уменьшились въ числѣ, также уменьшились и средства ихъ къ сопротивленію, и въ продолженіе остальныхъ двадцати-семи лѣтъ царствованія Филиппа II, мы сравнительно слышимъ о нихъ очень мало. Несмотря на случайное извержение, старая вражда ослабѣвала и съ теченіемъ времени вѣроятно бы со-

Digitized by Google

всѣмъ начевла. Во всякомъ случаѣ не было предлога къ жестокости со стороны испанцевъ; было нелѣпо предполагать, что мавры совершенно ослабленные, покорные и разсѣянные по всему королевству, могли, еслибы даже и желали этого, предпринять что-нибудь противъ слишкомъ неравныхъ силъ, которыми располагало испанское правительство.

Но послѣ смерти Филиппа II началось движеніе, противоположное прочимъ націямъ, помогшее испанскому духовенству XVII вѣка забрать въ свои руки власть, гораздо большую той, какой они обладали въ XVI. Духовенство не считало рѣшительнымъ ударъ, нанесенный маврамъ Филиппомъ II. Оно рѣшилось ожидать новаго царствованія, чтобы этихъ христіанъ сомнительной искренности или совершенно истребить, или изгнать изъ Испаніи, такъ-какъ, пока Филиппъ II былъ на тронѣ, благоразуміе правительства сдерживало въ нѣкоторой степени пылкость духовенства, и король, слѣдуя совѣтамъ своихъ искусныхъ министровъ, отказалъ въ принятіи мѣръ, на которыхъ настаивало духовенство, хотя эти мѣры согласовались его собственнымъ убѣжденіемъ. При его наслѣдникѣ духовенство, какъ мы уже видѣли, приобрѣло новыя силы, и скоро почувствовало себя достаточно сильнымъ чтобы начать второй и послѣдній крестовый походъ противъ несчастныхъ остатковъ мавританскаго народа.

Первый открылъ поле дѣйствій архіепископъ Валенсіи. Этотъ важный прелатъ въ 1602 году представилъ Филиппу III первое свое прошеніе противу мавровъ, а найдя, что его виды братски поддерживаются духовенствомъ и правительство смотритъ на нихъ снисходительно, онъ внесъ еще новое прошеніе о томъ же предметѣ. Архіепископъ по своему рангу и положенію былъ естественнымъ представителемъ церкви и голосъ его могъ считаться авторитетомъ; онъ увѣрилъ короля, что всѣ безпорядки, случающіеся въ государствѣ, причиняются невѣрными маврами, которыхъ по этому случаю необходимо искоренить, какъ Давидъ уничтожилъ филистимлянъ, а Саулъ амалекитовъ. По словамъ архіепископа, армада, посланная Филиппомъ II противъ Англіи, была истреблена, потомучто Богъ не хотѣлъ дозволить совершиться благочестивому предпріятію въ то время, когда тѣ, которые предприняли его, имѣли у себя дома еще невстребленныхъ еретиковъ. По той же самой причинѣ была неудачна и послѣдняя экспедиція въ Алжиръ; ясна воля небесъ, что Испанія ни въ чемъ не будетъ имѣть удачи, пока въ ней проживаютъ вѣроотступники. Подобными доводами архіепископъ увѣщевалъ короля изгнать изъ Испаніи всѣхъ мавровъ. Впрочемъ онъ нѣсколько уступалъ и находилъ, что можно оставить нѣкоторыхъ.

Digitized by Google

Изъ этихъ послѣднихъ однихъ осудить въ работы на галерахъ, а другихъ, обратя въ рабство, послать работать въ американскіе рудники. Это, говорилъ архіепископъ, прославитъ въ потомствѣ царствованіе Филипа III, возвыситъ славу короля надъ его предшественниками, въ такомъ святомъ дѣлѣ пренебрегшими своей прямой обязанностію.

Такія увѣщанія, бывшія въ согласіи съ извѣстнымъ взглядомъ испанскаго духовенства, горячо поддерживались личнымъ вліяніемъ толедскаго архіепископа, примаса Испаніи. Въ одномъ только пунктѣ этотъ послѣдній расходился со взглядомъ, защищаемымъ архіепископомъ Валенсіи. Тотъ думалъ, что дѣтей моложе семи лѣтъ не слѣдуетъ подвергать изгнанію, взявъ отъ родителей, безъ вреда для вѣры, можно оставить въ Испаніи. Толедскій архіепископъ строго возражалъ на это: я не хочу, онъ говорилъ, рисковать, чтобы чистая христіанская кровь осквернилась смѣшеніемъ съ кровью невѣрныхъ; лучше разомъ умертвить всѣхъ невѣрныхъ безъ исключенія пола и возраста, чѣмъ оставлять хотя одного изъ нихъ заражать страну своимъ присутствіемъ.

Умертвить этихъ несчастныхъ вмѣсто того, чтобы изгнать ихъ, было желаніемъ могущественной партіи въ духовенствѣ. Эти господа думали, что такое страшное наказаніе принесетъ добрые плоды, поразивъ ужасомъ еретиковъ другихъ націй. Бледа, знаменитый доминиканецъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей своего времени, желалъ чтобы подобное дѣло было совершено не только въ Испаніи, но и вездѣ. Онъ говоритъ: ради примѣра необходимо перерѣзать горло каждому безъ исключенія мавру, ибо невозможно узнать который изъ нихъ истинный христіанинъ; пусть это останется на судъ Господа Бога: онъ знаетъ своихъ избранныхъ, и воздастъ въ будущемъ мірѣ тѣмъ изъ нихъ, кто былъ истиннымъ, а не притворнымъ католикомъ.

Очевидно, судьба несчастнаго остатка нѣкогда блистательной націи была рѣшена. Религіозная совѣстливость не позволяла Филипу III вступить въ борьбу съ духовенствомъ, а министръ его Лерма также не хотѣлъ рисковать своей властію, оказывая сопротивленіе. Въ 1609 году онъ объявилъ королю, что изгнаніе мавровъ стало крайне необходимо. «Рѣшеніе этого дѣла», отвѣчалъ Филипъ «есть великій шагъ, но пусть оно будетъ исполнено». И исполнили его съ страшнымъ варварствомъ. Около мильона людей самаго промышленнаго населенія Испаніи погнали какъ дикихъ животныхъ за то только, что вздумалось сомнѣваться въ искренности ихъ религіозныхъ убѣжденій. Многіе были убиты, многихъ били и грабили; большинство въ самомъ несчастномъ положеніи отправлено

Digitized by Google

на корабляхъ къ африканскому берегу. Во время пути команды многихъ кораблей нападали на несчастныхъ, рѣзали мужчинъ, насиловали женщинъ и бросали въ море дѣтей. Тѣ, которые избѣгли этой участи, выйдя на берегъ подверглись нападенію бедуиновъ и еще многіе изъ нихъ были убиты. Многіе бросились въ пустыню и погибли съ голоду. Сколько жизней принесено въ жертву варварству, мы не имѣемъ на это достаточныхъ свѣдѣній; извѣстно впрочемъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что въ одной партіи, гдѣ отправленныхъ въ Африку было до 140,000 человѣкъ, болѣе 100,000 приняли смерть въ разныхъ видахъ, спустя весьма малое время послѣ своего изгнанія изъ Испаніи.

Первое время духовенство вполнѣ торжествовало, ибо отъ Пиринеевъ до Гибралтарскаго пролива не было болѣе еретиковъ. Все было правовѣрно, все дышало вѣрностью. Каждый житель страны имѣлъ послушаніе къ духовенству и боялся короля. Всѣ вѣрили, что слѣдствіемъ этого счастливаго соединенія вѣроятно будетъ благосостояніе и величіе Испаніи, имя Филипа III сдѣлается безсмертнымъ, и потомство никогда не устанетъ удивляться героическому акту, которымъ послѣдніе остатки невѣрной породы выброшены изъ страны. Даже и тѣ, которые хотя слабо, но все же участвовали въ этомъ славномъ дѣлѣ, будутъ вознаграждены. Сами они и ихъ семейства будутъ всегда подъ покровительствомъ небесъ. Земля будетъ давать въ большемъ изобиліи свои плоды. Самые роды растительности измѣнятся, — вмѣсто терновника будутъ сосны, вмѣсто шиповника — миртъ. Настанетъ для Испаніи новая эра; страна будетъ наслаждаться покоемъ; люди, живя въ безопасности, будутъ спать подъ тѣнью своихъ собственныхъ виноградниковъ, воздѣлывать въ тишинѣ свои сады и ѣсть плоды съ тѣхъ деревьевъ, которыя сами насадили.

Вотъ какія обѣщанія сулило духовенство; народъ вѣрилъ имъ отъ души. Наше дѣло изслѣдовать, какъ далеко исполнились ожиданія и какія были слѣдствія акта, исторгнутаго духовенствомъ, привѣтствованнаго народомъ и одобряемаго многими людьми съ великими талантами.

Дѣйствіе изгнанія мавровъ на матерьяльное благосостояніе Испаніи можетъ быть опредѣлено нѣсколькими словами. Изъ большей части страны вдругъ удалены старательнѣйшіе земледѣльцы и искуснѣйшіе мастеровые. Лучшія системы земледѣлія, извѣстныя въ то время, были приняты и примѣнены маврами, которые пахали и орошали землю съ неутомимымъ прилежаніемъ. Обработка риса, хлопчатой бумаги и сахарнаго тростника, фабрикація шолка и бумаги производились почти исключительно ими одними. Изгнаніе ихъ на-

Digitized by Google

несло всей этой промышленности сильный ударъ; самыя лучшія ея отрасли исчезли и не возобновлялись уже никогда; испанцы-христіане считали подобныя дѣла унижающими ихъ достоинство; по ихъ понятіямъ не унижая своего достоинства можно было брать на себя или военное дѣло, или же трудиться для религіи. Сражаться за короля или вступить въ составъ духовенства считалось достойнымъ чести: всякій же другой родъ дѣятельности былъ низокъ и гнусенъ. Оттого, когда мавры были изгнаны изъ Испаніи, не нашлось людей способныхъ занять ихъ мѣсто; ремесла и мануфактуры — одни пришли въ упадокъ, другія совсѣмъ исчезли; огромное количество земли, прежде занятой маврами, оставалось невоздѣланнымъ. Нѣкоторыя богатѣйшія части провинцій Валенсіи и Гренады оставались до такой степени заброшенными, что не могли своими средствами прокормить даже весьма малое населеніе, здѣсь оставшееся послѣ изгнанія мавровъ. Нѣкоторые округа, оставленные жителями, не заселились даже и до сей поры. Эти пустыни дали убѣжище контрабандистамъ и разбойникамъ, которые поселились на мѣстахъ еще недавно процвѣтавшихъ при усиліяхъ своего промышленаго населенія. Извѣстно, что появленіе организованныхъ разбойничьихъ шаекъ считается отъ времени изгнанія мавровъ; съ этого времени разбойничьи шайки стали бичемъ Испаніи; онѣ сдѣлались до того сильны, что ни одно испанское правительство не въ состояніи было искоренить ихъ.

Къ этимъ бѣдственнымъ обстоятельствамъ прибавились другія, если возможно еще болѣе серьознаго рода. Побѣда, одержанная духовенствомъ, увеличила еще болѣе его власть и репутацію. Впродолженіе остальныхъ годовъ XVII столѣтія, интересы духовенства нетолько почитались выше интересовъ мірянъ, но объ интересахъ мірянъ не было даже и помышленія. Знатнѣйшіе люди съ немногими исключеніями вступали въ духовное званіе; всѣ мірскія дѣла, всѣ виды свѣтской политики были презрѣны и считались нулемъ. Никто не изслѣдовалъ, никто не сомнѣвался, никто не осмѣливался спросить — справедливо ли все это? Умы были повержены и пали во прахъ. Въ то время какъ другія страны шли впередъ, одна Испанія отступала назадъ. Каждая другая нація посредствомъ новыхъ открытій и изобрѣтеній увеличивала запасъ знаній. Испанія, оцѣпенѣлая, очарованная, погружонная въ мечты проклятымъ суевѣріемъ, пожирающимъ ея силы, представляла Европѣ единственный примѣръ постояннаго упадка. Для нея не оставалось надежды, и прежде еще окончанія XVII столѣтія уже сдѣлалось вопросомъ, съ которой стороны нанести окончательный ударъ этой обширной монархіи, опоясывавшей собою весь земной шаръ, ко-

Digitized by Google

торой обширныя остатки еще обманывали даже въ своемъ разрушеніи.

Едва ли возможно указать на всѣ различные результаты упадка Испаніи: объ этомъ предметѣ слишкомъ мало хорошихъ источниковъ; даже испанцы, стыдясь своего положенія, воздерживались описывать все что было исторіей ихъ собственнаго униженія; совсѣмъ нѣтъ подробнаго описанія несчастныхъ царствованій Филиппа IV и Карла II, заключившихъ въ себѣ періодъ почти въ шестьдесятъ лѣтъ. Однакоже я собралъ нѣкоторые весьма выразительные факты. Въ началѣ шестнадцатаго столѣтія народонаселеніе Мадрита доходило до 400000 человѣкъ, въ началѣ XVII оно упало до 200000. Севилья, одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Испаніи, имѣла въ XVI столѣтіи болѣе 16000 ткацкихъ становъ, дававшихъ занятіе 130000 работникамъ. Въ царствованіе Филиппа V этихъ становъ оставалось не болѣе 300, а въ рапортѣ, представленномъ кортесами въ 1662 году Филиппу IV, сказано, что населеніе города уменьшилось въ четыре раза, что даже виноградники и оливковыя деревья, обрабатывавшія въ его сосѣдствѣ и составлявшія значительную часть богатства народонаселенія почти совершенно запущены. Толедо, въ срединѣ XVI столѣтія имѣвшій болѣе пятидесяти шерстяныхъ фабрикъ, въ 1665 году имѣлъ ихъ только тринадцать; почти вся эта промышленность была какъ бы унесена съ собою маврами, возстановившими ее въ Тунисѣ; въ тоже самое время и разумѣется по тѣмъ же причинамъ въ Толедо почти совершенно брошены знаменитыя шолковыя фабрики, дававшія работу почти 4000 людей, которые чрезъ упадокъ этой промышленности лишились средствъ къ существованію. Другія отрасли промышленности подверглись той же участи. Въ XVI и началѣ XVII столѣтія Испанія славилась производствомъ перчатокъ, весьма цѣнимыхъ въ Англіи и Франціи, куда онѣ вывозились въ большомъ количествѣ; вывозъ перчатокъ былъ и въ обѣ Индіи. По словамъ Мартинецъ де-Мата, писавшаго въ 1655 году, въ его время эта отрасль промышленности почти совсѣмъ исчезла, хотя было время, когда она процвѣтала въ каждомъ городѣ Испаніи. Нѣкогда процвѣтавшая Кастильская провинція пришла въ совершенный упадокъ. Даже Сеговія уничтожила свои мануфактуры и держалась еще только памятью своего прежняго богатства. Упадокъ Бургоса былъ такой же быстрый; исчезла торговля этого знаменитаго города, пустынныя улицы и оставленные дома представляли печальную картину; современники, поражонные этимъ опустошеніемъ, рѣшили, что Бургосъ потерялъ все, кромѣ своего имени. Въ другихъ округахъ результаты были не менѣе пагубные. Прекрасныя провинціи юга, богато одаренныя природой, въ прежнія времена

Digitized by Google

столь богатыя, что ихъ податей было достаточно во времена бѣдствій для пополненія надобностей государственнаго казначейства, теперь упадали съ такой быстротой, что въ 1640 году правительство едва могло найти предметы производства, которые бы можно было обложить налогами. Въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія дѣла стали еще хуже: бѣдность и злополучіе народа превзошли всякое описаніе. Въ деревняхъ вблизи Мадрита жители буквально голодали; фермеры, имѣвшіе запасы хлѣба, отказывались продавать его: они знали, что можно имѣть у себя много денегъ и все же умереть съ голода отъ невозможности на деньги купить хлѣба. Бѣдствіе дошло до того, что столицѣ грозила опасность голодной смерти. Обыкновенныя угрозы не производили никакого дѣйствія, и въ 1664 году президентъ кастильской провинціи былъ принужденъ въ сопровожденіи вооружонной силы и публичнаго палача сдѣлать визитъ въ смежныя провинціи и принудить жителей везти свои произведенія на мадритскій рынокъ. Въ цѣлой Испаніи господствовало то же самое лишеніе. Эта нѣкогда богатая и благоденствующая страна была покрыта монахами и духовенствомъ, съ ненасытимымъ хищничествомъ поглощавшими и ту малую долю богатства, которая еще оставалась. Отсюда вышло, что правительство всегда было безъ денегъ, хотя сборы для казначейства производились съ необыкновенной строгостью. Сборщики податей, во избѣжаніе недочетовъ, употребляли самыя отчаянныя средства. Они нетолько описывали и обирали постели и всякую одежду, но даже снимали крыши съ домовъ и продавали ихъ. Жители принуждены были бѣжать, поля оставались необработанными, множество людей умирало вслѣдствіе лишеній, цѣлыя деревни оставлены и во многихъ городахъ болѣе двухъ третей домовъ совершенно разрушилось.

Среди этихъ бѣдствій потухли энергія и умъ испанской націи; во всѣхъ родахъ дѣятельности стало замѣтно отсутствіе жизни и способностей. Испанскія войска разбиты при Рокруа въ 1643 году; это пораженіе, по мнѣнію многихъ писателей, совершенно уничтожило военную репутацію Испаніи. Это впрочемъ былъ только одинъ изъ симптомовъ болѣзни. Въ 1656 году было предложено вооружить небольшой флотъ, но рыболовство (изъ людей занимающихся этой професіей обыкновенно набирались матросы) пришло въ такой упадокъ, что найдено невозможнымъ набрать достаточное число людей для службы даже на такомъ маломъ числѣ судовъ, какое тогда требовалось. Прежде сдѣланныя морскія карты были или потеряны или оставались въ пренебреженіи; невѣжество испанскихъ лоцмановъ пользовалось такой извѣстностью, что никто не хотѣлъ ввѣриться имъ. Что касается сухопутныхъ военныхъ силъ,

Digitized by Google

то большая часть войска оставила свои знамена, а меньшая часть, оставшаяся вѣрной своему долгу, была одѣта въ лохмотья, не получала жалованья и умирала съ голода. Нѣкогда могущественное государство стало почти беззащитно: пограничные города не были снабжены гарнизонами, укрѣпленія разрушались и разсыпались, запасные магазины безъ амуниціи, арсеналы пусты, мастерскія въ бездѣйствіи, даже и кораблестроительное искуство совершенно пропало.

Между тѣмъ какъ вся страна чахла, какъ бы одержимая смертельною болѣзнію, самыя ужасныя сцены совершались въ столицѣ предъ глазами короля. Жители Мадрита умирали съ голода: самопроизвольныя мѣры, принятыя для снабженія города хлѣбомъ, могли произвести только временное пособіе. Множество людей падало на улицахъ отъ истощенія и умирало тамъ, гдѣ падало; на большихъ дорогахъ часто попадались трупы. Свирѣпствовалъ голодъ и никто не имѣлъ средствъ накормить голодныхъ. Наконецъ народъ дошолъ до отчаянія, пересталъ повиноваться властямъ. Въ 1680 году нетолько рабочій класъ Мадрита, но и торговцы этого города организовали шайки, вламывались въ частные дома, грабили и убивали людей среди бѣлаго дня. Втеченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ XVII столѣтія, столица была въ состояніи полной анархіи. Общество было совершенно потрясено и казалось растворилось въ собственныхъ элементахъ. Употребляя выразительный современный языкъ, скажемъ: свобода и обузданіе были равно неизвѣстны. Обыкновенныя отправленія обязанностей исполнительнаго правительства были прерваны. Полицейскіе служители Мадрита никакъ не могли получить недоимокъ своего жалованья, разошлись и сами стали заниматься грабежомъ. Казалось уже не осталось никакихъ средствъ излечить болѣзнь. Казначейство безъ денегъ, и нѣтъ возможности достать ихъ. Бѣдность двора дошла до крайней степени: не хватало денегъ на уплату собственнымъ служителямъ короля и даже на суточныя издержки его хозяйства. Въ 1693 году уменьшено на цѣлую треть головое содержаніе всѣхъ военныхъ офицеровъ и гражданскихъ коронныхъ чиновниковъ. Однакоже ничто не могло остановить зла. Голодъ и бѣдность продолжали увеличиваться. Въ 1699 году Стангопъ, тогдашній британскій посланникъ въ Мадритѣ, писалъ, что не проходитъ почти дня безъ убійствъ при дракахъ за хлѣбъ; его секретарь самъ видѣлъ пять женщинъ, задушонныхъ до смерти въ толпѣ подлѣ пекарни. Къ увеличенію каталога бѣдствій въ столицу пришло изъ провинцій болѣе 20000 нищихъ и шаталось тутъ безъ всякаго дѣла.

Еслибы подобное положеніе вещей продолжалось и въ слѣдую-

щемъ поколѣніи, неминуемымъ слѣдствіемъ была бы анархія въ самой сильнѣйшей степени и совершенное разрушеніе всей общественной системы. Испанія опять бы впала въ варварство; спасти ее отъ такого бѣдствія могло только иностранное владычество, что она и испытала. Подобная перемѣна была необходима, только слѣдовало совершиться ей въ формѣ, не вполнѣ ненавистной для націи, ибо когда въ XVII столѣтіи Сеута была осаждена магометанами и испанское правительство не имѣло ни войскъ, ни корабдей, чтобы помочь осажденнымъ, величайшая боязнь распространилась въ странѣ за судьбу этой важной крѣпости: въ случаѣ ея паденія боялись, что Испанія опять наводнится невѣрными; дѣйствительно въ то время они не встрѣтили бы большого затрудненія въ борьбѣ съ народомъ, ослабленнымъ страданіями, полуголоднымъ и почти совершенно истомленнымъ.

Къ счастію для Испаніи въ 1700 году, когда дѣла были въ самомъ худшемъ положеніи, Карлъ II, король идіотъ, умеръ и она попала въ руки Филиппа V, внука Людовика XIV. Перемѣна австрійской династіи на Бурбоновъ принесла съ собой много другихъ перемѣнъ. Филиппъ, царствовавшій съ 1700 по 1746 годъ, былъ французъ нетолько по рожденію и воспитанію, но также по своимъ чувствамъ и обычаямъ. Людовикъ постоянно твердилъ ему, что если онъ взойдетъ на испанскій престолъ, то не забывалъ бы, что рожденъ во Франціи. Когда Филиппъ сдѣлался королемъ, онъ сталъ пренебрегать испанцами, презиралъ ихъ совѣты, отдалъ всѣ должности, которыми только могъ распоряжать, въ руки своихъ соотечественниковъ. Дѣла Испаніи стали управляться подданными Людовика XIV: французскій посланникъ въ Мадритѣ часто исполнялъ должность перваго министра Испаніи. Страна, нѣкогда самая могущественная монархія въ мірѣ, стала теперь французской провинціей; всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались въ Парижѣ, откуда самъ Филиппъ получалъ инструкціи.

Правда, Испанія разбитая и поверженная была не въ состояніи выставить способныхъ людей ни въ какомъ родѣ дѣятельности; для составленія правительства была рѣшительная необходимость призвать иностранцевъ. Даже въ 1682 году за восьмнадцать лѣтъ до восшествія на престолъ Филиппа V, между уроженцами страны нельзя было найти никого, хорошо знакомаго съ военнымъ дѣломъ, такъ что Карлъ II принужденъ былъ ввѣрить защиту испанскихъ Нидерландъ де-Грану, австрійскому посланнику въ Мадритѣ. Во время войны за испанское наслѣдство сами испанцы пожелали быть подъ командою иностранцевъ. Странный видъ представляла испанская армія въ 1704 году, водимая въ бой противъ непріятеля гер-

Digitized by Google

цогомъ Бервикомъ, англійскимъ генераломъ, бывшимъ въ то же время генералиссимусомъ испанской арміи. Испанскій король, недовольный Бервикомъ, удалилъ его, но не отдалъ вакантнаго мѣста природному испанцу, но просилъ генерала у Людовика XIV, а важный постъ главнокомандующаго испанской арміей ввѣренъ маршалу Тессе, французу. Нѣсколько позже Бервикъ опять былъ приглашенъ въ Мадритъ и поставленный во главѣ испанскихъ войскъ съ совершеннымъ успѣхомъ защищалъ Эстремадуру и Кастилію; въ сраженіи при Альманзѣ онъ поразилъ непріятелей и тѣмъ разстроилъ партію претендента Карла и помогъ утвержденію Филипа на тронѣ. Война еще продолжалась; Филипъ опять писалъ въ Парижъ о присылкѣ новаго генерала и просилъ назначить герцога Вандома. Этотъ способный военачальникъ тотчасъ по своемъ прибытіи внушилъ новую силу испанскому совѣту и совершенно разбилъ союзниковъ. Изъ этого видно, что война, утвердившая независимость Испаніи, обязана своимъ успѣхами способности иностранцевъ; эта война осязательно высказала, что въ Испаніи компаніи могли быть замышляемы и приводимы въ исполненіе не природными испанскими, а французскими и англійскими генералами.

Въ тоже самое время, т. е. къ концѣ XVII столѣтія, финансы Испаніи были въ весьма печальномъ положеніи; Порто-Каррера, бывшій при восшествіи на престолъ Филипа V номинально министромъ, изъявилъ мнѣніе, что для поправленія финансовъ управленіе ими надобно поручить кому-нибудь, присланному изъ Парижа. Онъ чувствовалъ, что никто въ Испаніи не въ состояніи взять на себя подобный трудъ. Это мнѣніе не было только личнымъ его мнѣніемъ; очень многіе сознавали тоже самое. Въ 1701 году Ловиль писалъ къ Торси, что если не будетъ присланъ изъ Парижа человѣкъ свѣдущій по финансовой части, то въ Испаніи некому будетъ поручить эту отрасль государственнаго управленія. Выборъ палъ на Орри, пріѣхавшаго въ Мадритъ лѣтомъ 1701 года. Орри нашолъ все въ самомъ бѣдственномъ состояніи; неспособность испанцевъ была такъ очевидна, что онъ принужденъ былъ взять на себя управленіе нетолько финансовой, но и военной частями; впрочемъ для приличія военнымъ министромъ назначенъ Кавалезъ, человѣкъ рѣшительно несвѣдущій въ дѣлахъ: на него возложены второстепенныя дѣла, настоящее же управленіе военнымъ министерствомъ осталось въ рукахъ самого Орри.

Власть въ рукахъ французовъ оставалась безъ перерыва до втораго брака Филипа V въ 1714 году и до смерти Людовика XIV въ 1715 году; оба событія ослабили французское вліяніе и на время почти уничтожили его. Власть, потерянная французами, передалась не испан-

цамъ, но другимъ иностранцамъ. Между 1714 и 1726 годами, власть была въ рукахъ сперва Альбертини, итальянца, а потомъ Риперда, голландца. Риперда отставленъ въ 1726 году; послѣ его паденія дѣлами Испаніи управлялъ Кенигсекъ, нѣмецъ, бывшій австрійскимъ посланникомъ въ Мадритѣ. Даже Гримальди, занимавшій должность прежде и послѣ отставки Риперда, былъ ученикъ французской школы, школы Орри. Ни случайность, ни капризы двора не были причиной управленія иностранцевъ. Въ Испаніи національный геній умеръ: между туземцами рѣшительно не было способныхъ людей; только иностранцы, или люди воспитанные иностранными идеями были въ состояніи занимать государственныя мѣста. Выше я уже привелъ доказательства этого мнѣнія; здѣсь приведу еще два свидѣтельства. Ноэль, весьма безпристрастный писатель, нисколько не предубѣжденный противъ испанцевъ, писалъ въ 1710 году: «Испанцами, не смотря на ихъ вѣрность, трудно управлять, такъ какъ они ничего не смыслятъ ни въ войнѣ, ни въ политикѣ.» Въ 1711 году Боннакъ упоминаетъ, что въ Испаніи рѣшено не давать туземцамъ главнаго управленія ходомъ дѣлъ, потомучто всѣ испанцы, доселѣ бывшіе во главѣ управленія, были или неспособны, или невѣрны царствующей династіи.

Управленіе Испаніею, взятое изъ рукъ испанцевъ, стало показывать признаки силы. Перемѣна впрочемъ была незначительная; она не могла возродить Испаніи. Паденіе Испаніи произошло отъ неблагопріятнаго дѣйствія общихъ причинъ. Однако перемѣна причинила нѣкоторую долю добра. Въ первое же время сдѣланы попытки защитить права мірянъ и уменьшить власть духовенства. Едва только французы стали во главѣ управленія, какъ принудили духовенство отдать для удовлетворенія надобностей правительства небольшую часть громаднаго богатства, накопленнаго ими при церквахъ и монастыряхъ. Даже Людовикъ XIV настоялъ, чтобы значительная должность президента Кастиліи не была отдаваема духовному лицу, ибо, замѣтилъ король, въ Испаніи монахи и прочее духовенство и безъ того имѣютъ слишкомъ много власти. Орри, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обладавшій огромнымъ авторитетомъ, употреблялъ все свое вліяніе для уменьшенія власти духовенства. Онъ старался уменьшить льготы, которыми пользовалось духовенство относительно обложенія податей и увольненія ихъ отъ подвѣдомства свѣтской власти. Онъ рѣшился противиться привилегіи убѣжища, онъ посягнулъ отнять у церквей ихъ право убѣжища. Онъ даже аттаковалъ инквизицію и дѣйствовалъ съ такимъ искуствомъ на умъ короля, что Филипъ одно время рѣшался распустить этотъ страшный трибуналъ и уничтожить должность великаго инквизито-

Digitized by Google

ра. Это намѣреніе впрочемъ было скоро забыто; но даже еслибы его вздумали привести въ исполненіе, то въ то время навѣрное встрѣтили бы сопротивленіе въ народѣ, произвели возмущеніе и Филипъ могъ потерять корону; затѣмъ послѣдовавшая реакція вѣроятно сдѣлала бы власть духовенства еще болѣе могущественной, чѣмъ когда-нибудь прежде. Однако же многое было сдѣлано для Испаніи вопреки желанію самихъ испанцевъ. Въ 1707 году принудили духовенство внести правительству небольшую часть ихъ богатствъ; налогъ былъ прикрытъ именемъ займа. Десять лѣтъ позже, во время управленія Альберони, правительство уже не имѣло надобности называть вещи не своими именами и нетолько потребовало, чтобы налогъ былъ названъ *податью съ духовенства*, но еще арестовало, или изгнало изъ отечества духовныхъ лицъ, отказывавшихся платить подать, основываясь на привилегіяхъ своего сословія. Это былъ слишкомъ смѣлый шагъ, — на него не отважился бы ни одинъ испанецъ того времени. Альберони, какъ иностранецъ, незнакомый съ преданіями страны, часто презиралъ ихъ. Мадритское правительство, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, никогда не входило въ сношенія съ невѣрными, считая невѣрными всѣ тѣ народы, религіозныя мнѣнія которыхъ различались отъ ихъ собственныхъ. Иногда подобныя сношенія были неминуемы; къ нимъ приступали со страхомъ и трепетомъ, боялись, чтобы чистота испанской вѣры не повредилась чрезъ слишкомъ близкое соприкосновеніе съ невѣрными. Предубѣжденіе оставалось въ полной силѣ даже въ то время, когда въ 1698 году монархія была при послѣднемъ издыханіи; когда казалось ничто не могло спасти ее отъ рукъ хищниковъ, даже и тогда испанцы отказались получить помощь отъ голландцевъ, потому только, что голландцы еретики. Въ это время Голландія находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ Англіей. Оба государства, наблюдая свои выгоды, были рады отстаивать независимость Испаніи отъ притязаній Франціи. Они предложили свои услуги. Испанское правительство просило совѣта у теологовъ, слѣдуетъ ли принять предложеніе голландцевъ; мудрые мужи отвѣчали, что нельзя допустить подобнаго предложенія, ибо это дастъ голландцамъ возможность распространять свои религіозныя убѣжденія. Отсюда ясно, что по понятіямъ испанскаго духовенства, лучше быть порабощенными католическимъ врагомъ, чѣмъ получить помощь отъ протестантскаго друга.

Испанцы сильно ненавидѣли протестантовъ, еще болѣе магометанъ. Они никогда не могли забыть, что послѣдователи магометанской религіи нѣкогда завоевали почти цѣлую Испанію, нѣсколь-

Digitized by Google

ко столѣтій владѣли лучшей ея частью. Воспоминаніе объ этомъ усиливало ихъ религіозную вражду и заставляло вмѣшиваться почти въ каждую войну, веденную противъ магометанъ Турціи и Африки. Но Альберони, будучи иностранцемъ, не трогаясь подобными причинами, къ удивленію всей Испаніи, отбросивъ въ сторону принципы церкви единственно по видамъ политики, не только заключилъ союзъ съ магометанами, но еще снабдилъ ихъ оружіемъ и деньгами. Въ этой и подобныхъ мѣрахъ Альберони расходился съ народными желаніями. Политика этого министра была частію великаго свѣтскаго анти-теологическаго движенія впродолженіе XVIII столѣтій, ощутаемаго по всей Европѣ. Дѣйствія этого движенія были замѣтны въ испанскомъ правительствѣ, но не въ народѣ, потомучто высшее правительство въ Испаніи многіе годы составляли иностранцы или туземцы, воспитанные иностранными идеями. Оттого мы находимъ, что въ Испаніи почти во все XVIII столѣтіе политики составляютъ класъ совершенно уединенный, если я могу такъ выразиться, болѣе живущій своими собственными умственными средствами, чѣмъ политики въ тотъ же періодъ времени въ другихъ странахъ Европы. Что это означаетъ болѣзненное состояніе націи, и что никакая политическая реформа не можетъ произвести истиннаго блага пока самъ народъ не пожелаетъ принять ее, то все это истины извѣстныя всякому, кто слѣдилъ съ настоящей точки зрѣнія за историческими событіями. Каковы были результаты дѣйствія политиковъ въ Испаніи мы скоро увидимъ. Теперь же необходимо дать еще нѣсколько доказательствъ тому, до какой степени вліяніе духовенства уничтожало національное развитіе, убивало всякое изслѣдованіе, оковывало всякую свободу мыслей, наконецъ привело Испанію въ такое состояніе, что способности испанцевъ, притупленныя отъ неупотребленія, стали не въ состояніи выполнять свое назначеніе, такъ что для каждаго рода дѣятельности: политической, умозрительной философіи или даже механической промышленности сдѣлалось необходимымъ призывать иностранцевъ, которые бы взяли на себя работу, ибо туземцы не въ состояніи были выполнить ее.

Невѣжество, въ которое силой обстоятельствъ были погружены испанцы, ихъ бездѣйствіе, какъ тѣлесное, такъ и умственное могло бы показаться невѣроятнымъ, еслибы не было засвидѣтельствовано множествомъ очевидныхъ доказательствъ. Грамонъ, лично знакомый съ положеніемъ Испаніи въ послѣднюю половину XVII столѣтія, описываетъ высшіе класы состоящими изъ людей не только незнакомыхъ съ наукой и литературой, но даже едва знающихъ самыя обыкновенныя событія своего отечества; низшіе

Digitized by Google

класы лѣнивы, жнутъ пшеницу, косятъ сѣно и даже строятъ дома все руками иностранныхъ рабочихъ. По словамъ другого писателя, наблюдавшаго мадритское общество въ 1679 году, даже самые знатные люди не считали необходимостью давать образованіе своимъ дѣтямъ. Впрочемъ во многихъ случаяхъ и негдѣ было дать его: такъ напримѣръ предназначавшіеся въ военную службу не могли изучать математику, хотя бы и желали этого, ибо не было ни школъ, гдѣ преподавалась бы математика, ни учителей, преподающихъ эту науку. Книги всѣ кромѣ духовныхъ почитались совершенно безполезными: никто не читалъ ихъ, никто не собиралъ и до XVIII столѣтія Мадритъ не имѣлъ самой обыкновенной публичной библіотеки. Въ другихъ городахъ, имѣющихъ учебныя заведенія, господствовало подобное же невѣжество. Не находимъ процвѣтанія наукъ и въ Саламанкѣ, обладавшей самымъ древнимъ и самымъ знаменитымъ университетомъ въ Испаніи. Де-Торресъ, испанецъ, обучавшійся въ Саламанкѣ вначалѣ XVIII вѣка, пишетъ: «я учился въ этомъ университетѣ пять лѣтъ и только случайно услыхалъ, что существуютъ на свѣтѣ математическія науки. Даже въ 1771 году этотъ университетъ публично отказался признать открытія Ньютона по той причинѣ, что система Ньютона не такъ согласна съ религіознымъ ученіемъ, какъ система Аристотеля. Во всей Испаніи были въ ходу подобныя идеи: вездѣ науки были въ пренебреженіи, изслѣдованіе не допускалось. Фенджоо, несмотря на свое суевѣріе и раболѣпіе ума, общее всѣмъ испанцамъ того вѣка, желавшій просвѣщенія своихъ соотечественниковъ, выражаетъ свое мнѣніе объ изученіи философіи въ Испаніи такимъ образомъ: каждый кто учился тому что въ Испаніи называлось философіей, по окончаніи ученія, въ награду за свой трудъ дѣлался еще большимъ невѣждой, чѣмъ былъ до начала ученія. Нельзя сомнѣваться въ справедливости его словъ. Нельзя сомнѣваться, что въ Испаніи чѣмъ болѣе кто учился, тѣмъ менѣе зналъ: его учили, что изслѣдованіе дѣло грѣховное, что умъ слѣдуетъ обуздывать, а слѣпая вѣра и покорность главнѣйшія изъ человѣческихъ добродѣтелей. Герцогъ Сенъ-Симонъ, въ 1721 и 1722 бывшій посланникомъ въ Мадритѣ, замѣтилъ, что въ Испаніи наука считается преступленіемъ, а невѣжество добродѣтелью. Пятьдесятъ лѣтъ спустя другой остроумный наблюдатель, англійскій путешественникъ Суинбернъ, пораженный удивленіемъ при взглядѣ на умственное состояніе испанской націи, дѣлаетъ весьма строгій и рѣшительный приговоръ; желая выразить свою мысль о всеобщемъ мракѣ въ Испаніи, онъ говоритъ: англійскій джентльменъ самаго обыкновеннаго воспитанія былъ бы ученѣйшимъ человѣкомъ въ Испаніи.

Digitized by Google

Тѣ, которые знаютъ каково было самое обыкновенное воспитаніе англійскаго джентльмена восемдесятъ лѣтъ тому назадъ, оцѣнятъ силу этого сравненія и поймутъ на какомъ низкомъ уровнѣ умственнаго развитія стояла страна, если къ ней вполнѣ примѣнялась подобная насмѣшка. Невозможно было ожидать, чтобы при подобномъ порядкѣ вещей испанцы могли сдѣлать какія-нибудь открытія, ускоряющія развитіе націй; они даже не хотѣли принимать открытій, сдѣланныхъ другими народами. Народъ, до такой степени суевѣрный какъ испанцы, не любитъ и боится новизны: онъ предпочитаетъ старыя мнѣнія. Испанцы желали идти путемъ своихъ предковъ, и слѣдовательно не желали, чтобы смущали ихъ вѣру въ прошедшее. Въ неорганическомъ мірѣ величественныя открытія Ньютона были оскорбительно отвергнуты, а въ органическомъ кругообращеніе (циркуляція) крови отвергалось даже чрезъ сто пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Гарвей доказалъ эту истину. Эти открытія были новизной, а потому лучше было не принимать ихъ такъ поспѣшно, а подождать немного. На томъ же основаніи, когда какой-то смѣльчакъ предложилъ въ 1760 году проектъ о необходимости очищать отъ сору и грязи улицы Мадрита, то такая смѣлость возбудила общій гнѣвъ. Порицаніе слышалось нетолько отъ черни, но и отъ тѣхъ людей, которые считались образованными. Правительство пожелало, чтобы медики, какъ хранители народнаго здоровья, выразили свое мнѣніе. Они долго не затруднялись, они не сомнѣвались, что соръ на улицахъ долженъ оставаться. Очищеніе отъ сору улицъ было новостью, а новостямъ нельзя было предвидѣть конца. Ихъ отцы жили среди сора, почему же не жить и имъ? Ихъ отцы были мудрые люди, они знали что они дѣлали,—не пришла же имъ мысль вывозить соръ. Даже вонь, на которую многіе жаловались, по мнѣнію испанскихъ врачей была здорова, ибо по причинѣ проницаемости воздуха совершенно вѣроятно, что вонь, подымаясь вверхъ, дѣлаетъ атмосферу болѣе пасмурной, а потому отнимала у нея нѣкоторыя вредныя свойства. Отсюда видно, что по мнѣнію мадритскихъ докторовъ, лучше было оставить дѣло въ такомъ положеніи, въ какомъ оно было при ихъ предкахъ, и что не надо болѣе дѣлать покушенія представлять проекты о необходимости очищенія нечистотъ, вездѣ разбросанныхъ по городу.

Если такія мнѣнія господствовали относительно сохраненія здоровья, трудно предполагать, чтобы и способы леченія болѣзней были успѣшны. Кровопусканія и слабительныя были единственными лекарствами, предписываемыми испанскими врачами. Ихъ невѣжество относительно самыхъ обыкновенныхъ отправленій человѣческаго тѣла изумительно; оно можетъ объясняться только

Digitized by Google

тѣмъ предположеніемъ, что въ медицинѣ, какъ и въ другихъ отрасляхъ, испанцы XVIII вѣка знали не болѣе, чѣмъ ихъ предки въ XVI. Въ самомъ дѣлѣ въ нѣкоторомъ отношеніи они знали еще менѣе: ихъ пользованіе было такъ искусно, что по большей части самое леченіе причиняло больному смерть. Ихъ собственный король Филиппъ V не рѣшался отдаться въ руки туземныхъ врачей и предпочелъ имѣть своимъ докторомъ ирландца, хотя ирландцы и не имѣли блистательной репутаціи по части медицины, но все же лучше было взять какого-нибудь доктора, лишь бы не испанскаго: послѣдній никуда не годился. Медицина и хирургія въ Испаніи далеко отстали; инструменты дѣлались грубо, лекарства приготовлялись худо. Фармація была неизвѣстна; аптеки въ самихъ большихъ городахъ наполнялись продуктами, приготовленными въ чужихъ краяхъ, а въ маленькихъ и въ округахъ, удаленныхъ отъ столицы, лекарства были такого сомнительнаго качества, что лучшими изъ нихъ надобно было считать тѣ, которые не принося никакой пользы, покрайней-мѣрѣ не дѣлали вреда. Въ срединѣ XVIII столѣтія въ Испаніи не было ни одного опытнаго аптекаря. Кампоманесъ увѣряетъ насъ, что въ 1776 году въ Испаніи между аптекарями нельзя было найти ни одного, который умѣлъ бы приготовлять самыя обыкновенныя лекарства, какъ-то: магнезію, глауберову соль и употребительнѣйшіе препараты изъ меркурія и сулемы. Однако же этотъ превосходный государственный человѣкъ прибавляетъ, что въ Мадритѣ уже заняты мыслію объ учрежденіи химической лабораторіи, и хотя на предпріятіе это вообще смотрятъ какъ на зловѣщую новость, однако онъ надѣется, что когда это предпріятіе приведется въ исполненіе, нѣсколько излечится всеобщее невѣжество его соотечественниковъ.

Все что было полезно на практикѣ, или все полезное для цѣлей науки приходило изъ-за границы. Энсенадо, хорошо извѣстный министръ Фердинанда VI, былъ устрашонъ невѣжествомъ и апатіей націи, которую онъ пытался, но пытался тщетно двинуть впередъ. Когда онъ стоялъ во главѣ правительства въ срединѣ XVIII столѣтія, онъ публично объявлялъ, что въ Испаніи нѣтъ професоровъ, ни права, ни физики, ни ботаники, ни анатоміи; далѣе онъ говоритъ, что въ Испаніи нѣтъ хорошихъ географическихъ картъ и нѣтъ людей, которые бы были въ состояніи начертить ихъ. Всѣ карты, которыя они имѣли, получались ими изъ Франціи и Голандіи; эти карты были весьма неакуратно составлены, но испанцы, не умѣя сдѣлать никакихъ, довольствовались ими. Еслибы въ Испанію не пріѣзжали для работъ французы и голандцы,

Digitized by Google

никто въ Испаніи не могъ бы узнать положенія своихъ собственныхъ городовъ, ни разстоянія одного города отъ другого.

Единственнымъ средствомъ уменьшить зло была помощь иностранцевъ. Испанія управлялась теперь иностранной династіей и помощь была призвана. Серви основалъ медицинскія общества въ Мадритѣ и Севильи; Виржили основалъ хирургическую колегію. Въ Кадиксѣ Баульсъ попытался утвердить изученіе минералогіи. Стали искать повсюду професоровъ, обратились къ Линнею, прося его прислать изъ Швеціи человѣка, который бы могъ преподавать студентамъ ботанику. Многія другія подобныя мѣры были приняты правительствомъ, неутомимыя усилія котораго заслуживали бы нашей похвалы, еслибы мы не знали какъ невозможно для какого бы то ни было правительства просвѣтить націю, если сама нація не желаетъ идти къ усовершенствованію. Не будетъ истиннаго прогреса, пока прогресъ не явится самопроизвольно. Движеніе тогда только будетъ дѣйствительнымъ, когда произойдетъ извнутри, а не извнѣ; оно должно исходить отъ общихъ причинъ, дѣйствующихъ въ цѣлой странѣ, а не отъ личной воли нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ. Впродолженіе XVIII столѣтія, всѣ средства къ усовершенствованію съ избыткомъ были предложены испанцамъ, но испанцы не усовершенствовались. Они были довольны самі собой, они вѣрили въ правильность своихъ собственныхъ убѣжденій, они гордились убѣжденіями, ими наслѣдованными, и ни въ какомъ случаѣ не хотѣли измѣнить имъ. Будучи не въ состояніи сомнѣваться, они не имѣли надобности изслѣдовать. Новыя истины, выраженныя самымъ яснымъ и увлекательнымъ языкомъ, не могли произвести никакого дѣйствія на людей съ огрубѣлымъ и раболѣпнымъ умомъ. Несчастное соединеніе событій, работая безпрерывно втеченіе пяти столѣтій, дало извѣстное направленіе національному характеру, противу котораго ни короли, ни политики, ни законодатели ничего не могли сдѣлать. XVII столѣтіе окончательно довершило все. Въ этотъ вѣкъ испанская нація впала въ сонъ; такой крѣпкій, что она какъ нація, съ той поры никогда не пробуждалась. Это былъ сонъ не покоя, но смерти. Это былъ сонъ, гдѣ способности не отдыхаютъ, но парализированы, гдѣ всеобщее равнодушіе и оцѣпенѣніе наслѣдовали той славной, хотя отдѣльной дѣятельности, сдѣлавшей на время имя Испаніи страшнымъ въ цѣломъ свѣтѣ, обезпечившей ей уваженіе даже отъ самыхъ опасныхъ ея враговъ.

Даже изящныя искуства, въ которыхъ Испанія нѣкогда превосходила другія націи, участвовали въ общемъ перерожденіи, и согласно признанію самихъ испанскихъ авторовъ, пришли въ совершенный упадокъ. Искуства, которыми охраняется національная

Digitized by Google

безопасность, были въ томъ же положеніи, какъ искусства служащія для услажденія ума. Въ Испаніи никто не умѣлъ построить корабль, никто не зналъ какъ оснастить его, если онъ былъ построенъ. Въ концѣ XVII столѣтія немногіе корабли, еще остававшіеся въ Испаніи, были такъ гнилы, говоритъ Рio, что едвали могли выдержать выстрѣлы своихъ собственныхъ орудій. Въ 1752 году правительство, рѣшившись возобновить флотъ, нашло необходимымъ послать въ Англію за корабельными инженерами, а эти послѣдніе съ своей стороны обязаны были найти въ Англіи уже людей, дѣлающихъ снасти и паруса; на искуство туземцевъ нечего было надѣяться, его вовсе не было. Искуствомъ и рвеніемъ министровъ короны, поставленныхъ неспособностію націи въ весьма затруднительное положеніе, былъ сооруженъ флотъ, какого не видали въ Испаніи болѣе столѣтія. Министерство приняло также и другія мѣры для приведенія въ удовлетворительное состояніе средствъ національной защиты: впрочемъ вездѣ оно принуждено было прибѣгать къ помощи иностранцевъ. Военныя сухопутная и морская части были въ совершенномъ разстройствѣ: ихъ приходилось организовать снизнова. Пѣхота была дисциплинирована О'Рейли, ирландцемъ, которому былъ также ввѣренъ надзоръ и за военными школами Испаніи. Въ Кадиксѣ основана морская академія, завѣдываніе ею поручено полковнику Годеню, французу. Артилерія, какъ и все прочее, ставшая почти негодною къ употребленію, исправлена Маритцемъ, французомъ. Итальянецъ Газолла оказалъ туже услугу для арсеналовъ.

Разработка рудниковъ, составляющихъ одинъ изъ самыхъ главнѣйшихъ естественныхъ источниковъ богатства Испаніи, также пострадала отъ невѣжества и апатіи, въ которыя силою обстоятельствъ погрузилась испанская нація. Рудники были или совсѣмъ оставлены, или если разрабатывались, то иностранцами. Знаменитая кобольтовая руда, залегающая въ долинѣ Гисто въ Арагоніи, была совершенно въ рукахъ нѣмцевъ, которые разработывая ее въ продолженіе первой половины XVIII столѣтія, получили огромные барыши. Точно также серебряные рудники Гвадальканалы, богатѣйшіе въ Испаніи, были взяты для разработки не туземцами, а иностранцами. Хотя эти рудники открыты въ XVI столѣтіи, они также какъ и многое другое не менѣе важное, оставались заброшенными и вновь опять открыты въ 1728 году англійскими искателями приключеній; предпріятіе, инструменты, капиталъ, даже рудокопы, все пришло изъ Англіи. Но самыми замѣчательными рудниками въ Испаніи, были ртутныя руды въ Альмаденѣ и Ла-Манчѣ, производящія ртуть въ большомъ количествѣ и отличнаго качества. Этотъ

Digitized by Google

металъ, вообще полезный и необходимый, имѣлъ еще особенную цѣну для Испаніи, ибо безъ него золото и серебро новаго свѣта не могли быть извлекаемы изъ рудъ. Въ Альмаденѣ, гдѣ самое расположеніе руды способствовало легкости добыванія метала, гдѣ киноварь, изъ которой извлекалась ртуть, находится въ громаднѣйшемъ количествѣ, гдѣ нѣкогда производились обширныя разработки, — въ описываемое нами время добываніе метала значительно уменьшилось, хотя требованіе, преимущественно изъ-за границы, постоянно увеличивалось. Уменьшеніе добыванія ртути устрашило испанское правительство, которое боясь, что этотъ важный источникъ народнаго богатства совсѣмъ пропадетъ, рѣшилось наконецъ сдѣлать на мѣстѣ производства изслѣдованіе способовъ обработки. А такъ какъ изъ испанцевъ не было никого, обладающаго знаніями, необходимыми для подобнаго изслѣдованія, то совѣтники коровы принуждены были призвать для этого дѣла иностранца. Въ 1752 году ирландскій натуралистъ Баульсъ получилъ порученіе посѣтить Альмаденъ и узнать на мѣстѣ причину уменьшенія добыванія ртути. Онъ нашолъ что землекопы еще сохранили обычай копать шахты перпендикулярно, вмѣсто того, чтобы слѣдовать направленію жилъ. При такомъ нелѣпомъ способѣ производства естественно нельзя ожидать успѣха, а потому Баульсъ донесъ правительству, что если будутъ копать шахты косвенно, руды опять сдѣлаются производительными. Правительство одобрило представленіе Баульса и приказало привести его въ дѣйствіе. Но рабочіе въ рудахъ, какъ истые испанцы, слишкомъ упорно держались старыхъ обычаемъ, чтобы рѣшиться измѣнить ихъ. Они копали свои шахты въ томъ же направленіи, въ какомъ копали ихъ отцы, а все что дѣлали ихъ отцы было хорошо. Пришлось отобрать отъ нихъ рудники, и такъ какъ въ Испаніи вездѣ работники были на одну стать, то правительство принуждено было вызвать рабочихъ изъ Германіи. Съ ихъ прибытіемъ дѣло быстро улучшилось. Руды, состоя подъ надзоромъ ирландца, обработываемыя нѣмцами, приняли совсѣмъ другой видъ и не смотря на препятствія, которымъ всегда подвергаются новые пришельцы, неминуемымъ слѣдствіемъ перемѣны было удвоенное производство ртути и цѣнность ея соотвѣтственно понизилась.

Такое невѣжество, проникшее всю націю и распространившееся по всѣмъ родамъ дѣятельности едва постижимо, особенно если принять во вниманіе огромныя преимущества, которыми нѣкогда обладали испанцы. Особенно поразительно это невѣжество, если противопоставить его искуству правительства, болѣе восмидесяти лѣтъ неутомимо работавшаго для улучшенія положенія страны. Въ началѣ XVIII столѣтія Риппердъ, въ надеждѣ поощрить испанскую про-

Digitized by Google

мышленность, учредилъ огромныя шерстяныя фабрики въ Сеговіи, нѣкогда дѣятельномъ и благоденствующемъ городѣ. Но самые простѣйшіе процесы обработки были забыты, и министръ принужденъ былъ вызвать фабрикантовъ изъ Голандіи, дабы они учили испанцевъ что надо дѣлать съ шерстью, хотя это искуство процвѣтало здѣсь въ лучшія времена Испаніи. Въ 1757 году Уоль построилъ еще въ большемъ масштабѣ подобную фабрику въ Гвадалайярѣ въ Новой Кастиліи. Скоро на фабрикѣ въ машинѣ произошла небольшая порча; въ Испаніи не нашлось человѣка, знающаго механику; послали въ Англію за мастеромъ и онъ поправилъ машину. Наконецъ совѣтники Карла III, отчаявшись разбудить народъ обыкновенными средствами, затѣяли болѣе обширный планъ, пригласили поселиться въ Испаніи тысячи иностранныхъ ремесленниковъ, надѣясь, что ихъ примѣръ и нечаянность ихъ появленія можетъ усилить эту упадшую духомъ націю. Все было тщетно. Упалъ духъ націи и ничто не могло поднять его. Между другими попытками, сдѣланными правительствомъ, любимой идеей политиковъ было учрежденіе національнаго банка: многаго ожидали отъ распространенія кредита — ждали, что онъ побудитъ къ дѣятельности. Банкъ былъ учрежденъ и далеко не достигъ своей цѣли. Когда народъ непредпріимчивъ, никакія усилія правительства не могутъ сдѣлать его такимъ. Въ странѣ, какъ Испанія, большой банкъ сходенъ съ экзотическимъ растеніемъ, перенесеннымъ въ несвойственный ему климатъ, гдѣ оно хотя и можетъ жить, но только жизнью искуственной. Самая идея о банкѣ возникла между иностранцами: — первую мысль подалъ голандецъ Риппердъ, а окончательный проектъ представленъ французомъ Кабаррю.

Во всемъ прочемъ господствовалъ тотъ же законъ. Искуснѣйшими дипломатами въ Испаніи были не испанцы, а иностранцы. Впродолженіи XVIII столѣтія странное зрѣлище представляла Испанія, давая посты своихъ пословъ въ иностранныхъ государствахъ французамъ, итальянцамъ и даже ирландцамъ. Ничего не было туземнаго, ничего не дѣлалось самими испанцами. Филипъ V, царствовавшій съ 1700 по 1746 годъ, пользовавшійся огромной властью, всегда держался убѣжденій своего собственнаго отечества и оставался французомъ до конца своей жизни. Втеченіи тридцати лѣтъ послѣ его смерти, три самыя выдающіяся имена въ испанской политикѣ были: Уоль, родившійся во Франціи отъ ирландскихъ родителей, Гримальди родомъ изъ Генуи, и Эскильяшъ изъ Сициліи. Эскильяшъ многіе годы управлялъ испанскими финансами и пользовался такимъ довѣріемъ Карла III, какимъ рѣдко пользуется министръ; онъ былъ уволенъ въ 1766 году по случаю явнаго неудо-

Digitized by Google

вольствія на него народа за нововведенія. Уголь еще болѣе замѣчательный человѣкъ; по отсутствію въ Испаніи дипломатовъ тузенцевъ, отправленъ посланникомъ въ Лондонъ въ 1747 году, гдѣ отлично дѣйствовалъ на пользу Испаніи и въ 1754 году помѣщенъ во главѣ правительственныхъ дѣлъ, гдѣ и оставался до 1763 года. Мѣсто знаменитаго ирландца занялъ генуэзецъ Гримальди, управлявшій Испаніей отъ 1763 по 1777 годъ и во все время своего управленія преданный видамъ французской политики. Въ своемъ управленіи онъ всегда руководствовался совѣтами Шуазеля. Шуазель всегда хвасталъ, конечно преувеличивая, но не безъ нѣкоторой доли правды, что его вліяніе въ Мадритѣ было даже сильнѣе, чѣмъ въ Версали.

Какъ бы тамъ ни было, но только чрезъ четыре года по вступленіи Гримальди въ управленіе, вліяніе Франціи выказалось весьма замѣтнымъ образомъ. Шуазель, ненавидѣвшій и изгнавшій езуитовъ изъ Франціи, попытался изгнать ихъ также изъ Испаніи. Исполненіе плана было поручено Аранда, испанцу по рожденію, воспитанному во Франціи. Онъ въ парижскомъ обществѣ научился сильно ненавидѣть духовную власть, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Планъ, секретно приготовленный, искусно приведенъ въ исполненіе. Въ 1767 году правительство, не выслушавъ что скажутъ езуиты въ свою защиту, даже не предувѣдомивъ, внезапно предписало ихъ изгнаніе. Ихъ загнали изъ страны, гдѣ они возросли, гдѣ долго пользовались любовью. И это дѣлали съ такой злобой, что нетолько конфисковали имущества, чѣмъ привели ихъ въ самое бѣдственное положеніе, но даже требовали, чтобы они ничего не смѣли издавать въ свою защиту; между тѣмъ было объявлено, что всякій испанскій подданный, осмѣлившійся писать въ защиту езуитовъ, будетъ казненъ смертію, какъ виновный въ государственной измѣнѣ.

Такая смѣлость правительства причинила страхъ даже самой инквизиціи. Этотъ нѣкогда могущественный трибуналъ, устрашонный гражданскими властями, сталъ болѣе остороженъ въ своихъ дѣйствіяхъ и болѣе мягокъ въ обращеніи съ еретиками. Инквизиція уже не рѣшалась истреблять невѣрныхъ сотнями и тысячами, сдѣлалась сострадательна и между 1746 и 1759 годами сожгла всего десять человѣкъ, а между 1759 и 1788 годами только четырехъ. Чрезвычайное уменьшеніе казней впродолженіи послѣдняго періода надо приписать тому, что въ это время власть находилась въ рукахъ Аранда, друга энциклопедистовъ и другихъ французскихъ скептиковъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ президентомъ Кастиліи до 1773 года; онъ издалъ приказаніе, запрещавшее инквизиціи вмѣ-

Digitized by Google

шаться въ гражданскіе суды. Онъ также составилъ планъ совершеннаго уничтоженія инквизиціи; но этотъ планъ не привелся въ исполненіе: Аранда ввѣрилъ его своимъ друзьямъ, а тѣ преждевременно объявили его во всеобщее свѣдѣніе. Однакоже одно только намѣреніе уничтожить инквизицію имѣло большое вліяніе; послѣ 1781 года въ Испаніи не было примѣра сожженія еретика. Инквизиція ужа боялась правительства: она опасалась, поступая прежнимъ образомъ, подвергнуть опасности само святое учрежденіе.

Въ 1777 году Гримальди, главная подпора анти-теологической политики, съ которою Испанія познакомилась чрезъ Францію, перестадъ быть министромъ; его замѣнилъ Флорида Бланка, принявшій отъ него какъ власть, такъ и политику. Онъ былъ послѣдователь идей Гримальди. Цѣли политики министерства остались тѣже самыя. Новый министръ, также какъ и ближайшіе его предшественники, старался уменьшить власть духовенства и защитить права мірянъ. Во всѣхъ дѣлахъ интересы духовенства стали разсматриваться подчиненными интересамъ общества. Этому можно дать множество примѣровъ; не пропустимъ указать на одинъ весьма важный. Мы видѣли уже, что въ началѣ XVIII столѣтія министръ Альберони былъ обвиненъ въ страшномъ оскорбленіи, нанесенномъ имъ Испаніи тѣмъ, что заключилъ союзъ съ магометанами. Нѣтъ сомнѣнія, это было главной причиной его паденія, потомучто въ Испаніи никакіе виды политики не могли оправдать союза, ни даже мира христіанской націи съ невѣрными. Но испанское правительство, благодаря причинамъ, мною разсказаннымъ выше, шло далеко впереди народа, и дѣлаясь постепенно все смѣлѣе, стало болѣе и болѣе распространять въ странѣ свои убѣжденія, съ отвлеченной точки зрѣнія весьма просвѣщонныя, но которыя не могли быть понаты и приняты народомъ; потому-то въ 1782 году Флорида Бланка рѣшился заключить съ Турціей трактатъ, положившій конецъ войнѣ за религіозныя убѣжденія. Удивленіе прочихъ европейскихъ правительствъ было велико; съ трудомъ вѣрили, что Испанія уже прекратила свои долго продолжаемыя усилія уничтожить невѣрныхъ. Прежде чѣмъ Европа успѣла опомниться отъ своего удивленія, въ Испаніи опять случились неменѣе изумительныя событія. Испанія подписала миръ въ 1784 году съ Триполи, въ 1785 съ Алжиромъ. Елва эти трактаты были ратифицированы, заключонъ новый трактатъ съ Тунисомъ въ 1786 году, такъ что испанскій народъ, къ немалому своему удивленію, увидѣлъ себя въ дружескихъ сношеніяхъ съ націями, которыми онъ гнушался болѣе десяти столѣтій, и съ которыми по мнѣнію своего духовенства долженъ былъ вести вѣчную войну, и если возможно истребить ихъ.

Digitized by Google

Если отбросить въ сторону отдаленныя умственныя послѣдствія этихъ происшествій, то нѣтъ сомнѣнія, что они произвели немедленные хорошіе матерьяльные результаты, хотя, какъ мы скоро увидимъ, и не произвели прочнаго благодѣянія, ибо имъ противодѣйствовали неблагопріятныя силы болѣе могущественныхъ и болѣе общихъ причинъ; однако должно признаться, что прямые результаты были крайне выгодны, и для тѣхъ кто имѣетъ короткій взглядъ на человѣческія дѣла, могутъ показаться прочными. Огромная береговая линія отъ королевства Фецъ и Марокко до крайнихъ предѣловъ Турецкой имперіи избавлялась отъ многочисленныхъ пиратовъ, досихъ-поръ носившихся по морямъ, бравшихъ въ плѣнъ испанскіе корабли и дѣлавшихъ рабами испанскихъ подданныхъ. Прежде ежегодно тратились огромныя суммы денегъ на выкупъ несчастныхъ плѣнниковъ, теперь въ этомъ не предстояло уже надобности. Въ тоже время былъ данъ большой толчокъ испанской комерціи: открылись новыя мѣста для торговли, и испанскіе корабли могли безопасно появляться въ богатыхъ странахъ Ливана. Это увеличило ея богатства, чему помогло сверхъ того еще другое обстоятельство, происшедшее отъ тѣхъ же событій. Самая плодородная часть Испаніи, лежащая на берегу Средиземнаго моря, много времени была добычей магометанскихъ корсаровъ, которые своими внезапными вторженіями навели такой страхъ на жителей, что они постепенно удаляясь внутрь страны, оставили обработываніе богатѣйшей земли ихъ отечества; трактатами же только-что заключенными, подобная опасность была удалена, жители возвратились въ свои прежнія жилища, земля опять стала воздѣлываться, вновь появилась правильная промышленность, деревни возрастали, даже стали учреждаться фабрики, однимъ словомъ казалось было положено основаніе благосостоянію, подобнаго которому не знали съ тѣхъ поръ, какъ магометане были изгнаны изъ Гренады.

Я теперь предложу читателямъ обозрѣніе самыхъ важныхъ мѣръ, принятыхъ искусными и рѣшительными политиками, управлявшими Испаніей втеченіе большей части XVIII столѣтія. Разсматривая дѣйствіе этихъ реформъ, мы не должны забыть личнаго характера Карла III, занимавшаго тронъ отъ 1759 по 1788 годъ. Это былъ человѣкъ съ большой энергіей и хотя родился въ Испаніи, имѣлъ однако съ нею мало общаго. Прежде чѣмъ онъ сдѣлался королемъ, онъ долго былъ въ отсутствіи изъ Испаніи; заграницей онъ приобрѣлъ привычки и убѣжденія, совершенно непохожія на привычки и убѣжденія испанцевъ. Въ сравненіи со своими подданными, онъ былъ гораздо просвѣщоннѣе ихъ. Они любили всѣмъ сердцемъ самую полную, а слѣдовательно самую худшую форму духо-

Digitized by Google

вной власти, которая когда либо выказывалась въ Европѣ. Карлъ же считалъ своимъ долгомъ ограничить эту власть. Въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ дѣлахъ, онъ далеко превосходилъ Фердинанда VI и Филиппа V, хотя они и дѣйствовали подъ вліяніемъ французскихъ идей. Карлъ сдѣлалъ то, до чего его предшественники считали опаснымъ дотрогиваться. Духовенство, негодуя на его дѣйствія, роптало и даже угрожало. Оно объявляло, что Карлъ грабитъ церковь, отнимая ея права, оскорбляя ея служителей и такимъ образомъ губитъ Испанію. Однакоже король, имѣвшій твердый умъ и нѣсколько упрямый характеръ, устоялъ въ своей политикѣ, и такъ какъ онъ и его министры были люди съ несомнѣнными способностями, то они несмотря на встрѣченную опозицію, успѣли привести въ исполненіе большую часть своихъ плановъ. Хотя ихъ дѣйствія были ошибочны и близоруки, невозможно не удивляться честности, мужеству и безкорыстію, съ которыми они старались измѣнить судьбу суевѣрной и полуварварской страны, ими управляемой. Нельзя скрыть, что нападая на зло, любимое народомъ, они увеличивали привязанность народа къ этому злу. Думать исправлять зло изданіемъ законовъ — болѣе чѣмъ ошибка. Этимъ нетолько не устраняется зло, но еще производится реакція, дѣлающая убѣжденіе еще болѣе сильнымъ. Прежде измѣните убѣжденіе и тогда уже измѣняйте законы. Какъ скоро вы убѣдите людей, что суевѣріе вредно, вы можете съ успѣхомъ издавать дѣйствительныя мѣры противъ тѣхъ класовъ, которые покровительствуютъ суевѣрію и пользуются имъ. Но какъ бы ни было пагубно какое-нибудь вліяніе или какое-нибудь отдѣльное сословіе, берегитесь употреблять противъ него силу, пока развитіе знанія не подорветъ его основанія и не потрясетъ его подпору въ народномъ умѣ. Всегдашняя ошибка пылкихъ реформаторовъ въ томъ, что они слишкомъ ревностно приводятъ въ исполненіе свои планы, позволяютъ политическому движенію опереживать умственное, и такимъ образомъ нарушая естественный порядокъ, упрочиваютъ бѣду для себя или своихъ потомковъ. Они прикоснулись къ алтарю, появился огонь и пожралъ ихъ. Тогда приходитъ другой періодъ суевѣрія и деспотизма, другая темная эпоха въ лѣтописяхъ человѣческаго рода. Это случается единственно потому, что люди, не желая ждать, торопятъ ходъ событій. Такъ напримѣръ въ Испаніи и Германіи друзья свободы усилили тиранію, враги суевѣрія сдѣлали суевѣріе болѣе прочнымъ. Въ этихъ странахъ еще вѣрятъ, что правительство можетъ возродить общество; здѣсь если люди съ либеральными убѣжденіями обладаютъ властью, они употребляютъ ее слишкомъ расточительно, они думаютъ, что дѣйствуя такимъ образомъ скорѣе придутъ къ же-

Digitized by Google

ланному концу. Въ Англіи, хотя въ меньшей степени, господствуютъ тѣже самыя заблужденія, но здѣсь общественное мнѣніе контролируетъ политиковъ, оттого англичане избѣгаютъ зла, такъ часто случающагося въ другихъ странахъ; англичане не дозволятъ узаконять то что порицаетъ народъ. Въ Испаніи привычки народа были раболѣпны, ихъ шеи долго сгибались подъ ярмомъ; здѣсь правительство захотѣло уничтожить малѣйшіе предразсудки и народъ не осмѣлился противиться, онъ также не имѣлъ никакихъ законныхъ средствъ, чтобы заставить выслушать себя. Но тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ. Матерьялы для реакціи собирались въ молчаніи и въ концѣ XVIII столѣтія она заявила себя. Пока Карлъ жилъ, она сдерживала себя; это происходило частью отъ страха, внушаемаго дѣятельнымъ и сильнымъ правительствомъ, частью оттого, что реформы, вводимыя Карломъ, были по большой части такъ очевидно благотворны, такъ много проливали славы на его царствованіе, что всѣ класы могли ощущать это. Вслѣдствіе его политики нація была обезпечена отъ безпрерывныхъ грабежей пиратовъ; онъ успѣлъ доставить Испаніи такой славный миръ, какого ея правительство не подписывало втеченіе уже двухъ столѣтій. Это напоминало народу славнѣйшіе дни царствованія Филиппа II. Когда Карлъ вступилъ на престолъ, Испанія была почти третьестепенное государство, когда же онъ умеръ, она могла быть помѣщена въ разрядъ первостепенныхъ; она договаривалась съ Франціей, Англіей и Австріей на одинаковыхъ условіяхъ и имѣла первенствующій голосъ въ европейскихъ совѣтахъ. Этимъ она болѣе всего обязана личному характеру Карла III. Его уважали за честность, такъ же какъ боялись за силу. Какъ человѣкъ, онъ заслуживаетъ высокаго уваженія; какъ государь, онъ не имѣлъ равнаго себѣ въ Европѣ, кромѣ Фридриха II прусскаго; но блистательныя способности Фридриха помрачались хищничествомъ и безпрерывнымъ желаніемъ обманывать своихъ сосѣдей. Карлъ III не дѣлалъ ничего подобнаго; онъ только заботливо увеличивалъ средства защиты Испаніи, и улучшивъ ея военныя учрежденія, сдѣлалъ ее страшной, почти въ такой же мѣрѣ, какъ она была въ XVI столѣтіи. Вмѣсто того чтобы обижать слабыхъ властителей, надъ которыми не трудно было восторжествовать, Испанія имѣла теперь всѣ средства къ защитѣ, и если надобность указала бы, то и къ нападенію. Армія была улучшена въ своихъ качествахъ, дисциплина ея возвышена, оказывалось вниманіе къ ея нуждамъ, флотъ былъ почти удвоенъ. Все это сдѣлалось безъ отягощенія народа. Въ царствованіе Карла III такъ развились національные источники богатства, что довольно обширная сумма податей гораздо легче плати-

Digitized by Google

лась, чѣмъ при его предшественникахъ весьма малая. Введена прежде неизвѣстная, строгая правильность какъ въ обложеніи, такъ и въ собираніи податей. Законы о неизмѣняемыхъ имѣніяхъ ослаблены и сдѣланъ шагъ къ уменьшенію строгости закона о передачѣ наслѣдствъ. Промышленность страны освобождена отъ многихъ препятствій, такъ долго тяготившихъ ее; признаны принципы свободной торговли, и вслѣдствіе этого въ 1765 году отмѣнены старые законы относительно хлѣбной торговли, дозволенъ вывозъ хлѣба, и такимъ образомъ транзитъ его изъ одной части Испаніи въ другую освобожденъ отъ нелѣпыхъ предосторожностей, изобрѣтенныхъ будто бы съ благоразумными цѣлями, предшествовавшими правительствами.

Точно также въ царствованіе Карла III въ первый разъ стали управлять американскими колоніями согласно съ правилами мудрой и либеральной политики. Весьма благоразумное поведеніе испанскаго правительства въ дѣлѣ управленія колоніями отличалось съ хорошей стороны отъ поведенія, которому въ тоже время въ управленіи британскими колоніями слѣдовалъ узкій и неспособный человѣкъ, занимавшій тогда англійскій тронъ. Между тѣмъ какъ насиліе возбудило возмущеніе въ британскихъ колоніяхъ, Карлъ III заботился вступать въ соглашеніе съ испанскими. Онъ давалъ свободно возрастать богатству страны, онъ дѣлалъ все что только знанія и средства вѣка могли помочь сдѣлать. Въ 1764 году онъ совершилъ дѣло, на которое тогда еще смотрѣли какъ на великій подвигъ: установилъ правильныя ежемѣсячныя сношенія съ Америкой. Это сдѣлано имъ главнымъ образомъ съ той цѣлью, чтобы реформы имъ проектированныя съ большей скоростью вводились въ колоніяхъ, чтобы легче и скорѣе уничтожать тамъ зло. Въ слѣдующемъ году признана свободная торговля на Вестъ-индскихъ островахъ, чѣмъ дана возможность пустить въ обращеніе изобильные припасы острововъ, какъ для блага туземцевъ, такъ и для блага ихъ сосѣдей. Въ колоніяхъ введены обширныя улучшенія, устранено множество притѣсненій, уничтожена тиранія чиновниковъ и вообще облегчены тягости народа. Наконецъ въ 1778 году принципы свободной торговли, съ успѣхомъ примѣненные на американскихъ островахъ, распространены и на американскій континентъ; отворились порты Перу и Новой Испаніи, чѣмъ сдѣланъ огромный шагъ къ благосостоянію этихъ великолѣпныхъ колоній, гдѣ самой природой назначено быть богатству, но гдѣ безумное вмѣшательство человѣка поселило бѣдность.

Всѣ эти мѣры быстро оказали свое благодѣтельное дѣйствіе; едва только старая система монополіи исчезла, торговля Испаніи

Digitized by Google

начала увеличиваться и продолжала улучшаться до такой степени, что ввозъ и вывозъ превзошли самыя пылкія ожиданія реформаторовъ; иностранная торговля утроилась, внутренняя упятерилась, а торговля съ Америкой удевятерилась.

Отмѣнены многія изъ податей, лежавшія на низшихъ класахъ. Промышленные класы избавлены отъ разныхъ тягостей; ихъ положеніе стало быстро улучшаться. Еще большее для нихъ благодѣяніе сдѣлано измѣненіями, введенными въ законы объ отправленіи правосудія; дозволено судамъ принимать отъ рабочихъ жалобы на своихъ хозяевъ. До сихъ поръ бѣднякъ не имѣлъ никакихъ шансовъ къ успѣху жалуясь на богатаго; въ царствованіе Карла III правительство издало разныя постановленія, которыми строго предписывалось отправлять правосудіе безпристрастно, и если хозяева не исполняютъ контрактовъ, сдѣланныхъ съ рабочими, или не платятъ имъ жалованья, послѣдніе должны быть непремѣнно удовлетворены судебнымъ порядкомъ.

Улучшилось положеніе не однихъ рабочихъ класовъ; литература и наука также пользовались покровительствомъ правительства. Опасность, которой постоянно подвергались ученые и литераторы, значительно уменьшилась мѣрами, принятыми Карломъ для ослабленія власти инквизиціи. Сверхъ того король всегда готовъ былъ награждать ихъ. Карлъ былъ человѣкъ съ просвѣщеннымъ взглядомъ на вещи, онъ гордился титломъ покровителя наукъ. Тотчасъ по восшествіи своемъ на престолъ, онъ издалъ указъ, освобождающій отъ военной службы типографщиковъ и всѣхъ тѣхъ, чья работа непосредственно относится къ книгопечатанію, какъ-то наборщиковъ и проч. Онъ ввелъ насколько былъ въ состояніи новую жизнь въ старые университеты и сдѣлалъ все возможное для возстановленія наукъ и репутаціи университетовъ. Онъ основывалъ школы, увеличивалъ средства гимназій, награждалъ професоровъ и жаловалъ пенсіоны. Въ подобныхъ дѣлахъ его щедрость казалась неистощимой; она слишкомъ достаточная причина для уваженія, съ которымъ относятся къ его памяти испанскіе литераторы. Они имѣютъ причину сожалѣть, что живутъ теперь, а не въ его время. Въ его царствованіе интересы литературы считали тождественными съ интересами науки, а наука цѣнилась такъ высоко, что въ 1771 году было признано, какъ установленный принципъ правительства, что изо всѣхъ вѣтвей государственнаго управленія забота о воспитаніи есть самая важнѣйшая.

Но это еще не все. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ царствованіе Карла III Испанія подверглась большимъ перемѣнамъ, чѣмъ во всѣ сто-пятдесятъ лѣтъ, протекшія со времени окончатель-

Digitized by Google

наго изгнанія мавровъ. Мудрая и миролюбивая политика Фердинанда VI дала средства этому государю нетолько заплатить большую часть государственнаго долга, но также собрать и оставить послѣ себя значительныя сокровища. Такое положеніе дѣлъ много помогло Карлу: онъ имѣлъ всѣ средства производить великолѣпныя публичныя работы, которыя, поражая зрѣніе, болѣе чѣмъ какія-нибудь другія дѣла его управленія, пріобрѣли популярность его царствованію. Въ особенности когда чрезъ увеличеніе народнаго богатства, а не чрезъ наложеніе новыхъ податей, онъ получилъ въ свои руки еще большія средства, онъ посвятилъ значительную часть ихъ на приведеніе въ исполненіе своего намѣренія. Онъ такъ украсилъ Мадритъ, что сорокъ лѣтъ послѣ его смерти всѣ лучшія украшенія города были воздвигнутыя въ его время. Публичныя постройки, публичные салы, великолѣпныя алеи вокругъ столицы, ея славныя ворота, ея заведенія, и даже дороги идущія въ нее, все это было дѣломъ Карла III; они составляютъ одинъ изъ самыхъ видныхъ трофеевъ, свидѣтельствующихъ о его геніѣ и вкусѣ.

Въ другихъ частяхъ страны въ видахъ развитія торговли открыты сообщенія, даже въ мѣстахъ прежде непроходимыхъ проведены дороги, прорыты каналы. При восшествіи Карла III на престолъ, вся Сіера Морена была обитаема только дикими животными и шайками бандитовъ. Мирный путешественникъ не осмѣливался пуститься въ эту дикую страну; тѣмъ болѣе она не могла служить комерческимъ путемъ, а между тѣмъ сама природа назначила ей быть важнѣйшей большой дорогой въ Испаніи. Эта страна, находясь между бассейнами рѣкъ Гвадіаны и Гвадалквивира, служитъ прямымъ путемъ между портами Средиземнаго моря и Атлантическаго океана. Дѣятельное правительство Карла III рѣшилось исправить зло, но испанскій народъ не имѣлъ энергіи сдѣлать то что отъ него требовали, а потому правительство было вынуждено въ 1767 году пригласить для заселенія Сіера Морены шесть тысячъ голандцевъ и фламандцевъ. Съ ихъ прибытіемъ земля распредѣлена была между ними, прорѣзана дорога чрезъ весь округъ, построены деревни, и то что недавно было непроходимой пустыней, быстро обратилось въ красивую и плодотворную область.

Почти во всей Испаніи исправлены дороги; съ 1760 года собирались деньги собственно для этой цѣли. Начаты работы многихъ новыхъ дорогъ, введены многія усовершенствованія въ работахъ, строго и неусыпно наблюдали чтобы чиновники нерасхищали государственныхъ денегъ; этими мѣрами стоимость публичныхъ большихъ дорогъ въ немногіе годы уменьшена почти въ половину. Изъ

Digitized by Google

предпріятій этого рода, приведенныхъ успѣшно къ концу, самое значительное была дорога изъ Малаги въ Антекуэру, а другая изъ Аквиласъ въ Лорку. Такимъ образомъ открыты пути сообщенія между Средиземнымъ моремъ и внутренними частями провинцій Андалузіи и Мурціи. Вмѣстѣ съ установленіемъ сообщеній на югѣ и юго-востокѣ, открыты сообщенія на сѣверѣ и сѣверо-западѣ. Въ 1769 году начата дорога между Бильбао и Осма, а скоро затѣмъ окончена другая изъ Галиціи въ Асторгу. Эти работы были совершены весьма искусно, и испанскія дороги, нѣкогда самыя худшія въ Европѣ, могли теперь съ выгодой соперничать съ самыми лучшими. Въ самомъ дѣлѣ безпристрастныя свидѣтельства того времени говорятъ, что послѣ смерти Карла III лучшими дорогами въ Европѣ были испанскія.

Внутри страны многія рѣки сдѣланы судоходными, для соединенія ихъ прорыты каналы. Эбро, протекающая по срединѣ Арагоніи и частію по старой Кастиліи, полезна для торговыхъ цѣлей, какъ вверхъ отъ Лограно, такъ и внизъ до Тудела, между же Туделой и Саламанкой прерывается судоходство по причинѣ быстроты теченія рѣки и подводныхъ камней; слѣдовательно Наварра лишена естественнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ. Въ предпріимчивое царствованіе Карла V была сдѣлана попытка исправить зло, но планъ оказался неудобнымъ, не былъ приведенъ въ дѣйствіе, и о немъ забыли болѣе чѣмъ на двѣсти лѣтъ, до царствованія Карла III. Подъ вліяніемъ этого государя проектированъ огромный арагонскій каналъ, съ великолѣпнѣйшей цѣлію соединить Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ. Однакоже тутъ опять выказалось, что правительство Испаніи шло слишкомъ далеко впереди самой страны; необходимо было оставить планъ, потомучто страна не могла дать нужныхъ для того средствъ. Но и то что было дѣйствительно сдѣлано, имѣло огромную цѣну. Каналъ проведенъ до Сарагоссы и воды Эбро сдѣлались полезными не только для транспортировки по нимъ, но и для орошенія почвы. Установилась безопасная и выгодная торговля даже въ крайней западной части Арагоніи. Старыя земли, сдѣлавшись болѣе производительными, возрасли въ цѣнѣ, а новыя покорились плугу. Это принесло пользу и другимъ частямъ Испаніи. Кастилія производила мало и всегда зависѣла въ снабженіи хлѣбомъ отъ Арагоніи. Арагонія же при прежней системѣ производила количество, достаточное только для своего собственнаго потребленія, но чрезъ проведеніе этого большого канала, къ которому около того же времени прибавился каналъ Таустскій, почва Арагоніи сдѣлалась гораздо болѣе производительной и богатыя равнины Эбро стали производить въ такомъ

Digitized by Google

изобиліи, что хлѣба доставало не только для себя, но имъ могли снабжать и Кастилію.

Сверхъ того правительство Карла III устроило каналъ между Ампоста и Альфакусъ, орошающій южную часть Каталоніи; этотъ каналъ много пособилъ обработкѣ земли на обширномъ пространствѣ, гдѣ прежде отъ недостатка дождей земля оставалась почти невоздѣланною. Еще большимъ предпріятіемъ въ томъ же родѣ была попытка, только частію успѣшная, установить свободное сообщеніе между столицей и Атлантическимъ океаномъ, чрезъ прорытіе канала отъ Мадрита до Толедо, откуда товары по Таго должны были идти до Лиссабона; исполненіе проекта принесло бы большую пользу для торговли Испаніи. Но этотъ проектъ, какъ и многіе другіе благородные проекты, захирѣлъ по случаю смерти Карла III, съ которымъ все исчезло. Когда онъ умеръ, страна опять впала въ свое прежнее бездѣйствіе, и стало ясно видно, что эти великія дѣла были не національныя, а политическія,—другими словами, они были одолжены своимъ совершеніемъ единственно дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, самыя ревностныя усилія которыхъ становятся ничѣмъ, если имъ противодѣйствуютъ общія причины. Часто бываетъ трудно усмотрѣть эти причины, но даже сильнѣйшіе изъ насъ, къ великой своей досадѣ, должны оказывать имъ безусловную покорность.

Но все-таки много было сдѣлано, и Карлъ, разсуждая согласно обыкновеннымъ идеямъ политиковъ, могъ лелеять надежду, что его дѣйствія прочно измѣнили судьбу Испаніи. Многочисленныя совершонныя имъ работы не привели, какъ это часто бываетъ, къ необходимости увеличить подати, отягчающія народъ и препятствующія его промышленности. Карлъ и его совѣтники были люди дѣйствительно желавшіе блага народу, а потому они не совершили подобной пагубной ошибки. Въ царствованіе Карла богатства страны значительно увеличились, также увеличилось и благосостояніе низшихъ классовъ. Народъ былъ обложенъ податьми болѣе легкими, чѣмъ въ прежнее время. Подати, которыя въ XVII столѣтіи исполнительная власть никогда не могла выжать съ народа, теперь платились правильно, а благодаря развитію народныхъ средствъ, ставшихъ болѣе производительными, стали менѣе тягостны для народа. Въ управленіе государственными финансами введена экономія; первый примѣръ ея поданъ въ предыдущее царствованіе Фердинанда VI, слѣдовавшаго осторожной и миролюбивой политикѣ. Фердинандъ завѣщалъ Карлу III богатства, не исторгнутыя имъ у народа, а сбережонныя. Не желая накоплять въ моемъ

Digitized by Google

расказѣ множество подробностей, я не описывалъ произведенныя Фердинандомъ реформы. Однакоже скажу здѣсь нѣсколько словъ объ одной весьма значительной и вполнѣ характеризующей его политику. До его царствованія, Испанія отправляла большую сумму денегъ папѣ, который раздавалъ въ Испаніи богатыя духовныя мѣста и за это получалъ часть дохода, даваемаго мѣстомъ. Онъ бралъ это приношеніе вѣроятно какъ вознагражденіе за принимаемый на себя трудъ выбора достойнаго кандидата. Папа былъ избавленъ отъ этого труда Фердинандомъ VI, обезпечившимъ испанскимъ королямъ право самимъ давать подобныя должности, а чрезъ это страна сберегла огромныя суммы, на которыя римскій дворъ имѣлъ привычку пировать. Мѣры подобнаго рода очень нравились Карлу III, ибо гармонировали съ его взглядомъ на вещи; онъ продолжая дѣло своего предшественника пошолъ еще далѣе. Усматривая, что вопреки его усиліямъ испанцы слишкомъ часто дѣлаютъ приношенія тому, кого почитаютъ главой церкви, король рѣшился учредить контроль даже надъ этими добровольными подарками. Для исполненія этого намѣренія принимались различныя мѣры, но безполезно; наконецъ попали на одну, показавшуюся дѣйствительнѣе другихъ. Вышелъ королевскій указъ, повелѣвавшій чтобы никто не посылалъ въ Римъ монету; если же кто имѣетъ надобность сдѣлать туда переводъ денегъ, обязанъ дѣлать его не обыкновеннымъ путемъ, но чрезъ посланниковъ, министровъ или другихъ агентовъ испанской короны.

Если мы возьмемъ въ совокупности всѣ различныя происшествія отъ вступленія на престолъ Филипа V до смерти Карла III, въ періодъ почти девяноста лѣтъ, мы будемъ поражены ихъ единствомъ, правильностію ихъ хода и явнымъ ихъ успѣхомъ. Посмотрѣвши на нихъ только съ политической точки зрѣнія, можно придти къ заключенію, что такой обширный и непрерывный прогресъ нигдѣ не появлялся ни прежде, ни послѣ. Втеченіе трехъ поколѣній не было остановокъ со стороны правительства, ни реакцій, ни колебаній. Улучшеніе за улучшеніемъ, реформа за реформой слѣдовали одно за другимъ, быстро смѣняя другъ друга. Власть духовенства, всегда бывшая вопіющимъ зломъ, которую до сей поры не осмѣливался потревожить ни одинъ самый смѣлѣйшій политикъ была ограничена насколько возможно, усиліями цѣлаго ряда государственныхъ людей отъ Орри до Флоринда Бланка. Въ послѣднія тридцать лѣтъ министрамъ ревностно помогалъ Карлъ III, способнѣйшій изъ монарховъ, занимавшихъ тронъ послѣ смерти Филипа II. Даже инквизиція была устрашена, а потому поневолѣ уменьшилось число ея жертвъ. Перестали сжигать еретиковъ.

Digitized by Google

Пытка болѣе не употреблялась; обвиненіе въ ереси перестало имѣть силу. Вмѣсто наказанія людей за воображаемыя преступленія, выказалось расположеніе пещись о ихъ дѣйствительныхъ интересахъ, облегчить ихъ тягости, увеличить ихъ благосостояніе. Сдѣланы попытки обуздать алчность духовенства и тѣмъ лишить его возможности высасывать народное богатство. Въ этихъ видахъ пересмотрѣны законы о неизмѣняемости имѣній, изданы различныя мѣры съ цѣлью препятствовать желающимъ завѣщать свои имѣнія духовенству. Въ этомъ какъ и въ другихъ дѣлахъ, предпочтены истинные интересы ложнымъ. Возвысить свѣтскіе класы надъ духовными; порицать исключительное вниманіе, до сихъ поръ обращаемое на вопросы, относительно которыхъ ничего не было извѣстно; дѣйствовать такимъ образомъ, чтобъ безплодныя размышленія замѣнить любовью къ наукѣ и литературѣ: все это въ первый разъ стало цѣлью дѣйствій испанскаго правительства. Іезуиты изгнаны, право убѣжища нарушено и вся іерархія, начиная съ высокихъ епископовъ и кончая смиреннѣйшими монахами, научена бояться закона, обуздывать свои страсти и воздерживаться отъ наглости, съ которою она обращалась съ другими класами общества. Эти дѣла были бы велики въ каждой странѣ; въ Испаніи же просто казались чудесными. О нихъ я далъ краткій и слѣдовательно несовершенный расказъ, однакоже достаточный для того, чтобы видѣть какъ правительство работало для уменьшенія суевѣрія и уничтоженія пустосвятства, какъ оно старалось возбудить умственное развитіе, возвысить промышленность и разбудить народъ отъ смерти подобнаго сна. Я пропустилъ многія мѣры испанскаго правительства, изданныя для той же цѣли; я желалъ показать только самыя выдающіяся, тѣ, изъ которыхъ очевиднѣе другихъ можно усмотрѣть общее движеніе. Тотъ, кто будетъ изучать исторію Испаніи за этотъ періодъ, найдетъ еще много добавочныхъ доказательствъ искуства и силы характера людей, находившихся тогда во главѣ правленія и посвятившихъ всю свою энергію для возрожденія страны, ими управляемой. Но для такого спеціальнаго изученія требуются и спеціальные люди, я же хотѣлъ только схватить главныя черты для составленія очерка цѣлаго. Достаточно для моей цѣли, если я доказалъ общія начала и убѣдилъ читателей въ ясности, съ которою государственные люди Испаніи распознавали зло, распространенное въ странѣ, и въ ревности, съ которою они старались излечить зло и воскресить страну, нѣкогда первую изъ европейскихъ государствъ, составляющую государство, владѣнія котораго лежали въ обоихъ полушаріяхъ и заключали въ себѣ роскошную и обширную территорію;

Digitized by Google

государство, подобнаго которому свѣтъ не видѣлъ со времени паденія римской имперіи.

Тѣ, которые вѣрятъ, что правительство можетъ цивилизовать націю, а законодатели своими мѣрами произвести соціальный прогресъ, естественно ожидаютъ, что Испанія получила прочныя благодѣянія отъ этихъ либеральныхъ положеній, въ первый разъ со времени ея существованія приводимыхъ въ исполненіе. Однакоже существуетъ фактъ, доказывающій, что эта политика, какъ она ни казалась мудрою, не послужила ни къ чему, ибо шла вопреки цѣлому ряду предшествовавшихъ событій. Она была въ противорѣчіи съ установившимися народными привычками; ея идеи вводились въ общество, еще не созрѣвшее для нихъ. Реформа не можетъ произвести дѣйствительнаго блага, если она не будетъ дѣломъ общественнаго мнѣнія и пока народъ не возьметъ самъ на себя инціативы. Въ Испаніи впродолженіе XVIII столѣтія смѣшеніе иностраннаго вліянія и иностранной политики просвѣтило ея правителей, не просвѣтивши страны. Вслѣдствіе этого навремя совершено много великихъ дѣлъ. Зло было устранено, введено много важныхъ улучшеній, выказался духъ умѣренности, который никогда не видѣли въ этой покорной духовенству и суевѣрной землѣ. Но не дотронулись до убѣжденій испанцевъ. Поверхность дѣлъ улучшилась, духъ же дѣлъ остался безъ перемѣны. Внизу подъ этой поверхностью работали, далекія отъ всякихъ политическихъ лекарствъ, великія общія причины, дѣйствующія уже многія столѣтія и увѣренныя, что раньше или позже онѣ принудятъ политиковъ идти по своимъ слѣдамъ, принять политику, согласную преданіямъ страны, и сообразоваться съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ составились эти преданія.

И вотъ появилась реакція. Въ 1788 году умеръ Карлъ III; ему наслѣдовалъ Карлъ IV, король совершенно въ испанскомъ родѣ, набожный и невѣжественный. Тутъ только бросилось въ глаза, какъ все стало безнадежно, какъ мало можно расчитывать на реформы, введенныя не вслѣдствіе желаній народа, а навязанныя ему политическими сословіями. Карлъ IV, хотя слабый и неспособный государь, въ своихъ дѣйствіяхъ получилъ поддержку въ общемъ настроеніи испанскаго народа и менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ былъ въ состояніи ниспровергнуть либеральную политику, сооружаемую тремя поколѣніями государственныхъ людей. Менѣе чѣмъ въ пять лѣтъ все было измѣнено. Власть духовенства возстановлена, малѣйшее покушеніе на свободную гласность строго запрещено; воскресли старые принципы, не слышные послѣ XVII столѣтія; духовенство опять присвоило себѣ прежнюю власть; ли-

Digitized by Google

тераторы напуганы и литература замолкла, между тѣмъ инквизиція снова разомъ встала на ноги, выказала энергію, заставившую дрожать ея враговъ и доказала, что всѣ попытки, слѣланныя съ цѣлью уменьшить ея власть, были не въ состояніи ослабить ея силу или устрашить ея старинный духъ.

Министры Карла III, авторы великихъ реформъ, характеризующихъ его царствованіе, уволены и дали мѣсто другимъ совѣтникамъ, болѣе годнымъ при новомъ положеніи вещей. Карлъ IV слишкомъ любилъ духовенство, чтобы терпѣть просвѣщенныхъ государственныхъ людей. Аранда и Флорида Бланка, оба удалены отъ дѣлъ и арестованы. Джовеланосъ удаленъ отъ двора, а Кабаррю брошенъ въ темницу. Теперь началась работа, которой не согласились выполнять эти замѣчательные люди. Политика, которой слѣдовали съ несовратимымъ постоянствомъ почти девяносто лѣтъ, измѣнилась; желали, если будетъ возможно, возстановить въ первобытной силѣ государство XVII вѣка, т. е. государство невѣжественное, тираническое и суевѣрное.

Еще разъ Испанія покрылась мракомъ. Опять воцарилась ночь въ этой бѣдной землѣ. Самыя худшія формы угнетенія, говоритъ Такноръ, вновь легли тяжолымъ гнетомъ въ странѣ. Вслѣдствіе новаго плана управленія, всякое изслѣдованіе, способное возбудить умъ, было запрещено. Издано приказаніе, запрещавшее въ университетахъ преподаваніе моральной философіи; министры, издавшіе приказъ, справедливо замѣчали, что королю вовсе не нужны философы. Явился страхъ за Испанію, если она будетъ производить такіе опасные продукты какъ философы. Нація не смѣла и что еще хуже, не желала сопротивляться, уступила и позволила королю дѣлать какъ ему нравится. Въ очень немногіе годы онъ сдѣлалъ недѣйствительными самыя благодѣтельныя реформы, введенныя его предшественниками. Удаливъ способныхъ совѣтниковъ своего отца, онъ вручилъ высшіе посты людямъ столько же узкимъ и неспособнымъ какъ самъ; онъ привелъ страну на край банкротства, и слѣдуя замѣчанію испанскаго историка Семпера, истощилъ всѣ средства государства.

Таково было положеніе Испаніи въ концѣ XVIII вѣка; затѣмъ скоро послѣдовало французское вторженіе и эта несчастная страна претерпѣла всѣ роды бѣдствій и униженія. Однакоже бѣдствіе и униженіе происходятъ изъ различныхъ источниковъ. Бѣдствія могутъ быть причиняемы другими, но никакой народъ не можетъ быть униженъ иначе, какъ вслѣдствіе собственныхъ своихъ дѣйствій. Иностранный хищникъ причиняетъ зло, но не можетъ причинить стыда. Нація, какъ и отдѣльное лицо, не можетъ быть обезчещена

Digitized by Google

ничѣмъ, если чувствуетъ честь въ самой себѣ. Испанію въ настоящемъ столѣтіи грабили и притѣсняли, позоръ лежитъ на грабителяхъ, а никакъ не на тѣхъ, кого грабили. Она была наводнена жестокими и своевольными солдатами, ея поля опустошены, города разграблены, деревни сожжены. Естественно, поношеніе за эти дѣйствія должно лежать на совершившихъ преступленіе, а не на жертвахъ. Даже въ матерьяльномъ отношеніи подобныя потери не трудно исправить, если народъ подвергнувшійся имъ приученъ къ обычаямъ самоуправленія и чувствамъ самоупованія, единственнымъ источникамъ всякаго дѣйствительнаго величія. Съ помощью ихъ каждый убытокъ можетъ быть заглаженъ и всякое зло исправлено. Безъ нихъ малѣйшій толчокъ становится пагубнымъ. Въ Испаніи они были неизвѣстны и кажется невозможно утвердить ихъ. Съ отсутствіемъ же самоуправленія и самоупованія никогда нельзя достигнуть истинной идеи независимости.

Однакоже не одинъ разъ въ продолженіе XIX столѣтія въ испанскомъ народѣ выказывался духъ, предвѣщавшій много хорошаго. Въ 1812, въ 1820 и въ 1836 годахъ, нѣсколько пылкихъ реформаторовъ пытались помочь свободѣ испанскаго народа, даровавши ему свободную конституцію. Они успѣвали на время — и это было все. Они могли дать конституціонныя формы, но не могли водворить преданій и привычекъ, изъ которыхъ исходятъ эти формы. Они передразнивали голосъ свободы, они копировали ея учрежденія, они подражали даже ея жестамъ. И что же за тѣмъ? При первомъ противномъ вѣтрѣ, ихъ идолъ разлетался впрахъ. Ихъ конституціи разбивались, собранія распускались, узаконенія отмѣнялись. За тѣмъ слѣдовали неминуемыя реакціи. Послѣ каждой тревоги развязывались руки правительства, утверждались деспотическіе принципы, и испанскіе либералы должны были съ горечью вспоминать о тѣхъ дняхъ, когда они тщетно пытались надѣлить свободой свое несчастное отечество.

Эти неудачи достойны вниманія еще болѣе потому, что испанцы съ самыхъ раннихъ временъ обладали муниципальными привилегіями также какъ и англичане. Послѣдніе своимъ муниципальнымъ правамъ часто приписываютъ причину величія Англіи. Но такія учрежденія, хотя охраняютъ свободу, однако никогда не могутъ создать ее. Испанія имѣла свободныя формы, но не обладала духомъ свободы. Какъ много ни обѣщаетъ форма, но не одушевленная духомъ свободы, она сама зачахнетъ. Въ Англіи духъ предшествовалъ формѣ, оттого и форма стала прочна. Такимъ образомъ хотя испанцы могутъ хвалиться, что имѣли свободныя учрежденія столѣтіемъ ранѣе чѣмъ англичане, однакоже они были не въ состояніи удер-

Digitized by Google

жать ихъ; они имѣли учрежденія и ничего болѣе. Англичане не имѣли народнаго представительства ранѣе 1264 года, въ Кастиліи же оно было въ 1169 году, а въ Арагоніи въ 1133. Самая ранняя хартія дарована англійскому городу въ XII столѣтіи, въ Испаніи городъ Леонъ получилъ хартію въ 1020 году и въ теченіе XI столѣтія законъ даровалъ муниципальныя права всѣмъ испанскимъ городамъ.

Но такъ какъ изъ испанской исторіи видно, что въ Испаніи эти учрежденія не вырастали сообразно съ нуждами народа, то значитъ они произошли вслѣдствіе политическихъ видовъ правительства. Гражданамъ дали эти учрежденія, но не вслѣдствіе ихъ желанія. Во время войны съ магометанами, христіанскіе короли Испаніи подвигаясь впередъ къ югу, натурально заботились, чтобы ихъ подданные, населяющіе пограничные города, были въ состояніи отражать нападеніе непріятеля. Съ этой цѣлію они давали городамъ хартіи, а ихъ жителямъ привилегіи. Когда же магометане были постепенно вытѣснены изъ Астуріи въ Гренаду, граница измѣнилась и привилегіи распространены на вновь завоеванные города, сдѣлавшіеся теперь опасными мѣстами, слѣдовательно справедливость требовала дать и имъ туже награду, какой пользовались прежнія пограничныя мѣста. Но между тѣмъ общія причины, уже мною обозначенныя, воспрепятствовали утвердиться духу свободы. Это случилось, и учрежденія не послужили ни къ чему. Они не укоренились: ихъ произвело одно политическое соображеніе, ихъ разстроило другое. Въ концѣ XIV столѣтія испанцы успѣли утвердиться въ недавноприобрѣтенной территоріи; не предстояло уже опасности быть опять выгнанными, а также нельзя было надѣяться съ ихъ силами тотчасъ же продолжать свои завоеванія и изгнать магометанъ изъ Гренады; слѣдовательно обстоятельства, заставившія дать муниципальныя привилегіи, измѣнились, а потому и привилегіи стали исчезать. Не исходя изъ народныхъ привычекъ, онѣ погибли при первомъ случаѣ. Ихъ упадокъ сталъ замѣтенъ въ концѣ XIV столѣтія. Въ концѣ XV онѣ почти совсѣмъ погасли, а въ началѣ XVI были окончательно уничтожены.

Такимъ образомъ общія причины рѣшительно торжествовали надъ каждымъ препятствіемъ. Если разсматривать ихъ дѣйствіе за долгій періодъ времени, то среднее ихъ дѣйствіе неодолимо. Ихъ дѣйствіе часто встрѣчало препятствіе и на время останавливалось усиліями политиковъ, выступающихъ съ своими эмпирическими и близорукими средствами. Но когда духъ вѣка противъ этихъ средствъ, они могутъ успѣвать только на время; наконецъ приходитъ время реакціи, она вступаетъ въ свои права и горько отплачиваетъ за на-

Digitized by Google

силіе. Доказательства этому легко найти въ лѣтописяхъ каждой цивилизованной страны, если сличить исторію законодательствъ съ исторіей убѣжденій. Судьба испанскихъ городовъ даетъ намъ одно доказательство, судьба испанской церкви другое. Болѣе восьмидесяти лѣтъ послѣ смерти Карла II, правители Испаніи пытались ослабить власть духовенства, и какой же результатъ ихъ усилій? уничтоженіе всего того что они сдѣлали, и это совершено было съ величайшей легкостію такимъ неспособнымъ и незначительнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Карлъ IV. И все это произошло оттого, что духовенство, на которое нападало правительство, поддерживалось народнымъ убѣжденіемъ. Убѣжденія народа зависѣли отъ широкихъ общихъ причинъ, вліяющихъ на цѣлую страну; а законы страны очень часто были работой могущественныхъ личностей и составлялись въ противорѣчіи съ народнымъ желаніемъ. Когда законодатели умирали или теряли должность, ихъ замѣняли люди, поддерживавшіе противоположные виды, и законы уничтожались. Среди этой игры и колебанія политической жизни, общія причины остаются непоколебимы; онѣ часто ускользаютъ изъ вида, пока политики, склонившіеся на ихъ сторону не выведутъ ихъ на поверхность и не введутъ въ должность съ полною, неограниченною властью надъ народомъ.

Это самое Карлъ IV сдѣлалъ въ Испаніи, когда вздумалъ принять мѣры, благопріятствующія духовенству и уничтожающія свободное изслѣдованіе. Онъ только подтвердилъ тѣ обычаи, которые его предшественники старались совсѣмъ устранить. Духовное сословіе имѣло сильную поддержку въ общественномъ мнѣніи; она даже была сильнѣе, чѣмъ обыкновенно предполагали. Какова она была въ XVII столѣтіи мы уже видѣли; въ XVIII же нѣтъ признаковъ ея уменьшенія, ибо дѣйствія нѣсколькихъ смѣльчаковъ ничего не могли сдѣлать, когда голосъ цѣлаго народа строго возвышался противъ нихъ. Лаба, путешествовавшій по Испаніи въ царствованіе Филипа V говоритъ: когда въ Испаніи священникъ служитъ обѣдню, самые знатнѣйшіе люди считаютъ за честь помочь ему одѣться, становятся предъ нимъ на колѣни и цѣлуютъ его руку. Если это дѣлала самая гордая аристократія въ Европѣ, можно предполагать каково должно быть общее чувство цѣлаго народа. Лаба также утверждаетъ, что если испанецъ не отдавалъ части своего имущества церкви, онъ не считался истиннымъ вѣрующимъ; такимъ образомъ въ самой высокой степени развитое почитаніе духовенства стало главной частью національнаго характера.

Еще болѣе любопытный примѣръ выказался при изгнаніи езуитовъ. Это нѣкогда полезное, но въ то время безпокойное общество,

Digitized by Google

въ XVIII столѣтіи было тѣмъ же, чѣмъ въ XIX, т. е. упорнымъ врагомъ прогреса и терпимости. Правители Испаніи, замѣчая, что езуиты противодѣйствуютъ всѣмъ ихъ реформамъ, рѣшились избавиться отъ преградъ, поставляемыхъ имъ на каждомъ шагу. Во Франціи езуиты считались общественной заразой, а потому были укрощены безъ всякаго затрудненія однимъ ударомъ. Совѣтники Карла III не видѣли причины почему въ Испаніи не подражать полезной мѣрѣ и въ 1767 году, слѣдуя примѣру, поданному Франціей въ 1764 году, уничтожили езуитовъ. Этимъ дѣйствіемъ правительство думало сдѣлать рѣшительный шагъ къ ослабленію власти духовенства, въ особенности когда государь отъ души одобрялъ эту мѣру. Годъ спустя послѣ этого происшествія, Карлъ III, слѣдуя своей привычкѣ, въ праздникъ св. Карла показался на болконѣ дворца готовый даровать все о чемъ будетъ просить народъ; желаніе народа обыкновенно заключалось въ просьбѣ уволить министра или отмѣнить какой-нибудь налогъ. Но въ этотъ разъ граждане Мадрита не хотѣли просить о такихъ свѣтскихъ предметахъ: они чувствовали, что погибаютъ болѣе милые для нихъ интересы; къ удивленію и ужасу двора, они въ одинъ голосъ просили обрадовать Испанію возвращеніемъ езуитовъ, и когда возвратятся эти святые люди, не запрещать имъ носить одежду ихъ ордена.

Что же можно сдѣлать съ подобнымъ народомъ? Какъ же будутъ дѣйствовать законы, если общественное мнѣніе противъ нихъ? Въ виду такихъ преградъ, правительство Карла III, не смотря на свои добрыя намѣренія было безсильно. На самомъ же дѣлѣ, оно было хуже чѣмъ безсильно: оно было вредно, ибо разбудивши народныя симпатіи къ духовенству, оно усиливало то что старалось ослабить. Къ этому жестокому и притѣснительному духовенству, запятнанному всевозможными преступленіями, испанская нація продолжала выказывать постоянно увеличивающіеся знаки привязанности. Подарки и завѣщанныя имѣнія щедро притекали къ нимъ со всѣхъ сторонъ; многіе разоряли себя и свои семейства для того, чтобы не отстать отъ другихъ и участвовать въ общей складчинѣ. Это увеличило до громаднѣйшихъ размѣровъ богатства духовенства; въ 1788 году государственный министръ Флорида Бланка опредѣляетъ, что въ послѣднія пятдесятъ лѣтъ доходы духовенства почти удвоились.

Даже инквизиція, самое варварское учрежденіе, какое когда либо изобрѣталъ умъ человѣческій, поддерживалось общественнымъ мнѣніемъ противъ нападеній правительства. Испанское правительство желало истребить и сдѣлало много, чтобы ослабить ее; но испанскій народъ любилъ ее, какъ старинное учрежденіе: онъ считалъ инквизицію лучшей защитой противъ набѣга ереси. Эта любовь вы-

Digitized by Google

казалась публично въ 1788 году. Когда еретикъ былъ осужденъ инквизиціей, знатнѣйшіе изъ дворянъ присутствовали здѣсь какъ простыя слуги инквизиціи: они были рады имѣть случай выказать свое послушаніе церкви.

Все это было натурально и въ порядкѣ вещей. Подобное состояніе общества было результатомъ длиннаго ряда причинъ, дѣйствующихъ съ начала аріанской войны, въ продолженіи тринадцати столѣтій. Эти причины принудили испанцевъ сдѣлаться суевѣрными; желаніе перемѣнить ихъ натуру законодательными мѣрами вышло не болѣе какъ пустая насмѣшка. Единственное лекарство отъ суевѣрія — знаніе. Иными же способами нельзя изгладить эту язву человѣческаго ума. Безъ знанія прокаженный останется неумытымъ, а рабъ безъ свободы. Знанію законовъ соотношенія вещей обязана Европа своей цивилизаціей, но этого-то именно всегда и недоставало Испаніи. Пока этотъ недостатокъ не пополнится, пока наука съ ея смѣлымъ изслѣдовательнымъ духомъ не утвердитъ свое право дѣлать всякія изслѣдованія согласно своимъ собственнымъ методамъ, мы можемъ быть увѣрены, что въ Испаніи ни литература, ни университеты, ни законодатели, ни реформаторы всякаго рода, никто и ничто не въ состояніи будетъ освободить народъ отъ того безнадежнаго и помраченнаго состоянія, въ которое онъ ввергнутъ ходомъ событій.

Никакое политическое движеніе, какъ бы оно ни казалось превосходнымъ и благовиднымъ, не можетъ произвести прочнаго блага, если ему не предшествуетъ измѣненіе народнаго убѣжденія, а народному убѣжденію измѣненіе знанія,—это истина, свидѣтельствуемая всей исторіей; она особенно очевидна въ исторіи Испаніи. Испанцы имѣли все, исключая знанія. Они имѣли неимовѣрныя богатства, плодородную и самую населеннѣйшую страну на всемъ земномъ шарѣ. Ихъ собственная страна, омываясь Атлантическимъ океаномъ и Средиземнымъ моремъ, обладаетъ превосходными гаванями, занимающими удивительное положеніе для торговыхъ цѣлей между Европой и Америкой. Испанцы какъ бы предназначались владѣть торговлей обоихъ полушарій. Они въ самыя раннія времена имѣли обширныя муниципальныя привилегіи; они имѣли независимые парламенты, имѣли право избирать своихъ судей и управлять сами своими городами. Они имѣли богатые, процвѣтающіе города, обширныя фабрики и искусныхъ ремесленниковъ; произведенія ихъ продавались на всѣхъ рынкахъ земного шара. Они упражнялись въ изящныхъ искуствахъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ: ихъ благородныя изящныя картины и великолѣпные храмы по справедливости занимаютъ мѣсто между самыми чудесными дѣлами рукъ чело-

Digitized by Google

вѣческихъ. Они говорятъ прекраснымъ, звучнымъ и гибкимъ языкомъ, ихъ литература не недостойна своего языка. Ихъ земля доставляетъ богатство всякаго рода. Она изобилуетъ виноградниками и оливковыми деревьями, она производитъ фрукты почти съ тропическимъ избыткомъ. Она содержитъ въ себѣ самые цѣнные минералы въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, чему нельзя видѣть примѣра нигдѣ въ Европѣ. Нигдѣ нельзя найти такого рѣдкаго и цѣннаго мрамора, такъ легко добываемаго; онъ залегаетъ вблизи моря; его легко нагружать на суда и отправлять въ тѣ страны, откуда явится на него требованіе. Что касается металовъ, врядъ ли есть изъ общеупотребительныхъ одинъ, которымъ бы не обладала Испанія въ большомъ количествѣ. Ея серебряныя и ртутныя руды слишкомъ извѣстны. Она изобилуетъ мѣдью, имѣетъ богатыя свинцовыя руды. Желѣзо и каменный уголь, два самые полезные изъ всѣхъ продуктовъ неорганическаго міра, въ изобиліи въ этой благословенной странѣ. Желѣзо весьма хорошаго качества существуетъ повсемѣстно, угольныя копи Астуріи неистощимы. Однимъ словомъ, природа такъ расточительно одарила Испанію своими благами, что безъ преувеличенія можно сказать: испанская нація обладаетъ въ своей странѣ почти всѣми натуральными произведеніями, которыя могутъ удовлетворить или необходимости, или любопытству человѣчества.

Это великолѣпные дары,—дѣло историка показать какъ они были употреблены. Конечно народъ, обладающій ими, никогда не имѣетъ недостатка въ природныхъ способностяхъ. Испанія имѣла не мало великихъ государственныхъ людей, великихъ королей, великихъ судей и великихъ законодателей. Она имѣла много способныхъ и рѣшительныхъ правителей; ея исторія прославлена частымъ появленіемъ мужественныхъ и безкорыстныхъ патріотовъ, жертвовавшихъ всѣмъ для своего отечества. Храбрость народа безспорна; слишкомъ пунктуальная честь испанскаго дворянина служитъ поговоркой, распространенной въ цѣломъ свѣтѣ. О націи вообще лучшіе наблюдатели выражаются какъ о великодушной, щедрой, правдивой, полной честности, способной къ пылкой дружбѣ, склонной ко всякимъ частнымъ общественнымъ сношеніямъ, искренней, милосердой и человѣколюбивой. Искренность испанцевъ въ религіозныхъ дѣлахъ неоспорима; они сверхъ того въ высшей степени воздержны и умѣренны. Эти великія качества не послужили ни къ чему, и не будутъ служить, пока испанцы останутся невѣжественными. Какой будетъ изъ всего этого конецъ и изберетъ ли эта несчастная страна настоящую дорогу, никто не можетъ сказать. Но если она не пойдетъ по настоящей дорогѣ, никакое улучшеніе не

Digitized by Google

будетъ дѣйствовать дальше поверхности. Существуетъ только одинъ путь для уничтоженія суевѣрія въ народѣ, — это успѣшное развитіе изученія естественныхъ наукъ, которое знакомитъ людей съ понятіями порядка и правильности, постепенно уничтожаетъ старыя понятія безпорядка и чудесности и такимъ образомъ пріучаетъ умъ изъяснять естественными причинами перемѣны въ дѣйствіяхъ природы, а не приписывать ихъ дѣйствію сверхъестественныхъ силъ.

Этимъ путемъ самыя передовыя страны Европы идутъ почти три столѣтія. Но въ Испаніи воспитаніе къ несчастію всегда было и до-сихъ-поръ остается въ рукахъ духовенства, которое постоянно противится прогресу знанія, весьма вѣрно предполагая, что онъ будетъ пагубенъ для его собственной власти. Оттого народъ остается въ состояніи невѣжества, и какъ причины держащія его въ невѣжествѣ всегда остаются, то онѣ и дѣлаютъ безполезными всякія мѣры къ просвѣщенію, время отъ времени принимаемыя либеральными правителями-реформаторами. Испанскія реформаторы, съ рѣдкими исключеніями, всегда нападали на духовенство; они ясно видѣли необходимость уменьшить власть духовнаго сословія. Но они не видѣли, что подобное уменьшеніе тогда только принесетъ истинную пользу, когда будетъ результатомъ общественнаго мнѣнія, побуждающаго политиковъ дѣйствовать противъ этой власти. Въ Испаніи политики брали на себя инціативу, а народъ оставался позади. Оттого въ Испаніи все что было сдѣлано въ одно время, передѣлывалось опять на старое въ другое. Когда либералы имѣли власть въ своихъ рукахъ, они уничтожили инквизицію. Фердинандъ VII легко возстановилъ ее. Она была уничтожена испанскими законодателями, но ее существованіе приличествовало обычаямъ и преданіямъ испанской націи. Случилась новая перемѣна и въ 1820 году ненавистный трибуналъ опять уничтоженъ. Но хотя его форма исчезла, однакоже духъ живетъ. Имя, собраніе и видимый образъ инквизиціи уже болѣе не существуютъ, но духъ, производимый инквизицію, глубоко засѣлъ въ сердцахъ и при малѣйшемъ возбужденіи прорвется наружу и возстановитъ учрежденіе, которое есть скорѣе дѣло, чѣмъ причина нетерпимости и пустосвятства испанской націи.

Такимъ же образомъ и въ настоящемъ столѣтіи дѣлали еще болѣе систематическія нападенія на духовенство; они какъ и прежде были сперва успѣшны, но потомъ рѣшительно разстроивались. Въ правленіе Іосифа въ 1809 году уничтожены монашескіе ордена и ихъ собственность конфискована. Однакоже не долго это удержалось въ Испаніи. Нація была другихъ убѣжденій, и какъ скоро прошла буря, монашество опять возстановлено. Въ 1836 году про-

Digitized by Google

зошло новое политическое движеніе, либералы стали въ главѣ правленія, и Мендзибаль секуляризировалъ всѣ церковныя имущества и лишилъ духовенство почти всего громаднаго и худо пріобрѣтеннаго богатства. Онъ не зналъ какъ безумно нападать на учрежденіе, не уменьшивъ сперва его вліянія. Слишкомъ высоко цѣня законодательную власть, онъ слишкомъ низко цѣнилъ власть убѣжденія. Слѣдствія его ошибки выказались слишкомъ ясно. Чрезъ нѣсколько лѣтъ явилась реакція. Въ 1845 году изданы такъ-называемые законы devolution, которыми приняты мѣры, по возможности возстановить доходы духовенства. Въ 1851 году положеніе духовенства еще болѣе улучшилось знаменитымъ конкордатомъ, которымъ торжественно утверждались ихъ права какъ пріобрѣтать, такъ и владѣть имуществомъ. На все это нація съ радостью согласилась. Но не излѣчилась отъ безумія либеральная партія; лишь только чрезъ четыре года послѣ этого она навремя получила власть, тотчасъ же насильно отмѣнила эти распоряженія и уничтожила уступки сдѣланныя духовенству, и къ несчастію для Испаніи, подтвержденныя общественнымъ мнѣніемъ. Легко было предсказать результаты. Въ Арагоніи народъ поднялъ оружіе, обнаружилось карлистское возмущеніе и крикъ прошолъ по всей странѣ, что религія въ опасности. Невозможно сдѣлать добро подобной націи. Реформаторы были поражены, и къ осени 1856 года ихъ партія совершенно разбита. Тогда началась политическая реакція; она быстро пошла впередъ; весной 1857 года, политика двухъ предшествовавшихъ годовъ совершенно ниспровергнута. Тѣ, которые предполагали хорошими законами возродить свое отечество, увидѣли всѣ свои надежды разстроенными. Составилось министерство, котораго мѣры болѣе согласовались съ національными склонностями. Въ маѣ 1857 года собрались кортесы. Представители народа утвердили распоряженія исполнительнаго правительства и ихъ соединенными усиліями самыя худшія статьи конкордата вполнѣ утверждены, запрещена продажа церковныхъ имуществъ, и всѣ ограниченія епископской власти совсѣмъ отмѣнены.

Теперь читатель въ состояніи понять истинную натуру испанской цивилизаціи; обнажить ее и представить въ настоящемъ свѣтѣ — дѣло историка. Національнаго порока было достаточно, чтобы погубить націю. Отъ него всѣ націи тяжко пострадали, а многія еще и теперь страдаютъ. Но нигдѣ въ Европѣ этотъ принципъ не былъ такъ долго верховнымъ, какъ въ Испаніи. Слѣдовательно нигдѣ въ Европѣ слѣдствія его не были такъ очевидны и пагубны. Идея свободы вымерла, если на самомъ дѣлѣ, въ настоящемъ своемъ значеніи, она когда-нибудь существовала въ

Digitized by Google

Испаніи. Нѣтъ сомнѣнія здѣсь были изверженія свободы и вѣроятно еще будутъ, но они скорѣе порывы беззаконія чѣмъ свободы. Въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ существуетъ всегдашнее правило повиноваться даже несправедливымъ законамъ, и повинуясь имъ, настаивать на ихъ отмѣненіи. Мы чувствуемъ, что лучше устранить вредъ, чѣмъ противиться ему. Подчиняясь извѣстнымъ тягостямъ, мы въ тоже время нападаемъ на систему, изъ которой проистекаютъ эти тягости. Для націи, имѣющей подобный взглядъ требуется извѣстная степень ума, въ темные періоды европейской исторіи, недостижимая для народа. Оттого-то въ среднія вѣка были безпрерывные мятежи, общія же возмущенія очень рѣдки. Но съ XVI столѣтія мѣстные бунты, возбужденные непосредственно несправедливостью, уменьшились и замѣнились революціями, поражающими разомъ и источники, изъ которыхъ произошла несправедливость.

Въ Испаніи никогда не было революціи въ настоящемъ значеніи этого слова, здѣсь даже никогда не было общаго народнаго возмущенія. Народъ часто былъ необузданнымъ, никогда свободнымъ. Между испанскимъ народомъ мы находимъ еще сохранившимся особенное пятно варваризма; онъ предпочитаетъ случайное непослушаніе узаконенной свободѣ. Онъ даже ругаетъ докучливаго, несноснаго монаха или иногда смѣется надъ толстымъ священникомъ. Между-тѣмъ онъ до того пристрастенъ, что рискуетъ жизнію защищая жестокое суевѣріе, причинившее ему страшныя бѣдствія: онъ цѣнитъ его, какъ милѣйшій предметъ своей привязанности.

Въ связи съ этими свойствами ума, или лучше сказать, составляющія часть ихъ, мы находимъ въ испанцѣ почтеніе къ древности и безмѣрную привязанность къ старымъ убѣжденіямъ, старымъ вѣрованіямъ и старымъ привычкамъ, что напоминаетъ тропическія цивилизаціи, процвѣтавшія въ древнія времена. Подобныя предразсудки были нѣкогда всеобщими даже въ Европѣ, но они начали изчезать въ XVI столѣтіи и теперь, сравнительно говоря, вымерли вездѣ, исключая Испаніи, гдѣ они всегда были привѣтсвуемы. Въ этой странѣ они удержали свою первоначальную силу и произвели естественныя результаты. Поощряя то мнѣніе, что самыя важнѣйшія истины, которыя необходимо знать, уже извѣстны, они укрощали эти стремленія и притупляли эту благородную надежду на будущее, безъ которыхъ ничто дѣйствительно великое не можетъ быть окончено. Народъ, смотрящій на прошедшее съ слишкомъ горячею любовію, никогда не возбудитъ въ себѣ желаніе дальнѣйшаго прогреса: онъ едва ли повѣритъ, что прогресъ возмо-

Digitized by Google

женъ. Для него древность синонимъ мудрости, а всякое улучшеніе опасное нововведеніе. Въ этомъ состояніи Европа коснѣла многія столѣтія, Испанія коснѣетъ и до сихъ поръ. Оттого испанцы замѣчательны бездѣйственностью, лишеніемъ упругости, отсутствіемъ надежды, а это въ нашъ хлопотливый и предпріимчивый вѣкъ уединяетъ ихъ отъ остальнаго цивилизованнаго міра. Вѣря, что немного можно сдѣлать, они и не торопятся дѣлать. Вѣря, что знанія, ими наслѣдованныя, гораздо въ большемъ объемѣ, чѣмъ они сами могли бы пріобрѣсти, они желаютъ сохранить свои умственныя владѣнія цѣлыми и неизмѣняемыми, предполагая, что малѣйшее измѣненіе уменьшитъ ихъ цѣну. Довольные тѣмъ что имъ завѣщано отъ предковъ, они исключили себя изъ великаго европейскаго движенія, которое стало ясно примѣтно уже въ XVI вѣкѣ, съ тѣхъ поръ постоянно идетъ впередъ, потрясаетъ старыя убѣжденія, уничтожаетъ старыя глупости, преобразовываетъ и улучшаетъ со всѣхъ сторонъ, имѣетъ вліяніе даже на отдаленныя варварскія страны, но оставляетъ Испанію неподвижной. Въ то время когда развитіе человѣчества идетъ такимъ чуднымъ и неслыханнымъ шагомъ, когда открытія всякаго рода одновременно двигаютъ насъ впередъ, и сами идутъ съ такимъ быстрымъ восхищающимъ успѣхомъ, что самое сильнѣйшее зрѣніе помрачается ослѣпительнымъ блескомъ ихъ великолѣпія и не можетъ разсматривать ихъ въ совокупности, въ то время когда другія открытія еще болѣе значительныя и болѣе далекія отъ обыкновенныхъ опытовъ, явно показываются и уже видимы вдали, какъ воздушныя призраки, ибо они теперь еще не ясно выработаны передовыми мыслителями, стоящими къ нимъ ближе, умы которыхъ исполнены той неопредѣленности и безпокойства, которыя служатъ неизмѣнными предвѣстниками будущаго торжества; въ то время когда покрывало сурово разодрано, и природа, затронутая во всѣхъ пунктахъ непреклонною волей человѣка, принуждена открыть свои таинства и обнаружить свое устройство, свою систему, свои законы; когда Европа громко звучитъ о своихъ умственныхъ подвигахъ; въ то время когда среди общаго шума и возбужденія, человѣческій умъ наклоняясь туда и сюда, волнуется и колеблется, въ то время Испанія спитъ, спокойная, безпечная, нечувствительная, не принимающая впечатлѣній прочаго міра и не дѣлающая никакого впечатлѣнія на него. Лежитъ она на крайней оконечности континента, огромная и бездѣйственная масса, единственная представительница давно отжившихъ средневѣковыхъ понятій и чувствъ, и что въ ней хуже всего, она довольна своимъ положеніемъ. Хотя она самая отсталая страна въ Европѣ, это не мѣшаетъ ей считать

Digitized by Google

себя самой передовой. Она гордится тѣмъ, чего бы должна стыдиться; гордится древностію своихъ убѣжденій, гордится неизмѣримымъ и ребяческимъ суевѣріемъ, гордится нежеланіемъ исправить свои вѣрованія и привычки, гордится ненавистью къ ересямъ, гордится своею неумирающею бдительностію, съ которою она разстраиваетъ всѣ усилія, чтобы получить полное и законное утвержденіе своего правленія.

Все это взятое вмѣстѣ производитъ въ своей совокупности ту грустную картину, которой мы даемъ собирательное имя Испаніи. Исторія этого особеннаго слова есть исторія почти каждой превратности, къ которой способенъ человѣческій родъ. Она заключаетъ въ себѣ крайности силы и слабости, неограниченнаго богатства и низкой бѣдности. Это есть исторія смѣшенія различныхъ расъ, языковъ и крови. Она заключаетъ въ себѣ почти каждую политическую комбинацію, какую только могъ изобрѣсти человѣческій умъ: законы, безконечные въ разнообразіи и числѣ, конституціи всѣхъ родовъ отъ самой строгой до самой либеральной. Демократія, монархія, правительство изъ духовенства, управленіе посредствомъ муниципалитетовъ, правительство изъ дворянъ, управленіе посредствомъ представителей сословій, правительство изъ туземцевъ, правительство изъ иностранцевъ — все испытывалось, но испытывалось напрасно. Матерьяльныя средства употреблялись расточительно; искуства, изобрѣтенія и машины введены изъ-за границы, заведены фабрики, открыты сообщенія, сдѣланы дороги, прорыты каналы, разработывались рудники, устроивались пристани. Однимъ словомъ здѣсь были перемѣны всякаго рода, кромѣ перемѣны убѣжденій; здѣсь были всевозможныя измѣненія, одно знаніе оставалось въ томъ же видѣ. И результатъ всего этого тотъ, что наперекоръ усиліямъ послѣдовательныхъ правительствъ, наперекоръ вліянію иностранныхъ нравовъ, наперекоръ тѣмъ естественнымъ улучшеніямъ, которыя измѣняютъ положеніе обществъ и которыхъ испанцы неспособны были принять, наперекоръ всему этому въ Испаніи нѣтъ и признака національнаго прогреса; здѣсь духовенство всегда и во всемъ выигрываетъ; самое незначительное нападеніе на него поднимаетъ народъ. Несмотря даже на развратъ и отвратительные пороки, которыми въ настоящее столѣтіе запятнало себя испанское духовенство, ничто не могло уменьшить суевѣрія и преданности, которыя, накопляя силы втеченіе многихъ столѣтій, вросли въ умы и въѣлись въ сердца испанской націи.

Digitized by Google

ДВА ОТРЫВКА

I

.... Вотъ, казалось, туда! Тамъ учись и живи,
Тамъ-то новыя мысли и встрѣчи!
Замирало въ груди, закипало въ крови
Отъ неслыханной, дерзостной рѣчи...

И какія слова говорили они,
Что за пѣсни у нихъ выходили!
Все-то думалось мнѣ: ахъ, Господь ихъ храни,
Ихъ, что маялись такъ да любили!
Гдѣ ужь мнѣ, гдѣ ужь мнѣ! Только-бъ ихъ-то слыхать —
Эти рѣчи — все снова да снова!
И привыкла душа той отравой дышать
И въ восторгѣ свою чистоту полагать
Въ развращенное, лживое слово...

А потомъ... а потомъ все какъ-будто обманъ,
Все не то — и веселье и горе...
Точно всталъ надъ тобой непроглядный туманъ
И шумитъ подъ туманами море;
Такъ-то глухо шумитъ, безотрадно шумитъ,
Что тоска все мнѣ сердце изъѣла...
Только пусть этотъ вѣтеръ уныло гудитъ,
Мнѣ такъ хочется кинуться смѣло
Въ это море, въ туманъ... Будь что будетъ со мной,
Страстно кинусь туда, окунусь всей душой,
Помышленьемъ и жизнію цѣлой!

Digitized by Google

II

Ты, мертвецъ мой, приди, обними ты меня,
Погляди ты на сына съ любовью!
Я тебя забывалъ средь тревоги пустой,
Но въ ночи, какъ томлюсь я безсонной тоской,
Приходи къ моему изголовью!
Мы поплачемъ съ тобой, потолкуемъ съ тобой,
Предъ тобой на колѣни я стану,
Ты мой милый мертвецъ, ты старикъ мой сѣдой,
Я съ тобой говорить не устану.
Ты вѣдь помнишь какъ я зарыдалъ, какъ гремя,
Гробъ твой мерзлая глина покрыла
И мятель заунывно завыла кругомъ...

И съ тѣхъ поръ ужь давно на кладбищѣ глухомъ
Зеленѣетъ простая могила.
Онъ давно тамъ лежитъ, мой голубчикъ, давно!
Мирно спитъ онъ, землей прикрывается,
Дни играютъ надъ нимъ, ночки ходятъ темно,
Вьюги-бури надъ нимъ заливаются...

И вотъ такъ будетъ онъ все лежать да лежать
На зеленомъ на тихомъ кладбищѣ —
Дружно будутъ съ крестомъ ивы вѣтки сплетать —
Тамъ и солнце и воздухъ-то чище —

На могилку его будутъ мелкія пташки летать,
Божьи пташки споютъ ему пѣсенки,
У могилки его будутъ дѣтки шумѣть и играть
На церковной на низенькой лѣсенкѣ...

Ѳ. БЕРГЪ

Digitized by Google

БУТУЗКА

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Верстахъ въ двухъ отъ моей деревни находилось небольшое село Фролово, получившее свое названіе отъ церкви св. Фрола и Лавра. Оно состояло изъ семидесяти душъ и двадцати крестьянскихъ дворовъ и принадлежало старушкѣ, помѣщицѣ Аксиньѣ Максимовнѣ. Фамилію Аксиньи Максимовны никто не зналъ; одни называли ее Ивановой, другіе — Шварцбергъ; что же касается до ея мужиковъ, такъ тѣ прямо увѣряли, что у ней нѣтъ никакой фамиліи, а что она просто Аксинья Максимовна — и только. Доискиваться настоящей фамиліи Аксиньи Максимовны никому не приходило въ голову, вѣроятно потому, что до нея никому не было дѣла. Жила Аксинья Максимовна скромно, съ сосѣдями не зналась, и принимала только однихъ монаховъ и монахинь, разъѣзжавшихъ по сборамъ.

Село Фролово было отъ меня такъ близко, что прямо изъ оконъ моего кабинета виднѣлась фроловская березовая роща, чудная, свѣтлая роща, изъ-за которой выглядывалъ и крестъ фроловской церкви. Не проходило ни одного вечера, чтобъ я не любовался и этою рощей и этимъ крестомъ. Я такъ наглядѣлся на эту картину, такъ врѣзалась она въ мою память, что гдѣ бы я ни былъ, въ городѣ, въ деревнѣ ли, а березовая роща съ крестомъ всегда уже у меня передъ глазами. Особенно памятенъ

Digitized by Google

мнѣ одинъ вечеръ. Это было въ іюлѣ. Надобно сказать, что роща отдѣлялась отъ моего дома небольшимъ пространствомъ, по которому извивалась дорога во Фролово. По правой сторонѣ дороги тянулись крестьянскія поля, покрытыя созрѣвшимъ овсомъ; а по лѣвой сторонѣ, въ небольшой зеленой лощинкѣ протекала рѣка. Солнце садилось, но отъ горизонта было еще довольно высоко. Вечеръ былъ чудный; только-что пролившій крупный дождь, продолжавшійся съ полчаса, освѣжилъ всю природу: трава позеленѣла, цвѣты посвѣжѣли и только одна рѣка какъ-будто возмутилась немного. Солнце свѣтило ярко и прямо лучами своими ударяло на рощу и на крестъ. Небо надъ ними было совершенно чистое и свѣтлое, между тѣмъ какъ гораздо лѣвѣе виднѣлась еще густая туча, обильно поливавшая поля, находившіяся отъ моего дома верстахъ въ десяти. Косыя полосы дождя, освѣщенныя солнцемъ, отдаленный глухой гулъ грома, темнота одной половины горизонта и яркій свѣтъ другой, желтѣющій созрѣвшій овесъ, яркая зелень рощи и наконецъ сіяющій крестъ фроловской церкви, все это такъ разнообразило картину, что отъ нея рѣшительно не хотѣлось оторваться.

А какъ живописна была дорога, ведущая во Фролово! Она шла вдоль самой рощи, и такъ близко къ ея краю, что вы на многихъ березахъ могли бы видѣть слѣды зацѣплявшихъ за деревья дегтярныхъ осей. Съ другой же стороны протекала рѣка. Рѣка эта, правда, была небольшая, но зато песчаные берега, усѣянные мелкимъ хрящомъ и разноцвѣтными раковинами, были весьма красивы. Кое-гдѣ рѣку эту перепруживали свалившіяся съ берегу ветлы, и тогда на этихъ мѣстахъ рѣка какъ-будто измѣняла свой тихій нравъ: она кипѣла, пѣнилась и шумно перекатывалась черезъ ветлы. Шумъ этотъ далеко разносился по рощѣ, гудѣлъ во всѣхъ кустахъ и деревьяхъ и точно повѣдывалъ имъ свою досаду.

Пройдя рощу и заглянувъ направо, вы увидали бы усадьбу Аксиньи Максимовны, а нѣсколько далѣе и самое село Фролово съ церковью. Усадьба Аксиньи Максимовны была очень ветхая: флигилечекъ съ мезониномъ, крытый соломой, клѣтушки, амбарчики, сарайчики, въ изобиліи окружавшіе флигель, и сгнившій покосившійся колодезь, — вотъ все что встрѣтили бы вы въ этой усадьбѣ; зато садъ старинный и темный такъ и господствовалъ надъ всѣмъ Фроловомъ. И чего только не было въ этомъ саду!

Digitized by Google

Тутъ росли и яблони, и сливы, и вишни, и смородина, и крыжовникъ, и малина. Какъ взойдешь бывало въ него, такъ тутъ же и вскрикнешь: «экая благодать!» Тутъ были также и темныя липовыя алеи, и прудочки, и полуразвалившіяся бесѣдки, и заросшія тропинки, словомъ все что составляетъ прелесть старыхъ запущенныхъ садовъ. Но прелесть эту врядъ ли кто понималъ во Фроловѣ; равнодушно и холодно всякій проходилъ мимо нихъ и ни слова о быломъ, какъ-будто и не было этого былого... Не менѣе ветхою казалась и фроловская церковь съ восьмигранною колокольнею и съ крошечными рѣшотчатыми окнами. Выкрашенная желтою краской и крытая тесомъ, она какъ-то особенно мрачно смотрѣла среди могилъ и полусгнившихъ крестовъ, окружавшихъ ее. Вообще глядя на Фролово, можно было замѣтить, что оно въ рукахъ у плохого хозяина; да и кто былъ бы въ силахъ заняться этимъ хозяйствомъ, тогда какъ всѣ привыкли къ этому порядку, сроднились съ нимъ и тогда какъ всѣ были чуть ли не старше самого Фролова! Чтобы убѣдиться въ послѣднемъ стоило только войти въ домикъ Аксиньи Максимовны, и взглянувъ на нее, посмотрѣть и на окружавшую ея прислугу. Вся молодежь, состоявшая изъ пяти-шести толстыхъ краснощекихъ дѣвокъ, помѣщалась такъ далеко, что ее трудно было и увидать. Въ жилыхъ же комнатахъ только двигались одни старики, да старухи. Сколько мнѣ помнится, моложе всѣхъ былъ буфетчикъ Акимъ, но и ему уже было давно за шестьдесятъ. Акимъ этотъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ характерѣ своемъ имѣлъ весьма странную черту любопытства. Съ кѣмъ бы онъ ни встрѣтился, въ туже минуту справлялся откуда онъ, чѣмъ занимается, и даже справлялся по какому живетъ виду, по паспорту или по билету? Больше онъ не интересовался ни чѣмъ, и ни о чемъ больше не говорилъ. Спроситъ бывало: «Ты откуда?» — «Оттудова-то.» — «По билету?» — «Да, по билету.» И только; больше ему ничего и не надо.

II

Аксинья Максимовна была низенькая, худенькая старушка, немного сутуловатая, съ дряблымъ, крошечнымъ лицомъ, съ сѣдыми рѣдкими волосами и узенькими глазками, которые не

Digitized by Google

глядѣли, а какъ-будто постоянно что-то подсматривали, или старались покрайней-мѣрѣ подсмотрѣть. Аксинья Максимовна никогда нѣ носила чепцовъ, а всегда ходила съ открытой головой и причесывала волосы помужски, то-есть подстригала ихъ на затылкѣ и дѣлала проборъ на боку. Она безпрестанно закручивала виски, и вслѣдствіе дряхлости носила что-то вродѣ мужскихъ халатовъ. Прошедшаго Аксиньи Максимовны никто не зналъ хорошенько: знали только, что она дѣвица и что когда она купила Фролово, ей было лѣтъ подъ шестьдесятъ. Она была дотого стара, что странно и неловко подумать, чтобы Аксинья Максимовна была когда-нибудь молодою, не говоря уже хорошенькою. Такъ и думалось, что она родилась старухой, что пришла откудова-то, съ какого-то другого свѣта, гдѣ о молодыхъ и помину не было, пришла, да и купила себѣ свое Фролово. Она была весьма набожная и богомольная старушка, поправила сколько могла церковь, платила жалованье дьякону, котораго по малочисленности прихода не было, и сама читала во время обѣдни передъ образомъ Спасителя извѣстный псаломъ: *благословлю Господа на всякое время*. Послѣ этого дьячокъ обыкновенно выносилъ ей изъ алтаря просфиру, которую Аксинья Максимовна тутъ же и кушала, подѣлившись съ своимъ прикащикомъ Фомой Зотычемъ и экономкой Агафьей Филатьевной. Послѣ обѣдни Аксинья Максимовна начинала обыкновенно прикладываться къ образамъ, и приложившись ко всѣмъ, которые могла только достать, шла домой, всякій разъ соболѣзнуя, что ей нельзя входить въ алтарь. Она даже хлопотала какъ-то, чтобы архіерей разрѣшилъ ей это, хлопотала долго и упорно и весьма была оскорблена, что просьба осталась не уважена. Послѣ этой неудачи она такъ возненавидѣла архіерея, что перестала за него молиться: вотъ до какой степени она была оскорблена! Кромѣ поста и молитвы, Аксинья Максимовна ни во что не вникала: она даже не знала изъ какихъ источниковъ доставляетъ ей Фома Зотычъ деньги. Разумѣется Фома Зотычъ, искони занимавшійся прикащичествомъ, обдѣлывалъ свои дѣла какъ нельзя лучше, нисколько не мѣшая своей госпожѣ оплакивать грѣхи ближнихъ. Надо вамъ сказать, что Аксинья Максимовна за собой грѣховъ не замѣчала, кромѣ развѣ только самыхъ пустыхъ, о которыхъ и говорить не стоило. И досугъ ли было грѣшить Аксиньѣ Максимовнѣ! Она только и знала, что цѣлый день

Digitized by Google

или молилась, или бесѣдовала съ монахами и монашенками, безпрестанно пріѣзжавшими къ ней богъ-вѣсть откуда, и гостившими иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Пріѣздъ этихъ монаховъ былъ сущимъ кладомъ для буфетчика Акима: онъ тотчасъ же шолъ къ ихъ кибиткѣ и потолошившись около нея, подходилъ потомъ къ кучеру.

— Откудова? спрашивалъ онъ у него.

— Оттудова-то.

— Нанимаешься?

— Ништо...

— По билету?

— Да, по билету.

Аксинья Максимовна пользовалась между монахами большою извѣстностью, такъ что во всѣхъ монастыряхъ она слыла за самую усердную дательницу.

Пріѣдетъ бывало монахъ.

— Откуда, батюшка? спроситъ его Аксинья Максимовна.

— Изъ такой-то пустыни, отвѣтитъ онъ: — ѣзжу по сборамъ. Въ калужской губерніи встрѣтился съ однимъ инокомъ Парфеніемъ, который передалъ мнѣ, чтобы я заѣхалъ къ вамъ, благочестивой ревнительницѣ православной церкви. Наша обитель бѣдна, трапеза скудная, храмъ божій въ ветхости, братія малая, такъ не будетъ ли ваше усердіе пожертвовать что-нибудь, за что мы всѣ о здравіи вашемъ будемъ возсылать самыя усердныя молитвы ко престолу всевышняго. Говоритъ, а самъ глаза опуститъ и перебираетъ четками, а Аксинья Максимовна достанетъ платочекъ и расплачется.

И рѣдкая недѣля не проходила, чтобы не пріѣзжалъ къ ней кто-нибудь изъ монаховъ.

Домикъ, въ которомъ жила Аксинья Максимовна, былъ такъ малъ, что когда войдете въ него, то стѣны точно начинаютъ васъ сжимать со всѣхъ сторонъ, и васъ такъ и подмываетъ расперетъ ихъ локтями. Всѣ комнаты увѣшаны были образами и уставлены горшками герани; зато солнце такъ и играло въ нихъ. Весь окутанный зеленью грушъ и яблонь, домикъ, несмотря на свою ветхость, смотрѣлъ какъ-то особенно ласково. Запахъ же цвѣтовъ и деревьевъ напоминалъ Малороссію. Вообще про село Фролово существовало такое мнѣніе, что оно сущее золотое дно, несмотря на то, что въ немъ всего только семьдесятъ душъ и

Digitized by Google

пятьсотъ десятинъ земли. Помѣщикъ Хмуровъ, дачи которато примыкали къ Фроловскимъ, не могъ даже хладнокровно говорить о Фроловѣ и всегда ужь изругаетъ бывало Аксинью Максимовну на чемъ свѣтъ стоитъ за то, что не онъ, а она владѣетъ этою благодатью. Да и въ самомъ дѣлѣ Фролово было славное имѣньице! Оно такъ уютно, такъ спокойно расположилось у опушки рощи и по берегу рѣки, что невольно какъ-то заставляло любоваться собой. Поля были тутъ же, вокругъ самаго селенія, такъ что стоило только выдти за околицу и вы въ полѣ. Кругомъ и густая рожь въ ростъ человѣка, и частый овесъ, и греча, и горохи, и все это смотрѣло такъ сочно и здорово, и такъ оглашалось крикомъ перепеловъ, что невольно бралъ какой-то помѣщичій задоръ, какая-то помѣщичья зависть, — такъ бы и отмежевалъ себѣ всю эту роскошь.

— Вы посмотрите, вы посмотрите, что это за черноземъ! говорилъ обыкновенно Хмуровъ, подъѣзжая къ фроловской межѣ. Вѣдь это ужасъ! вѣдь это золото!

А Аксинья Максимовна жила себѣ, да жила въ своемъ домикѣ, подъ благодатной тѣнью вишень и яблонь.

III

Послѣ всего этого можно ли было предполагать, что въ этомъ скромномъ и живописномъ уголкѣ, гдѣ жила Аксинья Максимовна, могли происходить какія бы то ни было драмы. Казалось здѣсь и существовали только миръ и тишина, а между тѣмъ этотъ миръ и эта тишина менѣе всего встрѣчались здѣсь. Дѣло въ томъ, что у Аксиньи Максимовны была собаченка, Бутузка, которую любила она до того, что даже украсила портретами ея всѣ комнаты фроловскаго домика.

Бутузка эта была дотого стара, что съ трудомъ уже ходила и лежала большею частью возлѣ Аксиньи Максимовны. И Аксинья Максимовна бывало глазъ съ нея не сводила. Бутузка для нея была все, и еслибъ отнять отъ нея ея собаченку, то богъ-знаетъ что бы сдѣлалось съ Аксиньей Максимовной. Мнѣ кажется, она просто захворала бы съ отчаянія, или покрайнеймѣрѣ стала бы оплакивать ее точно такъ же, какъ оплакивала бы кончину своего роднаго сына, если бы только у нея былъ сынъ.

Digitized by Google

Гдѣ-то еще щенкомъ нашла Аксинья Максимовна эту Бутузку, сама ее выходила и воспитала и наконецъ раскормила до того, что Бутузка отъ жира задыхалась на каждомъ шагу. Что находила Аксинья Максимовна хорошаго въ этой Бутузкѣ, рѣшительно нельзя понять. Это была просто какая-то смѣсь дворняшки съ мордашкой, самой непривлекательной наружности. Глаза ея постоянно гноились, толстая морда съ оскаленными зубами имѣла постоянно какой-то сонный видъ и вѣчно изо рта у ней тянулись какія-то слюны. Когда она шла, то за нѣсколько комнатъ можно было слышать какъ сопитъ Бутузка и какъ стукаетъ она объ полъ своими ногтями, которые отъ старости и черезчуръ малаго движенія отросли до такой степени, что превратились совершенно въ орлиные когти. Толстая, жирная и сѣдая, она насилу передвигалась. Точно также какъ дурна и непривлекательна была наружность Бутузки, точно также былъ дуренъ и характеръ ея. Рѣдко кого любила она, тогда какъ огрызалась и бросалась на всякаго. Когда же выходила она съ Аксиньей Максимовной гулять, то бывало не пропуститъ ни одного мальчишки, ни одной дѣвчонки, чтобы хорошенько не оборвать ихъ. Поднимется бывало крикъ, вой, а Аксинья Максимовна забавляется этимъ. Точно также Бутузка нападала на куръ и на гусей, и даже начала было нападать на телятъ, но вскорѣ отстала, потомучто однажды одинъ теленокъ такъ хватилъ ее задней ногой, что бѣдная Бутузка прохромала съ мѣсяцъ. И надо было видѣть въ то время гнѣвъ Аксиньи Максимовны. Въ туже минуту она велѣла зарѣзать теленка, хотя онъ принадлежалъ и не ей, а какой-то старухѣ дворовой, и всего этого теленка извела на кормъ Бутузкѣ. Долго жалилась старушка о своемъ теленкѣ, котораго купила на послѣднія деньги; долго было хлопотала черезъ прикащика Фому Зотыча, не окажетъ ли ей барышня за теленочка какую-нибудь милость, но Аксинья Максимовна не только не оказала какой-нибудь милости, но даже хотѣла было посѣчь старуху за домогательство, да благо какой-то пріѣхавшій монахъ, съ которымъ занялась Аксинья Максимовна душеспасительной бесѣдой, отвлекъ ея вниманіе отъ слезливой старушонки.

Я даже не знаю кто игралъ первую роль во Фроловскомъ домѣ, Аксинья Максимовна или Бутузка? Покрайней-мѣрѣ я знаю, что Бутузку боялись гораздо больше, чѣмъ Аксинью Максимо-

Digitized by Google

ину, и что отъ Бутузки всѣ зависѣли несравненно болѣе, чѣмъ отъ Аксиньи Максимовны. Бутузка сразу могла осчастливить человѣка, и сразу уничтожить его въ пыль и прахъ. Даже самый прикащикъ Аксиньи Максимовны, Фома Зотычъ, человѣкъ положительный, съ брюшкомъ, и ходившій всегда въ манишкахъ и при часахъ, и тотъ какъ огня боялся Бутузки, потомучто разъ вздумавши повздорить съ нею чуть-чуть не былъ перемѣщенъ съ прикащичьей должности въ пастухи. Дѣло въ томъ, что Аксинья Максимовна дотого была привязана къ Бутузкѣ, что всякую обиду, нанесенную собакѣ, принимала какъ личную себѣ обиду, и ужь если Бутузка кого не взлюбитъ, то ужь тотъ, будь онъ хоть семи пядей во лбу, низачто не приобрѣтетъ себѣ расположенія Аксиньи Максимовны.

— У меня только и есть одно утѣшеніе, говорила она, потряхивая своей головкой: — такъ зачѣмъ же хотятъ отнять у меня его?

Понимала ли все это инстинктивно Бутузка, или же имѣла врожденныя дурныя свойства, но только она въ самыхъ даже малѣйшихъ движеніяхъ проявляла какой-то деспотическій характеръ. На всѣхъ смотрѣла она какъ-то враждебно, на всѣхъ оскаливала свои зубы, и если была привязана къ Аксиньѣ Максимовнѣ, то какъ-будто изъ того только, что этого требовало ея общественное положеніе. Всегда съ торчащею на хребтѣ шерстью, она имѣла видъ какой-то уродливой маленькой гіены. Само собою разумѣется, что все это внушало какое-то отвращеніе къ Бутузкѣ; но Аксиньѣ Максимовнѣ напротивъ это и нравилось. Привязанность ея къ Бутузкѣ доходила даже до того, что она требовала отъ прислуги, чтобы та вставала, когда проходила Бутузка. И Бутузка такъ понимала это, что всегда оскаливала зубы и всегда ощетинивалась, когда прислуга не исполняла этого приказанія. Если же послѣ этого она не вставала, то Бутузка принималась визжать, лаять и бросаться на всѣхъ; на этотъ визгъ прибѣгала разумѣется Аксинья Максимовна, и по своему уже расправлялась съ непослушными.

IV

Еслибы не было Бутузки, то конечно во Фроловѣ все было бы и тихо и смирно. Но совершеннаго счастья на землѣ нѣтъ.

Digitized by Google

Неразъ дворня собиралась извести какъ-нибудь ненавистную собачонку, неразъ бросала ей отраву, но Бутузка такъ привыкла ѣсть изъ рукъ одной Аксиньи Максимовны, что даже и не нюхала отравленной пищи. Все это страшно озлобляло дворню, и вотъ однажды столяръ Иванъ, негодовавшій на Аксинью Максимовну за то, что она не дозволяла ему жениться на одной изъ своихъ горничныхъ, Аринѣ, которую Иванъ любилъ больше всего на свѣтѣ, рѣшился во что бы то ни стало извести Бутузку. Онъ долго думалъ объ этомъ, долго соображалъ какъ бы осуществить свою мысль, два раза напивался даже для вдохновенія мертвецки пьянымъ, такъ что разъ провалялся въ грязи на днѣ какого-то оврага, наконецъ, ничего не придумавъ, рѣшился передать свое намѣреніе на обсужденіе дворни. На первыхъ порахъ вся дворня перепугалась рѣшимости Ивана, но потомъ, дня черезъ два положили, что самое лучшее напасть гдѣ-нибудь врасплохъ на Бутузку и убить ее коломъ. Всѣ эти совѣщанія дѣлались съ такою осторожностью и съ такою предусмотрительностью, что еслибъ можно было подслушать ихъ, то навѣрное всякій бы подумалъ, что тутъ богъ-знаетъ о чемъ шло дѣло. Послѣ этихъ совѣщаній Иванъ опять раза два напивался, наконецъ махнулъ рукой и принялся подкарауливать Бутузку. Иванъ былъ малый рѣшительный и потому всѣ были въ полномъ убѣжденіи, что скоро Бутузки не будетъ и что скоро во Фроловѣ водворится и миръ и тишина. Кромѣ того Иванъ обладалъ такой силой, что всегда обижался, когда ему давали нести что-нибудь легкое.

Вслѣдствіе этого всѣ успокоились и только ждали той торжественной минуты, когда совершится дѣло убійства. Бутузка имѣла привычку послѣ обѣда прогуливаться по саду. Иногда сопровождала ее Аксинья Максимовна, но это бывало очень рѣдко. И вотъ Иванъ рѣшился ухлопать Бутузку во время этой-то прогулки. Онъ выбралъ для этого какой-то праздникъ. Случай благопріятствовалъ какъ нельзя лучше: разнесся слухъ, что Аксинья Максимовна немного захворала и потому нечего было опасаться, что она будетъ прогуливаться вмѣстѣ съ Бутузкой. Еще съ утра вооружившись огромнѣйшимъ коломъ, какъ-будто дѣло шло объ убійствѣ медвѣдя, Иванъ засѣлъ въ кусты крыжовника и сталъ подкарауливать Бутузку. Вся дворня была въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи. Прикащикъ Фома Зотычъ

Digitized by Google

трясся какъ въ лихорадкѣ и дотого растерялся, что идя къ обѣднѣ, надѣлъ свой жилетъ на изнанку. Экономка Агафья Филатьевна вмѣсто чаю напилась липоваго цвѣта и безпрестанно ходила къ кустамъ крыжовника справляться объ Иванѣ. И всякій разъ, подойдя къ извѣстному кусту, спрашивала таинственно и шопотомъ:

— Ну что?

— Ничего.

— Сидишь?

— Сижу.

— Не проходила еще?

— Нѣтъ.

— Такъ не зѣвай же.

— Небось!

— Только ты смотри акуратнѣй.

— Знаю.

— Смотри же.

— Ладно.

И послѣ этого Агафья Филатьевна уходила въ кухню, въ которой собралась уже вся дворня и даже приходскій дьячокъ, отличавшійся тѣмъ, что имѣлъ по шести пальцевъ на рукахъ. Собрались же они всѣ въ кухнѣ для того, чтобы быть поближе къ мѣсту дѣйствія и чтобы извѣстіе объ убіеніи Бутузки не могло застать кого-нибудь врасплохъ, и главное — не могло бы застать наединѣ, такъ какъ на людяхъ и смерть краше. Такъ просидѣли они нѣсколько часовъ. Но каковъ же былъ испугъ дворни, когда вдругъ, немного спустя послѣ обѣда Аксиньи Максимовны, дворня эта услыхала долетѣвшій изъ сада страшный визгъ, потомъ страшный крикъ, а вслѣдъ затѣмъ увидала и самаго Ивана, который бѣжалъ вонъ изъ сада, какъ сумашедшій, въ сопровожденіи Бутузки, такъ и бросавшейся на него, такъ и хватавшей его и за икры и за руки

— Что такое? закричали они почти въ одинъ голосъ, но вдругъ умолкли, увидавъ Аксинью Максимовну, вбѣжавшую въ кухню. Лицо ея было какъ полотно, глаза сверкали, губы судорожно сжимались, между тѣмъ какъ сухіе и костлявые пальцы такъ и сжимались въ кулаки.

— Связать его! кричала она задыхаясь и обращаясь къ прикащику! — связать его, сковать тотчасъ же!

Digitized by Google

Но Фома Зотычъ, равно какъ и всѣ другіе, стоялъ какъ убитый.

— Ну, чего-жъ стоишь! Чего смотришь! Тебѣ говорятъ связать Ваньку! Онъ хотѣлъ убить мою Бутузку, я сама видѣла это. Связать, говорятъ тебѣ!

Тутъ только опомнилась дворня. Бросились за Иваномъ, но гдѣ былъ Иванъ, куда онъ убѣжалъ — никто не могъ дознаться. И только одна Бутузка, воротившаяся немного погодя вся въ грязи и въ репьяхъ, доказывала, что она, преслѣдуя Ивана, побывала и въ болотахъ и въ лѣсахъ.

Съ тѣхъ поръ не было и слуху о столярѣ, и только одни пастухи говорили, что видѣли, какъ бѣжалъ онъ полемъ, направляясь къ лѣсу и какъ шаромъ катилась за нимъ Бутузка, оглашая воздухъ дикимъ лаемъ и пронзительнымъ визгомъ. Съ того времени никто уже не покушался на жизнь собачонки, никто не оскорблялъ ее, и даже прислуга безпрекословно стала вставать передъ Бутузкой, когда та ощетинившись проходила мимо нея, косясь и переваливаясь съ боку на бокъ и стуча своими длинными когтями.

V

Этого только и добивалась Аксинья Максимовна. Сядетъ бывало у раствореннаго окна, возлѣ котораго такъ и задорилась черемуха, возьметъ молитвенникъ и сидитъ себѣ по цѣлымъ днямъ, изрѣдка посматривая на свою милую Бутузку. Повидимому Аксинья Максимовна даже была рада, что ее всѣ забыли, что никто не нарушаетъ ея безмятежной жизни и той сонной тишины, которая всецѣло царствовала въ ея маленькомъ, свѣтленькомъ домикѣ, той тишины, отъ которой клонило ко сну и которую нарушали только мѣрное чиканье стѣнныхъ часовъ, да жужжанье докучной мухи, то хлопавшейся о потолокъ, то стукавшейся въ нагрѣтыя солнцемъ стекла. Повидимому Аксиньѣ Максимовнѣ хорошо было среди этой тишины, легко дышалось этой атмосферой, пропитанной запахомъ герани. Ей кажется спокойнѣе спалось въ ея маленькой спальнѣ; лампадки ея горѣли такъ мягко, такъ ярко играли въ золотыхъ ризахъ образовъ и такъ всегда усыпительно чирикали подъ окномъ воробьи,

Digitized by Google

что нельзя было не спать ей самымъ безмятежнымъ, самымъ дѣтскимъ и свѣтлымъ сномъ. У нея во Фроловѣ и воздухъ былъ даже такой, что невольно какъ-то дышалось имъ особенно легко. То вдругъ потянетъ изъ рощи запахомъ березъ, то запахомъ гречи, то скошеннымъ сѣномъ, то пахнетъ съ пруда какой-то мягкой, тонкой сыростью. А когда прольетъ дождь изъ внезапно налетѣвшей на Фролово тучки, такъ и вовсе, вовсе сдѣлается какъ-то особенно хорошо и легко и какъ-то не вѣрится тогда, чтобы можно было тяготиться жизнью во Фроловѣ и бѣжать изъ Фролова богъ-вѣсть куда въ лѣса, въ невѣдомыя страны, какъ сдѣлалъ то столяръ Иванъ... Да и глядя на самую Аксинью Максимовну, на эту сутуловатую, сухенькую старушку, все существо которой было проникнуто одной только религіей и страхомъ божіимъ и вокругъ лица которой право сіялъ иногда какой-то свѣтлый ореолъ, поступокъ Ивана казался еще болѣе дикимъ и нелѣпымъ. Неужели ему не жаль было разстаться съ Аксиньей Максимовной, неужели не заныло въ немъ болѣзненно сердце, когда въ его буйную голову запала вдругъ мысль покинуть и эту березовую рощу, и эти благодатныя поля, и эту свѣтлую рѣку, и это небольшое, но уютное Фролово, это гнѣздо, въ которомъ онъ родился, выросъ, въ которомъ онъ покинулъ свою первую и быть-можетъ послѣднюю любовь, свою Арину, такъ горько оплакивавшую разлуку съ милымъ?.. Ужь именно буйная голова была на плечахъ у Ивана! Ужь именно былъ онъ безъ сердца, если въ немъ не нашлось даже любви къ родинѣ. Справедливо сказала про него Аксинья Максимовна, что «песъ онъ, такъ и песъ съ нимъ!» И правда песъ съ нимъ! Ему легко было рыскать, но каково Аринѣ остаться безъ него... Бѣдная, она какъ-будто предчувствовала, что не легко окончится вся эта исторія и недаромъ уговаривала наканунѣ Ивана оставить свое намѣреніе. Много пролила она слезъ въ тотъ вечеръ, но слезъ этихъ не замѣчалъ Иванъ. Прогулявши цѣлыхъ два дня съ поваромъ и дьячкомъ, которыхъ уже все Фролово знало за самыхъ отъявленныхъ пьяницъ, онъ какъ-будто и не замѣчалъ слезъ Арины и на всѣ ея просьбы отвѣчалъ даже съ досадой: «Э, полно, все сойдетъ и никто даже не узнаетъ, что это я убилъ Бутузку!»

Но чуткое сердце Арины предвидѣло все. Она какъ-будто знала, что не пройдетъ это даромъ. Такъ и случилось. И сколько

Digitized by Google

слезъ пролила Арина!.. Какъ только узнала она, что Иванъ былъ открытъ на мѣстѣ преступленія, такъ тутъ же безъ чувствъ упала на постель свою. Но каково же было ей очнуться и узнать, что Иванъ ея пропалъ, что онъ бѣжалъ богъ-вѣсть куда. Иванъ былъ для нея все... И вдругъ Ивана этого нѣтъ уже болѣе во Фроловѣ. Она какъ-будто вдругъ осиротѣла и ей было такъ тяжело жить въ этомъ сиротствѣ, что она даже неразъ замышляла богъ-знаетъ что... Разъ она стояла уже на берегу рѣки и совсѣмъ уже была готова броситься въ эту рѣку, какъ-вдругъ увидала старуху-мать свою и невольно замерла на мѣстѣ.

— Матушка, матушка! проговорила она: — зачѣмъ ты пришла сюда! и рыдая бросилась въ объятія матери.

— Полно, полно Арина! шептала та, трясясь всѣмъ тѣломъ: — Господь съ тобой!..

— Да вѣдь я люблю его, матушка!

И старуха принималась утѣшать свою дочь, утѣшала какъ могла и вмѣстѣ съ тѣмъ отвела ее къ Агафьѣ Филатьевнѣ.

— Ужь присмотрите за ней! говорила она, утирая слезы: — пусть лучше прилежнѣе работаетъ.

И Арина садилась за пяльцы и какъ-то глухо прокалывая иглой тонкій батистъ, еще пуще плакала объ Иванѣ. Такъ плакала она дни, такъ плакала ночи, а объ Иванѣ даже слуху не было...

VI

Такъ жила Аксинья Максимовна въ своемъ уединеніи, въ своей кельи, какъ говорила она, вдали отъ людей и суеты, какъ вдругъ одно письмо, привезенное ей съ почты, измѣнило весь образъ ея жизни. Письмо это много надѣлало шуму въ дворнѣ и много возбудило разнообразныхъ толковъ во всемъ фроловскомъ домѣ. Что же касается до самой Аксиньи Максимовны, то она сначала перепугалась письма, такъ какъ никогда никакихъ писемъ не получала и ни съ кѣмъ не вела никакой переписки; но прочтя письмо, радостно вскрикнула и въ ту же минуту, упавъ передъ образами, стала усердно молиться. Но не долга была молитва Аксиньи Максимовны: тронутая до глу-

Digitized by Google

бины сердца, она дотого растерялась, что только и могла произнести трепещущимъ голосомъ:

— Священника, священника! скорѣе молебенъ!..

Вся эта необыкновенная радость происходила оттого, что письмо это было отъ ея племянника Алексѣя Наумыча Крутоярова, сына давно уже умершей двоюродной сестры ея. Аксинья Максимовна даже уже забыла о существованіи этого племянника: такъ давно не видала она его!

Какъ ни была спокойна и безмятежна жизнь Аксиньи Максимовны, и какъ ни была она довольна своимъ уединеніемъ, но все же подчасъ и тяготило ее это уединеніе. Какъ ни старалась она скрыть это, однако неразъ замѣчали люди, что она, сидя бывало на своемъ сафьянномъ креслѣ, тревожно смотрѣла въ окно на дорогу, какъ будто желая увидать не ѣдетъ ли кто-нибудь къ ней, не вспомнилъ ли кто-нибудь ее, старуху, съ кѣмъ бы можно было ей перекинуться словомъ. Но слово ниоткуда не раздавалось и Аксинья Максимовна принималась ворчать на сосѣдей, что они совсѣмъ забыли ее. Неразъ даже она принималась бранить ихъ, называть ихъ непочтительными невѣжами и никакъ не хотѣла сознаться, что во всемъ сама была виновата, а никакъ не сосѣди. Да и многимъ ли дается сознаніе? Она никакъ не могла понять, можно ли было сердиться за то, что она не позволяла *обижать* свою Бутузку, она никакъ не понимала, отчего бы не исполнить этой прихоти, тѣмъ болѣе, что у ней и была только одна эта прихоть и больше никакой. Пуще же всего безпокоило ее то, что у ней не было ни одного друга, который бы въ часъ смерти закрылъ ей глаза. Она боялась умереть въ одиночествѣ, боялась, что могилу ея не ороситъ ни одна любящая слеза. Горько ей было также оставлять и свое Фролово выморочнымъ имѣніемъ; не разъ задумывалась она надъ этимъ въ послѣднее время, не разъ собиралась даже отказать его въ пользу какого-нибудь монастыря, но видно сердце ея чуяло, что есть у ней на бѣломъ свѣтѣ родственникъ, что есть Алеша Крутояровъ, который пріѣдетъ къ ней, будетъ любить ее, и котораго она полюбитъ всею безпредѣльностью материнской любви.

Не менѣе Аксиньи Максимовны обрадовалась и дворня, узнавъ о пріѣздѣ племянника. Агафья Филатьевна, какъ только провѣдала въ чемъ заключалось письмо, такъ въ ту же минуту

Digitized by Google

бросилась въ контору и обо всемъ объявила Фомѣ Зотычу. Но Фому Зотыча вѣсть эта поразила какъ громомъ; разумѣется онъ скрылъ это отъ Агафьи Филатьевны, но не менѣе того, оставшись одинъ, сѣлъ за столъ, закрылъ лицо руками и просидѣлъ въ такомъ положеніи болѣе часу. Онъ боялся какъ бы съ пріѣздомъ племянника не измѣнились его дѣла, и какъ бы племянникъ этотъ не вмѣшался самъ въ управленіе Фроловымъ. Зато буфетчикъ Акимъ въ ту же минуту принялся допытываться кто такой этотъ племянникъ, служитъ ли, нѣтъ ли, имѣетъ ли паспортъ или билетъ и только тогда, когда Агафья Филатьевна чуть не плюнула ему въ лицо, разсержонная постояннымъ однообразіемъ его вопросовъ, Акимъ успокоился, и понюхавъ табаку, пошолъ себѣ въ свой буфетъ. Шестипалый дьячокъ до того былъ обрадованъ также вѣстью о пріѣздѣ племянника, что въ ту же минуту, ужь богъ-вѣсть почему, пошолъ купаться, хотя никогда не только не купался, но даже боялся близко подходить къ водѣ. Въ тотъ же день вечеромъ во всемъ Фроловѣ была страшная суета. Всѣ бѣгали, хлопотали; ворота поминутно скрыпѣли, калитка тоже. У колодца цѣлая куча бабъ и дѣвокъ, и все это толковало о племянникѣ. Больше же всѣхъ волновалась прислуга Аксиньи Максимовны. Всѣ они почему-то надѣялись, что племянникъ поведетъ жизнь иначе, и что авось тогда Аксинья Максимовна броситъ свою Бутузку. Бутузка кажется всѣмъ досадила.

На другой день, едва еще было прогнано стадо, какъ по дорогѣ отъ зеленой рощи я увидалъ верховаго, что есть мочи несущагося по направленію въ городъ. Когда верховой поровнялся съ моимъ домомъ, я махнулъ ему рукой.

— Ты чей? спросилъ я его.

— Аксиньи Максимовны.

— Куда же это ты?

— Да въ городъ съ письмомъ-съ.

Обстоятельство это такъ удивило меня, что я попросилъ показать мнѣ конвертъ.

Письмо было къ Алексѣю Наумычу Крутоярову. Я возвратилъ его верховому, который тщательно спрятавъ письмо за пазуху, ударилъ нагайкой лошадь и полетѣлъ далѣе. Немного времени спустя я узналъ, что конвертъ этотъ заключалъ въ себѣ приглашеніе во Фролово Алексѣя Наумыча.

Digitized by Google

VII

Недѣли черезъ полторы ни Аксиньи Максимовны, ни Фролова даже и узнать нельзя было. Аксинья Максимовна была вся въ пыли и бѣгала изъ одной комнаты въ другую, позабывъ даже про свою Бутузку; а глядя на нея суетилась и вся прислуга. Нѣсколько дѣвокъ съ подоткнутыми платьями, и съ обнажонными красными икрами, мыли полы и окна; въ саду цѣлая дюжина бабъ вычищала дорожки; между ними суетился и Фома Зотычъ, который въ тотъ день поднялся еще чуть-свѣтъ и прежде чѣмъ явиться въ садъ, успѣлъ объѣхать поля и луга. Лицо его пылало отъ жара и усталости; потъ крупными каплями лился ему на галстукъ и на сюртукъ, такъ что онъ не поспѣвалъ уже вынимать платокъ, а ужь просто утирался рукавомъ сюртука. Аксинья Максимовна поминутно выбѣгала въ садъ, понукала бабъ и потомъ, вмѣстѣ съ Фомой Зотычемъ, снова скрывалась въ домикѣ, или же бѣжала къ рѣкѣ, гдѣ нѣсколько мужиковъ устроивали небольшую купальню. Самая же сильная суета шла въ тѣхъ комнатахъ, которыя назначались для племянника. Комнатки эти выходили окнами въ садъ и были очень свѣтленькія: но такъ какъ въ нихъ помѣщалась прежде Агафья Филатьевна, то разумѣется въ нихъ какъ и во всѣхъ комнатахъ, въ которыхъ живутъ толстыя старухи, развелась гибель клоповъ, такъ что всѣ стѣны испещрены были кровавыми пятнами, и въ особенности на томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщалась кровать Агафьи Филатьевны. Само собою разумѣется, что нужно было выводить клоповъ, и вотъ почему въ комнатахъ этихъ сосредоточивалась болѣе всего дѣятельность. Принялись со стѣнъ обдирать бумагу, потомъ обдавать ихъ кипяткомъ и снова оклеивать и бѣлить ихъ. Агафья Филатьевна, вытѣсненная изъ своего угла, была страшно озлоблена и ворчала цѣлый день; но Аксинья Максимовна такъ захлопоталась, что и не замѣчала этого неудовольствія. Безпрестанно бѣгая и таская за собою совершенно утомившагося Фому Зотыча, она только и думала, какъ бы устроить комнатки такъ, чтобы ея Алешенькѣ было и хорошо и покойно. Она только о томъ и помышляла, гдѣ поставить племяннику кровать, гдѣ столъ, гдѣ диванчикъ. Алеша не вы-

Digitized by Google

ходилъ у нея изъ головы, такъ что она совершенно позабыла бы о своей Бутузкѣ, если бы та, обидѣвшись невниманіемъ Аксиньи Максимовны, не принялась оскаливать зубы и визжать и лаять на весь домъ. Только тутъ Аксинья Максимовна вспомнила о Бутузкѣ и принялась ее гладить и ласкать.

Хлопоты Аксиньи Максимовны были до того велики, что она даже забыла объ обѣдѣ, что немало сердило повара, которому страшно хотѣлось куда-то отлучиться.

— Агафья Филатьевна! говорилъ онъ всегда, какъ показывалась въ кухню раздражонная экономка.

— Ну, чего еще?

— Да скажите же вы ей, что кушанье давно готово.

— Да отстань ты отъ меня, ради-бога!

— Какъ отстань! мнѣ отлучиться нужно.

— Ты поди самъ и скажи.

— Да вѣдь это ваше дѣло. Не цѣлый же день мнѣ у плиты жариться.

— Да что ты, въ самомъ дѣлѣ, ко мнѣ присталъ-то!..

— Я не присталъ, а только поясняю, что мнѣ отлучиться нужно.

— Тьфу, ты! Затростилъ себѣ отлучиться, да отлучиться... Провались ты совсѣмъ и съ барыней-то! очень мнѣ нужно!

Агафья Филатьевна, еще болѣе разбѣшонная поваромъ, хлопала дверью и уходила вонъ изъ кухни.

— Лютая женщина, замѣтилъ дьячокъ, постоянный посѣтитель кухни и закадычный другъ повара, сидя въ темномъ углу кухни и обчищая морковь.

— Чортъ! крикнулъ грубо поваръ вслѣдъ Агафьи Филатьевны: — право чортъ! Ну какъ ты тутъ отлучишься!

Не менѣе повара сердился и Фома Зотычъ. Дѣло въ томъ, что онъ такъ проголодался, что едва ходилъ за Аксиньей Максимовной, ни на шагъ не отпускавшей его отъ себя. Злость его до того была сильна, что онъ безпрестанно сморкался, думая хоть этимъ досадить своей помѣщицѣ. Но Аксинья Максимовна не переставала бѣгать то въ садъ, то въ домъ, то на рѣку, — откуда и прыть взялась! И только когда уже совсѣмъ стемнѣло, она успокоилась и распустила рабочихъ.

Зато ужь и поругали всѣ въ тотъ вечеръ Аксинью Максимовну. Собравшись всѣ въ конторѣ, они такъ принялись перебирать

Digitized by Google

и Аксинью Максимовну и Бутузку, начавшую подъ конецъ на всѣхъ бросаться и лаять, что просто небу было жарко. Больше же всѣхъ бунтовала Агафья Филатьевна.

— Вотъ тебѣ разъ, говорила она: — вотъ до чего дожила, что даже и уголъ отняли... На, поди! Отвели какой-то чуланчикъ, живи говоритъ здѣсь; вотъ тебѣ разъ! Словно какъ я Бутузка какая.

Болѣе же всего сердила Агафью Филатьевну исторія клоповъ.

— Это ты, говоритъ, развела. Да что я, прости Господи, клопъ чтоли какой, что отъ меня клопы развелись. Такой же поди человѣкъ какъ и она.

Обстоятельство это бѣсило такъ Агафью Филатьевну, что она не могла даже сидѣть на мѣстѣ, и какъ только вспоминала о клопахъ, такъ тотчасъ же вскакивала и выбѣжавъ на средину комнаты, принималась махать руками, обращаясь то къ одному, то къ другому слушателю.

VIII

Одного только повара да дьячка недоставало для полноты картины; но это происходило оттого, что поваръ, какъ только отпустилъ кушанья, такъ въ ту же минуту отлучился вмѣстѣ съ дьячкомъ. Гдѣ они пропадали, Богъ вѣдаетъ. Но только возвратились они домой тогда, какъ на востокѣ загорѣлась уже свѣтлая полоска зари, и когда утренній туманъ клубился и надъ рѣкой и надъ прудомъ, разливая повсюду какую-то особенную ароматическую сырость. Несмотря однако на все это, поваръ и дьячокъ, отъ которыхъ сильно разило кабакомъ, долго еще не могли заснуть и долго еще лежа на лавкахъ гуторили въ темнотѣ, припоминая свои похожденія.

— Совсѣмъ было вырвалась проклятая, говорилъ поваръ. — Да нѣтъ, шалишь; я какъ ухватилъ, нѣтъ, стой, говорю.

— Ишь каторжная! замѣтилъ дьячокъ.

— А тутъ потѣха-то какая случилась, прервалъ его поваръ.

— А что?

— Да какже! Только-что, знаешь, зашолъ я за конопляни-

Digitized by Google

никъ-то, и только, знаешь, успѣлъ къ плетню-то подойти, а Иванъ Глазуновъ и идетъ, да прямо на насъ и наткнись.

— Неужто?

— Вотъ ейбогу. «Кто тутъ?» говоритъ, — я молчу. «Кто тутъ?» говоритъ. — Я опять молчу. Онъ въ третій, я и говорю: «проходи, проходи! до тебя-молъ не касается.»

— Ну что жъ?

— Ну, онъ и ушолъ.

Дьячокъ захохоталъ.

— Вотъ такъ оказія!

— Ужь подлинно оказія. — «Кто, говоритъ, тутъ?» — Я молчу. «Кто тутъ?» говоритъ. Я опять молчу. Онъ въ третій. Я и сказалъ: «проходи, проходи! до тебя-молъ не касается.» — Потѣха!..

— Ишь ты!

— Ну да ничего: ночью-то оно не видать.

— А кабы днемъ увидалъ бы, замѣтилъ дьячокъ.

— Днемъ безпремѣнно бы увидалъ, потому: свѣтъ, проговорилъ поваръ. Да вѣдь какъ и не увидать-то? Совсѣмъ было заплавилъ, чортъ этакій! — «Кто, говоритъ, тутъ?» я молчу. — «Кто тутъ?» я молчу. — Онъ въ третій, я ужь и сказалъ: «проходи, проходи! до тебя не касается... Ейбогу! И потомъ немного помолчавъ, онъ прибавилъ:

— А мы завтра опять того зальемся...

— Зальемся.

— И водки возьмемъ.

— Только надо побольше количества, замѣтилъ дьячокъ.

— Да, надо побольше.

— То-то, а то нынче не хватило. Да вотъ что еще...

— Что? спросилъ поваръ.

— Женѣ не говори. Самъ знаешь, дьячиха лютая, въ волосы вцѣпится.

— Извѣстно не скажу.

— То-то же.

— Еще бы.

— Ни слова.

— Ни-ни, чай вѣдь я не дуракъ.

Водворилось молчаніе.

— Такъ наткнулся?

Digitized by Google

— Ничто...«Кто тутъ?» говоритъ. Я молчу. «Кто тутъ?» я опять молчу. Онъ въ третій. Я и сказалъ: «проходи, проходи! до тебя не касается! Онъ и ушолъ.

Оба захохотали.

И вслѣдъ за тѣмъ все утихло, и только одинъ сторожъ, пробужденный зарей, неистово колотилъ въ доску, собираясь идти домой, да гдѣ-то на повѣти кричалъ во все горло пѣтухъ, перекликаясь съ деревенскими пѣтухами, крики которыхъ едва доносились до господской усадьбы.

Вмѣстѣ съ дневнымъ свѣтомъ закипѣла опять дѣятельность въ домѣ Аксиньи Максимовны. Гдѣ еще встала она, и погладивъ Бутузку, побѣжала будить Агафью Филатьевну, посылая ее за Фомою Зотычемъ.

IX

Недѣли черезъ двѣ пріѣхалъ и племянникъ. Это было въ сумерки. Какъ только увидала Аксинья Максимовна скромную кибитку, запряженную парою тощихъ лошадей, какъ тутъ же выбѣжала на крыльцо.

— Алеша, Алеша! кричала она, открывая свои объятія. — Алеша, бѣдный Алеша!

— Тетя! прошепталъ онъ въ свою очередь, едва слышно. И упавъ на грудь Аксиньи Максимовны, заплакалъ какъ ребенокъ.

Заплакала и сама Аксинья Максимовна, но такъ сладко и такъ тихо, какъ плачетъ мать, нашедшая своего ребенка, запутавшагося въ темномъ и пустынномъ лѣсу. И долго еще плакали они, и долго еще Аксинья Максимовна держа сухими руками голову Алеши, поминутно цѣловала его крѣпко то въ лобъ, то въ губы и нѣжно смотрѣла ему прямо въ глаза. Она какъ-будто не вѣрила своему счастью; она такъ давно уже не ласкала никого кромѣ Бутузки; она такъ давно уже потеряла надежду на какое бы то ни было утѣшеніе, что какъ-будто бы боялась утратить его. Обнимая Алешу, ей сдѣлалось вдругъ почему-то такъ легко, такъ отрадно, такъ сладко, что она невольно благословляла судьбу, пославшую ей Алешу, пославшую ей человѣка. Она такъ давно разошлась съ людьми, она такъ давно не видала ихъ!

Digitized by Google

Долго горѣла свѣча въ гостиной Аксиньи Максимовны, а кругомъ между тѣмъ было темно и мрачно. Въ саду была тишина страшная; на деревнѣ казалось всѣ вымерли, и только среди всей этой безжизненной тишины жили лишь Аксинья Максимовна да Алеша, да развѣ еще рѣка, тихо журчавшая и сочившаяся сквозь гнилыя шлюзы ветхой плотины и отражавшая въ своихъ темныхъ водахъ робко трепещущія звѣзды.

Часу во второмъ ночи буфетчикъ Акимъ, выходившій зачѣмъ-то на дворъ, наткнулся какъ-то на ямщика, который привезъ Алексѣя Наумыча, и который въ это время велъ къ колодцу поить лошадей.

— Кто это? окликнулъ онъ его.

— Ямщикъ.

— А что, по билету?

— По билету.

— Откуда?

— Изъ Панферова.

— А-а...

И успокоившись, Акимъ снова пошолъ спать.

X

Алексѣй Наумовъ Крутояровъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-шести, неболѣе. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, глядя на которыя никакъ не сообразишь, что онъ, хорошъ собою или дуренъ? точно какъ-будто видишь его въ потемкахъ. Смотря на него, непремѣнно подумаешь: «вѣдь онъ недуренъ», и потомъ тутъ же скажешь: «какое у него однако странное лицо!» А между-тѣмъ лицо было самое обыкновенное, паспортное, то-есть носъ средній, глаза сѣрые, волосы русые, лицо чистое. Главное же, что поражало въ немъ, было, что весь онъ былъ какъ-будто чужой: все такъ въ немъ не клѣилось. Глаза какъ-то не подходили къ носу, носъ ко рту, хотя все это какъ и у другихъ, было на одномъ и томъ же лицѣ и точно въ такомъ же порядкѣ. Онъ даже и самъ какъ-будто сознавалъ это, и потому когда начиналъ напримѣръ сморкаться, точно къ чужому носу подносилъ платокъ, точно боялся какъ бы не

Digitized by Google

оторвать этотъ носъ и тѣмъ не разсердить того, кому принадлежалъ онъ. Вынималъ ли онъ изъ кармана свой складной гребешочекъ съ зеркальцемъ и начиналъ причесывать свои волосы, онъ причесывалъ ихъ такъ, какъ причесываетъ обыкновенно парикмахеръ чужія головы. Даже когда говорилъ онъ, то вамъ казалось, что это говоритъ какой-то другой Алексѣй Наумычъ, спрятавшійся во внутренность того, который сидитъ передъ вами; онъ и губами шевелилъ какъ-то особенно странно. Когда я увидалъ въ первый разъ Алексѣя Наумыча, я просто остолбенѣлъ; когда же покороче узналъ его, онъ былъ мнѣ просто жалокъ. Въ немъ все было странно. Начнешь бывало смотрѣть на него, смотришь и вдругъ съ ужасомъ замѣчаешь, что Алексѣй Наумычъ какъ-будто не цѣльный человѣкъ, а точно склѣенный изъ нѣсколькихъ остатковъ, собранныхъ въ разныхъ мѣстахъ, такъ что даже удивишься, да и онъ самъ словно удивляется тому, что точно также какъ и другіе, живетъ на бѣломъ свѣтѣ, тогда какъ ему совсѣмъ не такъ надо было бы жить, потомучто онъ сборный, не цѣльный человѣкъ. Блѣдный, худой, со впалыми щеками и грудью, онъ двигался такъ тихо и такъ осторожно, какъ-будто боялся разсыпаться; даже Бутузка и та увидавъ въ первый разъ Алексѣя Наумыча, точно встрѣтилась съ какимъ-нибудь чудовищемъ: въ ту же минуту забилась подъ диванъ и начала оттуда ворчать и огрызаться. По всему можно было тотчасъ же замѣтить, что Алексѣй Наумычъ не пользовался ни здоровьемъ, ни особеннымъ счастіемъ; онъ смотрѣлъ какимъ-то забитымъ, затормошеннымъ человѣкомъ, точно какъ-будто сейчасъ только вырвался онъ изъ передѣлки цѣлой ватаги кулачниковъ. Все это придавало ему дотого странный видъ, что вы, взглянувъ на него, непремѣнно подумали бы, что судьба не надѣлила его ни малѣйшимъ разумомъ, ни малѣйшимъ соображеніемъ. Въ сущности же Алексѣй Наумычъ былъ только слабый и робкій человѣкъ, конфузившійся всѣхъ и всякаго, и въ особенности женщинъ. Стоило только Алексѣю Наумычу завидѣть юбку, какъ онъ уже краснѣлъ, начиналъ переминать ногами, вертѣть платкомъ, начиналъ хвататься за волосы, за колѣнки и кашлять въ ладонь. Глаза его принимались бѣгать, и онъ тогда уже не могъ ни сидѣть, ни стоять, ни кланяться. Просто Алексѣй Наумычъ былъ больной человѣкъ, созданный не для общественной пользы, а для одной только аптеки, на

Digitized by Google

потѣху докторамъ: нате-дескать, забавляйтесь Алексѣемъ Наумычемъ.

Мать Алексѣя Наумыча, умершая въ то время, когда сынъ ея былъ переведенъ во второй класъ гимназіи, была безъ ума отъ него. Заставала ли она своего сына съ карандашомъ въ рукахъ, рисующаго какую-нибудь лошадку, она обнимала его, цѣловала и говорила всѣмъ, что ея Алешинька будетъ непремѣнно великій художникъ, который прославитъ и ее, и себя, и отечество, и о которомъ заговоритъ весь свѣтъ. Заставала ли она его съ книгой, и она говорила, что ея Алешинька будетъ непремѣнно професоромъ и великимъ поэтомъ. Но оказалось, что Алексѣй Наумычъ не вышелъ ни професоромъ, ни художникомъ, ни поэтомъ. Отецъ Алексѣя Наумыча человѣкъ весьма грубый и умершій гораздо прежде своей жены, такъ тотъ напротивъ называлъ своего сына дуракомъ и рѣшительно не терпѣлъ его, за что? Богъ-вѣсть.

Когда умерла мать Алексѣя Наумыча, онъ еще болѣе упалъ духомъ и окончательно уже растерялся. Его можно было назвать баловнемъ судьбы, но не потому, чтобы судьба баловала его, а потомучто она сама баловалась имъ и забавлялась какъ кошка мышью. Въ самомъ дѣлѣ чего только не случалось съ Алексѣемъ Наумычемъ! Всего же замѣчательнѣе было то, что ни съ кѣмъ ничего подобнаго не случалось; даже и въ этомъ случаѣ у него было особое счастье. Судьба такъ не любила Алексѣя Наумыча, и такъ упорно преслѣдовала его, что преслѣдованіе это походило даже на какую-то личность, точно какъ Алексѣй Наумычъ нанесъ судьбѣ какое-нибудь личное оскорбленіе.

Цѣлый свой вѣкъ онъ всегда оставался во всемъ виноватымъ. Такъ напримѣръ въ гимназіи. Ни одинъ изъ его товарищей не любилъ его и ни одинъ изъ этихъ же товарищей не проходилъ бывало мимо Алексѣя Наумыча безъ того, чтобы не ущипнуть его, или же не дать горячаго подзатыльника. Самъ же Алексѣй Наумычъ былъ и тихъ, и смиренъ, и кротокъ. Но этого еще мало: только было перевели Алексѣя Наумыча въ шестой класъ и только было почуялъ онъ приближеніе свободы, а вмѣстѣ съ нею и атестатъ, который, какъ думалъ Алексѣй Наумычъ, долженъ былъ ему открыть *широкую дорогу*, какъ вдругъ товарищи его затѣяли поколотить учителя французскаго языка. Алексѣй Наумычъ даже и не зналъ объ этомъ заговорѣ; а оказалось, что ко-

Digitized by Google

гда учитель былъ поколоченъ, то пострадалъ одинъ только Крутояровъ. На него свалили всю исторію, и онъ былъ исключенъ изъ гимназіи съ самымъ худымъ атестатомъ. Настоящіе же виновники остались какъ ни въ чемъ не бывало. Какъ это случилось — богъ-вѣсть: но не менѣе того обстоятельство это даже удивило Алексѣя Наумыча.

Не менѣе страннымъ было и то, что Крутоярова разъ избили до полусмерти за то, что онъ былъ въ чужомъ пальто. Это случилось такъ: жилъ онъ съ однимъ живописцемъ, который по молодости лѣтъ своихъ былъ отчаяннѣйшимъ волокитой во всемъ городѣ. Неподалеку отъ той лачужки, въ которой жилъ живописецъ, нанимала квартиру одна княгиня, у которой была довольно смазливенькая горничная. Живописецъ и вздумалъ приволокнуться за нею. Онъ принялся каждый вечеръ ходить мимо квартиры княгини, познакомился какъ-то съ горничной и недѣли черезъ двѣ пригласилъ ее къ себѣ на чай. Дѣло шло какъ по маслу. Живописецъ каждый вечеръ началъ прогуливаться съ Матрешей, (такъ звали горничную) каждый вечеръ заходила она къ нему; но замѣтили это лакеи и кучера и рѣшились въ одинъ вечеръ проучить хорошенько живописца. Узнать его было нетрудно, потомучто онъ ходилъ всегда въ гороховомъ пальто. Надо же было такъ случиться, что въ этотъ вечеръ Алексѣй Наумычъ вздумалъ къ кому-то идти въ гости, и не имѣя порядочнаго платья, выпросилъ у своего товарища гороховое пальто. Въ гостяхъ засидѣлся онъ долго, такъ что когда пошолъ домой, былъ уже часъ третій ночи. Дорога лежала ему мимо квартиры княгини. Алексѣй Наумычъ шолъ веселый и счастливый, какъ вдругъ нападаетъ на него цѣлая шайка неизвѣстныхъ людей съ палками и дубинами, и не успѣлъ Алексѣй Наумычъ мигнуть, какъ очутился уже на землѣ. Чья-то сильная рука зажала ему ротъ, между тѣмъ какъ руки остальныхъ такъ и посыпали его самыми усердными побоями. Какъ принесли Алексѣя Наумыча домой, какъ перевезли его потомъ въ городскую больницу, онъ ничего не помнитъ, и только уже очнулся тогда, когда ему пустили кровь. Онъ былъ весь въ ранахъ, весь въ пятнахъ; грудь ему немилосердно давило и страшно болѣла голова его. И тутъ опять Алексѣй Наумычъ никакъ не могъ понять какъ могло все это случиться, и за что такъ жестоко избили его. Но это все бы ничего; главная же бѣда въ томъ, что побои эти прошли не да-

Digitized by Google

ромъ. Не говоря уже о томъ, что Алексѣй Наумычъ цѣлыхъ два мѣсяца пролежалъ въ больницѣ, онъ началъ чувствовать сильную грудную боль, недававшую ему покоя. Онъ началъ задыхаться, началъ кашлять и не безъ ужасу догадывался въ чемъ дѣло.

Видно уже такое счастье Алексѣя Наумыча!

Долго мыкался онъ по свѣту; много хватилъ горя и обезсилѣвъ, рѣшился наконецъ обратиться къ Аксиньѣ Максимовнѣ, къ своей теткѣ, которую онъ всего только и видѣлъ одинъ разъ.

XI

Невозможно передать того, что̀ передумалъ и перечувствовалъ Алексѣй Наумычъ, очутившись въ благословенномъ Фроловѣ и встрѣтивъ такой добрый пріемъ со стороны Аксиньи Максимовны. Крутояровъ такъ былъ напуганъ судьбой, что и не чаялъ полнаго счастья, и даже когда писалъ письмо къ Аксиньѣ Максимовнѣ, то былъ вполнѣ увѣренъ, что она и не отвѣтитъ ему, не говоря уже о томъ, что пригласитъ и обласкаетъ его. И вдругъ онъ во Фроловѣ. Когда вошолъ Алексѣй Наумычъ въ назначенныя ему комнаты, когда увидалъ и чистую кровать съ шолковымъ одѣяломъ, и коврикъ передъ кроватью, и письменный столикъ, поставленный какъ разъ противъ итальянскаго окна, со всѣми письменными принадлежностями, когда увидалъ стѣны увѣшанныя разными картинами, словомъ когда увидалъ все то что устроила для него заботливыми руками Аксинья Максимовна, Алексѣй Наумычъ былъ до того тронутъ, что слезы обильными и горячими ручьями потекли изъ глазъ его, и долго плакалъ онъ, и долго не могъ заснуть, лежа на своей постели. Между тѣмъ постель была такая покойная, тюфякъ такой мягкій, бѣлье такъ тонко и одѣяло такъ нѣжно, что оставалось только закрыть глаза и наслаждаться этой роскошью. Теплый легкій вѣтерокъ влеталъ въ растворенное окно, играя кисейною занавѣской. Но несмотря на все это, Алексѣй Наумычъ не могъ удержать своихъ слезъ. Лежа въ постелѣ, и даже не замѣчая того пріятнаго ощущенія, какое доставляло тонкое полотно, пуховая подушка и легкое шолковое одѣяло, словомъ не ощу-

Digitized by Google

щая ничего такого, что ощущалъ бы въ эти минуты всякій порядочный человѣкъ, Алексѣй Наумычъ припоминалъ всю свою жизнь съ самаго дѣтства и только крестился, бросая взгляды на висѣвшій въ углу образокъ. Но не испытывая того наслажденія, которое можетъ испытывать одинъ только баловень судьбы, привыкшій къ утонченнымъ наслажденіямъ, онъ зато съ восторгомъ прислушивался къ шелесту вѣтвей, къ отдаленному лаю собакъ, къ журчанію рѣки, и вдыхая въ себя влетавшій въ окно ароматъ цвѣтовъ, благословлялъ судьбу. Онъ весь былъ преисполненъ счастья, и непосвященный въ тонкія наслажденія, ловилъ лишь то что такъ ярко и рѣзко отдѣляло его отъ прошлаго. А когда проснувшись на зарѣ и подойдя къ окну онъ увидалъ и этотъ садъ, и эту рѣку, и эту березовую рощу, и эти поля, волновавшіяся густымъ и сочнымъ хлѣбомъ, и эту скромную деревянную церковь съ красною крышей и желтыми стѣнами, эту церковь, съ крошечными окнами и желѣзными рѣшотками, ему сдѣлалось такъ хорото и покойно, какъ будто бы съ его плечъ свалилась гора, давившая его цѣлые годы. Онъ не могъ налюбоваться всѣмъ этимъ, и дѣйствительно трудно было оторваться отъ этой картины: такъ и хотѣлось разсмотрѣть все, проникнуть во все; такъ и хотѣлось разомъ очутиться и въ поляхъ, и въ саду, и въ рощѣ, и на рѣкѣ. Такъ и тянуло въ поля, въ густую рожь, къ кустамъ березника; казалось, что тамъ только и нигдѣ больше можно быть вполнѣ счастливымъ, вполнѣ довольнымъ... А между тѣмъ взглянувъ на свѣтлую сталь рѣки, на эти густые камыши и яркую зелень луговъ, забываешь уже о поляхъ, и васъ невольно тянетъ и къ рѣкѣ, и къ камышу, и къ песчаному берегу, на которомъ суетится и свиститъ рѣзвый куличокъ...

— Экая благодать! вскрикивалъ тогда Алексѣй Наумычъ, всплескивая руками, — экое богатство!..

Часовъ въ пять утра онъ снова бросился на постель и уснулъ самымъ крѣпкимъ сномъ.

XII

Было уже часовъ девять утра, когда проснулся Алексѣй Наумычъ. Онъ спалъ такъ крѣпко, что совершенно забылъ гдѣ

Digitized by Google

онъ и что съ нимъ. Онъ потянулся, открылъ глаза и вдругъ остолбенѣлъ. Его изумила обстановка, но немного погодя онъ очнулся и улыбнулся такъ довольно и такъ счастливо, что всякій бы позавидовалъ этой улыбкѣ. Несмотря однако, что было уже девять часовъ, Алексѣю Наумычу все еще хотѣлось спать. Онъ такъ усталъ отъ дороги, что ему нехотѣлось вставать съ постели, тѣмъ болѣе, что онъ очень мало спалъ ночью. Онъ готовъ былъ повернуться на другой бокъ и конечно бы заснулъ самымъ сладкимъ сномъ, если бы въ это самое время не вошолъ къ нему буфетчикъ Акимъ съ рукомойникомъ въ одной рукѣ и съ полотенцемъ въ другой.

— Съ добрымъ утромъ, проговорилъ старикъ, притворяя дверь ногой. — Какъ почивать изволили на новомъ мѣстѣ?

Алексѣй Наумычъ, непривыкшій имѣть при себѣ камердинеровъ, рѣшительно переконфузился, увидавъ передъ собой Акима. Онъ готовъ бы былъ даже отпустить старика, если бы тотъ дѣлалъ свое дѣло съ меньшей охотой. Но Акимъ такъ усердно ставилъ на столъ лаханку и съ такимъ участіемъ распрашивалъ Алексѣя Наумыча о проведенной имъ ночи и о состояніи его здоровья, что Алексѣй Наумычъ невольно ободрялся съ каждой минутой и невольно началъ сознавать, что отсылать Акима совершенно не для чего и что одѣваться съ камердинеромъ несравненно удобнѣе, нежели одному. Онъ только немножко сконфузился, когда Акимъ принесъ ему его худые сапоги, тщательно вычищенные и его сильно потертое платье.

— А что тетушка проснулась? спросилъ онъ, желая чѣмъ-нибудь подавить овладѣвшій имъ стыдъ.

— Давно ужь. Все изволятъ хлопотать.

— Неужели проснулась! Да который же теперь часъ?

— Да ужь десятый пошолъ-съ.

— Неужто десятый?

— Точно такъ-съ. Ужь здѣсь у васъ и тетинька была.

— Какъ, здѣсь, въ комнатѣ?

— Точно такъ-съ. Изволили къ вамъ приходить, да вы еще почивали.

— Чтожъ она здѣсь дѣлала? распрашивалъ Алексѣй Наумычъ, засучивая рукава и принимаясь умываться.

— Да ничего-съ, только на васъ посмотрѣли, да еще все разбирали вашъ чемоданчикъ.

Digitized by Google

— Мой чемоданъ? да зачѣмъ же это.

— А ужь не могу знать. Что-то насчетъ сорочекъ говорили онѣ послѣ.

Минутъ черезъ пятнадцать Алексѣй Наумычъ былъ уже одѣтъ, и поблагодаривъ Акима за услугу, отправился къ теткѣ. Въ коридорѣ онъ наткнулся на Агафью Филатьевну, тащившую какія-то полотна.

— Какъ почивать изволили? спросила она въ свою очередь.

— Очень хорошо, благодарю васъ.

— Ну и слава-богу, а то вѣдь, батюшка, иные на новыхъ-то мѣстахъ совершенно уснуть не могутъ.

— Нѣтъ, я ничего.

— А здоровье ваше?

— Голова что-то тяжела.

— Такъ вы бы касторки приняли.

— Касторки?

— Да-съ. Очень помогаетъ.

— А это что такое касторка?

— Касторовое масло, то-есть, батюшка. Штука очень пользительная. Очиститъ васъ и конецъ всему.

— Очень вамъ благодаренъ, непремѣнно воспользуюсь, проговорилъ Алексѣй Наумычъ, и отправился далѣе къ теткѣ.

Аксинью Максимовну засталъ Алексѣй Наумычъ въ страшныхъ хлопотахъ. Она вымѣривала и кроила какія-то полотна и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрестанно подбѣгала къ чайному столу, отгоняя мухъ, садившихся на кучу булокъ и крендельковъ, приготовленныхъ къ чаю. Неподалеку отъ нея стояла какая-то дѣвка и вымѣряла аршиномъ холстъ, приговаривая: пятнадцать, шестнадцать, семнадцать. Можно было подумать, что комната, въ которой все это происходило, была не спальная Аксиньи Максимовны, а мастерская какой-нибудь портнихи. Повсюду валялись лоскуты холста; на разложенномъ столѣ лежали ножницы и мѣрки, словомъ комнату трудно было бы узнать. Нельзя было узнать и Аксинью Максимовну. Что-то торжественное, что-то праздничное было въ этой старушкѣ. На ней было шолковое платье, турецкая красная шаль съ зелеными и жолтыми букетами и кружевной чепецъ, словомъ все то что вынималось изъ сундуковъ только по годичнымъ праздникамъ, а отнюдь не въ будни. Какъ ни была озабочена Аксинья Максимовна, а какъ

Digitized by Google

только появился въ комнаткѣ Алешинька, она тутъ же все бросила и кинулась на шею племянника.

— Здравствуй, здравствуй, шептала она, здравствуй, мой ангелъ. Ну, что, какъ почивалъ?

— Отлично, тетенька. Съ добрымъ утромъ, бормоталъ Алексѣй Наумычъ, цѣлуя руки тетки. Вы какъ почивали?

— Плохо, плохо мой ангелъ.

— Что такъ.

— Да, ужь мы старухи всегда плохо спимъ, гдѣ ужь намъ спать, намъ ужь врядъ дремать только. Ну, а нынѣшнюю ночь я и подавно плохо спала; ужь очень вчера взволновалась, все плакала, мой другъ, отъ радости плакала. Да и какъ не плакать, вѣдь вишь какое утѣшеніе Господь послалъ, вѣдь вишь какое сокровище... Все была одна, а теперь вдругъ сынка послалъ. Вѣдь этакъ пожалуй, чего добраго, и умирать не захочется...

— Добрая тетенька! вскрикнулъ Алексѣй Наумычъ и снова принялся цѣловать тетку.

— А знаешь ли, что я у тебя была сегодня.

— Слыхалъ, тетенька.

— То-есть, какъ это слыхалъ?

— Акимъ сказывалъ.

— То-то! А ужь я думала, что ты самъ слыхалъ. Ужь такъ-то ты крѣпко почивалъ, ужь такъ-то крѣпко, что я и не знаю... Ручку закинулъ подъ головку, изъ ротика слюнки текутъ, ужь такъ-то сладко спалъ, что я долго любовалась. Я было пошла звать тебя чай пить, ну, а когда увидала, что ты еще почиваешь, пожалѣла будить тебя. А знаешь ли что я дѣлала еще у тебя?

— Не знаю.

— Твое хозяйство смотрѣла, проговорила Аксинья Максимовна съ улыбкой.—Весь чемоданчикъ перерыла. Оно пожалуй не годится по чужимъ чемоданамъ лазить, а вышло-то хорошо. Ну ужь Алешинька, плохое у тебя хозяйство.

— А что-съ? спросилъ Алексѣй Наумычъ, покраснѣвъ до ушей.

— Да какъ же, помилуй. Всего двѣ рубашонки и тѣ худы, какое-то грязное полотенце, да три пары карпетокъ. Ну я тотчасъ же внизъ, къ себѣ, и тутъ же велѣла достать изъ кладовой полотенъ.

— Такъ это вы все для меня, тетенька, проговорилъ скон-

Digitized by Google

фуженный Алексѣй Наумычъ, взглянувъ на столъ, заваленный полотнами.

— Для кого же? Извѣстно для тебя, мой жизненочекъ. Больше мнѣ не для кого хлопотать. Прежде полотна эти гнили бы въ кладовой, ну а теперь имъ гнить нельзя, потомучто у меня есть о комъ позаботиться. А посмотри-ка, какое тонкое и ровное полотно. Вотъ изъ этого сдѣлаю дюжину сорочекъ, а изъ этого куска будутъ кальсоны. Такъ у тебя и будетъ дюжина сорочекъ, да дюжина кальсоновъ, а на счетъ карпетокъ ужь я сдѣлала распоряженіе и скоро у тебя будетъ дюжина нитяныхъ и дюжина шерстяныхъ. А то какъ это можно, чтобъ бѣлья не было. Вотъ, еще нужно будетъ простынь да наволочекъ, а то у тебя ни одной простыни нѣтъ.

— Да, у меня нѣтъ, проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— На чемъ же это ты спалъ-то?

— Да такъ, на войлокѣ.

— Ахъ ты, мой голубчикъ! Ахъ ты мой бѣдненькій. Шутка ли на войлокѣ! ахъ, ты мой сердечный! Однако, чтожъ это я заговорилась. Эй ты, какъ тебя, Агашка, проговорила Аксинья Максимовна, смотри, считай вѣрнѣй... Сколько у тебя въ этомъ кускѣ-то?

— Въ этомъ-то-съ?

— Ну, да.

— Двадцать-пять.

— А въ томъ?

— Въ томъ, безъ аршина двадцать.

— Ну, смотри же мѣрь вѣрнѣе, а ты Алешинька садись-ка за столъ, да кушай чай. А вотъ это я для тебя приказала напечь булокъ да сухариковъ. Смотри же кушай хорошенько.

И Аксинья Максимовна принялась наливать чай, съ нѣжностью посматривая на свое дѣтище. Ей все какъ-будто не вѣрилось, что она не одна и что передъ ней сидитъ Алеша Крутояровъ.

XIII

— Ну, вотъ, бери же свой чай, проговорила Аксинья Максимовна, подавая Алексѣю Наумычу стаканъ, но онъ только-что

Digitized by Google

было привсталъ со стула, какъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то дергаетъ за фалду сюртука. Онъ остановился и поблѣднѣлъ.

— Чтожъ ты остановился.

— Кто-то дергаетъ меня, тетенька, не безъ страха проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Да это вѣрно Бутузка.

— Какая Бутузка, тетенька?

— Собаченка.

Алексѣй Наумычъ взглянулъ подъ столъ, и убѣдившись, что дергаетъ его дѣйствительно собаченка, даже расхохотался.

— Вотъ перепугала-то! говорилъ онъ, взявъ стаканъ и штукъ пять булокъ. Ужь мнѣ богъ-знаетъ что въ голову пришло, а оказывается, что это просто собачка. Это ваша, тетенька?

— Да, моя, мой другъ.

— А какъ ее зовутъ-то?

— Бутузка.

— Какое странное имя...

И Алексѣй Наумычъ принялся ласкать Бутузку.

— Это моя любимая собаченка. Мой вѣрный другъ, говорила Аксинья Максимовна. Товарищъ моей старости. Только она одна не покидала меня старуху. И ужь какъ дружно мы жили, такъ просто чудо.

— Чтожъ это я ее вчера не замѣтилъ?

— Да ужь и я позабыла про нее.

— Чтожъ, она умѣетъ служить?

— Нѣтъ не умѣетъ.

— Такъ надо ее выучить.

— Ну чтожъ, выучи. А ты развѣ любишь собакъ, Алеша?

— Ахъ, очень люблю.

И Алексѣй Наумычъ принялся играть съ Бутузкой, давалъ ей булокъ, крендельковъ и до того понравился Бутузкѣ, что та не отходила отъ него, и къ величайшему удовольствію Аксиньи Максимовны даже вспрыгивала нѣсколько разъ къ Алексѣю Наумычу на колѣни. За то Алексѣй Наумычъ съ перваго же утра принялся учить Бутузку. Онъ началъ съ того, что заставлялъ ее просить кушать, и надо было видѣть какъ весело смѣялась Аксинья Максимовна, когда Бутузка въ первый разъ тявкнула, прося сухаря. Она радовалась какъ ребенокъ, цѣловала

Digitized by Google

и Алешу и Бутузку, и даже сама заставляла Бутузку просить кушать.

Такъ провозился Алексѣй Наумычъ съ Бутузкой цѣлое утро, и только передъ обѣдомъ вышелъ изъ комнаты Аксиньи Максимовны, и отправился купаться.

Часа въ три Аксинья Максимовна и Алеша сидѣли уже за столомъ. Аксинья Максимовна очень устала, однако несмотря на это, вызвалась послѣ обѣда показать Алексѣю Наумычу все свое маленькое хозяйство. Но каково было восхищенье Аксиньи Максимовны, когда она вдругъ услыхала голосъ Бутузки и обернувшись увидѣла, что собаченка была возлѣ нея.

— Каково! вскрикнула Аксинья Максимовна, какова умница. Она кушать проситъ. Какова?! а?!

— Неужели проситъ.

— Да, какъ же, развѣ ты не слыхалъ.

Алексѣй Наумычъ подозвалъ Бутузку и принялся ее гладить, а Аксинья Максимовна была такъ счастлива, что не кушала впродолженіи всего обѣда и все любовалась Алешей и Бутузкой. Кстати Аксинья Максимовна разсказала Алешѣ какъ нашла она щенкомъ Бутузку, какъ неоднократно Бутузка спасала будто бы жизнь ея, какъ раздѣляла ея одиночество, какъ утѣшала ее въ горестяхъ и за-одно ужь разсказала и про то какъ столяръ Иванъ хотѣлъ убить Бутузку и какъ она, Аксинья Максимовна, совершенно нечаянно открыла это ужасное намѣреніе и спасла въ свою очередь Бутузку.

Черезъ нѣсколько дней Бутузка умѣла уже подавать лапу и даже умѣла служить. Бутузка до того привязалась къ Алексѣю Наумычу, что стоило ей только заслышать его шаги, какъ она уже со всѣхъ ногъ бросалась къ нему и съ визгомъ, виляя хвостомъ, вспрыгивала къ нему чуть ли не до груди. Нечего говорить, что Аксинья Максимовна была наверху блаженства. Глазки ея сверкали, на губкахъ появлялась улыбка, и она, любуясь на Алешу и на Бутузку, точно любовалась дѣтьми своими. И дѣйствительно что-то патріархальное было въ этой картинкѣ!.. Любовь Бутузки дошла наконецъ до того, что она рѣшительно не отходила отъ него и слѣдовала за нимъ повсюду, а когда вечеромъ Алексѣй Наумычъ распростившись уходилъ къ себѣ въ комнату, Бутузка до того начинала тосковать, что рѣшительно не давала уснуть Аксиньѣ Максимовнѣ.

Digitized by Google

— Да вы бы ее со мной спать отпускали, тетенька, не разъ говорилъ Алексѣй Наумычъ, но Аксинья Максимовна и слышать не хотѣла.

— Нѣтъ, нѣтъ шептала она. Нѣтъ, мой другъ, ни зачто. Днемъ играй съ ней сколько хочешь, а ужь ночью я привыкла съ ней спать.

— Да вѣдь она безпокоитъ васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ.

XIV

Пріѣздъ Алексѣя Наумыча, какъ и слѣдовало ожидать, возбудилъ во Фроловѣ много различныхъ толковъ. Однообразная жизнь до того усыпила и убаюкала всѣхъ обитателей Фролова, что малѣйшее обстоятельство, выходящее изъ сферы обыденнаго порядка, вдругъ пробуждало всѣхъ и каждаго. Пріѣздъ же Алексѣя Наумыча даже встормошилъ всѣхъ. На первыхъ порахъ во всемъ явился какой-то хаосъ. Фома Зотычъ началъ безпрестанно пить чай, то съ сахаромъ, то съ медомъ и даже далъ себѣ какую-то вакацію, такъ что нѣсколько дней не ѣздилъ въ поле, Агафья Филатьевна не знала за что приняться и все роняла изъ рукъ. Ткачь пересталъ ткать и по цѣлымъ днямъ удилъ рыбу. Садовникъ сидѣлъ на заваленкѣ и все смотрѣлъ на небо; горничныя шушукались и пересмѣивались, и только одинъ поваръ хлопоталъ съ утра до ночи. Дѣло въ томъ, что ему страшно хотѣлось отличиться и поразить своимъ искуствомъ Алексѣя Наумыча. Онъ началъ даже подавать къ столу карточку обѣда, чего сроду не дѣлывалъ, и на первый же день изготовилъ: *супъ протанертъ сразнами кареними, пирошки срисамъ, халоднаю тилятину потбушимълію, соусъ анъ треме, шпенатъ спашотами въ крутую, жареное чиряты и пирожное лекаю съ сахаромъ и карицей*. Онъ страшно стучалъ ножами и кострюлями, безпрестанно бѣгалъ то въ огородъ, то въ садъ, то на скотный, то на птичный дворы, и даже разъ залѣзъ подъ конюшню, думая найти тамъ шампіоновъ. Шестипалаго дьячка онъ выгналъ изъ кухни, пригрозивъ даже разсказать про всѣ ихъ похожденія дьячихѣ, и обливаемый постоянно обильнымъ потомъ, бросался безпрестанно въ рѣку, торопливо окунался и потомъ снова бѣжалъ въ кух-

Digitized by Google

ню и принимался за свои костюли, хлопая заслонками печей и спотыкаясь о дрова, валявшіяся у плиты. Точно такое же движеніе замѣтно было и на селѣ. Какъ только наступалъ вечеръ, тотчасъ показывались хороводы, раздавались пѣсни, словомъ не доставало только торговцевъ, которые пріѣхали бы во Фролово и раскинули бы свои палатки съ пряниками, орѣхами и краснымъ товаромъ.

Казалось всѣ обрадовались Алексѣю Наумычу, въ сущности же ему никто не былъ радъ. Радовались тому только, что измѣнилась немного обыкновенная жизнь, и что Аксинья Максимовна, занятая племянникомъ, перестала пилить всѣхъ и каждаго. За то всѣ, какъ только увидали Алексѣя Наумыча, то чуть не расхохотались ему въ глаза. На этотъ разъ всѣхъ больше смѣялись горничныя: онѣ никакъ не ожидали встрѣтить такимъ Алексѣя Наумыча. Онѣ думали, что онъ непремѣнно долженъ быть и красивый и стройный мужчина, и потому ожидали его даже съ какимъ-то лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, какъ-будто онъ ѣхалъ выбирать изъ нихъ для себя невѣсту. Когда же вышелъ онъ изъ своей кибитки, и когда увидали онѣ его, то убѣжали всѣ въ садъ, и какъ только добѣжали до самой глухой аллеи, то всѣ покатились со смѣху и тутъ же прозвали его *вьюркомъ*.

Но Алексѣй Наумычъ ничего этого не замѣчалъ: онъ даже и вниманія не обращалъ на дѣвокъ, хотя неразъ, оставшись наединѣ въ своей комнатѣ, слышалъ за дверью ихъ шопотъ и ихъ осторожные шаги. Онъ дотого былъ счастливъ, дотого былъ веселъ, что ему некогда было замѣчать что́ дѣлается вокругъ него. Онъ только о томъ и думалъ, какъ бы выразить Аксиньѣ Максимовнѣ всю ту глубокую, всю ту безпредѣльную благодарность, какою онъ весь былъ преисполненъ. Онъ ухаживалъ за Аксиньей Максимовной, какъ сынъ за матерью. Цѣлые дни проводилъ онъ съ нею неразлучно, такъ что Аксинья Максимовна и сама не знала, какъ благодарить Бога за то, что онъ внушилъ ей мысль вызвать племянника. Она словно какъ ожила, словно какъ помолодѣла. Она уже не сидѣла одна: съ ней былъ Алексѣй Наумычъ, который весь отдался ей и который дѣлалъ для нея все, что́ бы она ни захотѣла. По цѣлымъ часамъ читалъ онъ ей «Четі-Минею», не отходилъ отъ нея ни на шагъ, разсказывалъ ей про прошлую жизнь свою, про всѣ свои печали, хо-

Digitized by Google

дилъ съ ней въ садъ, къ заутренѣ, къ обѣднѣ, словомъ цѣлые дни былъ при ней неотлучно и только когда Аксинья Максимовна начинала дремать, онъ прощался съ нею, цѣловалъ ея ручки и шолъ къ себѣ, въ свою комнату. И все это Алексѣй Наумычъ дѣлалъ не по принужденію, а чисто по своему желанію, потомучто у него и было только одно желаніе: по мѣрѣ силъ покоить и беречь тетку. Когда шолъ онъ съ своею теткой къ обѣднѣ, онъ велъ ее подъ руку и проводивъ вплоть до того мѣста, на которомъ обыкновенно она становилась въ церкви, отправлялся на клиросъ и пѣлъ вмѣстѣ съ дьячками. Иногда онъ самъ читалъ «Посланіе св. апостоловъ» и читалъ съ такимъ чувствомъ что Аксинья Максимовна всякій разъ заливалась слезами. Онъ даже собралъ изъ крестьянскихъ мальчишекъ маленькій хоръ и принялся обучать ихъ церковному пѣнью. Обстоятельство это сильно утѣшило старуху, да и самого Алексѣя Наумыча оно утѣшало немало. Онъ такъ усердно занимался своимъ хоромъ, что черезъ нѣсколько недѣль его мальчики пѣли уже довольно хорошо и *херувимскую* и *достойную*, а когда хоръ этотъ въ первый разъ былъ приведенъ въ церковь и пропѣлъ обѣдню, то Аксинья Максимовна дотого была растрогана и утѣшена, что тутъ же подарила своему племяннику золотые часы, принадлежавшіе когда-то ея покойному отцу. Полюбила также Аксинья Максимовна своего племянника и за то, что онъ ласкалъ ея Бутузку. Аксинья Максимовна такъ была довольна тѣмъ, что наконецъ-то нашолся человѣкъ, который оцѣнилъ и полюбилъ ея Бутузку, что съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ Алексѣю Наумычу. Съ тѣхъ поръ какъ приласкалъ онъ Бутузку, онъ вдругъ даже выросъ въ ея мнѣніи: она даже съ какою-то особою гордостью стала смотрѣть на своего племянника. Ей такъ понравилось, что Алексѣй Наумычъ такъ хорошо сошолся съ ея Бутузкой, что у нея была одна только забота, одно только желаніе, чтобы Алешенькѣ ея было какъ можно веселѣе и чтобы онъ всѣмъ былъ доволенъ.

«Онъ такъ полюбилъ меня, такъ полюбилъ мою Бутузку! думала она: — такъ нужно мнѣ приголубить его за это.»

И дѣйствитсльно, она всячески старалась угодить племяннику: она сама заказывала повару кушанья, сама убирала его комнату и даже выписала для него какой-то журналъ.

И какъ было отрадно смотрѣть въ это время на Аксинью

Digitized by Google

Максимовну. Она просто сіяла отъ радости и души не чаяла въ своемъ племянникѣ.

XV

Не менѣе Аксиньи Максимовны былъ доволенъ Алексѣемъ Наумычемъ и Фома Зотычъ. Онъ наконецъ успокоился совершенно и мысль, что Алексѣй Наумычъ будетъ вмѣшиваться въ его распоряженія, окончательно перестала его тревожить. Съ прежнимъ спокойствіемъ и съ прежнимъ достоинствомъ принялся онъ снова за свое хозяйство и за всѣ свои продѣлки, нисколько не стѣсняясь присутствіемъ Алексѣя Наумыча во Фроловѣ. Да и досугъ ли было думать Алексѣю Наумычу о томъ какъ управляется Фролово, когда онъ думалъ только объ одномъ, какъ бы выразить Аксиньѣ Максимовнѣ всю свою благодарность. Ему даже никогда и въ голову не приходило разсмотрѣть дѣйствія Фомы Зотыча, потомучто онъ не могъ допустить мысли, чтобы Фома Зотычъ рѣшился на какое-нибудь противозаконное дѣло. Еслибы даже ему и пришла эта мысль въ голову, такъ онъ и тогда не рѣшился бы вступить въ бой съ управляющимъ, потомучто по свойствамъ своего характера боялся вступать въ бой съ кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе съ Фомой Зотычемъ, у котораго былъ такой почтенный и солидный видъ, у котораго была такая мѣрная и твердая поступь и передъ которымъ вообще Алексѣй Наумычъ какъ-будто даже смущался. Агафья Филатьевна тоже примирилась съ Алексѣемъ Наумычемъ и какъ-будто начинала забывать, что изъ-за него пришлось ей лишиться своего уголка. Она тоже вступала во всѣ права экономки и даже забыла о существованіи Алексѣя Наумыча. Да его и вообще никто не замѣчалъ, даже поваръ и тотъ пересталъ особенно суетиться и снова подружился съ шестипалымъ дьячкомъ.

Въ тотъ день, какъ произошло у нихъ примиреніе, они дотого напились, что цѣлую ночь провалялись въ какомъ-то оврагѣ, думая, что лежатъ въ кухнѣ, и только когда пошолъ дождь они очнулись и увидали въ чемъ дѣло. Первый очнулся дьячокъ.

Digitized by Google

— Семенъ, Семенъ! крикнулъ онъ, подползая къ повару и толкая его: — послушай-ка!

— Ну!

— Вѣдь мы въ оврагѣ!

— Такъ чтожъ?

— Дождикъ идетъ.

— Пускай его!.. Нешто я мѣшаю ему.

— Можетъ тебѣ домой надо?..

— Чего я тамъ забылъ.

— Ну, а коли не надо, то и здѣсь можно полежать.

— Извѣстно можно, что за важность!

— Можетъ мы простудимся?

— А можетъ и не простудимся. Ты почемъ знаешь, дуракъ?

— Такъ значитъ здѣсь полежимъ.

— Извѣстно здѣсь. Кудажъ теперь идти? Теперь ночь, спать надо.

И они снова улеглись и прямо въ грязь.

XVI

Вскорѣ Алексѣя Наумыча даже узнать нельзя было. Отдохнувши духомъ, онъ принялся отдыхать и тѣломъ. Худоба его исчезла, на щекахъ показался свѣжій румянецъ, онъ хорошо спалъ, отлично ѣлъ и даже пересталъ кашлять.

— Какъ я поправился-то однако! неразъ говорилъ онъ, любуясь самимъ собой въ зеркало и обращаясь къ Аксиньѣ Максимовнѣ.

— Дай Богъ, мой другъ, дай Богъ! Здоровье первая вещь.

— Да, это правда. Да, я очень поправился и даже пересталъ кашлять, а ужь про грудь и не говорю. Точно какъ никогда и не болѣла.

— Отчего это у тебя грудь-то болѣла?

— Отъ колотушекъ, тетенька. Очень избили меня.

Аксинья Максимовна даже руками всплеснула.

— Что это ты, Алешинька, шутишь чтоли! проговорила она: — будто дворянъ можно бить. Что ты, Господь съ тобой!

— Нѣтъ-съ, это вѣрно.

И Алексѣй Наумычъ разсказалъ теткѣ исторію, случившуюся

Digitized by Google

съ нимъ по милости пальто живописца. Аксинья Максимовна даже расплакалась.

— Боже мой, Боже мой! шептала она крестясь: — неужели это правда?

— Я вамъ лгать не стану.

— Ахъ, Господи! Вотъ страсти-то! И больно тебя избили?

— Да такъ избили, что я даже обезпамятѣлъ.

— А въ больницѣ-то долго пролежалъ?

— Порядочно-таки.

— Боже мой, Боже мой!.. И какая гадкая исторія... И все-то изъ-за дѣвокъ!.. Охъ, ужь эти мужчины, мужчины! Хорошъ живописецъ, связался съ дѣвкой.

И потомъ немного помолчавъ, Аксинья Максимовна искоса взглянула на Алешу и понизивъ голосъ спросила какимъ-то особенно испытующимъ тономъ.

— Да полно, такъ ли это, мой другъ? Ужъ не самъ ли ты волочился за дѣвкой-то?

Алексѣй Наумычъ вспыхнулъ.

— А?

— Нѣтъ, тетенька, это живописецъ.

— А самъ-то ты насчетъ женскаго пола не слабъ?

— Нѣтъ, тетенька... да гдѣ же мнѣ... Я такой стыдливый...

— Да это ничего не значитъ, мой другъ. Вѣдь онѣ нахальницы, пакостницы, онѣ пожалуй и сами соблазнятъ... Охъ, есть какія нахальницы, для нихъ развратить ребенка составляетъ даже удовольствіе... Запоютъ разныя соблазнительныя пѣсни, обнажатъ тѣлеса свои. Охъ, Господи!.. А ты, Алешинька, крѣпись, потому самое это дѣло есть величайшій грѣхъ и жестоко блудники и блудницы будутъ наказаны милосердымъ Господомъ. Самое лучшее, мой другъ, твори молитву. Читай: «да воскреснетъ Богъ» и вѣрь мнѣ, старухѣ, завсегда будешь чистъ и праведенъ. Конечно ты еще ребеночекъ, всѣхъ пакостей не знаешь, а пакости творятся людьми великія, и спасенъ будетъ тотъ, кто удаляется грѣха. Пуще же всего удаляйся отъ этихъ дѣвокъ. Эти дѣвки губительницы рода человѣческаго. И дивлюсь я, Алешинька, какъ это въ нихъ стыда нѣтъ. Вѣдь говорятъ днемъ по улицамъ шатаются и видъ такой себѣ придаютъ, что всякій тотчасъ можетъ узнать ихъ. На лицѣ раз-

Digitized by Google

вратъ, одежда развратная, походка тоже, словомъ нѣтъ-то въ нихъ ни стыда, ни совѣсти... Вотъ этотъ Иванъ, который хотѣлъ Бутузку-то убить, ухъ какой развратникъ былъ. Есть у меня одна дѣвка, Ариной зовутъ, такъ совсѣмъ съ толку сбилъ ее. Ужь такой-то былъ развратникъ, что силъ нѣтъ... Чуть бывало вечеръ, ужь онъ непремѣнно гдѣ-нибудь съ Ариной. Вотъ еще поваръ тоже... Ну, да того больше дьячокъ развращаетъ... Ужь такой-то развратникъ дьячокъ этотъ. А не забудь, что женатый человѣкъ и дѣтей цѣлая куча. Все что ни выработаетъ, все либо пропьетъ, либо къ дѣвкамъ снесетъ, а семейство съ голоду умираетъ. Все собираюсь къ архіерею написать, да все какъ-то не соберусь. Съ архіереемъ-то я въ ссорѣ... Такъ вотъ, мой другъ, что значатъ дѣвки-то. Берегись ихъ и не соблазняйся этой гадостью.

А Алексѣй Наумычъ все слушалъ да краснѣлъ и богъ-знаетъ что лѣзло ему въ голову подъ неровное біеніе молодого сердца. То охватывалъ его жаръ, то бросало его въ ознобъ и ему то слышался шопотъ дѣвокъ у двери, то видѣлъ онъ ихъ, румяныхъ и полныхъ, бѣгущихъ по саду, то какъ-будто слышалъ ихъ звонкій смѣхъ и громкія пѣсни. Аксинья Максимовна какъ-будто замѣчала все это и въ свою очередь еще больше начинала проповѣдывать о великости этого грѣха. Она даже дошла до того, что почти каждый вечеръ заводила объ этомъ разговоръ съ Алешинькой. И дѣйствительно сѣмена ея пали не на безплодную почву.

Однажды какъ то Алексѣй Наумычъ, возвращаясь домой съ купанья довольно поздно и проходя мимо кухни, наткнулся на повара и дьячка, тормошившихъ въ потемкахъ какую-то дѣвку. Завидѣвъ Алексѣя Наумыча, дѣвка рванулась и убѣжала.

— Какъ это вамъ не стыдно! проговорилъ Алексѣй Наумычъ, подходя къ повару и дьячку.

— А что-съ? спросилъ поваръ какъ ни въ чемъ не бывало.

— Да вѣдь это великій грѣхъ, это мерзко...

— Ни чуть не мерзко-съ, самое любезное дѣло, первое удовольствіе...

Алексѣй Наумычъ даже плюнулъ, но не менѣе того видѣнная имъ сцена почему-то цѣлую ночь не давала ему покоя.

Такъ шло время. Алексѣй Наумычъ толстѣлъ съ каждымъ днемъ и съ каждымъ днемъ чувствовалъ, что силы его прибы-

Digitized by Google

ваютъ. Да и какъ было не прибывать этимъ силамъ въ благодатномъ Фроловѣ, гдѣ все дышало здоровьемъ? Какъ было не крѣпнуть Алексѣю Наумычу, когда онъ ѣлъ хорошо, спалъ отлично, купался по нѣскольку разъ въ день и ни разу въ день не задумывался! И о чемъ было думать Алексѣю Наумычу, когда объ немъ столько заботилась Аксинья Максимовна и мало того, когда она старалась предупредить всѣ его нужды. Онъ былъ сытъ, одѣтъ, обутъ, у него былъ уголъ, чегожъ еще? Вѣдь Алексѣй Наумычъ только объ этомъ мечталъ. Какъ только онъ просыпался, онъ принимался за ѣду и ѣлъ почти цѣлый день. У него была только одна забота — угождать Аксиньѣ Максимовнѣ, да учить Бутузку. Немного погодя жизнь во Фроловѣ сдѣлалась для Алексѣя Наумыча еще привлекательнѣе, а именно вотъ почему.

Однажды прогуливаясь съ теткой по саду и слушая разумѣется ея проповѣди о блудникахъ и блудницахъ, Алексѣй Наумычъ подошолъ какъ-то къ пруду, взглянулъ въ воду и ахнулъ.

— Что съ тобой? почти вскрикнула Аксинья Максимовна.

Но Алексѣй Наумычъ стоялъ какъ поражонный громомъ.

— Что съ тобой?

— Какъ что, тетенька, да развѣ вы не видите, проговорилъ наконецъ Алексѣй Наумычъ, указывая въ воду.

— Ничего не вижу, мой другъ.

— Какъ, ничего?

— Вижу воду, вотъ и все.

— А въ водѣ-то?

— Да чтоже въ водѣ-то?

— А рыба-то?

— Ну такъ чтожъ?

— Какъ что! Господь съ вами тетенька! Это такое сокровище, такая прелесть, что вы себѣ вообразить не можете!.. Здѣсь можно удить... Вы никогда не удили рыбу?

— Никогда, мой дружокъ, да и не стану вѣроятно.

— Отчего?

— Оттого, что мнѣ и безъ рыбы дѣла много.

— Какого же это?

— А такого, что вотъ вопервыхъ я сама шью тебѣ сорочки, а вовторыхъ нужно приготовить тебѣ манишекъ.

— Ну, такъ я одинъ стану удить.

Digitized by Google

— Вотъ это дѣло другое.

Но Алексѣй Наумычъ врядъ ли слышалъ послѣднюю фразу Аксиньи Максимовны, такъ какъ почти бѣгомъ выбѣжалъ изъ сада и прямо отправился въ луга, къ табуну лошадей.

Только къ чаю возвратился Алексѣй Наумычъ домой, и войдя въ комнату тетки съ пучкомъ лошадиныхъ волосъ, съ какою-то особенно торжественностью крикнулъ:

— Вотъ они, вотъ они тетенька!..

— Это еще что такое? спросила старушка, силясь разсмотрѣть пучокъ.

— Это, тетенька, лошадиные волосы.

— Батюшки! да зачѣмъ это ихъ тебѣ?

— На леса.

— Это что еще такое?

— А вотъ увидите...

Въ тотъ же вечеръ въ комнатѣ Аксиньи Максимовны производилось уже ссучиваніе лесъ. Алексѣй Наумычъ нашолъ и старухѣ дѣло. Онъ заставилъ ее держать волосы, а самъ между тѣмъ свивалъ ихъ. Картина была умилительная и конечно уже вполнѣ достойная кисти Эдуарда Жирарде, вообще такъ искусно изображающаго старухъ. Аксинья Максимовна сидѣла нагнувшись, смотря то на свивающіеся волосы, то на лежавшую возлѣ нея Бутузку и говорила:

— Ужь вотъ не воображала-то, чтобы ты былъ такой отчаянный рыболовъ. Вѣдь какъ вскрикнулъ-то!.. Я даже перепугалась, думала и ни вѣсть что случилось, а онъ рыбу увидалъ.

— Мало этого! говорилъ Алексѣй Наумычъ. Ну, а какой рыбы у васъ больше всего.

— Да всякой много. Есть и караси, и лещи, и окуни.

— Какъ, и окуни?

— Еще какіе, большущіе.

— А какъ?

— Да фунта по три есть.

— Неужели! да это просто благодать!.. Экое у васъ, тетушка, имѣніе-то чудное!

— Имѣніе отличное, подхватила Аксинья Максимовна. Такое имѣніе, какихъ рѣдко найти можно. У меня все есть. Земля хлѣбородная, всякаго хлѣба родитъ много. Да вотъ погоди, Богъ дастъ доживемъ до зимы, такъ самъ увидишь сколько на

Digitized by Google

гумнѣ скирдовъ будетъ. Лѣсу тоже вдоволь и лѣсъ все крупный, строевой и все больше липнякъ, Алешинька. Ужь такіе-то липы, что заглядѣнье, прямыя какъ свѣчи, и ужь высокія такія — страсть взглянуть. Тамъ въ лѣсу у меня пчельникъ есть и пчелы все медъ берутъ съ липы, такъ ты увидишь какой медъ, — бѣлый какъ снѣгъ и сладкій разсладкій... Луговъ у меня тоже не мало, да какихъ луговъ, заливныхъ, а это не бездѣлка; трава такая густая, что насилу косой прорѣзаютъ. Словомъ всего у меня вдоволь: и лѣсу, и хлѣба, и сѣна и рыбы, а ужь этихъ яблоковъ, да грибовъ, да ягодъ, да орѣховъ — хоть прудъ пруди. Все свое и варенье, и грибы и соленье, и грибы отварные, которые ты такъ любишь кушать, и квасы, и водицы, и наливки, все свое. Я только и покупаю что одинъ чай да сахаръ. Да, мой другъ, имѣніе рѣдкое... Извѣстно, оно запущено, многое кое-что, поправить бы слѣдовало, ну да такъ и быть, на мой вѣкъ станетъ.

— Отчего же вы не поправите? спросилъ Алексѣй Наумычъ, продолжая ссучивать волосы.

— Да ужь стара, проговорила Аксинья Максимовна, тяжело вздохнувъ. Мнѣ ужь не долго жить, а тамъ когда умру, пусть тотъ и поправляетъ, кому будетъ принадлежать Фролово.

— А кому будетъ оно принадлежать?

Аксинья Максимовна улыбнулась.

— Самъ знаешь... У меня наслѣдниковъ нѣтъ, имѣніе мое благоприобрѣтенное, слѣдовательно кому хочу, тому и отдамъ. Захочу, отдамъ Сидору, захочу Ивану, а захочу такъ и тебѣ все отдамъ.

— Что вы, тетенька, говорите, невольно пробормоталъ Алексѣй Наумычъ, самъ не понимая кчему сказалъ это. Кчему же мнѣ-то? Что я?.. развѣ я могу думать... что вы... что вы...

— А почему же я не могу тебѣ отдать.., Развѣ у меня родня какая есть... ближе тебя никого нѣтъ, да нетолько ближе, даже никого нѣтъ родныхъ кромѣ тебя.

Алексѣй Наумычъ замолчалъ, замолчала и Аксинья Максимовна.

На другой день еще хорошенько не разсвѣтало, а ужь Алексѣй Наумычъ сидѣлъ надъ прудомъ. Рыба брала превосходно и потому предоставляю судить насколько былъ счастливъ Алексѣй Наумычъ. Онъ удилъ на три удочки и рѣшительно не по-

Digitized by Google

снѣвалъ вытаскивать. Стая нахлынувшихъ окуней безпрестанно хватала приманку, и Алексѣй Наумычъ перебѣгалъ то къ одной, то къ другой удочкѣ. Утро было превосходное. Туманъ клубился надъ прудомъ, а между тѣмъ ароматъ цвѣтовъ и деревьевъ наполнялъ воздухъ. Все было тихо, все еще спало и какъ-то особенно легко было Алексѣю Наумычу среди этой восхитительной тишины, среди этой живописной мѣстности, подъ этими густыми вѣтвями ивы, гдѣ ни чей взоръ не отравлялъ его ребяческихъ забавъ, его чистыхъ мечтаній. Сидя на корточкахъ, онъ весь предался охотѣ, весь былъ созерцаніе и при малѣйшемъ колебаніи поплавковъ, вздрагивалъ какъ ребенокъ, бралъ въ руки удилище и почуявъ добычу, начиналъ водить ее въ прозрачной водѣ и водилъ ее до тѣхъ поръ, пока она утомленная, не ложилась на бокъ и не всплывала на гладкую поверхность. Все казалось забавлялось съ Алексѣемъ Наумычемъ, все какъ онъ было чисто и невинно, все какъ онъ казалось было и молодо, и свѣжо, и восхитительно!

— «Вотъ гдѣ житье-то! думалъ Алексѣй Наумычъ. Вотъ гдѣ благодать-то.» И дѣйствительно все было благодать. Но между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ произносилъ эти слова, ему невольно приходилъ на умъ вчерашній разговоръ его съ теткой и уста его шептали: «неужели же въ самомъ дѣлѣ, все это будетъ мое и я буду владѣтелемъ всего этого богатства, всѣхъ этихъ луговъ, лѣсовъ, полей, прудовъ, я, у котораго ничего нѣтъ, у котораго даже не было надежды имѣть что-нибудь кромѣ горя, я, который ходилъ безъ рубашекъ и который пріѣхалъ во Фролово съ такимъ тощимъ и жалкимъ чемоданомъ.»

А между тѣмъ солнце начинало вставать; золотые лучи брызнули изъ-за голубой горы, туманъ началъ подниматься кверху и Фролово еще явственнѣе, еще привлекательнѣе раскинулось передъ Алексѣемъ Наумычемъ. Прямо передъ нимъ, на другой сторонѣ пруда раскидывались луга, тѣ луга, которымъ кажется и конца не было, которые такъ и сливались съ небомъ; и видѣлъ Алексѣй Наумычъ какъ на этихъ лугахъ какой-то мужичокъ ловилъ свою лошаденку и желая поймать ее, такъ хитро подходилъ къ ней и такъ старался обмануть ее кускомъ хлѣба, что Алексѣй Наумычъ готовъ былъ крикнуть лошади: — не слушай, не слушай его, не соблазняйся на хлѣбъ и знай, что въ другой рукѣ мужика, которая за спиной, есть узда; онъ поймаетъ тебя

Digitized by Google

и будетъ плохо. Но въ это самое время вдругъ Алексѣй Наумычъ чувствовалъ, что удилище, которое держалъ онъ въ рукахъ, сильно заколыхалось; онъ подсѣкъ и вытащилъ на берегъ огромнаго окуня, сіявшаго на солнцѣ своей золотистой чешуей.

Такъ забавлялся Алексѣй Наумычъ и только часовъ въ девять рѣшился идти домой. Онъ вошолъ въ спальную тетки съ ведромъ въ рукахъ и на этотъ разъ такъ крѣпко обнялъ старуху и такъ нѣжно поцѣловалъ ее, какъ никогда еще не цѣловалъ. Въ туже минуту явилась и Бутузка. И Алексѣй Наумычъ, взявъ ее на руки, принялся пить чай.

XVII

День этотъ не мало измѣнилъ весь образъ жизни Алексѣя Наумыча. Прежде бывало Алексѣй Наумычъ какъ только вставалъ, такъ тутъ же накидывалъ халатъ и бѣжалъ въ купальню, а теперь онъ уже не купался, а схвативъ удочки, тотчасъ же отправлялся съ ними на прудъ. Онъ занимался этимъ утромъ и вечеромъ и потому на бесѣду съ теткой ему оставался только день. Но и день этотъ не походилъ уже на прежніе. Онъ не читалъ уже Аксиньѣ Максимовнѣ чети-минею, не занимался уже пристально съ Бутузкой и даже забылъ своихъ пѣвчихъ. Но Аксинья Максимовна все-таки была не менѣе счастлива. Она довольствовалась и тѣмъ, что хоть днемъ была вмѣстѣ съ Алешинькой. Постоянно за работой и постоянно заботясь о томъ, чтобы все маленькое хозяйство ея Алешиньки было въ порядкѣ, она даже и не замѣчала какъ проходило утро и какъ проходилъ вечеръ. Утромъ она торопилась докончить какую-нибудь манишку, чтобы утѣшить ею своего Алешиньку, а вечеромъ она торопилась начать новую. Аксинья Максимовна, какъ самая заботливѣйшая мать, вникала во все, и все что ни дѣлала, дѣлала тайкомъ, сюрпризомъ для Алеши. Такъ напримѣръ однажды въ воскресенье утромъ, Акимъ принесъ къ Алексѣю Наумычу цѣлый узелъ новаго платья, и положивъ узелъ прямо противъ кровати, на которой спалъ Алеша, поспѣшилъ уйти вонъ изъ комнаты. Каково же было удивленіе Алексѣя Наумыча, когда проснувшись онъ увидалъ узелъ, а главное когда увидалъ что̀ заключалось въ этомъ узлѣ. Мало того, Аксинья Максимовна дошла даже до того, что вдругъ

Digitized by Google

какъ-то въ одно утро призвала къ себѣ кучера и стала разспрашивать его о колескѣ, объявивъ, что ей нужно съѣздить въ городъ. Кучеръ остолбенѣлъ отъ удивленія: онъ никакъ не ожидалъ этого, потомучто съ того времени какъ Аксинья Максимовна купила Фролово, она ни разу не выѣзжала даже за околицу.

— Чтоже ты молчишь? спросила Аксинья Максимовна, замѣтивъ смущеніе кучера. Я тебя спрашиваю, можно ли будетъ съѣздить въ городъ въ колескѣ?

— Отчего же не съѣздить, сударыня, проговорилъ онъ, не вѣря ушамъ своимъ.

— Такъ будь же готовъ, завтра чѣмъ-свѣтъ мы поѣдемъ.

— Слушаю-съ.

— Ну, ступай же.

Кучеръ поклонился и только-что успѣлъ выйти на крыльцо, какъ вдругъ откуда ни возьмись Агафья Филатьевна.

— Никакъ барышня въ городъ ѣдетъ? спросила она кучера.

— Ништо, ѣдетъ.

— Чтожъ это значитъ такое?

— А я почемъ знаю.

И не прошло десяти минутъ какъ во Фроловѣ всѣ узнали объ отъѣздѣ Аксиньи Максимовны. Алексѣй Наумычъ, незнавшій прежней жизни Аксиньи Максимовны, нисколько этому не удивился и только попросилъ тетку взять и его съ собою.

— Мнѣ проѣхаться хочется, тетенька, говорилъ онъ, а то ужь я очень засидѣлся.

Но Аксинья Максимовна съ какой-то особенно двусмысленной улыбкой объявила ему, что по нѣкоторымъ причинамъ, о которыхъ онъ узнаетъ послѣ, она не можетъ его взять. Алексѣй Наумычъ разумѣется замолчалъ, а Аксинья Максимовна впродолженіи всего дня вела себя такъ загадочно, и глядя на племянника, улыбалась такъ лукаво, что онъ даже началъ волноваться, заинтересованный мистификаціями тетки.

XVIII

Между-тѣмъ на дворѣ, возлѣ каретнаго сарая, шла страшная суматоха. Все мужское населеніе дворни, не исключая повара и дьячка, вывозило изъ сарая желтую, высокую коляску,

Digitized by Google

неизвѣстную во всемъ околодкѣ подъ названіемъ *бутузкиной колесницы*. Фома Зотычъ, съ важностью прикащика, распоряжался людьми, и когда коляску стали спускать по помостками, то онъ кричалъ безпрестанно:

— Легче, легче! правѣй, лѣвѣй!.. вотъ такъ! держи, теперь держи!..

Но какъ ни кричалъ онъ: *держи, держи!* а коляска, вывезенная на отлогіе подмостки, покатилась съ такою силою, что чуть не повалила всего столпившагося около нея народа. Раздался хохотъ; который затихъ мгновенно, потомучто на крыльцѣ показалась Аксинья Максимовна, въ сопровожденіи Бутузки и Алексѣя Наумыча.

— Ну, чтожъ вы стали! Чего смотрите! кричала она; — я думаю, надо мыть коляску.

Бросились за водой и всѣ принялись за мытье коляски.

Къ вечеру все было кончено, а на утро чѣмъ-свѣтъ Аксинья Максимовна ѣхала уже въ городъ.

Когда я увидалъ коляску, то удивился не менѣе фроловскихъ жителей.

— Стой, стой! кричалъ я кучеру: — стой!

Аксинья Максимовна, завидѣвъ меня, приказала остановиться.

— Аксинья Максимовна, вы ли это? почти вскрикнулъ я, подбѣгая къ коляскѣ, гдѣ возсѣдала она съ Агафьей Филатьевной и Бутузкой.

— Конечно я, отвѣчала она улыбаясь.

— Куда это вы?

— Въ городъ.

— Да неужели это правда!

— Какъ видите.

— Стало-быть что-нибудь очень нужное.

Аксинья Максимовна пригнулась ко мнѣ и таинственно прошептала.

— Ѣду кое-что купить Алешѣ.

— Вотъ какъ!

— Хочу порадовать его. Только вы не говорите ему, онъ ничего не знаетъ.

— Такъ стало-быть вы довольны имъ?

Digitized by Google

Аксинья Максимовна перекрестилась и потомъ, снова пригнувшись ко мнѣ, прошептала еще тише:

— Когда я умру, Фролово будетъ его. Все ему оставлю, даже и Бутузку ему...

— Вотъ какъ! повторилъ я.

— А ужь какъ онъ полюбилъ ее! Однако пора ѣхать; прощайте, отецъ мой!

Мы простились, и коляска загремѣла по дорогѣ въ городъ.

Дня черезъ два Аксинья Максимовна воротилась домой; пріѣхала она такъ поздно, что всѣ уже спали; спалъ и Алексѣй Наумычъ самымъ крѣпкимъ сномъ. Этого-то кажется и добивалась Аксинья Максимовна, потомучто когда она спросила о племянникѣ, и когда доложили ей, что онъ почиваетъ, то особенно довольная улыбка показалась на устахъ ея. Но каково же было изумленіе Алексѣя Наумыча, когда онъ, проснувшись, вдругъ увидѣлъ на столѣ двухствольное ружье, патронташъ, ягдташъ и длинные болотные сапоги. Сначала онъ не повѣрилъ глазамъ своимъ и только тогда, когда ощупалъ все видѣнное, убѣдился, что все это было не сонъ, а дѣйствительность. Только тутъ вспомнилъ Алексѣй Наумычъ, что нѣсколько дней тому назадъ, разсказывая про свою прежнюю жизнь, онъ какъ-то высказалъ, что онъ страстный охотникъ, и что охота съ ружьемъ была для него всегда первымъ наслажденіемъ.

— Такъ вотъ зачѣмъ ѣздила тетушка въ городъ, вскрикнулъ онъ, полный благодарности, и хотѣлъ было бѣжать внизъ, чтобы обнять Аксинью Максимовну, какъ дверь отворилась и Аксинья Максимовна вошла въ комнату съ сіяющимъ лицомъ.

— Ну, что? спросила она своего племянника: — доволенъ ли ты моимъ подаркомъ?

— Тетушка! дайте вашу ручку! могъ только проговорить Алексѣй Наумычъ, и принялся цѣловать руки Аксиньи Максимовны.

— Ну будетъ, будетъ! А знаешь за что я сдѣлала тебѣ этотъ подарокъ!

— Да за что же, тетенька? Мнѣ кажется я никакъ не могъ заслужить его; просто вы сдѣлали это по добротѣ вашей души.

— Нѣтъ, неправда, неправда! Ты тоже не мало утѣшилъ меня.

— Чѣмъ же?

Digitized by Google

— А какъ ты думаешь?

— Я право не знаю, тетушка.

— А тѣмъ, что ты полюбилъ мою Бутузку, проговорила Аксинья Максимовна, потряхивая своею сѣденькой головкой. Вотъ чѣмъ... Да, мой другъ, люби Бутузку!.. Я нашла ее еще щенкомъ, я вскормила ее... Я даже спасла ее отъ смерти: ее хотѣли убить... Ну, да добро же! Пускай себѣ шатается теперь безъ пристанища и безъ куска хлѣба! проговорила Аксинья Максимовна, возвысивъ голосъ и поднявъ свое лицо. Онъ хотѣлъ убить Бутузку, а вмѣсто того погубилъ себя. О! прибавила она, яростно стуча своимъ сухимъ кулакомъ по столу: — благодари онъ еще Бога, что Богъ внушилъ ему бѣжать... а попадись онъ мнѣ въ руки... я бы показала ему какъ смѣть посягать на жизнь моей Бутузки! Я бы показала ему какъ я умѣю заступаться за угнетенныхъ!

И долго еще такъ говорила Аксинья Максимовна, не замѣчая даже, что племянникъ не слушаетъ ее, и что онъ давно уже, отвинтивъ замокъ, принялся разглядывать его устройство.

— Вотъ, тетенька, пружина, такъ пружина! проговорилъ онъ, перебивая угрозы тетки. Посмотрите-ка, какъ громко щолкаетъ курокъ!

И Алексѣй Наумычъ принялся щолкать курком.

— А что, тетинька, маслица вы мнѣ дадите?

— Какого тебѣ? спросила немного успокоившись Аксинья Максимовна.

— Деревяннаго, тетенька.

— На что тебѣ?

— Да вотъ смазать нужно.

— Изволь, изволь; сейчасъ принесу.

— Пожалуста, тетенька.

Аксинья Максимовна пошла изъ комнаты, но только-что переступила порогъ, какъ вернулась снова.

— А что, мой другъ, проговорила она: — тебѣ не прислать ли Бутузку... Ты, чай, ужь соскучился о ней?

— Нѣтъ, зачѣмъ, тетенька, безпечно проговорилъ Алексѣй Наумычъ, все еще разбирая замокъ. Вы мнѣ вотъ маслица-то пришлите.

Аксинья Максимовна нахмурилась, но выйдя въ коридоръ, успокоилась снова.

Digitized by Google

— Нѣтъ, это онъ такъ сказалъ, не подумавши, проговорила она. Онъ занятъ былъ ружьемъ. Ребенокъ еще вѣдь онъ. Чего же взыскать съ него. Нѣтъ, онъ любитъ Бутузку, онъ любитъ ее...

Немного погодя за дверью раздался голосъ Агафьи Филатьевны:

— Можно войти? проговорила она.

— Можно; что вы?

— Да вотъ тетенька маслица вамъ прислала.

— Хорошо, благодарю васъ.

И Алексѣй Наумычъ, какъ только смазалъ ружье, тотчасъ же отправился на охоту. Онъ былъ точно гимназистъ, хорошо окончившій свой экзаменъ и пріѣхавшій на вакацію въ деревню. И какіе онъ открылъ въ тотъ же день дивныя мѣста для охоты! Какіе открылъ онъ озера!.. Заросшія камышомъ, онѣ кажется совершенно ускользали изъ вида окружавшаго ихъ люда. И сколько таилось дичи въ этихъ камышахъ и на этихъ озерахъ! Когда Алексѣй Наумычъ вошолъ въ эти камыши, такъ онъ перепугался даже, потомучто съ каждымъ его шагомъ поднимались цѣлыя стаи дикихъ утокъ, которыя тяжело вылетая изъ камышей, оглашали молчаливую окрестность шумомъ крыльевъ и испуганнымъ крикомъ.

XIX

Итакъ у Алексѣя Наумыча ничего не доставало теперь для полнаго счастія и онъ, доживщій до этой минуты, могъ смѣло воскликнуть: «Я счастливъ, мнѣ ничего болѣе не надо, я дожилъ до того, что у меня все!» Онъ стоялъ на той точкѣ, съ которой подниматься выше уже невозможно! И дѣйствительно Алексѣй Наумычъ былъ на верху своего блаженства. Онъ болѣе ни о чемъ не мечталъ, потомучто мечты его не заходили далѣе и потому почиталъ себя достигшимъ всего, а слѣдовательно и довольнымъ. Онъ каждый день охотился съ ружьемъ, а когда ружье надоѣдало, онъ бралъ удочки и шолъ къ пруду. По воскресеньямъ онъ ходилъ къ обѣднѣ и стоялъ на клиросѣ, но не тѣмъ уже оборваннымъ и общипаннымъ Алексѣемъ Наумычемъ, съ продранными локтями и сапогами, изъ которыхъ чуть не вы-

Digitized by Google

глядывали пальцы, а совершеннымъ джентльменомъ, съ лицомъ довольнымъ и покойнымъ. На немъ было уже не изодранное пальтишко, а хорошій суконный сюртукъ, довольно ловко сшитый и хорошо обрисовывавшій талію Алексѣя Наумыча. Галстукъ на немъ былъ шолковый, изящно повязанный, жилетъ изъ хорошаго пике, сѣренькіе панталоны какъ нельзя лучше подходили къ черному цвѣту сюртука, а на ногахъ были уже не изодранные сапоги, а прекрасные лаковые штиблеты. У Алексѣя Наумыча были часы, была шляпа, были перчатки и даже была хорошенькая тросточка, которой всегда онъ такъ изящно игралъ, когда прогуливался съ теткой по саду. Бѣлье у него было хорошее, манишки всегда тщательно вымыты и выглажены, словомъ это былъ уже не тотъ Алексѣй Наумычъ, выпрыгнувшій изъ рагоженной кибитки и бросившійся въ объятія со слезами встрѣчающей его тетки, не тотъ нецѣльный и сборный Алексѣй Наумычъ, котораго мы знали, а какой-то другой, хорошо одѣтый, съ сіяющимъ и здоровымъ лицомъ, который и ходилъ уже не такъ робко. Это былъ уже Алексѣй Наумычъ отдохнувшій, проснувшійся, пожившій самобытно и потому познавшій свою силу. Онъ уже не робѣлъ передъ Фомой Зотычемъ, потомучто понималъ, что ему нечего робѣть передъ нимъ, былъ съ нимъ вѣжливъ, потомучто понималъ, что нужно быть вѣжливымъ со всѣми и вмѣстѣ съ тѣмъ не ронялъ своего достоинства.

Дни протекали незамѣтно и каждый день былъ для Алексѣя Наумыча новымъ рядомъ удовольствій. Онъ вставалъ чуть-свѣтъ, надѣвалъ свое старое платье и шолъ на охоту. Часовъ въ десять онъ возвращался домой, пилъ чай, а потомъ сидѣлъ съ своей теткой и разсказывалъ ей про свою охоту. Старуха слушала разсказы эти съ особеннымъ восхищеніемъ, потомучто видѣла въ нихъ счастіе своего Алешиньки. Она только и жила имъ, только имъ и дышала. Часовъ въ двѣнадцать они садились за завтракъ, и завтракая, Алексѣй Наумычъ подзывалъ къ себѣ Бутузку и заставлялъ ее просить кушать, служить и подавать лапку. Послѣ онъ бралъ ее къ себѣ на руки и начиналъ ее ласкать и хвалить за ея разумъ и послушаніе.

По окончаніи завтрака Алексѣй Наумычъ шолъ въ пѣвческую и занимался обученіемъ пѣвчихъ. Иногда заходила къ нему Аксинья Максимовна, восхищалась стройнымъ пѣніемъ хора и замѣчала иногда Алексѣю Наумычу, что онъ очень много

Digitized by Google

поетъ, и что пожалуй опять разболится грудь. Но Алексѣй Наумычъ, поцѣловавъ тетку за участіе, успокоивалъ ее и говорилъ, что грудь у него болѣть больше не будетъ. Занявшись часа два пѣвчими, Алексѣй Наумычъ распускалъ мальчишекъ и шолъ передъ обѣдомъ купаться. Опустившись въ воду онъ иногда заглядывалъ изъ подъ купальни на рѣку и любовался какъ неподалеку купались дѣвки и бабы. Онѣ страшно всегда шумѣли, плескались водой и звонко хохотали. И тогда Алексѣю Наумычу вдругъ хотѣлось бы выплыть изъ купальни и присоединиться къ веселому обществу купающихся дѣвокъ, но онъ вдругъ вспоминалъ проповѣди тетки и краснѣя спѣшилъ скорѣе вонъ изъ воды. Странное однако дѣло, что не разъ Алексѣй Наумычъ, лежа въ своей постелѣ, не могъ долго заснуть, все объ чемъ-то мечтая и все объ чемъ-то думая. Объ чемъ мечталъ онъ и о чемъ думалъ, богъ-вѣсть, но часто и очень часто были слышны его вздохи и онъ шепталъ тогда: «да воскреснетъ Богъ», и смотря на образокъ, поспѣшно крестился. Послѣ обѣда онъ снова или шолъ удить, или шолъ на охоту, а когда наступали сумерки, онъ возвращался домой, бесѣдовалъ съ теткой. Часовъ въ одинадцать подавался ужинъ, а часовъ въ двѣнадцать онъ былъ уже въ своей комнаткѣ, гдѣ Акимъ раздѣвалъ его, а раздѣвши, уходилъ, пожелавъ покойной ночи. Покойная ночь наступала, а Алексѣй Наумычъ долго не могъ заснуть и все почему-то шепталъ: «да воскреснетъ Богъ», и все почему-то то слышался ему звонкій хохотъ купающихся дѣвокъ, то сцена видѣнная имъ близь кухни. Алексѣю Наумычу хотѣлось любить и только одной любви не доставало для него. Онъ шепталъ мовитву, а потомъ вдругъ напѣвалъ про себя:

Грудь другую ему надобно
Огонь, пламя, красну-дѣвицу...

И только развѣ часу во второмъ Алексѣй Наумычъ засыпалъ подъ тихій шелестъ деревьевъ, долетавшій до него въ растворенное окно. Такъ прошло мѣсяца два и Алексѣй Наумычъ жилъ себѣ припѣваючи, какъ вдругъ случилась слѣдующая исторія во Фроловѣ.

Digitized by Google

XX

Однажды Алексѣй Наумычъ былъ на охотѣ. Охота была чудная. Пропасть утокъ, пропасть бекасовъ и дуппелей, безпрестанно вылетавшихъ, почти что замучили Алексѣя Наумыча. Онъ забавлялся и радовался какъ ребенокъ и даже забылъ, что ему нужно было другую грудь. Онъ суетился, бѣгалъ; подстрѣленныхъ утокъ ловилъ съ такою дѣтскою рѣзвостью, что право трудно было налюбоваться имъ; такъ былъ онъ хорошъ и счастливъ въ эти минуты, что невольно радовалось сердце, глядя на него. Видно правду говорятъ, что счастіе краситъ человѣка.

Однако какъ ни весело было Алексѣю Наумычу, какъ ни хотѣлось ему побыть подольше на озерахъ, но сумерки заставили его прекратить охоту. Съ стѣсненнымъ сердцемъ оставилъ онъ свои милые камыши и побрелъ домой. Было уже часовъ девять. Ночная тѣнь уже окутывала природу, и какъ хорошъ былъ вечеръ! Свѣжій, ароматный, онъ какъ-то вліялъ особенно благотворно на возвращавшагося Алексѣя Наумыча. Перекинувъ ружье на спину, Алексѣй Наумычъ шолъ скоро, междутѣмъ какъ въ головѣ его одинъ планъ смѣнялся другимъ. Онъ, то давалъ себѣ слово сейчасъ же возвратиться домой, лечь отдохнуть съ тѣмъ, чтобы завтра чѣмъ-свѣтъ снова возвратиться на озера, то предполагалъ заняться чисткою ружья, то совсѣмъ не хотѣлъ ложиться, а только поужинать и тотчасъ же послѣ ужина идти на озера, чтобы встрѣтить зорю на мѣстѣ охоты, то начиналъ считать убитую имъ дичь.

— Эхъ, какъ бы теперь добыть мнѣ собаку, говорилъ онъ: — тогда бы я былъ совсѣмъ счастливъ.

И Алексѣй Наумычъ начиналъ тогда соображать какъ бы достать себѣ собаку.

А между-тѣмъ сумерки становились все гуще и гуще, и по мѣрѣ того какъ погасалъ дневной свѣтъ, замирала кругомъ и дневная суета. На лугахъ, на которыхъ въ тотъ день такъ и южжали косы косцовъ, задымился костеръ, вокругъ котораго собрались всѣ косцы ужинать. Но и ужинъ ихъ подходилъ къ концу. Нѣкоторые изъ работниковъ расходились уже, и бросивъ на траву свои кафтаны, ложились спать. Зато на небѣ загора-

Digitized by Google

лась уже одна звѣздочка за другою и молодой мѣсяцъ яркимъ сномъ отражался въ водѣ. Все было облито кругомъ серебристымъ свѣтомъ между-тѣмъ какъ лѣсъ, мимо котораго проходилъ Алексѣй Наумычъ наполнялся какимъ-то торжественнымъ таинственнымъ гуломъ, тѣмъ гуломъ, отъ котораго такъ и замирало сердце, такъ и пробѣгала дрожь по тѣлу. Темный и мрачный, онъ стоялъ, словно околдованный, въ объятіяхъ ночи. И все въ немъ казалось таинственно, загадочно; и все происходившее вокругъ него онъ какъ будто ловилъ и куталъ въ своей листвѣ. Ловилъ и отдаленное журчаніе рѣки, и чуть слышный лай собаки, и полетъ ночной птицы, ловилъ, и потомъ вдругъ замиралъ самъ съ этими звуками.

А какъ былъ хорошъ этотъ западъ съ потухающей алою полоской зари, на которой обрисовывались отдаленныя отлогія горы, но не тѣ, которыя пугаютъ взоръ своею громадной дикостью, но тѣ, на которыя невольно засматриваешься, и на которыхъ видишь и роскошныя нивы, и утомленнаго пахаря, и мирныя селенія бѣдныхъ мужиковъ. А какъ была хороша эта густая, высокая рожь, среди которой вилась дорога во Фролово; какъ дружно кричали въ ней коростели, какъ пышно она то наклонялась, то поднималась отъ вѣтерка, и какъ мягко, и какъ нѣжно было это колыханье! Чудная, благодатная ночь!

Но Алексѣй Наумычъ былъ такъ уже счастливъ, что даже и не замѣчалъ окружавшей его красоты. Мечтая о собакѣ, онъ чувствовалъ однако свое блаженство, онъ чувствовалъ, что грудь его полна чѣмъ-то отраднымъ, что сердце его бьется спокойно, что оно бьется уже не такъ, какъ билось прежде, когда онъ бѣдный, больной и оборванный не имѣлъ ни пристанища, ни привязанностей, словомъ, когда онъ не имѣлъ ничего того, что составляетъ блаженство и полноту жизни, когда душа его была пуста, когда сердце его зябло отъ окружавшей его стужи. Однако, не смотря на все это, онъ по временамъ останавливался, оглядывалъ окрестность, и тогда можно было замѣтить какъ онъ начиналъ креститься. Такъ шолъ Алексѣй Наумычъ, какъ вдругъ онъ почти наткнулся на что-то чернѣвшееся на дорогѣ и походившее на сидѣвшаго человѣка.

Эта неожиданная встрѣча такъ перепугала Алексѣя Наумыча, что онъ даже отскочилъ въ сторону.

Замѣтивъ это, фигура завозилась, закашляла, и стараясь

Digitized by Google

скорѣе успокоить испуганнаго Алексѣя Наумыча, проговорила дряхлымъ и дрожавшимъ голосомъ:

— Не пугайся, родимый. Чего перепужался? Не съ злымъ человѣкомъ встрѣлся, а съ божьимъ человѣкомъ...

Но Алексѣй Наумычъ все еще не могъ опомниться.

— Экій робкій, проговорилъ тотъ же голосъ. Ну чего такъ боишься? Подойди, не бойся!

— Да это оттого, что я не ожидалъ, сказалъ наконецъ Алексѣй Наумычъ, стараясь оправиться отъ испуга. Да кто ты?

— Старушка-нищенка.

Слова эти казалось успокоили Алексѣя Наумыча; перепуганный не на шутку, онъ вздохнулъ теперь свободнѣе и даже подошолъ къ старушкѣ. Онъ такъ былъ обрадованъ благополучнымъ окончаніемъ дѣла, что рѣшился вступить въ разговоръ съ нищей. Онъ былъ радъ также и отдохнуть отъ долгой ходьбы.

— Да чтожъ это ты здѣсь дѣлаешь, бабушка? спросилъ онъ ее.

— Да вотъ отдыхаю, ужинаю.

— А развѣ тебѣ негдѣ поужинать и отдохнуть, бабушка, что ты сидишь на дорогѣ?

— Негдѣ, родимый... Была келья и та сгорѣла... Богъ отнялъ, — на то его святая воля.

— Да вѣдь здѣсь тебѣ безпокойно, бабушка.

— Ничего, родимый. Чѣмъ же безпокойно? Въ избѣ хуже: душно, а здѣсь-то, смотри какая благодать, любо!.. Травка мягкая, ночь теплая, цвѣточки пахнутъ, а пройдетъ ночь, займется зорька, такъ мнѣ еще лучше твоего будетъ. Я встрѣчу солнышко, я услышу первую птичку. Рѣка близко, я умоюсь свѣжей водой... Нѣтъ, мнѣ здѣсь любо, родимый.

— А что ты ужинаешь?

— Да вотъ хлѣбушко... Добрые люди подали во имя Христово.

— И ты сыта однимъ хлѣбомъ?

— Какъ однимъ хлѣбомъ? а вода-то?

— А сколько тебѣ лѣтъ, бабушка?

— Да ужь много, родненькій, больно много... да вишь ты память-то совсѣмъ отнялась. Забыла, родимый.

— Куда же ты пойдешь завтра?

— Да куда Богъ приведетъ.

Digitized by Google

— Заходи ко мнѣ, бабушка.

— А ты гдѣ живешь-то, родненькій?

— Да вотъ здѣсь, недалеко, бабушка... За рощей есть тутъ село Фролово... Ну, вотъ я тамъ и живу, въ барскомъ домѣ... А зовутъ меня Алексѣемъ Наумычемъ. Я тебѣ подамъ, бабушка, а ты помолишься за меня. Я, бабушка, вѣрю молитвамъ...

Но старушка какъ-будто не слушала что говорилъ ей Алексѣй Наумычъ. Чѣмъ-то возмущенная, она суетливо начала подбирать свои сухари. Но Алексѣй Наумычъ не замѣчалъ этого: онъ напротивъ подсѣлъ къ старушкѣ, и положивъ руку на ея костлявое плечо, говорилъ съ чувствомъ!

— Ты непремѣнно спроси меня бабушка. Я люблю нищенокъ. Я и самъ нищій, добрая старушка. Мнѣ и самому прежде нечего было ѣсть. Я и самъ ночевывалъ чуть ли не въ полѣ... Эхъ, бабушка, какъ бы расказать тебѣ всю жизнь мою, такъ и ты бы пожалѣла меня также, какъ и я теперь тебя жалѣю. Только ты, бабушка, не сокрушайся, не плачь. Знаешь ли что я тебѣ скажу... Богъ, бабушка, Богъ милосердный, онъ не покидаетъ нищихъ, онъ пригрѣваетъ ихъ и ужь рано или поздно, а онъ отогрѣетъ окоченѣвшее тѣло... Я это, бабушка, говорю тебѣ не попросту, а потому говорю, что самъ все испыталъ это... Такъ ты зайдешь ко мнѣ, бабушка?..

— Зайду, зайду!.. какъ-то особенно тревожно проговорила старуха, и взваливъ на плечи свой мѣшочекъ, поспѣшно оставила Алексѣя Наумыча.

Зато Алексѣй Наумычъ былъ такъ счастливъ и такъ былъ радъ этой встрѣчѣ, что еще съ большимъ восторгомъ пошолъ домой. Онъ какъ-будто боялся утратить свое счастье, онъ какъ-будто боялся, что впечатлѣнія изгладятся и что онъ не успѣетъ подѣлиться ими съ своею доброй теткой. Онъ почти бѣжалъ и мысленно представлялъ себѣ какъ утѣшитъ онъ свою тетку расказомъ про нищенку и какъ будетъ она счастлива помочь бѣднымъ!

XXI

Но едва успѣлъ войти Алексѣй Наумычъ въ залу, какъ къ нему подбѣжала Аксинья Максимовна, и боже-мой, кто бы могъ

Digitized by Google

узнать эту всегда столь добрую, набожную Аксинью Максимовну! Глаза ея горѣли, губы тряслись, волосы были растрепаны, такъ что Алексѣй Наумычъ, увидавъ свою тетку, невольно вскрикнулъ:

— Тетушка, что́ съ вами?

— Да, помилуй, меня обкрадываютъ, меня кругомъ обкрадываютъ, мнѣ скоро придется по міру идти!

— Да что такое? вы успокойтесь тетенька.

— Помилуй, какъ тутъ успокоиться! Самъ посуди: заказывала сегодня битки и вдругъ битковъ этихъ нѣтъ.

— Куда-жъ они дѣлись?

— Ну, вотъ, поди ты! Говорятъ, что вишь Бутузка съѣла, слышишь, Бутузка! а просто на-просто они сами сожрали.

— Только-то? проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— А тебѣ бы хотѣлось, чтобы на тетку твою надѣли кошель, да выгнали бы ее вонъ изъ дому, да все бы отняли у нея!..

— Ахъ, что вы тетенька!

— Да, видно этого тебѣ хочется, видно этого, за всѣ мои благодѣянія!

— Да помилуйте, тетенька, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Бутузка съѣла.

— Что? и ты туда же! и ты тоже противъ Бутузки!

— Тетушка! Да что же вамъ угодно, чтобы я сдѣлалъ?

— А вотъ мнѣ угодно, чтобы ты сейчасъ же шолъ со мною въ дѣвичью, — вотъ что мнѣ угодно! Надо же наконецъ прекратить это зло... Вѣдь дойдетъ до того, что они меня по міру пустятъ!

— Да извольте, я пойду съ вами.

И Алексѣй Наумычъ послѣдовалъ за Аксиньей Максимовной, которая почти побѣжала по коридору. Поваръ стоялъ въ дѣвичьей.

— Я безъ того отъ тебя не отстану, вскричала Аксинья Максимовна, обращаясь къ повару: — слышишь, безъ того не отстану, пока ты не скажешь мнѣ всей правды.

— Матушка! проговорилъ поваръ, падая на колѣни, вотъ вамъ Христосъ, Бутузка съѣла!..

— Врешь, врешь и врешь!

— Да извольте хоть людей спросить... здѣсь дьячокъ былъ. Онъ тоже видѣлъ, какъ вспрыгнула она..

Digitized by Google

— Вздоръ, вздоръ! перебирала его Аксинья Максимовна, все болѣе и болѣе разгорячаясь. — Собака не сдѣлаетъ этого. А это ты самъ сожралъ!

— Да извольте!..

— Вздоръ, вздоръ! ты сожралъ!

— Вотъ вамъ Христосъ!..

— Молчать!

— Какъ угодно-съ...

— Помилуйте, да это просто грабежъ!.. Да чтожъ ты не заступишься за тетку, чтожъ ты стоишь какъ болванъ! прибавила она, обращаясь къ племяннику.

— Признайся, Семенъ, куда дѣвалъ ты битки, проговорилъ онъ какъ-то особенно неловко, обращаясь къ повару.

— Вотъ ей-богу, сударь!

— Да, что ты съ нимъ разговариваешь-то! что разговариваешь? перебила Аксинья Максимовна Алексѣя Наумыча: — ну, что ты съ нимъ толкуешь!

— Да чтоже, тетенька, долженъ я сдѣлать?

— Что дѣлать? а вотъ что: дай ему оплеуху! дай ему сейчасъ оплеуху!

— Тетенька! почти со слезами проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Дай сейчасъ, говорятъ тебѣ! Нето сейчасъ вонъ и тебя и его!

— Чтоже, дайте, сударь, оплеуху, коли мнѣ не вѣрятъ, проговорилъ поваръ, вставая на ноги.

Алексѣй Наумычъ не трогался съ мѣста.

— Ну, чтоже стоишь-то! Дай же ему оплеуху... дай, говорятъ тебѣ!..

— Тетенька!

— Тебѣ говорятъ, дай!..

Алексѣй Наумычъ ударилъ повара.

— Еще, еще!.. да что ты такъ бьешь-то его? ударь хорошенько.

— Тетенька...

— Ну, ты смѣешь еще ослушаться.

Алексѣй Наумычъ ударилъ еще разъ.

— Вонъ, вонъ съ глазъ моихъ! закричала Аксинья Максимовна, обращаясь къ повару, который въ ту же минуту вышелъ.

Digitized by Google

— Разбойники! душегубцы! Знаютъ, что я стара и давай грабить меня! Анафемы проклятые!

И Аксинья Максимовна отправилась изъ дѣвичьей, но войдя въ коридоръ, наткнулась на Агафью Филатьевну.

— Ты что еще бѣльмы-то вытаращила! проговорила Аксинья Максимовна, увидѣвъ свою экономку. — Ну, что вытаращила — тебя спрашиваютъ.

— Я ничего, матушка.

— И теперь тоже Бутузка виновата.

— Да я право ничего, матушка.

— Чтоже я лгу стало-быть?.. лгу?.. Да что ты мнѣ дерзости хочешь говорить? А? дерзости говорить хочешь?.. Я тебя спрашиваю!..

— Зачѣмъ же, матушка.

— Алеша! мнѣ дерзости говорятъ, заступись за меня! Мнѣ въ глаза дерзости говорятъ. Алеша! Алексѣй Наумычъ! да куда-жъ вы пропали?

— Я здѣсь, тетенька.

— Мнѣ дерзости говорятъ, заступись за меня.

— Да помилуйте, матушка, какія же дерзости я говорю?

— Молчать!.. Дай ей оплеуху!

— Да зачто же?

— Алеша, дай ей оплеуху, дай!

— Тетенька, успокойтесь.

— Дай ей оплеуху, говорятъ тебѣ!

Алексѣй Наумычъ ударилъ ключницу.

— Я васъ проучу! Я всѣхъ васъ проучу! кричала Аксинья Максимовна, между тѣмъ какъ Алексѣй Наумычъ успѣлъ уже убѣжать на верхъ и скрыться отъ своей тетки, которая кричала на весь домъ, безпрестанно повторяя: «я проучу васъ... вы у меня будете знать... Далась имъ всѣмъ Бутузка!.. все Бутузка!.. во всемъ она виновата! Черти! вотъ черти-то!..

Не менѣе Аксиньи Максимовны бунтовала и Бутузка. Какъ только услыхала она крикъ и шумъ, такъ тутъ же спрыгнула съ своей подушки и принялась на всѣхъ кидаться и лаять.

Все это было для Алексѣя Наумыча новостью. Онъ еще въ первый разъ былъ свидѣтелемъ подобной сцены, но не менѣе того гнѣвъ Аксиньи Максимовны утихъ тогда только, когда она улеглась въ постель.

Digitized by Google

XXII

Зато Алексѣй Наумычъ какъ ни старался заснуть и какъ ни вертѣлся на своей кровати, но сонъ былъ далеко отъ него. Оплеухи, которыя онъ далъ повару и Агафьѣ Филатьевнѣ, лишали его покоя. Тяжолымъ камнемъ залегли онѣ на добромъ и мягкомъ сердцѣ Алексѣя Наумыча. «Боже-мой, боже-мой! шепталъ онъ въ припадкѣ отчаянія, ломая себѣ руки: — боже-мой, что я сдѣлалъ, на что рѣшился! И какъ это поднялась у меня рука...» Алексѣй Наумычъ закрывалъ глаза, но передъ нимъ тотчасъ же являлся поваръ въ фартукѣ и въ бѣлой курткѣ. Онъ какъ-будто смотрѣлъ на Алексѣя Наумыча не съ злобой, не съ яростью, но съ какимъ-то сожалѣніемъ, глазами полными слезъ, съ лицомъ полнымъ грусти. Онъ какъ-будто хотѣлъ сказать ему: «И вы прибили меня, Алексѣй Наумычъ, вы повѣрили словамъ тетушки... Вы не хотѣли вникнуть въ то, заслужилъ ли я эти пощечины... Вѣдь вы напрасно ударили меня беззащитнаго, и неужели беззащитнаго можетъ всякій оскорблять? Вы сами недавно, Алексѣй Наумычъ, были беззащитный, такъ каково же мнѣ было — судите по себѣ... Теперь разумѣется вы баринъ, живете припѣваючи, но вѣдь недавно и вы позавидовали бы мнѣ... такъ и надо обижать меня... Грѣхъ вамъ, Алексѣй Наумычъ!..» То вдругъ представлялась ему Агафья Филатьевна. Грустная и безмолвная она сидѣла въ углу, и положивъ голову на руку, горько плакала. Алексѣй Наумычъ даже какъ-будто видѣлъ ея старческое лицо, ея сѣдины, густыми прядями выбивавшіяся изъ-подъ синяго платка, ея сухую, костлявую руку, и ему становилось еще тяжелѣе... Онъ закрывалъ голову одѣяломъ, но едва дѣлалъ онъ это, какъ ему становилось нестерпимо душно, и онъ снова спѣшилъ раскрыться и снова являлись передъ нимъ поваръ и Агафья Филатьевна. Лицо его горѣло, сердце сжималось мучительной болью; Алексѣю Наумычу казалось даже, что онъ лежитъ совсѣмъ не въ той комнатѣ, въ которой спалъ прежде: такъ все въ ней какъ-будто измѣнилось... даже самая лампадка, горѣвшая передъ образомъ, горѣла не такъ ярко. А могъ ли ожидать Алексѣй Наумычъ, возвращаясь съ охоты веселый и счастливый, что онъ такъ тяжело проведетъ

Digitized by Google

остатокъ дня, такъ промечется всю ночь. Еще недавно онъ мечталъ, что вотъ во время ужина онъ подѣлится съ теткой своимъ счастьемъ, раскажетъ ей и о своей охотѣ и о встрѣчѣ съ нищенкой, крѣпко поцѣлуетъ тетку, и получивъ отъ нея благословеніе, возвратится въ свою комнату спокойный и довольный.

XXIII

Между тѣмъ время шло, да шло. Въ залѣ стѣнные часы пробили полночь, а Алексѣй Наумычъ все еще не могъ заснуть и томимый совѣстью, метался на кровати. Вдругъ до ушей его долетѣлъ страшный лай Бутузки. Алексѣй Наумычъ рѣшительно не понималъ что бы это могло значить. Онъ зналъ, что Бутузка спала всегда съ Аксиньей Максимовной, а тутъ, судя по ея лаю, можно было замѣтить, что она выбѣгала то въ коридоръ, то въ дѣвичью. Вскорѣ Алексѣй Наумычъ услышалъ внизу бѣготню и тревожный голосъ Аксиньи Максимовны, раздававшійся вмѣстѣ съ другими, неменѣе тревожными голосами. Алексѣй Наумычъ окончательно растерялся: не накинувъ халата онъ подошолъ къ двери, но голоса и лай какъ-будто начинали замолкать и удаляться отъ дома. Алексѣй Наумычъ подбѣжалъ къ окну и вдругъ увидалъ, что весь небольшой дворикъ былъ покрытъ суетившимся, полураздѣтымъ народомъ. У всѣхъ были зажжонные фонари, всѣ чего-то искали, между тѣмъ какъ Бутузка такъ и заливалась самымъ пронзительнымъ лаемъ, то бросаясь во всѣ углы, то описывая круги. Она лаяла, визжала и вмѣстѣ съ тѣмъ водила носомъ по землѣ, силясь отыскать чей-то потерянный слѣдъ. Суматоха шла страшная. Аксинья Максимовна съ зажжоннымъ фонаремъ въ рукѣ бѣгала за Бутузкой, Фома Зотычъ въ ночномъ костюмѣ и колпакѣ тоже бѣгалъ, заглядывая то за конюшню, то за сарайчики; даже шестипалый дьячокъ и тотъ былъ тутъ же: онъ все предлагалъ ударить въ набатъ, какъ-будто отъ этого можно было найти того, кого искала Бутузка. Но какъ ни суетился народъ и сколько Аксинья Максимовна ни кричала: «воры, воры!» а воровъ все не находили. Увидавъ въ окно всю эту картину, Алексѣй Наумычъ рѣшился наконецъ сбѣжать на дворъ. Перепуганный всеобщей суматохой, онъ выскочилъ почти въ томъ же

Digitized by Google

костюмѣ, въ какомъ былъ и Фома Зотычъ. Въ сѣняхъ онъ наткнулся на буфетчика Акима.

— Кто тутъ? спросилъ его Акимъ.

— Я! небрежно отвѣчалъ Алексѣй Наумычъ.

— Откудова?

— Здѣшній.

— По билету?

— Да это я, чего перепугался? проговорилъ Алексѣй Наумычъ.

— Ахъ, это вы, батюшка, а я и не узналъ васъ, простите ради Бога.

— Что тутъ случилось?

— Да богъ-знаетъ что. Вишь Бутузка кого-то почуяла, должно быть чужой былъ кто-нибудь. Вѣдь она завсегда съ барышней спитъ, ну барышня и говоритъ, что Бутузка вдругъ ни съ того, ни съ сего бросилась съ постели прямо къ окну и начала лаять, а потомъ бросилась въ дѣвичью.

— Ну такъ чтожъ?

— Ну, вотъ и все.

— Такъ это она можетъ-быть такъ только.

— А ужь не знаю, батюшка.

XXIV

Несмотря на то суматоха нетолько не прекращалась, но напротивъ, становилась сильнѣе и сильнѣе. Дворня, пробужденная шумомъ, бросилась съ постелей и присоединилась къ общей бѣготнѣ. Прибѣжалъ и караульщикъ отъ амбара и еще болѣе привелъ всѣхъ въ педоумѣнье, объявивъ, что съ часъ тому назадъ онъ видѣлъ какъ двѣ неизвѣстныя фигуры пробирались отъ рощи къ барскому дому и какъ потомъ скрылись за плетнемъ сада. Разказъ этотъ смутилъ всѣхъ тѣмъ сильнѣе, что если пробиравшіеся скрылись за плетнемъ сада, то имъ иначе и нельзя было пройти, какъ мимо того самого окна, къ которому бросилась Бутузка такъ неожиданно и съ такимъ страшнымъ лаемъ. Слѣдовательно лай ея имѣлъ основательную причину и слѣдовательно ужь непремѣнно кто-нибудь да проходилъ мимо окна.

Digitized by Google

Но кто же могъ проходить въ это время? Во Фроловѣ всѣ спали; единственные *шатуны* — поваръ и дьячокъ были все время дома, а кромѣ ихъ кто же пойдетъ? Аксинья Максимовна дотого перепугалась, что даже не знала что дѣлать; чтоже касается до Фомы Зотыча, то онъ трясся какъ въ лихорадкѣ и все старался быть возлѣ Аксиньи Максимовны, забывъ совершенно, что онъ въ ночномъ костюмѣ. Шестипалый дьячокъ успѣлъ сбѣгать за ружьемъ и на весь дворъ кричалъ: «вставай, застрѣлю!» Но всѣхъ болѣе была взволнована дѣвушка Арина, та самая, въ которую былъ влюбленъ бѣжавшій столяръ Иванъ. Она дотого была блѣдна, что на ней, какъ говорится, лица не было. Прижавшись къ углу дома, она словно онѣмѣла, глядя изъ подлобья на окружавшее ее. Она казалось замерла въ этомъ положеніи. Одною рукою держась за уголъ дома, а другою сжимая грудь, она даже не замѣчала, какъ волосы ея густыми прядями разсыпались по ея почти обнаженнымъ плечамъ. А между тѣмъ въ это же самое время ея тупой взоръ съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какою-то душевною измученностью устремленъ былъ въ садъ, туда, гдѣ было все такъ мрачно, все такъ тихо, гдѣ казалось каждая вѣтка, каждый листокъ сторожилъ и берегъ нѣмую тишину. Этотъ взоръ какъ бы пронизывалъ густой и пышный кустъ бузины, раскинувшійся неподалеку отъ окна спальни Аксиньи Максимовны, отъ того окна, изъ котораго падалъ прямымъ лучомъ свѣтъ лампады, ярко горѣвшей передъ золотыми иконами. Но свѣтъ лампады ничего не освѣщалъ, кромѣ лопухи и полыни, окутывая еще болѣе мракомъ кустъ бузины. Тѣмъ неменѣе взоръ Арины замиралъ на этомъ кусту... Смотря на него она все судорожнѣе и судорожнѣе сжимала свою грудь и еще крѣпче держалась за уголъ дома.

Вдругъ въ саду раздался страшный визгъ и лай Бутузки; вслѣдъ затѣмъ раздался чей-то болѣзненный крикъ; дрогнулъ кустъ бузины и не успѣли всѣ броситься въ садъ, какъ Арина пластомъ грохнулась на землю и обмерла на мѣстѣ.

XXV

— Стой, стой! держи, держи! закричали со всѣхъ сторонъ, и вся ватага, не замѣчая того что случилось съ Ариной, броси-

Digitized by Google

лась въ садъ къ тому мѣсту, откуда долетали лай Бутузки и болѣзненный человѣческій голосъ. Картина мгновенно измѣнилась: буйный и безпорядочный видъ приняла она. Всѣ побѣжали, за исключеніемъ Аксиньи Максимовны, которая дотого перепугалась, что рѣшилась на время присѣсть на крыльцо амбара. Всѣ перескакивали черезъ плетень сада, всѣ кричали: «держи, держи!» и махая руками, такъ и мяли другъ друга. Фома Зотычъ, летѣвшій какъ птица, такъ толкнулъ дьячка, что тотъ и минуты не устоялъ на ногахъ. Онъ не успѣлъ и опомниться, какъ лежалъ уже на землѣ и стоналъ подъ ногами перебѣгавшаго черезъ него люда. Одна Агафья Филатьевна, ступивъ на него, такъ тиснула ему грудь, что бѣдный дьячокъ закричалъ *караулъ!* Бросился и Алексѣй Наумычъ вслѣдъ за народомъ.

Такъ какъ кустъ бузины, возлѣ котораго раздался стонъ и визгъ Бутузки, былъ недалеко отъ дома, то и не долго было добѣжать до куста. Оказалось, что возлѣ самой бузины, въ высокихъ куреняхъ полыни и лопухи, возилась на землѣ какая-то старушонка, отбиваясь отъ Бутузки, которая, вцѣпившись въ икры старухи, такъ и рвала ихъ, такъ и грызла ихъ. Оборванное платье старухи трепалось, платокъ съ головы свалился; сѣдые волосы путались въ репьяхъ, между тѣмъ какъ сухія, окровавленныя руки силились отбить разсвирѣпѣвшую Бутузку. Болѣзненный старушечій голосъ кричалъ: «батюшки, батюшки! Помогите, отцы родные!» Поднесли фонари, картина освѣтилась, но каково же было изумленіе Алексѣя Наумыча, когда онъ узналъ въ старухѣ ту самую нищенку, съ которой встрѣтился на дорогѣ, возвращаясь съ охоты. Онъ такъ былъ удивленъ этою неожиданностью, что даже на первыхъ порахъ не зналъ что дѣлать. И только тогда, когда всѣ подступили къ старухѣ и принялись теребить ее, онъ пришолъ въ себя.

XXVI

— Постойте, постойте! проговорилъ онъ: — постойте, посторонитесь!

А старушка какъ только завидѣла его, такъ тутъ же бросилась къ нему.

Digitized by Google

— Батюшка, заступись! заголосила она торопливо и отмахиваясь руками на всѣ стороны: — заступись!..

— Да что съ тобой?

— Да вотъ грѣхъ случился. Охъ, отцы родные, дайте отдохнуть. Совсѣмъ закусала меня собаченка!

— Да какъ ты попала сюда? заговорилъ снова Алексѣй Наумычъ.

Старуха смутилась, но немного погодя, вспомнивъ что-то, она заговорила суетливо:

— Къ тебѣ, отецъ, къ тебѣ шла, да вотъ видишь ты собаченка напала. Къ тебѣ шла, родимый, помнишь, самъ звалъ... Ну, я и пришла.

— Зачѣмъ же ты ночью-то пришла? недовѣрчиво спросилъ Алексѣй Наумычъ.

— Да, да, ночью-то, ночью-то зачѣмъ? раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Да такъ пришла, хотѣла здѣсь переночевать у кого-нибудь изъ дворовыхъ для того, чтобы утромъ къ тебѣ пораньше, да вишь ты что стряслось надо мной. Заступись, родимый!

— Вретъ, вретъ, сударь! снова раздалось со всѣхъ сторонъ.

Но старуха, едва заслышавъ это, заголосила отчаянно:

— Ой, нѣтъ, отцы родные! Ой, нѣтъ, вотъ ей-богу не лгу!..

— Чего и говорить! Это и видно, что не лжешь. Ну, что городишь-то, старая чертовка! Знаемъ мы вашу братью нищенокъ! Чего тутъ толковать-то, стискать хотѣла что-нибудь!

— Ой нѣтъ! Вотъ вамъ Христосъ, нѣтъ! Дай мнѣ Богъ съ этого мѣста не сойти! Вотъ уже седьмой десятокъ доживаю, а ничего не воровала!

Поднялся гвалтъ. Снова начали подступать къ нищей, но Алексѣй Наумычъ снова остановилъ всѣхъ.

— Постойте, ребята! заговорилъ онъ: — можетъ-быть она и въ самомъ дѣлѣ не лжетъ.

— Полноте, сударь! Какъ не лжетъ!.. Да это сейчасъ видно...

— Извѣстно лжетъ! подхватилъ дьячокъ.

И потомъ подойдя къ нищей, онъ значительно спросилъ ее:

Digitized by Google

— Ну, коли не воровать ты пришла, такъ зачѣмъ же въ садъ-то попала?

— Думала, что ближе, отцы родные! Вотъ ей-богу думала, что ближе...

— Хорошо! А въ кустъ-отъ зачѣмъ спряталась? снова спросилъ дьячокъ.

— Отъ собаченки, родимый!

— Какъ, отъ собаченки? подхватили всѣ: — да ее въ тѣ поры еще не было... Ужь это она послѣ отыскала тебя.

— Да тутъ еще кто-нибудь долженъ быть, замѣтилъ кто-то изъ толпы. Помните, братцы, вѣдь караульщикъ говорилъ, что онъ двоихъ видѣлъ.

— И то, и то!..

— Гдѣ караульщикъ? гдѣ? закричали всѣ.

— Здѣсь, здѣсь! отозвался караульщикъ.

— Поди-ка сюда... Ты двоихъ чтоли видѣлъ?

— Ништо, двоихъ!.. вотъ ее, да еще кто-то шолъ съ нею, такой высокій...

— Ну что, слышишь, старая чертовка! заголосили всѣ.

— Нѣтъ отцы родные, одна я шла, какъ есть одна, забормотала вдругъ старушка какимъ-то перепуганнымъ голосомъ и робко оглядываясь во всѣ стороны. — Какъ есть одна...

— Э! да что толковать-то съ ней, братцы, раздалось нѣсколько голосовъ: — вяжи ей ружи, вотъ и все!.. она, чего добраго, еще поджечь хотѣла... Вяжи, давай веревокъ!..

— Вяжи, вяжи, раздалось со всѣхъ сторонъ.

Заслышавъ это, старушка еще сильнѣе заметалась: она грохнулась на землю и принялась вопить. Но на вопли ея никто не обращалъ вниманія, и только одинъ Алексѣй Наумычъ снова заступился за нее.

— Постойте, ребята, говорилъ онъ. Постойте, можетъ старуха и правду говоритъ, за что же мы обидимъ ее? Я точно встрѣтилъ ее сегодня и звалъ къ себѣ, — такъ она можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ шла ко мнѣ. Почемъ знать! Вотъ, еслибъ мы ее за воровствомъ застали, ну такъ!.. а то вѣдь она ничего не украла, такъ за чтоже мы обидимъ ее? Обидѣть человѣка нетрудно...

— Такъ-то оно такъ... проговорили всѣ: — да все, что-то не вѣрится.

Digitized by Google

— Вотъ-тѣ Христосъ, такъ!.. заголосила снова нищая, и ободренная словами Алексѣя Наумыча, снова поднялась на ноги.

XXVII

Но пока происходила эта сцена, Аксинья Максимовна успѣла уже отдохнуть, а главное, узнавъ, что пойманъ былъ не разбойникъ какой-нибудь, а дряхлая старушонка, Аксинья Максимовна рѣшилась подойти къ толпѣ.

— Ну что? проговорила она чрезвычайно храбро: — кого поймали?

— Да вотъ нищенку, тетенька... проговорилъ поспѣшно Алексѣй Наумычъ.

— Какъ, нищенку?

Алексѣй Наумычъ разсказалъ ей въ чемъ было дѣло.

— Ее надо отпустить, тетенька, прибавилъ онъ послѣ: — она такая старенькая.

Но Аксинья Максимовна такъ и вспыхнула.

— Какъ! закричала она. Я... я отпущу эту воровку!.. И вы смѣете мнѣ говорить это!.. Да развѣ въ такое время ходятъ нищіе? Что вы съума сошли? да и кромѣ того, какое право имѣете вы вмѣшиваться въ мои дѣла?

— Я не вмѣшиваюсь тетенька, робко проговорилъ Алексѣй Наумычъ, я только докладываю вамъ...

— Молчать! вскрикнула вдругъ Аксинья Максимовна, да такъ громко, что даже вздрогнули всѣ.

Алексѣй Наумычъ замолчалъ. Онъ самъ сознавалъ, что всѣ обстоятельства были противъ нищей, но тѣмъ не менѣе какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что не воровать пришла она во Фролово. Его такъ и подмывало заступиться за старуху, но могъ ли онъ заступиться, онъ, слабый нецѣльный человѣкъ, и въ особенности же тогда, когда приходилось ему спорить съ теткой, которая кругомъ облагодѣтельствовала его, которая пригрѣла, накормила и одѣла его, безприютнаго горемыку!.. Нѣтъ, онъ не въ силахъ былъ заступиться, и отойдя въ сторону, болѣзненно смотрѣлъ только на все происходившее. А происходило тутъ богъ-знаетъ что! Нищенка вопила, Аксинья Максимовна

Digitized by Google

кричала что́ есть мочи, Бутузка визжала и бросалась на старуху, а народъ распутывалъ принесенныя веревки. И вся эта возмутительная картина освѣщалась багровымъ свѣтомъ фонарей, и такъ рѣзко, такъ ярко обрисовывалась среди темноты ночи. Всѣ кричали, всѣ подступали къ нищей, и никто даже не слыхалъ, какъ въ это же самое время что-то трещало сильно въ саду и раздавались чьи-то поспѣшные прыжки и чье-то тревожное дыханье. Одинъ только Алексѣй Наумычъ какъ-будто вздрогнулъ, но не успѣлъ онъ опомниться, какъ вдругъ изъ-за кустовъ выскочилъ какой-то парень. Сильной рукой оттолкнулъ онъ толпившійся около нищей народъ, даже и Аксинью Максимовну и всѣ увидали передъ собою столяра Ивана. Онъ былъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ шараварахъ, засученныхъ въ козловые сапоги. Всѣ видѣли, что это былъ тотъ самый Иванъ, который собирался убить Бутузку, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. Лицо Ивана было красно, глаза сверкали, губы его тряслись, и по всему можно было замѣтить, что онъ страшно былъ взволнованъ. Зато всѣ, какъ только увидали Ивана, такъ и отступились отъ него. Да и нельзя было не отступиться: онъ такъ какъ-то свирѣпо посмотрѣлъ на всѣхъ, что невольно опустились руки... Одинъ только Алексѣй Наумычъ привѣтливо посмотрѣлъ на него и поближе подойдя, какъ-будто желалъ встрѣтить въ немъ себѣ опору. Но Иванъ не замѣчалъ ничего. Выдернувъ у какого-то мужика веревки, онъ далеко отшвырнулъ ихъ всторону и обратился къ толпѣ.

— Ну чтожъ, вяжите! Ну, чего испугались? Не чужой кто пришолъ — свой, коренной фроловскій! Неужто позабыли? а вѣдь не богъ-знаетъ какъ давно убѣжалъ отсюда. И потомъ, обратясь къ нищей, онъ прибавилъ.

— А ты что перепужалась, бабушка? Неужто ты думала, что я такъ и не заступлюсь за тебя? Нѣтъ, пускай ужь вмѣстѣ вяжутъ насъ, а одну тебя вязать не дамъ я. По крайности я растолкую тамъ, куда повезутъ насъ, въ чемъ дѣло.

Старушка захныкала и радостно ухватилась за Ивана.

— Вяжите, вяжите ихъ! крикнула было Аксинья Максимовна, но ее никто не слушалъ, даже Бутузка, увидѣвъ Ивана, не рѣшилась броситься на него и только ворчала, прижимаясь къ Аксиньѣ Максимовнѣ и трясясь всѣмъ тѣломъ.

Digitized by Google

XXVIII

Между тѣмъ Иванъ твердымъ и уже болѣе спокойнымъ голосомъ продолжалъ къ толпѣ:

— Слушайте, братцы! Старуха эта не воровка, не воровать пришла она во Фролово, а пришла она потому, что я просилъ ее придти сюда вмѣстѣ со мною. Захотѣлось мнѣ посмотрѣть на Фролово, братцы. Сами знаете, что изъ-за этой собаченки мнѣ нужно было бѣжать отсюда. Ну, да видно солдатской шапки не миновать! Не хотѣлъ было показываться я вамъ, да только ужь очень обижать вы стали мою старуху. Да и кромѣ того, лежа въ кустахъ, я подумалъ зачѣмъ быть мнѣ бѣглымъ? Что я, разбойникъ ништо какой? Лучше пойду я въ солдаты... А она, прибавилъ онъ, снова показывая на нищую: — она, ребята, не воровка. И ежели-бъ она была воровка, то не голодала бы такъ какъ она голодаетъ... Она не просила бы христа-ради хлѣба, не канючила бы подъ окнами и не жила бы гдѣ день, гдѣ ночь...

— Вретъ, вретъ! кричала между тѣмъ Аксинья Максимовна.

— Да чѣмъ же, барыня?

— А тѣмъ, что ты и безъ старухи могъ бы придти сюда... А ты вмѣстѣ съ ней воровать пришолъ!

Иванъ хотѣлъ было что-то сказать на это, но взглянувши всторону, весь поблѣднѣлъ, смутился и слова замерли на устахъ его. Дѣло въ томъ, что онъ увидалъ Арину, расталкивавшую народъ и силившуюся продраться къ Аксиньѣ Максимовнѣ.

Немного погодя Арина была уже у ногъ своей барыни.

— Матушка! говорила она, хватая Аксинью Максимовну за ноги: — простите, простите христа-ради!.. Иванъ говоритъ правду, — не воровать пришолъ онъ сюда со старухой, а со мной повидаться хотѣлъ онъ. Онъ взялъ ее съ собой для того, чтобы она вызвала меня, вѣдь нельзя же ему было самому подойти къ дому. Вотъ вамъ, матушка, вся правда! Простите, бога-ради!..

Но Аксинья Максимовна была глуха къ просьбамъ Арины. Крѣпко уцѣпившись за руку Фому Зотыча, она проговорила ему:

— Чтобы сейчасъ всѣ были связаны! Слышишь?!.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Фома Зотычъ.

Digitized by Google

— Сейчасъ же запереть ихъ въ контору и чтобы караулъ былъ возлѣ нихъ всю ночь. Ну, чтожъ стоишь? Чтожъ стоите вы всѣ?

Въ одну минуту всѣ встрепенулись, бросились за веревками и принялись вязать Ивана, Арину и нищую. Иванъ молчалъ во все время, и только тогда, когда повели ихъ въ контору, онъ обратился къ плачущей Аринѣ и какъ-то особенно горько проговорилъ ей:

— Эхъ, Арина! Ну кчему ты подошла ко мнѣ?

— Да развѣ легко мнѣ жить безъ тебя, Ваня, проговорила она, и зарыдала еще пуще.

А старушка-нищая тряслась всѣмъ тѣломъ, какъ-будто била ее страшная лихорадка.

XXIX

Спустя полчаса во Фроловѣ все было уже тихо, и только возлѣ конторы сидѣлъ караульщикъ, тотъ самый, который былъ до того времени у амбара.

Тѣмъ временемъ и ночь начинала также блѣднѣть. На востокѣ заалѣла прозрачная полоска зари, надъ прудомъ и рѣкой заклубился легкій туманъ; птицы начали перелетывать съ мѣста на мѣсто и даже камышъ зашепталъ о чемъ-то, тихо покачиваясь надъ водою. Но несмотря на это все кругомъ спало. Дворня, утомленная происшествіями ночи, крѣпко спала подъ утреннюю зорьку. Подъ утреннюю зорьку всегда спится крѣпко. Спалъ Фома Зотычъ подъ своимъ, сшитымъ изъ кусочковъ ситца одѣяломъ, спала Агафья Филатьевна, — спалъ буфетчикъ Акимъ, котораго такъ и подмывало ночью спросить у нищей: откуда она и по билету ходитъ или по паспорту; спала также и Аксинья Максимовна самымъ безмятежнымъ сномъ, несмотря на то, что сильно была перепугана и огорчена дерзостью буйнаго столяра; спала возлѣ нея Бутузка, и если кто не спалъ, такъ это только поваръ да Алексѣй Наумычъ. Первый сидѣлъ на берегу пруда, и покуривая трубку, соображалъ о томъ, зачто онъ получилъ оплеухи, а второй сидѣлъ себѣ въ своей комнаткѣ у раствореннаго окна, и смотря безсмысленно въ даль, въ эту даль, серебрившуюся утренней зарей и дышав-

Digitized by Google

шую тысячами пахучихъ травъ, богъ-вѣдаетъ что́ думалъ и соображалъ. Онъ припоминалъ приключенія ночи, и позабывъ о нищенкѣ, размышлялъ объ Иванѣ и Аринѣ. Онъ никогда не замѣчалъ той блѣдности, которою всегда было покрыто лицо Арины. Но зато теперь онъ хорошо понималъ эту блѣдность, и соображая это, онъ удивлялся только какъ могла послѣ этого жить Арина. Потомъ вдругъ приходило ему на умъ, какъ же онъ самъ-то живетъ на свѣтѣ? Будто жизнь его лучше жизни Арины! Тогда онъ начиналъ размышлять о счастіи и о назначеніи жизни человѣка.

«Неужели же, тихо повторялъ онъ, смотря все въ ту же серебрившуюся даль, назначеніе жизни есть одно терпѣніе?. И неужели же можно терпѣть всю жизнь? Но вѣдь терплю же я!..» И тогда начиналъ онъ грустить при воспоминаніи о своемъ прошломъ, и чуть не плакать о своемъ настоящемъ. Богъ-знаетъ почему пришолъ ему на умъ живописецъ, съ которымъ онъ жилъ когда-то и вспомнивъ о немъ, онъ и о немъ началъ сожалѣть. Вспомнилъ онъ о той нищетѣ, въ какой жилъ живописецъ, о тѣхъ лишеніяхъ и постоянномъ трудѣ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, и сердце Алексѣя Наумыча еще пуще сжималось; слезы выступали на глазахъ его, а между-тѣмъ онъ думалъ: неужели же въ самомъ дѣлѣ нѣтъ счастія, нѣтъ спокойствія? Но какъ же жить безъ спокойствія? Неужели же жизнь непремѣнно должна омрачаться чѣмъ-нибудь тяжолымъ, и почему же это тяжолое называется горькою дѣйствительностью? Чтобы заглушить это грустное раздумье Алексѣй Наумычъ силился вспомнить свое дѣтство, но оно было такъ пусто и такъ нелѣпо, что только еще пуще нагоняло на него хандру. Вспомнилъ онъ свой пріѣздъ во Фролово, вспомнилъ встрѣчу Аксиньи Максимовны; но при воспоминаніи объ этомъ, ему вдругъ пришли на умъ и оплеухи, и нищенка, и Иванъ съ Ариной... «Но для чего же живу я? — почти вскрикнулъ онъ, и закрывъ лицо руками, опустилъ на столъ голову. А ружье, еще только вчера такъ утѣшавшее Алексѣя Наумыча, висѣло себѣ на стѣнѣ забытое, окончательно забытое... А заря между-тѣмъ все шире и шире расплывалась по востоку, и все ярче и ярче освѣщала природу.

Такъ просидѣлъ Алексѣй Наумычъ часовъ до шести утра и только въ это время онъ будто забылся, но и въ этомъ забытьи ему представлялись то поваръ, то Агафья Филатьевна, то Иванъ

Digitized by Google

съ Ариной, то нищенка, то сама Аксинья Максимовна, съ любовью стоявшая надъ его постелью и какъ-будто шептавшая ему: «Спи, Алешинька! спи, мой дорогой! О чемъ ты грустишь и печалишься? Чего ищешь въ жизни? Кчему тебѣ искать счастья? Какъ-будто у меня во Фроловѣ ты не нашолъ этого счастья? Не я ли встрѣтила тебя какъ родная мать? Не я ли, крѣпко прижавъ тебя къ груди, плакала отъ радости, что увидѣли тебя? Не я ли подарила тебѣ ружье, и гдѣ, кромѣ Фролова, можешь ты встрѣтить и спокойствіе и счастье? Взгляни вонъ какъ славно восходитъ солнышко, какъ разгоняютъ лучи его легкій туманъ, посмотри какъ все свѣтло и радостно!.. Какъ въ поляхъ золотится рожь, какъ сіяетъ прудъ, неправда ли какъ похожъ онъ на зеркало? А какъ все чисто и опрятно въ твоей комнаткѣ! Ну какого же еще тебѣ счастья, когда все вокругъ тебя дышетъ счастьемъ!.

И. САЛОВЪ

Digitized by Google

ЛИСТКИ ИЗЪ ПАМЯТНОЙ КНИЖКИ

У литераторовъ бываютъ нерѣдко записныя книжки. Это не дневники какихъ-нибудь гонораріевъ и издержекъ, а летучія замѣтки всякаго рода случаевъ, анекдотовъ и наблюденій, на какія человѣкъ наталкивается въ жизни. Это пестрый матерьялъ для будущихъ статей, камушки еще несуществующей мозаики, соль и перецъ, которыя пойдутъ на приправу какихъ-нибудь романовъ или комедій.

Каюсь откровенно, — и у меня есть такая же записная книжка, и начата она тоже не безъ задней мысли воспользоваться когда-нибудь этими замѣтками для литературныхъ расказовъ; но можетъ-быть къ выгодѣ для читателей до-сихъ-поръ мнѣ ничего не пришлось еще сдѣлать изъ этихъ давно собранныхъ матерьяловъ.

Между-тѣмъ, перебирая книжку, я нашолъ въ ней такіе листки, которые могутъ-быть интересны не столько въ повѣсти или романѣ, сколько въ безъискуственномъ видѣ, безъ примѣси вымысла и безъ услугъ фантазіи. Есть факты, достойные вниманія только въ томъ случаѣ, когда ихъ передаютъ безъ всякихъ измѣненій, безъ малѣйшаго пособія искуства. Живопись всегда останется выше фотографіи, но иногда дагерротипъ можетъ-быть дороже изящной картины. Въ записной моей книжкѣ есть именно такія замѣтки, которыя любопытны только какъ самородки: связать ихъ съ какимъ-нибудь вымысломъ значитъ отнять у нихъ цѣну достовѣрныхъ фактовъ, то-есть лишить того, чѣмъ они и могутъ-быть любопытны.

Вотъ почему я рѣшился вырывать иногда эти листки и передавать ихъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они были въ книжкѣ. Въ этихъ замѣткахъ стало-быть все ограничивается съ моей стороны одной памятью: вымысла тутъ нѣтъ никакого; это просто истинные слу-

Digitized by Google

чаи, которые я записывалъ съ возможной точностью. Беру нѣсколько анекдотовъ, а дѣлать изъ нихъ выводы предоставляю читателямъ.

I

Какъ-то зимою случилось мнѣ идти по Садовой, мимо Государственнаго-банка. На дворѣ его въ это время сжигали ветхія ассигнаціи. Въ желѣзной рѣшотчатой будочкѣ пылалъ огонь, а въ сторонѣ трое банковскихъ чиновниковъ, закутавшись въ енотовыя шубы, наблюдали какъ солдатъ длиннымъ желѣзнымъ рычагомъ шевелилъ ворохъ тлѣющей бумаги. На улицѣ передъ рѣшотчатой оградой банка стояла толпа любопытныхъ, по большей части изъ простого народа, и смотрѣла какъ искры снопомъ вылетали изъ будки въ клубахъ чернаго дыма, и погасая въ воздухѣ, усыпали дворъ и улицу мелкими клочьями сѣраго пепла.

Отъ нечего дѣлать я остановился послушать о чемъ калякаетъ народъ. Черезъ нѣсколько минутъ подошла какая-то старуха въ истасканномъ ватномъ салопѣ и грязномъ капорѣ.

— Что это, батюшка, дѣлаютъ? спросила она у отставного солдата, вѣроятно сторожа изъ какого-нибудь казеннаго заведенія.

— Деньги жгутъ, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Какія? видно серебряныя?

— Кто-жъ серебро жжотъ? Ассигнаціи!

— На что же ихъ жгутъ?

— Потому самому, что въ негодность пришли... Замѣсто ихъ новыя сдѣлаютъ.

— Да новыя — новыми, а старыя-то для-чего жечь? Будто онѣ ужь никуда не годятся?

— Стало, что негодятся.

— Богатому, батюшка мой, не годятся, а бѣдному человѣку можетъ и пригодились бы. Неужто такъ ужь изорвались! Бѣдный человѣкъ можетъ-бы что выбралъ, да спасибо сказалъ и Господа Бога поблагодарилъ бы. А то жечь! Ишь ты вѣдь ненависть-то какая, прости-господи! Правду люди говорятъ: собака на сѣнѣ лежитъ — сама не ѣстъ и другимъ не даетъ.

— Пустыя ты слова, бабка, говоришь! возразилъ солдатъ строгимъ тономъ.

— Отчего пустыя?

Digitized by Google

— Тебѣ толкомъ толкуютъ: это бумажки негодящія; для того еслибъ онѣ годились — имъ бы и ходъ былъ, а то ужь имъ обращенія нѣтъ.

— Да жечь-то зачѣмъ же ихъ? Вишь нынѣче нужда какая вездѣ: харчи-то, знаешь чай, въ какой цѣнѣ стоятъ. Вотъ кабы это чувствовали, да Бога боялись, такъ чѣмъ въ огонь-то кидать — и отдали бы бѣдному человѣку; анъ глядишь — и выбрались бы годящія.

— Да вѣдь замѣсто ихъ, говорятъ тебѣ, новыя сдѣлаютъ!

— Что жъ, новыя-то намъ чтоли раздадутъ? Какъ же!.. А эти-то, ужь коли имъ негодятся, взяли бы и роздали. Хоть и старенькія — все-бы народу подспорье. Мнѣ вонъ въ николинъ-день рублевую бумажку мошенникъ одинъ подсунулъ... да какую? Отъ двухъ вишь бумажекъ верхи оторвалъ да и склеилъ, а номера и нѣтъ. Мазурикъ видно какой обработалъ! Даю лавочнику нашему — не беретъ, я на рынкѣ за корюшку отдаю — не берутъ. А пришла въ булочную — нѣмецъ сидитъ — и взялъ, не догадался. Вотъ оно что!

— Значитъ, ты его обманула: для того дала бумажку ничего не стоющую.

— А что мнѣ сжечь чтоли! Какъ не такъ! Небось и нѣмецъ не сожжотъ: не тому такъ другому всучитъ. Не всякій небось знаетъ нумера-то: большая нужда бѣдному человѣку по нумерамъ читать. Вотъ и тутъ, чѣмъ бы въ огонь-то кидать — много можетъ-быть отъ голодной бы смерти избавили: вишь нынѣче дороговь-то какая, а пить-ѣсть всякому хочется.

— Не понимаешь ты этого дѣла, бабка! сказалъ съ досадой солдатъ, озадаченный этими финансовыми доводами!

— Что тутъ понимать-то! кому ѣсть хочется — пойметъ.

— Нѣтъ не понимаешь, скажу я тебѣ: это ужь завсегда такъ распоряжаются.

— Мало чего нѣтъ! Кто распоряжается-то, тотъ на жалованьяхъ живетъ, такъ съ сытаго брюха и не знаетъ каково бѣднымъ-то: иному грошъ дорогъ, а тутъ чай жгутъ нетокма что рублевыя бумажки, а пожалуй синія да красныя... сотни бы людей-то прокормились! Ишь полѣнья-то подкладываютъ! Сколько однихъ дровъ-то пожгли, не одна бы семья протопилась; нынѣче морозы-то не шутятъ.

— Экая ты глупая! Вѣдь это отъ банка погашеніе въ ассигнаціяхъ-то идетъ!

— Какое погашеніе! Что ты меня въ дуры-то толкаешь! Слѣпа

Digitized by Google

чтоли я! вонъ дымъ-то какой валитъ!.. Погашеніе! Вишь ты за начальство-то больно распинаешься: видно у васъ одна руна-то съ нимъ. Кабы вы больше Бога помнили, тамъ и жалость бы въ васъ была. Слыхалъ ли ты святое писаніе, вонъ что попы по церквамъ читаютъ? Христосъ-то вонъ велитъ не жечь деньги, а бѣднымъ подавать.

— Тьфу ты, безтолковый человѣкъ! проворчалъ съ сильнымъ озлобленіемъ солдатъ.

Онъ энергически плюнулъ и пошолъ прочь.

— Самъ ты видно толковъ! сказала со злобой старушонка, смотря ему вслѣдъ и оглядываясь на насъ: — набилъ брюхо-то, такъ и толковъ сталъ. Не покормила бы я недѣлю, не то бы ты заговорилъ — узналъ бы каково деньги жечь! Охъ, Господи! по грѣхамъ видно нашимъ ненависть-то это въ людяхъ такая пошла. Вишь ты дымъ какой валитъ!.. А эти въ шубахъ-то, спросила она меня: — кто такіе?

— Банковскіе чиновники, сказалъ я.

— Чего-жъ они тутъ глаза-то пялятъ?

— Смотрятъ, чтобы все сгорѣло, что положено.

— О-охъ, прости Господи мое согрѣшеніе! Самихъ-то ихъ за-то, что къ бѣднымъ людямъ ненависть имѣли, на томъ свѣтѣ вотъ этакъ-то на рѣшоткахъ жечь будутъ, да кочергой поворачивать. Всѣмъ намъ по дѣламъ будетъ, всѣмъ воздается по заслугамъ!

И старуха, такъ хорошо понимающая банковыя операціи, перекрестилась и побрела дальше.

II

Въ день празднованія тысячелѣтія Россіи, мнѣ случилось ѣхать въ невской городской каретѣ. У пасажировъ зашолъ разговоръ о новгородскомъ памятникѣ, а потомъ обратился къ безденежному спектаклю, который назначался въ этотъ вечеръ на двухъ петербургскихъ театрахъ. Какой-то мужчина, повидимому ремесленникъ, сообщилъ при этомъ, что ему удалось достать въ литейной части билетъ въ Маріинскій театръ.

— За деньги чтоли добыли? спросилъ у него другой пасажиръ, въ синей чуйкѣ, похожій на артельщика.

Digitized by Google

— Нѣтъ: городовой у меня знакомый — такъ и такъ дали! отвѣчалъ мастеровой.

— Меня такъ ужь въ эти даровые театры калачемъ не заманишь! сказалъ артельщикъ.

— Отчего такъ?

— Да мнѣ пришлось въ такой комедіи побывать, что по гробъ жизни не забуду: даровая обошлась много дороже купленной.

— Какъ же это?

— Да вотъ, изволите видѣть, началъ словоохотный раскащикъ — этому шесть годовъ теперича будетъ. Въ какой-то большой праздникъ объявили въ тѣ поры въ вѣдомостяхъ, что въ Александрынскій театръ будутъ народъ за даромъ пущать. А представленіе-то важное назначили, для того дескать, чтобы занятнѣе было публикѣ. Не припомню какъ прозывалось-то. Вотъ видали можетъ подвигъ новгородскаго купца Иголкина — такъ этакое что-то русское. Билеты въ-тѣ-поры раздавали не на съѣзжей, а въ полицмейстерской, вотъ что въ Морской-то. Ну, и захотѣлось мнѣ на дарсвщинку. Дрягиль одинъ у меня знакомый былъ: ужь такъ-то онъ мнѣ расхвалилъ представленіе-то... Ну вотъ, опосля обѣда, часа въ два, али надо-быть въ три, урвался я отъ дѣла да и побѣжалъ въ Морскую. Прихожу, спрашиваю у будочника: позвольте молъ узнать, почтенный, гдѣ раздаютъ билеты въ театръ? — А вонъ, говоритъ, въ другой комнатѣ чиновникъ за столомъ сидитъ — онъ самый и есть, у него и раздача идетъ; ступай, говоритъ. — Подхожу я къ чиновнику-то, а онъ сидитъ за столомъ да пишетъ что-то въ бумагахъ. Поклонился я. — Позвольте, говорю, у вашей милости билетъ въ Александрынскій театръ получить! — Поднялъ онъ голову, посмотрѣлъ на меня таково сурово. — Ты, говоритъ, отъ кого? — Да отъ себя молъ; въ вѣдомостяхъ, говорю, вычиталъ. — Подожди! говоритъ. А самъ опять носъ уткнулъ въ бумаги да писать зачалъ. Жду я стою, а онъ все пишетъ да пишетъ, то въ одной бумагѣ, то въ другой; много таково ихъ. Прошло этакъ минутъ двадцать, али почитай больше. Наскучилъ я больно, да и недосугъ же! надо было росписки отнести къ маклеру, да съ биржи сандалъ принимать. А онъ все скрыпитъ перомъ-то. Вотъ я опять къ нему: — что же молъ, ваше высокоблагородіе? соблаговолите билетецъ-то? — Какъ онъ зарычитъ: — я тебѣ, говоритъ, сказалъ — дожидайся! — Да времени-то, говорю, нѣтъ-съ. — А въ театръ ходить, говоритъ, есть тебѣ время? — Да то молъ повечеру, а теперича дѣло рабочее, по дому

Digitized by Google

еще не все подѣлано. — Что ты, говоритъ, пришолъ мнѣ сказки разсказывать; здѣсь дѣла поважнѣе твоихъ. Жди, либо ступай вонъ! — Опосля этого понюхалъ онъ табаку, забралъ бумаги, да и вышелъ въ другую горницу и дверь за собой притворилъ. — Смотрю, четыре часа бьетъ. Стою я да думаю что̀ дѣлать: уйти ли молъ, али еще попробовать. Вишь ты песъ какой! никакого удовлетворенія не дѣлаетъ! На что я часъ-то цѣлый простоялъ? съ чѣмъ уйду домой? Признаться, не столько уже театръ видѣть хотѣлось, сколько зло-то меня брало, что время задаромъ потерялъ. Только смотрю: идетъ онъ опять съ бумагами — этакой ворохъ, цѣлую охапку приволокъ, да и опять писать въ нихъ прилаживается. Дѣла-то, вижу, у него тутъ не на одинъ часъ. — Сдѣлайте же милость, говорю, ваше высокоблагородіе, отпустите меня. Не время ждать-то мнѣ: я тоже человѣкъ не слободный, съ меня взыщутъ. — Поднялся онъ со стула, глаза-то на меня уставилъ, да ко мнѣ этакъ подошолъ, что индо я назадъ подался. Какъ заоретъ: — Какъ ты смѣешь, говоритъ, бестія, разговаривать такъ? знаешь-ли ты, куда пришолъ и съ кѣмъ ты говоришь? — Оченно молъ знаю, да только я ничего худого вашей милости не сказалъ. Въ вѣдомостяхъ написано, что по царской милости велѣно въ театръ задаромъ пущать; такъ для чего же обижаете-то насъ! — Ахъ ты, говоритъ, такой-сякой: какъ ты смѣешь здѣсь грубіянить? — Я, говорю, не грубіяню, а билета прошу. — Э! да ты пьянъ, говоритъ. Городовой! взять его. — Помилуйте, говорю я, у меня сегодня капли во рту не было. — Врешь, говоритъ: ты проспись до театра-то; въ арестантскую его! — А городовой-то меня ужь и за рукавъ сцарапалъ. Я туда-сюда, начинаю кланяться; куда тебѣ: — веди его, говоритъ. Ну, и свели меня черезъ дворъ, да въ мурью и впихнули. А народу-то тамъ словно сельдей въ боченкѣ; извѣстно что за люди — вотъ что на веревочкѣ-то водятъ по улицамъ. Тамъ я и ночевалъ.

— Это я чай не то, что въ александрынскомъ райкѣ! перебилъ мастеровой.

— Какой раекъ! Въ ложѣ просидѣлъ, въ ночь-то насмотрѣлся и наслушался отъ арестантской публики такихъ комедій, какихъ и актерамъ не представить. Да вѣдь этимъ дѣло-то еще не покончилось. Выпустили меня на другой день передъ обѣдомъ; да какъ вышелъ я на улицу-то, хвать — кошелька-то и нѣтъ, а было въ немъ никакъ цѣлковыхъ больше пяти. Вотъ и заплатилъ за театръ: не даромъ молъ казенную комедію смотрѣлъ. А какъ вернулся я домой — хозяинъ еще

Digitized by Google

на меня кинулся: гдѣ ты, говоритъ, шлялся, когда я тебѣ велѣлъ къ маклеру идти да сандалъ принимать! Взялъ да и обштрафовалъ меня на три рубля серебромъ; а впередъ, говоритъ, коли такъ — и вовсе со двора прогоню. Что будешь дѣлать противъ грѣха-то! Такъ вотъ каковы даровые-то билеты! Я бывало любилъ въ Александрынскій ходить, а съ той поры меня отъ театра-то совсѣмъ отшибло. Какъ посидѣлъ въ арестантской ложѣ, да посмотрѣлъ какія тамъ комедіи разыгрываютъ — опосля того ни въ одномъ театрѣ и нога моя не бывала.

III

Въ веселую минуту я люблю иногда поболтать и пошутить съ извощикомъ, особенно если онъ деревенскій. Прошлымъ лѣтомъ ѣхалъ я какъ-то на дрожкахъ въ Измайловскій полкъ. Лошадь у моего извощика была довольно жалкая кляча съ разбитыми ногами и съ плѣшинами на исхудалыхъ бокахъ. Время отъ времени она порывисто дергала головой и какъ-то усиленно и напряжонно фыркала.

— Что у тебя съ лошадью-то? спросилъ я извощика.

— Кашляетъ! проговорилъ онъ, дергая возжами.

— Отчего?

— Господь ее вѣдаетъ.

— Простудилась должно-быть?

— Съ чего ей простужаться!

— Можетъ ты напоилъ ее холоднымъ!

— Что-жъ что холоднымъ? Какимъ ее поить-то: горячимъ чтоль!

— Вѣрно она вспотѣла, а ты и далъ напиться?

— Какъ же! когда бы горячую напоилъ, она совсѣмъ на ноги сѣла бы.

— Чѣмъ же ты ее лечишь?

— А ничѣмъ.

— Какъ же можно оставлять безъ помощи!

— Да какую ей помочь надо! И такъ пройдетъ!

— Ну, а если не пройдетъ?

— Эка бѣда! Не пройдетъ — такъ и такъ побѣгаетъ.

— Да развѣ это хорошо, что она фыркаетъ?

Digitized by Google

— Что дѣлать! Буде сѣдоку не нравится — пущай пѣшкомъ идетъ; по таксѣ-то вѣдь не богъ знаетъ на какихъ коняхъ разъѣдешься.

— Все же ты бы ее полечилъ.

— А чѣмъ ее лечить?

— Леденцу бы давалъ.

— Леденцу!

Извощикъ хлыснулъ при этомъ лошадь, потомъ немного повернулся въ сторону и посмотрѣлъ на меня черезъ плечо.

— Это средство извѣстное, продолжалъ я: леденецъ отъ кашля очень помогаетъ, нужно только брать не въ лавочкѣ...

— А гдѣ же?

— Въ аптекѣ; тамъ хоть и дороже, да зато достанешь самый чистый. Надобно въ день два раза давать — утромъ разъ и вечеромъ разъ.

— Скоро ли жъ она выздоровѣетъ?

— Черезъ недѣлю или черезъ двѣ навѣрно поправится.

— А на много ли жъ она этакъ съѣстъ-то въ день?

— Нынѣче леденецъ не дорогъ; пойдетъ въ сутки не больше какъ на полтинникъ, или можетъ-быть гривенъ на шесть.

Извощикъ совсѣмъ обернулся и пристально посмотрѣлъ на меня съ полуоткрытымъ ртомъ.

— Ну, баринъ, погляжу я: какой ты чудовый!

— Отчего?

— Да какую ты несообразную рѣчь говоришь!

— Чѣмъ же не сообразную?

— Ахъ ты, Господи! продолжалъ онъ съ легкимъ смѣхомъ. Вѣдь экіе вы, господа, не полированные! Выдумаютъ же что, прости богъ грѣха: экую клячу леденцомъ кормить! Да я самъ кашляю иной разъ, а леденцу-то не ѣмъ, какой онъ и есть не знаю... У насъ дѣвки только грызутъ его, да и то въ христовъ праздникъ! А то одеръ экой ободраный закашлялъ, такъ ему кажинный день на шесть гривенъ леденцовъ покупать. Да я ему вотъ какого леденцу отпущу — лучше бани пропотѣетъ.

При этомъ онъ дернулъ возжами бѣдную клячу и влѣпилъ ей вдоль спины такой солидный ударъ кнутомъ, что она перестала на минуту фыркать и чуть было не поднялась въ галопъ.

Digitized by Google

IV

Лѣтомъ проѣзжалъ я по московской желѣзной дорогѣ въ вагонѣ третьяго класа до одной изъ ближайшихъ станцій. Публика была какъ обыкновенно въ этихъ мѣстахъ самая разнохарактерная. Въ скоромъ времени позади меня завязался разговоръ о Москвѣ и Петербургѣ. Говорили двое: мужикъ въ армячкѣ, повидимому извощикъ, уѣзжавшій въ деревню, другой очевидно лакей, въ пальто и какой-то ухарской фуражкѣ съ мѣднымъ ободочкомъ на кожаномъ козыркѣ. Несмотря на шумъ отъ движенія поѣзда, мнѣ все было слышно.

— Во всякомъ городѣ, говорилъ лакей: — свой характеръ есть. Москва больше по русски выглядитъ, а Петербургъ стоитъ на иностранной линіи. А все же тамъ и здѣсь само по себѣ, потому самому, что вездѣ свои порядки заведены. Вонъ и овоща всякая на своей землѣ ростетъ: одна овоща сухой грунтъ любитъ, а другой навозу больше требуется.

— Это точно, проговорилъ другой собесѣдникъ.

— Ну, вотъ оно и выходитъ, что иной въ торговой банѣ хочетъ попариться, а другой въ клубъ наровитъ. Петербургъ по моему разсужденію и есть что нѣмецкій клубъ, а Москва баня торговая. Вездѣ по соразмѣрности и характеръ.

— Справедливо, почтеннѣйшій, сказалъ мужикъ. Вотъ хоть-бы теперь насчетъ извощиковъ: здѣсь пролетки по всему городу пошли, для того такса, ну и виду больше господамъ. А въ Москвѣ этого заведенія не заведено, потому купечество собственныхъ держитъ, а что мельче-то — на трясучкахъ ѣздитъ.

— Да, соотвѣтственно.

— Оно пролетка, видимое дѣло, виднѣе. Господа-то вонъ дрожки старые гитарой называютъ, смѣху ради; а и гитара супротивъ пролетки во многомъ станетъ. Вонъ пьяный иной разъ ѣдетъ: съ пролетки-то онъ того гляди кувырнется да носъ раскваситъ, а на гитарѣ сѣлъ верхомъ, уцѣпился колѣнками-то и ѣдетъ себѣ съ Богомъ. Али иной мамзель какая прокатится — тутъ не то что въ линейкѣ: тамъ красоты никакой нѣтъ, а здѣсь она вся тебѣ на виду сидитъ, ровно краля какая.

Digitized by Google

— Что говорить! на этотъ предметъ въ Москвѣ пригляднѣе. Я только на счетъ того, что характеръ вездѣ особливый.

— Это точно.

— Въ Москвѣ вонъ что: возьми ты поди на масляной либо на святой, что ни-на-есть по лучшей улицѣ въ городѣ, и пой ты пѣсню, какую хочешь, на сколько глотки хватитъ — ничего, никто тебѣ не поперечитъ, пой на здоровье, благо есть горло. А поди-ка ты въ Петербургѣ — не то на Невскомъ или въ Морской, а такъ въ какой-нибудь паскудной улицѣ — розинь-ка поди ротъ, такъ такъ тебя сей-часъ и сцарапаетъ городовой, не успѣешь и рта-то закрыть.

— Это пожалуй насчетъ больше енералитета?

— Нѣтъ, такой характеръ: для того тамъ городъ и здѣсь городъ.

— Такъ-съ!

— Зато вотъ коли сцарапаютъ тебя, попадешь за что ни-на-есть, такъ въ Петербургѣ возьмутъ только за рукавъ этакой тоненькой бичевкой привяжутъ, такъ только чуть прицѣпятъ — и идешь себѣ, словно вотъ гуляешь по пришпекту, и будочникъ за тобой, точно лакей за бариномъ идетъ. Въ пересыльную пошлютъ, въ Демидовъ-переулокъ, такъ коли хочешь, шапку тебѣ съ этакимъ наглазникомъ надѣнутъ, словно вотъ у барынь вуали на шляпкахъ, чтобы дескать тебѣ не зазорно передъ публикой было. А въ Москвѣ попался ты, другъ сердечный — тамъ уже тебѣ вуалемъ глазъ не завѣсятъ, не станутъ хоронить отъ добрыхъ людей, а руки-то обѣ возьмутъ тебѣ назадъ выворотятъ, да вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ мѣстѣ, повыше локтей-то, веревкой здоровенной этакой такъ скрутятъ, что ты и плечемъ не пошевелишь; жилы-то на рукахъ всѣ раздуются, до послѣ этого дня три всю поясницу такъ ломитъ, что кажется кости-то всѣ болятъ.

— Вишь ты, какіе обычаи! замѣтилъ мужикъ.

— Разные обычаи, заключилъ лакей, потому самому, что у всякаго города характеръ свой.

Очевидно разкащикъ не фантазировалъ, а говорилъ по опыту.

V

Проѣздомъ черезъ Харьковъ обѣдалъ я въ гостинницѣ и разговорился съ половымъ, который мнѣ прислуживалъ. Онъ жилъ прежде

Digitized by Google

въ Одесѣ и много раскавалъ мнѣ про южный край. Разговоръ у насъ перешолъ къ саранчѣ, которая тогда опустошала таврическую губернію.

— Вѣдь какая это сила, сударь, сказалъ половой, — великъ ли звѣрь, подумаешь, а что дѣлаетъ; а оттого что вразь не разбивается, а все сообща идетъ. У нея этого заведенія нѣтъ, чтобы кто въ лѣсъ, кто по дрова: она тучей себѣ ломитъ, ну и ничего съ ней не подѣлаешь.

— Однако иногда ее одолѣваютъ, замѣтилъ я.

— Бываетъ, коли по-малости летитъ. Вѣдь она стрѣльбы очень не любитъ.

— Будто?

— А вотъ раскажу я вамъ, сударь. Недалеко отъ Одесы есть дача казенная... богатѣйшая дача! Домъ — настоящія палаты, ранжереи большія, цвѣтовъ, деревьевъ привозныхъ — видимо не видимо. Лѣтомъ, теперь ужь годовъ пять этому будетъ, ждали изъ Питера князя чтоли какого-то. Ну, для житья-то ему эту дачу и приготовили, для-того въ городѣ-то пыльно было и жарко больно. Вотъ и начали садъ убирать: изъ ранжерей-то повынесли деревья въ большихъ зеленыхъ кадушкахъ и стали разставлять по дорожкамъ, чтобы виду больше было. Много вишь деревьевъ повытаскали: человѣкъ никакъ съ полсотни цѣлые два дня за ними возились. Весь садъ убрали! Ну, ждутъ князя, а этакъ съ полудня туча саранчи налетѣла, да прямо на садъ-то проклятая и опустилась. Что дѣлать? Извѣстно ужь, коли гдѣ эта гадина посидитъ, такъ оставитъ по себѣ память. Прожорлива, анафема! У насъ въ Одесѣ разъ бѣлье сушилось въ саду, а она и сядь — вѣдь все-то каторжная съѣла; у меня три рубахи висѣли — такъ всѣ и поглодала.

— Ну, что же, на дачѣ-то все поѣла?

— А вотъ извольте послушать. Смотритель-то на дачѣ извыкъ, говорятъ, благимъ матомъ. Оно не его вина, что саранча опустилась, да вѣдь въ этотъ день къ вечеру пріѣзжаго-то ждали. Какъ же его въ оглоданомъ-то саду встрѣчать? Саранча хошь и не подъ силу человѣку, да поди оправдывайся, можетъ и бѣды не минуешь. Онъ и посылаетъ верхового къ губернатору, что дескать вотъ какая бѣда — что дѣлать? А тотъ долго не думалъ. Въ городѣ-то стояла тогда конная артилерія. Онъ адьютанта позвалъ, да и посылаетъ: возьми, говоритъ, батарею, да что есть духу скачи и безпремѣнно чтобы стрѣльбой саранчу поднять; безъ того и не ворочайся. Мо-

Digitized by Google

людецъ былъ, распорядительный такой! А я въ ту-пору ѣздилъ на огородъ, недалеко отъ дачи-то. Смотрю: изъ города пушки сломя голову скачутъ; офицеры, солдаты все верхами, такъ и дуютъ. Господи, что это? думаю. Видно опять англичанинъ! — Выбѣжалъ я на дорогу-то; думаю: пароходами чтоли онъ пришолъ? Только слышу, какъ хватятъ изъ пушки, да еще, и пошли — такъ вотъ й жарятъ. Ну, думаю, видно на дачѣ высадился, проклятый! Только вижу, мужики стоятъ; они мнѣ и растолковали, что палятъ-то въ саранчу.

— Чѣмъ же это кончилось?

— Да подняли всю: стрѣльбы-то она не вынесла — не то дыму не любитъ, или громъ-то ее пугаетъ. Поднялась она тучей этакой черной изъ саду-то, да и полетѣла. Говорили у насъ послѣ, что деревья почитай всѣ остались цѣлы, только листъ кое-гдѣ поглодала. А не подоспѣй пушки — одни-бы прутья остались...

— Что-жъ далеко саранча-то улетѣла?

— Какое далеко! тутъ-же на моихъ глазахъ и опустилась.

— Куда?

— А на пшеницу.

— На какую пшеницу?

— Да на поле. Деревня тутъ подгородняя есть, такъ у мужиковъ была пшеница посѣяна и такая рослая стояла.

— Что-жъ она попортила ее?

— Чего портить — все какъ есть поѣла. Такъ безъ дѣла саранча не станетъ сидѣть, для того ѣсть хочетъ. Я дня черезъ три проѣзжалъ, такъ и стебельковъ не осталось: поле-то все какъ уголь черное.

— Что-жъ ее не согнали?

— А какъ ее сгонишь! Мужики пробовали въ тазы да сковороды стучать — да ей нипочемъ: сидитъ да жретъ.

— Но пушки вѣдь близко, ты говоришь, были?

— Мало чего нѣтъ! развѣ ихъ для этого послали?

— Что-жъ что не для этого!

— Такъ неужели артилерію съ офицерами выгонять на всякое поле? Жирно будетъ! На то развѣ пушки-то, чтобъ саранчу по деревнямъ пугать. На поле-то сѣла? Да въ той сторонѣ это каждый годъ бываетъ; тамъ это никому не въ диковину.

— Да можетъ она иныхъ разорила?

— Какъ не разорить! вѣдь послѣ нея и на сѣмена-то не остает-

Digitized by Google

ся. Это хуже пожара : отъ огня хоть головешки да уголья останутся, а тутъ какъ есть ничего. Да тамъ къ этому ужь привыкли! Не посылать же пушекъ всякую траву оборонять! Для всякаго сиволапаго артилерію поднимать, да еще конную! Много будетъ! Саранчуто вѣдь не люди напустили : ее Господь создалъ — ну, каждая тварь и питается, какъ ей назначено.

VI

Нѣсколько лѣтъ назадъ случилось мнѣ быть на Петербургской сторонѣ у офицера путей сообщенія, который завѣдывалъ тогда зарѣчными частями города. Мы сидѣли въ кабинетѣ и курили. Деньщикъ сказалъ, что пришолъ унтеръ-офицеръ. Хозяинъ велѣлъ позвать его, и черезъ минуту солдатъ въ шинели, не поворачивая головы и держа въ опущенной рукѣ фуражку съ зеленой выпушкой, вошолъ ровными шагами въ комнату и проговорилъ :

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе!

— Ну, все-ли у васъ въ порядкѣ? спросилъ хозяинъ.

— Слава-богу, только на Самсоньевскомъ мосту несчастіе!

— Что такое?

— Два якоря украли.

— Какъ такъ?

— Въ ночи, ваше высокоблагородіе.

— А кто на часахъ былъ?

— Еврей, что изъ третьяго округа перешолъ. Ни шагу, говоритъ, не отлучался, народу почитай не было, только двѣ барки съ пескомъ прошли. Надо думать мазури, ваше высокоблагородіе.

— Вы все зѣваете.

— Никакъ нѣтъ: еврей солдатикъ исправный, третій годъ на службѣ. Украли подъ самое утро, съ проѣздныхъ плашкотовъ.

— Ну, скажи писарю, чтобы рапортъ написалъ.

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! А съ евреемъ что прикажете?

— Привести его завтра въ казарму и дать двадцать розогъ.

— Слушаю!

Солдатъ повернулся и вышелъ.

Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что такія пропажи случаются зачастую, иногда по безпечности, а иногда и отъ плутовства самихъ часовыхъ.

Digitized by Google

Впрочемъ же этотъ разъ онъ думалъ, что тутъ былъ одинъ недосмотръ, потомучто солдатъ, стоявшій на мосту, изъ лучшихъ въ командѣ. Офицеръ жалѣлъ, что распорядился строго, хоть дѣла и нельзя оставить безнаказанно, и послалъ воротить унтера.

Черезъ нѣсколько минутъ солдатъ опять вошолъ ровнымъ шагомъ и остановился вытянувшись. Офицеръ что-то замѣтилъ ему насчетъ рогатокъ Петровскаго моста, спросилъ забиваютъ ли колышками дернъ въ Александровскомъ паркѣ на какихъ-то не по плану вытоптанныхъ тропинкахъ, и въ заключеніе сказалъ:

— Такъ не забудь же прислать еврея и дать ему десять розогъ.

— Ваше высокоблагородіе изволили приказывать двадцать? замѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Нѣтъ, десять. Вѣдь солдатъ хорошій?

— Исправный солдатикъ, не пьющій — ни въ чемъ не замѣченъ!

— Такъ смотри же, не налегайте, а полегче. Ступай!

Унтеръ-офицеръ выпрямился, но не уходитъ. Очевидно, онъ былъ въ какомъ-то тревожномъ состояніи и хотѣлъ что-то сказать.

— Что тебѣ еще? спросилъ хозяинъ.

— Да на счетъ все еврея-то, ваше высокоблагородіе. Вы давеча изволили приказать ему двадцать розогъ.

— Нѣтъ, ты не дослышалъ или я ошибся, довольно десяти. Вѣдь ты самъ говоришь, солдатъ исправный?

— Что ни лучшій солдатъ въ командѣ: на него завсегда положиться можно, а это ужь грѣхъ такой вышелъ.

— Простить его я не могу: этакъ у насъ всѣ казенныя вещи растаскаютъ.

— Да я не насчетъ прощенья, ваше высокоблагородіе.

— Чего же тебѣ еще?

— Прикажите, сдѣлайте милость, ему двадцать лозановъ.

— Это для чего?

— Да осмѣлюсь доложить, ваше высокоблагородіе: солдатъ молодой, ни въ чемъ на замѣчаніи не былъ, не штрафованъ ни разу, расторопнѣе его во всей ротѣ нѣтъ. Что же ему изъ десяти розогъ жалъ такую въ казарму тащиться! Прикажите, какъ сами изволили сказать, два десятка отсчитать: покрайности не даромъ пройдется.

Мы расхохотались.

Въ это время хозяина вызвали зачѣмъ-то въ залу.

Digitized by Google

— Вѣрно ты сердитъ на еврея? спросилъ я солдата.

— Никакъ нѣтъ-съ. Какое сердце! отвѣчалъ онъ.

— За что жъ ты накликаешь на него двойное наказаніе?

— Помилуйте-съ, я говорю только на счетъ справедливости, для того солдатъ хорошій, на первомъ счету во всей ротѣ стоитъ, а долженъ теперь почитай цѣлый день потерять, шлямшись съ Выборгской стороны. Нашему брату время дорого: не такая служба, чтобы тратить его задаромъ. Я вонъ въ шестомъ округѣ служилъ: тамъ бы изъ пустяка гонять человѣка за десять верстъ не стали, а влупили бы ему сотню горячихъ на мѣстѣ, такъ покрайности зналъ бы въ чемъ дѣло. А здѣсь изволь вотъ бѣдный солдатикъ тащиться черезъ весь городъ изъ десяти розогъ, словно ребенокъ пятилѣтній. Изъ этакой малости только сапоги-то сердечный истреплетъ. Хоть бы двадцать-то велѣли дать!

Тутъ офицеръ вошолъ и прогналъ его. Онъ ушолъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ на распоряженіе начальника.

А. МИЛЮКОВЪ

Digitized by Google

ЖЕЛАНІЕ НЕПРОБУДНАГО СНА (¹)

Еще твой образъ свѣтлоокой
Стоитъ и дышетъ предо мной.
Какъ въ душу онъ запалъ глубоко —
Тревожитъ онъ ея покой!

Я помню грустную разлуку:
Ты мнѣ на мой далекій путь,
Какъ старый другъ, пожала руку
И мнѣ сказала: «не забудь!»

Тебя я встрѣтилъ на мгновенье;
На вѣкъ разстался я съ тобой...
И все — какъ сонъ! Ужель видѣнье —
Мечта души моей больной?

Но если только сновидѣнья
Играли бѣдною душой —
Кто дастъ мнѣ сонъ безъ пробужденья?
Нѣтъ, лучше смерть и образъ твой!

А. ОДОЕВСКІЙ

(¹) Это нигдѣ ненапечатанное стихотвореніе покойнаго А. И. Одоевскаго друга Лермонтова, доставлено Н. В. Гербелемъ.

Digitized by Google

НЕНАПЕЧАТАННОЕ СТИХОТВОРЕНІЕ А. С. ПУШКИНА (1)

НА НАВОДНЕНІЕ 7 НОЯБРЯ 1824 ГОДА

Напрасно ахнула Европа —
Не унывайте! не бѣда!
Отъ петербургскаго потопа
Спаслась «Полярная Звѣзда».

Бестужевъ, твой ковчегъ на брегѣ!
Парнаса блещутъ высоты —
И въ благодѣтельномъ ковчегѣ
Спаслись и люди и скоты.

А. ПУШКИНЪ

1824 г.

---

(1) Доставлено Н. В. Гербелемъ.

Digitized by Google

ЗИМНІЯ ЗАМѢТКИ О ЛѢТНИХЪ ВПЕЧАТЛѢНІЯХЪ

ФЕЛЬЕТОНЪ ЗА ВСЕ ЛѢТО

ГЛАВА I

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе всѣ мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто въ тупикъ. Что я вамъ напишу? что раскажу новаго, еще неизвѣстнаго, не расказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Ктому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы спеціально знаете, что мнѣ-то особенно нечего расказывать, а ужь тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потомучто я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если что и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть проѣхавъ столько дорогъ только въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу; рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе

Digitized by Google

вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ розиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса какъ родители читали на сонъ грядущій романы Ратклифъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я наконецъ за границу сорока лѣтъ отъ роду и ужь разумѣется мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непремѣнно все, несмотря на срокъ. Ктому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, думалъ я, за то я все видѣлъ, вездѣ побывалъ; за то изъ всего видѣннаго составится что-нибудь цѣлое, какая-нибудь общая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе. Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствованіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побывалъ, а въ Римѣ напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы можетъ-быть пропустилъ папу... Однимъ словомъ на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, перемѣны мѣстъ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ раскажу? что изображу? Панораму, перспективу? Что-нибудь съ птичьяго полета? Но пожалуй вы же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непремѣнно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напримѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе и пробылъ я въ немъ всего одни сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужь покрайней-мѣрѣ хоть кислосладкое, а не просто кислое. А отчего произошла нарубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ

Digitized by Google

по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина, и пріѣхавъ въ него, невыспавшись, жолтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣже кордонныя улицы, тѣже запахи, тѣже... (а впрочемъ не пересчитывать же всего того же)! Фу ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать тоже самое, отъ чего ускакалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ пожертвуетъ всѣмъ изъ самаго дорогого, даже можетъ-быть своей конституціей; а ужь чего дороже берлинцу его конституціи? Ктому же сами берлинцы, всѣ до единаго, смотрѣли такими нѣмцами, что я, непосягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о ужасъ!) поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмками провинился: мнѣ вдругъ вообразилось, только-что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже можетъ-быть усомнился бы въ своемъ призваніи. Я конечно въ туже минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротясь въ свой номеръ въ гостиницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую чорную клевету. Языкъ мой былъ жолтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печонки, подумалъ я, — что за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то-есть мѣсяцъ спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь въ точь какъ Карамзинъ съ такой же цѣлью становившійся на колѣни передъ рейнскимъ

Digitized by Google

водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился: мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещица вродѣ пресъ-папье на письменный столъ, саженъ въ семьдесятъ высотою. «Величественнаго мало» рѣшилъ я, точно такъ какъ встарину наши дѣды рѣшали про Пушкина: «легко дескать слишкомъ сочиняетъ, мало высокаго». Я подозрѣваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонь. Жанъ Марія Фарина находится тутъ же подлѣ собора и въ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Марія Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непремѣнно и ужь тутъ: «одеколонь ou la vie», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонь ou la vie!» но кто знаетъ — можетъ-быть и такъ. Помню мнѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ конечно превосходный и городъ справедливо гордится имъ; но мнѣ показалось, что ужь слишкомъ гордится. Разумѣется я тотчасъ же на это разсердился. Притомъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ-будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій», подумалъ я. Покрайней-мѣрѣ его глаза чуть не проговаривали: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій, — ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всякимъ нѣмецкимъ человѣкомъ, потомучто у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ конечно этого вовсе не говорилъ, даже можетъ и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все-равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочетъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чортъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ... у насъ есть журналы... у насъ дѣлаютъ офицерскія вещи... у насъ...» однимъ словомъ я разсердился и купивъ склянку одеколону (отъ которой ужь никакъ не могъ отвертѣться), немедлен-

Digitized by Google

но ускакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй я себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнъ положите хоть три дня, ну хоть два и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ бы на тѣже предметы другими глазами и составилъ бы объ нихъ болѣе личное понятіе. Даже лучь солнца, простой какой-нибудь лучь солнца, тутъ много значилъ: сіяй онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой пріѣздъ въ городъ Кельнъ, и зданье навѣрно бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленнаго патріотизма. Хотя изъ этого впрочемъ вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. И такъ вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть и я не могу доставить вамъ самыхъ точныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому...

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что запуждy вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что напротивъ было бы вовсе недурно, еслибъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достичь онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выгоды. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь на сколько могу. Прошу только помнить, что можетъ быть очень многое, что я вамъ напишу теперь, будетъ съ большими ошибками. Разумѣется не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться напримѣръ въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Баль-Мабиль. Особенно послѣдній фактъ дотого засвидѣтельствованъ

Digitized by Google

всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то можетъ и я не ошибусь, а впрочемъ въ строгомъ смыслѣ и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, по все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставляющее мнѣ большой славы (то-есть я пожалуй и видѣлъ издали, сажень за двѣсти, да торопился въ Пентонвиль, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значитъ *свысока*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потомучто его все-таки лучше разглядѣлъ, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

ГЛАВА II

ВЪ ВАГОНѢ

«Разсудка французъ не имѣетъ, да и имѣть его почелъ бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтіи Фонъ-Визинъ и боже-мой какъ должно быть весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ и всѣ-то мы послѣ Фонъ-Визина, три-четыре поколѣнья сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣлывающія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ русскихъ что-то неотразимо пріятное. Разумѣется только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя втайнѣ. Тутъ слышится какое-то мщеніе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы разумѣется

Digitized by Google

бранимся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ я думаю самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ западомъ, т. е. передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція, — это было въ сорокъ-шестомъ году. И не то, что напримѣръ обожались такія имена какъ Жоржъ Зандъ, Прудонъ и проч. или уважались такія, какъ Луи-Бланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе-нибудь, самыя мизерныя фамильишки, которые тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шопотомъ благоговѣнья... И чтоже? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и повидимому презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть это словцо Фонъ-Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О ради-бога не считайте, что любить родину значитъ ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не думалъ думать и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужь не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ, отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и приготовляюсь назавтра къ Эйдкунену, т. е. къ первому заграничному впечатлѣнію и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу наконецъ Европу, я, который безплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьозно, какъ Бѣлопяткинъ у Некрасова:

Digitized by Google

«Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію»

но не бѣжалъ, и вотъ теперь и я въѣзжаю наконецъ въ «страну святыхъ чудесъ», въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованій. Господи, да какіе же мы русскіе? мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ? Дѣйствительно ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То-есть я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ мильоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьозно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не брѣютъ. Нѣтъ, я про нашу привилегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все что есть въ насъ развитія, науки, искуства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь это оттуда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ я думаю всѣ согласятся, одни съ радостію, другіе разумѣется со злобою за то, что мы *не доросли* до перерожденія. Это ужъ другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки-жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было-бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ можетъ быть и не было-бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ? Неужели же не вздоръ? А что если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну что, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пугачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во

Digitized by Google

что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели-жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротишься. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хоть оно и сформировалось впослѣдствіи въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и можетъ быть гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то можетъ-быть пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужь какъ трудно съ перваго разу даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли поневолѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти впрочемъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точь-вточь также, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хоть и везутъ тебя, хоть и заботятся о тебѣ, хоть подчасъ даже такъ убаюкаютъ, что кажется бы и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, потомучто ужь слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди, да жди когда еще довезутъ. Право иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку, подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашолъ и самъ его дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужь не буду сложа руки запертой сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать...

Богъ знаетъ что иногда на бездѣльи вздумается!

А между тѣмъ ужь смеркалось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики и кажется хорошіе люди. Они спѣшили на выставку

Digitized by Google

въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по комерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли пріѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ и кажется совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ проборомъ на головѣ и усиленно серьозный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ не отрываясь какую-то книжку, той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно это такъ заведено у него было всю жизнь и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали; свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ и ужь не знаю какъ додумался до того, что «разсудка французъ не имѣетъ», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете ли что: меня что-то подмываетъ, покамѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

ГЛАВА III

И СОВЕРШЕННО ЛИШНЯЯ

Это впрочемъ были не размышленія, а такъ какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Вопервыхъ я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того

Digitized by Google

ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпажонку сзади для означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты своей личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу какъ и пошолъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣетъ», да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастье. Кстати ужь не думаете ли вы, что я заговорилъ о шпажонкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ не надѣли-таки зипуна, а изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ ужь покрайней-мѣрѣ французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барина, дескать, видно, не въ зипунѣ-жъ ходить барину». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ и говорятъ промежъ себя: «Чего къ намъ этотъ ряженый таскается?» Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ ужь я, сказалъ мнѣ другой господинъ: — нѣтъ ужь я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то буду дѣлать, а и виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и расчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду если понадобится. Больше уважать будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чортъ! подумалъ я: — точно на иноплеменниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, сказалъ мнѣ третій, впрочемъ премилѣйшій господинъ: — я вотъ куда-нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ, мірскимъ приговоромъ, за что-нибудь высѣчь приговорятъ. Ну что тогда будетъ?

Digitized by Google

— А хошь бы и такъ, захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потомучто струсилъ.—Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ иныя наши мысли высказывать? — Хошь бы и такъ, думалось мнѣ про себя, хошь и высѣкли бы, чтожъ? Такіе обороты дѣла называются у професоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели-жъ изъ за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ ужь коль всѣ, такъ ужь и совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужь и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жоны и дѣти.

— Да помилуйте, какія тутъ жоны и дѣти! закричалъ бы мнѣ мой противникъ: — выдралъ бы міръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужь это и общее дѣло.

— Ну да оно конечно смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марать не хочется. Даже и говорить-то объ немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мірской приговоръ: ни одной таки розочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, еслибъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мірскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ бы міръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина...

— Ретроградство! закричитъ кто-нибудь прочтя это. За розги стоятъ! (Ейбогу кто-нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою.)

— Да помилуйте, про что вы говорите, скажетъ другой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да чтоже это, прибавитъ третій: — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, отвѣчаю я: — но позвольте: вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ.

Digitized by Google

Такъ ужь къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. Притомъ же подъѣзжая къ Эйдкунену, я помню, особенно раздумался я про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню что иныя мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постепенно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все это тутъ какъ бы лишнее. Да я же васъ и предувѣдомилъ, что вся глава лишняя. А впрочемъ на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда «Бригадира». «Бригадиръ» былъ по тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эфектъ. «Умри Денисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы спросонья зашевелились. Чтожъ, неужели-жъ и тогда, продолжалъ я свои произвольныя созерцанія, ужь наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однихъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы напримѣръ всѣ безъ дѣла и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужь думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха ктому же. Это у насъ чуть не раньше «Бригадира» еще началось, конечно тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и провраться отъ восторга это у насъ самое первое дѣло; смотришь года черезъ два и расходимся врозь повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Чтоже касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя святыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно и теперь мало сомнѣвающихся. Вся наша крайне-прогресивная партія до ярости стоитъ за чужія по-

Digitized by Google

мочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно какъ это мы горъ тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, пароловскія вершины, валдайскіе пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещатъ

и что

Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но кажется это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То-есть какія тогда (до «Бригадира» и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомѣрія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ «Современникѣ», очень давно уже: «Записки моего дѣда». Вообразите что могъ записать тогда этотъ дебелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, видавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившись въ свою вотчину и принявшись за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего не перевидалъ человѣкъ! Ну такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

«*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона.*» Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона, въ присутствіи короля, хладнокровно спрашивала: «Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?» На что сей кавалеръ, будучи въ отповѣдяхъ весьма искусенъ, нисколько не смятеннымъ, но напротивъ постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: «Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову взять невозбранно.» Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался.»

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично

Digitized by Google

въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отъ роду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой и прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть, — такъ онъ приманилъ меня — и съ тѣхъ поръ не забылъ:

«*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана.* Извѣстно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: «Отстранитесь кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ.» На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: «Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только-что встаете съ постели.»

То-есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и торжественно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обязанность по службѣ. И что за наивная, тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій: «Извѣстно-дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло...» Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно тогда намъ легко давалась Европа, физически разумѣется. Нравственно-то конечно обходилось не безъ плетей. Напяливали шолковые чулки, парики, привѣшивали шпажонки — вотъ и европеецъ. И нетолько не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ же все оставалось попрежнему: также отложивъ де-Рогана (о которомъ впрочемъ только всего и знали, что у него весьма дурно изо рту пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, также патріархально обходились съ семействомъ, также драли на конюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда если сгрубитъ, также подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику были понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмца-

Digitized by Google

ми. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ же барину не-по-важничать, — на то баринъ. Хоть и до-смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то милѣе теперешнихъ, потомучто были больше свои. Однимъ словомъ всѣ эти господа были народъ простой, кряжевой; до корней недоискивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умиленіемъ, и мирно и жирно проживали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ.» Мнѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже можетъ и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантасмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпажонки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шолковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это мнѣ кажется были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно можно быть и подъячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ тоже время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый «субдительный суперфлю.» Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили попрежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живого и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шолковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагахъ,

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно уживалась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара.

Ну теперь ужь не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужь мы вполнѣ европейцы и доросли. Теперь ужь самъ Гвоздиловъ сноровку держитъ, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и какъ сѣверо-американецъ южныхъ штатовъ текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ за-

Digitized by Google

шита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ. Вотъ приѣду туда — самъ своими глазами увижу, думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужь онъ до того поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой; что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее нетолько круглой дурой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ-будто побоялся и даже художественно-невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной по оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрѣкла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже можетъ-быть нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ, по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ бывало онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмѣльной; такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ онъ, гвоздитъ ее бывало въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну мы, наша сторона дѣло, а ино наплачешься на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты *и слушать* объ этомъ не хочешь, каково жъ было *терпѣть* капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ

еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть ли еще не съ бо́льшимъ комфортомъ чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того дескать и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились если ихъ не били: не бьетъ, значитъ не любитъ. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужь и это подверглось развитію. Теперь ужь Гвоздиловъ гвоздитъ чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, т.-е. человѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надоѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и какъ капитанъ Копѣйкинъ «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужь давно не «изрядная, изрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избороздили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, безсонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горючими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть! пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безгранично-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, неправда ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то-есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтиться не можетъ; онъ расчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужь очень стоскуется. Ну а вѣдь какъ хотите это прогресъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній...

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красно;

Digitized by Google

за то сами мы до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужь народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это какъ хотите прогресъ. Теперь ужь мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это какъ хотите прогресъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣрены въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность — это только извѣстная система податей, душа — tabula rasa, вощичекъ, изъ котораго можно сейчасъ же вылѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула — стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи, да прочесть двѣ-три книжки. За то какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потомучто ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали напримѣръ Тургенева за то, что онъ осмѣлился неуспокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеалъ, а искалъ чего-то получше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, господи-помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной. Ну и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца) несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную кошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавили — что онъ идетъ противъ эманципаціи женщины. А вѣдь это все прогресъ, какъ хотите! Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими фельдфебелями цивилизаціи стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взглядъ съ задоромъ, смотримъ фертомъ, — смотримъ да только поплевываемъ: «чему у тебя спина-мужикъ намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!» Не спускать же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ боже-мой, кстати теперь... Господа, положимъ на минутку, что я ужь кончилъ мое путеше-

ствіе и воротился въ Россію. Позвольте разсказать анекдотъ: Разъ нынѣшней осенью беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только-что теперь газеты передъ глазами нѣтъ.) И вотъ разсказывается анекдотъ какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ лентахъ и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только пьяна или нѣтъ? вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на-показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проведшихъ счастливую ночь. Въ узелкѣ разумѣется заключалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародьи обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невѣсты. Народъ смѣялся смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплевывая передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, «даже до сихъ поръ сохранившемся при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!» Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О пожалуста не думайте, что я защищаю первобытное каннибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это не цѣломудренно, это дико, это пославянски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось конечно безъ худого намѣренія, а напротивъ съ цѣлью торжества новобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но когда напримѣръ придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ расчетомъ и знаніемъ дѣла онѣ умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется для изящества, для эстетики, pour paraître... Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ: и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой то-есть именно цѣлью все это употребляется... Ну чтожъ, подумалъ я со

Digitized by Google

смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательныя* заботы о ватныхъ приумноженіяхъ, — чтоже, чище, нравственнѣе, цѣломудреннѣе чтоли они несчастной легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно!..

Ради-бога не думайте, друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація — не развитіе, а напротивъ въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ! Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ западѣ и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быть собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не tabula rasa, не вощичекъ, изъ котораго можно слѣпить общечеловѣчка; что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, не стѣсненная и вѣра въ свои собственныя, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогресисты (хотя и далеко не всѣ) вовсе не стоятъ за вату и также точно клеймятъ ее какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь неспроста охуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали простонародное, національное, стихійное варварство въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то можетъ-быть въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предразсудки и мерзости на другіе еще большіе предразсудки и мерзости. Статья какъ-будто не замѣчала этихъ нашихъ-то, собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Кчему же, кчему же такимъ фертомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки, да поплевывая!.. Вѣдь смѣшна, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или наконецъ неразсуждающее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Digitized by Google

Да что! вѣдь такихъ фактовъ тысяча ежедневно найдется. Простите за анекдотъ.

А впрочемъ чтожъ я грѣшу Вѣдь я грѣшу! это отъ того, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертомъ стоящій и все порѣшившій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу когда надо было сыскать

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ типъ совершенно безполезный теперь и бывшій ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ и совѣстливо, тоскующій о своей безполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣніи переродился и, мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, не уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, проткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а можетъ-быть подъ носомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже народился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашолъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣнія сряду. Это фактъ, противъ факта и говорить бы кажется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. Не то и умъ, чтобъ достичь того чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все-жъ лучше, все ближе къ цѣли если не цѣли вдешь. И если хочешь непремѣнно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это помоему вовсе не умъ. Это даже нахо-

Digitized by Google

местомъ бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ шагомъ перелетѣть до цѣли или попасть въ Регулы. Ну вотъ это-то и есть бѣлоручничанье. Однакожъ Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда опять за границу: прошѣлся бы маленько и отправился бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ и въ крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну вотъ и я туда ѣду. «Mais moi c'est autre chose». Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, т.-е. очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь и всѣ-то они кажется ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. Понайней-мѣрѣ чего-то ищутъ. Поколѣніе Чацкихъ обоего пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитріевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома, онъ одинъ только и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ-сказать родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе-дескать сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются.» Онъ при дѣлахъ и нашолъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь и Русь его знаетъ.» Да, ужь его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ и право я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тесклівая подвижность! Всѣ они ходятъ съ видами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ смотрѣть рѣдкости и право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропустятъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ;

Digitized by Google

глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потомучто такъ велѣно вѣрить по гиду; бросаются на сикстинскую мадону и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто-нибудь вылѣзетъ изъ-подъ пола и разсѣетъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко-жаждущее, а про себя заранѣ убѣжденное, что ничего никогда не будетъ и ничего не случится, разумѣется до первой мухи: пролетѣла муха, — значитъ опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранитъ. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ про всю массу можно только вотъ что сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкуненъ, тотчасъ же становимся разительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ потерявши своего хозяина. Да вы что думаете, что я съ насмѣшкой пишу, виню кого-нибудь, что вотъ-де «въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!» и т. д. и т. д. О ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансіи не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ.» Вотъ и отговорка и вся недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? куда я заѣхалъ? Гдѣжь это я успѣлъ перевидать за границею русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ... Аль ужь проѣхали? И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ и Кельнъ, все проѣхали. Я правда все еще въ вагонѣ, но ужь передъ нами не Эйдкуненъ, а Аркелинъ и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я объ немъ хотѣлъ говорить, да и забылъ! Ужь очень про нашу русскую Европу раздумался; простительное дѣло, когда самъ въ европейскую

Digitized by Google

Европу въ гости ѣдешь. А впрочемъ чтожъ ужь очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава лишняя.

ГЛАВА IV

И НЕ ЛИШНЯЯ ДЛЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно ли «разсудка французъ не имѣетъ?»

Но нѣтъ однако почему же разсудка французъ не имѣетъ, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пасажировъ, французовъ, только что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро и я вошолъ въ вагонъ очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Франціи. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой, и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и къ удивленію моему мой швейцарецъ, при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ вдругъ сдѣлался чрезвычайно не словоохотливъ. Я было обратился къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ какой-то странный народъ. Ѣхали они налегкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напоминало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ сюртучкахъ, страшно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе деньщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки

очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шолковаго платка изъ такихъ, которые вѣчно носятся и пропитываются цѣлымъ фунтомъ жиру, послѣ пятнадцатилѣтняго соприкосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брильянтами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо казались однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати-пяти или около, и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другого. Лица ихъ были помятыя, съ казенными французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь разныя трубы и усвоившій себѣ навѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но непомню сказали ль хоть одно слово между собою. На насъ, т.-е. на меня и швейцарца они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна кареты. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня правда мелькалъ вопросъ: чтожъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели-жъ отставные военные, что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ? Впрочемъ я какъ-то не очень ими заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они всѣ четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждутъ на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, т.-е. чрезвычайно быстро.

Только-что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ не меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа не долго посидѣли, началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и садились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ?.. но вѣдь это полицейскіе...

Digitized by Google

— Какъ? какіе полицейскіе? спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы недогадываетесь.

— И... неужель шпіоны? (я все еще не хотѣлъ вѣрить.)

— Ну да; для насъ и садились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужь нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможнѣ, когда читали наши паспорты, сообщили имъ наши имена и проч. Ну вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же однакожъ провожать, коль они насъ ужь видѣли? Вѣдь вы говорите имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-вояжъ, однимъ словомъ все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете всякія мелочи, особенности, т.-е. какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли бы потеряться, имя перемѣнить (т.-е. если вы подозрительный). Ну такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ же и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Ктому же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо? продолжалъ я спрашивать все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно на этотъ разъ мало иностранцевъ, а еслибъ больше было они бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не безпокойтесь, все разсмотрѣли... Для насъ и садились.

Ну-ну, подумалъ я, вотъ-те и «разсудка французъ не имѣетъ», и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво покосился на швейцарца: «Да ужь и ты, братъ, не того ли, а только такъ прикидываешься,» мелькнуло у меня въ головѣ, но

Digitized by Google

только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но чтожъ будешь дѣлать; невольно подумается...

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ-сказать всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ на первый разъ въ отелѣ меня лично не много безпокоили и описали меня втихомолку, кромѣ разумѣется тѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее же вы вписываете показанья ваши: кто, какъ, откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился не найдя мѣста въ прежнемъ hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй hôtel des Empereurs смотрѣлъ вообще какъ-то патріархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ же день какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хозяйка очевидно заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, начала она очень вѣжливо: — намъ надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... votre état?

Это: votre état? Чрезвычайно сбивчивая вещь и нигдѣ мнѣ не нравилось. Ну что тутъ написать? Путешественникъ, — слишкомъ отвлеченно. Homme de lettres — никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше propriétaire, какъ вы думаете? спросила меня хозяйка. Это будетъ лучше всего.

— О да, это будетъ лучше всего, поддакнулъ супругъ.

— Написали. Ну теперь: причина вашего пріѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм, да, pour voir Paris. Позвольте мсье: вашъ ростъ?

Digitized by Google

— То-есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье... Но желалось бы знать подробнѣе... Я думаю, я думаю... продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то*, рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? спросилъ я.

— Охъ это необ-хо-димо, отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ. Теперь мсье ваши волосы? блондинъ, гм... довольно свѣтлаго оттѣнка... прямые...

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: — вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм, свѣтлые...

И она опять посовѣтовалась глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже нѣсколько озабоченнымъ видомъ. Voilà мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень хорошо понялъ на что онъ указывалъ. У меня маленькій шрамъ на лбу и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте-жъ теперь спросить, сказалъ я хозяйкѣ, когда кончился весь экзаменъ: — неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-хо-димо!..

— Мсье! поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно-внушительнымъ видомъ.

— Но въ hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, живо подхватила хозяйка. Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно они оглядѣли васъ молча, но только непремѣнно, непремѣнно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите...

Digitized by Google

— О, мсье!.. скрѣпилъ мужъ съ торжественностью и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, на сколько покрайней мѣрѣ я ихъ узналъ потомъ. Но слово: необ-хо-димо произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ, или уменьшительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ я въ Парижѣ...

ѲЕДОРЪ ДОСТОЕВСКІЙ

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

НАШИ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НАПРАВЛЕНІЯ СЪ 1848 ГОДА

I

Въ 1848 году умеръ Бѣлинскій.

Есть смерти, которыя, какъ онѣ ни горестны, имѣютъ все-таки огромное значеніе уже тѣмъ самымъ, что освѣщаютъ положеніе дѣлъ, проводятъ черту раздѣленія между разнородными, но дотолѣ смѣшанными групами фактовъ жизни...

Бѣлинскій умеръ въ ту минуту своего развитія, — а его развитіе какъ геніальнаго человѣка было фокусомъ, отражавшимъ наше общее развитіе, — когда направленіе, котораго онъ былъ жрецомъ и провозвѣстникомъ, дошло до своихъ геркулесовыхъ столповъ, ударилось въ стѣну. Дальше идти было некуда — начинались уже отступленія. Великій борецъ палъ истощенный только физически, ибо по живучей и страстной природѣ своей онъ сумѣлъ бы смѣло прорваться за геркулесовы столпы, но тѣмъ не менѣе онъ палъ. Направленіе похоронило въ немъ главу и предводителя...

Мрачны, скудны и скорбны были эти похороны, ибо мрачна и скорбна была самая минута эпохи. Мысль, воспитавшаяся въ потаенной и отчаянной борьбѣ съ гнетомъ и давленіемъ, дошла до крайнихъ предѣловъ отрицанія — но до крайнихъ же предѣловъ своихъ дошолъ и гнетъ. Тяжело было дышать въ спертомъ и галкомъ воздухѣ.

То была тьма непроходимая, въ которой свои не признавали своихъ. Вспомните гробовое молчаніе у гроба великаго бойца: въ минуту смерти его помянулъ словомъ сочувствія, очевиднаго сквозь казенщину брани, — только одинъ изъ такъ-называемыхъ враговъ

Digitized by Google

его, Погодинъ, въ своемъ «Москвитянинѣ». Странное было время, когда благороднѣйшіе по мысли люди могли высказывать симпатію только подъ прикрытіемъ условныхъ упрековъ, пролить горячую слезу только подъ условіемъ сохраненія форменнаго выраженія физіономіи. Какъ не похоже оно на то время, въ которое живемъ мы, въ которое по поводу смерти Хомякова, одинъ изъ вѣчныхъ оппонентовъ и такъ-называемыхъ враговъ покойнаго заключилъ свое симпатически-горячее возвѣстіе о его смерти своими какъ и всегда полновѣсными словами: «Плохо воспоминаетъ нашъ сѣверъ своихъ лучшихъ людей!»

Молодому поколѣнію, воспитавшемуся подъ иными условіями, уже многое непонятно въ той эпохѣ, которую пережили мы; послѣдующему поколѣнію эта эпоха будетъ еще непонятнѣе. Ея страданія, ея глухая и потаенная борьба, крайности, до которыхъ доходила она въ своихъ подавленныхъ и тѣмъ болѣе упорныхъ стремленіяхъ — ея болѣзненныя реакціи... все это отойдетъ скоро, если уже не отходитъ въ область чисто историческаго вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ, административною централизаціею и бумажнымъ закрытымъ судопроизводствомъ... Въ ней, въ этой мрачной эпохѣ, все — борьба, борьба мысли съ фактомъ.

И мысль и фактъ идутъ до своей крайней логической послѣдовательности. Еще въ тридцатые годы, несмотря на то что эти годы недалеки отъ катастрофы 1825 года, мысль временами выражается довольно прямо и стало-быть довольно спокойно: въ «Молвѣ» напримѣръ, издававшейся при «Телескопѣ», попадаются нерѣдко смѣлыя и вмѣстѣ совершенно разумныя замѣтки о разныхъ недостаткахъ общественнаго порядка, и фактъ, хотя уже обуянный паникой, допускаетъ иногда прямое выраженіе мысли по множеству вопросовъ жизни... но онъ, фактъ, всегда на сторожѣ, всегда накрываетъ en flagrant delit мысль, какъ только она выразится слишкомъ рѣзко. «Европеецъ» Кирѣевскаго не доживаетъ до третьяго номера: «Телеграфъ» кончаетъ свою шумную жизнь на статьѣ объ одной изъ драмъ г. Кукольника, совершившей три чуда разомъ, — статьѣ совершенно впрочемъ неважной съ нашей теперешней точки зрѣнія... «Телескопъ» умираетъ не своею смертью съ знаменитой статьей Чаадаева... Паника усиливается въ мысли. То и другое — дѣло понятное, равно какъ понятны и послѣдствія этого. Фактъ давитъ, мысль изъ-подъ него рвется всѣми возможными и невозможными дорогами.

Въ минуту, когда умиралъ Бѣлинскій, въ литературѣ нашей, т.-е. въ выраженіи нашего сознанія, ярко обозначались только два направленія. Одно держалось за фактъ, другое боролось съ нимъ.

Digitized by Google

Оттѣнковъ не было, т.-е. не обозначалось: всѣ привыкли дѣлить литературу на двѣ группы; во главѣ одной стояло имя Бѣлинскаго, во главѣ другой — имя Ѳ. Булгарина. Такъ-называемое славянофильство было явленіемъ комическимъ: народное направленіе, проявлявшееся въ «Москвитянинѣ», позорило себя странными союзниками вродѣ гг. М. Дмитріева, А. Глинки, Кулжинскаго и проч.

Между-тѣмъ незадолго до смерти великаго борца грянулъ, какъ нежданный ударъ грома, вопіющій фактъ, появленіе «Переписки съ друзьями» Гоголя, этой странной книги, гдѣ выразился не упадокъ таланта, что было бы хоть какъ-нибудь да объяснимо, а упадокъ духа. И въ комъ же? Въ томъ, на кого какъ на художественнаго вождя смотрѣлъ самъ Бѣлинскій, кѣмъ отрицаніе художественно узаконилось.

Между-тѣмъ такъ же въ литературѣ, въ выраженіи нашего сознанія, начали являться симптомы реакціи. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ симптомовъ было произведеніе несомнѣнно сильнаго, хотя и внѣшняго таланта, «Обыкновенная исторія», г. Гончарова.

Эти факты почти совпадали вмѣстѣ. Вскорѣ за ними воспослѣдовала смерть Бѣлинскаго. Мы не думаемъ придавать всему этому какого-либо мистическаго значенія, но какъ же не сказать, что тутъ очевидно кончалась одна эпоха и начиналась другая. Замѣтимъ такъ же, что первое появленіе одного изъ главныхъ дѣятелей послѣдующей эпохи, Островскаго, и формировка дѣятельности другого, Тургенева — относится къ этому же моменту. «Картина семейнаго счастія» и первыя «Записки охотника» явились въ 1847 году.

Эпоха предшествовавшая тоже какъ-будто собрала въ заключеніе дѣятельности всѣ свои силы. За годъ до того она въ «Бѣдныхъ людяхъ» и въ происшедшей отъ нихъ школѣ сентиментальнаго натурализма, и въ первыхъ стихотвореніяхъ Некрасова дала послѣдніе свои соки, блестящимъ образомъ повторила свои прежніе идеалы въ «Трехъ портретахъ» Тургенева и со всей энергіею сказала свое послѣднее слово въ романѣ: «Кто виноватъ?..» Никто не зналъ и конечно немогъ предугадывать, что сентиментальный натурализмъ разрѣшится впослѣдствіи «Мертвымъ домомъ», что протестъ Некрасова принадлежитъ уже къ другой эпохѣ. Еще менѣе можно было предугадать, что «Картина семейнаго счастія», напечатанная въ какомъ-то, даже и тогда малоизвѣстномъ изданіи (Московскій городской листокъ), — начало новаго ряда явленій.

Еслибы тогда кому-либо изъ насъ, людей той эпохи, пришли въ голову подобныя соображенія, они показались бы ужасною гилью.

Digitized by Google

Все кажется было такъ ясно, все шло какъ бы по плану. Отрицаніе побѣдоносно шло впередъ, подрывая основы всякаго существующаго безобразія — гражданскаго, религіознаго, нравственнаго, сословнаго. Отрицалось все — отрицалась вопервыхъ наша исторія, съ точки зрѣнія родового начала объявленная вѣчно несовершеннолѣтнею, что было еще малостью сравнительно съ точкой зрѣнія чаадаевской, съ которой она являлась безпутно и безповоротно сбившеюся съ колеи. Отрицались наши бытовыя преданія, нашъ пѣсенный и сказочный міръ, какъ тормазъ, препятствующій нашему развитію, какъ слѣдъ варварства. Отрицался нашъ семейный бытъ, какъ тина, въ которой глохнетъ все человѣческое. Отрицаніе не встрѣчало себѣ отпора и противодѣйствія.. Отпоръ ему звался обскурантизмомъ. Другой вопросъ — дѣйствительно ли всякій отпоръ былъ обскурантизмомъ; — но дѣло въ томъ, что такъ онъ звался; въ общемъ представленіи, онъ сливался съ направленіемъ Ѳ. Булгарина съ одной стороны и блаженной памяти «Маяка» съ другой.

Причина заключалась въ безсиліи всѣхъ другихъ направленій кромѣ отрицательнаго.

Мы не говоримъ о томъ направленіи, которое явно стояло на сторонѣ гнетущаго факта: оно уже этимъ самымъ стояло внѣ литературы. Но что же въ самомъ дѣлѣ сдѣлали, чѣмъ заявили себя другія направленія, имѣвшія литературное происхожденіе?

Школа Шишкова — петербургское славянофильство, — сосредоточившись въ «Маякѣ», логическою послѣдовательностью фактовъ вовлечено было въ величайшіе абсурды и не находя этимъ абсурдамъ никакого подкрѣпленія въ жизни и въ ея выраженіи, литературѣ, должно было *сочинять* свою литературу. Единственный даровитый литературный представитель этого направленія, Загоскинъ, скоро набилъ всѣмъ оскомину. Въ другихъ представителяхъ его не было ни даровитости, ни даже такта.

«Москвитянинъ» тѣхъ временъ представлялъ весьма странное явленіе, какъ во всѣ впрочемъ эпохи своего существованія. Никому въ литературѣ и даже въ жизни не были неизвѣстны передовыя по сущности убѣжденія его издателя, не были неизвѣстны даже и тѣмъ, кому знать о нихъ вовсе не слѣдовало; но съ демократизмомъ въ основахъ воззрѣнія, замѣчательный публицистъ соединялъ самые странные предразсудки: любовь къ преданіямъ и къ преемственной исторической связи переходила у него въ безразличное идолослуженіе, поклоненіе литературнымъ старичкамъ было сущее богопочтеніе. Дѣятельность его и направленіе журнала были полны вопіющихъ противорѣчій; о бокъ съ передовыми взглядами шли

Digitized by Google

тамъ всякій старый хламъ и всякое мракобѣсіе; о бокъ съ глубокой любовью къ народности русской, благоговѣніе къ общественнымъ и литературнымъ Фамусовымъ; о бокъ съ горячимъ сочувствіемъ къ Пушкину и Гоголю, педантская вражда къ Бѣлинскому, не учившемуся философіи по Бавмейстеру и риторикѣ по Бургію. На злобныя изображенія русскаго быта оппозиція «Москвитянина» сороковыхъ годовъ умѣла только сердиться до пѣны у рта, до непозволительныхъ стиховъ г. М. Дмитріева; въ литературѣ она выставляла только пѣснопѣнія г-жи Авдотьи Глинки, юридическія элегіи упомянутаго г. М. Дмитріева, да временами, pour égayer le public, произведеніе графини Ростопчиной. Единственный высокоталантливый человѣкъ этого направленія, Вельтманъ — стоялъ какъ-то особнякомъ, и когда появлялись его причудливыя и странныя произведенія, критика толковала о нихъ совершенно безъотносительно.

Славянофильство т. е. чистое, de pur sang славянофильство было въ ту эпоху нѣчто совершенно неопредѣленное, и самое отношеніе къ нему другихъ направленій было тоже неопредѣленно. Во главѣ его стояли люди какъ Хомяковъ и братья Кирѣевскіе, благородство образа мыслей которыхъ, даровитость и обширная образованность не подвергались сомнѣнію даже со стороны такъ-называемыхъ враговъ ихъ, т. е. западниковъ-отрицателей. Чувствовалось какъ-то всѣми, что кружокъ этихъ мыслителей вовсе не то что бывалое, шишковское славянофильство. Ни одно изъ замѣчательныхъ именъ этого кружка не появлялось въ органѣ старого шишковизма, въ «Маякѣ»; даже въ безолаберномъ «Москвитянинѣ» появлялись они рѣдко. Хомяковъ только отъ времени до времени помѣщалъ тамъ свои парадоксы, вродѣ выводовъ, что «угличане — англичане», да К. Аксаковъ являлся съ полемическими статьями въ отвѣтъ на статьи враждебнаго лагеря, — но и только. Разъ когда-то объявлено было, что и Кирѣевскій и другіе примутъ большое участіе въ «Москвитянинѣ», и при одномъ этомъ намекѣ о дѣйствительномъ участіи этого кружка въ редакціи измѣнился тонъ западниковъ въ отношеніи къ журналу. Помнились всѣмъ очень хорошо и «Европеецъ» И. Кирѣевскаго и его же глубокомысленная статья въ «Денницѣ», и близость К. Аксакова къ кружку покойнаго Станкевича...

Между тѣмъ, какъ только это особенное таинственное славянофильство выходило изъ своего туманнаго нимба на поприще настоящей дѣятельности, оно являлось съ удивительными положеніями о томъ, что Гоголь — Гомеръ и «мертвыя души» — Иліада или о томъ что «англичане-угличане» или затѣвало съ покойнымъ Грановскимъ горячій споръ о развратѣ средневѣковыхъ франковъ. Какъ

Digitized by Google

будто нарочно славянофильство, если высказывалось по временамъ, то высказывалось своими парадоксальными до уродливости сторонами. Когда мы говоримъ высказывалось, то разумѣемъ литературную агору, площадь, журналистику. Другой вопросъ — что̀ въ тишѝ, въ своемъ углу сдѣлало славянофильство. Эта тишь, этотъ уголъ были выходившіе по временамъ сборники: два московскихъ и историческій. Въ нихъ славянофильство хоронило лучшую свою дѣятельность, именно хоронило, ибо спеціальныя изданія, въ которыхъ вмѣсто литературы помѣщались переводы санскритскихъ драмъ, оставались тайною и для публики, испоконъ вѣка презираемой гордымъ и замкнутымъ направленіемъ, и для народа, любовь къ которому до-сихъ-поръ еще хочетъ оно обратить въ свою монополію. То что ловилось враждебнымъ лагеремъ были философско-историческіе парадоксы или полемическіе промахи славянофильства. Какъ и теперь, старобоярское направленіе отличалось ожесточенною враждою къ прожитой жизни и ея литературнымъ выраженіямъ, боготворило одного только Гоголя, видя въ немъ вовсе не то что видѣли столько же боготворившіе его западники, не высказывалось на счетъ Пушкина, видѣло гниль въ Лермонтовѣ и его направленіи.

Съ другой стороны славянофильство московское, гордо сторонясь отъ славянофильства петербургскаго и его мрачнаго органа «Маяка», не высказывало однако прямо своего къ нему несочувствія и какъ молчаніемъ своимъ, такъ и одинаковою съ нимъ враждою съ «гнилью» жизни, давало поводъ думать, что есть между этими двумя направленіями много общаго. Вопросъ не разъяснился окончательно еще досель, но теперь за славянофилами уже много сдѣланнаго; теперь сочувствіе къ нимъ даже «Домашней Бесѣды» не наброситъ на нихъ слишкомъ большой тѣни, но тогда было дѣло иное... Тогда враждебное направленіе ловило только ихъ промахи и парадоксы, забывая часто въ жару битвы о добросовѣстности, приписывало имъ мнѣнія, которымъ противорѣчили многіе факты. Парадоксы такимъ образомъ прорывались наружу, дѣло оставалось погребеннымъ въ московскихъ сборникахъ, чтеніяхъ общества исторіи древностей и проч.

Какъ всегда бываетъ во времена борьбы, славянофилы съ азартомъ отстаивали свои парадоксы и готовы были идти до крайнихъ крайностей. Бѣлинскій додразнилъ ихъ до святославки и мурмолки.

Таково было положеніе партій и взглядовъ передъ смертью великаго борца. На сторонѣ западничества было сочувствіе читающей массы, и главное все что въ литературѣ было замѣчательнаго. Не исчисляя дѣятелей слишкомъ извѣстныхъ, не говоря о томъ, что

Digitized by Google

Гоголя до его «переписки» западники съ большимъ правомъ чѣмъ ихъ противники могли считать вождемъ и главою, укажемъ только на тотъ вопіющій фактъ, что художникъ, обнаружившій въ своемъ творчествѣ наибольшее тогда знаніе русскаго быта, Лажечниковъ, по воззрѣнію своему былъ западникъ: въ «Новикѣ» поклонникъ Петра до фанатизма, въ «Басурманѣ» поклонникъ западной цивилизаціи. Правда, что въ высшемъ по силѣ творчества произведеніи своемъ, въ «Ледяномъ домѣ», онъ смутно проникался сочувствіемъ къ инымъ элементамъ, но этого въ эпоху борьбы не замѣчали и замѣчать не хотѣли. Западничество громогласно пѣло свою побѣдную пѣсню о томъ, что исторіи у насъ нѣтъ до Петра, что бытъ нашъ семейный и гражданскій — типа, въ которой глохнетъ и гибнетъ все человѣческое. Бѣлинскій, идя до геркулесовыхъ столповъ, самыя преданія наши, основы нашей бытовой самостоятельности объявилъ лишенными всякаго человѣческаго и поэтическаго значенія въ статьѣ о русскихъ пѣсняхъ и сказкахъ.

II

Торжество отрицательнаго направленія было повидимому полное и совершенное.

Тѣмъ полнѣе и совершеннѣе казалось оно, что выставляло за себя яркіе литературные факты, и во главѣ этихъ фактовъ былъ Гоголь, котораго отрицательное направленіе тогда присвоивало себѣ исключительно.

Фактъ этотъ былъ дѣйствительно въ высшей степени знаменателенъ.

Всякое дѣло получаетъ значеніе по плодамъ его и каковъ бы ни былъ талантъ поэта, одного только таланта какъ таланта еще недостаточно. Важное дѣло въ поэтѣ то, для чего у нѣмцевъ существуетъ общепонятный и общеупотребительный терминъ: Weltanschauung и что у насъ tant bien que mal переводится *міросозерцаніемъ*.

Міросозерцаніе или проще взглядъ поэта на жизнь не есть что-либо совершенно личное, совершенно принадлежащее самому поэту. Широта или узость міросозерцанія обусловливается эпохой, страной, однимъ словомъ временными и мѣстными историческими обстоятельствами. Геніальная натура, при всей своей крѣпкой и несомнѣнной самости или личности, является такъ-сказать фокусомъ, отражающимъ крайніе *истинные* предѣлы современнаго ей мышленія, послѣднюю *истинную* степень развитія общественныхъ поня-

Digitized by Google

тій и убѣжденій. Это мышленіе, эти общественныя понятія и убѣжденія возводятся въ ней по слову Гоголя въ «перлъ созданія», очищаясь отъ грубой примѣси различныхъ уклоненій и односторонностей. Геніальная натура носитъ въ себѣ какъ бы кладъ всего неперемѣннаго что есть въ стремленіяхъ ея эпохи. Но отражая эти стремленія, она не служитъ имъ рабски, а владычествуетъ надъ ними, глядя яснѣе многихъ впередъ. Противорѣчія примиряются въ ней высшими началами разума, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и безконечная любовь.

Отношеніе такой геніальной натуры къ окружающей ее и отражающейся въ ея созданіяхъ дѣйствительности, только на первый взглядъ представляется иногда враждебнымъ. Вглядитесь глубже, и во враждѣ, въ жолчномъ негодованіи уразумѣете вы любовь, только разумную, а не слѣпую; за мрачнымъ колоритомъ картины ясно будетъ сквозить для васъ сіяніе вѣчнаго идеала и къ изумленію вашему нравственно выше, благороднѣе, чище выйдете вы изъ адскихъ терзаній Отелло, изъ безвыходныхъ мукъ моральнаго безсилія Гамлета, изъ грязной тины мелкихъ гражданскихъ преступленій въ Ревизорѣ, и пусть холодъ сжималъ ваше сердце при чтеніи «Шинели»: вы чувствуете, что этотъ холодъ освѣжилъ и отрезвилъ васъ, и нѣтъ въ вашемъ наслажденіи ничего судорожнаго и на душѣ у васъ какъ-то торжественно. Міросозерцаніе поэта, невидимо присутствующее въ созданіи, примирило васъ, уяснивши вамъ смыслъ жизни. Поэтому-то созданіе истиннаго художника въ высокой степени нравственно, не въ томъ конечно пошломъ и условномъ смыслѣ, надъ которымъ по-дѣломъ смѣется нашъ вѣкъ; избави васъ небо отъ той нравственности, которая пожалуй до сихъ поръ еще готова видѣть въ Пушкинѣ безнравственнаго поэта и въ герояхъ его уголовныхъ преступниковъ, которая до сихъ поръ еще пожалуй не прощаетъ Мольеру его Тартюфа и доискивается атеизма въ Шекспирѣ. Нѣтъ, созданіе истиннаго художника нравственно въ томъ смыслѣ, что оно живое созданіе. Оживите передъ вами лица шекспировыхъ драмъ, обойдитесь съ ними, какъ съ живыми личностями, призовите ихъ вторично на судъ и вы убѣдитесь, что Немезида, покаравшая или помиловавшая ихъ, полна любви и разума. Даже не нужно и убѣждаться въ томъ что совершенно непосредственно сознается, осязательно чувствуется.

Въ сердцѣ у человѣка лежатъ простыя вѣчныя истины, и по преимуществу ясны онѣ истинно геніальной натурѣ. Отъ этого и сущность міросозерцанія одинакова у всѣхъ истинныхъ представителей литературныхъ эпохъ, — различенъ только цвѣтъ. Одну и т -

Digitized by Google

же глубокую, живую вѣру и правду, одно и тоже тонкое чувство красоты и благоговѣнія къ ней встрѣтите вы въ Шекспирѣ, въ Гоголѣ, въ Гете и въ Пушкинѣ; таже самая нота звучитъ и въ напряженномъ пафосѣ Гоголя, и въ мѣрно-ровномъ, блестящемъ теченія творчества Гете и въ благоуханной простотѣ Пушкина и въ строго-безукоризненномъ величіи Шекспира. Различіе можетъ быть только въ степени и въ цвѣтѣ чувствованія. Мы вѣримъ Гете, когда слышимъ изъ устъ его слово его жизни, спокойное и твердое слово юноши-старца и понимаемъ, что эта великая натура вопреки воплямъ Менцелей и писку разныхъ насѣкомыхъ, отъ сердца сказала: «о высокихъ мысляхъ и чистомъ сердцѣ должны мы просить Бога». Мы вѣримъ Пушкину, когда говоритъ онъ намъ:

Но не хочу, о други, умирать
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.
И знаю, будутъ мнѣ минуты наслажденья
Средь горестей, заботъ и треволненья.

Мы повсюду за живыми лицами шекспировыхъ драмъ сочувствуемъ великой личности самаго творца и внимаемъ разумно-любовному слову жизни; мы слышимъ тоску по идеалѣ въ созданіяхъ Гоголя, все-равно съ кѣмъ ни знакомитъ онъ насъ, съ Тарасомъ ли Бульбой или съ Маниловымъ или Акакіемъ Акакіевичемъ. Таинственное чутье указываетъ геніальной натурѣ предѣлы въ созданіи, и это охраняетъ ее отъ двухъ золъ: отъ рабской копировки явленій жизни и отъ ходульной идеализаціи; это заставляетъ ее остановиться вовремя, это наконецъ хранитъ въ ней самой такъ свято, такъ неприкосновенно, завѣщанное ей ея слово жизни... Одна бы кажется недомолвка, и Акакій Акакіевичъ поразилъ бы насъ не трагическимъ, а сантиментально-плаксивымъ впечатлѣніемъ; лишняя минута въ жизни Татьяны, или лишній порывъ въ простомъ разсказѣ о «капитанской дочкѣ», и эти созданія потеряли бы свою недосягаемую простоту; немного гуще краски въ изображеніи Офеліи или Дездемоны, и гармонія, цѣлость, полнота Отелло и Гамлета были бы нарушены.

Истинный художникъ самъ вѣруетъ въ разумность создаваемой имъ жизни, свято дорожитъ правдою и оттого мы въ него вѣруемъ, и оттого въ прозрачномъ его произведеніи сквозитъ очевидно созерцаемый имъ идеалъ: фигуры его рельефны, но не до такой степени, чтобы прыгали изъ рамъ; за ними есть еще что-то, что зоветъ насъ къ безконечному, что ихъ самихъ связываетъ незримою связью съ безконечнымъ. Однимъ словомъ, какъ говоритъ Гоголь въ своемъ глубокомъ по смыслу «Портретѣ», предметы ви-

Digitized by Google

димаго міра отразились сперва въ душѣ самого художника и оттуда уже вышли не мертвыми сколками съ видимыхъ явленій, а живыми, самостоятельными созданіями, въ которыхъ, какъ Гоголь же говоритъ, «просвѣчиваетъ душа создавшаго».

Гоголь, одна изъ такихъ предызбранныхъ геніальныхъ натуръ, пояснилъ намъ отчасти процесъ такого извнутри выходящаго творчества. Вотъ это многознаменательное, хотя болѣзненное признаніе, подавшее поводъ въ свое время къ различнымъ толкамъ. Великій художникъ яснѣе и враговъ своихъ и поклонниковъ опредѣляетъ здѣсь и свойство и значеніе своего таланта и пружины своего творчества, и наконецъ даже свою историческую задачу (Переп. съ друзьями стр. 141).

«Герои мои — говоритъ Гоголь — потому близки душѣ, что они изъ души; всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души. А чтобы получше все это объяснить, опредѣлю тебѣ самого себя какъ писатель. Обо мнѣ много толковали, разбирали кое-какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ. Вотъ мое главное свойство, одному мнѣ принадлежащее и котораго нѣтъ у другихъ писателей.»

Останавливаемся нѣсколько здѣсь и замѣтимъ, что поэтъ напрасно боялся открыть это душевное обстоятельство. Оно по нашему мнѣнію относится не къ человѣку-Гоголю, а къ художнику, въ широкой натурѣ котораго были заключены и «добрая и злая». Гоголь какъ художникъ долженъ былъ быть таковымъ, чтобы сказать міру свое слово и все что говоритъ онъ о себѣ, какъ о человѣкѣ, должно относить къ художнику.

«Итакъ вотъ въ чемъ мое главное достоинство — продолжаетъ онъ — но достоинство это, говорю, вновь не развилось бы во мнѣ въ такой силѣ, еслибы съ нимъ не соединилось мое собственное душевное обстоятельство и моя собственная душевная исторія. Никто изъ читателей моихъ не зналъ, что смѣясь надъ моими героями, онъ смѣялся надо мною.»

«Во мнѣ не было какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, который бы высунулся виднѣе всѣхъ моихъ прочихъ пороковъ, все равно, какъ не было также никакой картинной добродѣтели, которая могла бы придать мнѣ какую-нибудь картинную наружность, но зато вмѣсто того во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадостей, каждой по немногу, и притомъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ Богъ далъ мнѣ мно-

Digitized by Google

гостороннюю природу. Онъ поселилъ мнѣ также въ душу уже отъ рожденія моего нѣсколько хорошихъ свойствъ, но лучшее изъ нихъ было желаніе быть лучшимъ. Я сталъ — говоритъ далѣе поэтъ — надѣлять своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ ни попало. Еслибы кто видѣлъ тѣ чудовища, которыя выходили изъ подъ пера моего въ началѣ, для меня самого, онъ бы точно содрогнулся».

Здѣсь мы оставляемъ нравственную лично-человѣческую сторону, забываемъ странное смѣшеніе признаній нравственныхъ съ эстетическими, беремъ эти мѣста какъ матерьялъ, бросающій ясный свѣтъ на процесъ художническаго творчества, о чемъ Гоголь разумѣется не думалъ въ своей странной книгѣ. Для насъ это ключъ къ геніальной натурѣ и къ ея творчеству. Двѣ черты ярко обозначаются въ этомъ саморазложеніи: съ одной стороны природа многосторонняя, въ которой божій міръ отражается со всѣмъ разнообразіемъ дурного и хорошаго, съ другой стороны природа сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болѣзненно раздражительная. Эта сосредоточенная страстность, эта способность болѣзненно, т. е. слишкомъ чутко отзываться на все, и составляетъ, вмѣстѣ съ постояннымъ стремленіемъ къ идеалу, особенный цвѣтъ гоголевской геніальности. Гете спокойно, ясно отражалъ въ себѣ дѣйствительность и, столько же многообразная, но сангвиническая натура, отбрасывалъ ее отъ себя, какъ шелуху, высвобождаясь безпристрастно изъ-подъ ея вліянія, установляя въ себѣ одномъ центръ. Пушкинъ былъ чистымъ, возвышеннымъ и гармоническимъ эхомъ всего, все претворяя въ красоту и гармонію. Шекспиръ постоянно можетъ-быть носилъ въ себѣ свѣтлый характеръ Генриха V и какъ тотъ изъ отношеній съ Фольстафомъ выходилъ цѣлъ и съ яснымъ челомъ, съ вѣчнымъ сознаніемъ собственныхъ силъ, изъ мукъ Макбета, Отелло и Гамлета. Гоголю даю было всѣ язвы износить на себѣ и слѣды этихъ язвъ вѣчно въ себѣ оставить. Натура холерически-меланхолическая, склонная къ безконечной вдумчивости, подверженная борьбѣ со всѣми темными началами и между тѣмъ сама въ себѣ носящая залогъ спасенія, «желаніе быть лучшимъ», стремленіе къ идеалу, стремленіе, обусловленное въ своей возможности той же страстностью и раздражительностью. Какъ до непомѣрно громадныхъ размѣровъ разрастаются въ этой душѣ различныя противорѣчія дѣйствительности, такъ от-

Digitized by Google

зывается она и на красоту, истину и добро. Творецъ Акакія Акакіевича съ тѣмъ вмѣстѣ и жарко чувствуетъ красоту Аннунціаты, хотя по особенному свойству таланта не въ силахъ создать самъ живого образа красоты.

Въ одну изъ страшныхъ минутъ своей моральной жизни эта великая натура высказала стонами и воплями свое отношеніе къ идеалу.

«Замираетъ отъ ужаса душа — говоритъ поэтъ, какъ бы поражаемый огнемъ той таинственной любви, которая и свѣтитъ тихимъ свѣтомъ, и жжотъ пламенемъ неугасимымъ, и поражаетъ какъ мечь обоюду острый — при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, передъ которыми пыль все величіе его твореній, здѣсь вами зримыхъ и васъ пазумляющихъ. Стонетъ весь умирающій составъ мой, чуя исполинскія возрастанія и плоды, которыхъ сѣмена мы сѣяли въ жизни, не подозрѣвая и не слыша, какія страшилища отъ нихъ подымутся.»

Отношеніе подобной натуры въ дѣйствительности, ее окружающей и ею отражаемой, опять-таки по ея же свойству въ юморѣ и притомъ въ юморѣ страстномъ, гиперболическомъ. Историческая задача ея была: сказать, что «дрянь и тряпка сталъ всякъ человѣкъ», «выставляя пошлость пошлаго человѣка», свести съ ходуль такъ-называемаго добродѣтельнаго человѣка, уничтожить все фальшивое самообольщеніе, привести однимъ словомъ къ полному христіанскому сознанію; но спокойно и безстрастно, она этого сдѣлать не могла.

Комизмъ Гоголя не то что комизмъ другихъ комиковъ. Идеалъ, во имя котораго онъ относился съ этимъ комизмомъ къ явленіямъ дѣйствительности, стоялъ слишкомъ высоко, а формъ для осуществленія этого идеала у него не было, и вотъ почему все суровѣе и суровѣе смотрѣлъ художникъ на жизнь, все рѣзче и рѣзче разоблачалъ онъ дѣйствительность во имя главнаго идеала.

Что такое былъ комизмъ до Гоголя?.. Переберемте всѣхъ великихъ комиковъ новой исторіи, мы не найдемъ ничего подобнаго ни этому взгляду на жизнь, ни этой страшной силѣ юмора.

Сравните Гоголя хоть съ комикомъ, котораго недаромъ же цѣлая, развитая, передовая въ цивилизаціи нація считаетъ доселѣ первымъ въ своемъ родѣ, который дѣйствительно былъ до такой степени комикомъ своего народа, что доселѣ не умолкъ вопль на него езуитовъ за его «Тартюфа», сравните Гоголя съ Мольеромъ, какъ относительно взгляда на жизнь такъ и относительно силы комическаго юмора. Комизмъ Мольера, совсѣмъ другого рода комизмъ и ужь безъ сомнѣнія низшій родъ комизма, если сличить его съ гого-

Digitized by Google

левскимъ комизмомъ; какой-то внѣшній, вооружающійся на условныя понятія во имя такихъ же условныхъ, только поръ-роялскихъ понятій. Самому ханжеству «Тартюфа», этому сильному порыву мольеровскаго комизма, противополагается общественная честность Клеанта, условная, ограниченная, сухая честность: Мизантропъ въ сущности хлопочетъ изъ сущихъ пустяковъ; нравственный Аристъ, противоположный спятившему съ ума Сгапарелю въ «Школѣ мужей», проповѣдуетъ сухія и дешовыя сентенціи во имя удобной и дешовой морали общественнаго благоразумія.

Понятіе Мольера о любви и женщинѣ, благодаря его собственнымъ горькимъ опытамъ, такъ благоразумно-грубы, что выражаются рѣшительно въ циническихъ правилахъ.

Наконецъ самыя условныя понятія комика о добрѣ и злѣ такъ неопредѣленны, что ему ничочемъ стать иногда на сторону одной безнравственности противъ другой, на сторону гарпагонова сына противъ Гарпагона напримѣръ, и всегда на сторону расчетливой безнравственности противъ безрасчетной глупости. Если такъ не опредѣлено отношеніе комика къ тому, во имя чего онъ дѣйствуетъ, то еще неопредѣленнѣе отношеніе его къ тому, надъ чѣмъ онъ смѣется въ дѣйствительности: его поражали не настоящія уклоненія отъ идеала, а опять-таки условныя.

Комизмъ гоголевскій есть явленіе совершенно единственное въ самой манерѣ и въ самыхъ пріемахъ комика. Основы «Ревизора», скачки Подколесина въ окно и другихъ чертъ вы не найдете ни у кого. Основа напримѣръ «Ревизора», скачекъ Подколесина вѣрны до той психологической вѣрности, которая становится уже дерзостью. Такая особенность и смѣлость пріемовъ обусловлена самою сущностью комическаго міросозерцанія Гоголя, состоящею въ постоянномъ раздвоеніи сознанія, въ постоянной готовности комика себя самаго судить и повѣрять во имя чего-то иного, постоянно для самого себя объектироваться. Дѣйствительность повѣрялась въ душѣ комика идеаломъ, у котораго не было формъ. Немудрено, что послѣ такой повѣрки она принимала тѣ колосально-комическіе размѣры, которые придавала ей горячая и раздражонная фантазія. Поэтому-то гоголевскія произведенія вѣрны не дѣйствительности, а общему смыслу дѣйствительности въ противорѣчіи съ идеаломъ: въ обыкновенной жизни нѣтъ Хлестакова, даже какъ типа; въ обыкновенной жизни и Земляника даже на вопросъ Хлестакова: Вы кажется вчера были меньше ростомъ? отвѣтитъ: «Очень можетъ быть-съ»; въ обыкновенной жизни даже и подобная матушка, какая выставлена въ «отрывкѣ», разсказавши о смертной обидѣ, заключающейся въ томъ, что сынъ ея штатскій, а

Digitized by Google

не юнкеръ, не скажетъ: «истинно одна только вѣра въ Провидѣніе поддержала меня» и т. д.; въ обыкновенной жизни ни одинъ, самый слабохарактерный изъ Подколесиныхъ не убѣжитъ отъ невѣсты въ окно и т. д. Все это не просто дѣйствительность, но дѣйствительность возведенная въ перлъ, ибо она прошла черезъ горнило сознанія. И въ этомъ одинъ только Шекспиръ по психологическимъ пріемамъ и формамъ однороденъ съ Гоголемъ, и въ этомъ смыслѣ Шекспиръ столько же мало натураленъ, какъ Гоголь. Какой Макбетъ въ дѣйствительности, зарѣзавши Дункана, будетъ выражаться такъ:

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, невинный сонъ,
Зарѣзалъ искупителя заботъ,
Цѣлебный бальзамъ для больной души,
Великаго союзника природы,
Хозяина на жизненномъ пиру...

но какъ дѣйствительнѣе можно было выразить весь ужасъ души Макбета, глубокой и могучей души, передъ его дѣломъ?.. Какъ Шекспиръ, такъ и Гоголь заботились только о поэтической вѣрности, и какъ того, такъ и другого долго еще будутъ близорукіе судьи упрекать въ натуральности постройки «Лира», въ нелѣпости завязки «Ревизора», въ гиперболизмѣ чувствъ и выраженій. Въ самомъ дѣлѣ какая любовница можетъ говорить такъ какъ Джульета, какой любовникъ, входя въ садъ любовницы будетъ говорить:

Смѣется тотъ надъ ранами, кто самъ
Не вѣдалъ ихъ... и т. д.

восклицаніе: «Ахъ!» съ одной стороны, и другое: «Ахъ!» съ другой, было бы гораздо натуральнѣе безъ сомнѣнія. Но Шекспиръ и Гоголь досказываютъ человѣку то что онъ думаетъ, что можетъ-быть зачинается въ его душѣ...

Когда Гоголь впервые вступилъ въ литературное поприще съ своими «Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки», — это были еще юношескія, свѣжія вдохновенія поэта, свѣтлыя, какъ украинское небо: все въ нихъ ясно и весело, самый юморъ простодушенъ и поэтиченъ; еще не слыхать того грустнаго смѣха, который послѣ является единственнымъ честнымъ лицомъ въ произведеніяхъ Гоголя, и самое особенное свойство таланта поэта, «свойство очертить всю пошлость пошлаго человѣка», выступаетъ здѣсь еще наивно и добродушно, и легко и свѣтло оттого на душѣ читателя, какъ свѣтло и легко на душѣ самого поэта: надъ нимъ какъ-будто еще развернулось синимъ шатромъ его родное небо, онъ еще вдыхаетъ благоу-

Digitized by Google

ханіе черемухъ своей Украйны. Зѣсь проявляется въ особенности необычайная тонкость его поэтическаго чувства. Можетъ-быть ни одинъ писатель не одаренъ былъ такимъ полнымъ, гармоническимъ сочувствіемъ съ природою, ни одинъ писатель не постигъ такъ пластической красоты, красоты полной, «существующей для всѣхъ и каждаго», никто наконецъ такъ не полонъ былъ сознаній о «прекрасномъ» физически и нравственно человѣкѣ, какъ этотъ писатель, призванный очертить пошлость пошлаго человѣка, и потому самому ни одинъ писатель не обдаетъ души вашей такой тяжолой грустью, какъ Гоголь, когда онъ, какъ безпощадный анатомикъ, по частямъ разнимаетъ человѣка... Въ «Вечерахъ на хуторѣ» еще не видать этого безпощаднаго анализа: юморъ еще только причудливо граціозенъ: въ гомерическомъ ли изображеніи пьянаго Каленика, отплясывающаго гопака на улицѣ въ майскую ночь, въ простодушномъ ли очеркѣ характера Ивана Федоровича Шпоньки, въ которомъ таится уже однако зерно глубокаго созданія характера Подколесина. Въ этомъ бытѣ, простомъ и вмѣстѣ поэтическомъ бытѣ Украйны, поэтъ еще видитъ свою красавицу Оксану, свою Галю — чудное существо, которое спитъ въ «божественную ночь, очаровательную ночь», спитъ распустивъ черныя косы подъ украинскимъ небомъ, когда на этомъ небѣ «серпомъ стоитъ мѣсяцъ», тутъ все еще полно таинственнаго обаянія, и прозрачность озера и фантастическія пляски вѣдьмъ, и ликъ утопленицы-панночки, запечатлѣнный какой-то свѣтлой грустью. А сорочинская ярманка съ ея шумомъ и толкотнею, а кузнецъ Вакула, а исполинскіе образы двухъ братьевъ Карпатскихъ горъ, осужденныхъ на страшную казнь за гробомъ, эти дантовскіе образы народныхъ преданій. Все это еще то свѣтло, то таинственно и обаятельно-чудно, какъ лепетъ ребенка, какъ сказки народа.

Но не долго любовался поэтъ этимъ бытомъ, радовался безпечной радостью художника, воссоздавая этотъ бытъ. Онъ кончилъ его апотезу эпопеею о «Тарасѣ Бульбѣ» и «легендой о Віѣ», гдѣ вся природа его страны говоритъ съ нимъ шелестомъ травъ и листьевъ въ прозрачную лѣтнюю ночь, и гдѣ между тѣмъ въ тоскѣ безысходной, въ замираніи сердца, мчащагося съ вѣдьмою по безконечной степи философа Хомы-Брута, слышится тоска самаго поэта и невольно переходитъ на читателя. Уже и здѣсь Гоголь взглянулъ окомъ аналитика на дѣйствительность: простодушно, какъ прежде, припялся было онъ чертить истинно-человѣческія фигуры Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и остановился въ тяжоломъ раздумьѣ надъ страшнымъ трагическимъ fatum, лежащимъ въ самой непосредственности ихъ отношенія, — съ гиперболически-веселымъ

Digitized by Google

юморомъ изобразилъ безплодныя существованія Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, и кончая свою картину, вынужденъ былъ однако воскликнуть: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Съ этой минуты онъ уже взялъ въ руки анатомическій ножъ, съ этой минуты обильно потекли уже «сквозь зримый міру смѣхъ» «незримыя слезы». Гиперболическій юморъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ своихъ въ «Носѣ», оригинальнѣйшемъ и причудливѣйшемъ произведеніи, гдѣ все фантастично и вмѣстѣ съ тѣмъ все въ высшей степени поэтическая правда, гдѣ все понятно безъ толкованія, и гдѣ всякое толкованіе убило бы поэзію...

Все глубже и глубже опускался скальпель анатомика и наконецъ въ «Ревизорѣ», одинъ уже смѣхъ только выступилъ честнымъ и карающимъ лицомъ, а между тѣмъ тому, кто понимаетъ великое общественное значеніе этой комедіи (а кто же не понимаетъ его теперь, и для кого оно не уяснилось?), очевидны сквозь этотъ смѣхъ слезы. Вся эта бездна мелочныхъ, но въ массѣ тяжкихъ грѣховъ и преступленій, разверзающаяся съ ужасающею постепенностью передъ глазами зрителей, прежде спокойная, невозмутимая, какъ болотная тина, и словно развороченная однимъ прикосновеніемъ пустого проѣзжаго чиновника изъ Петербурга, этотъ страхъ передъ призракомъ, принятымъ за дѣйствительную грозу закона, глубокій смыслъ того факта, что тревожная совѣсть городскихъ властей ловится на такую бренную удочку, все это ясно и понятно уже каждому въ наше время; что же касается до господъ, до-сихъ-поръ можетъ-быть удивляющихся тому, какъ могъ городничій, обманувшій трехъ губернаторовъ, принять за ревизора проѣзжаго свища, то остается только поливиться чистотѣ ихъ совѣсти, которую никогда не тревожили призраки, вызванные ея собственнымъ тревожнымъ состояніемъ.

III

Опредѣляя существо поэтической натуры Гоголя, мы опредѣляли ближайшую исходную историческую точку цѣлаго литературнаго періода, ближайшую, говоримъ мы, ибо, чтобы опредѣлить первоначальную, надобно было бы вести рѣчь отъ яицъ Леды. Кто не чувствуетъ, что зерно тѣхъ близкихъ отношеній поэта къ дѣйствительности повседневной, какія явились въ созданіяхъ Гоголя, заложено и въ «Повѣстяхъ Бѣлкина», и въ «Капитанской дочкѣ», и въ «Лѣтописи села Горохова»; что грубые такъ-сказать сырые матерьялы положимъ хоть бурсаковъ въ Віѣ, найдете вы въ произ-

Digitized by Google

веденіяхъ Нарѣжнаго, что Нарѣжный съ своей стороны тоже обусловленъ извѣстными историческими обстоятельствами и т. д.

Но между тѣмъ отъ Гоголя собственно ведетъ свое начало весь тотъ многообразный, болѣе или менѣе удачный и разносторонній анализъ явленій повседневной, окружающей насъ дѣйствительности, стремленіе къ которому составляетъ собою законъ настоящаго литературнаго процесса; все что есть живого въ произведеніяхъ современной словесности, отсюда ведетъ свое начало.

Слово лермонтовской дѣятельности, несмотря на все его значеніе, исчерпывало себя весьма скоро. Это слово было протестъ личности противъ дѣйствительности, протестъ, вышедшій не изъ яснаго сознанія, а изъ условій напряженнаго до извѣстной степени болѣзненности развитія самой личности.

Слово борьбы безъ основъ, страданій безъ исхода, жажды безъ удовлетворенія, слово, котораго значенье «темно иль ничтожно», но которому дѣйствительно невозможно было «внимать безъ волненья», слово, которое въ самомъ поэтѣ должно было и къ сожалѣнію не успѣло выгорѣть и очиститься, слово вражды, которая конечно не можетъ же быть состояніемъ нормальнымъ, особенно если пружины ея заключены въ безмѣрно-выдавшейся личности, это слово оставило въ памяти нашей слѣдъ какого-то смутнаго, тревожнаго сновидѣнія. Разобщенное вполнѣ съ бытовою дѣйствительностью, это слово сказалось за разъ, само себѣ положило геркулесовы столбы, идти за которые значило идти къ абсурду. Нашлись дѣйствительно люди повидимому довольно смѣлые, но въ сущности только увлеченные, которые шагнули за эти столпы, но впали или въ смѣшное, какъ авторы Тамариныхъ, Левиныхъ и другихъ героевъ громового безочарованья, или въ безобразный фатализмъ, какъ авторы разныхъ произведеній, имѣвшихъ большой успѣхъ, благодаря напряженности мысли, и теперь совершенно уже забытыхъ. Все что Лермонтовъ успѣлъ сказать, онъ сказалъ какъ поэтъ — поэтъ истинный и новый, какимъ былъ онъ въ возможности; не его вина, что онъ не успѣлъ сказать большаго, и что сказанное имъ повторялось на тысячу разныхъ ладовъ. Не его вина, что его дѣйствительныя страданія въ немъ самомъ еще не перегорѣвшія, взяты были на прокатъ другими, доведены до смѣшного, истасканы и опошлены какъ прихоть моды; не его вина, что слышался повсюду нескладный вой про гордое страданье, что каждый юноша, не въ мѣру попользовавшійся жизнью, толковалъ о правѣ проклятія, или воображалъ себя пророкомъ, въ котораго ближніе «кидаютъ бѣшено каменья». Вѣроятно самому поэту, еслибъ онъ дожилъ до этого,

Digitized by Google

Все это стало бы смѣшно
Когда бы не было такъ грустно...

Въ самомъ дѣлѣ, что ни возьмете вы изъ произведеній его послѣдователей-лириковъ или повѣствователей, вы вездѣ увидите только повтореніе, расположеніе, или лучше-сказать разжиженіе лермонтовскихъ мыслей. Къ какимъ мальчишески-заносчивымъ упражненіямъ подали поводъ многія изъ его стихотвореній! Нѣтъ возможности перечислить повѣстей (о стихотвореніяхъ ужь и говорить нечего), написанныхъ на тему «любви безъ радостей и безъ печали» на тему «дубоваго листка и молодой чинары», на тему стараго утеса, глубоко задумавшагося о ночевавшей на вершинѣ его золотой тучкѣ и т. д.; нѣтъ возможности перечислить также всѣхъ женскихъ прихотей, въ которыя развились у послѣдователей поэта причуды Печорина, и нѣтъ никакого желанія напоминать тѣ произведенія, которыя доводили до нелѣпости фатализмъ Печорина, подъ видомъ глубокаго анализа души человѣческой, — произведенія, уродливыя даже въ художественномъ отношеніи и гнилыя въ отношеніи психологическомъ. Анализъ работалъ тутъ не надъ живою дѣйствительностью, а надъ миражемъ, надъ призракомъ собственнаго насильственно-напряженнаго воображенія.

Съ художественной стороны эти произведенія были безобразны, потомучто въ нихъ все приносилось въ жертву наперекъ заданной темѣ, потомучто они писались для потѣхи праздная остроумія, выдаваемаго за глубокомысліе, что въ нихъ все окружавшее героевъ и героинь малевалось карикатурно; сами же, казенно-протестующіе противъ дѣйствительности герои и героини чуть что не носили ярлыковъ на лбу. Безобразны они были наконецъ и потому, что въ нихъ психологическій вопросъ поставлялся не такимъ, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, а какимъ угодно было видѣть его автору.

Но изъ ряда ихъ выходили факты, хотя не прямо исходившіе изъ лермонтовскаго направленія, но родственные съ нимъ, имѣвшіе свое самостоятельное значеніе.

Это были факты лиризма той эпохи, факты, на которыхъ какъ на проявленіяхъ силъ слѣдуетъ намъ остановиться, тѣмъ болѣе, что съ нѣкотораго времени къ нимъ стали относиться совершенно несправедливо.

И тутъ, минуя силы весьма нами уважаемыя, но неимѣвшія прямого отношенія къ отрицательному направленію, каковъ напримѣръ талантъ Майкова — мы остановимся на двухъ или трехъ поэтахъ, въ которыхъ сказалась личность съ ея напряженно, иногда до болѣзненнаго каприза развившимися требованіями.

Digitized by Google

И прежде всего конечно, почти на первомъ планѣ, не по силѣ, но по глубокой искренности таланта является здѣсь Огаревъ, пожалованный нынѣ «Русскимъ Вѣстникомъ» въ пензенскіе стихотворцы.

Огаревъ, поэтъ дѣйствительно по преимуществу, въ самомъ прямомъ смыслѣ слова, съ тою искренностью чувства, съ тою глубиною мотивовъ, которые невольно сообщаются всякому читающему его, поэтъ сердечной тоски, не той тоски à la Гейне, которая у нѣкоторыхъ звучитъ чѣмъ-то непріятно-фальшивымъ и приторно-принужденнымъ, не той тоски à la Лермонтовъ, которая такъ страшна у Лермонтова и такъ жалка у его подражателей, тоски, раздувающей собственныя страданія, надменно выставляющей гной душевныхъ ранъ

На диво черни простодушной,

тоски, которая подобна, по слову Баратынскаго,

Женщинѣ безстыдной
Съ чужимъ ребенкомъ на рукахъ...

нѣтъ! не такой тоски поэтъ-Огаревъ: его тоска — тоска сердца безконечно-нѣжнаго, безконечно способнаго любить и вѣрить, и разбитаго противорѣчіями дѣйствительности, сердца, которое даже не порѣшило дѣла такъ, что оно одно право, а дѣйствительность во всемъ виновата. Вотъ въ чемъ заключается неотразимое обаяніе, постоянная сила этихъ, какъ-будто случайно брошенныхъ въ міръ поэтомъ пѣсенъ, часто даже съ замѣчательнымъ пренебреженіемъ къ формѣ, къ стиху, къ ясности выраженія — вотъ что дѣлаетъ ихъ самыми искренними пѣснями эпохи...

Вы сами тысячу разъ повторите за поэтомъ:

Опять любви безумной сердце проситъ
Любви горячей, вѣчной и святой...

Въ васъ самихъ, поколику вы дитя своего вѣка, возникаетъ постоянно мучительная жажда ввидѣ неразрѣшимаго или мучительной же, неудовлетворимой жаждой разрѣшающагося вопроса:

Чего хочу, чего? О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется, порой, ихъ внутренней тревогой
Сожжотся мозгъ и разорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою...

Въ немъ обрѣтаете вы голосъ, слово, пѣсню для этого вопроса — онъ вашъ поэтъ, вашъ *душевный* поэтъ... Онъ, постоянно онъ, вспомнится вамъ во всякую скорбную минуту жизни; онъ пойдетъ

съ вами рука объ руку въ ваше прошедшее, въ старый домъ, гдѣ вы жили когда-то, онъ будетъ плакать съ вами, будетъ ждать

Знакомыхъ мертвецовъ
Не встанутъ ли вдругъ кости,
Съ портретныхъ рамъ, изъ тьмы угловъ
Не явятся ли въ гости?..

Онъ же откликнется вамъ весенней порой, когда ваше сердце болѣзненно тревожитъ воспоминаніе, когда впечатлительнѣй вы на все, даже на мечты, которымъ никогда не осуществиться:

Я птичку каждый годъ
Встрѣчаю, спрашиваю, гдѣ летала?
Кто любовался ей? какой народъ?
Не въ той ли сторонѣ прекрасной побывала,
Гдѣ небо ярко, вѣчная весна,
Гдѣ море блещетъ искрясь и синѣя;
Гдѣ лавровъ гордыхъ тянется алея,
Далекая, волшебная страна!
И жду я праздника... На вѣткѣ гибкой
Листъ задрожитъ и будетъ шуменъ лѣсъ,
Запахнетъ ландышъ у корней древесъ
И будетъ утро съ свѣтлою улыбкой
Вставать прохладно, будетъ жарокъ день
И ясенъ вечеръ, и ночная тѣнь
Когда наляжетъ, — будетъ мѣсяцъ томный,
Гулять спокойно по лазури темной,
Надъ озеромъ прозрачный паръ взойдетъ
И соловей до утра пропоетъ...

Понятно, что вы безъ внутренняго волненія, безъ слезъ невольныхъ не можете читать этихъ безыскуственныхъ и между тѣмъ плѣнительныхъ стиховъ; понятно, потомучто вслѣдъ за ними, вамъ какъ поэту

Наполнитъ душу сладкое томленье
И встанутъ вновь забытыя видѣнья...

Поэтъ вашъ повсюду съ вами, на дорогѣ, гдѣ вы встрѣтили призракъ, какъ-будто вставшій изъ туманной дали, призракъ, увидавши который вы станете тревожно повторять свою жизнь, сквозь тьму глядя на ликъ едва замѣтный...

И снова былъ я молодъ, и привѣтно
Кругомъ съ улыбкой божій міръ взиралъ,
И я любилъ такъ полно и глубоко...

онъ же пояснитъ вамъ, разоблачитъ передъ вами въ тяжкую минуту состояніе вашей души:

Digitized by Google

Пришла пора, прошли желанья
И въ сердцѣ стало холодно,
И на одно воспоминанье
Трепещетъ горестно оно...

Онъ дастъ вамъ поясненіе того,

Что какъ-то чудно
Живетъ въ сердечной глубинѣ.

И въ чемъ трудно, невозможно высказаться — найдетъ въ себѣ для васъ слово для иныхъ минутъ, въ которыя «растаять бы можно», въ которыя «легко умереть». Онъ послѣдуетъ за вами и на шумную оргію, но на самой оргіи разразится стономъ разбитаго сердца, отнесется нѣжно и человѣчно къ женщинѣ:

Вино кипитъ и жжотъ меня лобзанье...
Ты хороша. . О! слишкомъ хороша!
Зачѣмъ въ груди проснулося страданье
И будто вздрогнула моя душа!
Зачѣмъ ты хороша? забытое мной чувство,
Красавица, зачѣмъ волнуешь вновь?
Твоихъ томящихъ ласкъ, томящее искуство
Ужель во мнѣ встревожило любовь?..
Любовь, любовь!.. о, нѣтъ, я только сожалѣнье,
Погибшій ангелъ, чувствую къ тебѣ...

онъ наконецъ раскажетъ вамъ въ простыхъ словахъ простую исторію сердца:

Она никогда его не любила
А онъ ее втайнѣ любилъ...

онъ, простыми же словами передастъ самую же простую, но вмѣстѣ и самую обычную и тѣмъ неменѣе, раздирающую сердце драму:

Я ему сказала:
Воротися милый;
Дни прошли и годы,
Я не измѣнилась:
Все люблю какъ прежде
Такъ какъ ты желаешь.
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Я его держала
За руки, за платье,
Цѣловала руки,
Ноги цѣловала,

Digitized by Google

Плакала отъ муки...
. . . . . .
. . . . . .
Но прошолъ онъ мимо
Не сказавъ ни слова.

Что особенно дорого въ стихотвореніяхъ Огарева такъ это именно искренность всѣхъ мотивовъ и совершенно соотвѣтствующая этой искренности простота выраженія, хотя иногда нельзя не замѣтить, что пренебреженіе къ формѣ простирается у нашего поэта до непростительной крайности.

Дѣло въ томъ, что это былъ голосъ эпохи, искренній голосъ развитой и болѣзненно-страдающей личности, въ вѣчномъ и непримиримомъ разладѣ съ показною дѣйствительностью...

Неменѣе важный фактъ составляетъ и та сторона лиризма, которая выразилась въ поэтической дѣятельности Фета.

При разсматриваніи общихъ физіологическихъ признаковъ болѣзненной поэзіи, невольно приходитъ въ голову сближеніе этой поэзіи въ общихъ чертахъ ея и въ міросозерцаніи, съ тѣмъ что мы въ повѣствовательномъ родѣ называемъ натуральною школою. Нѣкоторое сходство та и другая представляютъ даже и въ самой формѣ. Какъ манера натуральной школы состоитъ въ описываніи частныхъ, случайныхъ подробностей дѣйствительности, въ придачѣ всему случайному значенія необходимаго, такъ же точно и манера болѣзненной поэзіи отличается отсутствіемъ типичности и преобладаніемъ особности и случайности въ выраженіи, особности и случайности, доходящихъ иногда до неясности и причудливаго уродства. Какъ въ натуральной школѣ, такъ и въ болѣзненной поэзіи, всѣ такія качества происходятъ отъ непомѣрнаго развитія субъективности. Различіе заключается въ томъ, что въ лиризмѣ такое міросозерцаніе и такая манера имѣютъ нѣкоторое оправданіе, даже пожалуй свою прелесть; въ совершенно же объективномъ родѣ творчества — они не умѣстны и оскорбительны.

Представителемъ, и притомъ единственнымъ оригинальнымъ представителемъ этого рода поэзіи въ нашей литературѣ, былъ по преимуществу Фетъ. Чтобы соблюсти совершенную справедливость въ оцѣнкѣ таланта этого поэта, должно сказать, что въ этомъ огромномъ талантѣ двѣ стороны: что Фетъ, переводчикъ Горація, авторъ многихъ прекрасныхъ антологическихъ стихотвореній, вовсе не то что Фетъ, являющійся въ пѣсняхъ къ Офеліи, въ мелодіяхъ, снѣгахъ, и проч. Въ Фетѣ, какъ поэтѣ антологическомъ, являются и яркость образовъ и опредѣленность выраженія и типичность чув-

Digitized by Google

ства; что напримѣръ ярче по выраженію и колориту его, «Вакханка»?..

Подъ тѣнью сладостной полуденнаго сада,
Въ широколиственномъ вѣнкѣ изъ винограда
И влаги Вакховой, томительной полна
Чтобъ духъ перевести замедлилась она...

Или трудно себѣ что-либо представить античнѣе по міросозерцанію, по чувству и по выраженію элегіи: «Многимъ богамъ въ тишинѣ я фиміамъ воскуряю...» посланія «къ красавцу» и т. д., приведемъ такъ же въ образецъ совершенной типичности и ясности чувства и отсутствія всякой причудливой особенности, элегію:

О, долго буду я въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ златую прядь,
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты,
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму
Заѣтымъ именемъ будить ночную тьму.

Напомнимъ также другую элегію, отличающуюся необыкновенною искренностью и простотою чувства:

Странное чувство какое-то въ нѣсколько дней овладѣло
Тѣломъ моимъ и душой, цѣлымъ моимъ существомъ.

Напомнимъ «Вечера и ночи», которые дышутъ совершенно объективнымъ спокойствіемъ созерцанія, — вотъ одна сторона таланта Фета; кромѣ того, по условіямъ, вѣроятно лежащимъ въ натурѣ лирика и въ историческихъ данныхъ эпохи, развилась въ этомъ талантѣ другая сторона, развилась со всѣми причудами и крайностями, но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно самобытно. Это не то чудовищное развитіе больного эгоизма, въ которомъ есть нѣчто горестное и трагическое для мыслящаго человѣка, не наглая похвальба человѣка своимъ моральнымъ увѣчьемъ, не тотъ однимъ словомъ малопривлекательный типъ человѣка, который сознавши, что ходитъ на ходуляхъ, продолжаетъ тѣмъ неменѣе изъ самолюбиваго упрямства ходить на нихъ, смѣясь цинически надъ собою и надъ почтеннѣйшею публикою. Фетъ не таковъ: самобытность его заключается въ

Digitized by Google

нѣжной поэтической натурѣ, сообщающей что-то мягкое самымъ причудамъ больного эгоизма. Авторъ глубокой по чувству статьи, напечатанной о немъ когда-то въ «Современникѣ», покойный Кудрявцевъ, самъ одаренный замѣчательно поэтическою натурою, очень удачно сравнилъ его мелодіи съ причудливыми и такъ-сказать нѣжно эгоистическими мазурками Шопена, и превосходно обозначилъ основное качество его дарованія: «Въ немъ бьется — говоритъ онъ между прочимъ — живое, горячее сердце; оно не утерпитъ и отзовется на всякій звукъ въ природѣ, откликнется на всякій призывъ ея, принесетъ ли его теплая лѣтняя ночь, или свѣжее весеннее утро, зимній, снѣгомъ бѣлѣющій вечеръ или зноемъ дышащій воздухъ жаркаго лѣтняго дня.» Дѣло въ томъ только, что вслѣдствіе какого-то страннаго, совершенно субъективнаго настройства души, поэтъ отзовется на это такимъ особеннымъ, страннымъ звукомъ, который иногда, даже часто, не всякому уху доступенъ, не всякому сердцу понятенъ, что конечно вредитъ впечатлѣнію. Изъ болѣзненной поэзіи Фетъ развилъ собственно одну ея сторону, сторону неопредѣленныхъ, недосказанныхъ, смутныхъ чувствъ того что называютъ французы le vague; чувство въ нѣкоторыхъ его стихотвореніяхъ какъ-будто не созрѣваетъ до совершенной полноты и ясности — и явно, что поэтъ самъ не хотѣлъ довести его до такого опредѣленнаго, общедоступнаго состоянія, что онъ предпочитаетъ услаждаться такъ-сказать грезою чувства. Въ этомъ, какъ хотите, есть своего рода прелесть, прелесть грезы съ одной стороны, полуудовлетворенія съ другой, прелесть того состоянія, когда человѣкъ

Впиваетъ послѣднюю,
Сладкую влагу
Сна на зарѣ...

И оттого, никому неудается подмѣчать такъ хорошо задатки зараждающихся чувствъ, тревоги получувствъ и наконецъ подымающіеся подчасъ въ душѣ человѣка отпрыски прошедшихъ чувствъ и старыхъ впечатлѣній, былыхъ стремленій, которыя «далеки какъ выстрѣлъ вечерній» памяти былого, которая:

Крадется въ сердце тревожно. .

Въ такихъ случаяхъ, даже особность, причудливость выраженія становится доступною читателю, и не странно ему, что:

Исполнена тайны жестокой
Душа замирающихъ скрипокъ.

Ибо въ дальнѣйшемъ напримѣръ развитіи смутнаго впечатлѣнія ясно, что хотѣлъ поэтъ сказать:

Digitized by Google

Средь шума толпы неизвѣстной
Тѣ звуки понятнѣй мнѣ вдвое,
Напомнили силой чудесной
Они мнѣ все сердцу родное:
Ожившая память несется
Къ прошедшей тоскѣ и веселью,
То сердце замретъ, то проснется
За каждой безумною трелью...

Вообще въ такихъ случаяхъ, читатель, увлеченный чувствомъ поэта, не проситъ отъ него строгой логической послѣдовательности, не подвергнетъ его отвѣтственности за быстрые скачки и переходы мысли, какъ напримѣръ въ стихотвореніи:

Младенческой ласки доступенъ мнѣ лепетъ...

не спроситъ тутъ, почему поэта что-то кинуло обратиться вдругъ, совсѣмъ нежданно-негаданно къ какой-то звѣздѣ «что такъ ярко свѣтъ» и сказать ей:

Давно невидались мы въ небѣ широкомъ..

читатель, понимая лиризмъ мотива, порыва поэта, не захочетъ съ математической точностью разлагать, повѣрять отчетливость фигуръ и троповъ, такого напримѣръ стихотворенія:

О, незови! страстей твоихъ такъ звонокъ
Родной языкъ...
Ему внимать и плакать какъ ребенокъ,
Я такъ привыкъ,

ему и некогда повѣрять тутъ постройки, когда цѣлое явнымъ образомъ вырвалось изъ души разомъ въ отвѣтъ на воззванья страстей и блаженствъ,

Которымъ нѣтъ названья
И мѣры нѣтъ...

Читатель не спроситъ такъ же поясненій нѣкоторыхъ странностей, подробностей очевидно частныхъ, мѣстныхъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, хотя конечно было бы лучше, еслибъ не бросалъ лирикъ многаго безъ поясненія, еслибъ вездѣ доводилъ онъ причудливыя мечты фантазіи до ихъ возможной ясности, какъ удалось ему это въ стихотвореніи:

Мы одни... изъ сада въ стекла оконъ..

въ которомъ наглядно совершается греза:

Digitized by Google

Въ царствѣ тихой, свѣтлой ночи майской,

когда звѣзды, дрожа лучами, какъ будто все ближе и ближе нисходятъ къ намъ, и

На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньи изумрудномъ
Надъ волной качается жаръ-птица.

когда наконецъ:

Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры,
Много сновъ и много сладкой вѣры...

Роскошь и прихотливость фантазіи является здѣсь въ замѣчательнѣйшей степени. Да! здѣсь «все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры», какъ будто въ индѣйскомъ мірѣ, все сказочно, все капризно, мечтательно, и между-тѣмъ все понятно; это какіе-то чудные узоры, рисуемые луннымъ свѣтомъ въ лѣтнюю ночь, полную шелеста листьевъ и благоуханія цвѣтовъ, озаренную еще для васъ взглядомъ любимой женщины.

Хорошо было бы, еслибы самыя тонкія душевныя впечатлѣнія поэтъ взводилъ вездѣ такъ удачно въ объективныя представленія, какъ и въ своихъ «Вечерахъ и ночахъ», составляющихъ едва-ли не лучшее изо всего, что когда-либо написалъ онъ.

Въ сущности нѣтъ ничего труднѣе, какъ описывать природу, если только воспроизведеніе ея моментовъ можно назвать описаніемъ. Природа жива, какъ человѣкъ, разнообразна и неуловима въ своихъ оттѣнкахъ и отливахъ, какъ разнообразна жизнь, и широка должна быть натура художника, могущаго уловить всецѣло хотя одинъ ея моментъ, передать хоть частицу ея необъятнаго содержанія. Передать моментъ природы значитъ дать другимъ *почувствовать* этотъ моментъ, значитъ заставить читателя слышать таинственный шелестъ дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, какъ дѣлали Шатобріанъ и Куперъ, дышать прелестью украинской ночи, какъ Гоголь, сочувствовать могилѣ Лепскаго, какъ Пушкинъ, плакать о погибшей Греціи, какъ Байронъ въ «Гяурѣ». Всякій истинно-великій поэтъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и поэтъ описательный, отождествляетъ ли онъ свое внутреннее съ моментами природы, какъ Гёте, переноситъ ли онъ свое личное настроеніе на природу, какъ Байронъ, все равно.

У Фета въ его «вечерахъ и ночахъ» глубокое возрѣніе на природу облеклось въ самыя изящныя и самыя роскошныя формы: это цѣлая поэма спокойно, разумно наслаждающагося духа, поэта, въ

Digitized by Google

которой часто мудрое слово дружится съ полнымъ чувствомъ самозабвенія на груди матери-природы. Особенно чувство полной, безъ-завѣтной, нисколько не охарактированной преданности впечатлѣніямъ поражаетъ читателя своею наивностью и простотою. То любо поэту безъ цѣли плыть по рѣкѣ:

Никто мнѣ не скажетъ, куда ты
Поѣхалъ, куда загадалъ...
Шевелись же весло, шевелися,
А берегъ во мракѣ пропалъ...

то благодаритъ онъ сосѣда за то, что тотъ держитъ соловья, и что въ садъ выходитъ вдыхать «Веспера свѣжесть» сосѣдка; то говоритъ онъ намъ:

Я люблю многое, близкое сердцу,
Только рѣдко люблю я...

и начинаетъ описывать впечатлѣнія прогулки по заливу:

Такъ, забываясь,
Подъ звучную мѣру весла,
Орошеннаго пѣной шипучей.

И одинъ островокъ милъ ему предпочтительно, островокъ, любимый красноглазымъ кроликомъ, да гордымъ лебедемъ, да соловьемъ, который поетъ по зарямъ,

Да и позднею ночью, когда
Мѣсяцъ обманчивымъ свѣтомъ
Сребритъ и волны и листья...
Онъ не молкнетъ; поетъ
Все громче и громче.

И какъ дитя, подъ вліяніемъ свѣтлыхъ, непосредственныхъ впечатлѣній спрашиваетъ онъ себя: что это — жизнь или сонъ, счастливъ онъ или только обманутъ? И нѣтъ отвѣта на этотъ вопросъ, да и не за тѣмъ былъ сдѣланъ вопросъ, чтобы на него данъ былъ отвѣтъ: равнодушная прекрасная природа не отвѣчаетъ мечтателю, и только

Мелкія волны что-то шепчутъ съ кормою,
Весло недвижимо,
И на небѣ ясномъ высоко сверкаетъ зарница.

И равно, какъ поэта, такъ и васъ удовлетворяетъ это многозначительное безмолвіе природы.

Digitized by Google

То шутитъ поэтъ надъ педантами, надоѣвшими о высокомъ и прекрасномъ, и больше прекраснаго находитъ онъ въ черныхъ глазахъ прекраснаго созданія.

Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго слѣдъ...

То привѣтствуетъ онъ ночь дивнымъ, прямо изъ души излившимся привѣтствіемъ:

Здравствуй! тысячу разъ мой привѣтъ тебѣ, ночь!
Опять и опять я люблю тебя,
Тихая теплая,
Серебромъ окаймленная!

Какой оптичной прелестью дышетъ еще другое описаніе ночи, ночи въ городѣ, ночи, когда

Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ!

какимъ гораціанскимъ остроуміемъ отличается жалоба Юпитеру Плювію! что за образность въ чудныхъ описаніяхъ переливовъ луннаго свѣта!..

Но не менѣе этой способности пластически ясно и опредѣленно выражать впечатлѣнія, которыя сами по себѣ подлежатъ опредѣленію, сильна въ Фетѣ и другая его способность уловлять въ высшей степени тонко и музыкально впечатлѣнія, которыхъ вся прелесть заключается въ ихъ неопредѣленности. Нѣкоторыя изъ такихъ мелодій нашего поэта исчерпываютъ чувство до глубины, несмотря на видимую краткость и сжатость. Приводимъ напримѣръ слѣдующую мелодію:

Не отходи отъ меня,
Другъ мой, останься со мной!
Не отходи отъ меня:
Мнѣ такъ отрадно съ тобой.
Ближе другъ къ другу чѣмъ мы,
Ближе нельзя намъ и быть;
Чище, живѣе, сильнѣе,
Мы не умѣемъ любить.
Если же ты предо мной
Грустно головку склоня, —
Мнѣ такъ отрадно съ тобой.
Не отходи отъ меня!

Трудно представить что-либо проще, граціознѣе и полнѣе, а поч-

Digitized by Google

ти всѣ мелодіи таковы. Нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ какъ бы сродство съ пѣснями Гейне, напоминаютъ его манеру, но сродство это только внѣшнее;

Шумѣла полночная вьюга,
Въ лѣсной и глухой сторонѣ
Мы сѣли съ ней другъ подлѣ друга,
Валежникъ свисталъ на огнѣ,
И нашихъ двухъ тѣней громады
Лежали на красномъ полу,
А въ сердцѣ, ни искры отрады
И нечѣмъ прогнать эту тьму!
Березы скрипятъ за стѣною,
Сукъ ели трещитъ смоляной...
О, другъ мой! скажи, что съ тобою!
Я знаю давно, что со мной.

Мы не видимъ здѣсь внутренняго сродства съ Гейне, потомучто не видимъ чувства, одушевляющаго стихотворенія послѣдняго, не видимъ жолчной ироніи, заостряющей почти каждое изъ нихъ; не видимъ рѣзко-выдающейся личности поэта, которая у Гейне, несмотря на всю свою силу, становится даже смѣшна подчасъ своими мелочными претензіями. Въ стихотвореніяхъ Фета, чувство самой скорби и грусти какъ-то свѣтло и нѣжно вовсе не потому, чтобъ оно было безмолвно: нѣтъ! впечатлѣнія тяжолыя и мрачныя находятъ у него соотвѣтственный отзывъ; только личность поэта нисколько не выдается изъ-за этихъ мрачныхъ впечатлѣній, не драпируется въ нихъ. Возьмемте напримѣръ одну изъ извѣстныхъ всѣмъ его мелодій:

Давно ль подъ волшебные звуки,
Носились по залѣ мы съ ней? и т. д.

Канва ея построена до того художественно, что изящною оболочкою смягчается такъ-сказать тяжолое впечатлѣніе, претворяется во что-то таинственное, неуловимое вмѣстѣ съ тѣми звуками, подъ которые носится поэтъ съ легкою тѣнью. Эта мелодія — цѣлая музыкальная поэма.

Всѣ или почти всѣ стихотворенія поэта — отзывы осязаемыхъ, полныхъ, поэтическихъ впечатлѣній. Не на всѣхъ подѣйствуютъ они одинаково, не многимъ даже доступны будутъ тѣ легкія впечатлѣнія, которыя обрѣли въ нихъ образъ и слово, но зато для организаціи сколько-нибудь тонкой, развитой эстетически, они почти что дневникъ ея лучшихъ, поэтичнѣйшихъ минутъ. Бесѣдуетъ ли поэтъ съ полуночными образами, которые воютъ,

Digitized by Google

Какъ духовъ испугавшійся пѣсъ,

слушаетъ ли онъ отдаленные звуки музыки и уносится въ минувшее, которое

Такъ томно и грустно-небрежно
Въ свой міръ расцвѣченный уноситъ,
И дастится къ сердцу такъ нѣжно
И такъ умилительно проситъ;

передаетъ ли онъ успокоительное чувство, объемлющее грудь при видѣ необозримой степи:

Тихо ночью по степи
Небо ей сказало: спи!
И курганы спятъ, и т. д.

вездѣ и повсюду его личныя впечатлѣнія отождествляются самыми моментами, ихъ породившими.

Помните ли вы напримѣръ его снѣга, въ которыхъ видно еще какое-то несознанное, неустановившееся стремленіе поэта къ новому содержанію и къ новымъ формамъ. Всего болѣе выступаетъ здѣсь впервые способность передавать въ осязаемыхъ, оригинальныхъ образахъ ощущенія почти неуловимыя, почти непередаваемыя, способность дѣлать доступнымъ внутренній міръ души посредствомъ внѣшнихъ явленій. Чтобъ пояснить нашу мысль, приводимъ слѣдующее небольшое стихотвореніе:

Котъ поетъ, глаза прищуря,
Мальчикъ дремлетъ на коврѣ,
На дворѣ играетъ буря,
Вѣтеръ свищетъ на дворѣ.

«Полно тутъ тебѣ валяться,
Спрячь игрушки, да вставай!
Подойди ко мнѣ прощаться
Да и спать себѣ ступай.»

Мальчикъ всталъ, а котъ глазами
Поводилъ и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками
Буря свищетъ у воротъ.

Чѣмъ-то грустнымъ, чѣмъ-то тяжолымъ отзывается это стихотвореніе, повидимому все полное самыхъ наивныхъ образовъ. что-то драматическое есть даже въ этой картинѣ однообразнаго зимняго вечера. Слышна скорбь человѣка, живого и страдающаго,

Digitized by Google

одинокаго и чуждаго этой тихой, семейной картинѣ. Полусердито, полунѣжно гонитъ онъ отъ себя мальчика, единственное живое существо, которое мѣшаетъ ему отдаться вполнѣ всей тоскѣ, надѣвшей долгимъ, тяжкимъ вечеромъ, и вотъ онъ дѣйствительно одинъ:

Мальчикъ всталъ, а котъ глазами
Поводилъ и все поетъ;
Въ окна снѣгъ валитъ клоками,
Буря свищетъ у воротъ.

Нечего и поснять, какъ глубоко это маленькое стихотвореніе въ своей безпритязательной простотѣ и наивности, какъ хороша самая его недосказанность и неопредѣленность. Многіе вѣроятно помнятъ также милое, граціозное, поэтическое созданіе. «Знаю я, что ты, малютка...», этотъ идеалъ поэта легкій, свѣтлый, весь созданный изъ тончайшей пыли снѣговъ; помнятъ также «Верелу», которой сочувствуютъ какъ живому существу, такъ симпатично описалъ ее самъ поэтъ; помнятъ еще болѣе это маленькое, ничего неизъяснимому неговорящее и между-тѣмъ полное жизни стихотвореніе, которое какъ-то невольно напрашивается на языкъ въ лунную зимнюю ночь:

Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна:
Бѣлая равнина,
Полная луна.

Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ,
И саней далекихъ
Одинокій бѣгъ.

IV

Таковы были *силы* отрицательнаго взгляда. Съ одной стороны карающій смѣхъ надъ чудовищно-нелѣпыми явленіями нашей показной дѣйствительности, — съ другой стороны протестъ личности и развитія ея самыхъ тонкихъ, даже причудливыхъ требованій отъ жизни. Но отношеніе къ дѣйствительности Гоголя, выразившееся по преимуществу въ юморѣ, этотъ горькій смѣхъ, карающій, какъ Немезида, потомучто въ немъ слышится стонъ по идеалѣ, смѣхъ полный любви и симпатіи, смѣхъ, возвышающій моральное существо человѣка, такое отношеніе могло явиться правымъ и цѣломудреннымъ только въ цѣльной натурѣ истиннаго художника.

Digitized by Google

Не всѣ уразумѣли тогда вполнѣ эту любовь, дѣйствующую посредствомъ смѣха, это горячее стремленіе къ идеалу. Для многихъ, даже для большой части понятна была только форма произведеній Гоголя; очевидно было только то, что новая руда открыта великимъ поэтомъ, руда анализа повседневной, обычной дѣйствительности, и на то самое, на что Гоголь смотрѣлъ съ любовью къ неперемѣнной правдѣ, къ идеалу, на то другіе, даже весьма даровитые люди, взглянули только съ личнымъ убѣжденіемъ или съ предубѣжденіемъ. Отсюда ведутъ свое начало разные сатирическіе очерки и безконечное множество повѣстей сороковыхъ годовъ литературы, кончавшихся вѣчнымъ припѣвомъ: «И вотъ что можетъ сдѣлаться изъ человѣка!» — повѣстей, въ которыхъ по волѣ и прихоти ихъ авторовъ съ героями и героинями, задыхавшимися въ грязной дѣйствительности, совершались самыя удивительныя превращенія, въ которыхъ все, окружавшее героя или героиню, намѣренно изображалось карикатурно.

Произведенія съ такимъ направленіемъ писались въ былую пору въ безчисленномъ количествѣ; ложь ихъ заключалась преимущественно въ томъ, что они запутывали читателя подробностями, взятыми повидимому изъ простой повседневной дѣйствительности, доказывавшими въ авторахъ ихъ несомнѣнный талантъ наблюдательности, и вводили людей несвѣдущихъ, незнакомыхъ съ бытомъ въ заблужденіе. Безспорно, что была и хорошая сторона и своего рода заслуга въ этой чисто отрицательной манерѣ, но односторонность и ложь ея скоро обнаружились весьма явно. Забавнѣе всего было то, что никогда такъ сильно не бранили романтизма, какъ въ эту эпоху самыхъ романтическихъ отношеній авторовъ къ дѣйствительности.

Такое отношеніе къ дѣйствительности не могло быть продолжительно по самымъ основнымъ своимъ началамъ. Примиреніе т. е. ясное разумѣніе дѣйствительности необходимо человѣческой душѣ, и искать его приходилось поневолѣ въ той же самой дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что находилось много людей, которые съ сомнѣніемъ качали головою, читая разныя карикатурныя изображенія дѣйствительности и дерзали думать, что слишкомъ мрачныя или слишкомъ грубыя краски употреблялись на картинѣ, что живописцы видимо находятся въ припадкѣ меланхоліи, что родственники разныхъ барышень вовсе не такіе звѣри, какими они кажутся писателямъ, что даже и особенно грязны являются они только потому, что какому-нибудь меланхолическому автору хотѣлось въ видѣ особенной добродѣтели выставить чистоплотность какой-нибудь Наташи... Усомнились однимъ словомъ въ томъ, чтобы дѣй-

Digitized by Google

ствительность была такъ грязна и черна, а романтическая личность такъ права въ своихъ требованіяхъ, какъ угодно было ту и другую показывать повѣствователямъ. Русскій человѣкъ отличается какъ извѣстно особенною смѣтливостью: онъ готовъ признать всѣ свои дѣйствительные недостатки, но не станетъ ихъ преувеличивать и не впадетъ поэтому въ мрачное мистическое отчаяніе.

Въ общемъ убѣжденіи образовался протестъ противъ исключительныхъ требованій романтической личности за дѣйствительность.

Но за какую дѣйствительность?

Вѣдь у насъ ихъ, дѣйствительностей, видимымъ образомъ двѣ. Одна на показъ, офиціальная, другая подъ спудомъ, бытовая... Разъяснять эту мысль здѣсь нѣтъ необходимости. Протестъ поднимался тогда еще смутно, самъ для себя неясный, на первый разъ даже болѣе за внѣшнюю, показную дѣйствительность.

Въ отвѣтъ на этотъ смутный, неопредѣленный протестъ явилось примѣчательно яркое, но чисто внѣшнее дарованіе, безъ глубокаго содержанія, безъ стремленія къ идеалу, дарованіе г. Гончарова. Яркія достоинства таланта г. Гончарова признаны были безъ исключенія всѣми при появленіи его перваго романа: «Обыкновенной исторіи.» Разказъ его «Иванъ Савичъ Поджабринъ», написанный какъ говорятъ прежде, но напечатанный послѣ «Обыкновенной исторіи», многимъ показался недостойнымъ писателя, такъ блестяще выступившаго на литературное поприще, но въ сущности въ «Поджабринѣ» точно также какъ и въ «Обыкновенной исторіи», обнаруживались почти одинаково всѣ данныя таланта г. Гончарова, и какъ то, такъ и другое произведеніе страдали равными, хотя и противоположными недостатками. Въ «Обыкновенной исторіи» голый скелетъ психологической задачи слишкомъ рѣзко выдается изъ-за подробностей; въ «Поджабринѣ» частныя, внѣшнія подробности совершенно поглощаютъ и безъ того уже небогатое содержаніе: оттого-то оба эти произведенія собственно не художественныя созданія, а этюды, хотя правда этюды, блестящіе яркимъ жизненнымъ колоритомъ, выказывающіе несомнѣнный талантъ высокаго художника, но художника, у котораго анализъ, и при томъ очень дешовый и поверхностный анализъ, подъѣлъ всѣ основы, всѣ корни дѣятельности. Сухой догматизмъ постройки «Обыкновенной исторіи» кидается въ глаза всякому. Достоинство «Обыкновенной исторіи» заключается въ отдѣльныхъ художественно обработанныхъ частностяхъ, а не въ цѣломъ, которое всякому, даже самому пристрастному читателю представляется какимъ-то натянутымъ развитіемъ наперед заданной темы. Кому не явно, что Петръ Ивановичъ, съ его безпощаднымъ практическимъ взглядомъ, не лицо

Digitized by Google

дѣйствительно существующее, а олицетвореніе извѣстнаго взгляда на вещи, нѣчто вродѣ Стародумовъ, Здравомысловъ и Правосудовыхъ старинныхъ комедій, съ тѣмъ только различіемъ, что Стародумы, Здравомыслы и Правосудовы, при всей нелѣпости ихъ, были представителями убѣжденій гораздо болѣе благородныхъ и гуманныхъ, нежели узкая практическая теорія Петра Ивановича Адуева? Кому не ясно, что съ другой стороны Александръ Адуевъ слишкомъ намѣренно выставленъ авторомъ и слабѣе и мельче своего дядюшки, что на днѣ всего лежитъ такая антипоэтическая тема, такая пошлая мысль, которыхъ не выкупаютъ блестящія подробности... Замѣчательно въ высшей степени, что «Обыкновенная исторія» понравилась даже отжившему поколѣнію, даже старичкамъ, даже помнится «Сѣверной пчелѣ»; это свидѣтельствовало не объ особенномъ ея художественномъ достоинствѣ, а просто о томъ, что воззрѣніе, подъ вліяніемъ котораго она написана, было не выше обычнаго уровня. Нужна была реакція,—дѣйствительность заявляла свои права; на первыя требованія ея отвѣтило какъ могло и какъ умѣло блестящее внѣшнее дарованіе г. Гончарова «Обыкновенной исторіей», этой истинной эпопеей чиновническаго воззрѣнія и азбучной мудрости, стоявшей совершенно въ уровень съ первыми, поверхностными началами протеста за дѣйствительность противъ романтической личности. Дарованіе г. Гончарова не пошло по новой дорогѣ: оно вышло цѣликомъ изъ той же самой категоріи произведеній и было только ея цвѣтомъ. Примиреніе выразилось въ «Обыкновенной исторіи» ироніею какого-то отчаянія, смѣхомъ надъ протестомъ личности съ одной стороны и апотеозою торжества сухой, безжизненной, безосновной практичности. Все было тутъ принесено въ жертву этой ироніи. Авторъ вывелъ двѣ фигуры: одну жиденькую, худенькую, слабенькую съ ярлыкомъ на лбу: «Романтизмъ» якобы молодого поколѣнія, и другую крѣпкую, спокойную и опредѣленную какъ математика, съ ярлыкомъ на лбу: «практическій умъ»; сей послѣдній разумѣется торжествовалъ въ своихъ расчетахъ, какъ добродѣтельная любовь въ старинныхъ романахъ и комедіяхъ. Такова была мысль произведенія г. Гончарова, мысль нимало не скрытая, а напротивъ просившаяся наружу, кричавшая въ каждой фигурѣ романа. Много нужно было таланта для того, чтобы читатели забывали явно искуственную постройку произведенія; но кромѣ силы таланта, мысль отвѣтила на требованіе большинства, т. е. моральнаго и общественнаго мѣщанства. Романъ, повторяю я, понравился всѣмъ такъ-называемымъ практическимъ людямъ, которые всегда любятъ, когда бранятъ молодое поколѣніе за разныя *несообразныя* и *неподобныя* стремленія, понравился даже

Digitized by Google

тѣмъ господамъ, которые косо посматривали на «Мертвыя души», или издѣвались надъ ними. Въ наивной радости своей, протестъ за внѣшнюю, показную дѣйствительность не замѣчалъ, что ирониа романа пропадала задаромъ, что романтическое стремленіе не признавало, не признаетъ и никогда не признаетъ въ жиденькомъ Александрѣ Адуевѣ своего питомца.

Прошло много времени, пока протестъ за дѣйствительность выросъ и окрѣпъ до сознанія. Втеченіи всего этого времени, талантъ г. Гончарова напомнилъ о себѣ только «Сномъ Обломова», да кругосвѣтнымъ путешествіемъ на фрегатѣ Паллада, и въ этой книгѣ онъ остался вѣренъ самому себѣ или лучше сказать тому пизмѣнному уровню, до котораго опъ себя умалилъ. Поразительно яркія описанія природы, мастерство отдѣлки мелочныхъ подробностей, наблюдательность остроумная и мѣткая, и положительное отсутствіе идеала во взглядѣ — вотъ что явилось въ этой книгѣ, которую опять-таки съ жадностью прочла вся публика; она вѣдь у насъ нѣсколько охотница до японскихъ воззрѣній, особенно если этимъ воззрѣніемъ обрекъ себя на служеніе талантъ безспорно-сильный.

Явился наконецъ давно жданный Обломовъ. Прежде всего, онъ не сказалъ ничего новаго. Все его новое высказано было гораздо прежде въ «Снѣ Обломова» — я разумѣю все существенно новое, такое, что возбуждаетъ толки, возбуждаетъ вражды и симпатіи. Успѣхъ «Обломова» что ни говорите, былъ уже спорный, вовсе не то что успѣхъ «Обыкновенной исторіи.» Да оно такъ и должно было быть. Эпоха другая, сознаніе выросло. «Обыкновенная исторія» польстила требованію минуты, требованію большинства, чиновничества, моральнаго мѣщанства. «Обломовъ» ничему не польстилъ и опоздалъ покрайней-мѣрѣ пятью или шестью годами... Въ «Обломовѣ» Гончаровъ остался тѣмъ же, чѣмъ былъ въ «Обыкновенной исторіи», и построенъ его «Обломовъ» по такимъ же сухимъ догматическимъ темамъ, какъ «Обыкновенная исторія»; въ подробностяхъ своихъ онъ если хотите еще выше «Обыкновенной исторіи», психологическимъ анализомъ еще глубже, но наше сознаніе, сознаніе эпохи шло впередъ, а сознаніе автора «Обыкновенной исторіи» застряло въ Японіи. Польстилъ Обломовъ только весьма небольшому кружку людей, которые вѣрятъ еще тому, что врагъ нашъ въ дѣлѣ развитія — наша собственная натура, наши существенно-бытовыя черты и что все спасеніе для насъ заключается въ выдѣлкѣ себя по какой-то узенькой теоріи... Воззрѣніе этого небольшого кружка тоже далеко отстало отъ вопросовъ эпохи.

Весь романъ построенъ на азбучномъ правилѣ: «возлюби трудъ и избѣгай праздности и лѣности, иначе впадешь въ обломовщину и

Digitized by Google

кончишь какъ Захаръ и его баринъ». Не споримъ, что это правило очень хорошее, не споримъ, что и напоминать его весьма полезно намъ, ибо насъ къ сожалѣнію послѣ нѣсколькихъ вѣковъ нашего тупого сна слѣдуетъ обучать даже такимъ простымъ истинамъ, что воровать не хорошо и что лѣниться скверно. Понимаемъ такъ же и то, что люди, живущіе исключительно вопросами минуты, люди честные и благородные, но недальновидные, должны были обрадоваться этой темѣ, какъ публицистъ «Современника», и съ яростью накинуться вмѣстѣ съ авторомъ «Обломова», и даже больше чѣмъ самъ авторъ — на обломовку и обломовщину. Не обвиняя ихъ въ увлеченіяхъ, заставившихъ ихъ въ ряду обломовцевъ включить и Онѣгина и Печорина и Бельтова и Рудина, приписываю этимъ невольнымъ увлеченіямъ самые лучшіе, самые благородные источники и знаю насколько обусловлена современными обстоятельствами отрицательная сторона этихъ увлеченій, т.-е. сторона вражды къ обломовкѣ и обломовщинѣ. Но вѣдь азбучное правило, за которое они такъ ратоборствуютъ и которому пожертвовалъ романистъ всѣмъ, справедливо только отвлеченно взятое. Какъ только вы имъ, этимъ достойнымъ впрочемъ всякой похвалы правиломъ, станете какъ анатомическимъ ножомъ разсѣкать то что вы называете обломовкой и обломовщиной, бѣдная обиженная обломовка заговоритъ въ васъ самихъ, если только вы живой человѣкъ, органическій продуктъ почвы и народности. Пусть она погубила Захара и его барина, но вѣдь передъ ней же склоняется въ смиреніи Лаврецкій Тургенева, въ ней же обрѣтаетъ онъ новыя силы любить, жить и мыслить. Онъ долго сближался съ нею, шляясь охотникомъ по полямъ, по трясинамъ и болотамъ, онъ съ болью сердца (да простится мнѣ, что я начинаю уже смѣшивать самого поэта съ героемъ его послѣдняго произведенія) видѣлъ и видитъ ея больныя мѣста, ея запущенныя язвы, но онъ видитъ и то, что она неотдѣлима органически отъ его собственнаго бытія, что только на ея почвѣ можетъ онъ жить неискусственною, негальваническою жизнью, и полный такого искренняго сознанія, готовъ скорѣе идти въ крайность положительнаго смиренія передъ нею, чѣмъ въ противоположную крайность азбучнаго правила.

Несостоятельность практическаго воззрѣнія заключалась и въ самомъ зернѣ, изъ котораго родился весь Обломовъ, въ «Снѣ Обломова», этомъ фокусѣ, къ которому весь романъ приводится, для котораго чуть ли не весь онъ написался... Антипоэтичность азбучно-практической темы тѣмъ непріятнѣе подѣйствовала и тогда на безпристрастныхъ читателей, что внѣшнія силы таланта выступили тутъ съ необычайною яркостью. Вы помните, что прежде чѣмъ

Digitized by Google

авторъ переноситъ васъ въ «райскій уголокъ зелени», созданный сномъ Обломова, онъ нѣсколькими штрихами мастерского карандаша рисуетъ иной край, иную жизнь, совершенно противуположные тѣмъ, въ которые переноситъ насъ сонъ героя... Вы чувствуете въ манерѣ изложенія присутствіе того искомаго, спокойнаго творчества, которое по волѣ своей переноситъ васъ въ тотъ или другой міръ, и каждому сочувствуетъ съ равною любовью... И потомъ передъ вами до мелкихъ оттѣнковъ создается знакомый вамъ съ дѣтства бытъ, міръ тишины и невозмутимаго спокойствія во всей его непосредственности. Авторъ становится истиннымъ поэтомъ, и какъ поэтъ умѣетъ стоять въ уровень съ создаваемымъ имъ міромъ, быть комически наивнымъ въ разказѣ о чудовищѣ, найденномъ въ оврагѣ обитателями, и глубоко трогательнымъ въ созданіи матери Обломова, и истиннымъ психологомъ въ исторіи съ письмомъ, которое такъ страшно было распечатать мирнымъ жителямъ «райскаго уголка зелени», и наконецъ эпически-объективнымъ художникомъ въ изображеніи сна, который объемлетъ всю обломовку.

Помните еще мѣсто о сказкахъ, которыя повѣствовались Ильѣ Ильичу и конечно всѣмъ намъ болѣе или менѣе, которыхъ пеструю и широко фантастическую канву поэтъ развертываетъ съ такою силою фантазіи? Помните еще остальныя подробности: семейный разговоръ въ сумерки, негодованіе жены Ильи Ивановича на его безпамятство въ отношеніи къ разнымъ примѣтамъ, сборы его отвѣчать на письмо, составлявшее нѣсколько времени предметъ тревожнаго страха... Все это полный, художнически созданный міръ, влекущій васъ неодолимо въ свой очарованный кругъ...

И для чего же гибель сія бысть? Для чего же поднятъ весь этотъ міръ, для чего объективно изображенъ онъ съ его настоящимъ и съ его преданіями? Для того, чтобъ наругаться надъ нимъ во имя практически-азбучнаго правила, во имя китайскихъ воззрѣній Петра Ивановича Адуева или во имя татарско-нѣмецкаго воззрѣнія Штольца, ибо Штольцъ все-таки татаринъ, хоть и нѣмецъ, татаринъ по душѣ и по дѣлу въ своей раздѣлкѣ съ кредиторомъ Ильи Ильича... Для чего въ самомъ «Снѣ» непріятно-рѣзкая струя иронія въ отношеніи къ тому, что́ все-таки выше штольцовщины и адуевщины?

Нѣтъ! герои нашей эпохи не Штольцъ Гончарова и не его Петръ Ивановичъ Адуевъ, да и героиня нашей эпохи тоже — не его Ольга, изъ которой подъ старость, если она точно такова, какою вопреки многимъ граціознымъ сторонамъ ея натуры показываетъ намъ авторъ — выйдетъ преотвратительная барыня съ вѣчною и

Digitized by Google

безцѣльною нервною тревожностью, истинная мучительница всего окружающаго, одна изъ жертвъ богъ-знаетъ чего-то. Я почти увѣренъ, что она будетъ умирать какъ барыня въ «Трехъ смертяхъ» Толстого... Ужь если между женскими лицами г. Гончарова придется выбирать непремѣнно героиню, безпристрастный и непотемненный теоріями умъ выберетъ, какъ выбралъ Обломовъ, Агафью Федосеевну, не потому только, что у нея локти соблазнительны и что она готовитъ пироги, а потомучто она гораздо болѣе женщина, чѣмъ Ольга.

Дѣло въ томъ, что у самого автора «Обломова», какъ у таланта все-таки замѣчательно яркаго, хотя и чисто внѣшняго, стало-быть живого — сердце лежитъ гораздо больше къ Обломову и къ Агафьѣ, чѣмъ къ Штольцу и къ Ольгѣ. За надгробное слово Обломову и его хорошимъ сторонамъ, его чуть не упрекнули ярые гонители обломовщины, которымъ онъ польстилъ, и которые яростно накинулись нетолько на Обломова, но по поводу его — на Онѣгина, Печорина, Бельтова и Рудина во имя Штольца, и самого Штольца принесли въ очистительную жертву Ольгѣ. Въ послѣднемъ нельзя съ ними не согласиться: Ольга точно умнѣе Штольца; онъ ей съ одной стороны надоѣстъ, а съ другой попадетъ къ ней подъ башмакъ и дѣйствительно будетъ жертвою того духа нервнаго самогрызенія, которое эфектно въ ней только пока еще она молода, а подъ старость обратится на мелочи и станетъ однимъ изъ обычныхъ физіологическихъ отправленій.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

Digitized by Google

НѢКОТОРЫЯ ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ И НАУЧНЫЯ ТЕНДЕНЦІИ

Говорить было не мало, да ума-разума не стало.

Русскую литературу зовутъ «единственной» живой струей русской жизни и это пожалуй справедливо; только въ послѣднее время начали кажется просачиваться и другія живыя струйки. Мысль массы, это неуловимое нѣчто, которое по законамъ сопоставленія должно бы назвать «мертвой струей», оказываетъ въ послѣднее время (а можетъ-быть это мы теперь только стали подмѣчать это) тоже нѣкотораго рода жизненные признаки. Такъ между прочимъ ею поднято нѣсколько весьма важныхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ литература если и занималась, то во всякомъ случаѣ не удовлетворила требованіямъ массы. Между тѣмъ вопросы эти такъ назойливо, такъ живо затрогиваютъ людей, неотшатнувшихся отъ этой массы, что сонъ у нихъ разгоняютъ, жолчь подымаютъ, нервныя болѣзни производятъ. Обсуждать эти вопросы хладнокровно почти нѣтъ никакой возможности: отчего явленія жизни русскаго образованнаго общества нетолько не соотвѣтственны, но подчасъ прямо противоположны явленіямъ русскаго духа? Отчего при всѣми признаваемомъ здравомъ смыслѣ русскаго человѣка, и вдобавокъ при умѣньи его юмористически, даже саркастически отнестись къ самому себѣ, онъ, этотъ русскій человѣкъ, будучи образованнымъ, берется почти всегда за то именно, къ чему наименѣе способенъ? Отчего съ другой стороны при всѣми признанной способности русскаго человѣка къ механикѣ (въ каждомъ уѣздѣ, что я говорю, почти въ каждой волости можно найти болѣе или менѣе развитаго механика-самоучку, дѣйствующаго конечно въ предѣлахъ своей опытности), Русь не отличается механиками-учеными, нетолько не выдумала какихъ-нибудь диковинныхъ машинъ, нетолько не умѣетъ ихъ сработать, но даже увы! и для постановки готовой уже машины ей нужно выписывать механиковъ изъ-за границы? Отчего

Digitized by Google

несмотря на пословицу «ученье свѣтъ, неученье тьма», русскій необразованный бѣжитъ отъ школы, какъ отъ чумы, матери отправляютъ туда дѣтей «съ веліемъ воплемъ и стенаніями», а дѣти (которыя, полагается, стали по выходѣ людьми образованными) выносятъ оттуда воспоминанія только о томъ, что ихъ дурно кормили, дурно одѣвали, дурно помѣщали, дурно штрафовали, т. е. наказывали розгами и т. п.? Отчего русскій человѣкъ, зная все это и многое другое, а въ томъ числѣ и пословицу «своя рубаха къ тѣлу ближе», ставши образованнымъ и пустясь въ прогресъ, начинаетъ разработывать чуждые элементы, а свои родные, національные оставляетъ въ сторонѣ? Отчего и при разработкѣ чуждыхъ элементовъ даетъ онъ волю фантазіи, а не придерживается здраваго смысла русскаго, смѣтки русской? Отчего и самая фантазія паритъ вовсе не по поднебесью, а больше придерживается средины тѣла человѣческаго; въ случаѣ же если повыше подымется, то подвергается свисту и прочимъ «модньмъ» бѣдствіямъ? Отчего напримѣръ разсужденія о политикѣ сводятся на требованія эмансипировать женщину, уничтожить семью, ввести общественное воспитаніе дѣтей и пр. т. п., а вопросъ объ эмансипаціи женщинъ сводится обыкновенно въ концѣ концовъ на половыя отношенія; вопросъ о воспитаніи дѣтей на вопросъ «нужно ли сѣчь дѣтей?» и т. д., и т. д.

Не поискать ли разрѣшенія и этихъ вопросовъ тамъ же, гдѣ отыскались самые вопросы, т. е. въ массѣ. Конечно мы въ ней не найдемъ отвѣтовъ вполнѣ формулированныхъ, ставшихъ ясной, сознанной мыслью; масса русскихъ, тѣхъ русскихъ, въ средѣ которыхъ не привились чуждые элементы, въ средѣ которыхъ сохранился еще русскій духъ, тотъ самый, что передъ лицомъ литературы и до сихъ поръ

Въ стклянкѣ
Неоткупоренъ стоитъ.

Эта масса, какъ впрочемъ и всякая другая масса, только чуетъ искомые отвѣты, только тяготѣетъ къ нимъ, иначе — въ ней существуютъ только извѣстныя «тенденціи». Какъ показываетъ заглавіе, мы думаемъ представить только «нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи».

Всѣмъ извѣстно, какъ отнеслась литература къ вопросамъ о воспитаніи; благодаря русской скромности, не дозволяющей

Свое сужденіе имѣть,

чисто-педагогическіе журналы (за исключеніемъ разумѣется «Ясной Поляны», гр. Л. Н. Толстого) пробавляются пересадкою нѣ-

Digitized by Google

мецкихъ методовъ на русскую почву, а журналы непедагогическіе, благодаря особому свойству прогресирующей русской фантазіи не только сводили, но и теперь еще сводятъ педагогическіе вопросы на вопросъ «нужно ли сѣчь дѣтей?» Да и этотъ вопросъ, жалкій и ничтожный въ сравненіи съ другими, порѣшонъ даже покойнымъ Добролюбовымъ какъ-то ужь очень просто: «еще попечитель округа», говоритъ онъ въ статьѣ: «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами» о Н. И. Пироговѣ, «а спрашиваетъ какъ его порѣшить! *Да приказалъ не сѣчь и не будутъ сѣчь.*» Всѣмъ извѣстно, что и другіе педагогическіе вопросы порѣшались преимущественно тѣмъ же «кабинетнымъ» способомъ: приказалъ, предписалъ, далъ программу, далъ инструкцію, далъ образчикъ и баста. А между тѣмъ жизнь шла себѣ потихоньку, да полегоньку впередъ, не заходя въ кабинеты («ясли-де къ коровѣ не ходятъ»), и ушла-таки очень и очень далеко. Предписанія, программы и инструкціи, данныя начальствомъ и публицистами педагогамъ образчики, «по оныхъ» составленные педагогами изъ нѣмцевъ или онѣмечившимися русскими, все это при столкновеніи съ современной жизнью и мыслью массы оказывается или совершенной нелѣпостью или «дѣломъ неподходящимъ», т.-е. негоднымъ ни для русской жизни, ни для русскихъ дѣтей. Правда всѣ твердили, что дѣти вообще вовсе не такъ глупы, какъ съ виду кажется, что напрасно не держутъ при нихъ языкъ на привязи, что они *размышляютъ* о томъ что при нихъ говорится, что они только своей особой жизнью живутъ, что у нихъ свой особый міръ (а слѣдовательно и свое особое міросозерцаньице, прибавимъ мы) и т. д. и т. д. А между тѣмъ на практикѣ, т.-е. примѣняя свои воззрѣнія къ дѣлу (разумѣется тоже только на бумагѣ: въ школу-то страшно пойти съ такими примѣненіями; тамъ, чего добраго, просмѣютъ, а нѣтъ такъ еще и побьютъ ребятишки) тѣже лица, какъ видно въ особенности по образчикамъ (которые можно найти вообще въ нѣмецко-русскихъ педагогическихъ журналахъ, а въ частности въ журналѣ «Мин. Нар. Просвѣщенія», напримѣръ въ статьѣ г. Радонежскаго «Два года занятій на педагогическихъ курсахъ въ Новочеркаской гимназіи», декабрь, 1862), дѣтей-школьниковъ третируютъ чуть ли не хуже кретиновъ, задавая имъ напримѣръ при разборѣ «Утопленника» Пушкина (!!!) вопросы въ родѣ: «Видали ли вы воду?» или «можетъ ли течь хлѣбъ?» и т. п. Да тутъ же и учителя «кстати» должно-быть принимаютъ за какую-то пѣшку, съ которой можно всякія колѣна выкидывать. А впрочемъ отчего же при случаѣ покрайней-мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ и не третировать подобнымъ образомъ? отнеслись же многіе изъ нихъ съ полнымъ сочувствіемъ къ тому что въ сущности должно было

Digitized by Google

бы возбудить въ нихъ реакцію. Къ счастію реакція противъ опошленія не замедлила явиться въ массѣ, какъ только эта послѣдняя стала просыпаться отъ своего долговременнаго забытья.

Масса народная давно уже отрицательно отнеслась къ казенной офиціальной школѣ. Точно также отрицательно относится она и теперь, какъ къ ней, такъ и къ различнымъ «извитіямъ словесъ», имѣющимъ въ виду только подмѣшать новаго вина къ старому, хранящемуся въ старыхъ мѣхахъ, т.-е. сдѣлать богъ-знаетъ что. Протестъ свой противъ существующихъ школъ масса заявила и молча, и словомъ, и печатью.

Молча Русь давно уже заявила свою антипатію къ казенной школѣ. Въ самомъ дѣлѣ большинство грамотнаго простонародья вышло никакъ не изъ приходскихъ и не изъ уѣздныхъ училищъ. Грамотѣи (которыхъ мы различаемъ отъ грамотныхъ, потомучто послѣдніе не пользуются своимъ знаніемъ азбуки) стали грамотѣями подъ руководствомъ частныхъ учителей: какой-нибудь отставной солдатъ, какой-нибудь книжникъ изъ раскольниковъ, какая-нибудь баба-начетчица, — вотъ кто были ихъ наставниками. Они нетолько бѣгали отъ казенныхъ школъ, гдѣ имъ предоставлено было это право, но даже платились, напримѣръ въ селеніяхъ государственныхъ имуществъ, лишь бы только ихъ не тащили въ школу. А между тѣмъ любовь къ грамотности есть, охота поучиться уму-разуму забираетъ и молодыхъ и старыхъ, для грамотѣевъ-учителей существуетъ огромная практика! Странна и непонятна казалась при этомъ антипатія къ школѣ. Но теперь можно догадаться о настоящей ея причинѣ: стоитъ только заглянуть въ исторію и статистику воскресныхъ школъ. Когда онѣ только зачинались на Руси, порядокъ въ нихъ былъ такой: нѣсколько учителей приходило, не зная положительно, чѣмъ каждому изъ нихъ придется заняться; приходило и множество учениковъ, положительно знающихъ что̀ каждому изъ нихъ нужно. Одинъ просилъ, чтобы его поучили читать: «я-де совсѣмъ грамотѣ не знаю»; другой говорилъ, что ему надо письму поучиться; третій говорилъ, что и читать и писать умѣетъ, да плохо, получше бы хотѣлось, такъ хотѣлось бы читать и писать, «чтобы все то-есть понимать какъ есть»; четвертый просилъ поучить счету, пятый просилъ объяснить какъ это все на бѣломъ свѣтѣ дѣлается, ну и машины эти разныя, какъ что куда слѣдуетъ, и т. д. и т. д. Учителя собирали вокругъ себя всю эту разнохарактерную толпу и раздѣляли ее на кружки, изъ которыхъ въ каждомъ было по учителю, занимавшемуся тѣмъ чего требовали индивиды, составлявшіе этотъ отдѣльный кружокъ. Узнавъ о такомъ состояніи воскресной школы, народъ двинулся къ

Digitized by Google

вей не то что толпою, а просто массою. Но тутъ-то и пришло добрымъ людямъ на мысль, что не обо всемъ-де слѣдуетъ знать простонародью, да и учителя-то еще пожалуй богъ-знаетъ чего насвяжутъ, комунизмъ и соціализмъ станутъ проповѣдывать (какъ-будто въ народѣ нѣтъ ни Федосѣевцевъ, ни бѣгуновъ, ни тому подобныхъ безпоповщинцевъ!). Мысль облеклась въ слово, а слово — въ дѣло: воскресныя школы стали регламентировать, опять и для нихъ пошли програмы, инструкціи, образчики и т. п. И что же вышло? Народъ отшатнулся и отъ воскресныхъ школъ: еще задолго до ихъ закрытія вмѣсто дозволенія со стороны хозяевъ-ремесленниковъ и т. п. лицъ потребовались приказанія ходить въ школу... Тутъ кажется дѣло ясно и безъ объясненій.

На словахъ Русь тоже давно заявляла свою антипатію къ казенной школѣ. Простонародье, вообще говоря, хотя подчасъ и рѣчисто, но не говорливо, а потому трудно вызвать его на разговоры о воспитаніи, о школѣ и т. п. Да если такой разговоръ и завяжется, то онъ какъ-то пустъ, безцвѣтенъ, потомучто народъ какъ-то ужь очень спокойно относится къ дурному, не разбираетъ какъ и почему оно дурно: дурно, такъ мы мимо пойдемъ, вотъ и все. Впрочемъ время отъ времени случается, покрайней-мѣрѣ намъ лично нѣсколько разъ случилось попадать на темы о воспитаніи и въ разговорахъ улавливать хотя и скудные намеки на истинныя причины недовольства. Вотъ примѣры. У меня былъ одинъ знакомецъ изъ временно-обязанныхъ крестьянъ, хорошій семьянинъ, а главное — человѣкъ до того любящій жену и малютокъ, что никогда не могъ съ ними разлучиться; вдругъ, уѣзжая въ деревню, онъ говоритъ мнѣ, что ѣдетъ собственно съ цѣлью «оставить тамъ ребятишекъ.» Это меня очень удивило: для чего же ты ихъ тамъ оставишь? «Да такъ, воздухъ здѣсь не хорошъ, знаешь, пшь они какіе зеленые, пущай тамъ поправятся.» — Ты-бы прежде объ этомъ подумалъ, а теперь смотри-ка ужь они подростаютъ, дѣло идетъ къ десяти годамъ, пора ихъ и въ школу отдавать; здѣсь-то (т. е. въ Петербургѣ) все же лучше выучатъ, чѣмъ въ деревнѣ. «Ну, знаешь, опо еще старуха на двое сказала, гдѣ лучше, либо тутъ, либо тамъ! Что тутъ въ школѣ: тутъ все не по нашему. А тамъ то-ли дѣло: свой лучше научитъ.» Словомъ сказать, послѣ обычныхъ русскихъ закидокъ и затемнѣній, употребляемыхъ въ разговорѣ «съ бариномъ», дѣло все же выяснилось и можно было догадаться, что ребята оставляются въ деревнѣ, какъ ни больно разстаться и съ ними и съ ихъ матерью, — оставляются для того, чтобы ихъ поучили тамъ кочующіе учители или учительницы. Дѣло ясное, что тутъ дорого «свое родное», каково бы оно ни было: «сурово, — не бѣлье, да

Digitized by Google

свое рукодѣлье.» И эта мысль выражается всѣми. «Эй, не шали, Мишутка, *въ нѣмца* отдамъ!» Мишутка, паренекъ лѣтъ девяти, мгновенно стушевался, хотя за минуту не обращалъ почти никакого вниманія на покрикиванья тятиньки. Это было при мнѣ въ кружкѣ временно-обязанныхъ крестьянъ и всякаго люда изъ простонародья. Я удивился мгновенному дѣйствію магическихъ словъ на малютку, да ктому же признаться и не понялъ ихъ смысла, въ чемъ откровенно и громко сознался. И боже-мой какой смѣхъ поднялся вокругъ меня: «А еще самаго въ нѣмца отдавали, — трунилъ одинъ — оттого-то онъ и порасейски мало понимаетъ», подтрунивалъ другой, и т. д. Наконецъ всѣ эти возгласы, смѣхъ, шутки и проч. окончились тѣмъ, что мнѣ разъяснили значеніе магическихъ словъ: «отдать въ нѣмца», значитъ отдать въ школу.

Не такъ односторонне и не такъ узко разсуждаютъ о школѣ купечество и ремесленники, т. е. тотъ же народъ, только немножко поразвитѣе, порѣчистѣе, и что главное — поговорливѣе. Если только есть дѣти въ семьѣ купца, ремесленника, вообще человѣка, принадлежащаго къ такъ-называемому городскому сословію, то, придя къ нему въ домъ, вы можете быть вполнѣ увѣрены, что онъ непремѣнно заговоритъ съ вами о воспитаніи. Здѣсь также замѣтна совершенная антипатія къ казенной школѣ, но здѣсь уже разсуждаютъ, пускаются вглубь, критикуютъ, объясняютъ причины антипатіи и т. п. Конечно и здѣсь ушли не далеко: изъ круга предметовъ, преподаваемыхъ въ гимназіи, городское сословіе, говоря вообще, знакомо только съ грамотой, потребность которой имъ давно вполнѣ сознана, да съ религіей, въ которой впрочемъ большинство лучшихъ изъ нихъ достигло только такъ-сказать сократовскаго совершенства, т. е. знаютъ, что они въ ней ничего не знаютъ. Толкуютъ однако и не объ однихъ этихъ предметахъ, разумѣется на первомъ планѣ выставляя все-таки ихъ. Разговорясь съ ними, вы всегда почти услышите отъ нихъ сѣтованія на то, что въ гимназіяхъ учатъ «этой поганой латыни» (она у нихъ какъ-то чуть ли не тождественна съ католицизмомъ), а на новые языки мало обращаютъ вниманія, «а они-то бы по комерціи нужнѣе были». Потомъ услышите сѣтованія объ излишествѣ наукъ въ гимназіи, причемъ въ особенности опалѣ подвергаются науки, имѣющія въ виду иностранныя земли. Понятно, что такое негодованіе противъ нихъ возбуждено нелѣпымъ и ни къ чему не ведущимъ преподаваніемъ; при хорошемъ, практичномъ методѣ преподаванія эти науки тоже оказались бы «по комерціи нужными». Что тутъ дѣйствительно виновато преподаваніе, а не наука, лучше всего доказывается математикой, въ которой тоже не видятъ пользы:

Digitized by Google

«учился, учился, а чему выучился: я скорѣй его на счетахъ расчетъ подведу» и на этомъ основаніи большинствомъ отвергается... алгебра и геометрія! Зато физику любятъ: «наука занятная». Наконецъ безъ сомнѣнія всего болѣе наслушаетесь вы о нравственности и религіи. Еще недавно одинъ знакомый купецъ взялъ сына изъ гимназіи, потомучто «совсѣмъ отъ рукъ отбился: фанаберіи эти понабралъ себѣ въ голову; мы вишь съ матерью дураки теперь стали: ни спать, ни ѣсть не умѣемъ, ни слова путнаго сказать, ну, все не такъ, да не такъ. А спроситка чему выучился: только и умѣетъ отъ храма божьяго отлынять, да родителей осудить». Жалобы эти слышны ото всѣхъ. Такъ другой купецъ, собираясь сына отдать въ школу, сильно задумывался отдавать ли его въ гимназію. Сынокъ, лѣтъ одинадцати, былъ уже отданъ въ маленькій частный пансіонъ, но не знаю по какому случаю занятія тамъ прекратились. А пансіонъ, какъ видно, очень полюбился тятинькѣ. «Что толку въ гимназіяхъ, говорилъ онъ, учатъ-учатъ, мучатъ-мучатъ, а къ чему все это? Ну кчему мнѣ, что онъ латынь эту поганую, прости господи, учить станетъ? То ли дѣло, какъ онъ у меня къ мадамѣ тутъ былъ отданъ: придетъ къ тебѣ на праздникъ и раскажетъ какъ это и кчему празднуется; за столъ сядетъ — онъ тебѣ раскажетъ и соль откуда берется, и все такое. А въ гимназіи что? шалдыберничать только научится. Въ баре тоже полѣзетъ: Бога нѣтъ, родителевъ почитать не надо... Боязно въ гимназію-то мнѣ его отдавать». И въ самомъ дѣлѣ немножко рѣзко, немножко односторонне высказаны эти мысли, но въ сущности онѣ справедливы. Мы сами видали, какъ нѣкоторые гимназисты, выпросивши (и это было неразъ) денегъ въ одномъ домѣ, тотчасъ же переходили черезъ дорогу въ другой и тамъ въ кабакѣ или въ иномъ неподобающемъ мѣстѣ истрачивали ихъ совершенно несообразно ни съ лѣтами, ни съ нравственнымъ достоинствомъ. Съ другой стороны кому не извѣстно, что всегда является страшная, разъѣдающая разрозненность между человѣкомъ поучившимся въ школѣ и необразованной семьей. Такіе люди, принадлежащіе нетолько къ этимъ семьямъ, а даже и къ семьямъ полуобразованнаго чиновничества, испытываютъ, говорятъ, ужасныя внутреннія муки. Но сказываютъ, что истинно и глубоко образованные люди этого не испытываютъ, слѣдовательно есть что-то въ нашихъ школахъ, что препятствуетъ нормальному ходу развитія.

Печатно Русь, какъ извѣстно, заявила свое недовольство только недавно, но зато отъ самого сердца, отъ Москвы (1): не потому ли

(1) Многіе увѣряютъ впрочемъ, что московскіе купцы никогда и не думали заявлять подобнаго мнѣнія и что все это была газетная утка. *Ир. Ред.*

Digitized by Google

уже, что изъ сердца происходятъ помышленія злая, лжесвидѣтельства, татьбы, хулы и пр.? Правы ли московскіе купцы въ своихъ претензіяхъ, дѣло ли они затѣваютъ отдать школы въ завѣдываніе духовнымъ — рѣшить эти вопросы не мудрость какая. Очевидно, купцы замѣтивъ явленіе, дѣйствительно имѣющее мѣсто, объяснить его фактически не съумѣли, а порѣшили дѣло не задумавшись, на манеръ «тяпъ да ляпъ и корабь». Явленіе, замѣченное ими, поражаетъ не однихъ только ихъ, а и всѣхъ насъ; это разрозненность съ жизнью и со средою въ тѣхъ, кто поучился въ школѣ; громадный недостатокъ нашихъ школъ, тотъ, что онѣ вовсе не для жизни готовятъ, а богъ-знаетъ для чего. Купцы порѣшили, что разрозненность является вслѣдствіе недостаточности нравственнаго и религіознаго воспитанія; мы, знающіе дѣло ближе и могущіе фактически судить о немъ, можемъ положительно сказать, что явленіе зависитъ отъ недостаточности развитія вообще (хотя вмѣстѣ съ ними готовы требовать улучшеній въ воспитаніи вообще и въ обученіи религіи въ особенности). Человѣкъ недоразвитый, человѣкъ нахватавшійся вершковъ, какъ обыкновенно и выходитъ изъ нашихъ гимназій огромнѣйшее большинство, никогда не будетъ пригоднымъ къ жизни и всегда будетъ въ тягость каждому.

Человѣкъ, развитый въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, будетъ «человѣкомъ» развитымъ односторонне, потомучто и то и другое развитіе есть собственно развитіе сердца; умъ, если и развивается при этомъ, то развивается не самостоятельно, а при посредствѣ сердца, при иниціативѣ сердца, подъ властью сердца. Такой человѣкъ, дойдя до предѣловъ своего развитія, конечно не сдѣлается дѣятелемъ полезнымъ для общества, а скорѣе всего ударится въ аскетизмъ, и слѣдовательно сдѣлается совершенно чуждымъ обществу, какъ и бывали тому примѣры; но все же, пока онъ не дошолъ до крайности, пока онъ не сказалъ отцу:

Прощай!
Не злобствуй на мои печали
И денегъ мнѣ не припасай;
Промаюсь помыломъ не шумнымъ,
Да подаяніемъ мірскимъ...

до тѣхъ поръ онъ безъ сомнѣнія стерпимѣе всякаго верхогляда.

Дѣло ясно, и потому купцы пожалуй правы со своей точки зрѣнія, когда заявляютъ желаніе вручить завѣдываніе школой духовному лицу. Но мы, люди мірскіе, не видимъ въ этомъ особеннаго блага, какъ и во всякой другой односторонности. Мы не намѣрены

Digitized by Google

не хвалить, ни осуждать купцовъ за ихъ протестъ: пусть всякій думаетъ и судитъ посвоему, лишь бы только думалъ, да судилъ, а тѣ къ кому относится дѣло разъясняли бы его. Съ своей стороны, мы думаемъ только воспользоваться ихъ протестомъ, какъ печатнымъ свидѣтельствомъ того, что дѣйствительно въ народѣ есть недовольство школой и что дѣйствительно существуютъ въ немъ «нѣкоторыя педагогическія и научныя тенденціи»; съ помощью этого протеста легче вывести на свѣтъ эти тенденціи.

Мы укажемъ только четыре тенденціи:

Во-первыхъ народъ ненавидитъ всякаго рода регламентацію школы, а въ особенности распредѣленіе времени и предметовъ занятій, програмъ и образчиковъ и т. п.

Регламентація дѣйствительно губитъ школы и заграницей, а у насъ онѣ и подавно должны отъ нея гибнуть. Всѣмъ извѣстна распущенность русской натуры. Русскій никакъ не можетъ подчинить себя такому строгому порядку, никакъ не можетъ вдаться въ такую формалистику, какъ напримѣръ нѣмецъ, онъ напротивъ гораздо охотнѣе занимается именно тѣмъ, чѣмъ по порядку вовсе не слѣдовало бы заниматься, онъ эту ненависть къ распредѣленію времени выражаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ и въ особенности когда отдаетъ дѣтей «въ ученье» какому-нибудь частному учителю: тутъ онъ непремѣнно при разговорѣ о платѣ, въ случаѣ спроса за часовой урокъ, скажетъ: «да что мнѣ въ твоихъ часахъ, приходи насколько хочешь и когда хочешь, а плату получай за выучку.» Диво ли, что назначеніе часовъ и распредѣленіе занятій совсѣмъ его обезкураживаютъ? Съ другой стороны програмы и образчики, точно также какъ и балы, награды и наказанія за успѣхи, экзамены и т. п. совершенно излишни: плохому ученику, равно какъ и плохому учителю, все это не въ помощь, а хорошаго все это стѣсняетъ и обезкураживаетъ. Воскресныя школы нравились народу именно тѣмъ, что онъ могъ ходить туда въ свободное время и встрѣчалъ тамъ учителей, пришедшихъ не по обязанности, ничѣмъ не стѣсненныхъ, и что главное, подлежащихъ его избранію, — къ которому хочу, къ тому и пойду. Какъ устроить школы повсюду такъ, чтобы онѣ удовлетворяли тенденціи, объ этомъ не время говорить, когда рѣчь идетъ о самой тенденціи.

Во-вторыхъ народъ самъ хочетъ завѣдывать воспитаніемъ и образованіемъ, отвергая тѣмъ самымъ казенное начальство школы и учителей, назначенныхъ по дипломамъ; онъ предпочитаетъ имъ начальство и учителей, выбранныхъ самимъ народомъ изъ числа людей, извѣстныхъ ему за образованныхъ.

Выборное начало такъ глубоко вкоренено въ русскомъ человѣкѣ,

Digitized by Google

что не диво, если желательно примѣненіе его и къ педагогическому міру. Что на первый разъ народъ обратится къ духовенству, какъ и показываетъ протестъ московскихъ купцовъ, — это очень естественно, также естественно какъ и то, что не удовлетворятъ его вполнѣ выбранныя имъ лица и что онъ на нихъ недолго остановится. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время народъ пока только одному духовенству довѣряетъ изъ образованныхъ: оно возрастаетъ въ его средѣ, оно знакомо со всѣми его свычаями и обычаями, оно только и отличается отъ него тѣмъ, что пообразованнѣе, — такъ покрайней-мѣрѣ теперь думаетъ народъ. Быть-можетъ скоро онъ иначе пойметъ это же самое духовенство, быть-можетъ онъ при его же помощи догадается, что и оно своимъ образованіемъ разрознено съ нимъ; быть можетъ онъ смѣкнетъ, что это оно комплектуетъ полчища нелюбимаго имъ чиновничества, которое въ большинствѣ и выродилось изъ него, и т. д. Но все это быть-можетъ, а въ настоящее время этого нѣтъ, и потому намъ нисколько не удивительно, что ● болѣе развитые представители народа, купцы, обращаются къ духовенству. Въ барахъ народъ издавна привыкъ видѣть своихъ недруговъ, а образованность у насъ, какъ на зло, выражается именно тѣмъ, что глядишь человѣкъ «въ баре полѣзетъ», а потому и не диво, что народъ отшатывается отъ тѣхъ, которые отшатнулись отъ него, да вдобавокъ и не знаютъ какъ снова къ нему вернуться.

Втретьихъ народъ требуетъ, чтобы школа готовила людей для жизни.

Русскій человѣкъ всегда видитъ въ образованномъ разрозненность съ жизнью, но не всегда на нее негодуетъ. Онъ не жалуется на то, что сынъ вора не сталъ воровать, сынъ плута не сталъ мошенничать и т. д., нѣтъ, онъ напротивъ говоритъ при этомъ: «вотъ оно что, наука-то: подлинно, что ученье свѣтъ, неученье тьма.» Тогда только онъ негодуетъ и ропщетъ на образованность, когда въ проявленіяхъ ея видитъ ея несостоятельность. Намъ не разъ удавалось слышать возгласы вродѣ: «не кощунствуй при мнѣ, говорю тебѣ: *при мнѣ* не кощунствуй! Поди къ своей братьи-шелопаямъ и болтай тамъ что хочешь, а при мнѣ не моги: голову сорву! Ты этимъ *меня* оскорбляешь!» Воля ваша, намъ въ подобныхъ возгласахъ слышалось не одно ханжество: мы ясно отличали здѣсь требованіе уваженія къ своимъ убѣжденіямъ, въ «братьѣ-шелопаяхъ» намъ чудилось и уваженіе къ чужимъ убѣжденіямъ; намъ думалось всегда, что при этихъ случаяхъ разрозненность замѣчается не въ различіи мнѣній образованнаго и необразованнаго, а въ неумѣньи образованнаго отнестись къ необразованному... Точно тоже замѣчали мы и въ тысячи другихъ случаевъ, напримѣръ когда неучь-

Digitized by Google

отецъ говоритъ образованному сыну: «а по мнѣ чортъ съ тобой и съ твоей образованностью, когда ты меня уважить не хочешь», замѣтьте это многознаменательное «уважить» вмѣсто уважать, или «ты меня обзываешь грабителемъ безчестнымъ, а родительскія награбленныя деньги транжирить — развѣ честно?» или «да что ты все меня коришь, что я не понимаю да не понимаю; да ты-то меня пойми, меня-то пойми» и проч. и проч.

Наконецъ *вчетвертыхъ*, на науку народъ смотритъ какъ на навыкъ (что впрочемъ видно и по словопроизводству).

Эта тенденція показываетъ явное присутствіе здраваго смысла и совершенно совпадаетъ съ идеями, проповѣдуемыми въ послѣднее время лучшими педагогами. Дѣло школы приготовить для жизни; она должна имѣть въ виду не передачу науки для науки (это — нелѣпость, выдуманная досужествомъ, и совершенно соотвѣтствующая «искуству для искуства»), а примѣненіе науки къ жизни: наука школьная должна сообщать только тѣ факты и познанія, которыя ведутъ къ осмысленію жизни и ея обстановки; она должна преподаваться такъ, чтобы самое преподаваніе благодѣтельно дѣйствовало на развитіе способностей и приучало къ самодѣятельности.

Развитіе каждой изъ этихъ тенденцій можетъ служить темою для обширной статьи. Мы ограничились только поверхностными замѣчаніями о здравости ихъ, — мы только заявили объ ихъ существованіи. Но и это, смѣемъ надѣяться, не маловажный шагъ на пути къ разрѣшенію выставленныхъ въ началѣ статьи вопросовъ; стоитъ только помнить многосмысленное изрѣченіе Кузьмы Пруткова «смотри всегда въ корень». Въ самомъ дѣлѣ, руководясь этимъ незабвеннымъ правиломъ, мы увидимъ, что и разрозненность русскаго образованнаго общества съ чистой русью, и неумѣнье образованнаго русскаго человѣка взяться за «дѣло подходящее» ему, и немногочисленность ученыхъ механиковъ, и отвращеніе къ школѣ съ ея обстановкою, и нелѣпость воспоминаній о ней, и служеніе «богамъ иностраннымъ», и незнаніе русскихъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ тенденцій и проч. и проч., все это зависитъ отъ того, что русское образованіе не проникнуто русскимъ духомъ, т.-е. если угодно оттого, что русское образованное общество только цивилизованное, т.-е. воспринявшее чуждые элементы, а не истинно-образованное общество.

НГДЕВЪ

Digitized by Google

La Sorcière par J. Michelet. 1863. Bruxelles et Leipzig.

КОЛДУНЬЯ. СОЧ. МИШЛЕ

«Предметъ этой книги, говоритъ авторъ, не исторія волшебства, но простое и сильное изображеніе жизни колдуньи, жизни, которую мои ученые предшественники затемнили избыткомъ знанія и подробностей. Сила моя въ точкѣ отправленія; я начинаю не отъ пустого призрака, но отъ живого существа, отъ колдуньи...» Задавшись такимъ образомъ, Мишле говоритъ, что хочетъ представить въ краткомъ очеркѣ біографію колдуньи въ теченіи тысячи лѣтъ, различныя формы, въ которыхъ выражался ея типъ впродолженіи этого времени, постепенное преобразованіе ею злого духа отъ рѣзваго шаловливаго домоваго до грознаго сатаны; онъ хочетъ показать, какъ колдунья, явившись вслѣдствіе чрезмѣрности бѣдствій, мало-по-малу распространяла свою власть и наконецъ явилась въ головѣ религіозной секты; какъ въ то же время она сама себя поражала, сама уничтожала свое вліяніе; какъ потомъ сошла со сцены и едва удержалась въ деревняхъ.

«Царственныя жрицы Персіи, восхитительная Цирцея, величавая Сивилла, увы! что съ вами сдѣлалось? Какое варварское преобразованіе! Та, которая съ трона востока учила свойствамъ травъ и движенію звѣздъ, та, которая съ дельфійскаго треножника, блеста славой бога свѣта, возвѣщала оракулы коленопреклоненному міру; та, тысячу лѣтъ спустя, травится какъ дикій звѣрь, преслѣдуется на всѣхъ перекресткахъ, обезчещенная, терзаемая, побиваемая камнями, сожигаемая на горячихъ угольяхъ...

«Сивилла предсказывала судьбу, колдунья управляетъ ей: въ этомъ ихъ истинная громадная разница Она вызываетъ, заклинаетъ, измѣняетъ предопредѣленіе. Это не древняя Кассандра, которая такъ хорошо предвидѣла будущее и плакала, ожидая его; нѣтъ, колдунья творитъ это будущее: она выше Цирцеи, выше Медеи, — она имѣетъ въ

Digitized by Google

своихъ рукахъ магическій жезлъ естественнаго чуда; природа помощница и сестра ея...

«Ни древняя волшебница, ни кельтійская и германская пророчица (Voyante) не представляютъ типа настоящей колдуньи. Невинныя сабазіи, праздники въ честь Бахуса, маленькіе деревенскіе шабаши никакъ не «черная месса» XIV вѣка. Эти страшныя понятія не были слѣдствіемъ длиннаго ряда преданій: онѣ возникли изъ бѣдствій эпохи.

«Съ какого же времени считать появленіе колдуньи? Съ эпохи отчаянія.» (La Sorcière)

Высказавъ это мнѣніе, Мишле утверждаетъ, что преобразованіе женщины въ колдунью совершилось постепенно, что сначала она вѣрила въ домового и только въ XI вѣкѣ обратила его въ сатану; что первый договоръ съ нимъ относится къ началу XIII столѣтія, что культъ злому духу начинается сто лѣтъ спустя и то единственно во Франціи.

Разсмотримъ до какой степени вѣрны эти положенія.

Первоначальное образованіе языческихъ религій произошло подъ непосредственнымъ вліяніемъ явленій природы. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ силы ея имѣли громадный перевѣсъ надъ силами человѣка, суевѣріе развилось сильнѣе. Препятствія всякаго рода были такъ страшны и разнообразны, что заставляли безпрестанно обращаться къ сверхъестественному вмѣшательству. Запуганное воображеніе создавало грозные и могущественные образы, не существующіе въ природѣ. Населивъ ее добрыми и злыми геніями, оно въ нихъ искало спасенія. Люди, болѣе другихъ изучившіе ее, рѣзко выдѣлились изъ толпы и стали посредниками между ней и богами. Они умѣли обратить въ свою пользу и свои познанія и нѣкоторыя болѣзненныя явленія человѣческаго организма (1).

Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что нервныя болѣзни могутъ сопровождаться такими изумительными симптомами, которые въ состояніи и въ наше время заставить задуматься людей даже развитыхъ и знакомыхъ съ естественными науками. Эти симптомы въ эпоху древней цивилизаціи казались необъяснимыми, чудесными. Каталепсія, гипнотизмъ, экстазъ — должны были поражать умы невольнымъ благоговѣніемъ. Дѣйствительно, кого не удивило бы зрѣлище человѣка, который не чувствуетъ боли, находится въ неестественномъ натянутомъ положеніи по нѣсколько часовъ, съ восторгомъ говоритъ о небѣ и небесныхъ наслажденіяхъ, разсказывая разныя чудныя видѣнія? Неимовѣрная чувствительность нервовъ въ гипнотизмѣ и въ тоже время отсутствіе

(1) Bucle. History of civilisation; Dupuis. Origine des cultes.

Digitized by Google

реактирующей силы разсудка, препятствовавшее больному различать свои впечатлѣнія отъ впечатлѣній, полученныхъ извнѣ не произвольно; способность нѣкоторыхъ сомнамбуловъ отгадывать свои припадки и назначать лекарства нетолько себѣ, но и другимъ — все это сильно способствовало утвержденію вѣры въ чудесное.

Женщины по особому устройству своего организма, по легковѣрію и воспріимчивости, по преобладающей силѣ воображенія и страсти наиболѣе склонны къ нервнымъ болѣзнямъ; онѣ легче мужчинъ способны сдѣлаться слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ жрецовъ (1).

Во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ рядомъ съ обоготвореніемъ добраго начала существовало обоготвореніе злого. Запуганное человѣчество обращалось не только къ добрымъ богамъ и геніямъ, но и къ злымъ, чтобъ умилостивить ихъ. Какъ бы великъ ни былъ фатализмъ, господствующій въ религіи, врожденное человѣку чувство самосохраненія, заставляло его стремиться къ узнанію будущаго, къ отвращенію угрожающихъ бѣдствій чисто человѣческими средствами. Лаію предсказано, что онъ погибнетъ отъ руки сына, и онъ велитъ погубить Эдипа. Легенды о Парисѣ, Персеѣ и множествѣ другихъ представляютъ намъ примѣры какъ древній человѣкъ пытался вырваться изъ-подъ власти судьбы.

Съ другой стороны болѣзни и желаніе удовлетворить страстямъ побуждали человѣка обращаться къ колдуньѣ, какъ къ женщинѣ, узнавшей магическія свойства камней и травъ, таинственное вліяніе звѣздъ.

Такимъ образомъ колдунья явилась какъ выраженіе первой попытки человѣческаго ума подчинить себѣ природу. Невѣжество признало себя побѣжденнымъ и преклонилось предъ ней.

Вліяніе и значеніе ея измѣнялись сообразно умственному состоянію общества, сообразно положенію въ немъ женщины и системы религіозныхъ вѣрованій.

Двойственность требованій общества, двойственность культа противоположнымъ принципамъ обусловливала формы, въ которыхъ проявлялась колдунья: то она была прорицательницей, то лекаркой, то служительницей свѣтлыхъ боговъ, то заклинательницей, посредницей между міромъ тѣней и живыми людьми.

Но несмотря на всю важность и многосторонность своей роли, она утратила первое мѣсто въ историческую эпоху: вездѣ мы находимъ ее подъ вліяніемъ жрецовъ, не говоря уже о востокѣ, гдѣ

(1) Maury. Le sommeil et les rêves; Figuier. Histoire du merveilleux.

Digitized by Google

женщина никогда не въ силахъ была выбиться изъ-подъ ига домашняго и общественнаго деспотизма, но даже въ Греціи у дорійскаго племени, гдѣ она пользовалась значительной свободой. Знаменитая Пиѳія только прорицала; прорицанія же ея истолковывали жрецы. Значеніе гестіадъ ограничивалось служеніемъ Гестіи (1). Такое же явленіе представляютъ въ Римѣ весталки. Религія, сдѣлавшаяся политическимъ учрежденіемъ въ республикѣ, исключала женщину отъ всякаго вмѣшательства въ общественныя дѣла. Длинный рядъ консуловъ, первосвященниковъ, аруспиціевъ оставили колдуньѣ только значеніе лекарки и ворожеи. Скоро она сдѣлалась торговкой волшебными напитками и отравительницей. Переходъ этотъ объясняется тогдашнимъ положеніемъ римскаго общества. Отсутствіе всякихъ нравственныхъ убѣжденій, мотовство и корыстолюбіе патриціевъ и матронъ, жалкое состояніе рабовъ — вотъ пружины, вызывавшія дѣятельность колдуньи. Съ одной стороны у ней требовали яду нетерпѣливые наслѣдники, съ другой мстительные страдальцы. Въ эпоху императоровъ она повысилась еще болѣе: имена Локусты и Канидіи тѣсно связаны съ именемъ цесарскаго Рима. Напрасно сенатъ издавалъ многочисленные указы противъ отравительницъ; напрасно за смерть господина, убитаго рабомъ, всѣ его невольники подвергались смерти; напрасно поэты и ораторы вопіяли противъ отравленій: ни страхъ наказанія, ни страхъ насмѣшки и презрѣнія не останавливали ихъ (2).

Таково было истинное значеніе колдуньи въ древнемъ мірѣ; но не таково оно было въ народной фантазіи. Подъ постояннымъ вліяніемъ жрецовъ, она выработала изъ ней типъ злого существа съ неограниченной властью. Преданія о Цирцеѣ и Медеѣ смѣнились сказаніями о фессалійскихъ волшебницахъ. Апулей въ этомъ случаѣ является лучшимъ истолкователемъ народныхъ вѣрованій.

«Это волшебница, сказалъ онъ (Сократъ Фесаліецъ); она можетъ по своей волѣ понизить небеса, сдвинуть землю, окаменить рѣки, разжидить горы, вызвать тѣни снизу на верхъ, боговъ сверху внизъ, потушить звѣзды, освѣтить самый тартаръ. (Metamorphoseon lib. I.)

«Эта колдунья одна изъ самыхъ знающихъ: она не можетъ видѣть молодого красиваго человѣка, не воспылавъ къ нему страстью.. При малѣйшемъ сопротивленіи, она приходитъ въ негодованіе и превращаетъ упорныхъ въ камень, въ животныхъ, а иногда уничтожаетъ ихъ совсѣмъ. (ibid. lib. II.)

«Вотъ, запершись въ свою магическую лабораторію, она присту-

(1) Гестіа дочь Сатурна и Реи, греческая Веста.

(2) Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité.

Digitized by Google

паетъ къ обычнымъ занятіямъ. Со всѣхъ сторонъ видно множество ароматовъ, бронзовыя полосы съ неизвѣстными надписями, гвозди отъ разбитыхъ кораблей. пропасть человѣческихъ остатковъ, похищенныхъ до погребенія или послѣ. Здѣсь куски носа, пальцевъ; тамъ гвозди, вырванные изъ крестовъ съ кусками мяса, дальше кровь убитаго человѣка и осколки человѣческихъ череповъ, отнятые у жадности хищныхъ звѣрей...» (ibid. III.) (1)

Таковы были понятія массы язычниковъ во второй половинѣ второго вѣка. Само собой разумѣется, что христіанство смотрѣло на колдунью еще строже: объявивъ всѣхъ идоловъ демонами, оно естественно должно было видѣть въ ней ихъ служительницу. Принятіе Константиномъ новой религіи было для колдуньи громовымъ ударомъ. Законы церковные и гражданскіе угрожали ей смертной казнью, но это самое гоненіе на нее и на паганизмъ и печальное положеніе общества въ IV вѣкѣ, способствовали усиленію колдовства.

Выше мы замѣтили, что несчастіе дѣлаетъ человѣка робкимъ и суевѣрнымъ или доводитъ до отчаянія. Дурная пища, постоянное угнетеніе, страхъ новыхъ бѣдствій разстроиваютъ нервную систему, измѣняютъ составъ крови и порождаютъ новыя болѣзни въ изумительномъ количествѣ. Всѣ эти причины существовали.

Эпоха побѣды христіанства застала древній міръ въ самомъ хаотическомъ состояніи; паганизмъ утратилъ свою жизненность и только поддерживался неоплатонизмомъ и мистицизмомъ востока. Первый привлекалъ своей философской стороной; второй обрядностью и таинственностью. Римъ былъ центромъ, гдѣ можно было видѣть всѣ богослуженія покорныхъ ему странъ. Тамъ на ряду съ храмами, въ которыхъ красовались изящныя произведенія греческаго рѣзца, были воздвигнуты массивные храмы, жилища чудовищныхъ идоловъ востока, тамъ совершались циническія празднества въ честь Цибеллы и процессіи жрецовъ ея тянулись по улицамъ въ черныхъ одеждахъ, съ сѣкирами въ рукахъ при звукахъ трубъ и литавръ; тамъ изъ храма Изиды раздавались дикіе крики; тамъ поклонники Мифры спускались въ пещеру... магія, астрологія, вызываніе духовъ, толкованіе сновъ — вотъ въ чемъ состояла сущность паганизма въ то время; къ этому примѣшивались въ отдаленныхъ провинціяхъ преданія и обряды варваровъ... Философъ Фелистій насчитываетъ до 300 языческихъ сектъ...

Городское и сельское населеніе подвергалось страшнымъ притѣсненіямъ и поборамъ. Перенесеніе столицы въ Византію и укра-

(1) См. Горація, Овидія, Плавта, Авла-Геллія и друг.

Digitized by Google

ніемъ ея великолѣпными зданіями истощили государственную казну; чтобъ наполнить ее прибѣгли къ установленію новыхъ налоговъ. Скоро цѣна на жизненные припасы возвысилась въ восьмеро. Положеніе свободныхъ поселянъ стало хуже рабовъ. Возмущеніе багаудовъ (1) готово было повториться, тѣмъ болѣе, что крестьяне могли расчитывать на помощь мелкихъ владѣльцевъ. Принужденные нести службу декуріоновъ, эти владѣльцы должны были своей собственностью отвѣтствовать за исправность взноса податей своего округа. Чтобъ избавиться отъ этой должности они прибѣгали къ разнымъ средствамъ: къ браку съ рабынями, къ побѣгамъ и даже къ эмиграціи. Одно время вступленіе въ духовное званіе служило спасеніемъ, но вскорѣ запретительные указы отняли и это средство. Это нестерпимое угнетеніе имѣло слѣдствіемъ вырожденіе расы. Посмотрите на памятники тогдашняго искуства: повсюду встрѣтите отекшія, болѣзненныя, изнуренныя лица, на которыхъ прочтете только страданіе или отчаяніе (2).

Религіозные споры и ереси увеличили мѣру бѣдствій.

Такимъ образомъ въ вѣкъ Константина были всѣ данныя для распространенія колдовства, и дѣйствительно оно распространилось въ огромныхъ размѣрахъ. Падающій паганизмъ взводилъ на христіанъ разныя нелѣпыя обвиненія, торжествующее христіанство объявило всѣхъ жрецовъ и предсказателей обманщиками или служителями дьявола. Константинъ въ 319 издалъ законъ, которымъ осуждалъ гадателей на сожженіе; тѣхъ же, кто принималъ ихъ въ дома, приговаривалъ къ ссылкѣ и конфискаціи имѣнія; но заговаривателя полей и виноградниковъ отъ граду и дожля не подвергались никакому наказанію. Констанцій, Юліанъ и въ особенности Феодосій шли по слѣдамъ Константина.

Эти преслѣдованія довели нѣкоторыхъ несчастныхъ до такого отчаянія, что они вступили въ договоръ съ злымъ духомъ, давъ ему росписку кровью, какъ это было предписано преданіемъ (3).

Эта борьба христіанства съ язычествомъ продолжалась и въ послѣдующія времена. Неприготовленные умы грубой толпы съ трудомъ понимали высокія истины новаго ученія. Они не могли разстаться съ обрядами, къ которымъ привыкли съ дѣтства, они не могли отказаться вдругъ отъ понятій, всосанныхъ съ молокомъ ма-

(1) Багауды — крестьяне, возмутившіеся около 280 года; они разоряли часть западной римской имперіи, въ особенности Галлію.

(2) Gibbon. History of the decline and fall of the Roman Empire; Буркгардтъ. Вѣкъ Константина великаго.

(3) См. житіе Василія великаго и другихъ.

Digitized by Google

тери, отъ вѣрованій въ существа, занимавшія ихъ воображеніе съ дѣтства...

Странное явленіе представляла Галлія вскорѣ послѣ вторженія варваровъ. Франки, несмотря на принятіе Кловисомъ христіанства, сохраняли германскіе нравы и законы; въ отдаленныхъ углахъ, какъ напримѣръ въ Бретани, существовалъ друидизмъ; населеніе галло-римское было скорѣе языческое чѣмъ христіанское. Не только въ то время, но даже долго послѣ того сохранялись на югѣ Франціи слѣды паганизма. Въ половинѣ VI вѣка св. Кесарій, архіепископъ арльскій, всю жизнь сражался съ языческимъ суевѣріемъ своихъ прихожанъ, которые не только праздновали календы и прибѣгали къ аруспиціямъ и авгурамъ, но еще воздавали поклоненіе лѣсамъ и источникамъ. Толедскій соборъ въ 589 году предалъ осужденію танцы и неприличныя пѣсни въ церквахъ. Такъ въ Лиможѣ народъ вмѣсто того чтобъ пѣть предписанные въ литургіи стихи, пѣлъ: «св. Марціалъ, молись за насъ, мы танцуемъ ради тебя», сопровождая эти слова танцами. Подобный же обычай соблюдался въ Шалонѣ и другихъ мѣстахъ. Карлъ великій въ одномъ изъ своихъ капитуляріевъ запретилъ пляску, скаканье и пѣсни въ храмахъ, какъ остатки язычества. Римскій соборъ въ 826 прямо говоритъ: «есть лица, особенно женщины, которыя на праздникъ рождества христова и другіе идутъ въ церковь не по причинѣ, достойной похвалы, но для того, чтобъ плясать, пѣть постыдныя пѣсни, образовать и водить хоры, такъ что придя съ небольшими проступками, они возвращаются съ тяжкими грѣхами.» Эти обычаи сохранились даже до половины XVII вѣка (1).

Но такое соблюденіе языческихъ обрядовъ нисколько не препятствовало соблюденію другихъ христіанскихъ обрядовъ, усвоенію тѣхъ вѣрованій, которыя были доступнѣе невѣжественному уму массы. Такъ Григорій турскій говоритъ:

«Была въ это время одна женщина, которая имѣла въ тѣлѣ своемъ духа Пифона и своими предсказаніями доставила много денегъ господамъ своимъ; она вошла къ нимъ въ такую милость, что была отпущена на волю и могла жить какъ угодно. Если у кого-нибудь крали или онъ самъ терялъ какую-либо вещь, она тотчасъ сказывала куда воръ пошолъ, кому отдалъ покражу или что съ ней сдѣлалъ.. Извѣстіе объ этомъ достигло до Агерика, архіепископа верденскаго и онъ послалъ схватить ее. Когда она была приведена къ нему, онъ понялъ, изъ того что намъ извѣстно изъ дѣяній апостольскихъ, что она была

(1) Fauriel. Histoire de la poésie provençale; Augustin Thierry. Récits de temps mérovingiens.

Digitized by Google

одержима бѣсомъ Пифономъ. Когда онъ прочолъ надъ ней заклинаніе и помазалъ ея лобъ св. міромъ, демонъ закричалъ и открылъ святителю всю истину, который не могши изгнать его, позволилъ женщинѣ идти домой (книга VII). » (¹)

Точно также раньше эпохи, указанной Мишле, мы находимъ извѣстія о шабашѣ и о сожительствѣ съ демономъ. Бергамстетскій соборъ въ Англіи въ 696 ясно говоритъ о поклоненіи злымъ духамъ. Капитулярій о волшебствѣ (de sortilegiis et sortiariis) относящійся въ IX вѣку, возстаетъ противъ женщинъ, которыя полагаютъ, что съ помощью демона Діанума могутъ носиться по воздуху (²). Недостатокъ свѣдѣній объ этихъ временахъ не дозволяетъ навѣрно утверждать, что существовала тогда «черная месса», но нѣкоторыя данныя позволяютъ думать, что всѣ элементы для ней были готовы. Толедскій соборъ въ 694 году предаетъ вѣчному отлученію отъ церкви и пожизненному заключенію тѣхъ, которые будутъ служить панихиды по живымъ. Селингштадскій соборъ въ 1023 запрещаетъ служить извѣстныя мессы св. Троицѣ и св. Михаилу съ цѣлью узнавать будущее. Гиберъ де Ножанъ (Guibert de Nogent 1121) и одинъ изъ продолжателей его хроники разсказываютъ о двухъ случаяхъ колдовства, соединенныхъ съ оскверненїемъ св. мира, масла и воды. Сверхъ того первый говоритъ, что его мать едва не сдѣлалась жертвой злого духа, посягавшаго на ея цѣломудріе. Изъ этого краткаго очерка видно, что колдовство было неразлучно съ невѣжествомъ. Какъ по мѣрѣ развитія древней цивилизаціи оно принимало характеръ фокусничества, такъ теперь по мѣрѣ распространенія суевѣрія оно становилось мрачнѣе, осязательнѣе, приближалось къ значенію секты.

«Въ періодъ времени отъ шестого по десятый вѣкъ, говоритъ Бокль, въ цѣлой Европѣ было не болѣе трехъ-четырехъ человѣкъ, которые осмѣливались думать самостоятельно, да и тѣ принуждены были скрывать свою мысль подъ темнымъ и мистическимъ слогомъ. Остальная часть общества была погружена въ самое унизительное невѣжество: тѣ немногіе, которые умѣли читать, ограничивались изученіемъ сочиненій, поощрявшихъ и усиливавшихъ суевѣріе, какъ напримѣръ разныя легенды и гомеліи. Изъ этихъ источниковъ почерпали они тѣ наглыя выдумки, изъ которыхъ преимущественно слагалось богословіе того времени. Эти жалкія повѣсти были чрезвычайно распространены и принимались за неоспоримыя и важныя истины. Чѣмъ больше изучали литературу, тѣмъ больше имъ вѣрили т.-е. чѣмъ больше было учености,

(¹) См. также у Григ. Турск. процессъ Муммоли жизнь св. Госпиція и появленіе лжехристовъ (кн. VI, IX, X).

(²) Louandre. La sorcellerie.

Digitized by Google

тѣмъ больше и невѣжества... Была литература Греціи и Рима, сохраненная монахами, изъ которыхъ иные по временамъ въ нее заглядывали, а иные даже переписывали ея произведенія. Но къ чему могло послужить подобное чтеніе такимъ читателямъ? Они не только не были способны понять достоинство древнихъ писателей, но даже не могли чувствовать красоты ихъ слога и пугались смѣлости ихъ изслѣдованій. При первомъ лучѣ свѣта глаза этихъ читателей были поражены слѣпотою. Они никогда не перелистывали языческаго автора, не приходя въ ужасъ отъ опасности, которой подвергались: ихъ постоянно преслѣдовалъ страхъ, что вотъ они заразятся языческими понятіями и вовлекутъ душу свою въ смертный грѣхъ. Вслѣдствіе такого настроенія, они нарочно оставляли въ сторонѣ великія образцовыя произведенія древности и замѣняли ихъ жалкими компиляціями, которыя портили вкусъ читателей, увеличивали ихъ легковѣріе, усиливали заблужденія и послужили къ продленію невѣжества Европы.»

Такіе люди стояли въ головѣ общества и пользовались значительной долей власти; понятно какое вліяніе они имѣли на своихъ вассаловъ. Фанатизмъ и рутина пустили въ это время глубокіе корни въ облитую кровью почву Галліи. Знаменитыя реформы Карла великаго въ дѣлѣ просвѣщенія послужили только къ развитію педантизма (1).

Конецъ X вѣка и начало XI были эпохой полнаго выраженія феодализма. Произволу барономъ не было предѣловъ, ежедневныя побоища между ними обратили страну въ груду развалинъ; кое-гдѣ возвышались неприступные замки тирановъ и грязные города обнесенные крѣпкими стѣнами. По дорогамъ не было проѣзда; поля оставались невоздѣланными, всѣ ожидали свѣтопредставленія — къ чему было заботиться о земномъ? Приношенія сыпались со всѣхъ сторонъ въ монастыри. Чтобъ замолить грѣхи свои, бароны вдвое жертвовали — и вдвое грабили. Вся тяжесть обрушивалась на бѣдныхъ крестьянъ...

Наступилъ 1001 годъ. Монахи разбогатѣли, сеньоры продолжали воевать и грабить, жители деревень умирали съ голоду; нѣкоторые дошли до такой крайности, что питались человѣческимъ мясомъ. Ненаходя нигдѣ облегченія, видя, что небо остается глухо къ ихъ молитвамъ, нѣкоторые изъ нихъ пытались выйти изъ своего

---

(1) Гизо, какъ доктринеръ, восхищается состояніемъ просвѣщенія при Карлѣ великомъ и представляетъ таблицу знаменитыхъ людей, жившихъ или умершихъ въ его царствованіе (Histoire de la civilisation en France. Leçon XX), но эта же самая таблица служитъ опроверженіемъ его словъ: всѣ приведенныя имъ знаменитости занимались большей частью безплодной схоластикой. См. также урокъ XXII таблицу писемъ Алкуина.

Digitized by Google

положенія съ помощью злого духа, и колдуньи и страдающіе нервными болѣзнями размножились (1). Пляска св. Вита свирѣпствовала какъ повѣтріе, проказа усилилась, число угнетенныхъ стало слишкомъ велико — реакція была неизбѣжна.

Слѣдствіемъ такого порядка вещей было движеніе къ образованію коммунъ. «Податные люди не платятъ своему сеньору болѣе одного раза въ годъ, восклицаетъ лѣтописецъ съ сожалѣніемъ; если они совершаютъ какой-либо проступокъ, они отдѣлываются пеней, опредѣленной судомъ; что же касается до сбора денегъ (levées d'argent), который имѣютъ обычай налагать на рабовъ, — они отъ него совершенно изъяты» (2). Съ другой стороны развратное поведеніе римскаго двора поражало негодованіемъ людей, болѣе другихъ развитыхъ и честныхъ; духъ анализа и критики, свойственный человѣку, быстро развивался, несмотря на схоластическія оковы. Готье Мансъ и Метью Парисъ громили пороки папъ; имъ вторили трубадуры; новыя ученія возникли на югѣ Франціи — феодализмъ и папство увидѣли, что имъ угрожаетъ опасность... Смерть еретикамъ! раздалось повсюду — и кровавое зарево костровъ озарило покрытыя трупами и развалинами цвѣтущія долины Лангедока.

Обвиненія въ чародѣйствѣ умножились: всякая албигойка была колдунья; ей предстоялъ выборъ между смертью и отреченіемъ отъ своей религіи.

Нельзя не замѣтить, что до этого времени преслѣдованія были умѣренны: дѣло касалось только догматовъ религіи и потому было оставлено безъ вниманія; лишь немногіе истинно благочестивые архіепископы приходили въ негодованіе отъ такого соблазна, и старались отвратить его страхомъ тюремнаго заключенія и церковныхъ наказаній; исцѣлить зло образованіемъ народа и улучшеніемъ его участи никто и не думалъ. Но какъ скоро вопросъ коснулся матерьяльныхъ выгодъ духовенства, его власти — оно употребило неслыханную жестокость. Съ этихъ поръ всякое самостоятельное мнѣніе, всякая смѣлая мысль, считались ересью или колдовствомъ...

Наступила новая эпоха, болѣе тяжолая: вторженіе англичанъ, язва, голодъ, король и дворянство раззоряющіе народъ, чтобъ выкупиться изъ плѣна, произволъ военныхъ шаекъ, пробѣгавшихъ Францію по всѣмъ направленіямъ, безчисленныя преграды въ частной жизни — все соединилось, чтобъ довести народъ до крайности. Священникъ запрещалъ бракъ съ кузиной даже въ шестой степени, сеньеръ не позволялъ жениться въ другой деревнѣ, чтобъ не поте-

(1) Capefique. Hugues Capet et la troisième race.
(2) Augustin Thierry. Lettres sur l'histoire de France.

Digitized by Google

рять раба; мародеры грабили имущество крестьянина, бия его самого, обезчещивали его родныхъ... Не видя конца своимъ бѣдствіямъ онъ рѣшился обратиться къ сатанѣ за помощью. Не надо забывать, въ какомъ положеніи были тогда народныя преданія: мрачныя сказанія сѣверной мифологіи смѣшивались въ нихъ съ волшебными твореніями пылкой фантазіи востока; страшные разсказы о тайнахъ ордена тампліеровъ, легенды, наполненныя чудесами, воспоминанія друидизма распаляли суевѣрное воображеніе необразованнаго и больного раба. Церковный языкъ сталъ непонятенъ для массы съ XII вѣка. Праздникъ дураковъ и подобные ему, въ которыхъ участвовало духовенство, несмотря на поразительное нечестіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, способствовали неуваженію къ религіи. Переходъ отъ шабаша до черной мессы былъ неизбѣженъ: контрастъ между дѣйствительностью и потребностями естественно долженъ былъ породить контрастъ и въ мірѣ нравственномъ; чѣмъ теплѣе была вѣра, чѣмъ богаче воображеніе и глубже чувство, тѣмъ полнѣе должно было произойти отреченіе...

Шабашъ состоялъ изъ ужина, танцевъ и мессы наизнанку, съ обрядами, глубоко оскорблявшими вѣрующихъ своимъ циническимъ кощунствомъ. Всякій присутствующій обязанъ былъ привести съ собой женщину. Мишле говоритъ: «месса прерывалась пиромъ. Въ противоположность праздникамъ дворянъ, сидѣвшихъ съ мечами на боку, здѣсь, на этомъ братскомъ праздникѣ, не было оружія, даже ножа. Какіе напитки подавались? Медъ? пиво? вино? хмѣльной сидръ или грушовка? (Оба начались въ XII вѣкѣ). Наркотическіе напитки съ опасной примѣсью беладонны были ли за этимъ столомъ? Разумѣется нѣтъ. Тамъ были дѣти. Къ тому же излишній хмѣль помѣшалъ бы танцамъ.

«Эта пляска, вальсъ, знаменитый хороводъ сатаны, была достаточна, чтобъ дополнить первую степень опьяненія; они вращались спина къ спинѣ, руки назадъ, не видя другъ друга... Единственныя подробныя описанія, которыя мы встрѣчаемъ, находятся у Ланкра и другихъ, принадлежавшихъ къ послѣднимъ годамъ царствованія Генриха IV... По этимъ авторамъ, желающимъ внушить только ужасъ и отвращеніе, главная цѣль шабаша, урокъ, неизмѣнная доктрина сатаны — кровосмѣшеніе; они говорятъ, что въ этихъ огромныхъ собраніяхъ (иногда до двѣнадцати тысячъ человѣкъ) самые чудовищные поступки совершаются передъ всѣми.

«Этому трудно вѣрить. Тѣже авторы говорятъ другія вещи, сильно противорѣчащія подобному цинизму. Они утверждаютъ, что приходили туда парами, что сидѣли за столомъ также попарно, что ревнивые любовники не боялись приходить туда и приводить любопытныхъ красавицъ.

Digitized by Google

Видно также, что масса приходила семействами съ дѣтьми, которыя не присутствовали только при началѣ мессы. Это доказываетъ, что соблюдалось извѣстное приличіе. Впрочемъ сцена была двойная. Группы семействъ оставались на степи (lande), ярко освѣщенныя — только за фантастическимъ занавѣсомъ смолистаго дыма начинались мѣста болѣе мрачныя, куда можно было удалиться... Женщина не отважилась бы никогда пойти на этотъ ночной праздникъ, еслибъ ее не увѣрили, что тамъ приняты мѣры чтобъ нельзя было забеременѣть.

Эти толкованія Мишле совершенно произвольны. Извѣстія о шабашѣ съ обрядами черной мессы встрѣчается гораздо раньше. Дюклеркъ въ своемъ журналѣ упоминаетъ о томъ подъ 1460 годомъ (1). Около того же времени встрѣчаются указанія о подобныхъ сборищахъ у итальянскихъ лѣтописцевъ. Перонетта Окисъ и еще другая женщина погибла въ страшныхъ мукахъ за осквернепіе гостіи и сообщеніе съ демономъ (2).

Шабашъ съ черной мессой представлялъ ересь; принявшіе ее, натурально искали въ ней того, чего не находили въ жизни при прежнихъ условіяхъ. Всѣ связи съ прошлымъ прерывались. При-

(1) Memoires de J. Duclerq. Que quand ils voulloient aller à la dicte vaulderie, d'ung oignement que le diable leur avoit baillé, ils oindoient une vergue de bois bien petite, et leurs palmes et leurs mains, puis mectoient celle verguette entre leurs jambes, et tantost ils s'envoloient où ils voulloient estre, pardesseures bonnes villes, bois et eaues; et le portoit le diable au lieu où ils debvoient faire leur assemblée; et eu ce lieu trouvoient l'ung l'aultre, les tables mises, chargiées de vins et viandes; et illecq trouvoient ung diable eu forme de boucq, de quien (chien), de singe, et aulcune fois d'homme: et là faisoient oblation et hommaiges audict diable et l'adoroient; et luy donnoient les plusieurs leurs ames, et à peine tout ou du moings quelque choses de leurs corps; puis baisoient le diable eu forme de boucq au derrière, c'est au cu, avec caudeilles ardentes eu leurs mains ... Et après celle hommaige faitè, marchoient sur la croix et cacquoient (crachaient) de leur salive sus, en despit de Jésus-Christ et de la saincte Trinitè; puis montroient le cu devers le ciel et le firmament en despit de Dieu. Et après qu'ils avoient touts bien bu et mangié, ils prenoient habitation charnelle touts ensemble, et mesme illecq commectaient le pechié de Sodom, de bougrerie et tant d'aultres crimes sy trés fort puants et énormes, tant contre Dieu, que contre nature, que le dict inquisiteur dict qu'il ne les oseroit nommer, pour douste que les oreilles innocentes ne fuissent adverties de sy villains crimes sy enormes et cruels. см. также Monstrelet кн. IV. Собственно эта книга не принадлежитъ Монстреле, хотя помѣщена въ нѣкоторыхъ изданіяхъ въ числѣ его хроникъ; она заключается 1461 годомъ, а Монстреле умеръ въ 1453. Dacier. Mémoires sur la vie et les chroniques d'Enguerrand de Monstrelet. Еще раньше есть указанія у Эймерика. (1358) Онъ говоритъ, что поклоненіе демона бываетъ троякое: 1) служба съ свѣчами и кисфеденіемъ; 2) примѣшиваніе именъ злыхъ духовъ къ именамъ святыхъ; 3) начертаніе круговъ и магическихъ фигуръ. (Soldan Geschichte der Hexenprocesse).

(2) Cibrario. Economie politique du Moyen age.

Digitized by Google

неся въ жертву религію, послѣднюю свою святыню, обрекая себя на вѣчность мученій, крестьянинъ не могъ остановиться передъ тѣми преградами, которыя представляла ему отвергнутая имъ вѣра.

Стыдливость, тонкое чувство приличія и уваженія къ женщинѣ не могло развиться при тѣхъ условіяхъ, въ которыя было тогда поставлено существованіе низшаго класса. Тѣсная хижина, привычка къ общей жизни, постоянное зрѣлище униженія женщины не были способны возвысить уровень умственнаго и нравственнаго состоянія раба. Низведенный притѣсненіями до степени животнаго, онъ на первое мѣсто ставилъ животные интересы. Присутствіе дѣтей и общества не могло удержать его. Отрекшись отъ прежней нравственности, онъ по новымъ понятіямъ, нисколько не видѣлъ грѣха и неприличія въ своемъ поведеніи, но напротивъ принималъ его за достоинство, какъ противоположное первому. Развѣ мы не знаемъ, что и теперь существуютъ секты, допускающія открытый культъ Пріапу, какъ одинъ изъ обрядовъ; очень легко можетъ быть, что его понимали такъ и въ то время. Что касается до положенія Мишле, что за столомъ разносились вино и другіе напитки, оно кажется намъ не основательнымъ, потомучто крестьяне, которые питались часто кореньями, не могли достать другихъ напитковъ кромѣ воды. Вода эта, настоянная въ надлежащей степени белладонной и другими одуряющими травами, была достаточна, чтобъ заставить несчастнаго забыть свои бѣдствія хотя на минуту; она увлекала его въ волшебное царство мечты и наполняла его разгоряченное воображеніе картинами тихаго семейнаго счастія или удовлетворенной мести. Очень можетъ быть, что такое возбужденное состояніе было необходимо для большого эфекта мессы, и потому она прерывалась ужиномъ. Извѣстная мѣра опьяненія, лишеніе сознанія дѣлаютъ разсказы объ оргіяхъ шабаша весьма вѣроятными. Таковъ, намъ кажется, былъ шабашъ въ половинѣ XIV столѣтія. Вино и другіе напитки вошли въ него впослѣдствіи, когда членами секты сдѣлались нѣкоторые священники и люди съ состояніемъ (1).

Такимъ образомъ злоупотребленія духовенства и дворянства привели къ возстановленію культа злому духу и къ поголовному возстанію жаковъ (Jackerie). Остатки языческихъ вѣрованій проявились въ смѣшеніи мессы съ нѣкоторыми обрядами культа Бахуса и Пріапа; нравственная сторона христіанскаго ученія была совершенно забыта и кровавое зарево пылающихъ замковъ и городовъ стало ежедневно появляться на горизонтѣ, предвѣщая новыя бѣдствія.

---

(1) Что вино подавалось на шабашѣ, видно изъ цитаты изъ мемуаровъ Дюклерка, приведенной выше.

Digitized by Google

«Никогда не было, — восклицаетъ Фруассаръ, — такого неистовства даже между христіанами и сарацинами, такихъ золъ и гадкихъ дѣлъ... Я не осмѣливаюсь ни разсказать, ни описать ужасныхъ и неприличныхъ поступковъ съ дамами; такъ они убили одного рыцаря, воткнули его на вертелъ и изжарили передъ глазами его жены и дѣтей и старались принудить ихъ ѣсть его мясо, изнасиловавъ передъ этимъ даму, потомъ они погубили ихъ лютою смертью» (1).

Война велась съ неслыханнымъ ожесточеніемъ. Отвергнувъ Бога, дворянъ и духовенство, крестьяне ни передъ чѣмъ не останавливались и дышали только истребленіемъ. Дворянство побѣдило, тысячи труповъ остались въ добычу волкамъ и хищнымъ птицамъ; взятые въ плѣнъ погибли въ страшныхъ мукахъ, надъ оставшимися въ живыхъ отяжелѣла больше чѣмъ прежде желѣзная рука барона...

Колдовство не прекратилось, шабаши продолжались, потомучто продолжалось угнетеніе; уже въ 1398 году парижскій университетъ, установивъ правила для судебнаго преслѣдованія колдуновъ, жаловался на увеличеніе числа преступленій этого рода.

Правленіе Карла VI напомнило Франціи роковую эпоху короля Іоанна; съ одной стороны несчастія заставляли народъ искать спасенія въ колдовствѣ и въ бунтѣ, съ другой своеволіе вельможъ искало новой силы, новаго наслажденія въ тайнахъ чародѣйства (2).

---

(1) Chroniques de Froissart. Томъ I кн. 1 часть II, главы отъ 65 до 68 включительно.

(2) Это видно изъ процеса Жиля Реца. Маршалъ Рецъ (Rays) былъ родственникъ герцога бретанскаго. Онъ усердно служилъ Карлу VII до 1433 года, когда удалился въ свои обширныя помѣстья. Здѣсь онъ велъ праздную роскошную жизнь, предаваясь всѣмъ порокамъ, которые впрочемъ искусно скрывалъ въ стѣнахъ своихъ замковъ. Но несмотря на всю осторожность и набожность маршала, противъ него ходили страшные слухи: его обвиняли въ волшебствѣ, въ ереси, въ умерщвленіи дѣтей. Эти слухи скоро получили осязательность: несчастныя матери, у которыхъ украли дѣтей или которыя сами отдали ихъ маршалу, начали процесъ. Слѣдствіе открыло возмутительные поступки: оказалось, что маршалъ истребилъ втеченіи семи лѣтъ до 800 дѣтей самымъ варварскимъ образомъ: отрубалъ головы, руки, ноги, разрѣзалъ горло, грудь, животъ, чтобы видѣть сердце и внутренности, вѣшалъ, чтобъ утѣшаться зрѣлищемъ ихъ агоніи и въ это время осмѣливался осуществлять самые развратные капризы своего разнузданнаго воображенія... Сверхъ того онъ предавался вызыванію демоновъ и держалъ для этой цѣли постоянныхъ заклинателей: Дюмениля, Ривьера, Луи, Антуана; видя безуспѣшность ихъ заклинаній, онъ выписалъ изъ Флоренціи извѣстнаго магика Франческо Прелати. Не довольствуясь и этимъ, онъ посылалъ за мѣстными колдунами и колдуньями. Одна изъ нихъ отвѣчала, что не придетъ въ замокъ, пока въ немъ будутъ церковь и молельня; другая сказала, что маршалъ не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, потомучто соблюдаетъ посты,

Digitized by Google

Обвиненіе въ колдовствѣ дѣлается политическимъ мотивомъ и несчастная Жанна д'Аркъ погибаетъ на кострѣ жертвой ненависти англичанъ; другая дѣвушка, взумавшая идти по слѣдамъ ея, была осуждена духовной комиссіей и сожжена французами...

Духъ любознательности, обнаружившійся съ особенной силой въ XIV и XV столѣтіяхъ въ изученіи классиковъ и занятіи естественными науками, далъ новую пищу преслѣдователямъ колдовства. Астрологія, алхимія, анатомія — все доставляло имъ обвинительные пункты. Къ этому присоединилось корыстолюбіе и политическія причины. Самымъ лучшимъ средствомъ избавиться отъ могучаго противника было обвинить его въ ереси или колдовствѣ. Жанна д'Аркъ, герцогиня Глочестеръ и многія другія представляютъ примѣры преслѣдованій въ волшебствѣ по политическимъ причинамъ. Обвиненіе въ такъ-называемомъ envoûtement было неотразимо.

Первый примѣръ процеса такого рода въ средніе вѣка, извѣстный намъ, представляетъ XIV вѣкъ. Въ 1304 году архіепископъ Гишаръ былъ обвиненъ въ причиненіи смерти Бланкѣ наварской и дочери ея Жаннѣ. По слѣдствію оказалось, что Гишаръ и его сообщники, одинъ якобинскій монахъ и колдунья, вызвали дьявола, который научилъ ихъ сдѣлать восковую фигурку королевы, окрестить ее и воткнуть передъ огнемъ въ голову и шею иголки. Архіепископъ послѣдовалъ этому совѣту, королева почувствовала себя больной и какъ скоро фигурка была растоплена, умерла. Гишаръ, благодаря своему сану, избѣгнулъ смерти, но былъ осужденъ на пожизненное тюремное заключеніе; онъ просидѣлъ до 1313 года, когда открылась его невинность.

Процесы такого рода особенно размножились въ XVI столѣтіи, когда со стороны правительства и католицизма была организована цѣлая система учрежденій для подавленія всякой самостоятельности мысли, всякой смѣлости критическаго взгляда. Въ 1481 была основана инквизиція, а черезъ три года Иннокентій VIII издалъ буллу, предписывавшую преслѣдованіе колдовства и ереси; въ 1520 году Францискъ I возстановилъ инквизицію во Франціи, въ 1540 былъ утвержденъ папой орденъ езуитовъ; парламенты, эти опоры рутины и неподвижности, охотно готовые поднять войну за малѣйшую изъ своихъ привилегій, оставались равнодушны къ гоненіямъ за свободу совѣсти, хотя между ихъ членами было много проте-

---

усердно слушаетъ обѣдню и обогащаетъ церкви. Таковъ былъ Жиль де Рецъ, вѣрное олицетвореніе своего вѣка: соединеніе обрядовой набожности съ самыми гнусными пороками, духа пытливости съ самымъ грубымъ суевѣріемъ.

Digitized by Google

стантовъ. Мало того, они присоединились къ гонителямъ. Ученіе Лютера было также враждебно смѣлымъ порывамъ ума, какъ и католицизмъ; оно допускало свободу изслѣдованія, но только въ одномъ направленіи; фанатическое, какъ и всѣ религіозныя ученія при своемъ основаніи, оно не дошло до сознанія вѣротерпимости, и это тѣмъ болѣе странно, что оно поставило грамотность на степень догмата. Мечъ и огонь, истребленіе и устрашеніе — вотъ великіе принципы среднихъ вѣковъ; водвореніе однообразія подъ именемъ порядка — вотъ ихъ стремленіе.

Колдунья явилась въ это время предметомъ особеннаго гоненія; ее преслѣдовали какъ фанатизмъ и невѣжество, чистосердечно хотѣвшіе спасти общество отъ ея вліянія, такъ и корыстолюбіе, желаніе выслужиться или отмстить. Никому не приходило въ голову, да и не могло придти въ ту темную невѣжественную эпоху, дѣйствовать убѣжденіемъ и наукой, хотя типъ колдуньи выражалъ собой тѣ явленія, противъ которыхъ слѣдовало употребить именно эти средства.

Эпоха возрожденія была эпоха торжества рутины; жизнь съ наукой были въ глубокомъ разладѣ, ученые губили время въ филологическихъ преніяхъ и въ безплодной діалектикѣ; въ университетахъ главное вниманіе было обращено на схоластическую философію, запутанную юриспруденцію и діалектическое богословіе; за ними шли астрономія и медицина, нѣкоторые же занимались изученіемъ астрологіи и алхиміи. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ объ этомъ подробнѣе.

Между тѣмъ въ эту самую эпоху развилась съ неслыханной свирѣпостью сифилитическая болѣзнь; порча крови, произведенная ею и страданія, происшедшія отъ войнъ за религію, породили новую болѣзнь — ликантропію.

Весьма вѣроятно, что она существовала и прежде, какъ можно думать по упоминанію Геродота о неврахъ, превращающихся на нѣсколько дней въ году въ волковъ; у Павзанія, у Виргилія, у Варрона и другихъ встрѣчаются также указанія на ликантропію, но всѣ эти сказанія отрывочны и представляютъ скорѣе отдѣльные случаи волшебства, чѣмъ болѣзнь. Первый разъ, сколько намъ извѣстно, ликантропія является на сѣверѣ въ XIII вѣкѣ, въ концѣ XVI и началѣ XVII она распространяется съ удивительной быстротой по Франціи и Италіи; въ послѣдней она принимаетъ характеръ зоантропіи (превращенія въ кошку). Инквизиторы были безжалостны: до сотни чародѣевъ было сожжено въ Піемонтѣ; другіе подверглись такимъ страшнымъ пыткамъ, что терпѣніе народа истощилось: инквизиторъ былъ изгнанъ и судъ надъ колдунами

Digitized by Google

порученъ епископу. Въ 1524 въ Комо было сожжено до тысячи отеченія одного года. Женева, Лотарингія, рейнскія провинціи не отставали другъ отъ друга. Во Франціи преслѣдованіе было меньше; парламентъ, занятый истребленіемъ еретиковъ, не считалъ нужнымъ присоединять къ этому обвиненіе въ колдовствѣ; несмотря на то, нельзя согласиться съ Мишле, что не было ни одного осужденія въ царствованіе Карла VIII, Людовика XII и Франциска I. Въ 1518 году парижскій парламентъ присудилъ къ сожженію ликантропа Жака Ролле за то, что онъ будто-бы съѣлъ мальчика; въ 1521 безансонскій парламентъ за подобныя же преступленія осудилъ на смерть Пьера Бюрго и Мишеля Вердена.

Итакъ ликантропія имѣла туже участь, какъ и предшествовавшія ей нервныя и заразительныя болѣзни: она возбуждала гоненія, точно такъ какъ въ X вѣкѣ возбудила ихъ пляска св. Вита, въ XI тарантелла, въ XIII проказа, въ XIV демономанія (1). Изъ всѣхъ этихъ болѣзней противъ одной только проказы принимались иногда нѣкоторыя человѣколюбивыя мѣры; противъ же другихъ считали единственнымъ лекарствомъ смерть, принимая ихъ за слѣдствіе союза съ дьяволомъ. Впрочемъ во времена общественныхъ несчастій и съ прокаженными обходились не лучше; такъ въ 1321 ихъ заподозрили въ отравленіи колодцевъ и рѣкъ и многихъ сожгли на кострахъ.

Въ правленіе Генриха II и при Гизахъ преслѣдованіе колдовства усилилось, потомучто и Генрихъ и Гизы стремились къ уничтоженію кальвинизма, къ усиленію своей власти; слѣдовательно должны были опираться на католицизмъ и парламенты. При Карлѣ IX напротивъ колдовству былъ данъ отдыхъ: Екатерина Медичи покровительствовала астрологіи, гаданію и фабрикаціи ядовъ; она позволяла предпринимать процессы противъ колдуновъ, но только по политическимъ расчетамъ, какъ доказываетъ процессъ Ламоля и Коконна. Сверхъ того кальвинисты такъ усилились, что не позволили бы съ собой такихъ продѣлокъ, какія съ ними выдѣлывали прежде.

Конецъ XVI и начало XVII ознаменовались торжествомъ парламентовъ т. е. торжествомъ рутины и мертвой буквы закона. Тупоумные приказные принялись за дѣло со всѣмъ усердіемъ; они заботились не о томъ, справедливъ ли судъ ихъ, но о томъ, соблюдены

(1) Матью Парисъ говоритъ, что прокаженные въ первой половинѣ XIII вѣка такъ размножились, что въ Европѣ считалось до 1900 домовъ для нихъ. Дома эти обыкновенно располагались за городскими стѣнами. Прокаженнымъ запрещено было входить въ городъ, впрочемъ даже нѣкоторымъ дѣлали временное исключеніе, но въ такомъ случаѣ они обязаны были имѣть трещетки и предостерегать ими прохожихъ отъ прикосновенія.

Digitized by Google

ли всѣ формальности; они старались превзойти духовные суды въ жестокости, и успѣли въ этомъ. Тулузскій парламентъ въ одно ауто-да-фе сжогъ 400 человѣкъ; судья Реми въ Лотарингіи хвалится, что онъ въ шестнадцать лѣтъ истребилъ болѣе осьми сотъ колдуній. Дель Рio, Боге, Лелойе и другіе соперничаютъ другъ съ другомъ. Одинаковость состава парламентовъ, одинаковость ихъ стремленій производятъ одинаковость послѣдствій. Посмотрите изъ кого они состояли: изъ невѣжественныхъ бароновъ, развратныхъ или фанатическихъ прелатовъ и рутинеровъ-совѣтниковъ. Воспитаніе во Франціи сложилось такъ, что съ XIII столѣтія парижскій университетъ явился олицетвореніемъ схоластики, храмомъ касты, подобной кастѣ египетскихъ жрецовъ. Безъ его позволенія нельзя было открыть ни королевскаго училища, ни частной школы, слѣдовательно все образованіе велось въ его духѣ. Какихъ же судей можно было ожидать отъ его воспитанниковъ?

Тѣже основанія лежали въ университетскомъ преподаваніи въ Англіи и Германіи, а потому и слѣдствія были тѣже самыя. Реформа Генриха VIII нанесла ударъ католицизму, но high church сохраняла свое вліяніе и теологія и рутина процвѣтали подъ ея покровительствомъ. То иногда странное уваженіе къ буквѣ закона, которое существуетъ у англичанъ и теперь, было тогда доведено до высочайшей степени. Договоръ съ демономъ не подлежалъ наказанію, но совѣщаніе съ гадателями, распространеніе пророчествъ, желаніе узнать о времени смерти короля считались важными преступленіями. Были даже такіе легисты, которые утверждали, что какъ скоро человѣкъ вѣритъ, что можетъ, махнувъ шляпой три раза и закричавъ buzz, причинить смерть, долженъ быть наказанъ какъ убійца, если онъ дѣйствительно махнетъ шляпой и закричитъ buzz, хотя бы отъ того никакого вреда не произошло (1).

Слѣдствіемъ такого положенія общества были страшныя преслѣдованія противъ колдовства. Макинонъ утверждаетъ, что во время существованія *Долгаго парламента* было истреблено до трехъ тысячъ колдуній (2).

Протестантство было неблагопріятно для нихъ не менѣе католицизма. Въ первыя времена оно отличалось страшной нетерпимостью; гоненія, которыя испытало оно, сдѣлали его въ свою очередь гонителемъ. Нигдѣ фанатизмъ и невѣжество протестантовъ не выражались такъ ясно, какъ въ дѣлѣ о колдуньяхъ въ Мохрѣ (Mohra) въ Швеціи.

---

(1) Walter-Scott. Histoire de la démonologie et de la sorcellerie.
(2) Mackinnon. History of civilisation.

Digitized by Google

Это случилось въ 1670 году. Въ народѣ распространился слухъ, что нѣкоторые колдуны и колдуньи завербовали цѣлыя сотни дѣтей подъ власть злого духа. Слухъ этотъ дошолъ до Стокгольма; правительство поспѣшило отправить комисаровъ на мѣсто преступленія. По слѣдствію оказалось, что колдуньи научали дѣтей вызывать дьявола для того чтобъ онъ перенесъ ихъ на гору Блокулу (вѣроятно Блоксбергъ). На зовъ ихъ являлся дьяволъ, преимущественно въ одеждѣ шута: въ сѣромъ платьѣ, въ красномъ и голубомъ чулкахъ, въ разноцвѣтномъ колпакѣ. Выслушавъ ихъ требованіе, онъ доставалъ для каждаго изъ нихъ человѣка или животное, на котораго они должны были сѣсть верхомъ; потомъ онъ натиралъ ихъ бальзамомъ, въ который входили оскребки отъ алтарей и опилки отъ церковныхъ часовъ. Здѣсь въ показаніяхъ дѣтей происходило противорѣчіе: одни увѣряли, что дѣйствительно были на шабашѣ, другіе же говорили, что только душа ихъ странствовала съ дьяволомъ.

На Блокулѣ находился домъ, дверь котораго была испещрена разными красками. Животныя, которыя привозили дѣтей, оставались во фруктовомъ саду; люди же прислонялись къ стѣнѣ и спали, а дѣти и колдуньи входили въ самый домъ. Этотъ сатанинскій дворецъ состоялъ изъ огромной столовой и многихъ другихъ залъ. Угощенье было незавидное: подавали капусту съ свинымъ саломъ, хлѣбъ, масло, молоко и сыръ. Затѣмъ совершались разныя грязныя и развратныя сцены, какія вообще приписывались шабашамъ. Разница была въ томъ только, что блокульскій шабашъ не былъ такъ безплоденъ, какъ другіе: колдуньи имѣли отъ дьявола дочерей и сыновей, которые также вступали между собой въ бракъ, отъ котораго раждались жабы и змѣи.

Эти показанія были сдѣланы въ присутствіи колдуній, которыя сначала отрицали ихъ, но потомъ нѣкоторыя, побѣжденныя пыткой, нетолько признались во всемъ, но еще прибавили новыя подробности: такъ одна показала, что разъ дьяволъ, желая испытать привязанность своихъ поклонниковъ, прикинулся мертвымъ къ великому ихъ огорченію; когда же услышалъ ихъ стонъ и плачъ, то, растроганный такимъ нелицемѣрнымъ изъявленіемъ преданности, поспѣшилъ ожить. Другая колдунья утверждала, что получила отъ дьявола гвоздь, чтобъ вбить его въ голову эльфдандскому пастору; но у почтеннаго проповѣдника черепъ былъ такъ крѣпокъ, что онъ отдѣлался только головной болью... Несмотря на всю нелѣпость такихъ показаній, 84 человѣка, въ томъ числѣ 15 дѣтей поплатились жизнью.

Вообще эпоха парламентаризма была самая безжалостная; если инквизиторы губили съ полнымъ спокойствіемъ совѣсти, въ наде-

Digitized by Google

жде спасти душу, они находили покрайней-мѣрѣ оправданіе въ возвышенности цѣли, въ святой ревности къ вѣрѣ; но какой двигатель заставлялъ скептическихъ, холодныхъ совѣтниковъ идти по слѣдамъ ихъ? бюрократическій фанатизмъ, духъ касты. Они признавали некомпетентность духовныхъ судовъ въ дѣлахъ ереси и колдовства, потомучто судьи увлекались страстями, и между тѣмъ сами подъ наружнымъ безпристрастіемъ скрывали болѣе пагубныя страсти. Въ слѣпомъ стремленіи быть правосудными они нарушали нетолько сущность правосудія, но даже ту букву закона, которой поклонялись. «Процесы о колдовствѣ — говоритъ Боденъ — должно вести иначе чѣмъ о какомъ-нибудь другомъ преступленіи. Кто хочетъ придерживаться обыкновеннаго хода правосудія, тотъ нарушаетъ духъ законовъ божескихъ и человѣческихъ. Кто обвиненъ въ колдовствѣ, никогда не долженъ быть оправданъ, развѣ только злонамѣренность обвинителя будетъ ясна какъ солнце. (Demonomanie).

Богё (Boguet), написавшій руководство для слѣдователей по дѣламъ о колдовствѣ, утверждаетъ, что довольно одного подозрѣнія въ этомъ преступленіи, чтобъ немедленно арестовать подозрѣваемаго и подвергнуть его пыткѣ. Свидѣтельство дѣтей и особъ дурного поведенія, не имѣющее силы въ обыкновенныхъ процесахъ, должно здѣсь допускаться, если только свидѣтели поклянутся что были околдованы.

Эта ревность, эта добросовѣстность въ преслѣдованіи, облеченная во всѣ законныя формы, доставила скоро перевѣсъ свѣтскому правосудію надъ духовнымъ; даже монахи иногда призывали къ себѣ свѣтскаго судью какъ напримѣръ Боге, о которомъ мы говорили. Но самый блистательный образецъ побѣды парламента представляетъ дѣло о бискайскихъ колдуньяхъ. Биская была одна изъ провинцій, которыхъ меньше коснулось вліяніе правительства и духовенства. Жители ея были отважные моряки, рѣшавшіеся на самыя дальнія плаванія. Часто цѣлые мѣсяцы проводили они въ разлукѣ съ семействомъ. Жены ихъ, соединявшія пламенное воображеніе и дѣтское легковѣріе юга съ суевѣріемъ невѣжества не уступали имъ въ отважности. Сначала онѣ хотѣли, узнать объ участи мужей, потомъ заговорила въ нихъ чувственность, потомъ подѣйствовалъ примѣръ Испаніи, гдѣ неслыханныя гоненія инквизиціи вызвали рядъ нервныхъ болѣзней, и вотъ почти все сельское населеніе Бискаи устремилось на шабаши (1). Мно-

(1) Фигье говоритъ, что въ Бискаѣ были еще прежде два случая проявленія колдовства въ массахъ въ 1536 и 1576 годахъ; онъ приписываетъ это вліянію горъ.

Digitized by Google

гіе дворяне и даже священники присутствовали на нихъ: одни изъ любопытства, другіе по сочувствію; третьи, потомучто видѣли въ нихъ деревенскій фарсъ. Эти шабаши дѣйствовали разрушительно на особъ слабонервныхъ: напуганное ихъ воображеніе подчинило ихъ колдуньямъ, — многія лаяли какъ собаки; въ одномъ маленькомъ городкѣ Акѣ (Acqs) насчитывалось такихъ кликушъ до сорока... Колдуньи навели такой ужасъ, что никто не осмѣливался имъ противиться. Асесоръ уголовнаго суда позволилъ у себя сдѣлать шабашъ, также какъ и синьоръ Сенъ-Пе Уртубя. Послѣдній до того перепугался, что вообразилъ, что одна изъ колдуній сосетъ у него кровь. Подъ вліяніемъ отчаянія онъ бросился въ Бордо съ жалобой къ парламенту... Совѣтники Эспанье и Ланкръ были посланы въ Бискаю комиссарами.

Въ началѣ колдуньи нисколько не испугались ихъ пріѣзда: онѣ расчитывали на свое вліяніе, думали запугать комиссаровъ; надѣялись на затрудненія, которыя встрѣтитъ свѣтскій судъ надъ духовными лицами. Прочее населеніе раздѣлилось на двѣ партіи: одна бѣжала въ горы, другая осталась, говоря, что надо бояться не имъ, а комиссарамъ. Дѣйствительно, нѣсколько времени колдуньи выдерживали; но потомъ твердость оставила нѣкоторыхъ и онѣ стали сознаваться. Ланкръ былъ человѣкъ съ большимъ самолюбіемъ и придурью, немножко волокита, немножко фатъ. Желаніе выставиться, играть первую роль не давало ему покою. Разумѣется онъ хотѣлъ придать дѣлу какъ можно большіе размѣры, напугать публику, чтобъ придать болѣе цѣны побѣдѣ своей надъ сатаной. Одна 17-ти-лѣтняя нищая Мюргюи (Маргарита) разгадала характеръ Ланкри и стала доносницей. Эта роль ей очень понравилась, потомучто давала раздолье ея жадности и мстительности: она до такой степени вздорными выдумками умѣла пріобрѣсть вліяніе на комиссаровъ, что слѣдствіе велось по ея указанію. Ей было поручено узнавать колдуній, отыскивая у нихъ мѣсто, нечувствительное къ уколу иглой. Въ то время существовало вѣрованіе, что дьяволъ, принимая всякаго новаго поклонника, прикасался къ нему ногтемъ мизинца; съ тѣхъ поръ мѣсто это дѣлалось нечувствительнымъ. Понятно, какія мученія должны были выносить бѣдныя жертвы развратной Мюргюи. Затѣмъ наступали новыя пытки. Однѣ признавались во взводимыхъ на нихъ преступленіяхъ добровольно; другія, упорно молчавшія, были приведены къ признанію застѣнкомъ. Галюцинація ихъ была такъ сильна, что имъ чудилось, что Вельзевулъ кричалъ имъ, чтобъ онѣ держались твердо, что онъ скоро сожжотъ этихъ служителей правосудія. Несчастныя отъ чрезмѣрности боли впадали въ

Digitized by Google

экстазъ и когда прекращалась пытка, то говорили, что вкушали безгрѣшное блаженство.

Эти показанія, исторгнутыя муками, дали поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ. Дѣло дошло до священниковъ. Первый пострадалъ семидесяти-лѣтній старикъ, выживший изъ ума. Смерть его ободрила доносчиковъ; на основаніи ихъ показаній были арестованы семь священниковъ, изъ которыхъ двое сожжены; остальные успѣли бѣжать изъ тюрьмы.

Вообще въ четыре мѣсяца пребыванія Ланкра въ Бискаи было имъ предано пламени до 80 колдуній и около 500 подверглись испытанію иглой. Онъ велъ процесы на всѣхъ парусахъ и нисколько не стѣснялся выборомъ свидѣтелей: показанія восьми-лѣтняго мальчика для него также законны и важны, какъ и человѣка взрослаго и уважаемаго.

Книга Ланкра, написанная съ цѣлью показать преимущество свѣтскаго парламентскаго правосудія надъ церковнымъ, отличается множествомъ интересныхъ подробностей, не смотря на всѣ басни и несообразности, принятыя имъ на вѣру со словъ всякаго сброду.

Показанія, сообщаемыя имъ о шабашѣ, сходятся съ показаніями Лоренте (1); конечно какъ въ тѣхъ такъ и въ другихъ много преувеличеннаго; но въ основаніи ихъ лежитъ истина. Намъ кажется, что шабаши надо раздѣлить на два разряда: одни дѣйствительные, какъ черная месса; другіе воображаемые какъ тѣ, на которыхъ колдуньи, запертыя и скованныя въ тюрьмѣ, присутствовали. Разумѣется между ними должно было существовать сходство. Что порождало разстроенное воображеніе демономановъ, того они искали въ дѣйствительности. Опыты, произведенные докторомъ Юлія III, Гассенди и флорентинскими медиками, въ началѣ XVII вѣка, доказали, что магическія помады и напитки дѣйствуютъ на страждущихъ нервными болѣзнями совершенно одинаково: погружаютъ ихъ въ продолжительный сонъ, сопровождаемый видѣніями поразительной ясности. Пробудившись, пациентки разсказывали о шабашѣ такъ какъ онъ сложился въ народной фантазіи. Что касается до шабаша дѣйствительнаго, такъ какъ на немъ присутствовали люди съ извращенными склонностями вслѣдствіе болѣзни, то не мудрено, что они позволяли себѣ дѣйствія, возмущающія своей безнравственностью людей здоровыхъ (2).

---

(1) Histoire de l'inquisition.

(2) Вотъ что говоритъ Ланкръ о шабашѣ.... Danser indécemment, festiner ordement, s'accoupler diaboliquement, blasphémer scandaleusement, se venger insidieusement, courir après tous désirs horribles, sales et dénaturés brutalement, te-

Digitized by Google

Въ томъ же 1609 году, дьяволъ перенесся въ Эксъ (Aix); продѣлки его стоили жизни марсельскому священнику Гоффриди.

Процесъ его служитъ новымъ доказательствомъ столкновенія свѣтской власти съ духовной, стремленія парламентовъ реформировать нравы духовенства.

Католическая реакція въ концѣ XVI вѣка выразилась между-прочимъ въ учрежденіи огромнаго количества монастырей. Ромильонъ одинъ изъ обратившихся протестантовъ основалъ орденъ монахинь-учительницъ, извѣстныхъ подъ именемъ Урсулинокъ. Въ числѣ ихъ находилась Магдалина Палюдъ (Palud) по другимъ источникамъ Мандоль, бывшая за нѣсколько лѣтъ назадъ въ дѣтствѣ ученицей Гоффриди. Красота ея даже въ то время произвела такое впечатлѣніе на его страстную натуру, что онъ не постыдился обмануть довѣренность

---

nir les crapauds et vipères, les lézards et toutes sortes de poisons précieusement, aimer un bouc puant ardemment, le caresser amoureusement.

Шабашъ въ XVII вѣкѣ принимаетъ характеръ спекуляціи и фарса. Колдуньи берутъ за право входа и налагаютъ штрафъ на отсутствующихъ. Въ Бискаѣ на шабашѣ присутствуетъ иногда до двѣнадцати тысячъ человѣкъ. Сатана сидитъ въ шляпѣ на позолоченномъ стулѣ; жабы одѣты въ зеленый бархатъ, настолѣ серебряная посуда; костры съ желтымъ, краснымъ, голубымъ пламенемъ, музыка, колокольчики пріятно щекочатъ нервы; танцуютъ не одинъ вальсъ сатаны, но и мавританскіе танцы....

Le début de sabbat, cette scène antique, grossièremeut naïve, la fécondation simulée de la sorcière par Satan (jadis par Priape) était suivi d'un autre jeu, un lavabo, une froide purification (pour glacer et stériliser) qu'elle recevait non sans grimaces de frisson.... Satan plus ingambe que dans sa jeunesse, il fait l'espiègle cabriole, saute du fond d'une grande cruche; il officie les pieds en l'air, la tête en bas... Une facetie non moins choquante était celle de la noire hostie, la rave noire, dont on faisait milles sales plaisanteries dès l'antiquité... Satan la découpait en rondelettes qu'il avalait gravement.

Le final était selon Lancre une chose bien étonnante dans des assemblées si nombreuses. On y eût généralisé publiquement, affiché l'inceste, la vieille condition satanique pour produire la sorcière, à savoir que la mère conçût de son fils.

Отвергая показанія Ланкра, Мишле въ слѣдующихъ же строкахъ даетъ оружіе противъ себя. On tachait d'attirer quelque imprudent mari que l'on grisait du funeste breuvage (datura, belladone), de sorte qu'enchanté il perdit le mouvement, la voix, mais non la faculté de voir. Sa femme autrement enchantée de breuvages érotiques, tristement absente d'elle-même, apparaissait dans son déplorable état de nature, se laissant patiemment caresser sous les yeux indignés de celui qui n'en pouvait plus.

Son désespoir visible, ses efforts inutiles pour délier sa langue, dénouer ses membres immobiles, ses muettes fureurs, ses roulements d'yeux, donnaient aux regardants un cruel plaisir, analogue du reste, à celui de telles comédies de Molière. Celle-ci était poignante de réalité, et elle pouvait être poussée aux dernières hontes.

Digitized by Google

ея родныхъ. Ловкій, красивый, многопутешествовавшій, онъ скоро покорилъ себѣ сердце неопытной дѣвочки. Прошло нѣсколько лѣтъ: она подросла и съ ужасомъ увидѣла невозможность брака. Гоффриди стоило большого труда успокоить ее: онъ льстилъ ея гордости, увѣряя, что онъ король колдуновъ, что можетъ жениться на ней предъ сатаной и сдѣлать ее королевой чародѣевъ. Въ подтвержденіе словъ своихъ онъ надѣлъ ей на палецъ серебряное кольцо, испещренное таинственными знаками... Водилъ ли онъ ее на шабашъ или только давалъ ей отуманивающіе напитки — неизвѣстно; извѣстно лишь одно, что она подверглась припадкамъ эпилепсіи. Она боялась быть похищенной демономъ за живо и скрылась въ монастырь Урсулинокъ.

Гоффриди былъ духовникомъ въ этомъ монастырѣ. Магдалина не могла долгое время властвовать надъ его непостояннымъ сердцемъ... Скоро обнаружились другія бѣсноватыя. Ромильонъ пришолъ въ отчаяніе. Священникъ, котораго онъ просилъ заклясть демоновъ, не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха.

Между бѣсноватыми была дѣвушка двадцати-пяти лѣтъ, обращенная протестантка, по имени Луиза Капо. Въ ней соединялись бѣшеная страсть съ изобрѣтательнымъ умомъ и необыкновенной тѣлесной силой. Она тоже поддалась обаянію Гоффриди, но едва узнала, что онъ любитъ другую, ревности ея не было предѣловъ. Услышавъ признанія Магдалины въ одномъ изъ ея припадковъ, Луиза пришла въ неописанную ярость и сама сдѣлалась бѣсноватой. Всѣ старанія Ромильона исцѣлить больныхъ остались безъ успѣха, и потому онъ, опасаясь скандала, увезъ ихъ въ монастырь Сенъ-Бомъ (Sainte-Baume) къ отцу Михаелису, папскому инквизитору въ Авиньонѣ, человѣку суровому и честолюбивому, который стремился распространить свое вліяніе на Провансъ. Повидимому дѣло касалось только заклинаній, но въ сущности оно пахло инквизиціей.

Главную роль Михаелисъ поручилъ одному фламандскому доминиканцу, придавъ ему для помощи Луизу... Дѣло дошло до драки между демонами, и несчастная Магдалина бывала постоянно побиваема своей атлетической соперницей. Всякій день впродолженіи пяти мѣсяцевъ она переносила неслыханныя страданія: едва начинался день, Луизу рвало, потомъ она проповѣдывала о таинствахъ, о близкомъ пришествіи антихриста, о непостоянствѣ женщинъ, и въ заключеніе колотила Магдалину до тѣхъ поръ, пока та не падала въ конвульсіяхъ на полъ.

Слухъ объ этихъ странныхъ событіяхъ распространяется по всей Франціи: люди благочестивые удивляются, что демоны не мѣ-

Digitized by Google

шаютъ Луизѣ причащаться, когда угодно; скептики иронически качаютъ головой; принцеса Екатерина, разговаривая съ Луизой, уличаетъ ее въ глупости и лжи, но та ловко выворачивается, увѣряя, что дьяволъ есть отецъ лжи. Несмотря на то показанія ея принимались за непреложныя. Одинъ изъ монаховъ усомнился въ справедливости ея словъ; ее заставили приобщаться передъ нимъ, и онъ окончательно растерялся.

Всѣ эти обстоятельства подчинили ей совершенно фламандца; подъ ея диктовку онъ написалъ письмо къ марсельскимъ капуцинамъ, чтобъ они арестовали Гоффриди. Письмо это произвело сильный раздоръ между духовенствомъ. Сначала всѣ были противъ Луизы; Михаелисъ сердился, что она затмила его, Марсель и архіепископъ съ негодованіемъ смотрѣли, что папскій инквизиторъ вмѣшивается въ ихъ дѣла; капуцины, видя, что дѣло касается до ихъ частной жизни, выставили свою бѣсноватую, которая кричала, что Гоффриди невиненъ. Приведенная такимъ сопротивленіемъ въ смущеніе, Луиза отвѣчала, что вѣроятно капуцины не сдѣлали заклятія, обязующаго демона сказать правду, но главный ударъ она нанесла черезъ Магдалину.

Надо сказать, что она успѣла въ это время совершенно подчинить ее своей волѣ: бѣдная Магдалина, чтобъ избѣжать побоевъ, готова была на все... Драма началась. Луиза кричала противъ марсельскихъ колдуній, называя ихъ, противъ архіепископа, который, какъ она увѣряла, самъ того не зная, оскорбляетъ Бога; главное же обвиненіе она заставила высказать Магдалину. Одна женщина въ Марселѣ, потерявшая года два назадъ ребенка, была обвинена ею въ томъ, что удавила его. Та, испугавшись пытки, бѣжала; мужъ и отецъ ея въ отчаяніи явились въ С.-Бомъ, надѣясь смягчить инквизитора, но Магдалина твердо стояла на своемъ показаніи.

Видя такое вмѣшательство папской инквизиціи, Марсель прибѣгнулъ къ парламенту, засѣдавшему въ Эксѣ, но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ. Этотъ маленькій городишко бюрократіи и дворянства завидовалъ торговому, богатому Марселю. Михаелисъ отлично понималъ это и чтобъ отвратить апелляцію Гоффриди къ парламенту, самъ обратился къ нему. Парламентъ пришолъ въ восторгъ отъ такого униженія инквизиціи: онъ видѣлъ въ этомъ какъ бы отреченіе отъ прежнихъ правъ ея. Восторгъ этотъ еще болѣе усилился, когда Луиза въ одномъ изъ своихъ припадковъ произнесла похвалу покойному королю.

Съ этихъ поръ участь Гоффриди можно было предвидѣть.

Едва парламентская комиссія прибыла въ С.-Бомъ, Луиза на-

Digitized by Google

чала свои обвиненія; прежде всего она указала на капуциновъ, защитниковъ Гоффриди; она предсказывала, что они будутъ скоро наказаны. Испуганные монахи согласились представить обвиняемаго въ С.-Бомъ, надѣясь впослѣдствіи вытребовать его черезъ архіепископа и капитулъ для того, чтобъ поставить подъ защиту епископскаго судопроизводства. Сверхъ того они расчитывали на потрясеніе, которое произведетъ видъ любимаго человѣка въ его обвинительницахъ.

Сначала Луиза дѣйствительно была тронута: она готова была спасти его, но съ тѣмъ, чтобъ онъ во всемъ сознался. Гоффриди понималъ, что подобное признаніе взведетъ его на костеръ и разумѣется не могъ на него согласиться. Впрочемъ она не могла ничего сдѣлать: она сама должна была защищаться. Михаелисъ, раздраженный тѣмъ, что принужденъ былъ играть вторую роль, что его затмилъ фламандецъ, хотѣлъ замѣнить Луизу Магдалиной. Вслѣдствіе этого, когда фламандецъ вздумалъ явиться въ парламентскую комиссію, онъ захлопнулъ ему дверь подъ носъ. Ссора эта вскорѣ еще болѣе разгорѣлась: Михаелисъ потребовалъ отъ него бумагъ, относящихся къ дѣлу — того что онъ писалъ подъ диктовку Луизы. Фламандецъ не хотѣлъ отдать ихъ. Михаелисъ принужденъ былъ выломать дверь и взять ихъ именемъ короля. Тогда Луиза и ея защитникъ пожаловались папскому легату въ Авиньонѣ, но онъ, опасаясь скандала, оставилъ эту просьбу безъ вниманія.

Между тѣмъ марсельское духовенство потребовало Гоффриди. Капуцины объявили, что обыскали его комнату и не нашли въ ней ничего, относящагося къ колдовству. Четыре каноника изъ Марселя явились за нимъ и увезли съ позволенія инквизитора. Казалось, онъ могъ считать себя въ безопасности, но неблагоразуміе Магдалины погубило его. Въ радости, что ее пощадили, она по временамъ предавалась неприличнымъ танцамъ въ присутствіи комиссіи. Луиза кричала, что это дѣйствіе демона распутства. Ромильонъ краснѣлъ за нее. Всѣ усилія Михаелиса сдѣлать изъ ней вторую Луизу оставались напрасны. Демоны ея были тщеславны, сладострастны, но не краснорѣчивы и свирѣпы какъ у ея соперницы. Смущенный такой неудачей главный инквизиторъ, желая превзойти фламандца, объявилъ, что онъ изгналъ изъ ней 6660 демоновъ и что за тѣмъ ихъ осталась только сотня. Чтобъ еще больше увѣрить публику, онъ показалъ ей жребій, вынутый изъ рта Магдалины. По всему надо было думать, что она съ каждымъ шагомъ приближалась къ освобожденію, несмотря на безтактность нѣкоторыхъ показаній, не смотря на то, что она утверждала, что была не одинъ разъ на шабашахъ, что всякій предметъ представлялъ ей Гоффриди, что онъ тре-

Digitized by Google

бовалъ на одномъ изъ шабашей ея волоска — несмотря на все это, она могла надѣяться на спасеніе, потомучто твердо стояла на одномъ, что противилась Гоффриди всегда, что онъ не могъ побѣдить ее.

Все шло хорошо, но вдругъ Магдалина бѣжала въ Марсель. Ее поймали. Михаелисъ никакъ не могъ понять, откуда происходило ея упорство. Замѣтивъ на рукѣ у ней магическое кольцо, онъ истребилъ его, а для того чтобъ помѣшать приближаться къ ней демонамъ, поставилъ при ней часового, который долженъ былъ махать обнаженнымъ мечемъ во всѣ стороны. Но самымъ лучшимъ средствомъ къ ея исцѣленію онъ считалъ смерть Гоффриди. Пріѣхавъ въ Эксъ 5 февраля, онъ одушевилъ парламентъ новымъ жаромъ. Виновные были вытребованы. Магдалину подвергли страшному испытанію: ее ввели въ сырое и темное подземелье, гдѣ гнили кости неизвѣстныхъ мертвецовъ, надъ ней сдѣлали заклинаніе, прикладывая въ тоже время эти кости къ ея лицу. Съ тѣхъ поръ несчастная потеряла совершенно волю и сдѣлалась покорной рабой своихъ палачей, стараясь даже предугадывать ихъ желанія. Показывали ли ей гугенотовъ — она оскорбляла ихъ; вели ли въ церковь, она лаяла и старалась вооружить народъ противъ Гоффриди богохуленіемъ. На очныхъ ставкахъ съ нимъ она взводила на него обвиненія лучше всякаго прокурора.

Но когда проходили минуты этого рабскаго страха, Магдалина впадала въ отчаяніе и нѣсколько разъ покушалась на жизнь свою, но малодушіе не дозволило ей довести намѣреніе свое до конца.

Между тѣмъ рѣшились подвергнуть Гоффриди изслѣдованію: ему завязали глаза и стали доискиваться иглой нечувствительнаго мѣста. Съ ужасомъ узналъ онъ потомъ, что во время изслѣдованія три раза не почувствовалъ боли... Спасеніе было невозможно.

Тогда онъ исповѣдался капуцинамъ, которые боясь, что раскроется ихъ частная жизнь, старались всѣми силами убѣдить Гоффриди, для спасенія души, чтобъ онъ призналъ себя колдуномъ. Слабый, разбитый процессомъ, онъ покорился ихъ убѣжденіямъ и даже наговорилъ на себя, можетъ-быть надѣясь спасти этимъ покаяніемъ свою жизнь. Въ Испаніи онъ отдѣлался бы заключеніемъ въ какомъ-нибудь монастырѣ, но парламентъ стремился доказать чистоту свѣтскаго правосудія и осудилъ Гоффриди на сожженіе. Предварительно его подвергли обыкновенной и чрезвычайной пыткѣ. Подъ вліяніемъ ея онъ открылъ пропасть скандалезныхъ подробностей о монастырской жизни; парламентскіе совѣтники съ жадностью слушали его, записали ихъ, но рѣшились держать ихъ въ секретѣ. 30 апрѣля Гоффриди былъ сожженъ, но Михаелисъ не видалъ его смерти: онъ былъ въ это время въ Парижѣ, отозванный

Digitized by Google

своимъ орденомъ, который остался недоволенъ поведеніемъ его во время процеса. Соперничество его съ Фламандцемъ разоблачило закулисную жизнь духовенства и дало возможность парламенту стать выше инквизиціи.

Какая же участь постигла другихъ героевъ этой драмы? Магдалину не выпускали изъ авиньонскаго округа; она была постоянно подъ надзоромъ, изъ боязни чтобъ кто-нибудь не заставилъ ее говорить объ этомъ процесѣ. Худая, блѣдная, съ потухшимъ взоромъ тащилась она иногда съ нѣкоторыми бѣдными женщинами сбирать дрова, которыя потомъ продавала... А Луиза? Луиза продолжала доносить; демоны ея были кровожадны какъ прежде и не одну несчастную довели до костра.

Изъ этого процеса видно, какъ удобно было обвиненіе въ колдовствѣ для того, чтобъ погубить человѣка. Какъ скоро дѣло касалось духовнаго, тотъ орденъ, къ которому принадлежалъ онъ, старался выставить на первый планъ чародѣйство для того, чтобъ прикрыть этимъ преступленіемъ развратную жизнь, которую велъ виновный и которая была отличительной чертой тогдашняго католическаго духовенства.

Процесъ Урбана Грандье возникъ вслѣдствіе преслѣдованія квіэтизма. Древняя доктрина, что человѣкъ, уничтоживъ свою волю и созерцательно существуя въ Богѣ, не можетъ грѣшить, нашла себѣ многочисленныхъ поклонниковъ въ XVII вѣкѣ. Въ Лувьерѣ священникъ Давидъ проповѣдывалъ, что духъ не можетъ совершить нечистаго дѣла, что напротивъ того онъ все очищаетъ; что надо умерщвлять грѣхъ грѣхомъ, чтобъ вѣрнѣе достигнуть невинности, что такъ дѣлали наши прародители. Ученіе это, брошенное въ однообразіе и скуку монастырской жизни, дѣйствовало поразительно на воображеніе, разгоряченное романами и легендами. Крутая реформа монастырей, предпринятая езуитами, оторвала монахинь отъ свѣтской жизни, отъ танцевъ и баловъ, которые прежде часто бывали въ монастыряхъ. Изъ постороннихъ мужчинъ доступъ былъ дозволенъ только духовнику. Такой быстрый переломъ не остался безъ пагубныхъ послѣдствій. Требованія плоти сдѣлались такъ настоятельны, что весьма многія монахини заболѣли той нервной болѣзнью, которая эпидемически свирѣпствовала въ половинѣ XVI вѣка въ Германіи подъ именемъ: *бѣсованія монахинь* (possession des nonnains).

Болѣзнь эта обнаружилась въ значительныхъ размѣрахъ въ урсулинскомъ монастырѣ въ Лудёнѣ (Loudun). Урбанъ Грандье, воспитанникъ езуитовъ, любимый исповѣдникъ женщинъ, былъ обвиненъ въ колдовствѣ. Дѣло его шло тѣмъ же путемъ какъ и дѣло

Digitized by Google

Гоффриди и привело обвиняемаго къ костру. Истинная причина его смерти заключается въ соперничествѣ капуциновъ съ езуитами. Они намѣревались воздвигнуть противъ квіэтизма гоненія, которыя должны были напомнить избіенія протестантовъ, но Ришелье не позволилъ этого: онъ вовсе не намѣренъ былъ начинать междоусобной войны для удовольствія отца Іосифа. Позволивъ монахамъ принести въ жертву ненависти ихъ къ бѣлому духовенству одного священника, онъ отвратилъ этимъ ихъ вниманіе отъ преслѣдованій сектаторовъ и имѣлъ въ нихъ опору на предстоящихъ генеральныхъ штатахъ для полученія субсидіи по случаю предстоящей войны.

Процесъ Магдалины Баванъ (Bavent) представляетъ примѣръ развращенія пятнадцатилѣтней дѣвочки ученіемъ адамитовъ. Сдѣлавшись любовницей Давида, о которомъ мы упомянули выше, она по смерти его перешла въ руки преемника его Пикара; онъ поилъ ее волшебными напитками, слѣдствіемъ чего были видѣнія и нервные припадки. Опасаясь легкомыслія Магдалины, онъ обязалъ ее страшной клятвой *умереть, когда онъ умретъ и быть тамъ, гдѣ онъ будетъ*. Кромѣ того гостія, орошенная кровью ея, была зарыта въ саду.

Съ этихъ поръ ужасъ несчастной дѣвушки увеличился, тѣмъ болѣе, что въ монастырь проникъ слухъ о подробностяхъ процеса Грандье. Магдалинѣ сталъ мерещиться котъ съ огненными глазами, преслѣдующій ее любовью; ей казалось, что демоны бьютъ ее; съ другими монахинями тоже стали дѣлаться разные припадки. При жизни Ришелье все это держали втайнѣ, но когда онъ умеръ, когда умеръ Пикаръ, началось преслѣдованіе Магдалины. Обстановка была таже какъ и въ прежнихъ процесахъ: изслѣдованіе, заклинанія, тюрьма, пытка. Разумѣется она не выдержала и сдѣлалась такой же доносчицей какъ и Магдалина Палюдъ, и также какъ она была орудіемъ мести и корыстолюбія въ рукахъ духовенства.

Въ министерство Кольберта Франція нѣсколько отдохнула отъ гоненій: онъ запретилъ принимать обвиненія въ колдовствѣ. Эта просвѣщенная мѣра встрѣтила сильную оппозицію со стороны духовенства и рутинеровъ. Руанскій парламентъ даже представилъ королю адресъ, гдѣ, опираясь на священное писаніе и процесы прежнихъ лѣтъ, требовалъ отмѣны закона. Впрочемъ и безъ того дѣйствіе его было непродолжительно.

Состояніе высшаго французскаго общества при Людовикѣ XIV напоминало римскій патриціатъ временъ Домиціана. Также какъ тогда шарлатаны и отравители размножились. Знаменитая Вуазэнъ служила черную мессу съ разными циническими дополненіями,

Digitized by Google

изобрѣтеннымъ ея разнузданнымъ воображеніемъ, для потѣхи и развлеченія великосвѣтскихъ дамъ версальскаго двора. Сверхъ того она занималась гаданьемъ и приготовленіемъ волшебныхъ напитковъ и отравъ. Около нея образовалось многочисленное общество, но увеличеніе преступленій обратило на нее вниманіе полиціи, и она была арестована.

Вуассэнъ и важнѣйшіе ея сообщники погибли на кострѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ притѣсненія, которымъ подверглись протестанты на югѣ Франціи, вызвали въ громадномъ объемѣ экстазъ, эпилепсію и гипнотизмъ. До осьми тысячъ пророковъ явилось въ Севеннахъ и въ нижнемъ Лангедокѣ. Большею частью это были дѣти. Война вспыхнула съ неслыханнымъ свирѣпствомъ. Почти вся страна была превращена въ развалины; въ городахъ каждый день совершались ужасныя казни.

Вѣкъ Людовика XIV смѣнился регентствомъ. Съ каждымъ днемъ удары, наносимые фанатизму и невѣжеству становились сильнѣе. Свобода мысли, которую преслѣдовали какъ колдовство, какъ ересь, нашла наконецъ возможность развернуть крылья. Свѣтская литература и медицина торжествуютъ.

Надо замѣтить, что несмотря на опасность возставать противъ общепринятыхъ мнѣній, противъ сильныхъ и богатыхъ, всегда находились люди, готовые неустрашимо стать за истину и за священныя права человѣка. Переходъ къ новой эпохѣ, ознаменованный открытіемъ книгопечатанія и Америки, не остался безъ послѣдствій и въ области филантропіи. Первымъ противникомъ Шпренгера и его книги Malleus malleficorum является констанцкій адвокатъ Молиторъ; за нимъ въ 1515 году слѣдуетъ итальянскій правовѣдъ Франческо Понсивіусъ, написавшій Tractatus de lamiis, въ которомъ доказываетъ, что колдуньи были не что иное, какъ больныя или полуумныя женщины. Эразмъ, Гуттенъ и Агриппа нанесли тоже сильные удары инквизиціи и колдовству; послѣдній утверждалъ, что если колдуньи жертвы дьявола, то надо приняться за него, а не за нихъ, что ихъ надо лечить, а не сожигать. Вейеръ, лейбъ-медикъ герцога Клевскаго идетъ по слѣдамъ своего наставника Агриппы; Габріэль Ноде, Монтэнь, Галилей, Томасіусъ и другіе потрясли зданіе суевѣрія до основанія, но далеко еще было то время, когда оно должно было рухнуть въ обломкахъ. Впрочемъ не одни великіе мыслители и естествоиспытатели объявили войну невѣжеству: нѣкоторые честные юристы и доктора осмѣливались открыто обличать плутни слѣдователей. Такъ въ процессѣ Грандье лудѣнскій баль безстрашно обнаруживалъ продѣлки заклинателей, а докторъ Дуканъ изъ Сомюра публиковалъ брошюру, въ которой

Digitized by Google

расказывалъ, какимъ образомъ они заставляли бѣсноватыхъ дѣлать подложныя чудеса. Въ другомъ процесѣ — Баванъ, докторъ Ивелэнъ оказался достойнымъ товарищемъ Дункана. Изслѣдовавъ 52 бѣсноватыхъ, онъ нашолъ изъ нихъ семнадцать дѣйствительно больныхъ «монастырской болѣзнью». Остальныя же были обманщицы или шалуньи. «Онѣ предсказываютъ одно и тоже, — сказалъ онъ, — но предсказанія ихъ не сбываются; онѣ переводятъ одинаково, но невѣрно; онѣ говорятъ погречески, но передъ людьми, непонимающими этого языка; онѣ дѣлаютъ прыжки и скачки, но самые легкіе; онѣ взбираются на дерево, но на такое, на которое влѣзъ бы трехлѣтній ребенокъ». Эти слова возбудили гнѣвъ монахинь. Онѣ выпросили у двора другихъ медиковъ для слѣдствія. Ивелэнъ не упалъ духомъ. Онъ напечаталъ брошюру, въ которой доказывалъ, что дѣла такого рода должны судиться учеными, а не монахами. Никто не хотѣлъ продавать ее; онъ самъ сталъ на одномъ изъ наиболѣе людныхъ мѣстъ Парижа и раздавалъ ее проходящимъ.

Такіе люди были предвѣстниками гуманнаго движенія XVIII вѣка. Фанатизмъ казалось умеръ вмѣстѣ съ великимъ королемъ, разорившимъ Францію. Общая распущенность нравовъ, страсть къ увеселеніямъ, безпечность и скептицизмъ, вліяніе новыхъ идей значительно ослабили религіозную нетерпимость. Но вдругъ неожиданный случай показалъ, что въ этомъ разлагающемся обществѣ была еще значительная доля людей съ мистическимъ направленіемъ, съ вѣрою въ фанатизмъ, съ строгими правилами. Эти люди назывались янсенистами. Доктрина ихъ сходилась съ кальвинизмомъ: они отвергали въ человѣкѣ свободную волю, отлучали грѣшниковъ отъ литургіи, проповѣдывали лишенія и самопожертвованія, возставали противъ театровъ и поэзіи, картинъ, статуй и богатыхъ украшеній въ церквахъ; они осуждали дружбу и любовь, не признавали нѣкоторыхъ святыхъ; обрядности езуитовъ противоставляли чтеніе евангелія и пѣніе псалмовъ. Они перевели библію на народный языкъ и требовали введенія его въ богослуженіе; они провозглашали преобладаніе соборовъ надъ папами, независимость архіепископовъ, избраніе священниковъ прихожанами.

Въ числѣ янсенистовъ былъ сынъ одного парламентскаго совѣтника, извѣстный впослѣдствіи подъ именемъ діакона Париса; онъ былъ недальняго ума, но добраго сердца; непреодолимое желаніе влекло его къ духовному званію, и онъ, несмотря на всѣ препятствія со стороны родныхъ, постригся; когда же отецъ его умеръ, онъ роздалъ доставшуюся ему часть наслѣдства бѣднымъ. Съ этихъ поръ жизнь его проходила въ постѣ, молитвѣ, умерщвленіи плоти

Digitized by Google

и пособіяхъ страждущимъ. Такой образъ жизни доставилъ ему большое уваженіе со стороны янсенистовъ.

Въ 1727 году Парисъ умеръ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ на могилѣ его стали совершаться исцѣленія. Езуиты вопіяли противъ такихъ чудесъ, приписывая ихъ дьяволу; янсенисты въ свою очередь называли ихъ врагами божіими. Езуиты отвѣчали преслѣдованіями. Чудеса умножились и стали сопровождаться конвульсіями. Закрытіе кладбища, гдѣ онѣ происходили, усилили еще болѣе ревность конвульсіонеровъ. Слава о св. Парисѣ пронеслась по всей Франціи. Езуиты пытались парализировать его вліяніе, но неудачно. Нѣмая, которую наняли они для совершенія на ней исцѣленія, оказалась отъявленной воровкой, извѣстной вездѣ; она обходила всѣ святыни Франціи; при каждой получала исцѣленія и собирала богатую милостыню.

Видя неудачу на сѣверѣ, они обратили взоры свои на югъ.

Въ Марсели они имѣли на своей сторонѣ архіепископа, находившагося совершенно съ рукахъ езуита Жирара, духовника монахинь. Съ его помощью, они, пользуясь моровой язвой, приобрѣли огромное вліяніе. Марсельскія кармелитки стояли впереди всѣхъ по тому совершенству, съ которымъ исполняли обряды, относящіеся къ ученію о таинственной смерти, абсолютной пассивности, полномъ забвеніи самого себя... Сестра Ремюза слыла даже святой.

Эта ловкость отца Жирара заставила езуитовъ послать его въ Тулонъ, гдѣ орденъ имѣлъ весьма неудачныхъ представителей: одинъ былъ глупъ, другой, отецъ Сабатье, вспыльчивъ и далеко не цѣломудренъ. Прибытіе Жирара поправило дѣла ихъ. Хитрый лицемѣръ умѣлъ вкрасться въ довѣренность тулонскихъ женщинъ и заслужить общее уваженіе, несмотря на то что имѣлъ нѣсколько любовницъ. Пользуясь этимъ расположеніемъ, онъ успѣлъ обольстить одну изъ своихъ духовныхъ дочерей, молоденькую Катерину Кадьеръ, дѣвушку больную, впечатлительную, съ воображеніемъ, наполненнымъ сказаніями о св. Екатеринѣ генуэзской и святой Терезѣ. Жираръ до такой степени умѣлъ развить въ ней мистицизмъ, до такой степени коварными софизмами ослѣпилъ ея волю, что она предалась ему вполнѣ и въ тоже время вѣрила, что она святая. Не станемъ разсказывать подробностей этого обольщенія — чтобъ не выйти изъ предѣловъ журнальной статьи — передадимъ только заключеніе процеса (1).

Обвиненный въ околдованіи Кадьеръ, въ беременности ея, въ содѣйствіи къ выкидышу, Жираръ настолько вывернулся, благодаря

(1) См. La sorcière отъ стр. 291 до 377; также Arnould. Les jesuites.

Digitized by Google

коалиціи, составленной въ его пользу езуитами и парламентомъ, но еще обвинилъ свою противницу и ея братьевъ въ клеветѣ и колдовствѣ. Процесъ велся самымъ несправедливымъ образомъ: Жираръ оставался на свободѣ, Кадьеръ была въ тюрьмѣ урсулинскаго монастыря, подвергаясь голоду и побоямъ; передъ тѣмъ какъ вести ее къ допросу, ей давали вино, настоянное одуряющими травами. Сверхъ того въ свидѣтели не допускались тѣ, которые могли показать противъ Жирара... Не мудрено послѣ того, что Кадьеръ была приговорена къ висѣлицѣ.

Это рѣшеніе суда произвело огромный переворотъ въ общественномъ мнѣніи. Прежде всѣ были противъ Катерины: вольтеріанцы смѣялись надъ ней какъ надъ монахиней, янсенисты съ ужасомъ видѣли въ ней чудовище разврата; народъ, возбуждаемый езуитами, чуть не убилъ ее какъ колдунью — и вдругъ все перемѣнилось: великій XVIII вѣкъ былъ нетолько царствомъ разума, но и царствомъ гуманности — знатныя дамы, жены янсенистовъ, насмѣшники, всѣ перешли на сторону бѣдной жертвы. Народъ въ Эксѣ толпами бросился къ урсулинскому монастырю, чтобъ защитить ее; въ Тулонѣ едва не сожгли езуитскую семинарію.

При такомъ настроеніи умовъ парламентъ не осмѣлился поддерживать прежняго рѣшенія, но не осмѣлился и осудить Жирара: голоса раздѣлились поровну; президентъ вотировалъ въ пользу езуита и на этомъ основаніи произнесли приговоръ: Кадьеръ признана была клеветницей, ея объясненія и докладныя записки были изорваны рукой палача и сожжены... Дальнѣйшая ея участь неизвѣстна. Очень можетъ быть, что она погибла въ какой-нибудь тюрьмѣ вслѣдствіе одного изъ тѣхъ Lettres de cachet, на которыя были такъ щедры министры Людовика XV. Жираръ былъ оправданъ въ важнѣйшихъ преступленіяхъ; для изслѣдованія же другихъ дѣло было передано въ духовный судъ... Разумѣется его нашли правымъ.

Такъ кончилась несчастная попытка езуитовъ спекулировать на народное легковѣріе. Изъ ней видно, какъ далеко шагнуло впередъ умственное развитіе страны. Правда, въ массѣ сохранилось прежнее вѣрованіе въ чародѣйство, но не въ такой степени какъ прежде; среднее же сословіе все болѣе склонялось на сторону философовъ. Съ каждымъ днемъ становится сильнѣе сопротивленіе фанатизму и рутинѣ, которыя пробуютъ по временамъ поддержать свое колеблющееся значеніе страшными примѣрами. Проклятія Вольтера клеймятъ палачей Ла-Барра и Каласа. Мирабо громитъ знаменитыя Lettres de cachet; теоріи Монтескье и Беккаріа встрѣчаютъ повсюду сочувствіе; сотни журналистовъ подрываютъ покачнувшееся зданіе

Digitized by Google

тогдашняго французскаго деспотизма и наконецъ революція наноситъ ему послѣдній ударъ.

Борьба между невѣжествомъ и просвѣщеніемъ казалась конченной, несмотря на то что въ отдаленныхъ уголкахъ Франціи сохранились прежнія вѣрованія; но эта побѣда была только кажущаяся. Наука отвела надлежащее мѣсто вліянію нервныхъ болѣзней, наука отвергла всѣ средневѣковыя бредни объ естественныхъ явленіяхъ; наука расширила поле для наблюденій; но съ другой стороны она стала на недоступную для народа высоту и поклонники ея въ самолюбивомъ упоеніи своими достоинствами не хотятъ снизойти до народнаго уразумѣнія; они сложились въ касту, въ бюрократію, которая мѣшаетъ свободному развитію знанія, которая готова повторить неподвижность ученой касты въ Китаѣ. Къ счастью, вліяніе это парализируется многими свѣжими умами, соединяющими твердую волю съ неподкупной любовью къ народу. Они являются его защитниками отъ тѣхъ золъ, въ которыя хочетъ его снова погрузить езуитская пропаганда; они стараются просвѣщеніемъ избавить его отъ тѣхъ бѣдствій, которыя создаетъ воображеніе, не управляемое разсудкомъ; они готовятъ его къ предстоящей великой борьбѣ за истину. Мы живемъ наканунѣ этой эпохи; размноженіе нервныхъ болѣзней показываетъ недовольство жизнью, стремленіе выбиться изъ узкихъ формъ, мѣшающихъ ей развиваться. Близость этого переворота замѣтна...

В. ПОПОВЪ

Digitized by Google

НАШИ ДОМАШНІЯ ДѢЛА

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

Роль исключительно земледѣльческой страны. — Отсутствіе въ такой странѣ капиталовъ. — Цѣны муки въ Петербургѣ. — Хлѣбная комиссія при экономическомъ обществѣ. — Програма, ею сочиненная. — Уплата долговъ будущими продуктами. — Истинная свобода торговли. — Значеніе покровительственной пошлины. — Типографская краска. — Вывозъ хлѣба. — Какое вліяніе будутъ имѣть вывозныя желѣзныя дороги. — Судоходство по рѣкѣ Чусовой. — Правительственное ручательство за дивидендъ. — Московско-рязанская дорога. — Воровство на нижегородской дорогѣ. — Московское юридическое общество. — Самоуправство крестьянъ въ Вятской губерніи. — «Довольно странное обстоятельство» на московскихъ выборахъ. — Наше неуваженіе къ законности. — Взаимное застрахованіе въ Волоколамскѣ. — Временныя измѣненія въ полицейскихъ учрежденіяхъ. — Новыя положенія о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ. — Несчастія отъ скорой ѣзды. — Водопроводы въ Петербургѣ. — Эстляндское дворянство и 500 рублей. — Комитетъ грамотности. — Успенская школа въ Уфѣ.

Не смотря на огромное количество перемѣнъ, совершающихся у насъ по разнымъ отраслямъ государственнаго управленія, все же на первомъ мѣстѣ стоитъ вопросъ о безхлѣбицѣ, о дороговизнѣ хлѣба. Во многихъ мѣстахъ у насъ голодъ; во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ хлѣбъ непомѣрно дорогъ, такъ что нечего и думать продавать его съ какою-нибудь выгодою за границу.

Въ Брюсселѣ пудъ крупичатой муки стоитъ теперь 1 р. 20 к. с.

Въ Парижѣ пудъ той-же муки — 1 р. 40 к. с.

Въ Москвѣ — отъ 1 р. 80 к. до 2 р.

Въ Петербургѣ — отъ 2 р. 10 к. до 2 р. 25 к. с.

Въ Одесѣ цѣна почти таже, что въ Брюсселѣ.

Читатель замѣчаетъ можетъ-быть, что мы слишкомъ часто возвращаемся къ разбору хлѣбнаго вопроса, безпрестанно толкуемъ о цѣнахъ на хлѣбъ. Но это его не удивитъ, если онъ приметъ во вни-

Digitized by Google

мніе, что это важнѣйшій для насъ вопросъ, что отъ его разрѣшенія зависитъ будущность Россіи на весьма продолжительный періодъ времени. Всякій безъ исключенія изъ поднятыхъ правительствомъ вопросовъ касательно нашего внутренняго быта, при внимательномъ, подробномъ изслѣдованіи, приводитъ насъ къ вопросу объ экономической будущности нашей, къ разсмотрѣнію отношеній нашихъ къ Европѣ и Азіи. Съ этимъ вопросомъ тѣсно должно быть связано все направленіе нашего законодательства, опредѣленіе роли нашей среди другихъ народовъ, первостепенное, второстепенное или третьестепенное значеніе наше, какъ державы: стало-быть здѣсь замѣшана вся наша внутренняя и внѣшняя политика. Какой ни взять вопросъ изъ нынѣшнихъ перестроекъ нашихъ, для его рѣшенія или оцѣнки слѣдуетъ сначала условиться, куда же мы идемъ? Что же мы такое? Надо условиться прежде касательно плана.

Собираемся мы возводить новую стѣну нашего зданія. Копаемъ рвы, кладемъ фундаментъ, заботимся о красотѣ и прочности, вѣрно подражаемъ образцамъ, выработаннымъ передовыми народами. Прекрасно; но весь вопросъ въ томъ, въ какой мѣрѣ новая постройка соотвѣтствуетъ плану будущаго зданія, и еще не менѣе любопытный вопросъ: въ чемъ же этотъ планъ заключается?

То-есть чѣмъ же должна быть Россія? Чисто земледѣльческимъ государствомъ, не производить ничего кромѣ сырья, выписывая фабрикованные продукты изъ-за границы? Или она должна имѣть свои фабрики?

Такъ-называемые *фритредеры*, думающіе по чужимъ книжкамъ и понимающіе свободу торговли какъ-то навыворотъ или вверхъ ногами, не задумываясь отвѣчаютъ, что Россія самою природой устроена какъ страна земледѣльческая; они говорятъ будто свобода торговли заключается въ томъ, чтобы каждая страна довольствовалась своимъ нынѣшнимъ состояніемъ и не искала другого, лучшаго, чтобы всякій, свой-ли, чужой-ли привозилъ бы и продавалъ что знаетъ и какъ знаетъ, laissez faire, laissez passer, и что за тѣмъ торговый балансъ, безъ особой съ чьей бы то ни было стороны заботы, найдетъ свой уровень, точно такъ же, какъ вода находитъ свой уровень въ изогнутыхъ трубкахъ, какъ бы ни были разнообразны и запутаны изгибы и завороты.

Но говорить такимъ образомъ могутъ или слѣпорожденные люди, неспособные увидать и понять самыхъ простыхъ, осязательныхъ фактовъ или люди злонамѣренные, враги Россіи.

Дѣло въ томъ, что страна исключительно земледѣльческая не можетъ претендовать на первостепенную и даже второстепенную

Digitized by Google

роль въ совѣтѣ другихъ державъ, какъ бы обширна и какъ бы плодородна она ни была. Дѣйствительно или истинно первостепенная держава, которой первостепенное положеніе принадлежитъ ей безъ натяжки, безъ напряженія всѣхъ послѣднихъ силъ непремѣнно и неизбѣжно развита вся цѣликомъ, органически. Въ ней физическія силы, численность народонаселенія, накопленіе богатствъ и умственный уровень народа развиваются всѣ вмѣстѣ, какъ нормально растетъ весь человѣкъ всѣми своими частями, при чемъ ни одна изъ частей не развивается на счетъ другой. При этомъ страна должна быть такъ-сказать достаточна для самой себя, точно такъ же, какъ всякій здоровый организмъ. Онъ самъ себѣ приготовляетъ кровь, слюну, слезы, зубы, нервное вещество, мысль и все то что составляетъ необходимыя условія органической и въ тоже время разумной жизни. Если страна не можетъ довлѣть самой себѣ, то ей невозможно поддержать своей политической самостоятельности, безъ особенной доброй на это воли болѣе нормально развитыхъ и стало-быть физически и умственно болѣе сильныхъ сосѣдей.

Если какая-нибудь страна заказываетъ свои рельсы и нарѣзныя пушки за границей, то изъ этого слѣдуетъ прямо, что у нея мало своихъ силъ на устройство дорогъ и на собственную свою защиту, да сверхъ того это значитъ, что она и не надѣется въ скоромъ времени пріобрѣсти на это довольно силъ. Значитъ, въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями, страна останется безъ дорогъ и безъ пушекъ. Ежели страна исключительно земледѣльческая, въ родѣ Бразиліи, то это тоже самое, что какое-нибудь несчастное существо, у котораго напр. исключительно развиты ноги на счетъ рукъ и головы. Могло бы быть, что такія ноги чрезвычайно сильны, но въ случаѣ столкновенія съ сосѣдями такой уродливый организмъ неизбѣжно погибнетъ. Ежели онъ самъ себѣ не вырабатываетъ вмѣстѣ съ другими органическими продуктами своими и мысль, а пробавляется кое-какъ чужими мыслями, то непріятели безъ большихъ усилій съ своей стороны могутъ погубить его окончательно, только запретивъ къ нему вывозъ этого недостающаго продукта, нѣсколько времени не допускать къ нему привоза книгъ, газетъ и тому подобныхъ фабрикатовъ, составляющихъ самую серьезную изъ всѣхъ родовъ всякой контрабанды.

Но положимъ покамѣстъ, что первостепенность или второстепенность народа какъ державы — дѣло не важное, что высокое положеніе обыкновенно связано бываетъ съ опасностями, пожертвованіями, и т. д., что смиренная третьестепенная доля истинными философами выхваляется не даромъ. Но для страны исключительно земледѣльческой невозможна даже и такая скромная роль: такая

Digitized by Google

страна можетъ быть только подчиненною, вполнѣ и совершенно подвластною, и платить другимъ, болѣе нормальнымъ народнымъ организмамъ столько, сколько вздумается имъ брать. Да наконецъ чего-же еще, когда въ чисто земледѣльческой странѣ наука не только невозможна, да даже вовсе и не нужна. Трудно рѣшиться выговорить такое страшное слово, но что же дѣлать — надо быть послѣдовательнымъ.

Откуда взяться наукѣ въ странѣ, чисто земледѣльческой, приготовляющей только сырые продукты! Наука вовсе не сырой продуктъ, а фабрикатъ очень сложный, являющійся только вслѣдствіе запроса. У нашихъ чукчей, юкагировъ и ненайцевъ нѣтъ никакого запроса на науку, и потому ея тамъ и нѣтъ. Всѣ ихъ знанія ограничиваются только тѣмъ что крайне необходимо для добыванія сырыхъ продуктовъ: они умѣютъ управлять лодкой, ловить рыбу и квасить ее, и все это въ такой мѣрѣ, которая имъ крайне необходима. Можно однакоже искуственно пересадить къ нимъ науку, хотя въ крошечномъ размѣрѣ, устроить въ анадырскомъ острогѣ уѣздное училище, объявить нѣкоторыя льготы тѣмъ, кто кончитъ тамъ курсъ, и нѣкоторые чукчи можетъ-быть пойдутъ въ науку. Но это еще не наука; безъ внѣшней искуственной поддержки училище потеряетъ всѣхъ учениковъ и школа закроется. Чтобы существовала наука, нуженъ запросъ на нее, запросъ, вытекающій изъ самой жизни, нужда въ наукѣ. Да и кчему въ самомъ дѣлѣ наука чукчамъ и юкагирамъ? Всѣ необходимыя для нихъ фабричныя издѣлія доставляются имъ русскими промышленниками; безъ особенныхъ усилій туземцы на чукотскомъ носу пріобрѣтаютъ себѣ чугунные котлы, рыболовные мѣдные крючки, муку и водку въ обмѣнъ на свою рыбу и на пушной товаръ. А ежели почему-нибудь рыбы не потребуется, то они готовятъ себѣ кушанье въ деревянныхъ корытахъ, ловятъ рыбу крючками, сдѣланными изъ рыбныхъ костей, не ѣдятъ мучной пищи и не лакомятся водкой. Можетъ-быть иному чукчу и придетъ въ голову самому добывать мѣдную руду, которая тутъ же у него подъ ногами, и дѣлать мѣдные крючки. Да на все это нужны знанія и капиталы. А такъ какъ ни того ни другого нѣтъ, то дѣло и остается въ прежнемъ видѣ. Если бы даже и были знанія, то ихъ некуда дѣвать по неимѣнію капиталовъ. А капиталовъ въ первыхъ рукахъ составиться не можетъ отъ продажи однихъ сырыхъ продуктовъ: это — фактъ несомнѣнный, говоря вообще, и нѣкоторымъ исключенія ничего не доказываютъ противъ него. Перепродажа сырого продукта изъ вторыхъ рукъ въ третьи и потомъ въ четвертыя и т. д. можетъ приносить огромныя выгоды, даже въ странѣ, занятой исключительно приготовленіемъ сырыхъ продуктовъ. Въ странѣ

Digitized by Google

промышленной приготовленіе сырого продукта тоже выгодно даже для первыхъ рукъ, потомучто вокругъ производителя имѣется много потребителей, которые вознаграждаютъ трудъ. Но когда всѣ и каждый производитъ одни сырые продукты, ихъ наконецъ дѣвать некуда и предложеніе естественнымъ образомъ превышаетъ запросъ, цѣна падаетъ, падаетъ до нельзя, и производители никогда не будутъ въ состояніи сколотить себѣ капиталовъ, необходимыхъ для какихъ-нибудь новыхъ производительныхъ предпріятій. Зачѣмъ же наука, зачѣмъ знаніе, когда нѣтъ никакой надежды когда либо приложить ихъ къ дѣлу? Самый ученый технологъ между жителями Патагоніи, безъ всякихъ средствъ приложить свои знанія къ дѣлу, долженъ постараться забыть свои знанія, чтобы не умереть съ голоду. Величайшій математикъ въ Мезени или въ Колѣ поневолѣ забудетъ свою математику, когда вся дѣятельность его будетъ ограничена ловлею трески. Отличнѣйшій филологъ въ Суданѣ будетъ играть роль юродиваго, и только потому не умретъ съ голоду, что харчи тамъ дешевы.

Очень хорошо извѣстно, что наука дѣло святое, великое, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, что знаніе есть сила, и тому подобныя прекрасныя истины. Но эта сила ничего не значитъ безъ матерьяльныхъ средствъ, безъ капиталовъ, безъ сбереженій, и непрошенымъ, незваным, какъ на зло является на сцену все тотъ же вопросъ о сбытѣ, о продажѣ, о цѣнахъ. И невозможно отдѣлаться отъ этого неотвязчиваго вопроса, невозможно къ нему не возвращаться до окончательнаго его уясненія.

Цѣна пуда крупичатой муки въ Петербургѣ, въ лабазахъ, отъ 2 р. 10 коп. до 2 р. 25 коп. А между тѣмъ, пока эта цѣна стоитъ и поддерживается вездѣ, въ томъ же самомъ городѣ, но не въ лабазахъ, а на биржѣ, для вывоза заграницу, пшеница въ 9 пудъ 20 фунтовъ и до 25 фунтовъ четверть продана на августъ по 9 рублей, съ задаткомъ 7 рублей. Это значитъ 93½ коп. за пудъ. Но это вовсе не значитъ, что въ августѣ нынѣшняго года пшеница въ петербургскихъ лабазахъ будетъ продаваться за эту цѣну, и что мука пшеничная, съ прибавкою хотя 50 процентовъ за помолъ, будетъ продаваться хоть по 1 р. 40 к. Совсѣмъ этого не будетъ и быть не можетъ. Цѣна будетъ таже что теперь, и даже нѣсколько можетъ быть возвысится.

Это странное повидимому обстоятельство требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Для этого надо разсмотрѣть, изъ какихъ частей составляется лабазная цѣна крупичатой муки и изъ какихъ частей биржевая цѣна на пшеницу. 93½ коп. заграницу и 2 р. 25 к. дома — разница слишкомъ большая, и на нее стоитъ обратить вниманіе.

Digitized by Google

Наша хлѣбная торговля съ иностранными государствами теперь въ плачевномъ состояніи. Министерство финансовъ еще не успѣло обнародовать цыфръ оборотовъ внѣшней торговли нашей за прошлый годъ; но по тѣмъ даннымъ, которые уже извѣстны, кажется, что мы отпустили хлѣба чуть ли не вдвое меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году. Въ послѣднее время возникло для насъ въ хлѣбной торговлѣ сильное соперничество со стороны Молдо-Валахіи, Венгріи и придунайскихъ турецкихъ областей. Въ прошломъ 1862 году Венгрія отпустила заграницу хлѣба почти столько же, сколько отпускала до-сихъ-поръ вся Россія; не вполнѣ устроившійся портъ Кюстенджи въ Турціи отпустилъ уже болѣе двухъ мильоновъ четвертей; изъ Молдо-Валахіи вывезено болѣе трехъ съ половиной мильоновъ четвертей. Экономическое общество обратило вниманіе на это обстоятельство и назначило комиссію «для собранія свѣдѣній о положеніи у насъ хлѣбной производительности, о средствахъ для удешевленія производства и увеличенія заграничнаго сбыта хлѣбовъ.» Предсѣдателемъ этой комиссіи выбранъ петербургскій городской голова г. Погребовъ, а товарищемъ предсѣдателя г. Тарасенко-Отрѣшковъ.

Какъ водится, напустились на недостатокъ путей сообщенія, на нашу беззаботность объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и прямо поставили себѣ задачей «найти средства для увеличенія заграничнаго сбыта хлѣбовъ.» Ужасно! ужасно! Молдо-валахи построили желѣзную дорогу въ 82 версты, а у насъ такой нѣтъ. Венгры устроили дорогу въ 104 версты, а у насъ нѣтъ, да еще и другую, въ 215 верстъ, и такой тоже у насъ нѣтъ. Отстали мы страшно, и всему виною наша лѣнь, наше отсутствіе инициативы, французскіе инженеры, на которыхъ мы понадѣялись; словомъ сказать — мы не созрѣли. Давайте же зрѣть. И рѣшили составить программу вопросовъ и разослать ихъ для рѣшенія гг. губернскимъ и уѣзднымъ предводителямъ дворянства и городскимъ головамъ чрезъ гг. губернаторовъ, прося доставить свѣдѣнія, еще «новозможности въ непродолжительномъ времени»:

a) о положеніи хлѣбной производительности,

b) о средствахъ къ ея удешевленію и

c) о средствахъ къ увеличенію сбыта хлѣба за границу.

Да кстати присоединить еще, не много не мало, сколько какихъ хлѣбовъ куда отправляется на продажу; среднія цѣны хлѣба на мѣстахъ производства, цѣны доставки къ портамъ, цѣны хлѣба въ портахъ, цѣны провоза до Лондона; причины, препятствующія развитію хлѣбнаго производства; необходимѣйшія направленія желѣзныхъ дорогъ; какія и гдѣ пути сообщенія надо улучшить; цѣны

Digitized by Google

всѣхъ рабочихъ; сколько надо денегъ на постройку нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогъ и наконецъ гдѣ взять эти деньги.

Excusez du peu. А свѣдѣнія доставлять въ экономическое общество.

Получивъ эту программу, изложенную коротко и ясно въ шестнадцати пунктахъ, гг. предводители и головы, если вздумаютъ отвѣчать съ какою-нибудь основательностью, должны будутъ у себя назначить комиссіи, которыя въ свою очередь, для рѣшенія напримѣръ вопроса о направленіи желѣзныхъ дорогъ, отъ себя пошлютъ комиссіи. Поднимется великая возня, секретарямъ работа, и въ итогѣ на главнѣйшій-то, послѣдній вопросъ, гдѣ взять деньги на желѣзныя дороги, придется отвѣчать: негдѣ взять. И потомъ въ видѣ примѣчанія прибавить:

«*Прим.* Напрасно вы господа изволите безпокоиться и неспросясь броду поднимали неслыханную возню. Вы приняли ложное, ошибочное основаніе, много наговорили, много понаписали, и думаете, будто дѣлаете дѣло. Всего полезнѣе было бы вовсе не отвѣчать на эту программу, потомучто она заранѣе рѣшила, будто намъ нуженъ заграничный сбытъ хлѣба. У насъ у самихъ его мало, и потому желательно, чтобы онъ остался дома, чтобы жители хоть напримѣръ полѣсья въ смоленской губерніи, которыя ѣдятъ чистый ржаной хлѣбъ только по праздникамъ, а въ будни пополамъ съ сосновой корой, — ѣли бы хоть по праздникамъ пшеничную муку, а въ будни оставили бы неудобоваримую древесную примѣсь. Но покамѣстъ еще великъ русскій богъ, могучъ русскій желудокъ.

Прим. 2. Для поясненія всего этого надо бы написать чуть не цѣлый трактатъ о народномъ богатствѣ, но по случаю многосложныхъ судебныхъ обязанностей это отлагается до другого болѣе благопріятнаго времени».

«P. S. Старайся приниматься лишь за такія дѣла, — сказалъ одинъ древній философъ, — о которыхъ ты имѣешь хотя нѣкоторое понятіе.»

Если мы въ 1861 году отпустили за границу разнаго хлѣба на 69 мильоновъ рублей, то — постарайтесь понять, — это вовсе не значитъ, что для удовлетворенія безвыходнаго голода англійскихъ рабочихъ такое количество было необходимо; совсѣмъ нѣтъ: у нихъ пропасть хлѣба, дѣвать некуда; запасы превышаютъ потребность, закупки сдѣланы во всѣхъ частяхъ свѣта и наши ничтожныя 730 тысячъ четвертей пшеницы отправились въ Англію не съ тою исключительно цѣлью, чтобы кормить умирающихъ съ голоду, хотя окончательное назначеніе хлѣба состоитъ въ питаніи, а съ тѣмъ прежде всего, чтобы чѣмъ-нибудь покрыть нашъ долгъ по выпискѣ

Digitized by Google

изъ-заграницы разныхъ вещей, въ которыхъ теперь мы нуждаемся. Въ этомъ случаѣ мы не кормимъ голодныхъ, а сытые благоволятъ принять отъ насъ нѣкоторые лишніе для нихъ въ настоящее время запасы, потомучто у насъ нѣтъ денегъ на уплату разницы торговаго баланса. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ государствѣ чисто земледѣльческомъ не можетъ быть достаточно денегъ; при этомъ разница торговаго баланса постоянно покрывается хлѣбомъ, и не по той цѣнѣ, въ какую онъ дѣйствительно обошолся производителямъ, а съ уступкой. Но къ этому еще мы скоро возвратимся.

Изъ двухъ существующихъ въ Петербургѣ цѣнъ на одинъ и тотъ же хлѣбъ, 93½ коп. за пудъ пшеницы заграницу и 2 р. 25 коп. за пудъ крупичатой муки для здѣшнихъ потребителей, ни та ни другая не есть истинная цѣна хлѣба для Петербурга. Истинная цѣна всякаго продаваемаго продукта составляется весьма извѣстнымъ образомъ: въ нее входитъ цѣна первоначальной покупки, плата за помѣщеніе для храненія товара, цѣна провоза на мѣсто сбыта, нагрузка, выгрузка, всевозможныя передвиженія, помѣщеніе и храненіе товара на рынкѣ, процентъ на затраченный капиталъ, застрахованіе товара отъ огня и воды, жалованье управляющему операціей и наконецъ, сверхъ всего этого, торговый барышъ, который можно пожалуй считать преміей за умѣнье распорядиться торговою операціей и за рискъ, сопряженный съ дѣломъ. Все это вмѣстѣ составляетъ истинную цѣну товара. Въ 93½ коп. за пудъ пшеницы, продаваемой за границу, недостаетъ нѣкоторой части этого итога, и эта недостающая часть перенесена на цѣну пуда крупичатой муки, продаваемой изъ лабаза домашнимъ потребителямъ, такъ что въ 2 р. 25 коп. заключается сверхъ исчисленныхъ составныхъ частей цѣны еще одна, совершенно лишняя. Такія уступки на одной продажѣ и такія вознагражденія на другой случаются въ торговлѣ очень часто; но когда онѣ постоянны, производятся на счетъ цѣлаго народа, то не ведутъ ни къ чему иному, кромѣ разоренія.

Люди, понимающіе свободу торговли навыворотъ, увѣряютъ, что покровительство извѣстнаго производства разорительно для потребителей. Они говорятъ, что ежели можно купить извѣстное количество рельсовъ за сто рублей, а покровительственная пошлина заставляетъ насъ пріобрѣтать тоже количество за полтораста, у своихъ фабрикантовъ или за границей, то лишніе 50 руб. уплачиваются въ пользу нѣсколькихъ заводчиковъ цѣлою страною, которая такимъ образомъ платитъ дороже за свои желѣзныя дороги, платитъ дороже за движеніе по этимъ дорогамъ, и т. д. Допустимъ покамѣстъ, что все это совершенная правда; но дѣло въ томъ, что при такъ-называемой свободной торговлѣ, то-есть при отсутствіи

Digitized by Google

покровительственнаго тарифа, происходитъ точь-вточь тоже самое. Мы получили безъ пошлины рельсовъ на сто рублей; за то же количество нашъ заводчикъ требовалъ полтораста. Мы оставляемъ его рабочихъ безъ работы, зато въ государствѣ будто бы осталось 50 рублей. Но это совершенный вздоръ. Правда заключается въ томъ, что государство во всякомъ случаѣ лишилось этихъ 50 рублей, да вдобавокъ не имѣетъ заводовъ, и часть его гражданъ нѣкоторое время голодаетъ, потомучто ихъ работу исполняютъ англійскіе мастеровые. Колосальный капиталистъ, отпустившій къ намъ рельсы на сто рублей, тоже увѣренъ, что онъ возьметъ за нихъ не сто, а гораздо больше. Такъ какъ мы деньгами заплатить своего векселя не можемъ, то предлагаемъ капиталисту получить съ насъ долгъ хлѣбомъ. Онъ согласенъ, но не даетъ той цѣны, въ какую намъ самимъ обошолся хлѣбъ, а нѣсколько меньше. Мы по необходимости соглашаемся отпустить ему хлѣбъ въ убытокъ, а этотъ убытокъ наверстываемъ на продажѣ хлѣба своимъ домашнимъ потребителямъ. Отъ этого въ цѣнѣ пуда крупичатой муки, въ 2 р. 25 к., заключается, кромѣ истинной цѣны, еще то что уступлено на пшеницѣ англійскому капиталисту, да еще проценты, которые мы ему платимъ за то, что онъ согласенъ подождать, и сверхъ того проценты за то, что онъ даетъ намъ часть денегъ впередъ. Пшеница въ Петербургѣ продана за 9 р. четверть на августъ, съ задаткомъ 7 рублей. Это вовсе не значитъ, что англичане проголодались и заботятся о томъ, чтобы въ августѣ получить запасъ хлѣба. Это тоже вовсе не значитъ, что у насъ у самихъ пшеницы такъ много, что еще остается лишняя за удовлетвореніемъ потребностей всѣхъ жителей. Это значитъ только, что вслѣдствіе различныхъ полученій изъ-за границы, въ Лондонѣ, въ Гаврѣ, въ Парижѣ, въ Гамбургѣ, въ Амстердамѣ накопилось много русскихъ векселей, въ уплату которыхъ послано нѣкоторое количество векселей иностранныхъ. Но затѣмъ осталось еще много уплатъ. Надо посылать еще иностранные векселя или золото. Но золото дорого, его пересылка тоже дорога, такъ надо какъ-нибудь добыть вексель. — Возьмите хоть пшеницы! — Не надо, у насъ хлѣба много. — Возьмите хоть на августъ. — Пожалуй, если будетъ уступочка. — Извольте, съ нашимъ удовольствіемъ: уступлю въ убытокъ. — Да какъ же? — А вотъ вамъ свое съ русскаго, домашняго покупателя. Пшеница мнѣ обойдется рублей въ десять, да съ расходами по каналамъ рублей одинадцать. Извольте, можно уступить за девять, а два я разложу на русскаго покупателя. Для насъ все-равно, съ кого ни взять свои барыши, лишь бы взять, а уговорившись кое съ кѣмъ изъ пріятелей, выручимъ сколько угодно. И платитъ страна, платитъ втридорога за такъ-назы-

Digitized by Google

вную свободу торговли, которая однакоже на дѣлѣ оказывается совершеннымъ рабствомъ, довольно впрочемъ выгоднымъ для хозяевъ.

Богатый капиталистъ съ большою легкостью надавливаетъ на бѣдняка, которому сегодня приходится платить по векселю. А тутъ дѣло улаживается даже понимому съ выгодой: получается большой задатокъ. Но кромѣ того, что все это производится на бумагѣ, безъ наличнаго товара, это тягостная уступка, вынужденная крайне стѣснительными обстоятельствами рынка. Это благовидная отсрочка уплаты, которая должна бы произойти сегодня съ тягостнымъ штрафомъ за эту отсрочку. А заплатитъ этотъ штрафъ страна, а иностранный капиталистъ возьметъ за свои рельсы вмѣсто ста рублей пожалуй тѣже полтораста, съ большою долею справедливости расчитывая, что вести дѣла съ дикими странами, какъ Турція и Россія — весьма выгодно, хотя очень часто и слишкомъ рискованно.

Сверхъ того капиталистъ-иностранецъ замѣчаетъ, что подобная свобода торговли для него очень выгодна; покрайней-мѣрѣ онъ при этой свободѣ совершенно свободенъ — по своему произволу, по мѣрѣ силъ своего капитала высасываетъ сокъ изъ подчиненной страны. И сознавая это, онъ съ высоты своего денежнаго величія презрительно отзывается о покровительственномъ тарифѣ, а покорнѣйшіе слуги его, чувствующіе себя съ праздникомъ при одномъ лицезрѣніи банковаго билета въ тысячу фунтовъ, съ умилительною готовностью подхватываютъ: конечно, разумѣется, долой покровительство! Свобода нужна, свобода торговли, и золотой вѣкъ снова явится, и люди блаженствуя будутъ прославлять *науку*, дошедшую до такихъ блистательныхъ результатовъ! Мы всѣ фритредеры, не надо покровительства, которое только стѣсняетъ торжество капиталовъ!

И составляются комиссіи для изысканія средствъ къ увеличенію сбыта сырыхъ продуктовъ за границу, разсылаются циркуляры, разговариваютъ, пишутъ. А капиталъ, держась за крышку своего сундука, самодовольно посмѣивается истинно безкорыстному самоотверженію мудрецовъ, у которыхъ глаза разбѣгаются при взглядѣ на тысячефунтовый билетъ.

Свобода торговли въ самомъ дѣлѣ есть ключъ къ благосостоянію народовъ, но только свобода истинная, не та, о которой толкуютъ обожатели капитала. Кстати замѣтимъ, что англійскіе экономисты горой стоятъ за такъ-называемую свободу торговли, но они только дѣлаютъ видъ, что у нихъ напримѣръ свободна торговля хлѣбомъ. Продукты хлѣба, спиртъ и крахмалъ обложены въ Англіи значительною ввозною пошлиной, что совершенно равняется пошлинѣ на

Digitized by Google

самый хлѣбъ. Это все-равно, что охотно и свободно принимать господина въ сертукѣ, а когда онъ во фракѣ, то свободно захлопывать у него подъ носомъ дверь.

Свобода торговли! Да, разумѣется и мы стоимъ за свободу торговли, но только не за ту, при которой капиталъ свободно распоряжается трудомъ, при которой свобода одна только сторона, а другая находится въ строжайшей и тягостнѣйшей подчиненности; не за ту тоже мы стоимъ свободу торговли, при которой на человѣка свободно возлагается стопудовая тяжесть конкуренціи, и бѣдняка увѣряютъ, будто онъ свободенъ двигаться куда хочетъ. Не хотимъ мы также такой свободы, какою пользуется обстоятельно запряженная въ тяжолый возъ лошадь, съ несвязанными, неспутанными ногами, такъ что она совершенно свободно переставляетъ ихъ туда, куда направляетъ ее хозяинъ, вооруженный небольшимъ, но весьма чувствительнымъ побудительнымъ орудіемъ.

Свобода торговли! Да, разумѣется свобода торговли, точно также, какъ и всякій другой видъ свободы есть неизбѣжное, непремѣнное условіе развитія народа. Но надо же стараться не забывать самой простой на свѣтѣ истины, состоящей въ томъ, что отношенія могутъ быть дѣйствительно свободны только при условіи равенства. Это еще не такъ замѣтно въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ, какъ въ дѣлахъ торговыхъ. Въ жизни различіе состояній можетъ уравновѣшиваться одинаковостью умственнаго развитія или тоже различіемъ его, но въ другую сторону, а различіе чиновъ нерѣдко уравновѣшивается различіемъ состояній. Наконецъ все это уравнивается до нѣкоторой степени извѣстными приличіями. Но въ дѣлахъ торговыхъ это не такъ. Тамъ существуетъ чинопочитаніе, о какомъ казенная служба не можетъ сообщить ни малѣйшаго понятія. Ничто на свѣтѣ не одарено такимъ ужаснымъ эгоизмомъ, такимъ страшнымъ безпристрастіемъ, такимъ непреклоннымъ деспотизмомъ, какъ капиталъ. И въ этомъ нѣтъ ничего дурного. Это неизбѣжное, непреложное свойство капитала. Находить это дурнымъ точно также нельзя, какъ нельзя порицать розу за шипы, кошку за когти, а корову за то, что у нея есть хвостъ. Это такъ, и пусть такъ и будетъ. Но уже непремѣнно рубль въ дѣлѣ торговомъ уступаетъ дорогу двумъ рублямъ, а два рубля покорно склоняются передъ тремя, три подаютъ калоши четыремъ, а четыре отворяютъ дверцы кареты или пяти и такъ далѣе. Между десятью и десятью отношенія свободны, потомучто существуетъ равенство, а между двумя рублями и тремя отношенія только тогда будутъ свободны, когда два будутъ равны тремъ, т. е. никогда. И чтобы не было истинной свободы торговли

Digitized by Google

между десятью рублями и рублемъ, не нужно никакихъ ограничивающихъ или покровительственныхъ постановленій; напротивъ, чѣмъ меньше какихъ бы то ни было стѣсненій для десяти, тѣмъ менѣе свободна торговля между ними, тѣмъ деспотизмъ десяти необузданнѣе, тѣмъ безвыходнѣе рабство одного.

Истинная свобода торговли требуетъ взаимности, что впрочемъ очень близко къ равенству. Между Франціей и Англіей до нѣкоторой степени возможна истинная свобода торговли, потому что своевременнымъ покровительствомъ обѣ страны приведены въ почти одинаковыя, хотя и разнородныя условія производства. Между ними возможна и взаимность: напримѣръ Франція можетъ получать изъ Англіи ромъ, а Англія можетъ выписывать изъ Франціи коньякъ. Но между бѣдною страною и богатою взаимность точно также немыслима, какъ и равенство, или какъ истинная свобода торговли. Право получать малое количество дорогихъ вещей въ обмѣнъ на большое количество дешевыхъ — еще далеко не взаимность, и ежели отпуская въ Англію пшеницу, мы имѣемъ право получать оттуда кукурузу и рисъ (какъ дѣйствительно и получаемъ въ Петербургѣ), то не похоже ли это на вливанье воды въ рѣку? Хороша взаимность, когда годовую работу одного человѣка намъ приходится покупать годовою работою пяти, десяти, и только потому, что мы привыкли къ извѣстнаго рода рутинѣ, а соперничество иностранныхъ фабрикъ никакъ не даетъ намъ поправиться, стать на ноги.

Ежели до настоящаго времени мы не сдѣлали замѣтныхъ успѣховъ въ промышленности, то изъ этого, при обыкновенномъ ходѣ вещей слѣдовало бы, что нынѣшнему поколѣнію труднѣе ихъ сдѣлать, чѣмъ было предыдущему. При обыкновенномъ порядкѣ вещей, кромѣ того что потеряно время, еще приобрѣтена была бы привычка къ потребленію иностранныхъ продуктовъ, а давленіе иностранныхъ производителей все больше погружало бы насъ въ рутину и лишало бы насъ бодрости. Въ такомъ положеніи теперь находятся Мексика, Бразилія и Турція. Имъ теперь труднѣе прежняго поставить на ноги какую-нибудь мануфактурную промышленность. Но мы къ счастью находимся въ другихъ обстоятельствахъ. Преобразованіе, совершонное 19 февраля, сверху до низу, до самаго мозга костей перемѣняетъ наши домашнія дѣла; съ прежнимъ хозяйственнымъ бытомъ нашего государства у насъ исчезла всякая солидарность, и по отношенію къ промышленности мы можемъ пойти заново.

Безъ промышленности, которая измѣняетъ видъ и форму сырыхъ продуктовъ, приспособляя ихъ къ удовлетворенію различ-

Digitized by Google

ныхъ потребностей, безъ промышленности, которая удовлетворяла бы всѣмъ важнѣйшимъ потребностямъ, страна чисто земледѣльческая всегда будетъ и навѣки останется бѣдною, стало-быть необразованною. Эти два свойства, постоянно усиливаясь одно черезъ другое, низведутъ наконецъ страну до состоянія совершенной дикости въ сравненіи съ тѣми успѣхами, которые между тѣмъ непрестанно дѣлаются другими, нормальнѣе развитыми странами. Таковъ законъ природы.

Наши киргизы посвоему богаты; иной владѣетъ табуномъ въ двѣ, въ три, въ пять тысячъ лошадей. Но вздумай эти богачи завести у себя кое-какія европейскія удобства, то имъ придется напримѣръ за одну карету вѣнской работы отдать цѣлый табунъ, такъ что не на чемъ будетъ въ каретѣ и ѣздить. Ежели киргизы не примутся за промышленность, то нынѣшняя разница между ними и европейцами будетъ все возрастать, слѣдующее поколѣніе будетъ еще болѣе дико въ сравненіи съ слѣдующимъ поколѣніемъ европейцевъ, стало-быть догонять имъ будетъ труднѣе. Въ такомъ точно положеніи находится и всякій другой народъ, занимающійся исключительно приготовленіемъ сырыхъ продуктовъ. Конечно еслибы такихъ отсталыхъ народовъ на свѣтѣ было мало, то они еще могли бы скоплять кое-какіе остатки и въ свободное время могли бы развиваться умственно, не отставая въ этомъ случаѣ отъ передовыхъ. Но къ несчастію такихъ народовъ — большинство; на бѣду капиталъ силенъ неодолимо, и промышленность передовыхъ народовъ выбираетъ свои сырые продукты вездѣ, гдѣ только ей угодно, и по такой дешовой цѣнѣ, какую только назначитъ.

Можетъ случиться, что наконецъ община или народъ дойдетъ до убѣжденія, что гораздо выгоднѣе дома обработывать свои сырые продукты, чѣмъ выписывать мануфактурныя издѣлія изъ-за границы; община можетъ захотѣть увеличить свое внутреннее производство, придавъ ему другой характеръ и постановитъ употребить часть своихъ средствъ на мануфактурное образованіе своихъ рабочихъ. Община въ этомъ случаѣ и имѣетъ право такъ распорядиться, и поступитъ сверхъ того очень благоразумно. Для этой цѣли она можетъ наложить на себя на нѣкоторое время жертву истинную или только кажущуюся, платя дороже за издѣлія домашнихъ своихъ фабрикъ, нежели за такія же точно издѣлія, привозимыя изъ-за границы. Такая жертва со дня на день должна становиться меньше, по мѣрѣ того, какъ образованіе работниковъ и ихъ руководителей будетъ подвигаться впередъ и наконецъ уничтожится совершенно, если только это жертва. Но жертвы тутъ въ дѣйствительности никакой нѣтъ, что мы уже доказывали и впредь

Digitized by Google

доказывать будемъ. Какъ бы то ни было, община рѣшается отдать предпочтеніе своимъ издѣліямъ передъ привозными, несмотря на разницу въ цѣнахъ. Еслибы всѣ члены общины согласились твердо держаться этого постановленія, то не было бы никакой надобности въ пошлинахъ. Но личная выгода непремѣнно заставитъ одного или нѣсколькихъ членовъ общины изъ любви къ своему кошельку покупать дешовыя иностранныя издѣлія. Это будетъ измѣною передъ соотечественниками, которые платятъ лишнее собственно за то, чтобы образовать своихъ рабочихъ, имѣя въ виду общую, отечественную пользу, въ которой измѣнникъ впослѣдствіи будетъ принимать участіе. Для отвращенія такой несправедливости имѣются два средства. Одно состоитъ въ томъ, чтобы каждаго члена общины обложить извѣстнымъ налогомъ. Но на это можно возразить, что тутъ будетъ поголовно платить цѣлая община въ пользу немногихъ потребителей издѣлія, получающаго премію. Другое возраженіе можетъ еще состоять въ томъ, что иностранные производители могутъ обойти поставленное для нихъ затрудненіе. Налогъ для составленія премій, выдаваемыхъ домашнимъ производителямъ, дѣлаетъ то, что они могутъ продавать свои издѣлія дешевле того, во что имъ самимъ обходится производство, такъ какъ убытокъ на продажной цѣнѣ покрывается премій. Цѣль достигается сколько-нибудь только тогда, когда домашнія издѣлія могутъ продаваться даже дешевле привозныхъ. Но старое, установившееся за границей производство всегда бываетъ несравненно сильнѣе того, которое вновь учреждается въ непривычной къ нему странѣ. У заграничнаго производителя обыкновенно затраченъ уже капиталъ, пріобрѣтенъ уже кредитъ, и все дѣло расположено для снабженія издѣліями именно той страны, которая сама пробуетъ сдѣлаться мануфактурною. По этому заграничный производитель можетъ убавить еще свои цѣны, нѣкоторое время нести убытки, имѣя въ виду возвратить ихъ потомъ, когда вновь раждающаяся промышленность будетъ убита невыносимымъ соперничествомъ.

Подобныхъ примѣровъ мы могли бы представить множество. Но кромѣ того, что есть на это нѣкоторыя непреодолимыя неудобства, по случаю именованія различныхъ промысловъ, что въ извѣстномъ кругу почти тоже самое, что названіе именъ, самое мѣсто не позволило бы намъ пускаться въ слишкомъ большія подробности. Напомнимъ только одну довольно извѣстную исторію съ типографской краской. Всякій знаетъ, что типографская краска высшихъ и среднихъ сортовъ привозится къ намъ изъ-за границы, а сырой матерьялъ для ея приготовленія вывозится на иностранныя фабрики отъ насъ. Составныя части краски очень просты: сальный

Digitized by Google

шкварки, волокна остающіяся отъ вытопки сала, и льняное масло. Шкварки пережигаются для полученія сажи, а масло варится; потомъ не очень затѣйливыми снарядами сажа и вареное масло стираются вмѣстѣ, и образуютъ однородную, жирную, но скоро высыхающую массу. Казалось бы, что дѣланіе типографской краски должно производиться въ Петербургѣ, что Россія должна бы снабжать этой краской всю Европу. А между тѣмъ этого нѣтъ. Но почему же? Конечно въ Европѣ раньше нашего явилась потребность въ типографскихъ издѣліяхъ, но къ намъ теперь везутъ тысячи пудовъ типографской краски не потому, что у насъ печатается такая масса книгъ, а потому въ особенности, что таже краска идетъ на ежегодную окраску кораблей и всевозможныхъ при нихъ лодокъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ такая фабрика устроилась въ Петербургѣ. Расчетъ фабриканта былъ вѣрный: у него должно было остаться въ карманѣ все то, что мы платимъ за провозъ отсюда сырыхъ матерьяловъ и за привозъ сюда обратно готоваго продукта. Лишній расходъ могъ состоять въ высшей платѣ мастеру, выписанному изъ-за границы, но все-таки операція могла быть очень выгодна. Но иностранные фабриканты нашли, что подобное соперничество имъ не выгодно, и положили зарѣзать петербургскую фабрику. Своимъ комиссіонерамъ въ Россіи они приказали на торгахъ во всякомъ случаѣ брать поставку дешевле той цѣны, какую можетъ назначить новая фабрика. Пришлось на торгахъ уступить имъ поставку, и фабрика на нѣкоторое время остановилась, потому что она не можетъ заготовлять краску на нѣсколько лѣтъ впередъ, по самому свойству товара, который тогда только и хорошъ, когда можетъ быстро сохнуть. Передъ слѣдующими торгами фабрика опять пошла въ полный ходъ, а комиссіонеры иностранныхъ фабрикъ опять получили приказъ во всякомъ случаѣ, несмотря ни на какую цѣну, сдѣлать еще уступку. Ну и зарѣзали. Убытокъ вообще непріятная вещь; они-то вознаградили свои убытки произвольнымъ назначеніемъ цѣнъ въ слѣдующіе годы, а русскій фабрикантъ не могъ продолжать борьбы. Въ странѣ новой, гдѣ капиталовъ не много, расходы на предпріятіе (когда оно личное, не акціонерное) расчитываются въ обрѣзъ и на непредвидѣнные расходы опредѣляется благоразумная цыфра безъ всякой роскоши. Такимъ образомъ, еслибы русскій фабрикантъ получилъ даже премію за выдѣлку типографской краски, онъ весьма скоро принужденъ бы былъ остановить свое производство, не одолѣвъ соперничества.

Способъ премій оказывается неудовлетворительнымъ. Другой способъ состоитъ въ опредѣленной пошлинѣ, налагаемой на ино-

Digitized by Google

странное произведеніе. При этомъ оно становится дороже, а излишекъ платятъ тѣ самые потребители, которые потомъ воспользуются дешевизной своего домашняго произведенія. По мѣрѣ пониженія стоимости домашняго производства, потребители получаютъ издѣлія по болѣе и болѣе дешевой цѣнѣ, до тѣхъ поръ, пока вслѣдствіе успѣховъ народной промышленности, улучшенія машинъ и расширенія сбыта цѣна домашняго продукта сравняется съ цѣною привознаго.

Но тутъ слѣдуетъ оговориться. Привозная пошлина никакъ не должна имѣть главнѣйшею цѣлью образованіе извѣстнаго государственнаго дохода, причемъ случайное покровительство становится дѣломъ второстепеннымъ. Если имѣется въ виду покровительство, то оно должно быть главнѣйшею цѣлью, а доходъ при ней есть случайная прибавка, которая можетъ быть оправдана только какъ средство для достиженія другой цѣли. Надобно желать прекращенія этого дохода, что будетъ означать, что цѣль налога достигнута. Если есть какой-нибудь уважительный поводъ оказывать посредствомъ пошлины нѣкоторое покровительство домашнимъ издѣліямъ, то этотъ поводъ можетъ заключаться только въ томъ, чтобы удешевить производство, а вовсе не въ томъ, чтобы позволить нѣсколькимъ фабрикантамъ продолжать производство, которое иначе было бы имъ невыгодно, а на покрытіе ихъ убытковъ брать деньги изъ кармановъ потребителей. Если наложенная на привозныя издѣлія пошлина поведетъ только къ тому, чтобы домашнимъ издѣліемъ замѣнить привозное, причемъ потребленіе не увеличивается и прежнія цѣны не падаютъ, то этого слишкомъ еще мало. Хорошо направленная пошлина должна произвести уменьшеніе цѣны издѣлія, вслѣдствіе чего оно становится доступнымъ большему числу потребителей. Въ такомъ случаѣ пошлина заключаетъ въ себѣ полнѣйшее свое оправданіе и не имѣетъ надобности опираться на финансовыя соображенія или предлоги. Когда эта цѣль достигнута, то самая пошлина сама собою прекращается не по случаю отмѣны своей, а потому, что иностранныя издѣлія, которыхъ цѣна возвышается всею цѣною провоза, не выдерживаютъ соперничества съ туземными издѣліями и не привозятся болѣе.

Въ странахъ, гдѣ пошлины только слегка покровительствуютъ мѣстныхъ производителей, не имѣя рѣзкаго и рѣшительнаго вліянія на домашнее производство — самое обширное поле дѣятельности иностранцевъ. Туда они бросаются толпами и находятъ большія выгоды именно въ томъ, что не несутъ на себѣ всѣхъ обязанностей туземныхъ жителей, забираютъ въ свои руки мѣну и жестоко вредятъ сліянію, единству туземцевъ, близкому соединенію

Digitized by Google

всѣхъ ихъ интересовъ и такимъ образомъ подрываютъ дѣятельность правительства, которое должно главнѣйшимъ образомъ заботиться объ этомъ сліяніи, объ этомъ единствѣ и соединеніи.

Чтоже касается до вывоза хлѣба, то мы уже говорили объ этомъ мѣсяца три тому назадъ. Постоянный вывозъ сырыхъ продуктовъ наконецъ истощаетъ почву. Мы видимъ этому примѣры у насъ въ новороссійскомъ краю, гдѣ давнишній вывозъ хлѣба довелъ урожаи до самъ-четвертъ и даже самъ-третей, при благопріятной погодѣ; тоже самое видимъ и въ Мариландѣ, который въ недавнее еще время славился обильнымъ производствомъ превосходнаго табаку: тамъ прежнія роскошныя плантаціи заброшены окончательно, потомучто не родятъ ничего, кромѣ рѣдкой, жосткой, никуда негодной травы. Постоянно брать у земли, вывозя ея продукты и ничего ей не возвращая, это тоже что проживать не проценты а капиталъ. По нѣкоторому стеченію обстоятельствъ теперь этого капитала никому не нужно; мы и приходимъ въ отчаяніе, и составляемъ при обществахъ комиссіи, а при комиссіяхъ бюро, и разсылаемъ подробныя програмы вопросовъ для изысканія средствъ какъ бы окончательно разориться.

Говорили мы тоже и доказывали немало, что хлѣба у насъ нѣтъ, что отпустить за границу нечего. Но еслибы у насъ не случился лишній хлѣбъ, то чтобы это могло значить? Попробуемъ отвѣтить на это сколько можно въ коротенькой журнальной статьѣ.

Начать съ того, что въ нормально-развитомъ государствѣ лишняго хлѣба не можетъ быть. Особенно благопріятный урожай можетъ оставить нѣкоторые излишки одинъ годъ; но все оставшееся количество должно храниться къ слѣдующему году, который можетъ быть неурожайный. Но изъ году въ годъ, втеченіе многихъ лѣтъ урожаи должны покрывать потребность: усиленная работа деревни, производящей хлѣбъ и другіе питательные продукты, должна сполна удовлетворять запросы города, который хлѣба не производитъ. Съ своей стороны городъ долженъ удовлетворять фабричными издѣліями запросы деревни. Обмѣнъ этихъ произведеній составляетъ внутреннюю торговлю, которой значеніе и выгодность превосходитъ заграничную торговлю въ безконечное число разъ. Съ этимъ согласна даже такъ-называемая наука, политическая экономія. Цѣна только удобреній, зарываемыхъ ежегодно въ пахатную почву Великобританіи, превосходитъ цѣну всей отпускной торговли этого государства и привозной *вмѣстѣ взятыхъ*.

Такъ-называемая наука останавливается иногда на вопросѣ объ излишнемъ производствѣ. Воображать, будто хорошія вещи могутъ производиться въ большомъ государствѣ съ излишкомъ противъ

Digitized by Google

нуждъ человѣческихъ, это весьма забавно. Въ одномъ семействѣ, въ одной деревнѣ, въ одномъ городѣ это еще можетъ быть, но цѣлое государство можетъ производить излишки только въ ненормальномъ состояніи. Еслибы это разъ, другой случилось, то на самое короткое время, а потомъ естественно производство уравновѣшивается съ запросомъ, и объ излишкахъ не можетъ быть помину. Въ такомъ случаѣ когда кажется, что иной продуктъ производится въ излишнемъ количествѣ, можно только сказать, что по отношенію къ нему количество другихъ продуктовъ недостаточно. Когда же и гдѣ же случалось, чтобы въ обществѣ, довольно-многочисленномъ, для возможности приложенія общихъ правилъ, какой-нибудь продуктъ производился въ количествѣ большемъ, нежели сколько нужно для благосостоянія всѣхъ гражданъ? Дѣло только въ томъ, что не всѣ желающіе быть потребителями имѣютъ достаточно продуктовъ, чтобы на нихъ вымѣнять себѣ тотъ, который кажется излишнимъ. Истинное лекарство противъ того что кажется лишнимъ производствомъ заключается въ томъ, чтобы увеличились другія производства. Поэтому, еслибы даже у насъ и былъ лишній хлѣбъ (чего далеко нѣтъ), то этому горю можно пособить всего удобнѣе посредствомъ усиленія другихъ отраслей промышленности кромѣ земледѣльческой. Стало-быть все-таки комиссія для увеличенія заграничнаго сбыта хлѣба есть вовсе не экономическая роскошь. Когда какой-нибудь продуктъ кажется излишнимъ и для противодѣйствія этому излишеству увеличиваются другія производства, то очевидно, что это сообразно съ выгодами всѣхъ и каждаго.

Но еслибы за удовлетвореніемъ потребностей всѣхъ жителей оказался еще излишекъ, то онъ естественнымъ образомъ вызывается на иностранные рынки. Тогда на этомъ продуктѣ лежитъ вся тягость перевозки его заграницу и вся пошлина, съ него собираемая. Въ странѣ отпускающей этотъ продуктъ, цѣна его на всю цѣну провоза и пошлинъ должна быть ниже того, что́ стоитъ точно такое же издѣліе въ странѣ, куда его привозятъ. Если въ Лондонѣ пшеница продается по 12 руб. четверть, а провозъ четверти отъ Петербурга до Лондона стоитъ 2 руб. 25 коп., то настоящая цѣна пшеницы въ Петербургѣ должна быть 9 руб. 75 к. Но еслибы Англія могла производить пшеницу также дешево, какъ ее можно купить напримѣръ въ Петербургѣ, и еслибы по необходимости нѣкоторое количество пшеницы *должно* было увозиться изъ Петербурга въ Англію, то петербургскіе купцы никакъ не могли бы продать ее за границу иначе, какъ за вычетомъ всей цѣны провоза. То-есть еслибы англійскіе фермеры могли продавать у себя пшеницу по 9 рублей, то англійскіе купцы не платили бы въ Петер-

Digitized by Google

бургѣ дороже 6 руб. 75 к. за четверть, именно они вычитали бы изъ своей домашней цѣны всю цѣну провоза. Еслибы пришлось вывозить значительное количество и торговля шла нормально, цѣна всей петербургской пшеницы понизилась бы до 6 руб. 75 к. Тогда для петербургскаго купца было бы все равно отдать ее домашнимъ потребителямъ за 6 руб. 75 к., или продать въ Лондонѣ за 9 рублей, заплативъ за нихъ 2 руб. 25 к. за провозъ. Такимъ образомъ вывозъ за границу и вообще провозъ опредѣляетъ цѣну продукта на мѣстѣ. По этому-то производителю выгодно привлекать потребителей въ свое сосѣдство, выгодно платить дороже за ихъ работу, включенную въ ихъ издѣліе, чѣмъ сколько онъ платилъ бы за тѣже издѣлія, привезенныя изъ-заграницы.

Если же напротивъ страна принуждена выписывать изъ-заграницы часть того что необходимо для ея потребленія за недостаткомъ внутренняго производства, то понятно, что запросъ этого добавочнаго количества подниметъ цѣну всего того что производится внутри страны. Эту истину, богатую выводами въ высшей степени поучительными, постараемся мы развить въ другой разъ. Замѣтимъ только покамѣстъ, что вліяніе привозной пошлины на цѣну опредѣляется увеличеніемъ или уменьшеніемъ соперничества. Уменьшеніе пошлины можетъ уменьшить внутреннее соперничество, такъ что цѣна будетъ увеличиваться; точно такъ же и пошлина, недостаточная для поощренія внутренняго производства, неизбѣжно производитъ возвышеніе цѣнъ. Это относится собственно къ нашей торговлѣ желѣзомъ, и это мы вынуждены отложить до другого раза.

Заключеніе покамѣстъ состоитъ въ томъ, что когда вопервыхъ полною свободою желѣзнаго дѣла у насъ и вовторыхъ достаточною пошлиною мы расширимъ свое желѣзное производство такъ, что не будемъ *вынуждены* вывозить свой хлѣбъ въ уплату за иностранное желѣзо; когда Англія потеряетъ силу произвольно назначать цѣны, по которымъ мы вынуждены продавать и покупать, тогда наши производители хлѣба будутъ мѣняться съ нашими производителями желѣза и льняныхъ тканей по цѣнамъ, добровольно между ними соглашаемымъ; тогда Россія можетъ считать себя вполнѣ завоевавшею истинную свободу торговли.

Увеличить отъ насъ вывозъ хлѣба, значитъ уменьшить очевидную наклонность къ развитію фабричнаго дѣла. Обстоятельства ведутъ къ этому, и надо быть особенно слѣпымъ или добровольно ослѣпленнымъ, чтобы ихъ не понимать. Хлѣбъ нельзя вывозить съ выгодою, стало-быть не на что вымѣнивать красокъ, фруктовъ, винъ, машинъ, хлопчатой бумаги, бумажныхъ, шолковыхъ, шер-

Digitized by Google

ставыхъ, льняныхъ издѣлій, сахару, деревяннаго масла и проч., такъ надо постараться что можно — дѣлать дома, а чего нельзя, — то какъ-нибудь обойтись и такъ. Усиливаясь сбывать хлѣбъ за границу, мы ставимъ послѣднюю копѣйку ребромъ, тратимъ капиталъ, вмѣсто того, чтобы пользоваться одними процентами или доходомъ, и становимся похожи на тѣхъ старинныхъ помѣщиковъ, которымъ никто уже не вѣрилъ въ долгъ, которые все-таки не хотѣли по одежкѣ протягивать ножки и «изыскивали средства» для продажи своей земли по частямъ въ чужія руки. Понятное дѣло, что они наконецъ разорялись совершенно, хотя въ тоже время богатѣли тѣ, которые умѣли пользоваться ихъ безумными тратами.

Желѣзныя дороги дѣло очень хорошее: противъ этого никто не споритъ. Хотя мы жестоко разорены, но все же не въ такой степени, чтобы никакъ уже не могли найти денегъ на постройку еще какой-нибудь тысячи верстъ; очень можетъ-быть даже, что правительство, увлеченное общими криками о томъ, что надо сбывать хлѣбъ, надо поддерживать торговый балансъ, надо строить, строить, строить — не откажетъ и въ своемъ ручательствѣ за извѣстный процентъ на затраченный капиталъ. Но спрашивается, въ чью пользу это будетъ сдѣлано? Это ручательство было бы теперь только преміею за наше конечное разореніе, не больше, да еще въ пользу потребителей нашихъ скудныхъ запасовъ хлѣба.

Такъ велика теперешняя сила моды кричать о необходимости желѣзныхъ дорогъ именно для заграничнаго сбыта, что говорить противъ этой моды точно такъ же неудобно, какъ противъ кринолина. Это даже неприлично, это болѣе чѣмъ преступленіе, это ошибка. А между тѣмъ что же дѣлать съ логикой? куда же дѣваться съ фактами? Отъ того и отъ другого нѣтъ никакой возможности отдѣлаться, и исторія неумолимо взыщетъ за легкомысленное увлеченіе модой, и тяжекъ будетъ отвѣтъ.

Положимъ, что будетъ выстроено нѣсколько желѣзныхъ дорогъ, искуснѣйшимъ образомъ приноровленныхъ и приспособленныхъ для вывоза хлѣба. Вотъ что изъ этого выйдетъ.

1) Образуется долгъ, по которому надо будетъ платить проценты.

2) Отъ увеличенія долга значительно упадетъ цѣна существующихъ уже въ обращеніи бумагъ: — еще большая потеря.

3) До нѣкоторой степени это вознаградится доходомъ съ дорогъ, проведенныхъ экономно и цѣлесообразно, такъ что можетъ-быть дохода будетъ довольно для покрытія процентовъ по облигаціямъ и дивиденда на акцію.

4) Будетъ возможность продавать хлѣбъ за границу съ нѣкото-

Digitized by Google

рой выгодой. Тогда производство хлѣба, поощряемое вывозомъ, значительно усилится: не будетъ никакой выгоды заниматься фабричнымъ дѣломъ, и покровительственный тарифъ самъ собою уничтожится, какъ вещь совершенно разорительная. Изчезнетъ всякое соперничество внутреннихъ издѣлій съ привозными, и въ первое время будетъ нѣсколько замѣтенъ приливъ въ страну звонкой монеты, и приверженцы моды на постройки желѣзныхъ дорогъ во что бы то ни стало будутъ пѣть: «Громъ побѣды раздавайся.»

5) Но потомъ мало-помалу станетъ чувствоваться неудобство положенія подчиненной страны, но сначала только подчиненной въ промышленномъ отношеніи. Политическая зависимость не замедлитъ явиться въ свое время. За недостаткомъ внутренняго соперничества, иностранные мануфактурные товары и необходимыя земледѣльческія орудія и машины будутъ вымѣниваться иностранцами по такой цѣнѣ, какую вздумается имъ назначить. Такъ агенты гудзонбайской компаніи въ сѣверной Америкѣ дрянное шерстяное одѣяло промѣниваютъ дикимъ туземцамъ на дюжину енотовыхъ мѣховъ. Еслибы индѣйцы Кризы или Чиневаи ухитрились какънибудь сами дѣлать шерстяныя одѣяла, то агенты уже не могли бы покупать у нихъ енотовые мѣха такъ дешево, и платили бы не за дюжину мѣховъ, а за одинъ мѣхъ по одѣялу. Это составило бы для страны значительное сбереженіе енотовъ, которыхъ тогда достало бы на безконечное число лѣтъ. По рѣкамъ Соскачевану, Атебаскѣ, Мирной, по озерамъ Виннипегу, Оленьему и Горному ходятъ уже пароходы, такъ что сбытъ мѣховъ чрезвычайно облегченъ для чиневаевъ, которые теперь пользуются относительнымъ благосостояніемъ: пароходы, явившіеся въ самыхъ дикихъ первобытныхъ трущобахъ, облегчили имъ сбытъ енотовыхъ и бобровыхъ шкуръ, и въ самыхъ дальныхъ мѣстахъ владѣній гудзонбайской компаніи дикари легко пріобрѣтаютъ шерстяныя одѣяла и ромъ конечно за надлежащее количество шкуръ, а на европейскихъ рынкахъ произведенія ихъ дикой промышленности, охоты, подешевѣли. Но безъ дальныхъ толкованій ясно, что дикари пользуются теперь только временнымъ благосостояніемъ. Еноты и бобры становятся все рѣже и рѣже; все болѣе и болѣе требуется дикаго труда, чтобы ихъ добывать; туземцы уже кругомъ должны европейскимъ агентамъ, и ихъ политическая независимость существуетъ только въ ихъ бѣлыхъ воинственныхъ пѣсняхъ. Тоже самое неизбѣжно произойдетъ въ другой полудикой странѣ, которой дѣятельность ограничится не такимъ конечно дикимъ трудомъ, какъ охота, но тоже не очень хитрымъ, не головоломнымъ, именно первобытнымъ земледѣліемъ. Какъ безрасчетная охота переводитъ у чиневаевъ пушныхъ звѣрей,

Digitized by Google

такъ безрасчетное земледѣліе уничтожаетъ плодородіе самой благодатной земли, и чѣмъ усиленнѣе будетъ производство хлѣба, тѣмъ скорѣе выпашется почва. Тогда народу придется или вымереть, какъ вымираютъ дикари отъ прикосновенія цивилизаціи, или, ежели останется на столько жизненности, сдѣлать усиліе, чтобы все-таки выдти на дорогу нормальнаго развитія. Но тогда усиліе будетъ тягостнѣе того, которое слѣдуетъ сдѣлать теперь: тогда еще больше одолѣетъ бѣдность, а нашествіе иноплеменныхъ, вызванное какъ добродѣтелью дикарей, гостепріимствомъ, такъ и выгодностью разработки труда невѣжественнаго народа, будетъ еще неодолимѣе.

6) Затѣмъ до потери политической самостоятельности народа остается уже одинъ только шагъ, и то незамѣтный: сначала учрежденіе банка иностранными капиталистами, которые такъ великодушны, что принимаютъ на себя трудъ платить проценты по всѣмъ государственнымъ долгамъ, разумѣется собирая всѣ государственные доходы, какъ теперь въ Турціи. Потомъ нахальный выговоръ отъ иностраннаго консула туземному правительству, какъ это было на дняхъ въ Бразиліи. Потомъ посылка туземныхъ солдатъ на службу иностранному правительству, какъ это происходитъ теперь въ Египтѣ, откуда отправляются войска въ Мексику. Затѣмъ останется только одна обѣднѣвшая страна съ иностранными войсками.

Опять-таки замѣтимъ, что возставать противъ улучшенія путей сообщенія вообще было бы крайнею дикостью. Но надо знать, какіе пути дѣйствительно нужны для удовлетворенія истинныхъ потребностей страны. Есть пора, когда степень благосостоянія страны требуетъ только обыкновенныхъ грунтовыхъ дорогъ и рѣкъ. Постройка желѣзной дороги внутри Африки напримѣръ изъ Дар-фура въ Уадай была бы величайшею нелѣпостью. Да и въ самой Европѣ теперь — всякій это знаетъ — есть желѣзныя дороги построенныя, оконченыя, но безъ движенія, потомучто эксплуатація была бы несомнѣнно въ убытокъ. Потомъ приходитъ пора, когда средства страны могутъ выдержать большія усилія, постройку шосе или еще выгоднѣе, въ томъ же періодѣ развитія желѣзныхъ дорогъ. При обширности и малонаселенности страны можетъ быть, что и это еще несвоевременно, и приходится довольствоваться естественными путями, именно рѣками и озерами. Ежели продукты страны громоздки, то эти пути остаются выгоднѣйшими даже и при паровыхъ желѣзныхъ дорогахъ.

Россіи теперь дѣйствительно необходимо употребить возможно большее количество своихъ силъ на улучшеніе путей сообщенія. Но по одному уже тому, что обороты внѣшней торговли совершенно не-

Digitized by Google

значительны съ итогомъ оборотовъ торговли внутренней, слѣдуетъ прежде всего заботиться о путяхъ внутренней торговли. Если уже строить желѣзную дорогу, то изъ Харькова не въ Феодосію или въ Одессу, а въ Москву. Поэтому истинная польза и огромный успѣхъ московско-саратовской или покамѣстъ московско-рязанской дороги не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но еще безконечно важнѣе и нужнѣе улучшать наши рѣки, потомучто продукты наши громоздки и не дистиллированы промышленностью на столько, чтобы выносить тысячеверстную перевозку по желѣзнымъ дорогамъ.

У насъ есть напримѣръ одна рѣка, знакомая читателю можетъ быть только по учебникамъ географіи. Это рѣка Чусовая, соединяющая центръ уральской горной промышленности съ Пермью, то-есть съ Камой, а черезъ нее съ Волгой, то-есть съ доброю половиною Россіи. Есть ли возможность повѣрить, что въ благоустроенномъ государствѣ, которое нуждается въ желѣзѣ, въ чугунѣ и другихъ металахъ, эта рѣка, единственный путь выгоднаго сплава металовъ — губитъ непремѣнно одну изъ каждыхъ девяти проходящихъ по ней барокъ. И это только на небольшой частицѣ пути по рѣкѣ Чусовой, которая считается судоходною на пространствѣ 450 верстъ. Потомъ желѣзу предстоитъ еще пройти по Камѣ и вверхъ по Волгѣ до Нижняго. Положимъ, что Кама хороша, глубока, течетъ съ умѣренною быстротою и мало губитъ судовъ. Но наша матушка Волга мелководна и одною своею Теличьею мелью въ нѣсколькихъ верстахъ ниже Нижняго-Новгорода поднимаетъ цѣну товара еще процентовъ на девять, не говоря о другихъ перекатахъ. Чусовая течетъ необыкновенно быстро, извилисто, въ высокихъ, скалистыхъ берегахъ и покрыта каменьями. Даже весеннее полноводье не покрываетъ лежащихъ на днѣ ея камней. Изъ девяти судовъ погибаетъ одно. И это *судоходная* рѣка! Одна страховая премія за проходъ по этой рѣкѣ должна доходить не менѣе, какъ до двѣнадцати процентовъ съ цѣны товара. Года три тому назадъ нижнетагильскіе заводы дѣлали опыты плаванія пароходовъ по Чусовой. Но изъ опытовъ ничего не вышло. Даже если гг. Демидовы будутъ постоянно употреблять свои два парохода для буксировки своихъ металовъ и судовъ, то польза для страны еще не велика. Надо сдѣлать Чусовую въ самомъ дѣлѣ судоходною рѣкою. Тогда металы у насъ подешевѣютъ, и тѣмъ будутъ дешевле, чѣмъ удобнѣе будетъ судоходство. Точно также улучшеніе рѣки облегчитъ доставку вверхъ по ней хлѣба, отчего опять-таки металы подешевѣютъ. Мудрено сосчитать, сколько именно доставитъ выгоды улучшеніе одной рѣки Чусовой; но выгоды будутъ громадныя. Съ одной стороны производство металовъ будетъ у истоковъ Чусовой

Digitized by Google

дешевле, потомучто съѣстные припасы будутъ туда доставляться водою, и потому подешевѣютъ. Съ другой стороны облегчится перевозка самыхъ металовъ. Такимъ образомъ нѣсколько мильоновъ рублей, съ толкомъ брошенныхъ въ Чусовую, Каму и Волгу, будутъ вдесятеро полезнѣе и польза отъ этой траты будетъ вдесятеро раціональнѣе, продолжительнѣе, чѣмъ сколько можно ожидать при самыхъ смѣлыхъ расчетахъ отъ нѣсколькихъ десятковъ мильоновъ, брошенныхъ на устройство желѣзной дороги, если она будетъ проложена въ мѣстности, исключительно отпускающей хлѣбъ за границу.

Если еще ко всему этому взять въ соображеніе, что 900 барокъ, сплавляемыхъ по Чусовой, почти всѣ идутъ въ ломъ и только 100 поднимаются противъ теченія обратно къ горнымъ заводамъ, что улучшеніе этой рѣки спасетъ всѣ эти барки отъ ломки, сбережотъ рабочія руки, употребляемыя на постройку новыхъ барокъ, тогда какъ они крайне нужны для самихъ заводовъ; сверхъ того сбережотъ огромное количество прекраснѣйшаго лѣсу, идущаго на эти барки, такимъ образомъ спасетъ рѣку отъ быстраго обмеленія и надолго еще обезпечитъ судоходство, то едва ли кому вздумается утверждать, что ежели можно истратить нѣсколько мильоновъ на улучшеніе путей сообщенія, то надо это сдѣлать на Чусовой, а не на какой-нибудь пограничной желѣзной дорогѣ.

Нѣкоторые любители односторонникъ соображеній весьма храбро стараются доказать, что правительству ровно ничего не будетъ стоить поручиться за доходность той или другой новой желѣзной дороги. Но эти господа съ большою легкостью въ своихъ соображеніяхъ отдѣляютъ правительство отъ народа, считая, что правительство — само по себѣ, а народъ, общество — само по себѣ. Но пусть же они поймутъ, что ручательство правительства есть не что иное, какъ ручательство самого общества, за которое тутъ говоритъ правительство. Въ томъ случаѣ, когда дѣло идетъ о большомъ или маленькомъ пути, предназначенномъ для заграничнаго отпуска нашихъ сырыхъ продуктовъ, все общество очевидно теряетъ, а выигрываютъ, хотя и не надолго, только тѣ лица, которыя истощаютъ свою землю постояннымъ вывозомъ и въ обмѣнъ на это истощеніе получаютъ заграничныя фабричныя издѣлія для своего личнаго употребленія. Какимъ образомъ напримѣръ владимірская губернія можетъ быть заинтересована тѣмъ, что кіевская за дешевую цѣну и много отправляетъ за границу хлѣба, получая тоже за сходную цѣну заграничные товары? Для владимірской губерніи это совершенно все-равно; даже нѣтъ никакого дѣла, хорошъ ли тамъ урожай и много ли тамъ тысячъ десятинъ выѣла саранча. Эти счеты

Digitized by Google

сведутся между кіевской губерніей и заграничными ея кореспондентами. Поэтому жителямъ владимірской губерніи вовсе некстати ручаться за доходность напримѣръ кіевско-одесской желѣзной дороги. Совсѣмъ другое дѣло — жертвы, которыя могли бы потребоваться на улучшеніе фарватера рѣки Чусовой, или какой другой. Мы взяли примѣръ наудачу, тогда какъ у насъ великое множество рѣкъ не менѣе важныхъ. Удешевленіе производства однихъ издѣлій при облегченіи сбыта другихъ отзовется по цѣлой землѣ благопріятно, да кстати, за одинъ походъ, общность интересовъ принесетъ пользу большимъ сплоченіемъ земли въ одно цѣлое. Это послѣднее соображеніе можетъ занимать не послѣднее мѣсто въ видахъ внутренней политики нашей.

Ежели же южные землевладѣльцы наши находятъ выгоду строить себѣ дорогу до одного изъ черноморскихъ портовъ, то съ Богомъ, пусть себѣ строютъ; но пусть же и не втягиваютъ общество въ отвѣтственность за свои барыши. Ежели кто въ этомъ случаѣ можетъ помочь имъ своимъ ручательствомъ, такъ это иностранные капиталисты, которые конечно извлекутъ выгоды изъ удобства доставки имъ своихъ издѣлій и изъ конечнаго истощенія ихъ почвы.

Противъ этого нельзя возразить, что почва не истощится: такое возраженіе есть только ребячество. Уже и теперь наши черноземы выпахались, и въ этомъ, а не въ чемъ другомъ заключается причина вздорожанія нашего хлѣба. Можно и еще поналечь и выпахать землю еще обстоятельнѣе. Почва не истощается только при хозяйствѣ раціональномъ, а такое хозяйство у насъ покамѣсть возможно только въ мѣстностяхъ подгородныхъ, какъ напримѣръ въ удѣльномъ земледѣльческомъ училищѣ, въ с. Александровскомъ, въ московскомъ практическомъ хуторѣ, и т. п. Раціональное хозяйство возможно только въ странахъ густо населенныхъ, да не одними земледѣльцами, а тоже, въ извѣстной пропорціи, и ремесленниками. Но это все азбука экономическихъ знаній, которыхъ частица, скомканная при помощи натяжекъ и преувеличеній, составляетъ такъ-называемую науку — политическую экономію. Но политико-экономы стараются не знать этой азбуки или дѣлаютъ видъ, будто не знаютъ. Ну, имъ и книги въ руки. Но пусть однѣ только книги. Бѣда, если попадется имъ въ руки жизнь: станутъ они натягивать ее на свои теоріи, а уже извѣстно, что нѣтъ на свѣтѣ ничего безжалостнѣе теоретика. Пусть жизнь трещитъ, пусть страдаетъ, пусть наконецъ она исчезнетъ, лишь бы восторжествовала ихъ теорія. Да въ случаѣ неудачи, они утѣшаются еще тѣмъ,

Digitized by Google

что обстоятельства помѣшали полнотѣ ихъ опыта, и составляютъ новую оправдательную теорію.

Къ счастію жизнь гораздо живучѣе теорій, и хоть помятая и поломанная, но свое возьметъ. Теперь составился проектъ постройки желѣзноконной дороги отъ одной изъ станцій московско-коломенской желѣзной дороги до ближайшаго уѣзднаго города. Это явленіе вполнѣ нормальное, вытребованное самою жизнью, и безъ сомнѣнія успѣхъ будетъ. Само собою разумѣется, что предпринимающіе желѣзно-конную дорогу туземные фабриканты очень хорошо знаютъ всѣ преимущества пара надъ живою лошадиною силой; имъ очень извѣстны всѣ условія тѣхъ и другихъ дорогъ, но они знаютъ прямо изъ жизни, безъ теоретическихъ хитросплетеній, что «по одежкѣ надо протягивать ножки», и что «за мухой не съ обухомъ». Ежели въ данномъ мѣстѣ потребность удовлетворяется сполна желѣзноконною дорогой, то излишнія деньги, употребленныя на желѣзно-паровую дорогу, будутъ лежачимъ капиталомъ, не приносящимъ никакого дохода, и весьма разумно воздерживаются отъ такой непроизводительной траты.

Знаютъ они также очень хорошо, что потребность передвиженія можетъ увеличиться со временемъ, и что тогда надо будетъ дорогу передѣлывать. Но имъ извѣстно также, что у насъ не Америка, гдѣ народонаселеніе увеличивается не по днямъ, а по часамъ, вслѣдствіе наплыва переселенцевъ, привлекаемыхъ либеральными учрежденіями. Да сверхъ того желѣзно-конная дорога будетъ достаточна лѣтъ на двадцать, а потомъ — увидимъ. Къ тому же увидимъ не мы, а наши дѣти; тогда они и распорядятся какъ сочтутъ болѣе удобнымъ, а теперь предпринимать дорогія работы, за которыя и дѣти, и внуки, и правнуки наши вынуждены будутъ платить проценты, мы прямо не имѣемъ права.

Говорятъ, что проектируется желѣзная дорога отъ Новоселицъ до Одессы. На нивелировку этой линіи бессарабское дворянство постановило собрать со всѣхъ земель области по одной копѣйки съ каждой десятины, всего 32,750 рублей. Рѣшеніе вопроса какую именно дорогу строить, желѣзно-паровую или желѣзно-конную, дворянство предоставило особому комитету. И прекрасно, пусть строютъ, лишь бы не требовали отъ правительства никакого ручательства или обратились бы за этимъ къ иностраннымъ капиталистамъ.

Общество московско-саратовской желѣзной дороги вскорѣ послѣ открытія участка до Коломны убѣдилось, что эта дорога крайне выгодна. Въ первый же годъ есть надежда обойтись безъ помощи правительства для выдачи акціонерамъ того дивиденда, за ко-

Digitized by Google

торый ручалось правительство. Поэтому рѣшено продолжать дорогу до Рязани, — что разумѣется гораздо благоразумнѣе, чѣмъ прямо захватить широко черезъ силу, до Саратова. За неимѣніемъ наличныхъ средствъ, общество сдѣлало въ Берлинѣ заемъ въ пять мильоновъ рублей, и дѣло разумѣется будетъ имѣть большой успѣхъ, потомучто оно удовлетворяетъ естественнымъ требованіямъ народнаго хозяйства: этою дорогой страна фабричная соединяется съ страною земледѣльческою, чего только и нужно. При добросовѣстномъ удовлетвореніи естественной потребности нельзя опасаться недочетовъ.

Но тутъ вкралось одно слово, составляющее нерѣдко камень преткновенія. «Добросовѣстность» совершенно необходима, и не мудрено сказать, какъ ее достигнуть. Это самое легкое дѣло, безъ котораго однако во всѣхъ безъ исключенія дѣлахъ приходится плохо.

Напримѣръ на московско-нижегородской дорогѣ оказалась большая, организованная шайка воровъ. Товарные кассиры, завѣдывающіе отправкою по квитанціямъ товаровъ, и кассиры, завѣдывающіе выдачею товаровъ, въ стачкѣ между собою, на всѣхъ станціяхъ или не на всѣхъ, неизвѣстно,—придумали очень не хитрую штуку: съ отправителей брали деньги сполна, а въ отчетахъ своихъ показывали иногда во сто разъ меньше. Напримѣръ иной отправитъ 40,000 пудъ товару, стало-быть два или три поѣзда, а они пишутъ 400 пудъ, а вмѣсто 10,000 пудъ пишутъ 40. Такимъ образомъ кассиры получали хорошій доходъ, тѣмъ болѣе, что не дѣлали никакихъ особенныхъ издержекъ на пересылку. Ухитрялись также и иначе: отправляли сахаръ по 35 коп. съ пуда, а писали тряпки, по 12 коп., или посылали 1,800 мѣдныхъ плитокъ, по 20 фунтовъ, стало-быть не менѣе двухъ вагоновъ, а писали одну плитку въ четыре пуда, такъ что одна плитка приходилась на два вагона. Въ газетахъ пишутъ, что главные виновные въ такой кражѣ оказались: начальникъ московской товарной станціи г. И. А. С. и бывшій начальникъ отдѣленія повѣрки таксы г. А. Б.

Вотъ и великая польза гласности. Теперь всѣмъ извѣстно, что г. И. А. С. и г. А. Б. расхищали суммы общества; ни отъ кого уже не скрыто, что И. А. С. вмѣстѣ съ А. Б. мошенничали; мы знаемъ, что эти буквы или это сочетаніе буквъ И. А. С. и А. Б. скверное сочетаніе. Но въ этомъ случаѣ благодѣтельная гласность могла бы съ такою же точно пользою для читателей сказать, что виновниками расхищенія оказались нескажу кто. Но почему же? Отчего же въ той же газетѣ безъ церемоніи говорится, что на Петербургской-сторонѣ у мѣщанки Василисы Бѣлорыбицыной украдены три кофей-

Digitized by Google

ника и чашка, и въ кражѣ подозрѣвается государственный крестьянинъ села Спѣсивая-блоха Кузьма Булкинъ. Да чѣмъ же этотъ Булкинъ лучше или хуже гг. И. А. С. и А. Б.? Отчего можно упомянуть имя *подозрѣваемаго* и еще можетъ-быть невиноватаго Кузьмы Булкина, а имена людей, *оказавшихся* ворами, съ забавною скромностью умалчиваются? Оттого ли, что они менѣе опасны или менѣе вредны? Но они опаснѣе и вреднѣе Кузьмы Булкина. Сталобыть не оттого ли, что они вреднѣе? Но въ чемъ же тутъ логика? Можно назвать по имени маленькаго вора, а крупнаго помянуть только начальными буквами?

Но покамѣстъ не о благодѣтельной гласности рѣчь. Злоупотребленія на нижегородской желѣзной дорогѣ весьма легко было открыть: они были извѣстны не двоимъ, не троимъ, а двумъ-тремъ тысячамъ человѣкъ, не меньше. Во время нижегородской ярманки цѣлые поѣзды, нагружонные сверху до низу везли — по вѣдомостямъ — столько, сколько можно увезти на одной телѣгѣ. Но лица, на которыя возложенъ былъ контроль, не обращали на это вниманія или принимали участіе въ барышахъ. Пусть бы еще это и такъ: извѣстно, что воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Но вѣдь не одни же чиновники нижегородской дороги знали о мошенничествѣ. Подрядчики, отправлявшіе большіе грузы по желѣзной дорогѣ, тоже были въ стачкѣ съ ними. Такъ напримѣръ подрядчикъ А... отправилъ большую партію шерсти, подлежащей платѣ за провозъ по разряду перваго класа тарифа, подъ видомъ коровьей шерсти, за провозъ которой взимается по второму. Вѣроятно, разница въ платѣ между обоими этими класами была раздѣлена между самимъ отправителемъ, товарнымъ кассиромъ, выдающимъ кассиромъ и контролемъ. Какая доля украденныхъ денегъ досталась каждому — все равно. Но дѣло въ томъ, что самъ отправитель г. А... можетъ быть акціонеромъ того общества, которое онъ обкрадываетъ и очень основательно расчитывать, что онъ съ одной подобной отправки можетъ получить столько «пользы», сколько не получитъ съ десяти акцій правильнаго дивиденда, если бы можно было правильнаго ожидать.

Почему же всѣ знавшіе о существованіи безпорядковъ не объявляли о нихъ кому слѣдуетъ. Вѣдь не всѣ же тутъ грѣли руки. Да и нѣтъ же возможности предположить, чтобы всѣ знавшіе о совершающейся кражѣ были поголовно безчестные люди. Еслибы это было такъ, то есть отъ чего придти въ отчаяніе. Но конечно это не такъ. Дѣло въ томъ, что всякое объявленіе о безпорядкѣ должно быть доказано, а само собою разумѣется, что въ этомъ, точно такъ же какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, постороннему человѣку, отъ

Digitized by Google

котораго закрыты всѣ документы и частности, несравненно труднѣе доказать присутствіе безпорядковъ, чѣмъ лицамъ, принимающимъ въ нихъ непосредственное участіе, скрыть ихъ безъ слѣда, такъ чтобы поставить самого обвинителя въ безвыходное положеніе. Къ тому же гг. И. А. С., А. Б. и А... обыкновенно прячутъ концы довольно ловко, и сверхъ того, благодаря кражѣ, имѣютъ въ своемъ распоряженіи «вещественные знаки не вещественныхъ отношеній», при помощи которыхъ все остается шито и крыто, а обличитель рискуетъ попасть въ клеветники. Есть нѣкоторая надежда, что ожидаемое преобразованіе судоустройства и судопроизводства до нѣкоторой степени измѣнитъ эти «порядки», но только до нѣкоторой степени, потомучто подобные «порядки» зависятъ не столько отъ законовъ, сколько вообще отъ нравовъ страны. Если останется тотъ же общественный духъ, тоже обычное неуваженіе къ законности и къ законамъ, то новыя судебныя учрежденія — можно сказать навѣрное, — не достигнутъ тѣхъ прекрасныхъ цѣлей, къ которымъ стремится наше правительство. Положимъ, что при гласномъ и публичномъ судопроизводствѣ обвиняемому неправильно легко будетъ оправдаться во взводимой на него клеветѣ; а тому, кто обвиняется справедливо мудрено будетъ вывернуться при помощи какихъ-нибудь «вещественныхъ знаковъ». Но передъ тѣмъ остается еще исполненіе предварительнаго дознанія, потомъ веденіе слѣдствія, съ личнымъ задержаніемъ обвиняемаго въ случаѣ нужды или желанія администраціи, такъ что для произвола исполнителей остается еще довольно много простора. И нѣтъ никакой возможности составить такой законъ, который не оставлялъ бы исполнителямъ ни малѣйшей лазейки. Если законъ дополнить подробною инструкціей съ наиточнѣйшими коментаріями, да потомъ добавить наказомъ и подробнѣйшимъ регламентомъ, примѣчаніями, ссылками и т. п., то все-таки останется мѣсто произволу и злоупотребленіямъ, которые могутъ быть отстранены только кое-чѣмъ другимъ, именно духомъ общества, среди котораго долженъ дѣйствовать вновь составляемый законъ.

Мы привыкли къ неисполненію закона; это вошло уже въ наши нравы, и если обличительная литература въ недавнее время имѣла большой успѣхъ, то вовсе не потому, чтобы она сообщала намъ что-нибудь новое, никогда не слыханное, а потому, что намъ удивительна была относительная свобода печати. «Удивительно, какъ нынче все это позволяютъ печатать!» говорило большинство читателей по поводу Медвѣжьяго угла, и всѣхъ героевъ какой-то отдаленной губерніи, выставленныхъ на показъ въ разсказахъ Щедрина. Были даже наивные господа, которые старались узнать, о ка-

Digitized by Google

кой это именно губерніи говорится и какой городъ надо разумѣть подъ именемъ Крутогорска. Но ясное дѣло, что читатели, и безъ обличительныхъ расказовъ очень хорошо знавшіе какъ ведутся вообще дѣла, видѣли въ невиданныхъ дотолѣ явленіяхъ литературныхъ не иное что, какъ разглашеніе того что обыкновенно бываетъ скрыто, ибо, какъ говорилъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, «нестолько самое преступленіе, сколько соблазнъ вредоносенъ.» На обличительную литературу смотрѣли, какъ на скандалы, на сплетни, которые конечно никогда не имѣли и не будутъ имѣть благопріятнаго вліянія на развитіе живого общественнаго духа. На это нужны другія средства, именно возвышеніе общаго уровня образованности и *общее* уваженіе законовъ безъ всякаго исключенія...

Въ послѣднее время, по случаю готовящихся измѣненій въ нашемъ законодательствѣ касательно судопроизводства и судоустройства, въ Москвѣ составилось общество юристовъ, для распространенія какъ теоретическихъ такъ и практическихъ юридическихъ свѣдѣній. Общество будетъ издавать книги по всѣмъ отраслямъ науки права, и если позволятъ средства, будетъ имѣть свой спеціальный органъ. Кромѣ того въ обществѣ предполагается читать курсы по всѣмъ юридическимъ наукамъ. Можетъ-быть даже всѣ адвокаты, примкнувшіе къ обществу, будутъ представлять на разсмотрѣніе общества всѣ сколько-нибудь замѣчательныя въ юридическомъ отношеніи дѣла, которыя будутъ у нихъ въ рукахъ. Такимъ образомъ общество это будетъ нѣчто вродѣ юридическаго факультета, гдѣ будутъ образовываться свѣдущіе и опытные юристы. Матеріяльныя средства общества будутъ составляться изъ ежегодныхъ взносовъ по пятнадцати руб. съ каждаго члена и изъ процента съ платы, которую будутъ получать члены за дѣла, полученныя ими черезъ общество.

Въ тѣхъ же видахъ образованія юристовъ начальство второго отдѣленія собственной его величества канцеляріи сдѣлало доступною для всѣхъ желающихъ свою богатѣйшую библіотеку юридическихъ наукъ, разумѣется безплатно.

Эти прекрасныя намѣренія будутъ вѣроятно увѣнчаны полнымъ успѣхомъ, особенно если *общее* уваженіе къ законамъ отучитъ общество отъ беззаконности.

Какъ-то не очень давно газеты расказывали случай какъ въ вятской губерніи какіе-то крестьяне поймали у себя двухъ воровъ и забили ихъ до смерти самымъ варварскимъ образомъ; одному даже, сообразно сохранившимся преданіямъ о пыткахъ, связали руки за спиной, да за руки повѣсили на воротахъ, и въ такомъ висячемъ положеніи били своего паціента оглоблями, потомъ спяли

Digitized by Google

и опять повѣсили и снова принялись бить. Само собою разумѣется, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда будетъ кончено предварительное дознаніе, слѣдствіе и потомъ съ надлежащимъ чувствомъ, толкомъ и разстановкой судъ, преступники конечно будутъ наказаны. Но эти бѣдняки далеко не такъ виноваты, какъ это кажется съ перваго взгляда: у нихъ въ запасѣ имѣются смягчающія обстоятельства, которыхъ однакоже судъ конечно не можетъ принять во вниманіе. Самоуправство ихъ было вынужденное. Русскій человѣкъ обыкновенно не прочь обратиться къ защитѣ начальства, и почтенные Иванъ Иванычъ съ Иваномъ Никифорычемъ, подающіе другъ на друга разныя жалобы, у насъ совсѣмъ не рѣдкость. Насъ даже нерѣдко обвиняютъ въ излишнемъ пристрастіи къ заступничеству и къ покровительству начальства. Вятскіе мужики конечно и сами не прочь были обратиться къ начальству за защитой. Но они конечно испытали не разъ, что судъ протянется очень долго, да еще неизвѣстно, кончится ли когда-нибудь; потомъ они знаютъ, что воръ съ большимъ удобствомъ поставитъ на карту все свое родовое и благоприобрѣтенное, чтобы спасти свою свободу и спину, и такимъ образомъ успѣетъ вывернуться, а выйдя на свободу, пожалуй еще пуститъ «краснаго пѣтуха.» Вотъ они и рѣшились расправиться сами; но уже перешли черезъ мѣру. Разумѣется они виноваты, и ихъ звѣрскій поступокъ получитъ возмездіе, но если принять въ соображеніе, что русскій человѣкъ никогда не прочь обратиться къ начальству, то можно предполагать, что эти бѣдняки были вынуждены на преступленіе чѣмъ-нибудь исключительнымъ, и виноваты не въ той мѣрѣ какъ кажется съ перваго взгляда.

Въ послѣднее время на выборахъ въ Москвѣ произошли нѣкоторыя неправильности, чтобы не выразиться точнѣе. 24 января, при избраніи выборныхъ изъ сословія потомственныхъ дворянъ домовладѣльцевъ, произошло «довольно странное обстоятельство», какъ говоритъ съ обычною снисходительностью своею «Сѣверная Почта»: почти во всѣхъ ящикахъ оказалось различное число шаровъ. Въ иныхъ недоставало нѣсколькихъ, въ другихъ оказались лишніе шары. Чаще другихъ повторялась цыфра 160, которая и свидѣтельствовала о числѣ находившихся въ залѣ избирателей. Въ иныхъ ящикахъ недоставало до этой цыфры 12 шаровъ, въ другихъ оказались лишніе, а въ ящикѣ г. Каменскаго нашлось лишнихъ 58 шаровъ... «Обстоятельство это тѣмъ болѣе необъяснимо, что каждый избиратель получалъ изъ рукъ сопровождавшаго его лица всего только по одному шару на ящикъ.» Объявивъ объ этомъ собравшимся избирателямъ, губернскій предводитель дворянства призналъ конечно не-

Digitized by Google

состоявшеюся такую балотировку и приступилъ къ новой.» Дѣйствительно, «странное обстоятельство.»

Непонятнымъ только остается, почему же другіе выборы, съ 12 напримѣръ недостающими шарами или съ десятью лишними признаны удовлетворительными, а съ 58 — не годились, и надо было ихъ передѣлать. Но какъ бы то ни было, эти неправильности балотировки показываютъ со стороны многихъ или нѣсколькихъ избирателей изъ сословія потомственныхъ дворянъ домовладѣльцевъ или привычку къ неуваженію правильнаго, честнаго веденія дѣлъ или насмѣшливо-шутливое отношеніе къ своему избирательному дѣлу. Въ томъ и въ другомъ случаѣ нельзя обвинять ихъ безусловно и безъ смягчающихъ вину обстоятельствъ. Мы привыкли къ неуваженію права, закона. Почти всякое дѣло совершалось у насъ непремѣнно при пособіи «вещественныхъ знаковъ», или что нисчуть не лучше, при помощи протекціи. Законъ оставлялся въ сторонѣ, и приноравилась статья такая-то или какая другая только для приличія. Эта привычка къ неправильностямъ вошла въ нашу плоть и кровь, сдѣлалась второю натурой, а отъ нея такъ скоро нельзя отдѣлаться. Напримѣръ у насъ строго запрещены взятки, это извѣстно; объ этомъ есть нѣсколько самыхъ ясныхъ статей даже въ сводѣ законовъ; но тамъ же онѣ косвенно разрѣшены, потомучто — знаетъ ли это читатель? — столоначальникъ въ иномъ уѣздномъ магистратѣ получаетъ жалованья два рубля серебромъ въ мѣсяцъ, не говоря уже о томъ что получаетъ писецъ. Выходитъ одно изъ двухъ, или сводъ законовъ признаетъ возможность человѣку живому, настоящему просуществовать хоть какъ-нибудь за два рубля втеченіи тридцати дней, а въ тяжкій мѣсяцъ тридцати-одного дня, или — разрѣшаетъ взятки. И берутъ, и невозможно не брать, потомучто физіологическая потребность ѣсть, пить, одѣваться, сидѣть въ теплѣ и спать хоть въ какомъ-нибудь углу подъ крышей не знаетъ уступокъ, и бѣднаго, вынужденнаго взяточника мы не покрываемъ презрѣніемъ, не выталкиваемъ его изъ человѣческаго общества, какъ вреднаго негодяя. Напротивъ, мы съ нѣкоторою болѣзненною охотой даемъ ему взятку (потомучто надо жить человѣку) и совершаемъ тоже преступленіе, по точной силѣ свода законовъ, чѣмъ и доказываемъ неуваженіе къ закону или пожалуй протестуемъ противъ закона нецѣлесообразнаго. Ну, и втянулись, какъ втягивается въ водку человѣкъ, пьющій запоемъ. Съ бѣдняка, вынужденнаго брать взятки, мы переносимъ привычную снисходительность и на того, кто получаетъ достаточное содержаніе, но наживаетъ каждый годъ по дому, стоющему вдесятеро больше годового его жалованья. И явилась въ итогѣ ужасающая терпимость; человѣкъ, наживаю-

Digitized by Google

ціи кражей капиталы, спокойно расхаживаетъ по Невскому, «съ ловкостью почти военнаго человѣка» раскланивается съ своими знакомыми и спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало смотритъ встрѣчнымъ въ лицо.

Сильные міра сего, т.-е. имѣющіе всегда въ своемъ распоряженіи «вещественные знаки» или надлежащую протекцію, знаютъ очень хорошо по собственному опыту или по преданіямъ отцовъ, что какіе порядки ни заведи, «вещественные знаки» или покровительство свое дѣло сдѣлаютъ. Поэтому обстоятельная, плотно сжившаяся съ нами привычка къ неуваженію законности, къ пренебреженію правомъ, конечно не извиняетъ, но весьма объясняетъ множество совершающихся явленій. Это пропадетъ только тогда, когда создастся у насъ общественный духъ, болѣе сообразный съ требованіями цивилизаціи и когда законы будутъ уважаться всѣми безъ исключенія.

Хорошо распорядилась волоколамская московской губерніи коммиссія для улучшенія своего городского управленія. Она «не мудрствуя лукаво», исполнила то что было предложено отъ начальства, зная вѣроятно по служебнымъ отношеніямъ, въ какой мѣрѣ «предложеніе» начальства соотвѣтствуетъ «предписанію.» По вопросу о самоуправленіи рѣшила самоуправляться на сколько будетъ приказано, по вопросу о взаимномъ застрахованіи отъ огня рѣшила взаимнозастраховаться, а по вопросу объ устройствѣ въ городѣ банка изъ остатковъ пожарнаго сбора — устроить въ городѣ изъ остатковъ пожарнаго сбора банкъ. Замѣчательнѣе всего, что въ Волоколамскѣ дѣятельность взаимнаго страхованія не ограничивается городомъ, а распространена на весь уѣздъ. По обнародованнымъ въ «Сѣверной Почтѣ» свѣдѣніямъ, оказывается, что всѣхъ домовъ въ городѣ и въ уѣздѣ, по произведеннымъ слѣдствіямъ, сгорѣло втеченіе десяти лѣтъ только 430 у временно обязанныхъ крестьянъ, да 3 у духовенства, а пожары, бывшіе у государственныхъ крестьянъ въ этотъ счетъ не вошли, такъ какъ у нихъ существуютъ свои особенныя правила на счетъ пожаровъ. Далѣе сообщаются весьма любопытныя статистическія данныя. У временнообязанныхъ крестьянъ во всемъ уѣздѣ 6015 домовъ, цѣною 70 рублей каждый, всего на 421,050 рублей. Всѣ дома помѣщиковъ въ уѣздѣ оцѣнены въ 15,000 рублей, но сколько ихъ и почемъ оцѣнены — неизвѣстно. У духовенства 60 домовъ, цѣною въ 200 руб. каждый, всего на 12,000 рублей. Всѣ строенія города оцѣнены въ 62,200 рублей. Всего имущества въ городѣ и въ уѣздѣ, подлежащаго застрахованію, на 510,250 рублей. Но кажется, что все это ошибка или клевета на туземцевъ.

Digitized by Google

Всѣмъ извѣстно, какъ дорогъ лѣсъ въ московской губерніи. Какой же это крестьянскій домъ въ 70 рублей, считая конечно въ туже цѣну хлѣвы, стойла, сараи, клѣтники и т. п. постройки и пристройки? На эти деньги тамъ не построишь хорошаго крестьянскаго хлѣва, а потомъ на постройку дома надо будетъ все-таки идти собирать на погорѣлое. Всѣ строенія въ городѣ 62,200 рублей. Но вѣдь въ городѣ 2,412 жителей, если вѣрить календарю. По обыкновенному расчету это значитъ 603 семьи, такъ что на каждую семью домъ стоитъ на болѣе 103 руб. съ копѣйками. А такъ какъ равенство положеній у насъ еще не существуетъ, то должны быть семейства несравненно хуже этого помѣщенныя. Изъ 603 домовъ можно считать 400 самыхъ бѣдныхъ, 100 втрое богаче, 70 вдесятеро богаче, 30 въ двадцать разъ, а тремъ семьямъ принадлежатъ дома въ сто разъ богаче первыхъ. Это уже очень умѣренный расчетъ и при немъ большинство домовъ оцѣнено въ 27 рублей каждый, другіе въ 81 руб., третьи въ 270 руб., четвертые въ 540, и три дома въ 2,700 рублей. Такой ужасающей бѣдности — домъ въ 27 рублей всего — невозможно себѣ представить, при дороговизнѣ лѣса. Тутъ что нибудь не такъ.

Далѣе комиссія расчитываетъ, что ежели въ десять лѣтъ сгорѣло 430 домовъ у крестьянъ и 3 у духовенства, всего на 30,700 руб., то въ годъ пришлось бы уплатить всего по 3,070 рублей. Съ итога застрахованныхъ имуществъ, по копѣйкѣ съ рубля, приходится сбирать съ 510,250 рублей всего 5,102 р. 50 коп., а изъ нихъ, за покрытьемъ пожарныхъ убытковъ (3,070 р.), и издержекъ на канцелярію (750 р.), ежегодно останется 1,282 р. 50 к., которые и составятъ фондъ городского и уѣзднаго банка.

Теперь становится нѣсколько понятною эта воображаемая бѣдность. Надо было и себя не разорить, и начальству угодить, почему и произошла эта невѣроятная оцѣнка городскихъ построекъ. Надо банкъ устроить, изъ остатковъ. — Извольте. Надо платить страховую премію. — Съ удовольствіемъ. И взяли только десятилѣтнюю сложность пожаровъ, а при ней оцѣнку, которая годилась бы развѣ сто лѣтъ тому назадъ. Зато покрайней мѣрѣ и волки сыты и овцы цѣлы. Однакоже быть-можетъ мы ошибаемся; но другого объясненія придумать невозможно. Не была же въ самомъ дѣлѣ придумана такая оцѣнка, чтобы получившій полное вознагражденіе пожарныхъ убытковъ принужденъ былъ немедленно идти собирать милостыню на погорѣлое. Копѣйка съ рубля страховыхъ денегъ, это значитъ, что каждый домъ можетъ сгорѣть одинъ разъ во сто лѣтъ, и общество вознаградитъ пожарные убытки безъ ущерба для себя. Но во сто лѣтъ воды много утечетъ, каждый домъ успѣетъ придти въ ветхость,

Digitized by Google

такъ что окажется необходимымъ строить его вновь. Подумала ли волоколамская комиссія, что нѣкоторые дома и теперь уже требуютъ радикальнаго ремонту, и что врагъ человѣческій силенъ: иному бѣдняку онъ подскажетъ, что теперь надо ломать домъ по доброй волѣ, просто разоренье! а вотъ еслибы сгорѣлъ, то выдадутъ въ городѣ, хоть и мало, а все-таки 70 рублей деньги, что тамъ ни говори. Такимъ образомъ при помощи врага рода человѣческаго каждый домъ будетъ горѣть ужь не менѣе трехъ, а то пожалуй и четырехъ разъ въ годъ. Какъ же тогда довольствоваться одною копѣйкою съ рубля, и какъ же будетъ существовать банкъ, въ самомъ дѣлѣ могущій получить основной фондъ въ 1,282 р. 50 коп.

И тутъ мы вовсе не хотимъ обвинять нашъ народъ въ безнравственности, въ страсти присвоивать себѣ не надлежащее страховое вознагражденіе. Дѣло здѣсь только въ томъ, что врагъ-то очень силенъ, или что взаимное застрахованіе — не совсѣмъ подходящее дѣло въ томъ видѣ, какъ оно выработалось волоколамскою комиссіей.

Но дальнѣйшія разсужденія о нашихъ правахъ оказываются по многимъ причинамъ вовсе неудобными. Но всѣ они ведутъ къ одному заключенію, что нужна образованность; народныя школы, приходскія, уѣздныя и всякія другія училища, гимназіи и университеты. А потомъ впослѣдствіи придетъ пора, когда не безполезна будетъ и академія наукъ. Въ какой же мѣрѣ учрежденія имѣютъ вліяніе на нравы и которые изъ учрежденій, свободныя или не свободныя, имѣютъ на нравы болѣе благопріятное вліяніе, это понятно само собою и толкованій не требуетъ.

Извѣстно уже, что когда введены будутъ въ дѣйствіе новые составляемые уставы судоустройства и судопроизводства, вмѣстѣ съ положеніями о земскохозяйственныхъ учрежденіяхъ, въ гармоніи съ ними будетъ улучшено и измѣнено существующее устройство полиціи. Въ какомъ видѣ и въ какомъ смыслѣ будетъ оно измѣнено, намъ еще не извѣстно, а между тѣмъ указомъ правительствующему сенату постановлено ввести въ дѣйствіе временныя правила, не преобразующія ничего радикально, но вводящія нѣкоторыя видимыя измѣненія.

Земская полиція будетъ впредь называться уѣздною. Исправникъ будетъ начальникомъ уѣздной, а полицмейстеръ — городской полиціи. Въ незначительныхъ городахъ нѣтъ особаго полицмейстера, и ихъ полиція отъ уѣздной не отдѣлена. Но (по § 33) порядокъ подчиненности и сношеній полиціи, предметы вѣдомства, предѣлы власти, порядокъ дѣйствій, распредѣленіе обязанностей, отчетность и отвѣтственность полиціи, порядокъ опредѣленія и увольненія чи-

Digitized by Google

ноѣъ ея и всѣ постановленія, не отмѣненныя высочайше утвержденными 25 декабря 1862 года временными правилами, остаются въ своей силѣ.

Важнѣйшимъ измѣненіемъ, вводимымъ этими правилами, надо признать значительное увеличеніе жалованья вообще всѣхъ полицейскихъ чиновниковъ; именно по всей Россіи это увеличеніе простирается до 1,079,179 руб. 45¾ коп. Эта прибавка распредѣляется по 44 губернскимъ и 458 уѣзднымъ полицейскимъ управленіямъ, по 1,227 становыхъ управленій, по всѣмъ отдѣльнымъ городскимъ полиціямъ во всѣхъ губернскихъ городахъ, 19 уѣздныхъ и 5 безъуѣздныхъ, что составляетъ на 1770 различныхъ полицейскихъ управленій слишкомъ по 600 руб. сер. въ годъ на каждое. Эта значительная прибавка сдѣлана однакоже гораздо болѣе въ пользу городскихъ и уѣздныхъ полицій, чѣмъ низшихъ полицейскихъ управленій и первыхъ инстанцій полиціи. Становой приставъ будетъ получать 600 жалованья и 300 рублей на канцелярскія издержки. Для того, чтобы семейный человѣкъ могъ существовать и чтобы сверхъ того онъ былъ избавленъ отъ искушенія пользоваться косвенными доходами, этого едва ли достаточно. При прежнемъ, не отмѣненномъ порядкѣ дѣйствій, при той же отчетности и отвѣтственности, всякому становому приставу приходится получать нѣсколько тысячъ бумагъ, стало-быть необходимо имѣть одного или двухъ писцовъ, чтобы на нихъ отвѣчать. Конечно, отвѣты обыкновенно бываютъ нехитрые, несложные, но самое написаніе ихъ требуетъ много механическаго труда, который не можетъ быть выполненъ за 300 рублей въ годъ, такъ какъ именно эта сумма полагается на канцелярскія издержки. Первая инстанція полиціи въ уѣздѣ такъ завалена работой, что нѣтъ никакихъ основаній требовать отчетливаго исполненія всего того что на нее возложено. Предписывается напримѣръ розыскать строжайшимъ образомъ, неокажется ли на жительствѣ во вѣренномъ вамъ станѣ такой-то? Такихъ предписаній получается иногда десятокъ или полтора за одинъ разъ. Пакеты часто получаются въ отсутствіи пристава, потомучто онъ обязанъ то тамъ, то здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ произвести предварительное слѣдствіе или дознаніе то о пожарѣ, то о мертвомъ тѣлѣ. Иной разъ является надобность ѣхать въ двѣ противоположныя стороны стана, къ сѣверу верстъ на пятьдесятъ по случаю мертваго тѣла, да верстъ на сорокъ къ югу, по случаю пожара, а иной разъ три мертвыя тѣла въ разныхъ мѣстахъ. И скачетъ становой сначала туда, гдѣ ближе, да по пути сдѣлаетъ еще пять-шесть дѣлъ: тамъ введетъ во владѣніе, тамъ произведетъ дознаніе о пропавшей лошади, и т. д. Потомъ ѣдетъ дальше и возвращается домой дней черезъ шесть. Накопилось

Digitized by Google

множество дѣлъ, и между прочимъ предписаніе немедленно отправиться еще верстъ за семьдесятъ, опечатать какую-нибудь раскольничью молельню, или что-нибудь въ такой же степени важное, нетерпящее ни малѣйшаго отлагательства. Въ промежуткѣ между щами и кашей, становой распечатываетъ десятка два пакетовъ о розысканіи, не окажется ли во вверенномъ станѣ на жительствѣ такихъ-то и такихъ-то скрывающихся подъ разными предлогами и именами лицъ. Описаны и ихъ примѣты. Оказывается, что у всѣхъ ротъ, носъ и подбородокъ умѣренные, волосы русые, глаза сѣрые, лѣта такія-то; что же касается до особыхъ примѣтъ, то ихъ конечно не имѣется. Всѣ эти бумаги складываются въ одно мѣсто, во въ свое время, которое приблизительно опредѣляется по соображенію, къ какому дню можно произвести розысканіе, пишется стереотипная фраза, что при самомъ тщательномъ розыскѣ такового на жительствѣ во вверенномъ мнѣ станѣ не оказалось. Для облегченія канцелярской тягости, слѣдовало бы напечатать въ губернскихъ типографіяхъ бланки съ этими отвѣтами, оставляя только пробѣлы для вставки нумеровъ и именъ лицъ, о которыхъ производится переписка. Понятно, что становому приставу и некогда читать всѣхъ этихъ именъ, о которыхъ производится въ его станѣ строжайшій розыскъ; да если бы и читалъ, то нѣтъ ни средствъ, ни силъ, ни времени въ самомъ дѣлѣ розыскивать, хотя по извѣстнымъ стереотипнымъ примѣтамъ невозможно ничего найти.

Это одинъ изъ тысячи примѣровъ тѣхъ невозможностей, которыя возложены на обязанность станового пристава. Самый добросовѣстный изъ нихъ, хотя такой, который придуманъ Сологубомъ, собьется съ ногъ въ первыя двѣ недѣли, если вздумаетъ на дѣлѣ, а не на одной только бумагѣ исполнять получаемыя предписанія.

Первая инстанція, которая прямо соприкасается съ дѣлами человѣческими, а не трактуетъ о нихъ въ богато убранныхъ кабинетахъ или въ обширныхъ департаментскихъ залахъ съ толпою презентабельныхъ чиновниковъ, имѣетъ громаднѣйшую важность. А здѣсь, въ порядкѣ подчиненности и сношеній нижней уѣздной полицейской инстанціи, въ порядкѣ ея дѣйствій и отчетности заключается невозможность, то-есть ложь. По минованіи надобности въ нынѣшнихъ временныхъ правилахъ все это будетъ измѣнено, и когда состоятся предположенныя измѣненія въ судоустройствѣ и земскохозяйственныхъ учрежденіяхъ на нижнюю инстанцію уѣздной полиціи будутъ возложены только такія обязанности, которыя есть полная возможность добросовѣстно исполнить усерднѣйшему и честнѣйшему чиновнику. А покамѣстъ и при сдѣланныхъ «Временными

Digitized by Google

Правилами» измѣненіяхъ, становые пристава, Надимовы, едва ли возможны.

При нынѣшнемъ начинающемся у насъ примѣненіи выборнаго начала, вѣроятно и становые пристава будутъ современемъ выборные, и до этого уже не далеко, такъ какъ тоже начало на довольно широкихъ основаніяхъ примѣнено къ земскохозяйственнымъ учрежденіямъ. Мировые посредники, говоря вообще, пользуются у насъ большимъ уваженіемъ, какъ потому, что они его заслуживаютъ, такъ еще и потому, что они бо́льшею частью произошли изъ выборовъ. Таково уже свойство природы человѣческой, что все то что сдѣлано самимъ человѣкомъ или на что онъ самъ совершенно добровольно согласился, пользуется большимъ его сочувствіемъ, нежели то что ему насильно навязано, хотя бы въ сущности первое и не было на самомъ дѣлѣ лучше послѣдняго. А въ дѣлахъ управленія, удовольствіе, то есть довольство управляемыхъ есть нетолько важное, но и важнѣйшее дѣло, отъ котораго зависитъ успѣшность всѣхъ принимаемыхъ мѣръ. Цѣль учрежденія становыхъ приставовъ будетъ несравненно лучше достигнута, когда они будутъ выборные, нежели тогда, когда они будутъ опредѣляться со стороны, причемъ конечно всего важнѣе — предупрежденіе сословнаго антагонизма, свободный выборъ приставовъ изо всѣхъ безъ исключенія мѣстныхъ жителей. При надлежащей степени свободы выбора, если онъ вовсе не будетъ стѣсненъ администраціей, дѣла пойдутъ съ тою удовлетворительностью, которая вовсе намъ незнакома при нынѣшнихъ учрежденіяхъ, самимъ правительствомъ признанныхъ неудобными. Дѣло станового пристава состоитъ въ охраненіи общественной безопасности и порядка ввѣреннаго ему округа; но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ никто на свѣтѣ не заинтересованъ болѣе самихъ жителей, то разумѣется они выберутъ именно такое лицо, которое будетъ заслуживать полнаго ихъ довѣрія. А при довѣріи все остальное пойдетъ успѣшно. Сверхъ того становой приставъ изъ туземцевъ связанъ съ краемъ или съ округомъ и собственными своими интересами: у него въ томъ округѣ можетъ быть какая-нибудь осѣдлость или кругъ знакомства, стало-быть есть достаточные поводы стараться сохранить свое доброе имя отъ всякаго пятна, и по выходѣ изъ должности остаться со всѣми сосѣдями въ тѣхъ же добрыхъ отношеніяхъ, какія были и до поступленія въ должность. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ опасаться никакого противузаконнаго послабленія, поблажки, что́ впрочемъ во всякомъ случаѣ для общества менѣе вредно, чѣмъ излишняя строгость или преувеличеніе усердія съ различными цѣлями, въ различныхъ видахъ.

Выборы станового пристава, исправника, полицмейстера или

Digitized by Google

городского пристава могутъ весьма удобно производиться, покрайней-мѣрѣ не съ меньшею основательностью, какъ при нынѣшнемъ положеніи городского устройства производятся выборы головы и другихъ лицъ городского управленія. Все будетъ зависѣть отъ того, какимъ образомъ исполняться будетъ законъ. Ежели становой приставъ будетъ въ полной зависимости отъ исправника, который его опредѣляетъ или выгоняетъ изъ службы, если исправникъ будетъ окончательно опредѣляться и исключаться губернаторомъ, то конечно не будетъ возможности на эти мѣста найти лица, которыя готовы всѣми силами служить обществу, закону, но подчиняться чьему-либо произволу считаютъ для себя унизительнымъ. Еслибы опредѣленіе, увольненіе и отдача подъ судъ мировыхъ посредниковъ зависѣли напримѣръ отъ губернаторовъ или отъ губернскихъ предводителей дворянства, то никакого нѣтъ сомнѣнія, что въ мировые посредники не пошли бы многіе изъ тѣхъ почтенныхъ лицъ, которыя теперь занимаютъ эти мѣста. Мировой посредникъ слѣлался бы чиновникомъ и его дѣятельность была бы парализована, да и тѣ, которые согласились бы принять мѣста, зависимыя не отъ закона исключительно, а отъ лицъ, поставленныхъ выше, не пользовались бы тѣмъ уваженіемъ, которое такъ имъ необходимо для успѣшнаго веденія своихъ дѣлъ. Тоже самое можно сказать и о становыхъ приставахъ, объ исправникахъ, полицмейстерахъ и другихъ. Въ новомъ обнародованномъ проектѣ судоустройства и судопроизводства чиновники исключены изъ права пользоваться гласнымъ судомъ; въ случаяхъ служебныхъ проступковъ — взысканія попрежнему положено налагать административнымъ порядкомъ. При такихъ условіяхъ не совсѣмъ легко было бы найти людей, которые согласились бы служить закону, а не начальству, на мѣстахъ не видныхъ, но при добросовѣстномъ исполненіи въ высшей степени полезныхъ. Наша служебная практика выработала даже выраженія неудобопереводимыя на языки народовъ, которые привыкли уважать болѣе законъ, чѣмъ начальство. Мы говоримъ напримѣръ, что такой-то служитъ «у меня» столоначальникомъ, а такой-то начальникомъ отдѣленія. Когда это выраженіе «у меня» пропадетъ само собою изъ языка, тогда это будетъ значить, что Россія начинаетъ «созрѣвать», такъ что даже иному суперарбитру неудобно, совѣстно будетъ выразиться такъ оскорбительно-откровенно: «мы не созрѣли».

Намъ надо еще занести въ свою скромную лѣтопись весьма важный фактъ, относящійся до весьма значительной части народонаселенія Россіи, до мѣщанъ, которые тоже не забыты въ общемъ движеніи законодательства. Съ 1 іюля нынѣшняго 1863 года вовсе от-

Digitized by Google

мѣняется подушная съ мѣщанъ подать, равно какъ и сборы, платимые взамѣнъ этой подати. Съ того же времени вводится новый налогъ на недвижимыя имущества въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ. Во вторую половину нынѣшняго года положено собрать со всѣхъ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ почти всей Россіи всего только 1,037,950 рублей. Намъ неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ составлена роспись этого сбора, то-есть какія данныя служили для распредѣленія налога по губерніямъ. Мы можемъ только сказать, что этотъ налогъ весьма умѣренный въ сравненіи съ тѣмъ, который платится теперь, до 1 іюля, именно съ подушною податью.

Наша періодическая литература недостаточно оцѣнила огромность этого преобразованія. Это уже не временныя правила, а радикальный переворотъ въ распредѣленіи податей между гражданами. Съ 1 іюля житель города уже ничего не будетъ платить за право дышать воздухомъ въ своемъ городѣ, ежели только паспорты на дорогой гербовой бумагѣ не возстановятъ того же налога въ косвенномъ видѣ. Но можно надѣяться, что этого не будетъ, что преобразованіе такимъ образомъ совершится не наполовину только. Это было бы тѣмъ безполезнѣе, тѣмъ вреднѣе даже, что новый налогъ весьма легокъ, и Россія могла бы вынести съ удобствомъ сборы вдвое большіе. Высшая сумма налога назначена съ петербургской губерніи, именно 176,690 рублей, низшая съ олонецкой — 2,260 рублей. За петербургскою по цыфрѣ налога слѣдуетъ московская — 95,350 рублей, потомъ херсонская — 54,990 руб. и кіевская — 41,480 руб. Болѣе олонецкой платитъ вологодская, 5,290 р., за тѣмъ псковская — 6,770 руб. и архангельская — 6,890 р. Остальныя губерніи распредѣлены между этими крайними на основаніи неизвѣстныхъ намъ данныхъ. Но вѣроятно цыфры налога соображены съ городскими оцѣнками, и представляютъ такимъ образомъ драгоцѣнные статистическіе выводы касательно степени богатства городовъ по цѣлой Россіи. Налогу подлежатъ всѣ недвижимыя имущества, составляющія частную собственность, изъ числа принадлежащихъ земству, городамъ, духовнымъ вѣдомствамъ, какъ христіанскихъ такъ и не христіанскихъ вѣроисповѣданій, благотворительнымъ, ученымъ обществамъ и установленіямъ, и учебнымъ заведеніямъ, тѣ недвижимыя имущества, или тѣ части ихъ, которыя посредствомъ отдачи ихъ въ наемъ приносятъ доходъ. Не подлежатъ налогу: имущества, содержимыя непосредственно насчетъ государственнаго казначейства, и тѣ принадлежащія земству, городамъ и означеннымъ выше вѣдомствамъ, обществамъ, установле-

Digitized by Google

нѣмъ и заведеніямъ имущества или части ихъ, которыя не приносятъ дохода.

Такимъ образомъ тягостный подушный окладъ, платившійся только за право дышать воздухомъ, окладъ, тяготѣвшій на бѣднѣйшихъ людяхъ, перенесенъ на собственность или лучше сказать на доходъ съ собственности лицъ всевозможныхъ званій. И въ сущности окладъ ничтожный. Съ громаднѣйшаго дома гдѣ-нибудь на Невскомъ проспектѣ, съ дохода въ нѣсколько десятковъ тысячъ рублей, придется платить какихъ-нибудь десять, пятнадцать или двадцать рублей. Академія наукъ, за свою винотерговлю и лавочку, приносящія доходъ, надо будетъ платить нѣсколько копѣекъ. Разные церковные дома, католической, голландской, армянской, лютеранской церквей, заключающіе въ себѣ сотни квартиръ, съ каждой будутъ платить тоже не болѣе, какъ по нѣсколько копѣекъ. Знаменитый домъ князя Вяземскаго, на Сѣнной площади, пріютъ нищихъ, воровъ и всевозможныхъ гадостей, съ нѣсколькими десятками тысячъ дохода, составляющій всегда такую кучу хлопотъ для полиціи, ограничится тоже нѣсколькими десятками рублей.

Съ каждой губерніи назначена извѣстная сумма, потомъ будетъ назначена съ каждаго города, мѣстечка и посада отдѣльно. Раскладка суммы налога между отдѣльными недвижимыми имуществами предоставляется особой раскладочной комиссіи, члены которой избираются владѣльцами недвижимыхъ въ томъ городѣ имуществъ. Для раскладки налога опредѣляется относительная стоимость недвижимостей. Такое опредѣленіе производится раскладочною комиссіею или по собственнымъ ея расчетамъ, или согласно оцѣнкѣ недвижимыхъ имуществъ для городского и квартирнаго сбора, если таковая оцѣнка будетъ признана раскладочною комиссіею за удовлетворительную. Окончательное утвержденіе росписи раскладочной комиссіи утверждается въ думѣ или въ ратушѣ и сообщается для исполненія казеннымъ палатамъ. Это все совершенно раціонально и справедливо. Лучше всего то, что оцѣночной комиссіи предоставлено, не выходя изъ суммы, назначенной для сбора въ городѣ, уменьшить сборы съ однихъ домовъ, а увеличивать съ другихъ, во вниманіе къ какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ. Такъ вѣроятно нѣкоторыя лачужки въ предмѣстьяхъ мелкихъ уѣздныхъ городовъ, полуразвалившіяся, вполтора окна наулицу, съ крышами, обросшими мохомъ и травою, будутъ вовсе избавлены отъ платы, а палаты туземныхъ тузовъ примутъ уже на себя уплату крошечнаго налога. Въ этомъ-то и заключается высокая справедливость новаго налога, такъ какъ онъ можетъ быть уже не одинаковъ, какъ подушный окладъ, который платился и богачемъ мѣ-

Digitized by Google

щаниномъ, торгующимъ на сотни тысячъ, и бѣднякомъ мѣщанином, бѣдствующимъ изо дня въ день въ крошечной, сырой и душной, хотя и собственной землянкѣ.

Еще важное преимущество новаго налога. Уплата налога, опредѣленнаго по раскладкѣ съ каждаго недвижимаго имущества, возлагается на обязанность владѣльца имущества, *безъ всякой ответственности общества*. Въ самомъ дѣлѣ, при подушномъ окладѣ весьма часто случалось, что иному бѣдняку заплатить нечѣмъ, и взять съ него нечего, тогда общество беретъ эти деньги съ богатыхъ, а виноватаго всячески преслѣдуетъ, безъ очереди назначаетъ его на рекрутскую очередь, отдаетъ въ работу, и т. д. При налогѣ на недвижимость, круговая порука становится безполезною, такъ-какъ тутъ за недоимку отвѣчаетъ не лицо, а имущество.

Но само собою разумѣется, что несмотря на легкость, даже ничтожность налога, найдутся домовладѣльцы, которые будутъ по этому случаю возвышать цѣны на квартиры, жалуясь на трудныя времена, на новые разные разорительные налоги, говоря, что вотъ съ этихъ пьяницъ, съ этихъ кабачныхъ засѣдателей сняли подушный окладъ и наложили на меня лишнюю тяготу, хотя я отъ всякихъ податей избавленъ. Все это будетъ говориться такъ только, къ слову, чтобы прибавить цѣну на квартиру, и взять таки съ бѣднаго жильца, можетъ-быть того же мѣщанина, только-что избавленнаго отъ подушнаго оклада, лишнія деньги, можетъ-быть немного выше того, что онъ до 1 іюля платилъ съ души.

Если не это, то почти это самое будетъ непремѣнно. Но такъ уже устроились экономическія отношенія: капиталъ командуетъ трудомъ на всей на своей волѣ.

Недавнимъ (1 января) положеніемъ о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ капиталъ пріобрѣлъ большую свободу дѣйствій. Это положеніе будетъ приведено въ дѣйствіе съ 1 іюля нынѣшняго года. Вмѣсто прежнихъ трехъ гильдій установлено теперь только двѣ. По первой платится повсемѣстно 265 рублей, сверхъ того на государственныя земскія повинности 65 рублей, и одинъ рубль за бумагу на написаніе свидѣтельства, всего 331 рубль. Потомъ еще на каждую лавку, торговое и промышленное заведеніе платится особая пошлина, смотря по мѣстности, отъ 30 до 10 руб. Каждый старшій прикащикъ кромѣ того снабжается свидѣтельствомъ перваго класа съ пошлиною 20 рублей, а помощники прикащиковъ — свидѣтельствами второго класа, съ пошлиною пяти рублей за каждое. Такимъ образомъ купецъ первой гильдіи, имѣющій въ Петербургѣ три магазина, платитъ за себя 331 руб., за трехъ прикащиковъ 60 руб., за шестерыхъ помощниковъ 30 руб., да за билеты на

Digitized by Google

три магазина 90 руб. а всего 511 руб., а если присоединить къ этому разный мелочной расходъ на гербовую бумагу и пр., то выйдетъ не болѣе 550 рублей въ годъ. Тамъ же, съ тѣми же самыми правами торговли, съ нѣкоторыми исключеніями, по второй гильдіи платится за свидѣтельство 65 руб., на государственные и губернскіе земскіе сборы 15., за трехъ прикащиковъ 60 руб., за шестерыхъ помощниковъ ихъ 30 руб., да за билеты на три магазина 60 рублей, всего 230, а съ мелочными расходами до 250 рублей.

Новое раздѣленіе капиталовъ основано не попрежнему, на величинѣ ихъ, а на употребленіи. Купеческія свидѣтельства первой гильдіи установлены для оптоваго торга, второй гильдіи для разничнаго, и сверхъ того установлены промысловыя свидѣтельства на мелочной, разносный и разносный торгъ, на мѣщанскіе промыслы и купеческимъ прикащикамъ. По непонятнымъ для насъ причинамъ, къ мѣщанскимъ промысламъ причислены всѣ тѣ мѣщане, которые нанимаются *въ рабочіе и домашніе слуги*, если они не подлежатъ налогу съ владѣемой ими въ чертѣ города недвижимой собственности. Они платятъ, безъ различія мѣстностей, по 2 р. 50 коп. въ годъ. Такимъ образомъ вмѣсто отмѣненной подушной подати съ мѣщанъ, назначена другая подать на ихъ промыслы, на личный трудъ рабочаго, который поступаетъ иногда въ батраки зимою — изъ хлѣба, а лѣтомъ рубля за полтора въ мѣсяцъ, какъ это зачастую видимъ въ средней полосѣ Россіи. Посредствомъ такой искусной комбинаціи государственный доходъ, составлявшійся прежде изъ подушнаго оклада съ мѣщанъ, сохраненъ вполнѣ подъ другимъ именованіемъ, подъ именемъ пошлины съ промысла или съ труда.

По свидѣтельству *первой* гильдіи § 32) предоставляется право производить оптовую и розничную торговлю *по всей имперіи* лично и черезъ прикащиковъ, содержать неограниченное число магазиновъ, складовъ и амбаровъ, съ платою установленнаго за каждое такое заведеніе особаго сбора, и кромѣ того содержать фабрики, заводы и ремесленныя заведенія въ томъ городѣ или уѣздѣ, гдѣ взявшій свидѣтельство записанъ. По второй гильдіи права эти ограничены. По свидѣтельству второй гильдіи (§ 33) предоставляется производить розничную торговлю не по всей имперіи, а только въ томъ уѣздѣ, гдѣ взявшій патентъ записанъ, и предоставляется право вступать въ обязательства *съ казною* не свыше 15,000 рублей. Но далѣе встрѣчается противорѣчіе. Если имѣющій свидѣтельство *первой* или *второй* гильдіи (§ 35) намѣренъ производить розничную торговлю или содержать *фабрику* или промышленное заведеніе въ другомъ уѣздѣ, то обязанъ тамъ взять особое свидѣтельство второй гильдіи, съ платежемъ установленной пошлины и объ-

Digitized by Google

летняго сбора за торговое или промышленное заведеніе по мѣстнымъ окладамъ. Стало-быть свидѣтельство первой гильдіи не даетъ права производить торговлю по *всей* имперіи, а точно такъ же, какъ и по второй ограничено взятіемъ новаго патента въ другомъ уѣздѣ.

Лица женскаго пола признаны настолько созрѣвшими, что имъ дозволяется брать купеческія и приказчичьи свидѣтельства на свое имя. Купцы первой и второй гильдій свободны отъ подушнаго оклада, отъ личной рекрутской повинности и отъ поставки по наряду работниковъ натурою; въ случаѣ подобнаго наряда, они вносятъ деньги, сколько причитается по раскладкѣ.

Весьма любопытно распредѣленіе мѣстностей цѣлой Россіи по класамъ для сбора за свидѣтельства на право торговли и билеты на торговыя и промышленныя заведенія. Всѣ мѣстности раздѣлены на пять класовъ. Въ первомъ класѣ за свидѣтельство на право торговли по второй гильдіи платятся 65 руб., во второмъ 55, потомъ 45, 35 и наконецъ 25 рублей. За право на мелочной торгъ платятся по мѣстностямъ 20, 18, 15, 10 и 8 рублей, а за билетъ на помѣщеніе мелочного торга 10, 8, 6, 4 и 2 рубля. Вѣроятно, высшая плата назначена за мѣстности болѣе богатыя, низшая за бѣднѣйшія, и такимъ образомъ это распредѣленіе даетъ намъ понятіе объ относительномъ богатствѣ разныхъ точекъ Россіи, покрайней-мѣрѣ съ офиціальной точки зрѣнія. Къ первому класу отнесены Петербургъ, Рига, Москва и Одесса. Ко второму класу нѣкоторые губернскіе города, числомъ двадцать, и на одну доску съ ними поставлено село Иваново съ Вознесенскимъ посадомъ, Бердичевъ, Кронштадтъ, Ростовъ на Дону, Рыбинскъ и Таганрогъ. Бѣдный нашъ Севастополь отнесенъ къ послѣднему классу, къ пятому, и поставленъ ниже Якутска, Николаевска (что въ Приморской области восточной Сибири), ниже щигровскаго уѣзда, въ одинъ класъ съ Колою, съ Мезенью, съ Онегой, самыми печальными въ свѣтѣ городами, если только это города.

Какого рода вліяніе будетъ имѣть новое положеніе о пошлинахъ за право торговли и другихъ промысловъ, сказать мудрено. Однакоже очевидно, что пошлины распредѣлятся равномѣрнѣе, то есть будутъ болѣе пропорціональны и потому въ казну должно ихъ поступить значительно болѣе прежняго. Повидимому болѣе легкій налогъ на торговлю дозволитъ заниматься ею гораздо большему числу лицъ, стало-быть соперничество будетъ сильнѣе, къ выгодѣ потребителей. Вновь подтверждена свобода торговли хлѣбомъ всякаго рода и вообще земледѣльческими продуктами, лѣсными и другими сырыми матеріялами. Торгующіе всѣмъ этимъ не платятъ пошлинъ, а берутъ только свидѣтельства на свои торговыя заведе-

Digitized by Google

нія. Къ несчастію горная промышленность, несмотря на ощущаемый у насъ недостатокъ въ металахъ драгоцѣнныхъ и дешевыхъ, все-таки остается подъ гнетомъ прежняго налога. Собственно говоря, у насъ налогъ на чугунъ русскаго издѣлія напримѣръ не высокъ, но онъ становится крайне тягостнымъ потому, что съ нимъ сопряжены сношенія съ разными правленіями и приставами, а всякій знаетъ какъ это осложняетъ дѣло и возвышаетъ его цѣну. Выплавка металовъ дѣло горячее; при немъ съ достаточнымъ удобствомъ можно грѣть руки, и пока тяготѣетъ этотъ налогъ на внутреннее производство металовъ, на внутреннюю стало-быть торговлю ими, фритредеры оказываютъ великую слѣпоту и крайнее непониманіе практической стороны дѣла, проповѣдуя пользу свободной заграничной торговли. Это не свобода, а прямое стѣсненіе, покровительство чужихъ издѣлій посредствомъ ограниченія производства своихъ. Или этого имъ и хочется? Но можно бы еще понять, что этого хочется англійскимъ торговцамъ. Да намъ-то что же за крайность быть у нихъ на оброкѣ?

Изъ остальныхъ извѣстій о домашнихъ дѣлахъ нашихъ можно почерпнуть мало особенно пріятнаго. Оказывается напримѣръ, что несмотря на запрещенія и мѣры, принимаемыя полиціей, ушибенныхъ и раздавленныхъ петербургскими рысаками очень довольно. Въ газетахъ безпрестанно встрѣчаются извѣстія о несчастныхъ случаяхъ, происходящихъ отъ скорой ѣзды. Тамъ наѣхали, тамъ задавили, тамъ сшибли съ ногъ. Чаще всего почтенные люди, которые причиняютъ подобныя несчастія, пользуясь быстротою своихъ лошадей, спасаются отъ преслѣдованій; но иногда становится извѣстнымъ печатно, публично, явно для всѣхъ, что виновный есть не кто иной, какъ г. К. или г. Б. Чтоже затѣмъ произошло, какимъ образомъ этотъ г. Б. вознаградилъ пострадавшаго за переломъ руки, чѣмъ возстановлены права народной нравственности, остается покрытымъ непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности.

Водопроводовъ въ Петербургѣ вѣроятно долго еще не будетъ. Общество просило городъ, чтобы онъ занялъ для него у правительства около мильона рублей, но городъ конечно отказалъ, имѣя въ виду доказанную неисправность общества. Оно и лучше. Такого рода важныя предпріятія, какъ сооруженіе водопроводовъ, необходимыхъ, чтобы сдѣлать сѣверную Пальмиру сколько-нибудь удобообитаемою, должны дѣлаться не на счетъ частнаго общества, а на счетъ самого города или лучше сказать городского общества. По всѣмъ вѣроятностямъ тѣмъ дѣло и кончится и всѣ сдѣланныя работы будутъ передѣлываться снова, начиная отъ башни, выстроенной для водоподъемныхъ машинъ противъ Таврическаго дворца.

Digitized by Google

Къ счастію говорятъ башня выстроена непрочно, такъ что не жаль будетъ ее ломать для перенесенія въ другое, разумнѣе выбранное мѣсто. Она построена тамъ, гдѣ въ Неву впадаетъ Лиговка, и если-бы машины и водопроводныя трубы начали дѣйствовать, то Петербургъ снабжался бы не прекрасною, здоровою и вкусною водой Невы, а лиговскою водою, которая течетъ изъ ключей сильно известковаго свойства, жестка, худо развариваетъ овощи, и главное, благопріятствуетъ развитію каменной болѣзни у лицъ, преданныхъ сидячей жизни. Именно для Петербурга-то нельзя придумать ничего хуже лиговской воды и ничего неудобнѣе нынѣшняго помѣщенія водоснабдительной башни. Надо надѣяться, что городское общество пойметъ это и перенесетъ башню за Невскій монастырь, туда, гдѣ вода не испорчена еще ни Лиговкой, ни многочисленными водосточными трубами, по которымъ течетъ въ Неву всякая дрянь съ примѣсью дохлыхъ кошекъ.

Эстляндское дворянство на послѣднемъ ландтагѣ прошедшаго года удивило Европу. Оно изъявило желаніе пожертвовать въ нынѣшнемъ году 500 рублей для учрежденія политехническаго института въ Ригѣ. Если эта цыфра 500 не опечатка, то можно надѣяться, что лѣтъ черезъ сто образуется достаточный капиталъ, чтобы приступить къ составленію плановъ постройки, а потомъ еще черезъ какую-нибудь сотню лѣтъ открыть и самый институтъ. Вотъ предусмотрительность, достойная подражанія.

При петербургскомъ экономическомъ обществѣ существуетъ комитетъ грамотности. Онъ существуетъ какъ часть экономическаго общества, и въ этомъ качествѣ есть нѣчто подчиненное. Онъ объявилъ конкурсъ на составленіе полезныхъ для народа книгъ. «Къ соисканію допускаются какъ народные учебники, такъ и книги для народнаго чтенія вообще.» «Къ соисканію допускаются сочиненія на русскомъ, малороссійскомъ и бѣлорусскомъ языкахъ.» Это очень хорошо, но почему же экономическое общество исключило изъ конкурса другія нарѣчія, олонецкое, костромское, тамбовское — это непонятно. Ежели въ какой-нибудь степени полезны книги на малороссійскомъ и бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, то нѣтъ возможности отыскать разумныя основанія для того, чтобы не допускать къ соисканію книги, написанныя поолонецки или поновороссійски. Далѣе «для полученія премій отъ сочиненія будутъ требоваться слѣдующія условія: а) Полезность содержанія... б) Безукоризненность въ нравственномъ отношеніи. Конечно, черта эта менѣе (т. е. менѣе чего?) способна выразиться въ учебникахъ, но *все-таки* (?) она необходима *въ нѣкоторыхъ* изъ нихъ, напримѣръ въ учебникахъ по естественной исторіи, отечественной исторіи, и

Digitized by Google

проч.» Такъ какъ это писано комитетомъ грамотности, то надо полагать, что это грамотно сказано. Только никакъ нельзя понять что это значитъ: Въ *нѣкоторыхъ* учебникахъ необходима безукоризненность въ нравственномъ отношеніи, но отчего же не во всѣхъ? Оттого, что она *менѣе* чего-то другого способна выразиться въ учебникахъ? Но казалось бы, что ежели она и *менѣе* способна выразиться, то все-таки нужна. Почему же курсъ ариѳметики *менѣе* способенъ быть безукоризненнымъ въ нравственномъ отношеніи? Безукоризненность — свойство отрицательное. Въ нравственномъ отношеніи не должно быть укора нигдѣ.

Верхъ совершенства въ этихъ правилахъ конкурса — премія въ цѣлыхъ *трista* рублей. Это уже слишкомъ экономно со стороны экономическаго общества, или это насмѣшка комитета грамотности надъ литературнымъ трудомъ. Триста рублей награды, премія, за лучшее сочиненіе? Да за возвращеніе пропавшей собачки породы книгъ-чарльзъ, клички Джинси, даютъ иногда триста рублей. Да знаетъ ли почтенное экономическое общество, можетъ-быть имѣющее очень вѣрное понятіе о налогѣ, что автору лучшаго сочиненія мало этихъ трехъ-сотъ рублей на квартиру въ одну комнату, съ сальной свѣчкой, съ отопленіемъ и съ кускомъ чернаго хлѣба во все то время, которое онъ посвятитъ на писаніе лучшаго сочиненія? Или можетъ быть оно думаетъ, что назначивъ срокъ представленія сочиненій 1 сентября нынѣшняго года, оно считаетъ автору ненужнымъ покрайней-мѣрѣ отопленіе? Или оно полагаетъ, что ежели это для народа, то можно добыть сочиненьице подешевле, посконное, домашняго тканья? Или не вѣдаетъ оно, что ежели рѣдки хорошія книги вообще и потому на лучшія цѣна стоитъ на рынкѣ очень высокая, то за хорошую книгу, собственно для народа написанную, слѣдуетъ заплатить еще дороже?

«Кромѣ премій назначаются два почетные отзыва для сочиненій, которыя не вполнѣ, но *значительною частью* (?) удовлетворяютъ условіямъ конкурса.»

Гораздо бы лучше сдѣлало экономическое общество, еслибы изъ своего полумильоннаго капитала, вмѣсто того, чтобы его безплоднѣйшимъ образомъ беречь или выдавать насмѣшливыя преміи, выловило бы пособія народнымъ школамъ, которыя иной разъ образуются и ведутся на самыя крошечныя мѣдныя деньги.

Слыхало ли оно объ успенской школѣ въ Уфѣ? Ея основатель и единственный учитель — въ высшей степени христіанская личность, священникъ успенской церкви Іоаннъ Темперовъ. Онъ описываетъ положеніе своей школы самъ въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомо-

Digitized by Google

стяхъ, стало-быть безо всякаго преувеличенія, и общество имѣетъ достаточное ручательство въ достовѣрности его расказа.

Въ Уфѣ двѣ школы, очень хорошо устроенныя; но одна изъ нихъ помѣщается черезъ нѣсколько кварталовъ отъ успенской церкви и въ ней 130 учениковъ на одного учителя; другая школа въ противуположномъ концѣ города. Этого было довольно г. Темперову для основанія новой школы. Въ первое время школа помѣстилась въ тѣсной церковной сторожкѣ, и мальчиковъ явилось десять. Мало по малу число учениковъ стало возрастать, такъ что пришлось перемѣнить квартиру, даровую замѣнить наемною. За 1 руб. 15 к. въ мѣсяцъ нанята *квартира для* школы, и по цѣнѣ уже легко судить что это за помѣщеніе. Въ этой комнатѣ помѣщается 35 мальчиковъ. Всѣ дѣти занимаются по различнымъ букварямъ, какіе могли быть собраны почтеннѣйшимъ педагогомъ; отъ этого приходится заниматься съ каждымъ изъ дѣтей порознь, что составляетъ трудъ громадный. — «Обученіе письму совершается такъ: каждое дитя беретъ пропитанный вареным конопляным масломъ листъ, совершенно высушенный, налагаетъ его на пропись, затѣмъ по этому листу пишетъ обыкновеннымъ очиненымъ перомъ и мѣломъ, разведеннымъ въ водѣ; исписанный листъ смывается потомъ; высушенный опять идетъ въ дѣло. Можетъ-быть на взглядъ знатока въ чистописаніи этотъ способъ имѣетъ свои недостатки, но при моемъ положеніи онъ очень хорошъ: бумаги на первый разъ мнѣ покупать не нужно, чернилъ тоже; при употребленіи этого способа я замѣтилъ, что дѣти съ особою охотою брались писать; это обстоятельство при преслѣдованіи цѣли очень важно.»

Конечно, яснополянская школа графа Толстого есть образцовое педагогическое заведеніе; но она должна уступить пальму первенства успенской школѣ въ Уфѣ г. Темперова. Тутъ пламенное желаніе пользы соединилось съ упорнѣйшею силою воли и выдерживаетъ труднѣйшую борьбу съ величайшимъ врагомъ всѣхъ прекрасныхъ начинаній, съ гнетущею бѣдностью. Графъ Толстой въ своихъ прекрасныхъ педагогическихъ опытахъ избавленъ отъ этого врага.

А у г. Темперова нѣтъ букварей, нѣтъ бумаги, нѣтъ чернилъ, нѣтъ книгъ, тѣснота, духота, и онъ *озабочивается* пріисканіемъ *постояннаго источника* къ уплатѣ 1 р. 15 к. въ мѣсяцъ за квартиру и къ ея отопленію. Вотъ это такъ заслуга, истинная, великая заслуга.

Вотъ куда должно бы употреблять экономическое общество хотя частицу доходовъ своихъ безплодныхъ капиталовъ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ МЫСЛИ

Исторія новой философіи Куно Фишера. Т. II. Вѣкъ нѣмецкаго просвѣщенія. Пер. Н. Страхова, изд. Н. Тиблена. Спб. 1863.

---

8 іюня 1794 года въ Парижѣ справлялся *праздникъ высочайшаго существа*. Робеспьеръ съ большимъ букетомъ цвѣтовъ въ рукѣ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ церемоніи, говорилъ рѣчь, зажигалъ эмблематическія фигуры, шолъ во главѣ процесіи и т. д. Судя по всему нѣтъ никакого сомнѣнія, что Робеспьеръ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ совершенно искренно, что онъ былъ глубоко увлеченъ мыслью о существованіи божества. Извѣстно, что онъ былъ послѣдователь Жанъ Жака Руссо.

Праздникъ вполнѣ удался. Въ этотъ день была остановлена гильотина. Парижъ обнаруживалъ сильное сочувствіе торжеству; учредителю его Робеспьеру тайкомъ предлагали диктатуру. Нужно замѣтить вообще, что этотъ день былъ послѣднею вершиною, послѣднею крайнею точкою, до которой дошла революція. Дальше она не пошла и поворотила назадъ.

Не любопытно ли знать, какому же богу поклонялся въ этотъ день Парижъ съ своимъ конвентомъ и Робеспьеромъ? Въ чемъ состояла эта идея, которая въ самый разгаръ революціоннаго движенія остановила на себѣ общее вниманіе и казалось служила завершеніемъ всего движенія?

Легко убѣдиться, что это не былъ Богъ, почитаемый христіанствомъ или какою-нибудь другою религіею; это не была также какая-нибудь мистическая, или какая-нибудь пантеистическая идея, взятая изъ древнихъ или новыхъ философскихъ ученій. Нѣтъ, это былъ такъ-сказать совершенно особенный Богъ, идея, вполнѣ принадлежавшая XVIII вѣку. Его можно узнать по тѣмъ названіямъ,

Digitized by Google

какія даетъ ему Робеспьеръ въ своихъ рѣчахъ. Онъ называетъ его *высочайшимъ существомъ*, *существомъ существъ*, *богомъ природы*. Очевидно это было не что иное какъ раціональный богъ прошлаго вѣка, богъ такъ-называемый *естественной религіи*. Въ этой религіи богъ полагался не внѣ и не внутри міра, но считался просто высшимъ существомъ между существами; онъ былъ вершиною міра, былъ признаваемъ необходимымъ завершеніемъ природы, но все-таки представлялъ какъ бы одну изъ составныхъ частей мірового порядка.

Такимъ образомъ нельзя не видѣть, что парижскій праздникъ былъ порожденіемъ тѣхъ идей, которыя долгое время зрѣли и развивались въ тогдашней философіи. Этими идеями были воодушевлены тогдашніе деисты, къ которымъ принадлежалъ и Жанъ Жакъ Руссо. Родоначальникомъ же этихъ понятій и первымъ провозвѣстникомъ новаго духа былъ Лейбницъ. Онъ первый изложилъ теорію *высочайшаго существа* съ тою глубиною, которая удовлетворяетъ философскимъ требованіямъ мысли. Робеспьеръ кланялся тому богу, котораго возвѣстилъ Лейбницъ.

Для насъ интересно здѣсь слѣдующее.

Идея, о которой мы говорили, давно уже поблѣднѣла и утратила свою силу, давно заслонена другими идеями; мы ясно видимъ, что она есть нѣчто прошедшее и слѣдовательно вообще нѣчто временное. Робеспьеръ этого не зналъ; онъ не зналъ, какому богу онъ поклоняется. Въ его время не существовало понятія о *движеніи идей*, а было признаваемо только простое постепенное *открытіе истины*. Безъ сомнѣнія онъ потому такъ хлопоталъ о праздникѣ, такъ радовался ему, что не питалъ и тѣни сомнѣнія въ истинности своего бога. Онъ не подозрѣвалъ, какой потокъ идей его увлекаетъ, не могъ предполагать, чтобы когда-нибудь этотъ потокъ могъ измѣнить русло или изсякнуть, а просто думалъ, что заявляетъ своимъ согражданамъ *вѣчную истину*. Говоря о своемъ богѣ, о *всеобщей религіи природы*, онъ не упускалъ случая отозваться съ жестокимъ укоромъ и презрѣніемъ о дѣйствительныхъ религіяхъ.

Революція прошлаго вѣка была временемъ, когда люди всего наивнѣе вѣрили въ свои мысли, всего серьознѣе излагали ихъ или приводили въ исполненіе. Поэтому въ ней такъ ярко и поучительно обнаружилось то что дѣлалось и дѣлается во всѣ времена.

Мы обыкновенно вѣримъ въ свои мысли какъ въ истину; мы поклоняемся своимъ идеямъ, какъ вѣчнымъ божествамъ, и чѣмъ яснѣе для насъ мысль, то-есть чѣмъ болѣе мы ею обладаемъ, чѣмъ болѣе она *наша*, тѣмъ крѣпче мы ей вѣримъ.

Digitized by Google

Причина этой увѣренности заключается въ томъ, что мы вовсе не замѣчаемъ *какъ* мы мыслимъ, какъ мы совершаемъ процесъ мышленія; мы не считаемъ даже нужнымъ замѣчать это, потому что каждый изъ насъ увѣренъ, что онъ мыслитъ *наилучшимъ* образомъ, что онъ обладаетъ полнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ процесомъ мысли, и что слѣдовательно, какъ скоро онъ приложитъ этотъ процесъ къ дѣлу, онъ тотчасъ же и получитъ въ результатѣ истину. Такимъ образомъ мы вѣчно хлопочемъ объ однихъ результатахъ, только ихъ имѣемъ въ виду, ихъ судимъ и сравниваемъ, не обращая ни мало вниманія на тотъ *способъ*, которымъ они добываются.

Долгое время люди вѣрили въ свою способность правильно мыслить, въ свое умѣнье находить истину, и если разногласили между собою въ результатахъ, то приписывали это посторонним обстоятельствамъ, а никакъ не самой мысли. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока, мысля и мысля, люди наконецъ не замѣтили, что самые пріемы ихъ мысли измѣняются, пока на результатахъ ихъ мышленія не обнаружилось наконецъ разнообразіе процеса самой мысли. Оказалось, что и мысль имѣетъ свою исторію, что въ различныя времена люди не одинаково мыслятъ, такъ что существенныя перемѣны въ исторіи ума человѣческаго заключаются не въ однихъ различныхъ результатахъ, къ которымъ онъ приходилъ, а и въ различныхъ пріемахъ, которые онъ употреблялъ.

Такимъ образомъ возникла или лучше сказать еще только возникаетъ *исторія мысли*, или въ болѣе опредѣленной формѣ — исторія философіи. Задача ея состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за постепенными превращеніями мысли и анализировать тѣ формы, въ которыхъ она воплощалась. Эта новая и только возникающая наука еще не внесла своихъ понятій въ кругъ общаго образованія; но рано или поздно ея результаты обнаружатся. Они будутъ состоять въ томъ, что мы будемъ наконецъ мыслить сознательно, т.-е. понимая *какъ* мы мыслимъ, и откинемъ предразсудокъ, состоящій въ томъ, что каждый человѣкъ умѣетъ правильно мыслить.

Второй томъ Куно Фишера очень интересенъ въ этомъ отношеніи. Онъ изображаетъ намъ исторію всего умственнаго движенія прошлаго вѣка, которое привело наконецъ къ величайшему перевороту въ философіи, къ Канту. Чтобы показать читателямъ какъ поучительны и даже прямо примѣнимы къ настоящему времени событія этой умственной исторіи, мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ характеристики *вольфіанцевъ* или такъ-называемыхъ *просвѣтителей*. Они были порождены системою Лейбница и были представителями *нѣмецкаго* или *разсудочнаго просвѣщенія*, называе-

Digitized by Google

него такъ въ отличіе отъ одновременнаго съ нимъ *англо-французскаго* просвѣщенія, т.-е. школы энциклопедистовъ и проч.

Просвѣтители проповѣдывали *естественную религію*, *естественную мораль* и были такъ твердо убѣждены въ своихъ раціональныхъ понятіяхъ, какъ только можно быть убѣжденнымъ въ ясныхъ истинахъ науки. Чтоже изъ этого вышло?

«Разсудочное просвѣщеніе со своимъ деизмомъ и со своею естественною моралью противопоставляетъ себя *всѣмъ* историческимъ временамъ, которыя съ ними *не* согласуются или которыя почерпаютъ свои религіозныя понятія изъ другихъ источниковъ, а не изъ естественнаго познанія. Въ представленіяхъ положительныхъ религій оно видитъ худшія выдумки, чѣмъ видѣлъ даже самъ *Спиноза*, и хотя сравнительно съ послѣднимъ оно слѣдуетъ противоположному принципу въ метафизикѣ, однакоже находится въ столь же исключительномъ и отрицательномъ отношеніи къ историческимъ религіямъ. Еслиже религіи опираются, какъ на послѣднемъ основаніи, на ошибкѣ или дѣйствительной лжи, то религіозная жизнь, обусловливающая цѣлые періоды исторіи, вся исторія, неразрывно связанная съ религіозною жизнью, становятся необъяснимыми явленіями. Вотъ замѣчательное противорѣчіе, въ которое пришло само съ собою разсудочное просвѣщеніе. Слѣдуя за свѣтомъ своего разсудка, оно приходитъ къ такой точкѣ, гдѣ передъ его взглядомъ померкаетъ исторія всѣхъ временъ, и *гдѣ оно не видитъ ничего свѣтлаго, кромѣ собственнаго свѣта*. То что не рождено въ этомъ свѣтѣ, кажется ему *темнымъ*. Оно судитъ по чистому закону разсудка, что истина можетъ быть только *одна*, что поэтому должно быть ложно все что съ нею *не* согласуется.»

По этому закону, какъ всякій знаетъ судится очень часто и обыкновенно. Судя такимъ образомъ мы уже напередъ предполагаемъ, что мы обладаемъ истиной, что наши понятія вполнѣ истинны, т.-е. мы довольны, мы закрѣпли въ извѣстномъ пониманіи вещей. Слѣдствіемъ такой ограниченности непремѣнно бываетъ совершенная *неспособность къ историческому пониманію*. Вотъ примѣры этой неспособности, приводимые Куно Фишеромъ.

«Вѣкъ этого просвѣщенія судитъ о всемъ по своему масштабу; повсюду онъ видитъ только *свое* разумѣніе, только то что согласно и что не согласно съ этимъ разумѣніемъ. Его *Мендельсонъ* кажется ему новымъ Сократомъ только потому, что древній Сократъ казался ему точь-въ-точь Мендельсономъ. Въ сынѣ Фенареты онъ видитъ не таинственнаго демона, ищущаго идеи истины, а симпатическаго популярнаго философа, добродѣтельнаго моралиста, который желалъ бы зажечь свѣточь естественной религіи, — видитъ ксенофонтова, а не платонова героя. Къ *Платону* онъ относится совершенно такъ, какъ Федонъ

Digitized by Google

Мендельсона (¹) къ платоновскому Федону; онъ вообще обходится съ древностію и со всѣмъ чужимъ такъ, какъ *Мендельсонъ съ Платономъ*, изъ котораго онъ эклектически выбираетъ все что ему кажется согласнымъ съ его собственнымъ образомъ мыслей. Мендельсоновъ Сократъ есть краснорѣчивый вольфіанецъ, который самыя важныя доказательства безсмертія души заимствуетъ изъ Вольфа, Реймаруса и Баумгартена. Подъ именемъ греческаго мудреца мы слышимъ, какъ въ аѳинской темницѣ нѣмецкій профессоръ философіи восьмнадцатаго столѣтія читаетъ лекцію о безсмертіи души, употребляя всѣ метафизическія и телеологическія доказательства современной ему философіи. Нѣтъ ничего характеристичнѣе для Мендельсона и его эпохи, какъ этотъ безцеремонный переводъ платоновской метафизики на вольфовскую, какъ это исправленіе платоновскаго Сократа по Баумгартену и Реймарусу, какъ этотъ искаженный, лишенный своей исторической индивидуальности характеръ, который именно поэтому совершенно соотвѣтствовалъ вкусу тогдашняго времени. Такъ мало было, или лучше сказать вовсе не было у разсудочнаго просвѣщенія пониманія и симпатіи къ *исторической* истинѣ. Всѣ эти эстетическія и темныя особенности, которыя выдаются въ исторической индивидуальности греческаго философа, исчезли въ нѣмецкомъ отраженіи. Въ характеристикѣ Сократа, которую Мендельсонъ помѣстилъ передъ своимъ Федономъ, онъ, разсуждая объ этихъ чертахъ, сглаживаетъ ихъ, и вмѣсто того, чтобы объяснить ихъ, извиняетъ. Онъ и не подозрѣваетъ *античныхъ* побужденій сократовской нравственности. Какъ основу, на которой опиралось нравственное величіе Сократа, Мендельсонъ выставляетъ «ненарушимое чувство долга въ отношеніи къ творцу и хранителю вещей, котораго онъ ясно и живо познавалъ помощію неискаженнаго свѣта разума.» Вотъ почему этотъ Сократъ и рекомендуетъ всѣмъ своимъ друзьямъ принять посвященіе въ элевзинскія таинства, «ибо — говоритъ Мендельсонъ, — есть уважительныя причины думать, что элевзинскія таинства были не что иное, какъ поученіе въ естественной религіи.» Почему же однако самъ Сократъ не рѣшился вступить въ число посвященныхъ въ эти таинства? «Для того, чтобы безнаказанно распространять эти тайныя ученія, на что жрецы старались отнять у него право посвященіемъ.» Любовь Сократа къ Алкивіаду, этотъ философскій эросъ, столь увлекательно и дивно изображенный въ платоновомъ пирѣ, Мендельсонъ называетъ «*неестественнымъ любезничаньемъ*» и извиняетъ его тѣмъ, «что это было тогда *моднымъ языкомъ*, вродѣ того, какъ самый серьезный человѣкъ въ наше время, если пишетъ къ женщинѣ, не можетъ не выражаться такъ, какъ-будто онъ въ нее влюбленъ.» «Ничего другого, простодушно прибавляетъ онъ, — не доказываютъ выраженія Платона, *какъ ни странно они звучатъ для нашихъ ушей*.» Но всего страннѣе

(¹) Здѣсь говорится о сочиненіи Мендельсона: «Федонъ или о безсмертіи души», гдѣ авторъ подобно Платону заставляетъ разговаривать Сократа со своими учениками.

Digitized by Google

звучало для ушей Мендельсона то что Сократъ называлъ своимъ *геніемъ* или своимъ *демономъ*. Здѣсь берлинскій философъ уже не могъ не обвинить своего героя въ нѣкоторой «*слабости*», которая можетъ быть извинена только тѣмъ, что во времена Сократа вѣра во вліяніе духовъ еще не была такъ основательно искоренена, какъ во времена *Мендельсона* и *Николаи*. У Сократа конечно не было бы этого демона, еслибы онъ имѣлъ счастіе быть ученикомъ вольфовскаго просвѣщенія. И въ этомъ можетъ-быть заключается единственное различіе между Сократомъ и Мендельсономъ, что послѣдній не имѣлъ никакого демона, что онъ былъ совершенно свободенъ отъ этого генія. «Развѣ долженъ, — благосклонно спрашиваетъ онъ, — превосходный человѣкъ непремѣнно быть свободнымъ отъ всѣхъ слабостей и предразсудковъ? Въ наше время уже нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы осмѣивать вліяніе духовъ. Во времена же Сократа можетъ-быть для этого нужно было особое усиліе генія, которое онъ употребилъ на что-нибудь болѣе полезное. Кромѣ того у него было въ привычкѣ сносить всякое суевѣріе, которое не можетъ вести непосредственно къ безнравственности.» Онъ видитъ только моральнаго Сократа, да и въ немъ только то что согласуется съ тогдашнимъ моральнымъ просвѣщеніемъ: эстетическія и демоническія черты историческаго характера для него совершенно закрыты. Для подобнаго пониманія конечно и смерть Сократа не могла быть *трагическою* судьбою, а была только юридическимъ убійствомъ, которое лежитъ на совѣсти жрецовъ, софистовъ и риторовъ.»

Подобные взгляды необыкновенно живо напоминаютъ и воззрѣнія современныхъ намъ французскихъ просвѣтителей и даже многіе нынѣшніе толки объ исторіи и историческихъ личностяхъ. Узкость понятій всегда обнаруживается одними и тѣми же слѣдствіями. Когда иные просвѣщенные люди принимаются даже хвалить историческихъ дѣятелей, даже величать и оправдывать ихъ дѣйствія, то эти дѣятели необыкновенно умаляются отъ такихъ рѣчей и ихъ величіе сводится на какіе-то микроскопическіе размѣры. Но то ли еще бываетъ, когда просвѣщенный человѣкъ вздумаетъ отнестись критически къ исторіи, когда онъ станетъ осуждать ея мрачныя стороны.

«Намъ нуженъ былъ здѣсь мендельсоновъ Сократъ — продолжаетъ Куно Фишеръ, — только какъ *примѣръ*, чтобы наглядно показать, какъ тѣсенъ былъ горизонтъ этого разсудочнаго просвѣщенія; какой скудный и неестественный свѣтъ падалъ отсюда на всю историческую жизнь людей, которая находится внѣ предѣловъ естественной религіи и естественной морали и не входитъ безъ остатка въ ихъ законченныя понятія. Если у ортодоксовъ считается *невѣріемъ* все, что несогласно съ твердо-установленными ученіями откровенной религіи, то у ихъ противниковъ, у просвѣтителей, считается *суевѣріемъ* все что несогласно съ готовыми понятіями естественной религіи. И тѣ и другіе, съ про-

Digitized by Google

тивоположныхъ точекъ зрѣнія приходятъ къ одному и тому же противорѣчію съ *исторіею*; у тѣхъ и у другихъ совершенно недостаетъ историческаго пониманія и опирающейся на немъ исторической критики; и тѣ и другіе одинаково неспособны видѣть въ исторіи *развитіе* и понимать чуждое время по его собственнымъ образовательнымъ законамъ. Эти просвѣщенные люди находятъ непонятнымъ, чтобы въ головѣ философа, въ фантазіи поэта могли нѣкогда существовать другія представленія, не тѣ, которыя естественная теологія подтверждаетъ столь многими доказательствами. Мендельсону кажется, что демонъ Сократа есть столь же печальное слѣдствіе суевѣрія, какъ и миѳологія у Гомера. Гомеръ былъ бы превосходнѣйшимъ изъ поэтовъ, еслибы онъ только не имѣлъ этихъ темныхъ представленій о *многихъ богахъ*, которые чувствуютъ *почеловѣчески* и волнуются человѣческими страстями. Съ нѣкоторымъ состраданіемъ замѣчаетъ Мендельсонъ, что просвѣщеніе еще не озаряло фантазію Гомера. «Въ самомъ Гомерѣ, — говоритъ просвѣщенный философъ въ своемъ «Іерусалимѣ», — въ этой простой, любвеобильной душѣ еще не зарождалась мысль, что боги прощаютъ изъ любви, что безъ благоволенія они не были бы блаженны въ своемъ небесномъ жилищѣ!» Понятія просвѣщенія такъ высоко стоятъ надъ понятіями прежнихъ временъ, что даже величайшіе умы этихъ временъ не могли до нихъ достигнуть. И естественно, что сами просвѣщенные должны были ставить себя также высоко при сравненіи съ умами прошлаго времени. Они должны были думать, что они безконечно лучше и мудрѣе чѣмъ тѣ, кому не свѣтилъ такъ ясно свѣтъ разума, и кто даже при величайшихъ силахъ ума не былъ свободенъ отъ духа времени и блуждалъ во мракѣ. Такимъ образомъ просвѣщенные при всей терпимости, которою они хвалятся, становятся наконецъ столь же *высокомѣрными* и *самодовольными*, какъ и ортодоксы со своею всегдашнею нетерпимостью. Они раздѣляютъ весь родъ человѣческій на два класса: на такихъ, которые жили *до* Вольфа и тѣхъ, которые явились *послѣ* Вольфа, и они считаютъ себя счастливыми, что принадлежатъ къ числу послѣднихъ. «Я никогда не могъ, — говоритъ Мендельсонъ въ началѣ «Федона», — сравнивать Платона съ новыми философами, или того и другихъ съ темными умами среднихъ вѣковъ, не благодаря вмѣстѣ съ тѣмъ провидѣніе, что оно дало мнѣ родиться въ настоящіе счастливые дни.» Такимъ образомъ человѣческій родъ и всемірная исторія, законовъ развитія которой они не понимаютъ, должны были казаться имъ *хаосомъ*, въ которомъ есть только немногія свѣтлыя точки, однѣ ярче, другія темнѣе, то загорающіяся, то снова исчезающія, между тѣмъ какъ въ цѣломъ человѣчество остается неподвижно тѣмъ же.»

Читатель согласится, что это *высокомѣріе и самодовольство* ему также знакомо, знакомо по образчикамъ современнымъ, близкимъ, обѣщающимъ долго жить и дѣйствовать. Оно вытекаетъ изъ тѣхъ же источниковъ, т. е. изъ поклоненія скудному свѣту *готовыхъ* по-

Digitized by Google

нятій. Эти понятія конечно въ настоящее время не тѣ, какія были прежде; но такъ какъ они попрежнему закончены, попрежнему признаются единственно-правильными и вполнѣ доказанными, то ихъ обладатели попрежнему ставятъ себя высоко и все несогласное съ ними считаютъ суевѣріемъ. Въ чемъ же состоитъ выходъ изъ такого умственнаго настроенія? Какъ точнѣе и опредѣленнѣе выразить ошибку этого настроенія и кромѣ того указать положительное свойство ума, которое не допускаетъ этой узкости, этого высокомѣрія и самодовольства?

«Настоящее понятіе гармоніи, понятіе *развитія въ мірѣ* совершенно чуждо вольфовской философіи; этотъ-то недостатокъ дѣлаетъ ее слѣпою въ отношеніи ко всякому иному образу мыслей; онъ-то ограничиваетъ ея разумѣніе безплодною логикою, которая все мѣритъ своею мѣрою, обо всемъ судитъ по своимъ готовымъ понятіямъ и законъ формальнаго противорѣчія, признаваемый ею за исключительное руководство, однообразно прилагаетъ къ всемірнымъ періодамъ. Такъ какъ субъекту можетъ быть приложенъ только одинъ изъ двухъ противоположныхъ предикатовъ, такъ какъ онъ не можетъ быть вмѣстѣ А и не А, то эта логика заключаетъ: человѣческая религія не можетъ быть вмѣстѣ и монотеизмомъ и политеизмомъ; не можетъ быть вмѣстѣ и деизмомъ и христіанствомъ, слѣдовательно — таковъ безусловный выводъ — языческая и христіанская религіи, какъ онѣ даны исторически, необходимо ложны. И для этой мудрости непонятно, какъ люди могли быть такъ нелогичны, такъ суевѣрны, чтобы имѣть такія религіи и вѣрить въ такія понятія о Богѣ. Какъ узко это пониманіе въ сравненіи съ *величавымъ образомъ мыслей* Лейбница, «который при своемъ изслѣдованіи никогда не имѣлъ въ виду принятыхъ мнѣній, но въ твердомъ убѣжденіи, что ни одно мнѣніе не можетъ быть признаваемо, не будучи истинно съ извѣстной стороны, въ извѣстномъ смыслѣ, имѣлъ снисхожденіе до тѣхъ поръ вертѣть и переворачивать это мнѣніе, пока наконецъ ему удавалось сдѣлать видимою эту извѣстную сторону и понятнымъ этотъ извѣстный смыслъ!» Принципъ лейбницевской философіи есть *своеобразность*, безконечное разнообразіе вещей, безконечное царство постепенныхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ. Пониманіе чужой своеобразности составляетъ основаніе монадологіи въ душѣ ея основателя; безъ этого пониманія она никогда бы и не возникла. И именно этого пониманія всего что своеобразно и индивидуально въ каждомъ явленіи, совершенно недостаетъ вольфовской философіи и разсудочному просвѣщенію вообще. Его органъ составляетъ *логическій* умъ; органъ лейбницевской философіи есть *умъ конгеніальный*. Конгеніальный умъ образуетъ тайный и высочайшій смыслъ монадологіи; онъ исчезаетъ въ вольфовское время вмѣстѣ съ понятіемъ монады, и снова пріобрѣтаетъ силу, когда разсудочное просвѣщеніе уже утратило свой свѣтъ. То что логическій умъ оставилъ темнымъ,

Digitized by Google

конгеніальный умъ озаряетъ, и такимъ образомъ возводитъ нѣмецкое просвѣщеніе на болѣе высокую степень міросозерцанія и мірообъясненія. Логическій умъ умѣлъ цѣнить всѣ объекты лишь настолько, насколько они являлись понятными и по его мнѣнію моральными; онъ признавалъ ихъ только въ той степени, въ какой онъ могъ изложить и доказать ихъ въ умозаключеніи по извѣстной фигурѣ. Какъ благодѣтельно безъ сомнѣнія дѣйствуетъ это просвѣщеніе въ томъ случаѣ, гдѣ дѣло идетъ о человѣческой глупости, о заблужденіяхъ ума, о созданіяхъ безумія, — такъ напротивъ ограничено и превратно должно быть его сужденіе въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствуютъ не логическій или моральный умъ, а таинственныя силы природы и человѣчества; такъ безсильно и несправедливо будетъ это просвѣщеніе относительно всѣхъ явленій, въ которыхъ обнаруживается *своеобразная необходимость*, какъ напримѣръ въ твореніяхъ природы и генія, въ произведеніяхъ религіи и искуства. Эти созданія не производятся въ силу логическихъ и моральныхъ понятій; этимъ путемъ они и не могутъ быть поняты. Чтобы понять ихъ, нужно быть въ состояніи ихъ передумать, перечувствовать, какъ бы вновь создать ихъ. Для того, чтобы уразумѣть ихъ смыслъ, нужно проникнуть въ ихъ коренную своеобразность, въ ихъ собственное тайное душевное настроеніе. А для такой конгеніальности не было никакихъ задатковъ въ просвѣщеніи. Для разсудочнаго просвѣщенія существуетъ абсолютная граница тамъ, гдѣ начинается геній. Все что дѣйствуетъ *инстинктивно* или *геніально*, какъ-то — природа, религія, искуство, исторія въ своихъ элементарныхъ проявленіяхъ, — совершенно закрыто для ума этого просвѣщенія. Его воинственныя силы побѣдоносны въ борьбѣ съ авторитетными вѣрованіями; но онѣ притупляются въ борьбѣ съ геніемъ, и никто такъ ясно не показалъ на себѣ самомъ этого недостатка, какъ *Николаи*

Вотъ болѣе ясное указаніе того, къ чему способенъ и чего не въ силахъ сдѣлать умъ, успокоившійся на готовыхъ понятіяхъ. Здѣсь же мы видимъ общую формулу и даже особенный терминъ для обозначенія умственной дѣятельности, не впадающей въ замкнутость и самодовольство. Для такой дѣятельности требуется *конгеніальный умъ*.

«Этотъ умъ понимаетъ, что каждое явленіе имѣетъ свою особенную природу, силу и обнаруженіе; что оно должно быть измѣряемо его собственною, а не чужою мѣрою; должно быть судимо и излагаемо въ его *собственномъ, естественномъ смыслѣ:* таковы напримѣръ каждый историческій періодъ, каждая религія, каждое художественное произведеніе.

Далѣе:

«Искуство, религія, государство, исторія вообще — созерцаются и судятся уже съ точки зрѣнія развитія: каждое явленіе ставится на *настоящее мѣсто*, какое оно занимаетъ въ естественномъ и историче-

Digitized by Google

скомъ міровомъ порядкѣ, и то что прежде, будучи оторвано отъ своей связи и родной почвы, казалось нелѣпымъ и противоестественнымъ, теперь оказывается вполнѣ сообразнымъ съ природою и имѣющимъ свои основанія. Теперь разрѣшаются противорѣчія, которыми разсудочное просвѣщеніе загромоздило историческія явленія прошедшаго, религіозныя понятія языческія и христіанскія; ибо что казалось нелѣпымъ и противорѣчивымъ сравнительно съ вѣкомъ просвѣщенія, то оказывается совершенно согласнымъ съ самимъ собою, когда его сравнить съ его собственнымъ временемъ. Разсудочное просвѣщеніе не понимало исторіи, потомучто оно не понимало развитія; а оно не могло понять развитія потому, что вмѣстѣ съ понятіемъ монады ему недоставало пониманія оригинальности вещей или конгеніальнаго ума. Тамъ, гдѣ этотъ конгеніальный умъ овладѣваетъ вещами, онъ вмѣстѣ съ своеобразностью и оригинальностью своего объекта всегда овладѣваетъ и его развитіемъ, его исторіею.

Всѣ эти общія положенія и соображенія тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе, что они вполнѣ воплощены исторіею. Безпрекословное господство, которое принадлежало нѣкоторое время разсудочному просвѣщенію, возбудило противъ себя огромное возмущеніе. Къ числу возмутившихся принадлежатъ величайшія имена, какими гордится и не переставетъ гордиться Германія: Винкельманъ, Лессингъ, Гердеръ, Гаманъ, Лафатеръ, Якоби, Гёте и Шиллеръ. Они явились представителями конгеніальнаго ума и въ своей дѣятельности, въ своихъ изысканіяхъ и созданіяхъ показали на дѣлѣ пониманіе предметовъ, свободное отъ логической замкнутости.

Винкельманъ обнаружилъ геніальную чуткость къ древнему искуству. Онъ достигъ этого не въ силу какихъ-нибудь логическихъ соображеній, а посредствомъ живого созерцанія античной красоты.

«Къ художественнымъ произведеніямъ древнихъ и особенно грековъ, — писалъ онъ, — можно вполнѣ примѣнить то что кто-то сказалъ о Гомерѣ: что всякій ему удивляется, кто только научился понимать его. *Нужно познакомиться съ ними такъ, какъ мы знакомы со своимъ другомъ*, и тогда мы найдемъ, что Лаокоонъ такъ же неподражаемъ, какъ и Гомеръ. При такомъ тѣсномъ знакомствѣ мы скажемъ, какъ Никомахъ о зевксисовой Еленѣ: *возьми мои глаза*, возразилъ онъ невѣждѣ, который бранилъ картину, *и тогда ты увидишь въ ней богиню*.» Винкельманъ желалъ живого присутствія античныхъ произведеній искуства и короткаго сближенія съ ними; хотѣлъ жить въ нихъ непосредственномъ созерцаніи. Его путешествіе въ Италію и пребываніе въ Римѣ были также важны и многозначительны для эстетики, науки объ искуствѣ, какъ впослѣдствіи всемірныя путешествія Кука, Форстера, Гумбольдта для естественныхъ наукъ.

Digitized by Google

Порицателямъ искусства, которые, какъ вспомнитъ читатель, есть и у насъ, можно бы указать на этотъ примѣръ, поучающій насъ, какъ открывается истинный смыслъ искусства. Тѣ, кто презрительно смотритъ на искусства, должны выбирать одно изъ двухъ: или приостановить свой сужденія и сперва съ ними познакомиться, или напередъ отказаться отъ всякаго ихъ пониманія.

Лессингъ соединялъ въ себѣ въ полной мѣрѣ умъ логическій съ умомъ конгеніальнымъ.

Конгеніальный умъ *Лессинга* постоянно руководилъ его критикою; вотъ почему его критика была постоянно положительною, тогда какъ критика просвѣщенія никогда такою не была и не могла быть, ибо логическое остроуміе легко находитъ недостатки своего объекта и демонстрируетъ то, что онъ *не* есть; конгеніальное же напротивъ показываетъ чѣмъ стремится быть извѣстное явленіе по своему собственному смыслу; оно слѣдуетъ не предвзятому опредѣленію, а самобытному внутреннему направленію вещи, и потому объясняетъ намъ что она такое въ положительномъ смыслѣ. И такой-то конгеніальный умъ, такая конгеніальная критика, которую ясно сознавалъ въ себѣ Лессингъ, составляетъ въ его натурѣ факторъ, который, какъ онъ самъ говорилъ, приближается къ *генію*.

Главный предметъ, къ которому относятся чисто философскія сужденія Лессинга, есть *религія*. Вопросъ о религіи, какъ извѣстно, составляетъ даже предметъ одной изъ его прекрасныхъ драмъ, именно драмы «Натанъ Мудрый». Существенная мысль его въ этомъ отношеніи та, что *разумъ глубоко мыслящій невольно приводитъ къ христіанству, и обратно, если христіанскія понятія будутъ мыслимы въ ихъ истинномъ духѣ, то они должны привести къ разуму*. На эти темы написаны имъ два главныхъ сочиненія: «христіанство разума» и «воспитаніе рода человѣческаго».

Религія Христа (т. е. исповѣдуемая самимъ Христомъ) была, по Лессингу, чистая религія разума. Разумъ былъ источникомъ историческаго христіанства; христіанство разума (т. е. то, котораго онъ долженъ достигнуть по самой своей природѣ) должно быть цѣлью исторіи. Но къ этой цѣли ведетъ не иная дорога, какъ *исторія* самой христіанской религіи, — подобно тому, какъ путь отъ первыхъ началъ человѣческой религіи къ религіи христіанской состоялъ въ исторіи прежнихъ религій. Не какая-нибудь *формула*, а *сама исторія* составляетъ средство, которымъ Лессингъ хочетъ примирить разумную религію съ положительною, христіанство разума съ положительнымъ христіанствомъ. Безъ сомнѣнія разумъ и *его* религія есть высшее назначеніе человѣчества, какое должно быть имъ достигнуто. Но развѣ все равно, *какимъ* путемъ человѣчество приведется къ этой цѣли, если только оно когда нибудь ея достигнетъ? Развѣ самая прямая дорога есть непре-

Digitized by Google

мѣшно и самая скорая? Развѣ прямая линія здѣсь дѣйствительно есть кратчайшій путь? Очевидно было бы весьма неразумно, еслибы мы стали такъ-сказать толкать и преждевременно побуждать людей къ разуму, необращая вниманія на то, способны ли къ прогресу ихъ силы или нѣтъ. Путь повидимому самый близкій, въ дѣйствительности сталъ бы самымъ далекимъ, ибо онъ не достигъ бы своей цѣли, такъ какъ слишкомъ скоро ея достигнуть невозможно. Всякое преждевременное, насильственное просвѣщеніе противно исторіи, противно разуму, противно природѣ человѣка. Въ такомъ великомъ и глубокомъ смыслѣ Лессингъ, какъ много ни любилъ онъ истину и какъ сильно ни защищалъ права разума, былъ противникомъ всякаго вынужденнаго просвѣщенія, какова напримѣръ было въ его время іосифовское, которое столь же *неисторически* дѣйствовало, какъ разсудочное просвѣщеніе неисторически мыслило.

Нужно не надрывать умы, а способствовать ихъ *зрѣлости*. Единственный разумный путь, ведущій медленно, но безошибочно къ цѣли человѣчества, есть *постепенное образованіе*, которое идетъ не скачками, а степенями, и изъ каждой степени человѣческаго духа выводитъ, какъ ея естественный результатъ — степень болѣе высокую.

Признавая во всемъ необходимость *постепенности*, необходимость *развитія*, Лессингъ смотрѣлъ на религіи, какъ на послѣдовательные фазисы въ *воспитаніи человѣческаго рода*.

Какъ воспитаніе недѣлимаго идетъ впередъ постепенно отъ низшей степени къ высшей, такъ точно развивается откровеніе въ постепенномъ ряду религій. Природа составляетъ непрерывное царство степеней силъ. Не должно ли тоже самое быть справедливо и относительно человѣчества? Ужели оно одно должно быть изъято изъ естественнаго закона развитія? А что же будетъ непрерывное постепенное царство человѣческихъ образованій, какъ не всемірная исторія и ея періоды? И то что справедливо относительно человѣчества, не должно ли быть справедливо и относительно разумной религіи? Ужели она одна должна быть изъята изъ закона развитія исторіи? Развитіе разумной религіи есть *откровеніе*; степени этого развитія суть откровенныя или положительныя религіи; цѣль его есть чистая, *разумная религія*, развившаяся до яснаго сознанія. »Не лучше ли будетъ, — говоритъ Лессингъ, — чѣмъ смѣяться надъ положительными религіями или сердиться на нихъ, видѣть въ нихъ не что иное, какъ тотъ ходъ, которымъ единственно и исключительно могъ развиваться человѣческій умъ въ данномъ мѣстѣ и которымъ онъ будетъ еще развиваться впередъ?«

Такимъ образомъ Лессингъ надѣется, что понятія христіанства мало-помалу должны наконецъ проясниться въ то, что онъ называетъ *христіанствомъ разума*.

»Пусть не возражаютъ, — говоритъ Лессингъ, — что подобныя резонированія объ таинствахъ религіи запрещаются. Нельзя признать, чтобы

Digitized by Google

мнѣнія объ этихъ вещахъ когда-нибудь порождали зло и были вредны для гражданскаго общества. Не мнѣніямъ можно сдѣлать этотъ упрекъ, а тому безсмыслію, той тиранніи, съ которыми противодѣйствовали этимъ мнѣніямъ и отъ людей, имѣвшихъ свои собственныя мнѣнія, требовали не тѣхъ мнѣній, какія они имѣли. Или можетъ-быть родъ человѣческій никогда не дойдетъ до этихъ высочайшихъ степеней просвѣщенія и чистоты? Никогда? Никогда? Не дай мнѣ мыслить, милосердый Боже, такое богохульство! Воспитаніе имѣетъ свою цѣль для рода точно такъ же, какъ и для единичнаго лица. Нѣтъ, оно придетъ — время исполненія, время новаго вѣчнаго евангелія, которое даже обѣщано намъ въ учебникахъ новаго завѣта. Иди своимъ незамѣтнымъ шагомъ, вѣчное провидѣніе, только не дай мнѣ отчаяваться въ тебѣ, ради этой незамѣтности. Не дай мнѣ отчаяваться въ тебѣ, еслибы даже мнѣ показалось, что твои шаги идутъ назадъ! Не справедливо, что кратчайшая линія есть во всякомъ случаѣ прямой путь.»

Понятнымъ образомъ Куно-Фишеръ почти не касается заслуги Лессинга по части литературы и литературной критики. Въ заключеніе онъ характеризуетъ общее настроеніе ума Лессинга слѣдующимъ образомъ.

Свобода его духа состояла именно въ томъ, въ чемъ она должна была состоять: что онъ познавалъ вещи въ ихъ своеобразной природѣ и свободѣ, и старался проникнуть ихъ въ ихъ жизненности, а не втѣснять ихъ въ чужую мѣрку предвзятыхъ понятій; что онъ былъ врагомъ предразсудковъ въ какомъ бы видѣ они ни являлись. Онъ могъ быть правъ въ отношеніи къ вещамъ, о которыхъ судилъ, потомучто онъ былъ имъ конгеніаленъ, потомучто свой умъ онъ умѣлъ сообразовать съ ихъ природою. Хотя дѣятелей разсудочнаго просвѣщенія называютъ «свободно мыслящими», имъ все-таки недоставало той свободы духа, которою обладалъ Лессингъ; и чтобы отличить Лессинга отъ этихъ свободно-мыслящихъ, Гердеръ очень хорошо могъ сказать: «онъ былъ не свободно-мыслящій, а *правомыслящій!*»

Итакъ Лессингъ совершилъ то, къ чему было вовсе не способно просвѣщеніе: онъ открылъ правильное отношеніе къ религіямъ. Извѣстно чѣмъ это кончилось: уже послѣ его смерти стали догадываться, что онъ вѣроятно былъ расположонъ къ пантеизму, что онъ можетъ-быть былъ даже приверженцемъ Спинозы. Просвѣщенные друзья его пришли въ ужасъ отъ этой мысли и считали своимъ долгомъ защищать его имя отъ такой клеветы. Какъ бы то ни было, само просвѣщеніе не понимало религій; всѣ онѣ казались ему нелѣпостью въ сравненіи съ *естественною религіею*, которую оно признавало. Такъ точно оно не понимало искуствъ: искуство въ его глазахъ могло быть только средствомъ къ распространенію и внушенію *естественной морали*, которую оно признавало.

Digitized by Google

Другія области человѣческой жизни, столько же мало понимаемыя и столь же грубо искажаемыя просвѣщеніемъ, нашли для себя истолкователей въ другихъ умахъ. Упомянемъ здѣсь о Гердерѣ и Гаманѣ.

Умъ Гердера былъ по преимуществу способенъ вглядываться родственными глазами въ болѣе *темныя* области человѣческаго духа; онъ имѣлъ великій даръ *переощущать* чужую задушевную жизнь и чужую фантазію, и чувствительныя нити его души часто съ удивительнымъ тактомъ простираются въ сокровенныя глубины человѣческаго духа, которыя не открываются чисто-логическому разсудку.

Такъ какъ онъ обладалъ воззрительнымъ чутьемъ первоначальнаго и самобытнаго въ явленіяхъ, то онъ и обращался преимущественно къ элементарнымъ состояніямъ религіи и поэзіи. Его привлекали дѣтскія вѣрованія человѣчества и народная поэзія всѣхъ временъ; онъ умѣлъ стать въ нѣкоторое поэтическое избирательное сродство съ этими первенцами человѣческаго генія, и такимъ образомъ открылъ цѣлое царство человѣческаго образованія, которое до того едва было озарено просвѣщеніемъ или вѣрнѣе было показано имъ въ невѣрномъ свѣтѣ.

Понятно, что съ такимъ настроеніемъ, нестолько философскимъ и сосредоточеннымъ, сколько поэтическимъ и разнообразнымъ, Гердеръ менѣе другихъ могъ помириться съ просвѣщеніемъ и явно вооружился противъ него.

Основная ошибка современныхъ философовъ, думаетъ онъ, та, что они судятъ о жизни прошлаго по понятіямъ настоящаго, что они сравниваютъ дѣтскія состоянія съ развитыми и вполнѣ-зрѣлыми понятіями, что они понимаютъ только эти понятія, а не ходъ исторіи. «Развѣ ты когда-нибудь училъ дитя языку по философской грамматикѣ, или умѣнью ходить по отвлеченнѣйшей теоріи движенія? Развѣ самый легкій или самый трудный долгъ нужно, или должно, или возможно было сдѣлать ему понятнымъ посредствомъ доказательства пользы? Слава-богу, что это не должно и не возможно! Какъ нелѣпо, если ты это невѣдѣніе и дѣтство вздумаешь клеймить самыми мрачными дьявольскими чертами твоего вѣка, обманомъ и глупостью, суевѣріемъ и рабствомъ, если ты выдумаешь цѣлую толпу адскихъ жрецовъ и чудовищныхъ тирановъ, которые существуютъ только въ твоей душѣ». «Нашъ вѣкъ вытравилъ себѣ на лбу имя философіи крѣпкою водкою, которая кажется начинаетъ сильно дѣйствовать внутри головы. Поэтому на косой взглядъ этой философской критики древнѣйшихъ явленій, которою какъ извѣстно нынѣ наполнены всѣ философіи исторіи и всѣ исторіи философіи, я долженъ былъ отвѣчать косымъ взглядомъ недовольства и отвращенія». «Всякое человѣческое совершенство *индивидуально*. Можно произвести только то, къ чему даетъ поводъ время, климатъ, потребность, всемірная судьба. Почему же общій философскій человѣколюбивый тонъ нашего вѣка такъ охотно вноситъ нашъ

Digitized by Google

собственный идеалъ добродѣтели и благополучія въ каждую отдаленнѣйшую націю, въ каждый древнѣйшій періодъ міра? Почему онъ признаетъ себя единственнымъ судьею, имѣющимъ право судить о нравахъ этихъ націй и періодовъ *по себѣ одному*, и на этомъ основаніи осуждать ихъ или восхищаться ими?»

Вотъ упреки и вопросы, которые одинаково можно сдѣлать и нѣкоторымъ изъ нашихъ историковъ и публицистовъ. Они не менѣе просвѣщены, не менѣе человѣколюбивы, какъ и нѣмецкіе просвѣтители прошлаго вѣка; но точно также входя въ чужую для нихъ сферу жизни, все равно современную или историческую, захватываютъ съ собою свой собственный идеалъ, свою мѣрку, и судятъ и мѣряютъ по этой мѣркѣ. Немудрено, что все у нихъ оказывается не по мѣркѣ и въ результатѣ получается почти повальное осужденіе.

Всего сильнѣе и явственнѣе наконецъ обнаружилось противодѣйствіе разсудочному просвѣщенію въ *Гаманѣ*. Въ немъ оно восходитъ до того глубокаго недовольства культурою и цивилизаціею, которое такъ сильно слышится иногда и въ наше время, и которое въ то время было энергически высказано Жакъ-Жакомъ Руссо. Гаманъ и другіе его современники постоянно были заняты мыслью о человѣкѣ a priori, о человѣкѣ, какъ онъ существуетъ до исторіи, до развитія и образованія.

Сюда какъ къ своей конечной точкѣ стремятся тѣ *начальные* вопросы, которыми было занято это время, всѣ эти изслѣдованія о происхожденіи искуства, религіи, поэзіи, языка, государства и т. д., въ основаніи которыхъ лежитъ общій интересъ къ *исконно-человѣческому*. Всѣ они сводятся на одинъ вопросъ: что такое *исконный человѣкъ*? Въ чемъ состоитъ гуманность, которая еще не образована и не преобразована исторіею? Что такое человѣкъ въ томъ видѣ, какъ онъ *выходитъ непосредственно изъ рукъ природы и изъ рукъ творца*? Очевидно человѣкъ въ этой непосредственности всего ближе сроденъ Богу и природѣ; всѣ его душевныя силы здѣсь еще находятся въ полномъ, неослабленномъ *единствѣ* между собою, ибо ихъ еще не утомилъ и не разрознилъ механизмъ образованія. Такого рода первоначальный человѣческій микрокосмъ носится передъ умозрительнымъ воображеніемъ того вѣка, какъ первообразъ гуманности, какъ собственный, истинный геній человѣчества, который нужно возстановить въ его оригинальности, къ которому нужно возвратиться изъ настоящаго чуждаго всякой первоначальности, образованнаго состоянія.

Таковы были стремленія, которыя одушевляли *Гамана* преимущественно передъ другими. Онъ былъ рѣшительнѣйшимъ, глубокомысленнѣйшимъ и значительнѣйшимъ умомъ между мыслителями сроднаго съ нимъ направленія. Они получили названіе *философовъ*

Digitized by Google

чувства, потомучто чувство есть именно то состояніе, въ которомъ какъ въ фокусѣ сосредоточиваются всѣ душевныя силы, изъ котораго какъ изъ своего перваго двигателя проистекаетъ всякое человѣческое развитіе.

«Гаманъ дѣйствовалъ совершенно сообразно съ характеромъ этой точки зрѣнія, не стремясь образовать никакой системы и не построя никакого связного ряда мыслей, а напротивъ пиша и мысля афористически, такъ что онъ самъ весьма метко называетъ свой слогъ *стрекозинымъ слогомъ*. Онъ хотѣлъ, чтобы первоначальный микрокосмъ человѣческаго существа былъ понятъ сколь возможно нераздѣльно, и старался представить его на себѣ самомъ сколь возможно оригинально, т.-е. представить человѣка, который стоитъ въ непосредственной близости къ Богу и природѣ, котораго вѣдѣніе совершенно инстинктивно, котораго инстинктивное или чувствительное понятіе прямо проистекаетъ изъ источника божественнаго откровенія. Всякое раздѣленіе человѣческихъ душевныхъ силъ, всякая попытка распутать и анализировать этотъ загадочный микрокосмъ, была ему противна, такъ какъ онъ чувствовалъ вѣрнымъ тактомъ, что анализъ чувства уже не есть чувство.

«Истины, до которыхъ доходитъ отвлеченный разсудокъ суть недѣйствительныя и мертвыя понятія, и живая истина находится именно тамъ, гдѣ отвлеченный разсудокъ видитъ только неразрѣшимую загадку и непроницаемую тайну. Истина столько же таинственна какъ жизнь.»

Отсюда понятно, какъ Гаманъ долженъ былъ относиться къ философіи.

«Ему, для котораго темная индивидуальность человѣческой природы была божественнымъ демономъ, конечно долженъ былъ казаться костянымъ остовомъ спинозизмъ съ его геометрическимъ нравоученіемъ, такъ какъ для этого ученія темная индивидуальность была самымъ низменныхъ и самымъ неяснымъ изъ всѣхъ воображеній. Для него, который отвергалъ все разъединенное, великій аналитикъ критической философіи (Кантъ), жившій тутъ же возлѣ него, долженъ былъ составлять предметъ инстинктивнаго отвращенія; на твореніе этого аналитика онъ постоянно враждебно косился, потомучто цѣль этого творенія состояла именно въ томъ, чтобы различить, раздѣлить какъ возможно точнѣе человѣческія душевныя силы и измѣрить каждую изъ нихъ критическимъ циркулемъ. Гаманъ образуетъ во всѣхъ точкахъ воплощенное противорѣчіе разсудочному просвѣщенію, которое онъ называлъ *сѣверными сіяніемъ* своего вѣка, и всякой догматической философіи вообще.»

Во многихъ отношеніяхъ Гамана можно сравнить съ Руссо; онъ также думалъ, что нормальное состояніе заключается въ полномъ согласіи съ природою, и что единственно возможное возста-

новленіе человѣка изъ его испорченности въ современныхъ обществахъ состоитъ въ возвращеніи къ элементарному, первобытному состоянію природы, къ простотѣ нравовъ и дѣтской вѣрѣ.

Такова эта умственная исторія. Мы видимъ здѣсь всѣ элементы, которые такъ хорошо намъ знакомы во многихъ современныхъ направленіяхъ мысли, видимъ эти элементы, воплощенные въ рѣзкихъ и живыхъ формахъ. Съ одной стороны — извѣстныя понятія, подкрѣпляемыя всею ходячею мудростію и гордо именующія себя просвѣщеніемъ, надменное преслѣдованіе предразсудковъ, непониманіе религіи и исторіи, подчиненіе искуства моральнымъ цѣлямъ; съ другой стороны — пробужденіе конгеніальнаго ума, чуткое поэтическое возсозданіе смысла искуства, религіи, исторіи; наконецъ любовь къ первобытному и простому, доходящая до отвращенія отъ мысли, до отвращенія отъ цивилизаціи.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что современныя явленія мысли, какъ бы они ни были близки къ этимъ уже минувшимъ явленіямъ, отличаются отъ нихъ особеннымъ характеромъ, имѣютъ свой собственный цвѣтъ, особенное отличіе въ содержаніи; и однакоже нельзя не видѣть, что между тѣми и другими много общаго и по формѣ и по сущности. Привести это къ сознанію весьма важно, потому что человѣкъ всегда становится выше того, что онъ ясно сознаетъ; онъ уже не покоряется ему, а наоборотъ самъ получаетъ надъ нимъ нѣкоторую власть. Человѣкъ образованный, по замѣчанію Фейербаха, отличается отъ человѣка дикаго тѣмъ, что дикій все что ему придетъ въ голову, все что ему представитъ воображеніе — принимаетъ за истину, за чистую дѣйствительность, тогда какъ образованный хорошо знаетъ, что его мысль не есть еще истина, а только мысль, и образъ его фантазіи не есть еще дѣйствительность, а только его собственное созданіе.

Такимъ образомъ исторія мысли, разъясняя намъ ея процесы, приводя къ сознанію то, что мы прежде дѣлали и чему подчинялись безсознательно, способствуетъ намъ стать людьми образованными.

Digitized by Google

РУССКІЙ ТЕАТРЪ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНІЕ ДРАМАТУРГІИ И СЦЕНЫ

Мы... Но увы! скромный лѣтописатель современнаго россійскаго театра не въ правѣ уже болѣе употреблять личнаго мѣстоименія во множественномъ числѣ: онъ вынужденъ принять на себя лично всю отвѣтственность за свои мнѣнія и приговоры.

И это вотъ по какому случаю.

Изъ многоразличныхъ своихъ странствій и скитальчествъ по божьему міру я какъ-то случайно вывезъ нѣсколько рукописей. Въ числѣ ихъ находилась у меня тетрадка разныхъ стихотвореній, попавшаяся мнѣ случайно отъ кого-то изъ провинціальныхъ артистовъ. Въ тетрадкѣ переписано было разными почерками и большею частью на скорую руку множество стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Огарева, Майкова и вмѣстѣ съ ними множество водевильныхъ куплетовъ гг. Ленскаго, Федорова, Кони, Григорьева и иныхъ. Тетрадка представляла собою совершеннѣйшій хаосъ; помню, что въ ней можно было найти даже юныя вдохновенія г. Аскоченскаго и о бокъ съ ними вдохновеніе музы г. Баркова старшаго...

Читатели вѣроятно въ недоумѣніи и готовы уже спросить: какое имъ дѣло до какой-то тетрадки, находившейся у рецензента и какую связь имѣетъ тетрадь съ современнымъ состояніемъ драматургіи и сцены!..

А вотъ какую, милостивые государи. Въ невинности и простотѣ души своей я извлекъ изъ этой завѣтной тетрадки одинъ изъ благоуханнѣйшихъ цвѣтковъ ея и подѣлился имъ съ вами въ прошедшей бесѣдѣ моей. Въ тетрадкѣ это стихотвореніе было безъ подписи имени автора, но такъ какъ помѣщено было между различными водевильными куплетами, то я и счелъ его принадлежащимъ къ одному циклу произведеній и привелъ въ примѣръ и обращикъ

Digitized by Google

изящества и благоуханія, желаемыхъ гг. защитниками александрійской драматургіи...

И вдругъ — о ужасъ! Стихотвореніе оказывается нигдѣ не напечатаннымъ и къ нему отыскивается собственникъ-авторъ, и этотъ собственникъ-авторъ тянетъ редакцію «Времени» къ суду за похищеніе его драгоцѣнной собственности.

Вотъ какія бываютъ на свѣтѣ приключенія!.. Не желая подвергать редакцію отвѣтственности за мои личныя законопротивныя дѣйствія и готовый по обыкновенному расчету листа «Времени» (пятьдесятъ рублей за листъ) заплатить автору приведеннаго мною стихотворенія слѣдующія ему за одну страницу и $^1/_8$ *три рубля шестьдесятъ три копѣйки*, я съ этихъ поръ вынужденъ наконецъ подписывать свое имя подъ этой скромной лѣтописью.

Когда на репертуарѣ есть новая драма Островскаго, то конечно говорить должно прежде всего о ней и даже исключительно о ней, не смѣшивая съ ней ничего остального, и это по той простой причинѣ, что русскій театръ въ серьозномъ смыслѣ этого слова заключается въ одномъ Островскомъ.

Это нисколько не фанатизмъ и даже не увлеченіе съ моей стороны.

Нашъ *народный* театръ, *русскій* театръ, начинается съ Островскаго. Хорошъ ли, дуренъ ли Островскій — это другой вопросъ, но онъ у насъ одинъ.

По поводу новой его драмы я и позволю себѣ поговорить нѣсколько объ его дѣятельности вообще и ея значеніи.

Дѣятельность Островскаго начинается собственно съ 1847 года.

1) «Семейная картина», напечатана въ «Московскомъ городскомъ листкѣ» 1847 г., перепечатана безъ перемѣнъ въ полномъ собраніи сочиненій 1859 года. Въ этой же, только годъ издававшейся газетѣ, напечатана сцена изъ комедіи: «Свои люди сочтемся», носившей тогда названье «Банкрутъ», сцена, подписанная буквами А. О. и Д. Г., буквами, подавшими впослѣдствіи поводъ къ жалкой исторіи, немалое время срамившей нѣкоторые журналы и газеты.

2) «Очерки Замоскворѣчья», небольшой раскадръ въ «Моск. город. листкѣ» 1847 года, не попавшій къ сожалѣнію въ полное собраніе сочиненій 1859 года, но весьма характеристическій.

3) «Свои люди сочтемся», комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ «Москвитянинѣ» 1850 года и отдѣльной книжкой. Напечатана съ

Digitized by Google

нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіемъ конца (весьма неудачнымъ и явно вынужденнымъ, кромѣ прибавки одной яркой и въ высшей степени знаменательной черты въ характерѣ Лазаря), въ полномъ собраніи сочиненій.

4) «Утро молодого человѣка», въ «Москвитянинѣ» 1850 г. Перепечатано безъ перемѣнъ въ полн. собр. сочиненій.

5) «Неожиданный случай», сцена въ Альманахѣ «Комета» 1851 года. Не вошло къ сожалѣнію въ собраніе сочиненій.

6) «Бѣдная Невѣста», комедія въ пяти дѣйствіяхъ, въ «Москвитянинѣ» 1852 г. Перепечатана въ первомъ томѣ сочиненій.

7) «Не въ свои сани не садись», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, въ «Москвитянинѣ» 1853 г. и въ первомъ томѣ сочиненій.

8) «Бѣдность не порокъ», комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, напечатана безъ перемѣнъ во второмъ томѣ сочиненій.

9) «Не такъ живи какъ хочется», народная драма въ трехъ дѣйствіяхъ, въ «Москвитянинѣ» 1855 г. Перепечатана во второмъ томѣ сочиненій съ небольшими, но весьма интересными для мыслящаго критика поправками, обличающими странную шаткость отношеній поэта къ своему, можетъ-быть любимому, но почему-то не выносившемуся дѣтищу.

10) «Въ чужомъ пиру похмѣлье», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ. Напечатана первоначально въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года и перешла въ полное собраніе сочиненій.

11) «Доходное мѣсто», комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Напечатана въ «Русской Бесѣдѣ» 1857 г. и въ полномъ собраніи сочиненій.

12) «Праздничный сонъ до обѣда», первая часть сказаній о женитьбѣ Бальзаминова. Напечатана въ «Современникѣ» 1857 г. и въ полномъ собраніи сочиненій.

13) «Не сошлись характеромъ», сцены, въ «Современникѣ» 1858 г. и въ собраніи сочиненій.

14) «Воспитанница», въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859 г.

15) «Гроза», драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ «Библіотекѣ для чтенія» 1860 г.

16) «Старый другъ лучше новыхъ двухъ», комедія, въ «Современникѣ» 1860 г.

17) «Свои собаки грызутся — чужая не приставай», вторая часть Бальзаминова, въ «Современникѣ» 1861 г.

18) «За чѣмъ пойдешь, то и найдешь», третья часть Бальзаминова, во «Времени» 1861 г.

19) «Мининъ», въ «Современникѣ» 1862 г.

20) «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ» во «Времени» 1863 г.

Не всѣ изъ этихъ произведеній въ равной степени важны по

Digitized by Google

содержанію и объему, но всѣ безъ исключенія художественныя воспроизведенія новаго, до Островскаго никому не вѣдомаго міра, всѣ — раскрытье того что нѣкогда, хотя и дерзко можетъ-быть, названо было мною «новымъ словомъ».

Самое первое изъ этихъ исчисленныхъ мною большихъ и небольшихъ, болѣе или менѣе удачныхъ произведеній, носило на себѣ яркую печать самобытности таланта, выражавшейся и 1) въ новости быта, выводимаго поэтомъ и до него вовсе не початаго, если исключить нѣкоторые очерки Луганскаго и Вельтмана (Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго), очерки, набросанные этими даровитыми писателями такъ-сказать вскользь, мимоходомъ и 2) въ новости отношеній автора къ дѣйствительности вообще, къ изображонному имъ быту и къ типамъ изъ этого быта, въ особенности, 3) въ новости манеры изображенія и 4) въ новости языка, въ его цвѣтистости, особенности.

Изъ всего этого новаго, что̀ съ первой минуты своего появленія въ литературѣ приносилъ съ собою нашъ драматургъ, критика въ состояніи была, да и теперь еще отчасти только въ состояніи понять новость быта, который онъ изображалъ. «Семейная картина» самое первое, но одно изъ оконченнѣйшихъ произведеній Островскаго, прошло при появленіи своемъ почти что незамѣченнымъ, да и не мудрено: оно и въ полномъ собраніи сочиненій, напечатанномъ весьма разгонистымъ шрифтомъ, занимаетъ немного болѣе полутора печатнаго листа. Еще менѣе замѣчена была новость отношеній къ дѣйствительности, отношеній, радикально противуположныхъ тѣмъ сантиментально-жолчно-болѣзненнымъ отношеніямъ, которыя свирѣпствовали тогда въ произведеніяхъ петербургской натуральной школы, въ маленькомъ разсказѣ «Очерки Замоскворѣчья», единственномъ произведеніи, вылившемся у Островскаго не въ драматической формѣ. Появленіе комедіи «Свои люди сочтемся» какъ событіе слишкомъ яркое, выдвигавшееся далеко изъ ряда обычныхъ, надѣлало много шуму, но не вызвало ни одной дѣльной критической статьи. Комедія изумила критику, и комическое отношеніе критики къ комедіи изображено смѣлыми, остроумными, хотя и рѣзкими чертами въ оригинальной шуткѣ Эраста Благонравова «Сонъ по случаю одной комедіи». Въ этой шуткѣ, написанной со всѣмъ благороднымъ пыломъ юности, со всѣмъ увлеченіемъ правды, въ шуткѣ, взбѣсившей до-нельзя тогдашнюю критику, высказанъ былъ впервые даровитымъ критикомъ-юмористомъ глубоко-вѣрный взглядъ на различіе новаго таланта, появившагося въ нашей литературѣ, отъ таланта Гоголя. Позволяю себѣ привести изъ замѣчательной, не позабытой, но затерявшейся въ

Digitized by Google

старомъ журналѣ шутки существенно важное мѣсто, относящееся къ этому различію. Шутка Эраста Благонравова сама написана въ драматической формѣ; въ лицахъ, разговаривающихъ въ ней, выведены тогдашнія направленія и оттѣнки направленій. Молодому человѣку, представителю крайности увлеченія новымъ произведеніемъ, знатокъ западныхъ литературъ говоритъ: «ну, какъ вамъ угодно, а изъ вашихъ неумѣренныхъ похвалъ автору новой комедіи я замѣчаю, что вы къ нему пристрастны и что вы недоброжелатель Гоголя».

Молодой человѣкъ. Странно, что вы замѣчаете изъ моихъ словъ совершенно противуположное тому что слѣдуетъ изъ нихъ замѣтить. Я думаю, что изъ моихъ словъ скорѣе можно замѣтить, что я пристрастенъ къ Гоголю, а не врагъ ему. Да (повѣрьте моей искренности), я пристрастенъ къ Гоголю. Я люблю его произведенія больше произведеній автора новой комедіи, я имъ больше сочувствую, чѣмъ сочувствую новой комедіи, но это дѣло моего личнаго вкуса. Вслѣдствіе чего именно я такъ пристрастенъ къ Гоголю, и самъ хорошенько не знаю. Можетъ это происходитъ оттого, что я, какъ и всѣ русскіе юноши одного со мной поколѣнія, воспитанъ на Гоголѣ. Когда я только-что началъ жить сознательно, когда во мнѣ только-что пробудилось эстетическое чувство, первый поэтъ, на голосъ котораго откликнулось мое сердце, былъ Гоголь. Можетъ-быть я ему сочувствую больше, чѣмъ автору новой комедіи и потому, что уже отъ природы я къ тому наклоненъ. Какъ бы то ни было, но дѣло въ томъ, что настроеніе моего духа, мое міросозерцаніе — гоголевское, и потому-то чтеніе Гоголя мнѣ доставляетъ гораздо больше наслажденія, чѣмъ чтеніе новой комедіи. Но въ тоже время авторъ ея представляетъ мнѣ осуществленіе того идеала художника, о которомъ я давно мечталъ. Гоголь въ моихъ глазахъ не подходилъ подъ этотъ идеалъ. Давно я мечталъ о такомъ художникѣ, давно я просилъ Бога послать намъ такого поэта, который бы изобразилъ намъ человѣка совершенно объективно, совершенно искренно, математически вѣрно дѣйствительности. И вотъ такой поэтъ явился. Признаюсь откровенно, что услыхавъ въ первый разъ новую комедію, я очень больно себя ущипнулъ, дабы увѣриться, сплю я или нѣтъ, во снѣ или на яву слушаю комедію, до такой степени натуральную; во снѣ или на яву вижу предъ собой такого художника, котораго давно ожидала вселенная, по которомъ давно тосковала она.

(Хоръ пристально смотритъ на молодого человѣка).

Прохожій. Мнѣ кажется, молодой человѣкъ, что характеристика Гоголя, которую вы здѣсь представили, не полна, односторонняя. Дѣйствительно поэзія Гоголя изобилуетъ того рода художественными гиперболами и тѣмъ лирическимъ юморомъ, о которыхъ вы распространялись. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ. Но развѣ въ этомъ

Digitized by Google

юморѣ, въ этихъ гиперболахъ весь Гоголь? развѣ поэзія его постоянно преувеличиваетъ дѣйствительность? развѣ Гоголь не умѣетъ рисовать дѣйствительности вѣрно, такъ какъ она есть? Вспомните, сколько создано имъ лицъ, у которыхъ ни въ характерѣ, ни въ разговорѣ вы не найдете ни малѣйшей утрировки. Вспомните Осипа, Тараса Бульбу, Андрія, Акакія Акакіевича; вспомните, что у Гоголя есть даже цѣлыя повѣсти, въ которыхъ дѣйствующія лица, всѣ до одного, нарисованы съ необыкновеннымъ спокойствіемъ и необыкновенною вѣрностью, безъ малѣйшей тѣни преувеличенія: вспомните «Коляску», вспомните «Старосвѣтскихъ помѣщиковъ». Итакъ согласитесь со мной, что талантъ Гоголя состоитъ нетолько въ умѣньи утрировать и въ лирическомъ юморѣ, но и въ вѣрности изображенія дѣйствительности. Если вы согласитесь со мной въ этомъ пунктѣ, то должны будете согласиться со мной и въ томъ, что Гоголь выше автора новой комедіи. (Молчаніе.) Вы сказали, что авторъ новой комедіи умѣетъ математически вѣрно изображать дѣйствительность, а Гоголь выпукло выставлять людскую пошлость, художественно утрировать. Но какъ теперь открылось, изъ моихъ словъ, что Гоголь кромѣ того умѣетъ такъ же какъ и авторъ новой комедіи вѣрно изображать дѣйствительность и утрировать, а авторъ новой комедіи умѣетъ только вѣрно изображать дѣйствительность, а утрировать не умѣетъ, слѣдовательно знаетъ только штуку, слѣдовательно ниже Гоголя, который знаетъ двѣ штуки.

Молодой человѣкъ. Вы отчасти правы. Дѣйствительно, у Гоголя создано много такихъ лицъ, въ которыхъ нѣтъ ничего преувеличеннаго, которыя вѣрны дѣйствительности, но все-таки дѣйствующія лица новой комедіи вѣрнѣе ихъ дѣйствительности: они конкретнѣе, они еще болѣе похожи на людей, чѣмъ лица созданныя Гоголемъ. Они въ отношеніи своей живости и конкретности относятся къ героямъ Гоголя, какъ картина, нарисованная красками, относится къ картинѣ нарисованной тушью.

Всѣ. Въ чемъ же состоитъ эта конкретность дѣйствующихъ лицъ новой комедіи?

Молодой человѣкъ. Въ ихъ языкѣ. Вспомните, какимъ языкомъ говорятъ даже тѣ лица Гоголя, которыя не утрированы. Неужели у него лакеи говорятъ точь вточь такимъ языкомъ, какимъ говорятъ купцы, и т. д. Содержаніе ихъ рѣчей, ихъ мысли совершенно приличны каждому изъ нихъ, но имъ дана не та самая оболочка, которую они должны имѣть. Въ ихъ языкѣ мало выражаются особенности сословій. Они также говорятъ какъ дѣйствующія лица «Каменнаго гостя» Пушкина. Языкъ ихъ переводный. Кстати замѣчу здѣсь, что и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина дѣйствующія лица говорятъ не своимъ языкомъ. Примѣромъ тому служатъ «Борисъ Годуновъ» и «Каменный гость». Чтожъ по вашему мнѣнію вѣрнѣе природѣ! новая комедія или «Каменный гость».

Молодой человѣкъ. Разумѣется новая комедія. Каменный гость», вопервыхъ уже потому хуже новой комедіи, что въ немъ есть несооб-

разности, которыхъ въ ней нѣтъ. Такъ въ немъ является и говоритъ статуя командора, а статуя вѣдь ходить и говорить не можетъ; кромѣ того въ ней еще тотъ недостатокъ, что дѣйствующія лица не конкретны въ отношеніи къ языку. Ихъ языкъ можно перевести покаковски вамъ угодно, и они отъ этого ничего не потеряютъ. Новая же комедія непереводима.

Хоръ. Ну, а Шекспира можно переводить?

Молодой человѣкъ. Можно, но отъ того его произведенія и ниже новой комедіи.

Хоръ. Что-о-о?

Молодой человѣкъ. Ничего. (*Скрывается.*)

Хоръ. Вотъ каковы нынѣче молодые люди!

Любитель слав. древн. Вотъ до чего довела ихъ натуральная школа.

Несмотря на то, что Эрастъ Благонравовъ предупреждалъ читателей, что онъ не раздѣляетъ всѣхъ убѣжденій, которыя высказываютъ дѣйствующія лица его фантазіи, даровитая шутка привела тогдашнюю критику въ совершенное остервененіе. Но какъ сначала ни недоумѣвала, какъ по появленіи шутки Эраста Благонравова ни остервенилась критика, все-таки она должна была согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ. Она признала (добрая, великодушная критика!), что явился новый талантъ — сильный, свѣжій и наиболѣе близкій къ таланту, нынѣ давно уже спящему въ могилѣ, къ таланту первенствовавшему тогда по всѣмъ правамъ. Бѣдная критика! Вотъ именно въ этомъ-то, въ этой-то близости къ Гоголю она тогда ошиблась и ошибается «даже до сего дня».

«Новое слово» ускользнуло отъ опредѣленій старой критики, ускользнуло съ самаго начала и съ этого-то пункта началась настоящая исторія новаго литературнаго явленія.

Комедію «Свои люди сочтемся» критика еще могла какъ-нибудь, хотя и съ великими натяжками, связать съ мудрыми заключеніями своими обо всемъ предшествовавшемъ въ литературѣ и съ еще болѣе мудрыми гаданіями насчетъ будущаго. Вся послѣдующая дѣятельность Островскаго такъ уходила изъ подъ этихъ заключеній, какъ расколы изъ подъ общей византійской нормы и поневолѣ должна была разсердить критику, задѣть больныя ея мѣста, коснуться самыхъ ветхихъ ея построекъ.

И критика стала въ очевидно-комическое положеніе къ новому явленію. Появилась «Бѣдная Невѣста», а она ждала совсѣмъ не того послѣ комедіи «Свои люди сочтемся». Еще прежде Островскій разсердилъ критику отсутствіемъ всякой желчи, всякой рѣзкости линій, всякой выпуклости въ маленькихъ, простенькихъ, и надобно

Digitized by Google

сказать правду, весьма милыхъ сценахъ, извѣстныхъ подъ именемъ «неожиданнаго случая», отъ которыхъ совершенно напрасно отрекся авторъ, издавая полное собраніе своихъ сочиненій... Эту безпритязательно-простую и между тѣмъ психологически-тонкую шутку даровитаго человѣка критика встрѣтила воплями на безцвѣтность выведенныхъ въ ней характеровъ, упреками за слабость пружинъ, двигающихъ въ ней отношенія или въ переводѣ на прямой языкъ: осердилась на то, что отношенія, сами по себѣ легкія, художникъ очеркнулъ легко, что характеры вывелъ онъ безосновные и безсодержательные, не выдумалъ гиперболическаго узла, не отнесся съ ядовитою насмѣшкою къ такимъ беззлобнымъ и безкровнымъ существамъ, какъ выведенные имъ Розовый и Дружининъ.

Но съ появленія «Бѣдной Невѣсты» критика положительно стала сердиться на лица, выводимыя поэтомъ, на манеру отношеній поэта къ изображаемому имъ быту, т.-е. на самый бытъ, гостепріимно растворившій передъ ней свои широкія двери въ созданіяхъ поэта. Критика постоянно становилась то въ положеніе Мерича или даже Милашина, то въ положеніе Виктора Аркадьевича Вихорева, и жены Маломальскаго или даже тетушки, набравшейся въ Таганкѣ образованія. Становясь на ихъ точки зрѣнія, она винила Хорькову въ неблагородствѣ поступковъ; Русакова и Бородкина хотѣла увѣрить, что они не существуютъ или покрайней-мѣрѣ существовать не должны.

«Бѣдность не порокъ», самая смѣлая, хотя и не самая оконченная изъ драмъ Островскаго, озлобила дряхлую критику, озлобила и на друга ея, Гордея Карповича и на врага ея, Любима Торцова. Гордей Карповичъ, каковъ онъ ни на есть, все-таки представитель стремленій къ образованію, все-таки въ нѣкоторомъ родѣ человѣкъ, стремящійся выдти изъ грубаго и критикѣ совершенно непонятнаго быта, желающій «всякую моду подражать». Любимъ Карповичъ въ глазахъ критики былъ только пьяница и ничего больше. Его стремленій выдти изъ «метеорскаго» званія, войти снова въ семью, имѣть честный кусокъ хлѣба, жить побожески, поземски; его раскаянія, его порывовъ критика не хотѣла и не могла оцѣнить: трагическая сторона его положенія отъ нея ускользнула. На Митю критика осердилась за то, что Богъ создалъ его съ даровитою, нѣжною и простой душою; Любовь Гордеевну опять обвинила за отсутствіе личности, какъ прежде Марью Андреевну. На второй актъ комедіи озлобилась критика за то, что авторъ безъ церемоніи ввелъ публику въ самый центръ нравовъ, обычаевъ, веселья того быта, который онъ изображаетъ, ввелъ съ любовью, съ благоговѣніемъ къ святынѣ народной жизни. Ложное положеніе критики дошло до крайности

Digitized by Google

при появленіи драмы «Не такъ живи какъ хочется». Какъ ни стоитъ здѣсь выполненіе ниже геніальнаго замысла, все-таки замыселъ просвѣчиваетъ въ скудномъ очеркѣ выполненія и замыселъ этотъ уже совершенно былъ непонятенъ критикѣ. Кромѣ того критика начала изъявлять неудовольствіе на языкъ, или по ея выраженію на жаргонъ, которымъ писаны драмы Островскаго. Она и въ самомъ дѣлѣ наивно была увѣрена, что языкъ въ комедіяхъ Островскаго — мѣстный провинціализмъ, странность, нѣчто вродѣ пейзанскаго жаргона, употребляемаго напримѣръ Мольеромъ въ «Le Médecin malgré lui», въ «Le festin de Pierre» и другихъ пьесахъ. Чего же хотѣла критика? Чтобы лица драмъ Островскаго говорили не языкомъ ихъ быта? Да вѣдь это противорѣчило бы эстетическимъ положеніямъ всякой критики, даже и той, о которой въ настоящую минуту много припоминается; да и Островскій притомъ художникъ такого рода, которому типы, при самомъ ихъ созданіи, предстаютъ не иначе какъ съ своимъ языкомъ каждый: иначе для него типъ и не мыслимъ.

Съ неудовольствіемъ на жаргонъ драмъ Островскаго тѣсно связано было неудовольствіе на самый бытъ, имъ изображаемый. Собственно, критика сама не знала чего хотѣла. При появленіи «Бѣдной Невѣсты» раздались ея сѣтованія, что Островскій оставилъ бытъ, который онъ такъ мастерски изображаетъ; потомъ она вопіяла на то, что этотъ бытъ говоритъ своимъ языкомъ, имѣетъ свои, ей невѣдомые нравы, представляетъ свои типы, которые она не желала видѣть выводимыми, и въ несуществованіи которыхъ она такъ жарко хотѣла убѣдить и себя и другихъ. Непереносенъ былъ ей тотъ бытъ, употребляя выраженіе комедій Островскаго — непереносенъ его языкъ, непереносны его типы; вотъ и вся разгадка. Не было критикѣ дѣла ни до какихъ эстетическихъ вопросовъ.

«Новое слово!» употребляю теперь съ нѣкоторою гордостью это выраженіе, высокопарность котораго выкуплена легкомысленнымъ или недобросовѣстнымъ посмѣяніемъ, которому оно подверглось, — новое слово! вотъ коренная основная причина негодованія старой критики на писателя, которому по всему праву, по общему признанію массы, принадлежитъ, не смотря на его недавнее появленіе, не смотря на многіе недостатки, несомнѣнное первенство во всей драматической нашей литературѣ.

Съ 1847 до 1855 года (я беру пока все еще одну первую эпоху дѣятельности Островскаго) Островскій написалъ всего только девять произведеній, и изъ нихъ только пять значительныхъ по объему и шесть по содержанію. Только четыре изъ нихъ давались на

Digitized by Google

театрѣ, но эти четыре, прямо говоря, создали народный театръ; частію создали, частію выдвинули впередъ артистовъ, пробудили общее сочувствіе всѣхъ классовъ общества, измѣнили во многихъ взглядъ на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы неподозрѣвали и которые тѣмъ не менѣе не сомнѣнно существуютъ, съ отношеніями въ высшей степени новыми и драматическими, съ многоразличными сторонами русской души и глубокими, и трогательными, и нѣжными, и разгульными сторонами, до которыхъ никто еще не касался. Право гражданства литературнаго получило множество яркихъ опредѣленныхъ образовъ, новыхъ, живыхъ созданій въ мірѣ искуства и все это прошло безъ урока для критики. Талантъ уже породилъ толпу подражателей, и грубыя подраженія въ родѣ «Жениха изъ ножевой линіи» печатались въ ея же журналахъ, а она продолжала глумиться надъ новымъ словомъ таланта.

А между тѣмъ, «новое слово» Островскаго было ни болѣе ни менѣе какъ народность, слово собственно уже старое, ибо стремленій къ народности начались въ литературѣ нашей не съ Островскаго, но дѣйствительно новое, — потомучто въ его дѣятельности опредѣлилось оно точнѣе, яснѣе и проще, хотя безъ сомнѣнія еще неокончательно.

Я знаю очень хорошо, что слово народность, хоть оно слава-богу мной и не придумано, еще не объясняетъ загадочнаго явленія, вопервыхъ потому, что оно слишкомъ широко, а вовторыхъ потому, что само еще требуетъ объясненія. Вѣдь и сатирикъ можетъ быть народенъ, да еще какъ! Примѣръ, въ великомъ поэтѣ Аристофанѣ, великомъ поэтѣ, которому не оставалось быть ничѣмъ инымъ какъ сатирикомъ посреди жизни когда-то цѣльной и прекрасной, но въ его время разлагавшейся; примѣръ въ Грибоѣдовѣ, великомъ и страстномъ поэтѣ, которому еще не во что было вкоренить идеалы души, который былъ отторгнутъ общимъ развитіемъ верхнихъ слоевъ общества отъ почвы, отъ народа, и тѣмъ же самымъ развитіемъ высоко поставленъ надъ поверхностью этихъ верхнихъ слоевъ общества...

Я народность противуположилъ чисто сатирическому отношенію къ нашей внутренней бытовой жизни, слѣдовательно я подъ народностію въ Островскомъ разумѣлъ объективное, спокойное, чисто поэтическое, а не напряженное, не отрицательное, не сатирическое отношеніе къ жизни; положимъ, (что я прежде всего поспѣшилъ высказать), что и творчество и строй отношеній къ жизни и манеру изображенія, свойственныя Островскому, считаю я совершенно различными отъ таковыхъ же Гоголя.

Digitized by Google

Все-таки народность — понятіе очень широкое и тѣмъ менѣе объясняющее дѣло начисто, что наши собственныя отношенія къ самому этому понятію, т. е. къ народности, весьма шатки и неопредѣленны. Да вдобавокъ еще, у насъ народность бранное слово, т. е. не въ смыслѣ ругательнаго слова, а въ смыслѣ слова битвы, лозунга брани-битвы, кажется единственной въ лѣтописяхъ умственныхъ браней человѣчества. Въ Германіи только разъ въ краткій періодъ, который называется Sturm und Drang и въ который Клопштокъ и его друзья возобновляли клятвы древнихъ германцевъ передъ ирминовымъ дубомъ, въ Германіи только разъ мысль отстаивала народность своего народа, но вѣдь тамъ это скоро и кончилось, а у насъ вопросу о народности и конца какъ-то не предвидится. Не за то мы въ немъ боремся, за что боролись Клопштокъ и его друзья: тѣ свое дѣло скоро и отстояли, потомучто дѣло-то самое была борьба не за сущность народной жизни, а противъ условныхъ формъ чужеземнаго французскаго искуства. Кабы наше дѣло было такое же, мы бы давно его выиграли и сдали въ архивъ. Да не такое оно — это наше дѣло. Вѣдь даже клятвы передъ ирминовымъ дубомъ представляютъ только внѣшнее сходство съ ношеніемъ нѣкоторыми изъ насъ народной, да еще старой народной одежды: глубже и существеннѣе основы самаго внѣшняго нашего донкихотства, такъ что языку тяжело подняться даже и назвать донкихотствомъ то что внутренно считаешь почти необходимымъ, хотя и внѣшнимъ... Тяжолый вопросъ для насъ всѣхъ эта народность, вопросъ чрезвычайно мудреный и какъ жизнь сама — ироническій. Вѣдь вы посмотрите, — я не хочу еще пока залѣзать въ глубь, указывать на то чѣмъ онъ начинался и чѣмъ кончается, — вы посмотрите на то что вокругъ насъ, что теперь дѣлается. «Русскій Вѣстникъ», нѣкогда точившій ядъ на народность, съ теченіемъ временъ становился все милостивѣе и милостивѣе къ вопросу о народности, а по выдѣленіи изъ его центральнаго единства кружка, основавшаго Атеней и павшаго (но увы! не со славою, а безъ славы), — все болѣе и болѣе лишался своего антинаціональнаго цвѣта и нынѣ, къ немалому удивленію всѣхъ насъ, является поборникомъ народности въ жизни, искуствѣ и наукѣ, печатаетъ лирическія выходки въ пользу народности Н. В. Берга и отстаиваетъ развѣ только свою нелюбовь къ русской одеждѣ, да и то, я думаю, чтобы не совсѣмъ отступиться отъ своего первоначальнаго цвѣта. Почему не ожидать послѣ этого обращенія къ народности... ну хоть бы самого «Современника». «Ничего! можно!» какъ говоритъ Антипъ Антипычъ Пузатовъ...

Но прежде всего для насъ и для читающей публики долженъ я

Digitized by Google

точнѣе опредѣлить смыслъ, въ которомъ принимаю слово: народность литературы.

Какъ подъ именемъ народа разумѣется народъ въ обширномъ смыслѣ и народъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ равномѣрно разумѣется это и подъ народностію литературы.

Подъ именемъ народа въ обширномъ смыслѣ разумѣется цѣлая народная личность, собирательное лицо, слагающееся изъ чертъ всѣхъ слоевъ народа, высшихъ и нисшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ, лицо, слагающееся разумѣется не механически, а органически, носящее общую типическую характерную физіономію, физическую и нравственную, отличающую его отъ другихъ, подобныхъ ему собирательныхъ лицъ. Что такая личность слагается органически, а не механически, это я кажется напрасно и прибавилъ. Государства, какъ Австрія, могутъ слагаться механически, народы никогда: они могутъ быть плохіе народы, но никогда небываютъ сочиненные народы.

Подъ именемъ народа въ тѣсномъ смыслѣ разумѣется та часть его, которая наиболѣе, сравнительно съ другими, находится въ непосредственномъ неразвитомъ состояніи.

Литература бываетъ народна въ обширномъ смыслѣ, когда она въ своемъ міросозерцаніи отражаетъ взглядъ на жизнь, свойственный всему народу, опредѣлившійся только съ большею точностью, полнотою и такъ-сказать художественностью въ передовыхъ его слояхъ; когда въ типахъ она отражаетъ равно образные, но общіе, присущіе общему сознанію, сложившіеся цѣльно и полно типы или стороны народной личности; въ формахъ — красоту по народному пониманію, выработавшемуся до художественности представленія, будь это красота греческая, итальянская, фламандская, все равно; въ языкѣ — весь общій языкъ народа, развившійся на основаніи его коренныхъ этимологическихъ и синтаксическихъ законовъ, слѣдовательно не языкъ-касты съ одной стороны, не языкъ мѣстностей съ другой. Чтобы не оставить и малѣйшаго повода къ недоразумѣніямъ, должно прибавить, что подъ передовыми слоями народа разумѣю я тоже не касты и не слои случайно выдвинувшіеся, а верхи самосущнаго народнаго развитія, ростки, которые сама изъ себя дала жизнь народа.

Въ тѣсномъ смыслѣ литература бываетъ народна, когда она, или 1) принаровляется къ взгляду, понятіямъ и вкусамъ неразвитой массы для ея воспитанія или 2) изучаетъ эту массу, какъ terram incognitam, ея нравы, понятія, языкъ, какъ нѣчто особенное, диковинное, чудное, ознакомливая со всѣмъ этимъ особеннымъ и чуднымъ развитые и можетъ-быть пресытившіеся развитіемъ слои. Во всякомъ

Digitized by Google

случаѣ, въ томъ или въ другомъ, существованіе такого рода народной литературы предполагаетъ историческій фактъ разрозненности въ народѣ, предполагаетъ то обстоятельство, что народное развитіе шло не путемъ общимъ, цѣльнымъ, а раздвоеннымъ.

Перваго рода народность есть то что на точномъ и установившемся языкѣ цивилизаціи зовется nationalité; второго рода то, что на немъ же въ неслишкомъ давнія времена получило опредѣленный терминъ: populairté, littérature populaire.

Въ первомъ смыслѣ народность литературы, какъ національность, является понятіемъ безусловнымъ, въ самой природѣ лежащимъ.

Во второмъ народная литература, какъ littérature populaire, есть нѣчто относительное, нѣчто обязанное своимъ происхожденіемъ болѣзненному въ извѣстной степени состоянію общественнаго организма и притомъ вовсе не искуство, которое прежде всего свободно и никакихъ внѣшнихъ, поучительныхъ, воспитательныхъ, научныхъ и соціальныхъ цѣлей не допускаетъ. Народная литература въ этомъ т.-е. въ тѣсномъ смыслѣ относится не къ художеству, а къ педагогикѣ или естественной исторіи.

Опредѣленія эти какъ вы видите просты и ясны въ ихъ логической постановкѣ. Но опять таки логическая постановка не жизненная постановка. Въ жизни нашей они, эти простыя опредѣленія, страшно запутались. Повидимому нечего бы кажется и доказывать простую истину, что литература всякая, а слѣдственно и наша, чтобы быть чѣмъ-нибудь, чтобы не толочь воду, не толкаться попусту, должна быть народна, т.-е. національна, равно какъ другія искуства, равно какъ наука, равно какъ жизнь, а вѣдь къ этому результату простому какъ дважды-два четыре мы только-что понемногу приходимъ послѣ многихъ и, надобно признаться, безобразныхъ споровъ о томъ, что дважды-два четыре, а не стеариновая свѣчка.

Съ другой стороны, дѣло въ высшей степени простое и ясное, что народная литература въ тѣсномъ смыслѣ является и вслѣдствіе пресыщенія цивилизаціей, какъ крестьянскіе романы Занда, деревенскіе расказы Ауэрбаха и въ XIX вѣкѣ служатъ отчасти повтореніемъ стремленій Жанъ Жака Руссо къ дикимъ, или какъ у насъ, такая литература есть выраженіе насущной потребности сблизить два разрозненныхъ развитія въ народномъ организмѣ. Въ дѣйствительности опять-таки это понятіе запуталось до того, что только безсердечные и безучастные къ жизни эстетики могутъ быть въ отношеніи къ нему послѣдовательны, могутъ отозваться съ высоты эстетическаго величія объ этой литературѣ и въ ихъ эстетическомъ

Digitized by Google

величін выскажется для всякаго тупое равнодушіе къ великимъ вопросамъ жизни, если еще не что либо худшее.

Вотъ тутъ подите и ставьте логическія опредѣленія, если вы человѣкъ изъ плоти и крови...

Ясно напримѣръ, что говоря о народности по отношенію къ Островскому или объ Островскомъ, какъ о народномъ писателѣ, я употребляю слова: народность, народный въ смыслѣ словъ: національность, національный.

Но вѣдь на этомъ смыслѣ слова многіе не помирятся и будутъ правы, что не помирятся. Островскій, скажутъ, конечно писатель, берущій содержаніе своей дѣятельности изъ извѣстнаго быта, народнаго въ тѣсномъ, а не въ обширномъ смыслѣ слова, быта неразвитыхъ слоевъ общества. Или, скажутъ мнѣ далѣе, вы считаете Островскаго народнымъ писателемъ въ смыслѣ писателя изъ народнаго быта, или вы самый этотъ бытъ, изъ котораго Островскій беретъ содержаніе для своего творчества, зовете единственно, исключительно, покрайней-мѣрѣ преимущественно народнымъ.

Прежде чѣмъ отвѣчать на эти вопросы прямо и положительно, я попрошу позволенія обыслѣдовать ихъ отрицательнымъ способомъ, какъ легчайшимъ для вразумленія, и спрошу: можно ли причислять Островскаго къ категоріи писателей изъ народнаго быта въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли называть такъ хоть бы напримѣръ гг. Григоровича, Потѣхина и другихъ?

Изъ прямого сопоставленія дѣятельности Островскаго съ ихъ дѣятельностью очевидна окажется несообразность такого сопоставленія.

Писателей изъ народнаго быта, спеціально посвятившихъ себя воспроизведенію этого быта въ литературѣ, было у насъ до сихъ поръ два рода.

Одни, и это были первые, поступившіе и наиболѣе прославившіеся, какъ-будто заѣзжіе иностранцы представляли публикѣ свои записныя книжки, куда вносили чудныя, странныя рѣчи, описанія чудныхъ, странныхъ нравовъ и т. д. Таковъ г. Григоровичъ, о которомъ въ наше время даже и критической статьи не напишешь, ибо все что можно о немъ сказать дѣльнаго выражается въ немногихъ словахъ: то, въ чемъ онъ большой мастеръ — изображеніе петербургской мелочной и суетной жизни и анализъ болѣзни нравственнаго лакейства, столь же мало стоило художественной разработки, какъ очерки жизни дамъ петербургскаго полусвѣта, предметъ постоянной и любимой дѣятельности другого, тоже даровитаго писателя, г. Панаева. Въ томъ же что стоило художественной разработки, въ изображеніи типовъ и нравовъ крестьянскаго

Digitized by Google

быта г. Григоровичъ не только что не мастеръ, а заѣзжій иностранецъ. Онъ не владѣетъ даже языкомъ синтаксически свободно, и единственная критика на него была бы — переводъ любой изъ его страницъ, яко бы народныхъ разговоровъ на простой и свободный народный языкъ. Что касается до типовъ, то всѣ они сочинены по Жоржъ-Занду, да и вся-то дѣятельность г. Григоровича на этомъ поприщѣ пошла отъ Жоржъ-Занда. Тѣмъ только разнится отъ Занда г. Григоровичъ, что Занда всюду, даже въ самыхъ ложныхъ ея произведеніяхъ по этой части, занимаетъ человѣкъ, анализъ души человѣческой, а г. Григоровичъ чисто ландшафтный живописецъ, да и то не съ широкой кистью, и людскія фигурки у него большею частію поставлены для украшенія ландшафта. Прибавьте къ этому однообразную до противности дѣланность произведеній г. Григоровича, и вы поймете нѣкоторое отвращеніе, которое дѣятельность этого, впрочемъ весьма даровитаго въ другихъ отношеніяхъ сочинителя, возбуждала и возбуждаетъ въ людяхъ, знающихъ народный бытъ не послуху. Вообще это пейзанская, а не народная литература. Несомнѣнное благородство стремленій и важность впервые поднятыхъ вопросовъ относятся уже къ гражданскимъ, а не къ поэтическимъ заслугамъ.

Другого рода писатели, выступившіе послѣ, были уже полными хозяевами въ изображаемомъ ими быту, были чистые спеціалисты или пожалуй жанристы, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, какъ г. Максимовъ, или въ худшемъ какъ г. Потѣхинъ. Послѣдній можетъ быть очевиднымъ доказательствомъ того, какъ крайность художественнаго спеціализма или жанризмъ въ худшемъ смыслѣ этого слова противорѣчитъ понятію объ искуствѣ, и его же дѣятельность, запечатлѣнная все-таки нѣкоторымъ и даже пожалуй сильнымъ талантомъ, обличающая не то что простое знакомство съ изображаемымъ имъ бытомъ, а непосредственное съ нимъ сліяніе, его же дѣятельность, сопоставленная и сравненная съ дѣятельностью Островскаго, освѣщаетъ эту послѣднюю яркимъ свѣтомъ. Г. Потѣхинъ, поступившій въ своихъ первыхъ, грубыхъ какъ и всѣ послѣдующія, но оригинальныхъ по содержанію и характерамъ, повѣстяхъ полнымъ хозяиномъ языка и нравовъ избранной имъ сферы, въ драмахъ своихъ сталъ какъ спеціалистъ, какъ жанристъ, развивать общія народныя задачи, или мотивы Островскаго. Островскій написалъ «Не въ свои сани не садись», г. Потѣхинъ увлекся отношеніемъ отца и дочери, и далъ публикѣ «Людской судъ — не божій», гдѣ типъ Русакова перевелъ жанръ въ какого-то самодура; судьбу дочери въ печальную мелодраму, общедоступное патетическое въ отвратительный вой кликушки.

Островскій въ личности Петра Ильича тронулъ нѣсколькими художественными чертами размашистую до безпутства широту русской натуры. Г. Потѣхинъ, поэтическій, хотя только слегка тронутый поэтомъ типъ Петра Ильича изуродовалъ въ непутномъ мужикѣ, три акта пьянствующемъ и наконецъ въ четвертомъ доходящемъ съ пьяныхъ глазъ до уголовщины, въ драмѣ (!) «Чужое добро въ прокъ нейдетъ», а всѣхъ женщинъ Островскаго обратилъ въ бабъ, бабъ кликушъ, бабъ плакальщицъ, бабъ завывальщицъ. Никто не заподозритъ меня конечно въ томъ, чтобы я съ презрѣніемъ эстетиковъ-аристократовъ употреблялъ слова: мужикъ и баба: я хотѣлъ только указаніемъ на жанризмъ пояснить дѣятельность Островскаго. Его типы не жанръ, не спеціальность быта, не мужики, не бабы, хотя по мѣстамъ, гдѣ это нужно, мужики даже, еще спеціальнѣе ямщики, бабы разнаго рода: бабы холды, бабы плакущія являются у него съ своею особенною физіономіею. У него русскіе люди и русскія женщины въ ихъ наиболѣе общихъ опредѣленіяхъ, въ ихъ существенныхъ чертахъ, являются какъ типы, а не какъ жанръ.

Опять обращаясь къ фактамъ, породившимъ эти разсужденія и до сихъ поръ еще повторяющимся въ нелѣпыхъ толкованіяхъ новой драмы нашего поэта, я указываю какъ на больное мѣсто современныхъ теорій, на толки о дѣятельности Островскаго. Сколько времени эта чисто уже свободная и со всѣми своими недостатками цѣлостная, органическая, живая дѣятельность ускользала изъ подъ ножа теорій, не поддавалась ихъ опредѣленіямъ, была за это преслѣдуема, во все непризнаваема или полупризнаваема. Явился наконецъ остроумный человѣкъ, который втиснулъ ее въ такія рамки, что стало возможно помирить сочувствіе къ ней съ сочувствіемъ къ интересамъ и теоріямъ минуты, и она перестала выбиваться изъ общей колеи кары и обличенія. Совершилось на глазахъ читателей одно изъ удивительнѣйшихъ превращеній. Драматургъ, котораго обвиняли иногда безъ основаній, иногда съ основаніями, во множествѣ недостатковъ, недодѣлокъ и недосмотровъ; писатель, которому въ одной изъ нахальнѣйшихъ статей одного погибшаго журнала отказывали въ истинномъ талантѣ, которому въ другой, не менѣе нахальной, хотя болѣе приличной статьѣ другого журнала, совѣтовали преимущественно думать и думать, драматургъ вдругъ превратился изъ народнаго драматурга въ чистаго сатирика, обличителя самодурства, но зато положительно былъ оправданъ отъ всѣхъ обвиненій. Всѣ вины взвалены были на «Темное царство», сатирикъ же явился рѣшительно безупречнымъ.

Повернетъ ли онъ круто, чтобы какъ-нибудь свести концы ха-

Digitized by Google

рактера какого-либо лица; оставитъ ли онъ какое драматическое положеніе въ видѣ намека; недостанетъ ли у него вѣры въ собственный замыселъ и смѣлости довершить по народному представленію то что зачалось по народному представленію, — виноватъ не онъ, виновато «Темное царство», котораго безобразій онъ каратель и обличитель. Что за нужда, что прилагая одну эту мѣрку, вы урѣзываете въ писателѣ его самыя новыя, самыя существенныя свойства, пропускаете или не хотите видѣть его положительныя, поэтическія стороны; что нужды, что вы заставляете художника идти въ его творчествѣ не отъ типовъ и ихъ отношеній, а отъ вопросовъ общественныхъ и юридическихъ. Мысль взятая за основаніе сама по себѣ вѣрна. Вѣдь опять повторяю, не относится же драматургъ къ самодурству и безобразію изображаемой имъ жизни съ любовью и нѣжностью; неотносится — такъ стало-быть относится съ казнію и обличеніемъ. Ergo pereat mundus, fiat justitia, общее правило теоретиковъ, дѣйствуетъ во всей силѣ и дѣйствительно разрушается цѣлый міръ, созданный творчествомъ, и на мѣсто образовъ являются фигуры съ ярлыками на лбу: самодурство, забитая личность и т. д. Зато Островскій становятся понятенъ, т.-е. теорія можетъ вывести его дѣятельность какъ логическое послѣдствіе изъ дѣятельности Гоголя.

Гоголь изобличилъ нашу на показъ выставляемую, такъ-сказать офиціальную дѣйствительность; Островскій подымаетъ покровы съ нашей таинственной, внутренней, бытовой жизни, показываетъ главную пружину, на которой основана ея многосложная машина — самодурство, самъ даетъ даже это слово для опредѣленія своего безцѣннаго Кита Китыча...

Чтоже?

Ужель загадку разрѣшили,
Ужели слово найдено?

то слово, которое непремѣнно несетъ съ собою и въ себѣ Островскій, какъ всякій истинно замѣчательный, истинно народный писатель?

Ежели такъ, то найденное слово не должно бояться никакой повѣрки, тѣмъ болѣе повѣрки жизнью. Ежели оно правильно, то всякую повѣрку выдержитъ. Ежели оно правильно, то изъ-подъ его широкой рамки не должны выбиваться никакія черты того міра, къ которому оно служитъ ключомъ. Иначе, оно или вовсе невѣрно или вѣрно только на половину: къ однимъ явленіямъ подходитъ, къ другимъ не подходитъ. Позволяю себѣ предложить разомъ всѣ недоумѣнія и вопросы, возникающіе изъ приложенія слова къ явленіямъ — шагъ за шагомъ, драма за драмою.

Digitized by Google

1) Что правильное, народное сочувствіе, нравственное и гражданское въ «Семейной картинѣ», не на сторонѣ протестантокъ Матрены Савишны и Марьи Антиповны — это, я полагаю, несомнѣнно, хотя изъ несочувствія къ нимъ нравственнаго народнаго сознанія, не слѣдуетъ сочувствія къ самодурству Антипа Антипыча Пузатова и его матери къ ханжеству и гнусности Ширялова. Но какъ изображено самодурство Антипа Антипыча: съ злымъ ли юморомъ сатирика или съ наивною правдою народнаго поэта — это еще вопросъ.

2) «Свои люди сочтемся», прежде всего картина общества, отраженіе цѣлаго міра, въ которомъ проглядываютъ многоразличныя органическія начала, а не одно самодурство. Что человѣческое сожалѣніе и сочувствіе остается по ходу драмы за самодурами, а не за протестантами — это даже и не вопросъ, хотя съ другой стороны не вопросъ же и то, что Островскій не ставилъ себѣ задачею возбужденія такого сочувствія. Нѣтъ! онъ только не былъ сатирикомъ, а былъ объективнымъ поэтомъ.

3) Что въ «Утрѣ молодого человѣка» — дѣло говоритъ самодуръ дядя, а не протестантъ-племянникъ, тоже едвали подлежитъ сомнѣнію.

4) Міръ «Бѣдной невѣсты» изображонъ съ такою симпатіею поэта и такъ мало въ немъ сатирическаго въ изображеніи того что могло бы даже всякому другому подать поводъ къ сатирѣ, что нужна неимовѣрная логическая натяжка для того чтобы сочувствовать въ этомъ мірѣ не высокой, приносящей себя въ жертву долгу, покоряющейся женской натурѣ, а одной только погибшей, хотя и дѣйствительно богатой силами личности Дуни, какъ поступилъ Добролюбовъ. Дуня, созданіе большого мастера и какъ всякое созданіе истиннаго художества, носитъ въ себѣ высоконравственную задачу, но задача-то эта съ простой, естественной, а не съ теоретической, насильственной точки зрѣнія заключается вовсе не въ протестѣ. Въ Дунѣ правильнымъ образомъ сочувствуетъ масса не ея гибели и протесту, а тѣмъ лучшимъ качествамъ великодушія, которыя въ ней уцѣлѣли въ самомъ паденіи, тому высокому сознанію грѣха, которое свѣтится въ ней, той покорности жребію, которая въ ея сильной, широкой и размашистой натурѣ цѣнится вдвое дороже, чѣмъ въ натурѣ, менѣе страстной и богатой.

Такъ, покрайней-мѣрѣ дѣло выходитъ съ точки зрѣнія простого смысла и простого чувства, а по ученому — такъ не знаю: выйдетъ можетъ быть и иначе. О томъ, какъ вся манера изображенія и весь строй отношеній къ дѣйствительности въ «Бѣдной невѣстѣ» противорѣчитъ манерѣ Гоголя и его строю, я еще здѣсь и не говорю. Я

Digitized by Google

беру только самое очевидное, понятное, такое, въ чемъ теоретическій масштабъ положительно, на всякіе глаза расходится съ настоящимъ дѣломъ.

5) Въ комедіи «Не въ свои сани не садись» никакими разсужденіями вы не добьетесь отъ массы ни пониманія вреда отъ самодурства почтеннаго Максима Федотыча Русакова, ни сочувствія къ чему-либо иному, кромѣ какъ къ положенію того же Русакова, къ простой и глубокой любви Бородкина и къ положенію бѣдной дѣвушки, увлеченной простотой своей любящей души, да совѣтами протестантки тетушки (1).

6) «Бѣдность не порокъ» не сатира на самодурство Гордѣя Карпыча и опять-таки, какъ «Свои люди сочтемся» и «Бѣдная невѣста», поэтическое изображеніе цѣлаго міра съ весьма разнообразными началами и пружинами. Любимъ Торцовъ возбуждаетъ глубокое сочувствіе не протестомъ своимъ, а могучестью, соединенной съ высокимъ сознаніемъ долга, съ чувствомъ человѣческаго достоинства, уцѣлѣвшими и въ грязи, съ глубокаго своего раскаянія, искреннею жаждою жить честно побожески, поземски. Любовь Гордѣевна, одинъ изъ прелестнѣйшихъ, хоть и слегка очерченныхъ женскихъ образовъ Островскаго — не забитая личность, возбуждающая только сожалѣніе, а высокая личность, привлекающая все наше сочувствіе, какъ незабитыя личности ни Марья Андреевна въ «Бѣдной невѣстѣ», ни пушкинская Татьяна. Бытъ, составляющій фонъ широкой картины, взятъ на всякіе глаза, кромѣ глазъ теоріи, не сатирически, а поэтически, съ любовью, съ симпатіею очевидными, скажу больше — съ религіознымъ культомъ существенно народнаго. За это даже вооружались на Островскаго во дни оны. Поэтическое, т.-е. прямое, а не косвенное отношеніе къ быту и было камнемъ притыканія и соблазна для присяжныхъ цѣнителей Островскаго, причиною ихъ въ отношеніи къ нему ложнаго положенія, изъ котораго думалъ вывести ихъ всѣхъ Добролюбовъ.

7) Набросанный очеркъ широкой народной драмы: «Не такъ живи какъ хочется», столь мало — сатира, что въ изображеніи главнаго самодура старика, Ильи Ильича, нѣтъ и тѣни комизма. Въ Петрѣ Ильичѣ далеко не самодурство существенная сторона характера. Въ созданіи Груши и даже ея матери видѣнъ для всякаго, кромѣ теоретиковъ, народный поэтъ, а не сатирикъ. Груша въ осо-

(1) Комедія «Не въ свои сани не садись» даже явно страждетъ въ художественномъ отношеніи рѣзкостью нелицепріятнаго сочувствія къ земскому быту и никакія теоретическія натяжки этого не прикроютъ.

Digitized by Google

бенности есть лицо, изображенное положительно, а не отрицательно, изображенное какъ нѣчто живое и долженствующее жить.

8) Еслибы самодурство Кита Китыча было одною цѣлью изображенія въ комедіи «Въ чужомъ пиру похмѣлье», — общественный смыслъ этой комедіи не былъ бы такъ широкъ, каковъ онъ представляется въ связи ея съ «Доходнымъ мѣстомъ», съ «Праздничнымъ сномъ», съ сценами «Не сошлись характеромъ». Что Китъ Китычъ самодуръ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, но такого милѣйшаго Кита Китыча создалъ поэтъ а не сатирикъ, какъ не сатирикъ создалъ Фольстафа. Вѣдь вамъ жаль разставаться съ Китомъ Китычемъ, вы желали бы видѣть его въ различныхъ подробностяхъ его жизни, въ различныхъ его подвигахъ. Да и смыслъ-то комедіи не въ немъ. Комедія эта, вмѣстѣ съ исчисленными мною другими, захватываетъ дѣло глубже идеи самодурства, представляетъ отношеніе земщины къ чуждому и невѣдомому ей офиціальному міру жизни. Надъ Китомъ Китычемъ масса смѣется добродушнѣйшимъ смѣхомъ. Горькое и трагическое, но опять-таки не сатирическое лежитъ на днѣ этой комедіи и трехъ послѣдующихъ, — въ идеѣ нашей таинственной и какъ тайна страшной, затерявшейся гдѣ-то и когда-то жизни. Горькое и трагическое въ судьбѣ тѣхъ, кого называетъ карасями Досужевъ «Доходнаго мѣста», благороднѣйшая личность, которой практическій ея героизмъ не указываетъ иного средства жить самому и служить народу, какъ писать прошенія, со вставленіемъ всѣхъ орнаментовъ. Горькое и трагическое въ томъ, что «царь Фараонъ изъ моря выходитъ», «и что эта Литва, она къ намъ съ неба упала.» Горькое и трагическое въ томъ, что ученье и грамота сливаются въ представленіи отупѣлой земщины съ тѣмъ, что отдали мальчика въ ученье, а ему глазъ и выкололи; въ томъ, что земщина, въ лицѣ глупаго мужика Кита Китыча, предполагаетъ въ Сахарѣ Сахарычѣ власть и силу написать такое прошеніе, по которому можно троихъ человѣкъ въ Сибирь сослать, и въ лицѣ умнаго мужа Неуѣденова, справедливо боится всего что не она, земщина; въ наивномъ письмѣ Серафимы Карповны къ мужу: «Что я буду значить, когда у меня не будетъ денегъ? тогда я ничего не буду значить? Когда у меня не будетъ денегъ, я кого люблю, а меня напротивъ того не будутъ любить. А когда у меня будутъ деньги, я кого полюблю и меня будутъ любить, и мы будемъ счастливы!» Вотъ въ чемъ истинно-горькое и закулисно-трагическое этого міра, а не въ самодурствѣ. Самодурство — это только накипь, пѣна, комическій отсадокъ; оно разумѣется изображается поэтомъ комически, да какъ же иначе его и изображать? — но не оно ключь къ его созданіямъ!

Digitized by Google

Для выраженія смысла всѣхъ этихъ изображаемыхъ художникомъ съ глубиною и сочувствіемъ странныхъ, затерявшихся гдѣ-то и когда-то жизненныхъ отношеній — слово самодурство слишкомъ узко, и имя сатирика, обличителя-писателя отрицательнаго, весьма мало идетъ къ поэту, который играетъ на всѣхъ тонахъ, на всѣхъ ладахъ народной жизни, который создаетъ энергическую натуру Нади, страстно-трагическую задачу личности Катерины, высокое лицо Кулибина, Грушу, отъ которой такъ и пышетъ жизнью и способностью жить съ женскимъ достоинствомъ, въ «Не такъ живи какъ хочется», старика Агафона въ той же драмѣ съ его безграничною, какой-то пантеистическою, даже на тварь простирающеюся любовью.

Имя для этого писателя, для такого большого, несмотря на его недостатки, писателя — не сатирикъ, а народный поэтъ. Слово для разгадки его дѣятельности не «самодурство», а «народность». Только это слово можетъ быть ключомъ къ пониманію его произведеній. Всякое другое, какъ болѣе или менѣе узкое, болѣе или менѣе теоретическое, произвольное, стѣсняетъ кругъ его творчества. Всякимъ другимъ словомъ теорія какъ-будто хочетъ сказать ему: вотъ въ этой колеѣ ты намъ совершенно понятенъ, въ этой колеѣ мы тебя узаконяваемъ, потомучто въ ней ты идешь къ той цѣли, которую мы предписываемъ жизни. Дальше не ходи. Если ты прежде пытался ходить, мы тебя такъ-и-быть прощаемъ, мы наложимъ на твою дѣятельность мысль, которую мы удачно сочинили для ея поясненія и обрѣжемъ или скроемъ все что выходитъ изъ подъ ея уровня!

Чѣмъ же объяснить это, какъ не тѣмъ, что теоретики искали слова для загадочнаго явленія, нашли его по крайнему разумѣнію и включили Островскаго въ область фактовъ, поясняющихъ и подтверждающихъ ихъ начала? Что касается до эстетиковъ; они хвалили Островскаго за литературное поведеніе; съ большимъ вкусомъ, хотя не самостоятельно, указали на блестящія его стороны, да тѣмъ и ограничились. Явленіе же само осталось неразгаданнымъ, необъясненнымъ, почти-что такимъ же, какимъ оно было лѣтъ за восемь назадъ. Ни значеніе, ни особенность поэтической дѣятельности автора «Грозы», нисколько не опредѣлились, да и не могли опредѣлиться при такомъ воззрѣніи, которое видѣло не міръ, художникомъ создаваемый, а міръ, заранѣе начертанный теоріями, и судило міръ художника не по законамъ, въ существѣ этого міра лежащимъ, а по законамъ, сочиненнымъ теоріями.

Появленіе «Грозы» въ особенности обличило всю несостоятельность теоріи. Одними сторонами своими эта драма какъ-будто и

Digitized by Google

подтверждаетъ остроумныя идеи автора «Темнаго царства», но зато съ другими сторонами ея теорія рѣшительно не знаетъ что дѣлать; онѣ выбиваются изъ ея узкой рамки, онѣ говорятъ совершенно не то что говоритъ теорія.

Вотъ что скажетъ народъ! думалъ я, выходя изъ ложи въ коридоръ послѣ третьяго дѣйствія «Грозы», закончившагося искреннѣйшимъ взрывомъ общаго восторга и горячими вызовами автора.

Впечатлѣніе сильное, глубокое, и главнымъ образомъ положительно общее произведено было не вторымъ дѣйствіемъ драмы, которое хотя и съ нѣкоторымъ трудомъ, но все-таки можно еще притянуть къ карающему и обличительному роду литературы, а концомъ третьяго, въ которомъ (концѣ) рѣшительно ничего иного нѣтъ, кромѣ поэзіи народной жизни, смѣло, широко и вольно захваченной художникомъ въ одномъ изъ ея существеннѣйшихъ моментовъ, не допускающихъ нетолько обличенія, но даже критики и анализа: такъ этотъ моментъ схваченъ и переданъ поэтически, непосредственно. Вы не были еще на представленіи, но вы знаете этотъ великолѣпный по своей смѣлой поэзіи моментъ — эту небывалую доселѣ ночь свиданія въ оврагѣ, всю дышащую близостью Волги, всю благоухающую запахомъ травъ широкихъ ея луговъ, всю звучащую вольными пѣснями, забавными тайными рѣчами, всю полную обаянія страсти веселой и разгульной и не меньшаго обаянія страсти глубокой и трагически-родовой. Это вѣдь создано такъ, какъ будто не художникъ, а цѣлый народъ создавалъ тутъ. И это-то именно было почувствовано массою.

Между-тѣмъ было бы все-таки несправедливо не сказать, что дѣятельность нашего поэта представляется какъ-будто раздвоенною, что Островскій въ «Бѣдной невѣстѣ», въ «Не такъ живи какъ хочется» положительно не подходитъ никакими своими сторонами подъ начала теоріи Добролюбова и что Островскій въ комедіяхъ: «Въ чужомъ пиру похмѣлье», «Доходное мѣсто», «Не сошлись характеромъ», «Воспитанница», наконецъ въ самой «Грозѣ» многими сторонами какъ-будто вызвалъ теорію о «Темномъ царствѣ», и только крайняя искренность и горячая смѣлость послѣдователей Добролюбова могла такъ рано обличить несостоятельность теоріи.

Другими словами, обличеніе, во внутренней бытовой сторонѣ нашей жизни міра самодурства, тупоумія, забитости и проч., неприложимое нисколько къ одному разряду произведеній Островскаго, прилагается съ большимъ успѣхомъ ко второму. Я думаю даже такъ, что Добролюбовъ хотя и односторонне, но логически вѣрно вывелъ теорію изъ внимательнаго изученія многихъ и притомъ весьма яркихъ сторонъ второго разряда комедій и потомъ, увлечен-

Digitized by Google

ный страстью къ логическимъ выводамъ quand même, вопреки самой жизни, подвелъ подъ логическій уровень и комедіи перваго разряда: иначе этого насилованія и объяснить себѣ невозможно. Не предполагать же со стороны критика, т. е. общественнаго разъяснителя, обязаннаго своимъ званіемъ искать серьозно правды и серьозно же передавать результаты своихъ исканій — не предполагать же, говорю я, сознательную, намѣренную уловку, деспотическое желаніе заставить жизнь и ея явленія жить, на зло ихъ собственному существу, по законамъ теоріи? Или ужь всѣ теоретики по натурѣ безсознательно деспоты, и обо всякомъ изъ нихъ можетъ быть сказано въ извѣстномъ отношеніи то что пушкинскій Мазепа говоритъ о Карлѣ XII:

Какъ полкъ, вертѣться онъ судьбу
Заставить хочетъ барабаномъ!

Видно такъ! но какъ бы то ни было, а передъ нами все-таки неразъясненное, даже, какъ кажется по приведенному мною раздѣленію словъ — раздвоенное, противорѣчащее само себѣ явленіе; передъ нами дѣло, переходившее нѣсколько инстанцій, въ каждой рѣшенное различнымъ образомъ, и само повидимому подавшее поводъ къ такимъ различнымъ рѣшеніямъ.

Чтоже это такое? Въ самомъ ли дѣлѣ Островскій, начиная съ комедіи «Въ чужомъ пиру похмѣлье», идетъ инымъ путемъ, а не тѣмъ, которымъ онъ пошолъ послѣ первой своей комедіи въ «Бѣдной невѣстѣ» и другихъ произведеніяхъ. И который изъ этихъ двухъ путей указывало ему его призваніе, если два пути дѣйствительно были; а они, эти два пути, являются необходимо, если только принять за объясненіе дѣятельности Островскаго теорію Добролюбова? И въ которомъ изъ двухъ первыхъ, равно капитальныхъ произведеній Островскаго, равно широко обнимающихъ изображенные въ нихъ міры: въ «Свои люди сочтемся» или въ «Бѣдной невѣстѣ» выразилось въ особенности призваніе Островскаго, его задача, его художественно-общественное слово? И наконецъ точно ли есть въ дѣятельности нашего перваго и единственнаго народнаго драматурга раздвоеніе?.. Вотъ вопросы, которые необходимо требуютъ разрѣшенія, а между тѣмъ нисколько не разрѣшены, а скорѣе запутаны теоріей, и безъ разрѣшенія которыхъ Островскій остается, повторяю опять, все-таки загадочнымъ, непонятнымъ явленіемъ, какъ въ тѣ дни, когда выраженіе: «новое слово», употребленное вашимъ покорнѣйшимъ слугою по поводу «Бѣдной невѣсты», возбуждало такія глумленія въ петербургскихъ критикахъ.

Я доселѣ смотрю на «Бѣдную невѣсту» какъ на одно изъ капи-

Digitized by Google

тальнѣйшихъ созданій нашего поэта, какъ на прототипъ одного ряда его драмъ. Недаромъ при своемъ появленіи эта великая драма была встрѣчена такою, хоть и тупою, но азартною враждою старой критики и умственнаго западничества.

Какъ ни было несправедливо отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, каковы бы ни были дѣйствительные недостатки въ экономіи постройки самой драмы, все-таки изъ литературы 1852 года уцѣлѣетъ и останется одно только: «Бѣдная Невѣста». Отъ этого положенія не можетъ въ настоящую минуту отречься и та близорукая критика, которая, придираясь къ разнымъ мелкимъ недостаткамъ или даже просто недосмотрамъ въ комедіи, не замѣтила самаго важнаго, самаго существеннаго недостатка въ художественномъ отношеніи, недостатка экономіи въ планѣ и въ подробностяхъ. Задачи, замыслы произведенія такъ широко, такъ можно-сказать блестяще раскинулись передъ самымъ художникомъ; явились ему такъ благородными и такъ говорящими сами за себя, что онъ пренебрегъ ради ихъ симетричностью постройки, что даже, драматургъ по свойству своего таланта, онъ забылъ во многихъ случаяхъ объ условіяхъ драматизма и нѣкоторымъ сторонамъ своей концепціи далъ эпическое развитіе, нѣкоторыя же черты выразилъ даже лирически. Можетъ быть также, увлеченный благородствомъ и новостью своихъ задачъ, авторъ не выносилъ ихъ достаточно въ душѣ, не далъ имъ дозрѣть до надлежащей полноты и ясности представленія, но во всякомъ случаѣ «Бѣдная невѣста» свидѣтельствовала о силѣ таланта, находящейся въ извѣстномъ броженіи, въ необузданномъ состояніи, а никакъ не о безсиліи его. Крайне несправедливое отношеніе критики къ новому произведенію Островскаго, было еще тогда живо почувствовано самымъ парадоксальнымъ, но вмѣстѣ самымъ образованнымъ и самымъ умнымъ изъ нашихъ тогдашнихъ критиковъ, Иногороднымъ подпищикомъ.

«Приступая къ разбору «Бѣдной невѣсты», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, я долженъ сказать, что смотрю на это произведеніе не тѣми глазами, которыми привыкъ смотрѣть на всѣ драматическія и белетрическія произведенія, являвшіяся въ нашихъ журналахъ съ самаго начала моихъ писемъ о журналистикѣ. Еслибъ наши періодическія изданія представляли публикѣ хоть разъ въ треть года по одному подобному произведенію, тонъ моихъ писемъ былъ бы совершенно иной, и взглядъ мой на журналистику измѣнился бы радикально. И вотъ почему я, хваля г. Островскаго, гляжу на него какъ на товарища лучшихъ русскихъ и иностранныхъ комиковъ, а вовсе не какъ на сверстника современныхъ намъ петербургскихъ и московскихъ художниковъ». Вслѣдствіе этого иногородный подпищикъ съ

Digitized by Google

весьма справедливымъ смѣхомъ и негодованіемъ замѣчаетъ, что «въ Петербургѣ о немъ (объ Островскомъ) отозвались такъ же, какъ отозвались недавно о г-жѣ Туръ, авторѣ романа «Племянница», и что благодаря критикѣ и нашему блистательному драматургу долго придется прогуливаться изъ Харибды въ Сциллу, то витая въ обществѣ міровыхъ поэтовъ, то опускаясь въ лимбы, гдѣ копошатся, шумятъ, теряются, прославляются, царапаются, сплетничаютъ и забываются публикою наши современные художники мужескаго и женскаго пола.»

Я напомнилъ эту замѣчательную выходку самаго умнаго изъ критиковъ той эпохи, потомучто подобная насмѣшка вполнѣ была заслужена критикою, которая тономъ покровительства объявляла за новость, что у Островскаго есть талантъ, которая спрашивала кто такое Меричъ: «человѣкъ не кончившій курса? Слушатель лекцій, вѣчно собирающійся держать экзаменъ? Чиновникъ низшихъ инстанцій или купеческій сынокъ?» которая находила пятый актъ «Бѣдной невѣсты» совершенно излишнимъ, намѣренно ли не понимая всей его необходимости въ концепціи автора или возвращая на сцену давно забытыя правила трехъ единствъ; которая наконецъ въ этомъ самомъ актѣ не замѣтила, кого бы вы думали? Дуни! не догадалась, что Дуня при своемъ самостоятельномъ, высоко-поэтическомъ значеніи необходима кромѣ того и для пополненія личности Беневоленскаго.

Вся сила въ томъ, что критика при тупости своей была еще зла на особенность міросозерцанія, выразившуюся въ драмѣ. Особенность этого міросозерцанія въ отношеніи къ событію и къ положенію всего лучше и очевиднѣе можетъ быть доказана путемъ отрицательнымъ. Что увидѣли бы въ событіи и въ положеніи прежнія, весьма недавнія впрочемъ школы, господствовавшія до Островскаго въ русской литературѣ, т. е. школа фальшивой образованности и школа сентиментальнаго натурализма? Школа фальшивой образованности приняласъ бы за это положеніе съ своей обычной точки зрѣнія. Дѣло извѣстное:

Но вотъ среди толпы густой
Мелькаетъ быстро передъ вами
Ребенокъ робкій и нѣмой
Съ большими, грустными глазами;
Ребенокъ... Ей пятнадцать лѣтъ,
Но за собой она невольно
Влечетъ васъ... за нее вамъ больно
И страшно... бѣдный, томный цвѣтъ
Лица — печальный слѣдъ сомнѣній,
Тревожныхъ, раннихъ размышленій,

Digitized by Google

Тоски неопытныхъ страстей
И взглядъ внимательный — все въ ней
Намъ говоритъ о самовластной
Душѣ... Ребенокъ бѣдный мой!
Ты будешь женщиной несчастной...
Но я не плачу надъ тобой...

Это выписанное мною изъ бывалой тургеневской дѣятельности прекрасное лирическое мѣсто, составляетъ тѣмъ неменѣе образецъ того фальшиваго міросозерцанія, съ которымъ самые талантливые люди одной литературной школы отнеслись бы къ положенію Марьи Андреевны. Характеръ они также мало бы сознали своимъ міросозерцаніемъ, какъ мало обозначенъ онъ въ пьесѣ Островскаго, даже несравненно меньше, но взглядъ былъ бы таковъ. Вслѣдствіе этого въ обстановкѣ явился бы не Меричъ, а господинъ, который былъ бы пожалуй и также пустъ, но котораго пустоту оправдывалъ бы явно авторъ общими язвами современности; Милашина не было бы, потомучто въ Милашинѣ многимъ колетъ глаза правда міросозерцанія автора; и Хорьковъ вышелъ бы пожалуй и пьющимъ же съ горя человѣкомъ, но съ самыми грубыми и необразованными наклонностями, совершенно неспособнымъ понять деликатную и *чистоплотную* натуру Марьи Андреевны (conditio sine qua non выставить чистоплотность какъ рѣдкое качество), и мать Марьи Андреевы вышла бы не та и отношеніе къ ней Марьи Андреевны было бы не такое. Въ доказательство, что я говорю не наугадъ, а на основаніи данныхъ прошедшаго, могъ бы я привести бездну повѣстей старыхъ годовъ, но всего лучше подтверждаетъ эту мысль то, что критикѣ этой школы именно хотѣлось, чтобы Марья Андреевна полюбила не Мерича, а хорошаго человѣка, потому, изволите видѣть, что въ такомъ случаѣ она внушила бы больше симпатіи. Бѣдная критика и не догадалась въ своей наивности, что еслибы комедія Островскаго писалась по ея теоріи и вообще по заданной напередъ темѣ, то тотъ же самый Меричъ могъ бы быть выданъ авторомъ за весьма хорошаго человѣка, за одного изъ тѣхъ безчисленныхъ героевъ, по которыхъ страдаютъ, сохнутъ, умираютъ злой чахоткой героини безчисленныхъ повѣстей и романовъ. Или вышла бы другая исторія: тотъ же Меричъ изображенъ былъ бы такъ карикатурно, какъ во многихъ повѣстяхъ изображались монше-ры, не обладающіе великимъ искуствомъ одѣваться comme il faut и расчесывать волоса съ проборомъ назади, и метался бы въ глаза всѣмъ, даже упомянутой нами критикѣ. Что касается до добрѣйшаго Платона Марковича Добротворскаго, то онъ, какъ одно изъ орудій гибели Марьи Андреевны, явился бы такимъ карика-

Digitized by Google

турнымъ звѣремъ, что боже упаси. Вообще же положеніе Марьи Андреевны было бы взято такъ, что она непремѣнно погибла бы и задохлась окончательно въ самой пьесѣ, среди грубой и грязной дѣйствительности, какъ погибаютъ разныя героини «превращеній» и другихъ повѣстей въ этомъ родѣ: фактъ, опять удободоказываемый тѣмъ, что критикѣ этой школы особенно не понравился психологическій выходъ натуры Марьи Андреевны въ пятомъ актѣ, совершенно излишнемъ по ея мнѣнію.

Съ другой стороны сентиментальный натурализмъ, все участіе зрителя насильственно сосредоточилъ бы на лицѣ Платона Марковича, внушилъ бы ему глубокую, слезливую, безсознательную и въ особенности *приличную* старику страсть къ Марьѣ Андреевнѣ, какъ въ «Холостякѣ» Мошкину, и подъ конецъ выдалъ бы за него замужъ Марью Андреевну съ разбитымъ подразумѣвается сердцемъ.

Ни того, ни другого не сдѣлалъ Островскій: онъ не пощадилъ Мерича, не идеализировалъ Добротворскаго и избѣгъ даже еще крайности, въ которую не мудрено было впасть всякому, оскорбленному неправильнымъ отношеніемъ разныхъ школъ къ дѣйствительности, не идеализировалъ самой дѣйствительности, обставляющей характеръ Марьи Андреевны. Съ равнымъ разумнымъ участіемъ отнесся онъ и къ положенію своей героини, и къ положенію напримѣръ ея матери, и къ положенію Хорькова и къ положенію Дуни и т. д. Этимъ-то такъ и благородны, такъ широки и такъ новы его задачи, хотя и не во всѣхъ частяхъ выполнены равно удовлетворительно. Самая неудовлетворительность, и преимущественно техническая неудовлетворительность выполненія произошла едвали не отъ того, что для автора на первомъ планѣ стояли задачи. Имъ онъ пожертвовалъ драматизмомъ въ двухъ первыхъ актахъ, чтобы почти эпически спокойными и какъ-будто нѣсколько вяло тянущимися подробностями ввести насъ въ бытъ и отношенія изображаемаго имъ міра; имъ уступилъ онъ и въ нѣсколько лирически, а не драматически-патетической сценѣ пятаго акта между Меричемъ и Марьей Андреевной, въ ея обращеніи къ Меричу... Поздно Владиміръ Васильичъ, поздно... и т. д. Но такой недостатокъ, являясь дѣйствительно недостаткомъ на судѣ строгой эстетической критики, заставляетъ какъ-то читателя искреннѣе сочувствовать произведенію, въ которомъ присутствіе субъективности автора не скрыло тѣхъ задачъ, которыя ее самое тревожили.

Лицо Марьи Андреевны подверглось нарѣканіямъ за отсутствіе въ немъ характера. Марья Андреевна точно — скорѣе положеніе чѣмъ лицо, но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не видѣть, что при такой молодости лѣтъ ей еще нѣкогда было выработать опредѣленной

Digitized by Google

личности, а при окружающей ея обстановкѣ, и не откуда было взять элементовъ для опредѣленія личности. Марья Андреевна представляетъ собою общій процесъ женскаго сердца въ ту эпоху, когда женщина вся состоитъ только изъ побужденій и неопредѣленныхъ стремленій; а между тѣмъ у ней есть натура, изъ которой, какъ будетъ она постарше, выработается настоящая, славная женская личность; это показываетъ многое, между прочимъ ея жажда искренней любви, ея благородное сознаніе собственнаго достоинства, ея честный взглядъ на вещи... Кромѣ того, она не мечтательница, не резонерка, не одно изъ тѣхъ неминуемо гибнущихъ въ дѣйствительности, по бывалому представленію нашихъ романистовъ и драматурговъ существъ, которыхъ всѣ достоинства существуютъ только въ изображеніи ихъ сочинителей. Марья Андреевна, хоть она не вполнѣ еще сложилась нравственно, даже пожалуй вовсе не сложилась, есть натура живучая, способная понять правду жизни, смыслъ ея и настоящее дѣло, натура, не вооружающаяся даже на окружающую ее сферу, ибо сама она, со всѣми страстными задатками ея организаціи, все-таки продуктъ этой жизненной сферы. Милашина возмущаетъ Добротворскій, а ее не возмущаетъ: она видитъ въ немъ добраго человѣка даже въ ту минуту, когда ей крайне несносны заботы о скорѣйшемъ устройствѣ ея участи. Меричу отдалась она со всею непосредственностью и свѣжестью души, — но и тутъ она не отрѣшается отъ настоящей жизни — она даже безпокоитъ этого господина тѣмъ, что старается завести съ нимъ рѣчь о близкихъ къ дѣлу интересахъ. Но съ другой стороны, не одни впечатлѣнія окружающей сферы быта дѣйствовали на ея страстную и воспріимчивую натуру: внутренній міръ ея создался подъ вліяніемъ впечатлѣній другой сферы, подъ вліяніемъ чтенія, подъ вліяніемъ идей, которыя живутъ въ воздухѣ и какъ воздухъ приходятъ въ какой бы то ни было замкнутый и особый мірокъ. Этимъ можно оправдать даже ея мѣстами книжную рѣчь. Что касается наконецъ до психологическаго выхода ея характера, то этотъ выходъ могъ показаться насильственнымъ только развѣ тупой критикѣ. Очевидно всякому, что словами: «Я хочу жить, я имѣю право на счастье...» авторъ не хотѣлъ ни поднять свою героиню на ходули, ни навязать своей комедіи ложное или пошлое примиреніе, а только хотѣлъ быть вѣрнымъ передавателемъ душевнаго процеса такихъ натуръ какъ натура Марьи Андреевны, натуръ нескоро впадающихъ въ апатію разочарованія, добивающихся отъ жизни правды; очевидно также и то, что авторъ не дѣлитъ съ своей Марьей Андреевной надежды на моральное возвышеніе Максима Дорофеевича Беневоленскаго; очевидно, по его же указаніямъ — по всему слѣдующему за сценою V акта (Марья

Digitized by Google

Андреевны съ Меричемъ) до конца комедіи, что разобьются такія надежды, хотя подлежитъ большому сомнѣнію, чтобы разбилась или обмельчала натура его героини.

Дѣйствительность, окружающая Марью Андреевну — матерьяльно очень бѣдная, а нравственно весьма не далекая. На ознакомленіе насъ съ этой обстановкою Островскій употребилъ, какъ мы уже замѣтили, не драматическія, а эпическія средства: много лишнихъ подробностей, которыя сами по себѣ прекрасны взятыя отдѣльно, но ходу драмы не содѣйствуютъ, вошло сюда. Зато мы знаемъ хорошо Анну Петровну, знаемъ Дарью, знаемъ Хорькова, знаемъ Добротворскаго, знаемъ однимъ словомъ этотъ особенный, совершенно московскій, даже замоскворѣцкій міръ мелкаго чиновничества, изображенный безъ малѣйшей злобы и задней мысли. Нельзя неостановиться съ удовольствіемъ на отношеніи автора къ матери Марьи Андреевны и къ матери Хорькова; принимая самое сильное участіе въ своей героинѣ, авторъ однако ничѣмъ не пожертвовалъ этому участію; вы напримѣръ негодуете на Милашина, пристающаго къ Марьѣ Андреевнѣ съ полнымъ и притворнымъ участіемъ въ тяжкую и рѣшительную минуту ея жизни, но ни разу не негодуете на Анну Петровну, даже тогда, когда она попрекаетъ дочь въ неблагодарности, когда она настоятельно требуетъ, чтобы та шла замужъ за Беневоленскаго: жаль вамъ Марьи Андреевны, да чтожъ и старухѣ-то дѣлать? Женщина она слабая, сырая; кромѣ того ей втемяшилась въ голову idea fixa, какъ это безъ мужчины въ домѣ? и домъ-то еще у нея оттягиваютъ. Не далека она — это точно что не далека, да вѣдь она любитъ свою Машеньку, вѣдь въ концѣ она сама чувствуетъ, что что-то неладно: «Признаться сказать, скоренько дѣло-то сдѣлали, кто его знаетъ, въ него не влѣзешь.» Однимъ словомъ нѣтъ возможности сердиться читателю на бѣдную старуху, когда ни авторъ, ни сама Марья Андреевна на нее не сердятся.

Подъ пару этому глуповато-доброму существу старикъ Платонъ Марковичъ Добротворскій, лицо вполнѣ живое и типическое, къ которому опять авторъ отнесся необыкновенно правильно и человѣчно. Это ничего, что онъ поцѣлуетъ въ рукавъ Максима Дорофеича Беневоленскаго, это ничего, что онъ добродушно замѣтитъ, говоря о лошадкѣ Максима Дорофеича «Ахъ проказникъ вы, проказникъ, Максимъ Дорофеичъ! да вѣдь чай не купленная». Абсолютныхъ понятій о честности вы отъ него и не требуйте, но вѣдь онъ трогательно привязанъ къ семьѣ своего благодѣтеля, онъ бѣгаетъ по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, отыскивая жениха Машѣ, онъ скажетъ ей отъ души по своему разумѣнію доброе слово («Свистуны вѣдь они матушка, никакой основательности нѣтъ. Не вѣрьте

Digitized by Google

вы имъ. Нынче любятъ, а завтра разлюбятъ.») Онъ прежде всего заботится о тишинѣ и мирѣ, но между тѣмъ, когда дѣло идетъ объ участи Маши, которая устроилась по его мнѣнію благополучно, онъ даже Беневоленскому, къ которому относится съ уваженіемъ и съ нѣкоторою лестью, скажетъ основательно, боясь за старыя его шашни: «Чтожъ вы, отецъ мой, у меня съ Марьей-то Андреевной дѣлаете? Вы эдакъ у меня ее уморите, сердечную... А ужъ вы, батюшка, эти глупости оставьте.» Добрый, добрый старикъ, хоть и не далеко онъ видитъ. Онъ совершенно подъ пару Аннѣ Петровнѣ, и правъ былъ авторъ, что къ нимъ обоимъ отнесся такъ человѣчно.

Иное отношеніе къ матери Хорькова, тоже мастерски задушанному и мастерски выполненному лицу. Тутъ уже авторъ видимо относится со смѣхомъ къ претензіямъ полуобразованности; читателю больно за бѣднаго Хорькова въ сценѣ его объясненія съ Марьей Андреевной, гдѣ Хорькова его такъ-сказать получиваетъ. Еще яснѣе обозначается для васъ эта женщина въ третьемъ актѣ, когда она съ такимъ яднымъ злорадствомъ приходитъ къ матери Марьи Андреевны, чтобы вылить на бѣдную дѣвушку лужу сплетенъ. Вамъ очевидно, что она вломалась въ амбицію, и что если такая женщина вломается въ амбицію, такъ тутъ только держись. Вамъ ясно, каково должно быть ея вліяніе на натуру сына и какіе слѣды на его душѣ должно было оставить это вліяніе.

Самъ Хорьковъ, опять скорѣе положеніе, чѣмъ лицо, точно такъ же, какъ и Марья Андреевна, положеніе, слишкомъ великодушно брошенное авторомъ на драму, когда оно само могло послужить предметомъ драмы, но положеніе, котораго наиболѣе яркія стороны набросаны кистью мастера. Какъ ни неудовлетворительно впечатлѣніе, получаемое отъ малоразвитыхъ его отношеній къ матери и къ Марьѣ Андреевнѣ, но все-таки эта «любовь изъ-за угла» удалыхъ натуръ слишкомъ сосредоточенныхъ и сначала запуганныхъ, потомъ попорченныхъ средою жизни; трагическая безысходность его положенія, постоянное недовольство собою и странное разрѣшеніе невыносимаго душевнаго состоянія запоемъ, показываютъ, какъ широка была задача поэта въ созданіи его положенія.

Между прочимъ одинъ изъ тогдашнихъ критиковъ «Бѣдной невѣсты» поставилъ Хорькову въ вину предложеніе Мышкину перехваченныхъ писемъ счастливаго своего соперника. Зачѣмъ было колоть Хорькову глаза счастливымъ соперникомъ, когда онъ не оказалъ къ нему ни ревности, ни зависти, когда онъ сразу оставилъ всѣ свои надежды, и, забывши о себѣ, заботился только о судьбѣ Марьи Андреевны? Вѣдь онъ не о себѣ хлопоталъ, изъ комедіи это

Digitized by Google

ясно; за что же критикъ наводитъ сомнѣніе на его честность? Что это за условный взглядъ на повседеніе? Дѣвушка гибнетъ, опутанная сѣтями подлаго человѣка и ей нельзя подать помощи? Неужели Хорькову, который знаетъ цѣну Меричу, въ подобномъ случаѣ оглядываться съ сомнѣніемъ на свой поступокъ? Ему и въ голову не могло придти, что онъ дѣлаетъ дурно; онъ слишкомъ сильно любилъ Марью Андреевну и слишкомъ мало любилъ себя.

Что касается до лица Беневоленскаго, то созданное совершенно цѣльно и притомъ за разъ, всей натурой вылитое, оно не требуетъ разъясненія отношенія къ себѣ автора. Тутъ нельзя даже указать на какія-либо особенныя черты: все тутъ типично, отъ желанія приобрѣсть образованную жену и вмѣстѣ приобрѣсти органчикъ для обученія канареекъ, до приобрѣтенія хорошей вещички, отъ нечаянно-набѣжавшаго хорошаго человѣка и до расказа о представленіи Роберта, въ которое, загуляви, не попалъ Максимъ Дорофеичъ, отъ возраженія на желаніе Анны Петровны, чтобы мужчина былъ не пьющій: «Конечно... а знаете ли сударыня, я вамъ осмѣлюсь сказать, что въ мужчинѣ даже и это ничего. Какъ ты думаешь, Платонъ Марковичъ, объ этомъ», до зарока не пить, даннаго передъ свадьбой, причемъ читатель остается убѣжденъ, что такой зарокъ данъ только до послѣ-свадьбы, а всего скорѣе только до первой вѣрной оказіи съ «поднесеньева дня». Особенно же хорошъ и просится въ картину Максимъ Дорофеичъ, когда самодовольно деретъ себя за хохолъ, одѣтый женихомъ и стоя передъ зеркаломъ. А между тѣмъ личность Беневоленскаго была бы все-таки не полна безъ Дуни. Несмотря на всю краткость двухъ сценъ, въ которыхъ она является, къ ея личности нельзя прибавить ни одной черты; вся жизнь ея передъ вами какъ на ладони... Напоминать черты Дуни, значитъ выписывать всѣ ея слова, всю сцену ея съ Беневоленскимъ, а равно и первую сцену съ Пашею, или по даннымъ, заключающимся въ этихъ сценахъ, писать исторію этой женщины... Есть слова у Дуни въ высшей степени патетическія: «А все-таки Паша... ты то возьми, лѣтъ пять жили... вѣдь жалко... Конечно не много я отъ него добраго видѣла... больше слезъ, одного сраму что перенесла. Такъ ни за что прошла молодость, и поминать нечѣмъ.» Или ея обращеніе къ Беневоленскому. «Смотри-жъ, живи хорошенько... Эта вѣдь тебѣ навѣкъ, не то что я... Ну прощай, не поминай лихомъ, добромъ нечѣмъ. Что это я, какъ дура расплакалась въ самомъ дѣлѣ? О! махнемъ рукой, Паша, завьемъ горе веревочкой.» Всякій, кто и незнаетъ этого типа женщинъ, почувствуетъ невольно, что это все такъ именно должно сказаться, равно какъ и «адье, мусье», брошенное на прощанье въ

Digitized by Google

порывѣ какой-то размашистой удали завитаго веревочкой горя, равно какъ то, что Дуня издѣваясь, пугаетъ Беневоленскаго прежде: «а хочешь, сейчасъ дебошъ слѣлаю», все, все такъ, отъ ясныхъ намековъ на ея жизнь, когда Беневоленскій пріѣзжалъ къ ней «пьяный да олаберный» до ея ироническаго тона при встрѣчѣ съ нимъ и своего рода благородства въ словахъ: «Ты смотри, не загуби чужого вѣку даромъ. Грѣхъ тебѣ будетъ. Остепенись да живи хорошенько.»

Я не безъ причины останавливался такъ долго на разсмотрѣніи значенія и основъ дѣятельности нашего драматурга.

При появленіи каждаго новаго его произведенія съ легкой руки покойнаго Добролюбова повторяются постоянно одни и тѣ же толки о «темномъ царствѣ».

Они повторились и повторились съ замѣчательной наивностью тупоумія и по поводу драмы «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Достопочтенный другъ мой Косица взялъ на себя трудъ поговорить объ этихъ толкахъ и о томъ насколько эти толки по отношенію къ настоящей драмѣ — ни къ селу ни къ городу.

Мое дѣло поговорить о представленіи, о сценической инкарнаціи драмы.

Прежде всего нельзя не отдать справедливости добросовѣстности *всѣхъ* безъ исключенія нашихъ артистовъ въ отношеніи къ исполненію пьесъ Островскаго. Кто знаетъ какъ мало репетицій у насъ дѣлается, — а ктожъ теперь этого не знаетъ! — тотъ вѣроятно былъ немало удивленъ тою *ровностью* и *приличностью*, съ которой шло первое представленіе. Даже г. Самойловъ понадѣялся не на одну свою даровитость и менѣе обыкновеннаго имѣлъ нужду въ суфлерской будкѣ.

Но, правду сказать, на первый разъ только *ровность* и нѣкоторую *вѣрность* тона и можно было похвалить въ исполненіи. Выдвигались рельефно и окончено только три типа: старикъ-дѣдъ (г. Самойловъ), *образованная* сестра (г-жа Линская), да *Афоня* (г. Горбуновъ). Главнаго героя драмы — того, на комъ сосредоточенъ интересъ, къ кому все тянетъ — Льва Краснова, вовсе не было въ игрѣ г. Бурдина, хотя г. Бурдинъ и выучилъ роль, и пилъ чай съ купеческими манерами, и чуть не плясалъ въ азартѣ въ концѣ драмы. Такія роли, какъ Красновъ, играются *нервами*, а не кровью. Г. Бурдинъ не нашолъ даже того, что въ Красновѣ самыя купеческія манеры не могутъ и не должны быть смѣшны, а черты выдержанности въ характерѣ, солидности человѣка, крѣпко стоящаго на своихъ ногахъ и полнаго гордаго достоинства, г. Бурдинъ вовсе кажется и не замѣтилъ. Обращеніе его съ непріятнымъ гостемъ

Digitized by Google

вышло нелѣпо, а въ сценѣ радости, когда Красновъ увѣряется въ любви жены, онъ возбуждалъ не симпатію, а смѣхъ..

Господа пописывающіе разныя статьи въ защиту театральнаго управленія и театральныхъ посредственностей, опять скажутъ можетъ-быть, что *самъ* авторъ доволенъ исполненіемъ роли артистомъ. Очень можетъ быть, да вопервыхъ до этого никому, а стало быть и мнѣ рецензенту, не можетъ быть дѣла, а вовторыхъ, кто читалъ предисловіе великаго поэта Гюго къ его драмамъ и необузданныя похвалы, расточаемыя имъ въ его поэтическомъ добродушіи разнымъ посредственностямъ театра de la porte St. Martin, тотъ хорошо знаетъ цѣну авторскимъ похваламъ.

Лица не было въ игрѣ г. Бурдина, опредѣленнаго образа, а вѣдь актеръ прежде всего долженъ быть лицедѣй. Скажутъ можетъ-быть: докажите же дескать, *чтмъ* не было лица? Да какъ это доказывать?... Ну, вотъ три сцены, въ которыхъ весь Красновъ выразился — сцена пріема гостя: въ ней г. Бурдинъ нелѣпъ; сцена восторга отъ любви жены — въ ней отъ него смѣялись; сцена бѣшенства и убійства — въ ней онъ только ярился и скакалъ, за недостаткомъ нервовъ. Какъ же съ этимъ быть? Но г. Бурдинъ не виноватъ въ томъ, что Богъ не наградилъ его нервами и не создалъ лицедѣемъ, ни я, критикъ тоже не виноватъ, что иной игры кромѣ игры нервной я не понимаю, да и понимать не хочу.

Г. Бурдинъ и иные — въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, — прекрасные и умные люди, но лицедѣями ихъ Богъ не создалъ, а вѣдь въ сценическомъ дѣлѣ только лицедѣйство и нужно, — до ума и до прекрасныхъ нравственныхъ качествъ никому дѣла нѣтъ. Покойный князь Шаховской хотѣлъ вѣдь актеру Максину свѣчку поставить «только ролей-то, ролей-то бы онъ не бралъ и не портилъ!»

Какъ напримѣръ скажу я, что г-жа Снѣткова 3 была настоящей Татьяной Красновой? Что она вообще очень хороша собою и очень граціозна — это можно сказать, но зачѣмъ она въ этой роли опять Катерину-то изображала? Вѣдь это значитъ всей драмы не понять: вся драма-то на томъ, что Татьяна пустая женщина, такая же пустая, какъ ея сестра, только изъ себя очень хороша. Интересъ не на ней сосредоточенъ, а на ея мужѣ.

Какъ съ другой стороны, въ угоду посредственностямъ чтоли? не скажетъ критикъ, что г. Самойловъ и г-жа Линская создали *типы*, что г. Горбуновъ съ каждымъ представленіемъ глубже и глубже входилъ въ роль Афони и что вѣроятно онъ эту трудную роль доведетъ до того же высокаго художественнаго совершенства какъ роль Кудряша въ «Грозѣ».

Но есть художественныя исполненія, о которыхъ или просто,

Digitized by Google

наивно выражаютъ люди восторгъ, или пишутъ цѣлыя диссертаціи.

Таково было исполненіе роли Краснова г. Васильевымъ 2. Диссертаціи писать мнѣ некогда да и не кчему. Лучшей стороной массы было глубоко почувствовано, что это «игра настоящая», больше еще — что это игра мочаловская, игра, отъ которой забывается сколько-нибудь нервный зритель. Тутъ все было — и глубокое пониманіе характера, и поэзія высокой души, и простота пріема и наконецъ увлеченіе волканическое. Артистъ обыкновеннаго таланта развѣ могъ бы играть такъ сцену радости Краснова, какъ игралъ ее Васильевъ; вѣдь ужь это не игра была, а пламенный, неудержимый порывъ нервной и возвышенной натуры, глубокострастной и раздражительно-нѣжной. А главное то — съ перваго почти появленія Краснова, по гордому достоинству и выдержанности этого человѣка въ сценѣ ли съ родными, въ пріемѣ ли незваного гостя — видѣли вы, что эдакой господинъ жизнью не шутитъ, что если въ душѣ его разразится буря, такъ это будетъ буря настоящая. И точно. Не скакалъ и даже не кричалъ онъ въ послѣдней сценѣ, только глаза у него сверкали зловѣщимъ блескомъ, да судорожно шевелились нервы на физіономіи и когда вышелъ онъ изъ комнаты, гдѣ убійство совершилось, всѣ *повѣрили*, что совершилась точно трагедія!..

Это была настоящая игра трагическаго артиста. Настоящее имя для такой игры — мочаловская игра.

А. ГРИГОРЬЕВЪ

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

Общее положеніе. — Взглядъ на русско-польское дѣло въ Англіи; — во Франціи; — въ Пруссіи; — въ Италіи.

Европа занята теперь почти исключительно русско-польскими дѣлами. Другихъ нѣтъ и разговоровъ въ политическихъ кружкахъ. Какъ идутъ дѣла повстанцевъ? Слышали? они захватили артилерійскій паркъ? Ихъ собралось болѣе 18,000 подъ начальствомъ Мирославскаго, и русскія войска обращены въ бѣгство. Вотъ, подождемъ 18 числа: на этотъ день назначено возстаніе въ Варшавѣ. Правда ли, что прусское правительство заключило съ русскимъ конвенцію, съ цѣлію подавленія возстанія общими силами? Да вѣдь это ужасъ! Это неслыханно! Это возстановленіе священнаго союза! Это возвращеніе къ временамъ варварства. Графъ Россель подтвердилъ въ верхней палатѣ, что есть конвенція. Конечно, онъ имѣетъ съ нея копію, но щадитъ общее положеніе. А читали вы письмо Гарибальди? Къ несчастію, нога его опять стала хуже, а то онъ уже давно сталъ-бы во главѣ движенія. — Такъ-то такъ, но что же скажетъ Австрія? — да опять къ тому же и Пруссія съ своимъ абсолютистскимъ министерствомъ? Хорошо было Мирославскому переважаться и путешествовать съ фальшивымъ паспортомъ, то подъ видомъ торговца шампанскимъ съ ружьями подъ бутылками въ ящикахъ. А для освободителя Италіи это неудобно: онъ не рѣшится прикрыть парикомъ свою лысую голову, знакомую по фотографіямъ всѣмъ въ Европѣ; да и нельзя ему спрятать въ парикъ своего величественно-благосклоннаго взгляда. Этотъ чарующій, приковывающій взглядъ, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ тихой грусти, выдастъ его всякому таможенному сторожу. — Какая однако великолѣпная демонстрація въ Миланѣ! Говорили рѣчи, выражали сочувствіе. — А еще что? денегъ собрали? — Нѣтъ; но зачѣмъ деньги, когда есть сочувствіе? — А слышали? Изъ политех-

Digitized by Google

ической школы бѣжало нѣсколько молодыхъ людей, и говорятъ, прямо въ Польшу. Чего нѣсколько? Сотнями бѣгутъ, тысячами! — Да, правда. Теперь у повстанцевъ, по самымъ послѣднимъ, достовѣрнымъ извѣстіямъ, болѣе ста-тысячъ человѣкъ подъ ружьемъ. — Развѣ подъ оружіемъ, потомучто собственно ружей мало, а все больше косы и пики. — А знаете ли, что коса — прекрасное оружіе. Это говорилъ и неопровержимо доказывалъ самъ Мирославскій на своихъ публичныхъ лекціяхъ. Коса, укрѣпленная на древко прямо, а не подъ угломъ, дѣйствуетъ какъ пика — великолѣпно и въ тоже время чудесно — какъ длинная сабля или вѣрнѣе ятаганъ, котораго остріе сдѣлано на вогнутой, а не на выгнутой сторонѣ... Далѣе слѣдуютъ подробныя соображенія о томъ, какъ удобнѣе вооружать повстанцевъ.

Но всего болѣе, людей, интересующихся политикой, занимаетъ вопросъ, какимъ образомъ осложнится начавшееся движеніе: какъ прямое участіе Пруссіи и невмѣшательство Австріи будетъ принято Англіей, Франціей, австрійскими славянами, сербами, которые готовятся къ чему-то рѣшительному? И въ догадкахъ политическихъ любителей дѣйствительно компликаціи становятся болѣе и болѣе запутанными, почти въ такой-же мѣрѣ, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. И вотъ какого рода представляются соображенія:

Интересы Англіи на востокѣ сталкиваются съ русскими интересами; поэтому ослабленіе Россіи составляетъ для Англіи прямую выгоду. Графъ Россель, умалчивая о текстѣ конвенціи между Россіей и Пруссіей, подъ тономъ безстрастнѣйшаго и спокойнѣйшаго изложенія не могъ скрыть своего удовольствія по поводу нынѣшняго польскаго возстанія. Онъ говорилъ съ величайшимъ знаніемъ дѣла, съ похвалою отозвался о рапортахъ, которые получаются въ его министерствѣ отъ англійскаго консула въ Варшавѣ и далъ понять, что у него есть донесенія о событіяхъ, которыя еще не совершились, а только ожидаются. Въ чемъ именно заключаются эти событія, благородный графъ не сообщилъ верхней палатѣ, чтобы не поставить консула въ затруднительное положеніе, чтобы не лишить его возможности сообщать министерству о ходѣ польскихъ дѣлъ и не возбудить насильственнаго противодѣйствія со стороны правительства или повстанцевъ. Графъ Россель сказалъ, что онъ не знаетъ ничего положительнаго касательно плана и цѣлей возстанія. Онъ не знаетъ, «взрывъ ли это отчаянія, противъ котораго могло бы оказаться успѣшнымъ постороннее вліяніе, или же оно пойдетъ далѣе и приметъ характеръ народнаго движенія.» — Вѣроятно, благородный графъ сказалъ такую неопредѣленную фразу, не имѣющую никакого смысла, для того, чтобы ничего не сказать, какъ своимъ

Digitized by Google

благороднымъ слушателямъ, такъ и цѣлой Европѣ, которая внимательно его слушала. За то онъ не скрылъ своего взгляда на существующія въ царствѣ польскомъ партіи. По его мнѣнію, все народонаселеніе Польши дѣлится на три класа. Одинъ состоитъ изъ значительныхъ землевладѣльцевъ, между которыми есть много образованныхъ людей, заботящихся о своемъ хозяйствѣ и о крестьянахъ. Эти не расположены содѣйствовать какимъ бы то ни было революціоннымъ попыткамъ. Другая часть состоитъ изъ среднихъ городскихъ жителей, промышленниковъ, лавочниковъ и торговцевъ. Третья часть, многочисленнѣйшая — крестьяне. Въ прошедшемъ году, послѣ многихъ демонстрацій въ церквахъ и на улицахъ, эти три класа дѣйствовали различно. Крупные землевладѣльцы рѣшились обратиться съ своими жалобами и выраженіемъ своихъ желаній прямо къ верховной власти. Цѣли ихъ клонились къ тому, чтобы имѣть конституціонное правленіе, своихъ представителей и администрацію, которая состояла бы преимущественно изъ поляковъ, для огражденія религіи страны и развитія польскаго языка. Въ двухъ послѣднихъ пунктахъ ихъ намѣренія сходились съ желаніями нынѣ царствующаго императора, который, въ противуположность прежней системѣ, благопріятствовалъ развитію польской національности; всѣ его намѣренія и виды относительно управленія Польшею отличались вполнѣ просвѣщеннымъ характеромъ. Тогда партія аристократовъ составила адресъ, въ которомъ на первомъ планѣ было присоединеніе къ Польшѣ провинцій, присоединенныхъ къ Россіи со времени перваго раздѣла Польши въ 1772 году. Просьба о конституціи была у нихъ на второмъ планѣ. — Средніе класы польскаго населенія, городскіе жители, составили повсюду, особенно въ Варшавѣ, тайныя общества, которыя предавались самымъ крайнимъ мнѣніямъ по соціальнымъ и политическимъ вопросамъ. Русское правительство имѣло полную возможность преслѣдовать эти тайные комитеты правильнымъ судомъ и строгими наказаніями, что̀ не мѣшало бы императору продолжать начатыя въ Польшѣ преобразованія и доказать, что этотъ народъ можетъ быть счастливъ подъ русскимъ владычествомъ. — Далѣе графъ Россель разсказалъ, какое непріятное впечатлѣніе произведено рекрутскимъ городскимъ наборомъ, который онъ объяснялъ совѣтами маркиза Велепольскаго, и перешолъ къ слухамъ о прусско-русской конвенціи. — По его мнѣнію, Пруссія должна была оставаться нейтральною и не дозволять русскимъ войскамъ преслѣдовать польскихъ повстанцевъ на прусской землѣ. Австрійское правительство напротивъ ограничилось только обѣщаніемъ строго держаться своихъ обязательствъ относительно Россіи и не допус-

Digitized by Google

кать повстанцевъ вторгаться въ польскія провинціи изъ Австріи; но въ тоже время оно объявило, что оставитъ за своими подданными въ Галиціи всѣ ихъ права, не введетъ въ Галицію ни одного отряда войскъ болѣе того, что было тамъ до возстанія, полагаясь на вѣрность своего народа.

Всякое недоумѣніе на востокѣ Европы составляетъ для Англіи особенно пріятное событіе, потомучто такимъ образомъ утверждается ея вліяніе въ Турціи — безъ большихъ расходовъ. При этомъ еще Австрія ведетъ себя такъ умѣренно, что имѣется въ виду ея дружное содѣйствіе на ту пору, когда могутъ пригодиться ея силы для подавленія ожидаемаго поголовнаго возстанія турецкихъ славянъ, при чемъ ожидается, что Россія не останется совершенно равнодушною къ этому возстанію.

Во Франціи чувствуется настоятельная потребность отклонить общественное вниманіе отъ злополучной мексиканской экспедиціи. Сначала въ Мексику отправлено было пять или шесть тысячъ человѣкъ, которые и дошли до Оризабы. Теперь туда выслано уже до 40,000 съ огромнымъ количествомъ перевозочныхъ средствъ, съ почтенною цыфрою пушекъ и мильоновъ франковъ, и всѣ силы до сихъ поръ все-таки стоятъ въ Оризабѣ, и не подвигаются впередъ. Смертность въ войскѣ ужасающая и такъ какъ солдатамъ не разъ объясняли и толковали, что желтая лихорадка, столь часто смертельная, есть неизбѣжная въ тѣхъ краяхъ болѣзнь, и даже болѣзнь полезная, потомучто приучаетъ къ климату, акклиматизируетъ человѣка, то вѣчно веселые французскіе солдаты прозвали свои огромныя кладбища въ Мексикѣ «садами акклиматизаціи». Сначала, когда туда отправился генералъ Форэ, газеты внимательно слѣдили за всѣми пунктами его пути, съ удовольствіемъ извѣщали читателей, что вотъ генералъ прибылъ въ Санта-Круцъ, намѣренъ пробыть столько-то времени и потомъ ѣхать въ Оризабу. Высадка на мексиканскій берегъ производилась въ величайшемъ порядкѣ, съ образцовымъ согласіемъ, люди и лошади нимало не пострадали, и т. д. Потомъ писали, что генералъ прибылъ въ Оризабу и устроилъ тамъ штабъ дѣйствующей арміи. Здоровье войскъ находится въ удовлетворительномъ состояніи, продовольствія много, жители повсюду встрѣчаютъ французовъ съ выраженіемъ самаго искренняго восторга, благодаря ихъ за избавленіе отъ ненавистнаго правительства президента Хуареза. Генералъ расчитываетъ тогда-то выступить изъ Оризабы въ Пуэбду, и къ такому-то дню быть въ столицѣ мексиканской республики. Потомъ нѣкоторыя торопливыя газеты извѣщали даже, что въ ту минуту, какъ данный нумеръ газеты будетъ въ рукахъ читателей, французское знамя будетъ уже развѣ-

Digitized by Google

ваться на стѣнахъ Мехико, и съ ихъ вершинъ громъ побѣдоносныхъ пушекъ возвѣститъ міру, что слава французскаго оружія второй имперіи должна затмить славу первой имперіи.

Все шло великолѣпно. Вдругъ черезъ Нью-Іоркъ получается какое-то смутное, нехорошее извѣстіе, будто французскій отрядъ былъ разбитъ какимъ-то мексиканскимъ отрядомъ. Что за вздоръ! — писали газеты. Первое войско въ мірѣ, войско завоевателей Севастополя, войско Маджентты и Сольферино, да чтобы было разбито какими-нибудь нестройными толпами мексиканскихъ республиканцевъ, которые знать не хотятъ никакой дисциплины и въ самомъ дѣлѣ не знаютъ ничего, кромѣ своей республиканской свободы и распущенности! Это быть не можетъ. Офиціальная газета съ невозмутимымъ спокойствіемъ и надлежащимъ достоинствомъ объявила, что правительство не получало никакого донесенія, которое сколько-нибудь оправдывало бы подобный нелѣпый слухъ. Черезъ нѣсколько дней было еще объявлено, что получено донесеніе объ одной встрѣчѣ, которая кончилась ничѣмъ; но чтобы случилось что нибудь подобное, такъ нѣтъ, ничего такого и въ поминѣ не было. Потомъ какая-то провинціальная газета проговорилась, что на корабли посажено еще сколько-то тысячъ человѣкъ и отправлено въ Мексику. Стало-быть понадобилась помощь! Потомъ всѣ спрашивали другъ друга, въ какомъ же наконецъ положеніи находится дѣло? Почему же генералъ Форэ, который два мѣсяца назадъ долженъ былъ уже водрузить на стѣнахъ республиканской столицы императорское знамя, до сихъ поръ все еще стоитъ въ Оризабѣ, не двигаясь ни взадъ, ни впередъ? Стали толковать, что у него недостаетъ перевозочныхъ средствъ, а то бы уже онъ давно былъ въ Мехико. А что же туземцы? Неужели тамъ на мѣстѣ не можетъ онъ набрать или накупить лошадей? Вѣдь его же всѣ встрѣчали съ восторгомъ и благодарностью? — Но оказалось, что надо муловъ выписывать изъ Гаваны, изъ Нью-Іорка или изъ Алжира, потомучто жители Мексики бросаютъ свои дома, забираютъ кое-какое имущество и бѣгутъ отъ французовъ, какъ отъ чумы, а ежели кое-кто и остается, то либо тѣ, кому нѣтъ средствъ уйти, либо измѣнники отечества. Ктому же два или три раза мексиканцы доказали, что они вовсе не шутя понимаютъ любовь къ отечеству и рѣшились дѣйствовать логично: въ одинъ прекрасный день взяли да и перевѣшали всѣхъ мексиканцевъ, входившихъ въ какія бы то ни было сношенія съ французскими войсками, за то напр., что указывали имъ дорогу, или продавали имъ провизію или лошадей. Это ужасающая, кровавая логика, но все же она лучше той слабой терпимости, которая ограничивается полумѣрами, дѣйствуетъ нерѣшительно, безъ зара-

нѣе обдуманнаго плана и подъ личиною человѣколюбія скрываетъ равнодушіе къ дѣлу. — Оказалось еще, что городъ Пуэбла такъ укрѣпленъ, что его необходимо осаждать по всѣмъ правиламъ военнаго искуства, а взять съ налету, приступомъ — никакой нѣтъ возможности. Онъ окруженъ высокими скалами, которыя покрыты батареями; тѣснины, ведущія къ нему, защищены пушками, а между тѣмъ необходимо пройти именно черезъ этотъ городъ, чтобы добраться до столицы. Да еще оказалось, что правительство президента Хуареза вовсе не такъ слабо, какъ можно было подумать съ перваго раза, и что общая опасность соединила всѣ мексиканскія партіи въ одно цѣлое, плотное народонаселеніе, оживленное пламеннымъ желаніемъ выкинуть непріятеля вонъ изъ страны. Вышло, что французамъ надо или бросить безполезное предпріятіе, или перевести въ Мексику большую осадную артилерію, а между тѣмъ стоять на одномъ мѣстѣ, подвозя провіантъ изъ Европы. Страна, богатѣйшая въ мірѣ по произведеніямъ земли, отказывалась прокормить хоть одного непріятельскаго солдата. Въ самой Франціи въ войскѣ эти неблагопріятныя извѣстія изъ Мексики отразились весьма невыгодно. Какъ прежде надо было удерживать войско, которое все просилось въ Мексику пожинать легкіе лавры, такъ теперь охотниковъ вовсе не стало, и если по приказу отправлялись и садились на корабли, то была замѣтна неохота, нежеланіе идти увеличивать и безъ того обширные «сады акклиматизаціи». Становится мало по малу яснымъ для самыхъ педальновидныхъ людей, что мексиканская экспедиція затѣяна на бѣду и проку изъ нея не будетъ.

Ко всему этому въ законодательной палатѣ наговорено было много такого что еще больше подорвало кредитъ мексиканской экспедиціи, что и составляетъ великую ошибку со стороны французскаго правительства. Въ палатѣ, какъ извѣстно, есть пять злокозненныхъ членовъ, составляющихъ опозицію; всѣ остальные согласны во чтобы то ни стало со всѣмъ, что угодно. Жюль Фавръ и Эмиль Оливы — самые доровитые ораторы пятичленной опозиціи, говорили противъ экспедиціи въ Мексику, и говорили такъ убѣдительно, что разумѣется приобрѣли себѣ многихъ единомышленниковъ. Только не въ законодательномъ корпусѣ. Ихъ рѣчи были напечатаны цѣликомъ въ Монитерѣ и читались по цѣлой Франціи съ большою жадностью. Въ этомъ покамѣстъ нѣтъ еще большой ошибки: французское правительство уважаетъ мнѣніе членовъ законодательной палаты и перепечатываетъ ихъ рѣчи во всей подробности. Ошибка дальше. Въ это же время совершаются приготовленія къ новымъ выборамъ членовъ въ законодательный корпусъ, и какъ всегда правительство старается выдвинуть впередъ своихъ кандидатовъ. До-

Digitized by Google

ставить имъ на выборахъ большинство и не дать ходу людямъ, которыхъ убѣжденія или не совсѣмъ хорошо извѣстны или въ глазахъ правительства считаются независимыми. Въ это время печатать въ офиціальномъ журналѣ рѣчи, подобныя произнесеннымъ — уже ошибка, съ точки зрѣнія наполеоновской политики, а не съ точки зрѣнія гражданской правды. Одно изъ двухъ: или правительство серьозно хочетъ распоряжаться посвоему, безо всякаго совѣщанія съ общественнымъ мнѣніемъ своей страны, или оно считаетъ себя не безусловнымъ повелителемъ подданныхъ, полагая, что общественное мнѣніе всего лучше опредѣлитъ что́ нужно для общества и что не нужно. Въ первомъ случаѣ логика требуетъ вмѣшиваться въ выборы, имѣть на нихъ большое вліяніе, и не печатать рѣчей опозиціи, а во второмъ — печатать эти рѣчи и никакого не принимать участія въ выборахъ. Третьяго ничего тутъ быть не можетъ; если же допускается что-нибудь третье, то это противно законамъ логики. Правда, что палата не согласилась съ мнѣніемъ опозиціи; но въ этомъ случаѣ палата, выбранная подъ вліяніемъ правительства и по его указаніямъ, не представляетъ страну и ея стремленія, а представляетъ только правительственныя намѣренія, причемъ ея несогласіе съ опозиціей есть дѣло чисто внѣшнее, формальное, безо всякаго внутренняго значенія. Самая страна можетъ-быть совершенно противнаго мнѣнія. Разумныя рѣчи ораторовъ опозиціи имѣли конечно большое вліяніе, и такъ какъ выборы во всякомъ случаѣ будутъ произведены подъ вліяніемъ правительства, то напечатанныя въ Монитерѣ рѣчи должны сильно затруднить распоряженія префектовъ, которые теперь стараются дать выборамъ надлежащее по мнѣнію правительства направленіе. Эти рѣчи, не принося никакой существенной пользы, только понапрасну осложняютъ дѣло, раздражаютъ честныхъ людей и не ведутъ ни къ чему.

Всѣ эти затрудненія: неудача бѣдственной мексиканской экспедиціи, которая вовсе не пользуется благосклонностью общественнаго мнѣнія, рѣчи ораторовъ опозиціи, предстоящіе выборы — требовали какого-нибудь отвлекающаго средства. Ежели ко всему этому присоединить нескончаемое римское занятіе, войну въ Китаѣ и въ Кохинхинѣ, то понятно, что при первомъ извѣстіи о польскомъ возстаніи офиціозныя газеты, въ подражаніе офиціальной, наперерывъ радуются всякому малѣйшему успѣху повстанцевъ и съ большою силой возстаютъ противъ политики г. фонъ Бисмарка, который имѣлъ нужду навязать Россіи свою конвенцію. Заговорили о томъ, что Франція должна пособить Польшѣ завоевать свою независимость, что поляки — старинные союзники французовъ, что Россія

Digitized by Google

угнетаетъ Польшу точно также, какъ и остзейскія свои провинціи, что поляки, живущіе въ Россіи, на всѣхъ поприщахъ дѣятельности принуждены уступать русскимъ, точно такъ же, какъ и остзейцы, и много еще наговорено вздору, показывающаго совершенное непониманіе и духа нынѣшняго правительства и вообще русскаго духа.

Для прусскаго правительства польское возстаніе было сущею находкой. Первый министръ, г. фонъ Бисмаркъ-Шенгаузенъ, въ своихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ по поводу несогласія на увеличеніе военныхъ издержекъ, на увеличеніе войска, постарался преувеличить размѣры возстанія, чтобы казалось, будто оно грозитъ и Пруссіи. Тамъ два корпуса поставлены были на военную ногу, придвинуты ближе къ границѣ; приняты вновь стѣснительныя мѣры касательно паспортовъ и заключена конвенція, по которой русскія войска могутъ преслѣдовать повстанцевъ на прусской землѣ, а прусскія могутъ гнаться за ними по русской; въ случаѣ нужды войска обѣихъ державъ могутъ на одинаковыхъ правахъ взаимно пользоваться желѣзными дорогами, для своихъ стратегическихъ движеній.

Палата депутатовъ энергически протестовала противъ такого вмѣшательства Пруссіи не въ свое дѣло. Составлена была резолюція, которой смыслъ состоитъ въ томъ, что выгоды Пруссіи требуютъ невмѣшательства правительства въ дѣло польскаго возстанія, причемъ не должна быть поддерживаема никоторая изъ борющихся сторонъ и вооруженные люди не должны переходить черезъ прусскую границу, не будучи немедленно обезоружены.

Пренія по поводу этой резолюціи были очень любопытны. Г. фонъ Бисмаркъ доказалъ, что онъ окончательно отказался ото всѣхъ парламентскихъ преданій и обращается къ палатѣ представителей народа, какъ къ своимъ подчиненнымъ.

Онъ сказалъ между-прочимъ: «Въ этихъ преніяхъ нѣмецкіе депутаты говорили неслыханнымъ образомъ. Г. Вальдекъ сравнивалъ нынѣшнее созваніе прусскихъ солдатъ съ продажею гессенцевъ въ британскія колоніи; г. фонъ Унру, которому вы рукоплескали, сказалъ, что ежели мѣры правительства приведутъ къ осложненію дѣла иностраннымъ вмѣшательствомъ, то вы не дадите королю средствъ, необходимыхъ для защиты страны. Это все равно, что кричать нашимъ врагамъ: «Ступайте сюда! пора! минута благопріятна: Пруссія беззащитна!» (Громкія отрицанія.) Я радуюсь, что у васъ есть еще крикъ негодованія на подобныя вещи.»

За этимъ раздались общія отрицанія и крики: къ порядку! къ порядку!

Воротить оратора къ порядку, на парламентскомъ языкѣ, зна-

Digitized by Google

чить запретить ему говорить то что онъ говоритъ, напомнить ему его обязанности и въ случаѣ новаго отступленія, отнять у него право говорить. Но вицепрезидентъ Берендъ, занимавшій мѣсто предсѣдателя, Грабова, не бывшаго на этотъ разъ въ собраніи, не воспользовался своимъ правомъ. Онъ сказалъ: «Г. президентъ совѣта министровъ радуется нашему негодованію. Это его дѣло; но тутъ я не вижу никакого повода воротить его къ порядку и сдѣлать ему замѣчаніе.» Раздались рукоплесканія и крики: браво.

Г. фонъ Бисмаркъ. — Я не хочу толковать о томъ имѣетъ ли палата право дѣлать выговоры министрамъ и возвращать ихъ къ порядку. Я поговорю объ этомъ вопросѣ другой разъ, когда онъ снова будетъ поставленъ такимъ образомъ. Угроза лишенія Пруссіи средствъ защиты или обезоруженія выражена тѣмъ же самымъ депутатомъ фонъ Унру, котораго имя связано съ отказомъ въ платѣ податей въ 1848 году. (Громкія шиканья и общее выраженіе порицанія.)

Вицепрезидентъ Берендъ. — Я долженъ напомнить г. президенту совѣта министровъ, что его послѣдняя фраза не имѣетъ никакого отношенія къ нынѣшнему пренію.

Г. фонъ Бисмаркъ. — Я не могу предоставить г. президенту права порицать такимъ образомъ то что я говорю; я не имѣю чести быть членомъ этой палаты; я не участвовалъ въ составленіи правилъ засѣданій, ни въ избраніи президента. У меня начальникъ только его величество король; я начинаю говорить не въ силу вашихъ правилъ, но въ силу власти, данной мнѣ его величествомъ. Вы не имѣете права меня прерывать!

Вицепрезидентъ Берендъ. — Я не отнялъ у г. президента совѣта министровъ права говорить, и не могъ этого сдѣлать по смыслу конституціи. Но по правиламъ президентъ палаты управляетъ дисциплиною всего того что заключается въ стѣнахъ этой палаты (выраженія живого сочувствія) и я воспользуюсь этимъ правомъ.

Г. фонъ Бисмаркъ. — Я долженъ сказать, что министерство не раздѣляетъ этого мнѣнія. Итакъ я замѣтилъ, что депутатъ фонъ Унру, имя котораго связано съ отказомъ въ уплатѣ податей...

Тутъ поднялся большой шумъ. Многіе члены палаты шикали, кричали, такъ что ничего нельзя было разобрать; слышно было только въ разныхъ мѣстахъ: Закройте, закройте засѣданіе!

Вицепрезидентъ Берендъ. — Я долженъ буду воспользоваться даннымъ мнѣ отъ конституціи правомъ закрыть засѣданіе, (браво!) если г. президентъ совѣта министровъ повторитъ вещи, по поводу которыхъ я сказалъ, что онѣ не имѣютъ отношенія къ преніямъ. (Браво!)

Digitized by Google

Г. фонъ Бисмаркъ. — Я не могу помѣшать г. президенту закрыть засѣданіе. *Впрочемъ съ меня довольно и того, что я два раза повторилъ свое мнѣніе.* Эта угроза обезоружить Пруссію весьма прискорбна, но слѣдуетъ замѣтить, что вмѣстѣ съ стремленіями 1848 года снова являются и тогдашнія имена. Теперь вамъ предлагаютъ изъявить сочувствіе къ революціи Мирославскаго, принявъ предложенную резолюцію. Не мое дѣло разбирать намѣренія составителей предложенія; но во всякомъ случаѣ всѣ принявшіе его, до нѣкоторой степени станутъ на сторону польскаго возстанія. Вѣрно то, что для Пруссіи значительно выгоднѣе сосѣдство императора Александра, чѣмъ сосѣдство Мирославскаго, и для Пруссіи весьма выгодно будетъ, если возстаніе кончится какъ можно скорѣе.

Послѣдняя фраза совершенно вѣрна; никакого нѣтъ сомнѣнія, что всѣ прусскіе депутаты думаютъ тоже самое. Но главная ихъ цѣль, разумѣется, не та, чтобы своею резолюціей выразить сочувствіе къ Мирославскому, а въ томъ, чтобы заявить свое порицаніе министерству. Еслибы министерство не обращалось съ палатою такъ надмѣнно, еслибы оно было нѣсколько болѣе сообразно съ истинными потребностями страны, то ему не было бы надобности ни прибѣгать къ конвенціи съ Россіей, которая въ ней вовсе не нуждается, ни говорить грубости палатѣ, ни выслушивать отъ депутатовъ такія откровенныя вещи, отъ которыхъ покраснѣлъ бы всякій частный человѣкъ, еслибы не могъ отвѣчать тою же самою монетой.

Понятно, что министерство, ставшее во враждебныя отношенія къ палатѣ, должно было воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы искуственно преувеличить запросъ на военныя силы и фактически доказать палатѣ, что она несправедливо отказывала въ увеличеніи войска.

Впослѣдствіи однакоже сдѣлалось извѣстнымъ изъ рѣчи лорда Пальмерстона, что прусское правительство почти совершенно отказалось отъ придуманной имъ конвенціи, потому что она была встрѣчена слишкомъ враждебно какъ въ цѣлой Европѣ, такъ и въ самой Пруссіи. Тѣмъ легче было это ей сдѣлать, что конвенція не была ратификована русскимъ правительствомъ, такъ что польскій вопросъ, грозившій раздуться въ вопросъ европейскій, ограничится своимъ болѣе тѣснымъ кругомъ внутренней политики Россіи.

Въ Италіи польское возстаніе встрѣчено съ общимъ сочувствіемъ. Два года тому назадъ подъ знаменами Гарибальди служило много поляковъ; народный вождь сказалъ, что Италія у нихъ въ долгу. А Италія хорошо помнитъ слова бывшаго неаполитанскаго диктатора. Въ разныхъ большихъ городахъ были публичныя

Digitized by Google

сходки для выраженія сочувствія польскому возстанію; но правительство, желая избѣгнуть какого-нибудь могущаго возникнуть изъ этихъ сходокъ осложненія, принимало всѣ дозволенныя коституціею мѣры, чтобы предупредить безпорядки. Впрочемъ, оно не всегда ограничивалось своими конституціонными правами и преступало ихъ въ видахъ самосохраненія. Такъ въ Генуѣ приняты были излишне насильственныя мѣры, что только напрасно произвело раздраженіе. Въ Миланѣ и во Флоренціи тоже были сходки. Народу собралось множество, рѣчи говорились самыя пламенныя, покричали, пошумѣли и разошлись, не собравъ ни гроша въ пользу повстанцевъ. Тѣмъ вѣроятно дѣло въ Италіи и кончится.

Въ Австріи польское возстаніе имѣло еще меньшій отголосокъ. Тамъ дѣло ограничилось только отсрочкою открытія галиційскаго провинціальнаго сейма; но теперь и оно назначено на 1 марта.

Digitized by Google

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ И НАША КРИТИКА

(ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ «ВРЕМЕНИ»)

Хвалу и клевету пріемли равнодушно.
Пушкинъ.

Позвольте мнѣ, милостивый государь, напомнить вамъ одно мое скромное мнѣніе, которое я уже давно имѣлъ честь изложить въ одномъ изъ моихъ писемъ. Я осмѣливался нѣкогда утверждать, что наша изящная литература несравненно выше нашей критики и что она отъ этой критики независима и безопасна. Чѣмъ далѣе я наблюдаю нашу литературу съ тѣмъ прилежаніемъ и вниманіемъ, которое вамъ извѣстно, тѣмъ сильнѣе я убѣждаюсь въ этой истинѣ. Въ настоящее время я готовъ сказать даже болѣе; я готовъ утверждать, что наша изящная литература есть явленіе глубоко-нормальное и прекрасное, тогда какъ наша критика есть явленіе безобразное и уродливое; что въ нашей изящной литературѣ обнаруживаются истинно-живыя стремленія, и многообѣщающіе зародыши, тогда какъ наша критика мелка и поверхностна до послѣдней степени возможности; что нетолько наша изящная литература независима и безопасна отъ нашей критики, но что наша критика даже не имѣетъ ничего общаго съ нашей изящной литературой, что она ровно ничего въ ней не понимаетъ и, говоря о ней, говоритъ о чемъ-то другомъ.

На первый взглядъ такое мнѣніе можетъ показаться дерзкимъ; но прошу васъ не поддаваться подозрѣніямъ относительно моей скромности. Я знаю, что критика, о которой я говорю, имѣла и имѣетъ у насъ огромный вѣсъ, пользовалась и даже досель пользуется великимъ почетомъ и вниманіемъ. Я знаю, что въ ней видѣли залогъ всего нашего прогреса и вообще приписывали ей безчисленныя достоинства. Ничего этого я не отвергаю; ни единаго

Digitized by Google

изъ этихъ достоинствъ я не думаю дерзновенно оспаривать. Вы не имѣете права предполагать во мнѣ подобной злобы и коварства. Я хочу только сказать, что при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, наша критика ничего не понимала и отучила своихъ послѣдователей понимать что-нибудь въ изящныхъ произведеніяхъ нашей словесности. Чтожъ? Тутъ кажется нѣтъ еще ничего особенно дурного. Кто дурно поетъ, тотъ какъ извѣстно можетъ утѣшаться тѣмъ, что онъ хорошо ведетъ себя; кто пишетъ плохіе стихи, тотъ можетъ еще услаждать себя мыслью о твердости своего характера и добротѣ своего сердца. Такъ точно и здѣсь. Велика бѣда — изящныя произведенія! Развѣ мало есть предметовъ несравненно болѣе значительныхъ, вопросовъ несравненно болѣе важныхъ? Слѣдовательно сказать, что критика непонимала изящныхъ произведеній, но за то понимала множество другихъ прекраснѣйшихъ и глубочайшихъ вещей, еще не значитъ поносить критику.

Такимъ образомъ я заранѣе соглашаюсь, что говорю о мелочахъ; я очевидно поднимаю вопросъ, ничтожный по своему объему и значенію. Но чтоже дѣлать? Вѣдь вы меня знаете. Быть-можетъ я былъ достоинъ лучшей участи, но неумолимая судьба назначила мнѣ быть ревностнымъ читателемъ нашихъ журналовъ и принимать въ ихъ толкахъ сердечное участіе.

И такъ начнемъ. Приведу вамъ по порядку новыя доказательства моей старой мысли.

Маленькая газета «Очерки» жестоко упрекаетъ «Время» въ томъ, что оно не дѣлаетъ между писателями надлежащаго различія. «У него, пишетъ она, и Петръ и Иванъ, и Сидоръ и Карпъ — все люди равно милые, т. е. и Тургеневъ хорошъ и Островскій также, и Помяловскій и Писемскій, и Аполлонъ Григорьевъ и Щаповъ, и Владиміръ Фуксъ и Щедринъ.»

Я запятыя поставилъ вѣрно, но для большей ясности я изображу этотъ списокъ такъ:

И Тургеневъ и Островскій,
И Помяловскій и Писемскій,
И Аполлонъ Григорьевъ и Щаповъ,
И Владиміръ Фуксъ и Щедринъ.

Теперь каждый догадается въ чемъ дѣло. Въ каждой парѣ этихъ именъ одно по мнѣнію «Очерковъ» невозвратно забраковано, а другое еще чисто и ничѣмъ непомрачено. Тургеневъ забракованъ, Островскій нѣтъ; Писемскій забракованъ, а Помяловскій нѣтъ;

Digitized by Google

Аполлонъ Григорьевъ забракованъ, а Щаповъ нѣтъ; Владиміръ Фуксъ забракованъ, а Щедринъ нѣтъ (1).

И такъ «Очерки» упрекаютъ «Время», что оно дотого слѣпо, до того не понимаетъ цѣны вещей, что признаетъ напримѣръ достоинства и Островскаго и Тургенева, тогда какъ Островскій есть человѣкъ весьма годный, а Тургеневъ никуда не годный.

Хорошъ упрекъ! На него мнѣ кажется, милостивый государь, слѣдовало бы отвѣчать такъ: нужно совершенно перепутать свои понятія, нужно до безобразія извратить и исказить свои отношенія къ художественнымъ произведеніямъ, для того чтобы отвергать великія достоинства Тургенева. Какъ Островскій, такъ равно и Тургеневъ суть явленія дотого огромныя, что ошибиться въ большихъ размѣрахъ того и другого одинаково невозможно: стоитъ только открыть глаза, чтобы исчезло всякое сомнѣніе. Если же наша критика глядитъ свысока на Тургенева и принимаетъ его за какого-то пигмея, то причина этому можетъ-быть только одна: у нашей критики вѣроятно глаза на затылкѣ.

Попробуемъ вникнуть въ дѣло. За что въ самомъ дѣлѣ раздаются эти нескончаемые упреки, за что сыплются на Тургенева эти безчисленныя обиды, за что чуть ли не ежедневно порицается онъ не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣстѣ? Все это за то, что самъ онъ забраковалъ Базарова, что въ своемъ послѣднемъ романѣ онъ развѣнчалъ и казнилъ его. До этого романа Тургеневъ былъ предметомъ всеобщаго почтенія, считался первымъ русскимъ литераторомъ; впечатлительные люди изъ его знакомыхъ постоянно видѣли его во снѣ, и въ цѣлой литературѣ онъ не встрѣчалъ ни одного враждебнаго голоса.

Чтоже такое случилось? что такое сдѣлалъ Тургеневъ? Перестадъ онъ чтоли быть прежнимъ Тургеневымъ? Измѣнилъ самому себѣ? Сталъ признавать то что прежде отвергалъ и осуждать то что прежде хвалилъ?

Нисколько и ни чуть не бывало. Конечно онъ разоблачилъ, развѣнчалъ и казнилъ Базарова; но наша критика была значитъ совершенно слѣпа, если не замѣчала, что онъ занимается подобными дѣлами давно, что развѣнчиваніе и казнь разныхъ представителей

(1) Сдѣлаю ученое примѣчаніе. Странное сопоставленіе Владиміра Фукса со Щедринымъ! Кромѣ того по точнѣйшимъ изысканіямъ оказывается, что Владиміра Фукса забраковалъ «Русскій Вѣстникъ», т. е. врагъ многихъ вещей, любимыхъ «Очерками» и врагъ «Очерковъ» по преимуществу. Но въ случаѣ нужды враги какъ видно становятся намъ друзьями?

Digitized by Google

составляетъ даже главное его занятіе. Передовой человѣкъ, носитель думъ поколѣнія — составляетъ постоянную тему его созданій, и несостоятельность передового человѣка — постоянный выводъ, который въ нихъ таится. Тургеневъ казнилъ иногда даже жестоко, безчеловѣчно: вспомните «Гамлета щигровскаго уѣзда»; вѣдь этотъ юноша былъ также передовымъ человѣкомъ въ Москвѣ, былъ ораторомъ и звѣздою тамошнихъ кружковъ. Другіе были казнены мягче, но все-таки казнены. Одинъ за другимъ были разоблачены и сведены съ пьедесталовъ и *Веретьевъ* — сильная натура, и *Рудинъ* — энтузіастъ, и *Инсаровъ* — человѣкъ дѣла; таже судьба наконецъ постигла и *Базарова*. Съ напряженнымъ вниманіемъ Тургеневъ всматривается въ эти типы; но по страшной силѣ своего анализа, по изумительной тонкости пониманія, онъ не можетъ на нихъ успокоиться и развѣнчиваетъ ихъ одинъ за другимъ. Онъ постоянно не увлеченъ до конца, постоянно смотритъ скептически.

Если же такъ, то какъ же могло случиться, что послѣднее его дѣло, послѣдняя казнь, совершонная имъ надъ послѣднимъ героемъ, показалось какою-то удивительною новостью? Кто могъ быть до того ослѣпленъ, что ожидалъ пощады отъ такого проницательнаго человѣка? Кто могъ быть до того наивенъ, до того простодушенъ и самодоволенъ, что ожидалъ похвалы отъ Тургенева? Нечего сказать, куда какъ пристало Тургеневу — расточать похвалы! Ждите отъ него воскуреній — скоро дождетесь!

Есть конечно вещи, которыя хвалитъ Тургеневъ, но всякій долженъ бы уже давно замѣтить что́ это за вещи. Онъ чутокъ къ красотамъ природы; онъ восхищается лѣсомъ, лугомъ, рѣкою, и притомъ съ удивительнымъ мастерствомъ умѣетъ рисовать *нашу* природу, «эту бѣдную природу». Въ человѣческомъ же мірѣ онъ съ невозмущаемою любовью останавливается на томъ что попроще, на томъ что прежде называлось «непосредственнымъ»; онъ любуется на какого-нибудь Касьяна съ Красивой Мечи, на какую-нибудь глупенькую Феничку, на старушку-мать Базарова... Но какъ скоро дѣло идетъ о представителѣ, о человѣкѣ развитомъ и передовомъ, на сочувствіи и любви дѣло не останавливается: мирныя отношенія начинаютъ колебаться, Тургеневъ вдумывается, разлагаетъ, анатомируетъ, и кончаетъ тѣмъ, что осуждаетъ.

По случаю матери Базарова наша критика съ злобою укорила поэта, зачѣмъ онъ похвалилъ эту женщину. Чтоже дѣлать! Похвала не вамъ досталась и Богъ-знаетъ когда еще достанется. Вы думаете я говорю о Тургеневѣ? Вовсе нѣтъ; я говорю о поэ-

Digitized by Google

зін; нескоро вы дождетесь, чтобы поэзія возвела насъ въ свѣтлый идеалъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что же значитъ вся эта дѣятельность Тургенева? Ужь нѣтъ ли тутъ умышленной вражды къ прогрессу? Ужь не пишетъ ли онъ своихъ романовъ съ задней мыслью? Не осуждаетъ ли своихъ героевъ нарочно, злонамѣренно? Какое странное предположеніе! Нѣтъ, не такъ дѣлаются поэтическія дѣла; невозможно ихъ объяснять такимъ образомъ. Поэты менѣе властны надъ собою, чѣмъ другіе люди; они могутъ создавать только то, что вытекаетъ изъ самой глубины ихъ души, въ чемъ они участвуютъ цѣлымъ своимъ существомъ; нарочно они ничего *поэтическаго* произвести не могутъ. И на Тургеневѣ, какъ на истинномъ поэтѣ это подтверждается наияснѣйшимъ образомъ. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на то, какъ онъ относится къ своимъ героямъ. Если онъ привязывается къ нимъ съ такимъ настойчивымъ вниманіемъ, то это прямо зависитъ отъ его расположенія любить ихъ и вѣрить въ нихъ. И онъ дѣйствительно иногда успѣвалъ обмануть себя до того, что вѣрилъ въ нихъ, — вѣдь онъ явно вѣрилъ въ своего Инсарова. Онъ дѣйствительно любитъ своихъ героевъ; это совершенно ясно въ его отношеніи къ Рудину, и замѣтно даже въ отношеніи къ Базарову. Но что же выходитъ? Страшная сила анализа и изумительная тонкость пониманія не даютъ примиренія поэту и идутъ наперекоръ его симпатіи; они постоянно одерживаютъ верхъ и за ними остается послѣднее слово, окончательный приговоръ. Вспомните въ самомъ дѣлѣ Рудина: вѣдь Тургеневъ самъ не свой, вѣдь онъ чуть не плачетъ, разоблачивъ и развѣнчавъ эту любимую фигуру. Но не быть искреннимъ и правдивымъ настоящій поэтъ не можетъ; и вотъ онъ хоть и плачетъ, а казнитъ своего героя. Нѣчто подобное было и съ Базаровымъ. Скажу больше: даже и Гамлетъ щигровскаго уѣзда мнѣ кажется не обошолся поэту безъ нѣкоторой боли.

Если же мы убѣдимся въ этомъ (а кажется это ясно), то мы увидимъ, что Тургеневъ есть одинъ изъ людей наиболѣе болѣющихъ своимъ вѣкомъ, что онъ представитель и выразитель одной изъ глубочайшихъ сторонъ нашей жизни. Вотъ въ самомъ дѣлѣ человѣкъ до страсти, до болѣзни увлеченный идеею прогреса. Онъ слѣдитъ за нею всею зоркостью своего поэтическаго ума; онъ безпрестанно ищетъ, онъ ждетъ съ минуты на минуту — вотъ-вотъ эта идея воплотится, вотъ она приметъ живыя черты. Но пожираемый желаніемъ видѣть свой идеалъ въ дѣйствительности, поэтъ въ тоже время полонъ безпощаднаго анализа и самаго пронзительнаго скеп-

Digitized by Google

тицизма. Имъ обладаетъ въ высокой поэтической степени тотъ бѣсъ, о которомъ одинъ изъ критиковъ говорилъ въ шуточныхъ стихахъ, намекающихъ впрочемъ на серьозныя мысли:

Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ отвергающій прогресъ.

Многіе радостно подчинялись этому бѣсу и усердно одобряли все что совершалось по его внушеніямъ. Но когда этотъ самый бѣсъ внушилъ Тургеневу коснуться и этихъ многихъ, тогда они вдругъ стали увѣрять, что у насъ есть прогресъ, котораго нельзя отвергать, котораго никакой бѣсъ не смѣетъ подвергать отрицанію, и въ которомъ сомнѣваться — сущее святотатство...

И оказалось слѣдовательно то что давно извѣстно: сомнѣніе для людей трудно и невыносимо, для нихъ легче и пріятнѣе вѣра; скептицизмъ у нихъ бываетъ только на губахъ, въ сердцѣ же навѣрное поклоненіе не тѣмъ такъ другимъ идоламъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать крайне забавнымъ то, что наша критика такъ поздно спохватилась относительно Тургенева. Занятая разными важными предметами она только тутъ, только въ послѣднемъ романѣ увидѣла, что онъ человѣкъ вольнодумный, дерзкій, неуважительный. Между тѣмъ онъ всегда былъ такой, онъ постоянно отличался самымъ ярымъ вольнодумствомъ. Какъ же можно было не замѣчать этого такъ долго?

Отъ Тургенева я перейду къ Островскому, и докажу вамъ ясно и основательно, что и въ отношеніи къ нему наша доблестная критика столько же слѣпа, какъ и въ отношеніи къ Тургеневу. Такимъ образомъ мы придемъ къ блистательному результату, что забракованъ ли писатель или не забракованъ, все равно критика въ немъ ничего не понимаетъ, и слѣдовательно ея похвалы столь же мало значатъ, какъ и ея порицанія.

Островскій давно извѣстенъ; подобно многимъ онъ не вдругъ завоевалъ себѣ свою добрую славу. А. Григорьевъ стяжалъ себѣ почетные лавры, горячо стоя за него съ самаго начала его поприща и сразу указывая въ немъ *новое слово* нашей словесности. Но не мало было и противниковъ у Островскаго, начиная отъ Панаева и до Н. Ф. Павлова. Безъ всякаго сомнѣнія въ лѣтописи отечественной словесности занесется какъ особенно-важный фактъ то, что «Отечественныя Записки» постоянно были и остаются до сего дня враждебны Островскому. Какъ бы то ни было, сила взяла свое: Островскій занялъ наконецъ въ глазахъ публики высокое и непоколебимое положеніе.

Digitized by Google

Чтоже однако дѣлается? Вотъ онъ написалъ новую драму «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», которую уже знаютъ ваши читатели. Драма разумѣется тотчасъ же ставится на театръ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Публика толпою стекается на представленіе; слушаютъ и смотрятъ съ величайшимъ вниманіемъ; драма увлекаетъ, потрясаетъ; слѣдуютъ восторги, рукоплесканія, крики: «автора, автора, автора!...»

Вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же во всѣхъ газетахъ и журналахъ являются самые лестные отзывы: новая-де драма Островскаго есть пріятное событіе, оживившее нашу сцену; она какъ всегда полна глубокаго смысла; она поражаетъ зрителя вѣрностію и жизненностію и проч.

Но этого мало. Представленіе пьесы вообще есть дѣло рисковое и часто очень печальное и неудачное; первое представленіе новой драмы было дѣйствительно въ конецъ испорчено г. Бурдинымъ, исполнявшимъ главную роль. Но это было заглажено съ избыткомъ; во второмъ представленіи Островскому истинно посчастливилось (говоримъ разумѣется о Петербургѣ): въ главной роли пьесы явился актеръ изумительный, несравненный; г. Васильевъ если возможно превзошолъ самого автора въ созданіи лица Краснова: передъ нами былъ живой человѣкъ съ совершенной цѣльностью характера, съ теплотою жизни въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи. Впечатлѣніе было поразительное, невыразимое.

Итакъ кажется ничего лучше и желать нельзя. Между тѣмъ если вникнуть въ дѣло какъ оно есть, то невольно возьметъ грусть или злость. Оказывается, что если часть публики, по той необыкновенной чуткости, которая никогда не исчезаетъ въ публикѣ, хорошо поняла драму, съумѣла оцѣнить Васильева, то зато другая часть осталась довольна Бурдинымъ, поняла драму на выворотъ, однимъ словомъ смотрѣла и не видѣла, слушала и не слышала.

А что всего плачевнѣе — оказывается, что къ этой-то части публики, къ числу зрителей, неспособныхъ понимать драму Островскаго и игру Васильева, принадлежатъ и всѣ тѣ рецензенты и критики, которые потомъ на разные лады толкуютъ о драмѣ въ разныхъ газетахъ и журналахъ.

Докажу это подробно. Читатели вѣроятно хорошо помнятъ драму, но я скажу нѣсколько словъ о ней ради нѣкотораго весьма простого поясненія.

Каждый, кто сколько-нибудь понимаетъ Островскаго, совершенно ясно видитъ, что въ новой драмѣ у него опять выведено столкновеніе двухъ различныхъ міровъ; съ одной стороны ко-

Digitized by Google

ренного, крѣпкаго міра русскаго купечества, съ другой — такъ-называемаго міра *проходимцевъ*, міра полуобразованныхъ людей, которые такъ или иначе приходятъ въ столкновеніе съ крѣпкою почвою народной жизни. Неразъ уже Островскій изображалъ это столкновеніе: напримѣръ оно составляетъ главную пружину драмы «Не въ свои сани не садись». Какъ взаимное дѣйствіе двухъ разнородныхъ, несогласныхъ началъ, это столкновеніе вообще способно переходить въ борьбу и слѣдовательно порождать драму и трагедію.

Двѣ различныя полосы людей совершенно ясно видны въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Представители коренного русскаго міра здѣсь — Архипъ, Афоня, Красновъ, его сестра со своимъ мужемъ, Зайчиха. Изъ числа ихъ Красновъ, главный герой драмы, полюбилъ и взялъ за себя замужъ «распрекрасную барышню», Таню, т. е. взялъ жену изъ другого міра, изъ міра проходимцевъ. Остальные члены этого второго міра — Жмигулина, Бабаевъ, Шишгалевъ, Карпъ.

Стоитъ только припомнить эти лица, для того, чтобы сталъ ясенъ характеръ той и другой сферы, чтобы увидѣть, какой изъ нихъ принадлежатъ законныя симпатіи автора. Съ одной стороны свѣтлый старикъ Архипъ, болѣзненно-любящій и раздражительно-правдивый Афоня, страстный, дѣятельный, гордый Красновъ; съ другой стороны Жмигулина, помѣшанная на своей образованности, Бабаевъ, пустѣйшій изъ пустыхъ людей и даже сама Таня, не умѣющая и неспособная понять ничего что дѣлается въ сердцѣ ея мужа.

Читатели конечно помнятъ, какъ правильно развертывается драма, съ какой неумолимой послѣдовательностію она идетъ къ своему разрѣшенію, къ убійству Тани. Міръ проходимцевъ раскидываетъ свои мишурныя сѣти, начинаетъ двигать своими куклами, живущими фальшивой жизнью; Жмигулина изъ чистѣйшей любви къ искуству сводитъ свою сестру съ Бабаевымъ; Бабаевъ отъ нечего дѣлать и не чувствуя даже надобности помыслить о томъ что дѣлаетъ, ухаживаетъ за Таней и соблазняетъ ее; Таня обманываетъ мужа и измѣняетъ ему, не вздумавъ ни разу пожалѣть о немъ. Въ тоже время въ противоположномъ мірѣ совершаются явленія совершенно иного рода: передъ нами страстная, истинная любовь Краснова къ женѣ; далѣе — трогательныя его усилія подавить свою ревность; примирительныя, святыя рѣчи Архипа, которыми онъ успокоиваетъ больную душу Афони и разсѣеваетъ душевную бурю Краснова; невыразимая радость Краснова, обманутаго ложной нѣ-

Digitized by Google

жностью жены; постоянная, до послѣдней минуты неослабѣвающая забота, съ которою онъ хранитъ жену отъ малѣйшаго оскорбленія и наконецъ роковой порывъ страсти — убійство.

Кто же виноватъ въ преступленіи? Очевидно вина его лежитъ на непримиримомъ разладѣ жизни, на ея странномъ раздвоеніи; этого разлада жизнь не выноситъ и мститъ за него громовымъ, разрушительнымъ ударомъ. Но при этомъ какой міръ является судьею? Который изъ двухъ міровъ заключаетъ въ себѣ центръ тяжести драмы? Очевидно тотъ міръ, изъ котораго вылетаетъ молнія, міръ коренной русской жизни, въ которомъ проявляются дѣйствительныя, живыя силы, тогда какъ міръ проходимцевъ есть міръ до конца фальшивый и призрачный. Только въ первомъ мірѣ и происходитъ и можетъ произойти трагедія; міръ же проходимцевъ представляетъ и способенъ представить только комедію. Въ мірѣ Краснова, какъ онъ самъ говоритъ, «душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ»; въ мірѣ же Жмигулиной наоборотъ есть жмигулинская образованность, да нѣтъ души. Не Таня жертва, хоть она и убита; истинная жертва — самъ Красновъ, потомучто только онъ одинъ способенъ быть жертвою, способенъ такъ глубоко жить, такъ сильно любить и страдать, какъ онъ любитъ и страдаетъ. «Не погуби молодца!» заочно обращается къ женѣ Красновъ. Но она его губитъ и онъ отъ нея гибнетъ.

Все это ясно, какъ дважды-два четыре. Даже становится странно и совѣстно объяснять эти простѣйшія вещи, когда онѣ такъ рѣзко, выпукло, съ красками и тѣнями, со всею плотью и кровью выражены въ самой драмѣ. Но что же прикажете дѣлать, когда въ глазахъ многихъ бѣлое кажется чернымъ и наоборотъ?

Первую рецензію на новую драму мы встрѣтили въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (№ 25). Взглядъ рецензента сейчасъ же обнаруживается. По его мнѣнію міръ, въ которомъ совершается драма, есть «темное царство самодурства» и герой драмы Красновъ не что иное, какъ «влюбленный самодуръ». Онъ будто бы «ни мало не печалится», что Таня его не любитъ; онъ даже вполнѣ знаетъ, что она его «не можетъ любить», потому-то (о логика!) когда она приласкалась къ нему, онъ и спрашиваетъ ее: «скажи ты мнѣ, за что ты меня любишь?»

О борьбѣ Краснова съ самимъ собою, о томъ, какъ онъ отпускаетъ Таню къ Бабаеву, о томъ, какъ онъ защищаетъ ее до послѣдней минуты не сказано ни слова, напротивъ сказано прямо, что «Красновъ пускаетъ въ ходъ обыкновенныя привычки само-

Digitized by Google

дурства, какъ-то: грубость обращенія, запрещеніе выходить изъ дому и т. п».

Объ Архипѣ и Афонѣ ни слова, какъ будто ихъ и не бывало.

Изъ всего выходитъ, что Таня есть жертва темнаго царства, а живое начало драмы, то жизненное явленіе, которое главнымъ образомъ имѣетъ право на сочувствіе — есть пламенная страсть Тани къ Валентину Павловичу Вабаеву.

Однимъ словомъ мнѣніе рецензента совершенно сходится съ мнѣніемъ образованной дѣвицы Жмигулиной: «совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Суля по красотѣ ея, да по тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить» и пр.

Вторая рецензія по порядку времени явилась въ «Иллюстраціи» (1863, 31 янв.). У рецензента повидимому есть многое что нужно для того, чтобы понять сущность драмы. Онъ довольно вѣрно цѣнитъ дѣйствующія лица, за исключеніемъ Афони, котораго никакъ не цѣнитъ, и Архипа, о которомъ говоритъ: «онъ ходячій трупъ и больше ничего; въ третьемъ дѣйствіи онъ правда пытается помирить мужа съ женою, но дѣйствуетъ тутъ *безъ всякихъ принциповъ*, руководимый единственнымъ *отвлеченнымъ побужденіемъ*, чтобы вокругъ было все мирно и тихо», и пр. въ томъ же родѣ.

Но рецензентъ смотритъ на Краснова, какъ на «личность, полную святыхъ, прекрасныхъ задатковъ», на Таню, какъ на «пустую, безхарактерную женщину». Чтоже однакоже онъ выводитъ изъ драмы? Въ чемъ находитъ ея смыслъ? Въ борьбѣ Краснова съ тѣмъ темнымъ царствомъ, которымъ онъ окруженъ. Красновъ по мнѣнію рецензента олицетворяетъ въ себѣ протестъ противъ темнаго царства; онъ идетъ новою дорогою, отвергаетъ старыя правила. И вотъ царство самодуровъ вооружается на этого протестанта и «скрежеща зубами» ищетъ случая погубить его. Такимъ случаемъ и была измѣна Тани. «Этого только и нало было, — пишетъ рецензентъ, — темнымъ личностямъ, окружавшимъ Краснова, этого только и ждали они. Съ злоехидною радостію стараются они возбудить ревность въ Красновѣ и разжигаютъ ее своими насмѣшками и наговорами до послѣднихъ предѣловъ. Убѣжденный въ измѣнѣ жены, въ изступленіи Красновъ ищетъ ножа; Афоня *спѣшитъ сунуть ему ножъ въ руки* и Красновъ убиваетъ жену. Въ этомъ кровавомъ исходѣ заключается полное торжество темныхъ людей». «*Радость ихъ такъ сильна, что они не могутъ выговорить слова*, и только *Афоня обнимаетъ Краснова* и прижимаетъ его къ груди».

О темное царство! темное царство! Вѣдь какъ ты крѣпко засѣло въ нашихъ свѣтлыхъ головахъ! Сидимъ мы въ театрѣ, смот-

Digitized by Google

римъ и слушаемъ драму Островскаго и только и думаемъ, какъ бы намъ укорить и обвинить темное царство. И до того сильно въ насъ это желаніе, до того мы поглощены мыслью найти въ немъ всякія вины, что мы наконецъ видимъ и слышимъ не то что дѣлается на сценѣ, что несмотря на открытые глаза и уши, намъ мерещится какъ *Афоня подаетъ ножъ Краснову* и какъ убійство Тани возбуждаетъ не ужасъ, а *восторгъ*, доходящій до онѣмѣнія.

Ужели же Красновъ похожъ на человѣка, который дѣйствуетъ подъ чужимъ вліяніемъ, а не по собственнымъ побужденіямъ? Гдѣжъ послѣ этого смыслъ всей его фигуры? Красновъ именно отличается тѣмъ, что все время дѣйствуетъ отъ себя, что ни разу ни въ чемъ не подчиняется ничьему внушенію, кромѣ всемогущаго внушенія своей страсти къ Танѣ. Такой ли онъ человѣкъ, чтобы сносить вліяніе, и такіе ли около него люди, чтобы они могли имѣть на него вліяніе? Даже въ тѣхъ понятіяхъ, которыми онъ выражается, въ тѣхъ началахъ, которыя онъ повидимому признаетъ, ему нельзя вѣрить. Что для него власть мужа? То предлогъ, чтобы до его Тани никто не смѣлъ волоскомъ дотронуться, то предлогъ — мстить ей и убить ее. Что для него правило — *стерпится слюбится*? Только поводъ къ страстной надеждѣ, что жена его когда-нибудь его полюбитъ. Что для него уваженіе къ старому Архипу? «Мое горе,» говоритъ онъ ему, «мое собственное» и «не такое дѣло, чтобъ совѣта просить!»

Какъ же можно было сказать, что онъ убилъ жену, подстрекаемый другими? «Они,» говоритъ рецензентъ, «разжигаютъ въ немъ ревность.» Да развѣ Красновъ самъ не ревнивъ до послѣдней своей жилки? Кому же и быть ревнивымъ какъ не ему! Онъ забрался высоко, онъ взялъ за себя *барышню;* вѣдь это похоже на то, какъ черномазый негръ Отелло взялъ за себя бѣлокожую венеціанку. И не по пустой прихоти, не изъ мелкаго тщеславія Красновъ женился на Танѣ; нѣтъ, его сушила любовь, его томила страсть, постоянно жаждавшая отвѣтной страсти, постоянно боявшаяся, что измѣнитъ возможное счастье. Рисковое дѣло затѣялъ Красновъ, и онъ мучительно чувствуетъ каждую минуту свое роковое положеніе. Посмотрите, онъ отказывается пить, онъ ссорится изъ-за жены съ родными, онъ самъ не свой — еще прежде чѣмъ является на сцену Бабаевъ. Какъ же возможно сказать, что ревность въ немъ возбуждена насмѣшками и наговорами родныхъ? Ревность прямо вытекаетъ изъ его характера, изъ его положенія, созданнаго его характеромъ.

Когда же совершается убійство, то не ликуетъ темное царство,

Digitized by Google

какъ это привидѣлось рецензенту. Въ темномъ царствѣ много свѣта, и на этотъ разъ самымъ близорукимъ глазамъ кажется можно бы было замѣтить, что фигура Архипа насквозь проникнута свѣтомъ. Архипъ произноситъ приговоръ; онъ въ этомъ случаѣ представитель «темнаго царства» и объявляетъ его рѣшеніе. «Жена твоя виновата», говоритъ онъ Краснову, «но не ты ей судья, а одинъ праведный Богъ.» Вотъ приговоръ женѣ. «Ты же пойдешь на судъ человѣческій за то, что не подчинился суду божію.» Вотъ приговоръ мужу. Какъ могущественно и ясно выступаетъ здѣсь идея *суда божія!* Какъ хорошо видно, что для Краснова, котораго неминуемо покараетъ судъ человѣческій, еще есть надежда примириться съ высшею правдою, съ судомъ своей совѣсти, съ судомъ божіимъ!

Третью рецензію по порядку времени я встрѣтилъ въ январской книжкѣ «Русскаго слова», и признаюсь былъ изумленъ выше всякой мѣры, увидѣвъ, что рецензентъ пошолъ еще дальше своихъ предшественниковъ. По его мнѣнію драма разумѣется есть картина темной жизни, гдѣ *семейное начало свирѣпствуетъ во всей своей первобытности*, гдѣ господствуетъ *азіатская неподвижность древне-русскаго обычая*. На Таню рецензентъ смотритъ весьма ласково, называя ее *женщиною нѣсколько романтическою* (вотъ Жмигулина, та должно быть совсѣмъ романтическая?) и *дѣйствительно любящею Бабаева*. Смерть Тани есть именно главная точка, на которую обращено все вниманіе рецензента. Онъ ищетъ причинъ этого печальнаго событія и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ томъ, что Красновъ считалъ себя *полнымъ властелиномъ и повелителемъ жены, считалъ одного себя ея судьей*. Хорошъ властелинъ! Не самъ ли Красновъ говоритъ женѣ, что онъ хочетъ отъ нея не страха, а любви? И мало чтоли онъ ухаживаетъ за нею? Ужели не ясно еще онъ показываетъ, что онъ все дѣлаетъ изъ любви, и служитъ ей, и защищаетъ ее, и убиваетъ ее?

Рецензентъ конечно самъ смутно чувствовалъ, что не одни патріархальныя убѣжденія и древне-русскіе обычаи виноваты въ дѣлѣ. И при другихъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ Таня могла быть убита. Поэтому рецензентъ не останавливается на патріархальности и идетъ далѣе. Оказывается, что онъ открылъ радикальное средство для предотвращенія подобныхъ несчастій. Вся бѣда въ томъ, что Красновъ не нигилистъ; будь онъ нигилистомъ, и Таня осталась бы живою и здоровою къ величайшему удовольствію всѣхъ и каждаго. Вотъ великое открытіе, которое подробно излагаетъ рецензетъ.

«Посмотримъ пристальнѣе, говоритъ онъ, какимъ бы исходомъ окон-

Digitized by Google

чилась только что переданная намъ драма, еслибы главными дѣйствующими лицами ея были такъ-называемые нигилисты. (*Неправда ли какъ это любопытно? Вы знаете, милостивый государь, мои сомнѣнія насчетъ существованія нигилизма. Не узнаемъ ли чего здѣсь?*) Мы вѣдь доказали уже, что и нигилисты, подобно людямъ всѣхъ убѣжденій, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ любви, указываемымъ природой (*что-то страхъ береть; ужели это нужно было доказывать?*); слѣдовательно и нигилистъ можетъ жениться, и также можетъ сдѣлать ошибочный выборъ, обманувшись во взаимной любви женщины, или она можетъ разлюбить нигилиста во время замужства (*ну слава-богу! кажется люди, какъ и всѣ прочіе*). Всѣ поклонники нигилизма согласны, что нигилисты во всемъ дѣйствуютъ по убѣжденію; слѣдовательно какіе бы то ни было порывы страсти или безотчетныя антипатіи къ окружающимъ, не мыслимы въ нигилистѣ.»

Хотя положимъ это слѣдовательно вовсе не слѣдуетъ, но все-таки извѣстіе нужно строго принять къ свѣдѣнію. И такъ нигилисты способны къ любви и симпатіи, но къ ненависти и антипатіи неспособны. Изъ этого-то и вытекаетъ самое очаровательное рѣшеніе всѣхъ затрудненій.

«Еслибы мужъ-нигилистъ замѣтилъ въ женѣ недостатокъ сочувствія къ нему, то конечно прибѣгнулъ бы къ нравственному вліянію (*это что такое? Тутъ кроется кажется насиліе?*), и еслибы оно оказалось безуспѣшнымъ, никакихъ принудительныхъ мѣръ, а тѣмъ болѣе — мести принято бы не было; нищая бѣдность не заставила бы нигилиста жениться изъ расчета; надѣясь на свою способность къ труду и ограниченію своихъ потребностей, нигилистъ не можетъ бояться бѣдности; желаніе жены разойтись съ мужемъ также ни въ какомъ случаѣ не встрѣтило бы препятствія со стороны нигилиста (*разумѣется точно также и желаніе мужа оставить жену?*), и оба нашли бы себя въ случаѣ несогласія, гораздо болѣе удовлетвореннымъ нравственно и фактически, нежели это бываетъ между людьми, дѣйствующими, подобно Краснову, подъ вліяніемъ патріархальнаго сознанія своихъ правъ.»

Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Нигилистамъ все это обходится гораздо легче. *Въ случаѣ несогласія* между мужемъ-нигилистомъ и женою-нигилисткою они вовсе не чувствуютъ себя до такой степени *не удовлетвореннымъ нравственно и фактически* какъ люди, которые подобны Краснову. Такъ точно судитъ и дѣвица Жингулина. «Это вы очень горячи къ любви-то, говоритъ она Краснову, а мы совсѣмъ другого воспитанія.» Въ этомъ вся и разгадка. Что же? Это прекрасно! Чѣмъ легче, тѣмъ лучше. Напрасно Красновъ гово-

Digitized by Google

рить: «коли горячій человѣкъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть онъ до всякого дѣла горячъ.» Нѣтъ будемъ лучше похолоднѣе, уничтожимъ въ себѣ способность слишкомъ волноваться и тогда въ случаѣ бѣды мы будемъ чувствовать себя *болѣе удовлетворенными*, чѣмъ люди, которые и проч. И заживемъ превосходно! Драмъ происходить не будетъ и Островскіе переведутся.

Все-таки мнѣ кажется, что въ предыдущихъ объясненіяхъ рецензента нѣтъ главнаго принципа, котораго онъ держится. Онъ приберегъ этотъ принципъ къ концу своей статьи. «Послѣдняя сцена» пишетъ онъ, «произвела на насъ сильное впечатлѣніе.» Это впечатлѣніе состоитъ въ ужасѣ отъ мрака темнаго царства: «человѣкъ убилъ», пишетъ разстроганный рецензентъ, «черезъ нѣсколько минутъ, конечно будетъ горько въ этомъ раскаяваться, но онъ никогда и ни отъ кого еще не слышалъ слова убѣжденія, которое бы могло подѣйствовать на его разумъ, что онъ каралъ безъ *вины* и безъ *права*. Нигдѣ не скажутъ этому человѣку, что онъ *не былъ въ правѣ требовать отъ всякаго другого человѣка какого либо отчета въ его чувствахъ.*»

Вотъ оно, вотъ золотое правило! Вотъ верхъ глубины и мудрости! Одно только меня сильно смущаетъ: не могу понять, для чего годится и что рѣшаетъ это мудрое убѣжденіе. «Можетъ-быть» торжественно заключаетъ свою статью авторъ, «шагая въ кандалахъ по торной владимірской дорогѣ, Красновъ самъ додумается до этого убѣжденія...»

Никакъ не согласенъ я съ такимъ остроумнымъ предположеніемъ. Я готовъ себѣ представить, что нашъ рецензентъ самолично сталъ бы внушать Краснову это убѣжденіе гдѣ-нибудь *на владимірской дорогѣ*, и живо воображаю себѣ, какой бы отвѣтъ могъ дать герой драмы. «Ты говоришь, что я не долженъ былъ спрашивать у Тани отчета въ ея чувствахъ? Такъ за что же ты меня-то винишь, за что отъ меня спрашиваешь отчета? Ужь скорѣе же она могла совладать съ своими чувствами, чѣмъ я; я-то ужь былъ точно неволенъ въ себѣ, былъ самъ не свой; что ты меня не помнишь чтоли? Приревновалъ до смерти; крови мнѣ ея захотѣлось; чего же тебѣ еще больше? А то ты еще коришь меня своими нигилистами; ну пусть они обиды не чувствуютъ, пусть у нихъ ни отчего сердце не разорвется и не поворотится; такъ и любятъ-то они должно-быть по рыбьи, а не такъ какъ я любилъ. А если ты скажешь, что они только умѣютъ владѣть своими чувствами, такъ отчего же потвоему Танѣ вовсе не нужно было это умѣнье? Вотъ я не совладѣлъ съ со-

Digitized by Google

бою, не справился съ нечистымъ, такъ за то и наказанъ и справедливо наказанъ. По вашему-то можно бы вывести, что я и правъ; да я васъ спрашивать объ этомъ не стану. Не вамъ видно понять мою *бѣду* и мой *грѣхъ*.»

Кончимте однакоже эти разборы и возраженія. Вотъ у меня подъ руками еще «Очерки», съ статьею о той же драмѣ. Проглядываю: «народно-русская семья», «абсолютизмъ власти главнаго въ семьѣ», «Афоня золъ по принципу» .. Ну да, это тоже самое, это все варіяціи на одну тему. Но признаюсь, мнѣ стало тяжело уже отъ разбора предыдущихъ рецензій, и потому я уволю себя отъ продолженія этой работы. Очень желалъ бы выразить вамъ чувство, которое мною теперь овладѣло, но не знаю съумѣю ли. Есть нѣчто печальное, нѣчто наводящее стыдъ и смущеніе въ иныхъ случаяхъ, когда человѣкъ оправдываетъ и защищаетъ то что ему дорого. Онъ долженъ бываетъ допускать возможность и какъ бы законность такихъ сомнѣній, такихъ обвиненій, такихъ укоризнъ и подозрѣній, которыя уже сами по себѣ составляютъ обиду дорогого ему предмета. И тогда чѣмъ точнѣе его отвѣтъ, чѣмъ тщательнѣе его возраженіе, тѣмъ хуже, потомучто тѣмъ большее значеніе придается обвиненію, тѣмъ дольше на немъ нужно останавливаться.

Поспѣшимъ къ общему заключенію. Изъ всего что я привелъ здѣсь, видно, что наша ходячая, обыкновенная критика, та критика, которая вошла въ привычку и стала общимъ мѣстомъ, вовсе непонимаетъ Островскаго. По своему образу мыслей, по своимъ сужденіямъ наша критика всего болѣе сходится съ г-жою Жмигулиной, какъ это я доказалъ неоднократными ссылками на слова этой дѣвицы. Говоря нѣсколько общѣе, наша критика по своему настроенію явнымъ образомъ принадлежитъ къ міру проходимцевъ; глазами проходимцевъ она смотритъ на драмы Островскаго, ушами проходимцевъ ихъ слушаетъ и разумомъ проходимцевъ ихъ судитъ. Она видитъ въ этихъ драмахъ, въ этихъ Красновыхъ, Архипахъ и проч., одно *темное царство* и похваливаетъ автора за вѣрность изображенія.

Между тѣмъ Островскій очевидно смотритъ на дѣло совершенно иначе. Для него очевидно милъ и дорогъ міръ коренной русской жизни, онъ симпатизируетъ Красновымъ и Архипамъ, и въ нихъ однихъ находитъ свѣтлыя черты. Чтоже касается до міра проходимцевъ, до взглядовъ и чувствъ Жмигулиной, то онъ бичуетъ ихъ всегда и вездѣ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ бичуетъ и нашу критику, столь довольную и собой и его произведеніями. Если же критика

Digitized by Google

этого не видитъ, то причину этому мы уже знаемъ: у нашей критики глаза на затылкѣ.

Позвольте мнѣ довести свою мысль до конца и вывести всѣ ея послѣдствія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что критика наша впала въ такое вопіющее недоразумѣніе не по лукавому умыслу, не съ тѣмъ, чтобы отвести глаза читателей; нѣтъ, ошибка ея непроизвольная, объясняемая искреннимъ увлеченіемъ. Предположимъ теперь, что истина рано или поздно откроется; допустимъ, что наша критика хотя въ нѣкоторой степени пойметъ Островскаго въ настоящемъ его смыслѣ. Спрашивается — какъ она отнесется къ нему, какъ будетъ судить о его произведеніяхъ? Мнѣ кажется предсказаніе здѣсь совершенно ясно.

Вопервыхъ критика станетъ защищать міръ проходимцевъ, міръ жмигулинскаго образованія и воспитанія. Она найдетъ, что онъ вовсе не заслуживаетъ того безпощаднаго бичеванія, которому подвергаетъ его Островскій, что въ этомъ мірѣ есть много хорошаго и что Островскій *клевещетъ* на него.

Вовторыхъ, она найдетъ, что Островскій напрасно сочувствуетъ міру кряжевой русской жизни, что въ этой жизни нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, какія онъ выставляетъ; что Красновы, Русаковы, Архипы — невозможны, сочинены, не существуютъ и не могутъ существовать въ дѣйствительности.

Втретьихъ наконецъ — дѣло ясное, милостивый государь, — какъ выводъ изъ предыдущаго, критика должна будетъ объявить, что Островскій ретроградъ, старовѣръ, что онъ противникъ образованія и прогреса и защитникъ невѣжества и застоя.

Таковъ мнѣ кажется неизбѣжный ходъ дѣла; нашей критикѣ остается одно изъ двухъ: или быть непослѣдовательною, измѣнить своимъ началамъ, или же забраковать Островскаго, какъ она забраковала Тургенева. Я надѣюсь, милостивый государь, на ея твердость; я думаю, что она смѣло дойдетъ до конца; и въ самомъ дѣлѣ не остановилась же она передъ Тургеневымъ, отчего же ей остановиться передъ Островскимъ?

Г-нъ Островскій пусть извинитъ меня за печальное предсказаніе. Что же дѣлать! Онъ самъ виноватъ. Признаюсь откровенно я часто дивился его необыкновенной смѣлости; ничего таки, рѣшительно ничего не боится этотъ человѣкъ! Да чего хуже? Минина написалъ; такъ не то чтобы смолчали, или отъ души побранили — въ самомъ «Современникѣ» съ большою почестью напечатали! Между тѣмъ извѣстно — ныньче всякій другой подъ страхомъ ходитъ; объ

Digitized by Google

иныхъ вещахъ и заговорить нельзя, — такъ всѣ хоромъ на тебя и подымутся. А вотъ подите же — есть же смѣлые люди!

Н. КОСИЦА

P. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ о «Современникѣ». Можетъ-быть оно выйдетъ и не то чтобы не кстати. Онъ очень прилежно обращается ко «Врéмени», почти такъ же какъ «Время» нѣкогда обращалось къ нему. Въ трехъ или четырехъ статьяхъ есть разныя выходки или вылазки противъ вашего журнала; есть также лукавыя обращенья ко мнѣ лично, нѣсколько разъ поминаются «Жители планетъ» г. Страхова и пр.

Во всемъ этомъ меня поразило одно: «Современникъ» до сихъ поръ или не хочетъ или не можетъ понять, за что на него нападаютъ и чего хотятъ тѣ, которые съ нимъ несогласны. Я уже не разъ писалъ вамъ, что *непокманье* помоему вовсе не резонъ; между тѣмъ «Современникъ» кажется думаетъ, что чѣмъ онъ будетъ слѣпѣе, тѣмъ и правѣе.

Приведу доказательства. «Современникъ» напримѣръ пишетъ: «Совѣтуемъ г. Косицѣ порыться въ настоящей книжкѣ «Современника»; вѣдь вотъ она какая большая; ожирѣлъ «Современникъ» отъ лѣни и бездѣйствія, ишь вѣдь какъ его разнесло; *невольно его собраты пожелаютъ ему для здоровья попоститься и вкусить пищи св. Антонія*».

Не правда ли, что я имѣю полное право принять намекъ на свой счетъ? Всѣмъ и каждому дается понять, что есть злодѣи, въ томъ числѣ и я, которые въ глубинѣ души желали бы посадить «Современникъ» на пищу св. Антонія. А вѣдь что это значитъ? Вѣдь это значитъ: они меня съѣсть готовы, они рады бы меня въ ковшѣ утопить, они только и думаютъ, какъ бы сжить меня со свѣта... И не стыдно «Современнику» дѣлать такіе намеки на *своихъ собратовъ?*

Не менѣе плохо понимаетъ «Современникъ» мнѣніе «Времени» вообще. Онъ находитъ, что «Время» черезчуръ самохвально, что оно слишкомъ хвастается. Чтожъ? Я согласенъ, что во «Времени» есть нѣкоторая хвастливость; только я не вижу тутъ ничего дурного. Всякій хвастается, и «Современникъ» даже больше, чѣмъ кто-нибудь другой; а хорошо ли это или дурно, это зависитъ отъ того, чѣмъ кто хвастается. Иной хвастается рысаками, и въ нихъ полагаетъ свою гордость; другой хвастается идеею, и стоитъ за идею, — раз-

Digitized by Google

ница тутъ большая и нельзя ставить объ эти похвальбы на одну доску. Что кому дорого, тѣмъ тотъ и похваляется.

Если «Современникъ» замѣтилъ, что «Время» хвалится, то ему конечно слѣдовало бы хорошенько присмотрѣться *чѣмъ* «Время» хвалится. Что же онъ нашолъ, и на что указываетъ? По его словамъ «Время» хвастается какъ великимъ подвигомъ и открытіемъ будто бы тѣмъ, что оно нашло и оцѣнило по достоинству — *общинное землевладѣніе*, котораго держится русскій народъ. Что за непостижимая наивность! Да развѣ подобными вещами возможно хвастаться? Вѣдь это все-равно, что похвалиться знаніемъ нѣмецкаго языка (въ такой похвальбѣ укорялъ же меня одинъ критикъ), или удивляться образованности французовъ, потомучто тамъ каждый мужикъ говоритъ пофранцузски. Если «Время» сослалось на общинное землевладѣніе, то сослалось именно потому, что это фактъ общеизвѣстный, всѣмъ знакомый, давно разъясненный и слѣдовательно самый удобный для ссылки.

Между тѣмъ «Современникъ» подымаетъ изъ-за этой мнимой похвальбы цѣлую битву.

Не вы, говоритъ, оцѣнили и разъяснили этотъ фактъ, а мы, это наша заслуга.

И значитъ мы умѣемъ цѣнить хорошія стороны русскаго быта.

И значитъ вы на насъ клевещете, говоря, что мы преслѣдуемъ и искажаемъ эти хорошія стороны.

И значитъ вы ничего не нашли, вы питаетесь чужими мыслями, вы хвастунишки, фразеры, а все дѣло дѣлаемъ мы, мы, мы...

Удивительно! Вотъ какія богатыя слѣдствія извлекъ «Современникъ» изъ того, что вы сослались какъ *на примѣръ* (такъ вѣдь у васъ стоитъ въ текстѣ), на всѣмъ извѣстное явленіе, на общинное владѣніе землею. Къ сожалѣнію только, какъ легко получились эти слѣдствія, такъ же точно легко они и опровергаются.

Вопервыхъ отстаивать общинное землевладѣніе не значитъ еще стоять за народныя начала. Можно вѣдь отстаивать это землевладѣніе на основаніи французскихъ книжекъ и при этомъ отличиться полнѣйшимъ невѣдѣніемъ того, какъ дѣло дѣлается у насъ.

Вовторыхъ отстаивать *только одно* общинное землевладѣніе, значитъ именно неумѣть цѣнить и понимать другихъ хорошихъ сторонъ русскаго быта.

Въ третьихъ, отстаивая *только одно* общинное землевладѣніе, можно безобразнѣйшимъ образомъ преслѣдовать и искажать всѣ другія хорошія стороны народной жизни.

Въ четвертыхъ, если вы похваляетесь объясненіемъ *только од-*

Digitized by Google

кого общиннаго землевладѣнія, то вамъ остается еще много искать и открывать. Вы ничего другого не хотите знать, вы все другое отказываетесь понимать и принимаете за фразу, — вотъ за что мы васъ и укоряемъ.

Дѣло, какъ видите, такъ просто, что и разсуждать-то тутъ нечего и отвѣчать почти что не стоило бы. Но я хотѣлъ только этимъ показать, какъ упорно коснѣетъ «Современникъ» въ своемъ непониманіи. Мнѣ очень понравилось, что среди своихъ наивныхъ упрековъ и самовосхваленій онъ самъ простодушно высказалъ, что онъ не знаетъ что такое творится во «Времени».

«Разные господа, пишетъ онъ, толкуютъ тамъ себѣ о *чемъ-то*, разводятъ *какія-то* рацеи, распускаютъ непроницаемый туманъ».

Вотъ настоящее и искреннее мнѣніе «Современника» относительно «Времени». Онъ дѣйствительно никакъ не можетъ взять въ толкъ, о чемъ это оно толкуетъ, и какія это оно рацеи разводитъ. Но если такъ, то какъ же «Современникъ» рѣшился объяснять *чѣмъ* хвастается «Время» и *въ чемъ* оно другихъ укоряетъ? Оно очевидно хвастается *чѣмъ-то*, чего вы понять не можете и укоряетъ *въ чемъ-то*, чего вамъ никакъ не сообразить. Не понимаете, такъ лучше бы и не говорили.

Что касается до меня лично, то безъ всякой гордости скажу, что я очень хорошо понимаю «Современникъ». Я говорю это къ тому, что во мнѣ возгорѣлось очень сильное желаніе *открыть* одного писателя, который постоянно пишетъ въ «Современникѣ». Статьи этого писателя отличаются необыкновенною туманностію; ихъ никто не понимаетъ и потому они не обращаютъ на себя никакого вниманія. Уже авторъ ихъ начинаетъ сердиться, начинаетъ негодовать, что его неслушаютъ. Вотъ почему я считаю долгомъ поспѣшить ему на помощь. Вполнѣ увѣренъ, что онъ останется доволенъ моею точностью, ясностію и отчетливымъ пониманіемъ того что онъ хочетъ сказать.

Digitized by Google

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ

I

ОТВѢТЪ «СВИСТУНУ»

Въ сороковомъ номерѣ газеты «Очерки» было напечатано объ насъ слѣдующее постороннее письмо, присланное однимъ посторонним лицомъ въ вышеупомянутую газету.

Г. редакторъ.

Надѣюсь, что вы дадите мѣсто моей замѣткѣ въ вашей газетѣ. Цѣль ея — уличить редакцію «Времени» въ явной недобросовѣстности и непослѣдовательности и отмѣтить характеристическую черту для будущаго историка русской литературы и журналистики.

Въ январской книжкѣ этого года редакція «Времени» по поводу объясненій своихъ въ нападеніи, произведенномъ на *свистунова* въ объявленіи объ изданіи журнала на 1863 годъ, выгораживаетъ между прочимъ изъ числа этихъ злокозненныхъ людей покойнаго Добролюбова, признавая его за человѣка, «*глубоко убѣжденнаго, проникнутаго святою, праведной мыслью, за великаго бойца за правду*». Далѣе редакція почтеннаго журнала говоритъ, что по силѣ и значенію въ литературѣ Добролюбовъ былъ богъ и восхваляетъ себя за борьбу съ нимъ противъ неуваженія его къ народу и невѣрія въ его силы.

Справедливость послѣдняго подлежитъ суду критики; что касается до перваго, то во имя уваженія къ памяти покойнаго, слѣдуетъ остановить г. редактора «Времени» и указать ему на руководящую статью его журнала, помѣщенную въ № 3 прошлаго года, — вскорѣ послѣ смерти Добролюбова.

Голосъ «Времени» прозвучалъ не безъ рѣзкости и резюмировался окончательно въ мнѣніи о Добролюбовѣ такимъ образомъ на стр. 32: «Мы чувствуемъ желаніе взглянуть свысока на Добролюбова, потому что находимъ у него очевидные недостатки, промахи всякаго рода, *мысли неточныя, недодуманныя, мелкія, фальшивыя, вопіющія противорѣчія и плоскости; концы, вовсе неидущіе къ началу, начала недоведенныя*

Digitized by Google

до конца и т. д. *Этихъ ошибокъ, этихъ примѣровъ всякаго рода путаницы и безсвязицы можно было бы набрать столько, сколько угодно* и т. д.

Пусть редакція «Времени» сравнитъ сама это прежнее свое мнѣніе съ новѣйшимъ, и объяснитъ, путемъ какой логики и какого чувства пришла она къ мнѣнію о покойномъ какъ о человѣкѣ, проникнутомъ *святою, праведной мыслью*, какъ о великомъ бойцѣ *за правду*?

Примите, и проч.

Свистунъ.

Вотъ нашъ отвѣтъ:

Господинъ Свистунъ!

Мы рѣшились вамъ отвѣчать, хотя ваше письмо адресовано не къ намъ, а редактору «Очерковъ». Но такъ какъ дѣло касается лично до насъ и въ вашемъ письмѣ говорится только объ насъ, то вы конечно и не удивитесь, что мы беремъ на себя пріятную обязанность отвѣчать на это письмо. Рѣшились же мы вамъ отвѣчать по тремъ нижеслѣдующимъ причинамъ:

Причина первая: По тону вашего письма въ газету «Очерки» мы убѣдились, что вы, милостивый государь, человѣкъ совершенно посторонній, т.-е. что вы не принадлежите къ раздражоннымъ противъ насъ лично редакторамъ и издателямъ, и кромѣ того, что вы браните насъ не изъ какихъ-нибудь выгодъ. Извините насъ за эту откровенность; но вы имени вашего не подписали, а на насъ столько пишется ежедневно ругательствъ, столько гаденькихъ пошлостей, что мы невольно принуждены быть подозрительными и различать между нашими оппонентами. Инымъ отвѣчать — такъ слишкомъ ужь много имъ чести будетъ. Въ вашемъ же письмѣ мы не видимъ никакихъ намековъ, никакихъ постороннихъ затаенностей. Вы прямо заботитесь о дѣлѣ и добиваетесь рѣшенія противурѣчія, поразившаго васъ въ нашемъ журналѣ. Вы видимо тоскуете и безпокоитесь, и несмотря на всѣ старанія и напряженія ваши, вы все-таки не въ состояніи своими собственными средствами разрѣшить вопросъ. Мы искренно спѣшимъ вамъ на помощь, — вамъ, человѣку благородному (потомучто вы заботитесь о правдѣ), человѣку добрѣйшему (это видно) и наконецъ человѣку безкорыстно питающему благородную любовь къ отечественной словесности (это уже очевидно).

Причина вторая: Кромѣ чрезвычайно-рѣзкаго выраженія вашего, милостивый государь: «*уличить редакцію «Времени» въ явной недобросовѣстности*», все остальное написано у васъ безъ особенныхъ ругательствъ. Значитъ съ вами говорить еще можно. Теперь намъ стоитъ только уличить васъ въ нѣкоторомъ непониманіи дѣла и вы, какъ человѣкъ прежде всего отыскивающій правду, вѣроятно

Digitized by Google

тотчасъ же сознаетесь въ своей ошибкѣ и возьмете выраженіе ваше о нашей недобросовѣстности (единственное оскорбительное для насъ выраженіе въ письмѣ вашемъ) назадъ.

Причина третья: Мы отвѣчаемъ вамъ, милостивый государь, еще и потому, что вы въ письмѣ вашемъ подписались: «свистунъ», безъ прилагательнаго «хлѣбный». Въ противномъ случаѣ, т.-е. еслибъ вы подписались: «хлѣбный свистунъ», мы бы не стали вамъ отвѣчать.

Собственно противъ свиста мы ничего не имѣемъ. Это только особенная форма проведенія мысли, употреблявшаяся въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ въ отечественной словесности. Мы сами иногда посвистывали. И потому ваша подпись: «свистунъ», — очень хорошая подпись. Но хлѣбный свистунъ есть тотъ, который продаетъ свой свистъ, и главное, направленіе своего свиста за деньги тому, кто больше дастъ и такимъ образомъ свищетъ на перваго встрѣчнаго по заказу. Согласитесь сами, что имѣть дѣло съ такими господами неприлично. Да и такіе случаются между ними ярыги, что и представить себѣ нельзя. Не отвѣчать же имъ. Теперь, окончивъ все предварительное и обстоятельно перечисливъ вамъ почти по пальцамъ всѣ побужденія, склонившія насъ отвѣчать вамъ, мы просимъ у васъ извиненія, милостивый государь, за нѣкоторое многословіе наше, заставившее васъ очевидно потерять нѣсколько драгоцѣнныхъ минутъ вашего драгоцѣннаго времени (потомучто время, для человѣка ищущаго правды, всегда драгоцѣннѣе, чѣмъ для человѣка ищущаго неправды.) Мы все это очень хорошо понимаемъ. Но вѣдь возможности нѣтъ, милостивый государь! Иной разъ изложишь свою мысль кажется ужь ясно; а смотришь: тутъ же, передъ вами же такъ ее перевернутъ, что самъ не узнаешь и дивишься. Вотъ хоть бы и вы, милостивый государь (говоримъ это съ горестью), вы, почтенный любитель отéчественной словесности! Ну какъ бы кажется не понять вамъ нашихъ словъ о Добролюбовѣ? А между тѣмъ вотъ не поняли же вы!.. И потому извините за излишнее теперешнее многословіе наше: такую ужь манеру взяли; просто разжовываемъ и въ ротъ кладемъ, точно грудянымъ дѣтямъ или старикамъ беззубымъ. Побольше-то паговоришь такъ оно какъ-будто и яснѣе.

Итакъ къ дѣлу:

Помилуйте, почтенный свистунъ, гдѣ же у насъ противорѣчіе? Вы свидѣтельствуете, что мы съ одной стороны выставляемъ покойнаго Добролюбова за человѣка «глубоко убѣжденнаго, проникнутаго святою, праведной мыслью, за великаго бойца за правду», называемъ его богомъ (не для насъ разумѣется богомъ, а для его яростныхъ послѣдователей, вы забыли разъяснить это), и по вашему же

Digitized by Google

заявленію, тутъ же, послѣ этихъ похвалъ, мы восхваляемъ себя за борьбу съ нимъ противъ неуваженія его къ народу и невѣрія въ его силы.

Но смотря съ другой точки зрѣнія, въ другой статьѣ нашей, (написанной прежде) мы пишемъ, что находимъ у него: «*мысли неточныя, недодуманныя, мелкія, фальшивыя, вопіющія противорѣчія и плоскости: концы, вовсе невидущія къ началу, начала недоведенныя до конца и т. д. Этихъ ошибокъ, этихъ примѣровъ всякаго рода путаницы и безсвязицы можно было бы набрать столько, сколько угодно*» и т. д.

Мы уже не говоримъ о томъ, милостивый государь, что оба эти отзыва выхвачены вами отрывками изъ средины статей нашихъ. Представляясь отрывками, безъ послѣдовательной связи съ своимъ предыдущимъ, они кажутся гораздо болѣе рѣзкими, и видимое противорѣчіе ихъ между собою гораздо неожиданнѣйшимъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Но мы все это вамъ уступаемъ и не хотимъ прибѣгать къ такимъ мелкимъ оправданіямъ, потомучто въ сущности и не нуждаемся въ оправданіи. Мы только вамъ разъяснить хотимъ, да и то только вамъ лично, потомучто чувствуемъ къ вамъ особенную симпатію.

Если вы, милостивый государь, хоть капельку потрудитесь углубиться въ нашу мысль и разсудите вмѣстѣ съ нами, то вы сейчасъ же сами все поймете. Въ самомъ дѣлѣ: чѣмъ первый нашъ отзывъ о Добролюбовѣ противорѣчитъ въ сущности второму? Все дѣло въ томъ, что вы никакъ не можете себѣ представить, чтобъ человѣкъ «глубоко-убѣжденный, проникнутый святою, праведной мыслью, великій боецъ за правду» могъ хоть когда-нибудь ошибиться и наврать вздору. Помилуйте, да это случается на каждомъ шагу, каждый день. Оглянитесь кругомъ. Вотъ напримѣръ стоитъ передъ вами человѣкъ, по житію чуть не праведникъ, убѣжденный въ правдѣ глубоко и свято, вы его уважаете, вы его наконецъ любите и вдругъ этотъ прекрасный господинъ, въ одно прекрасное утро, и единственно чтобъ достигнуть своей благороднѣйшей цѣли, начинаетъ въ вашихъ же глазахъ колотиться объ стѣну головою. Что вы скажете тогда, милостивый государь? Откажете ли вы ему тогда въ возвышенности духа и въ томъ, что онъ проникнутъ святою и праведной мыслью? Очевидно нѣтъ: онъ въ жертву самого себя, свою голову приноситъ, такъ что все это можетъ оставаться при немъ, — то-есть и глубокое убѣжденіе, и святость и праведность. Откажете ли вы ему въ томъ, что онъ великій боецъ за правду? Очевидно нѣтъ. Съ этой-то цѣлью онъ и стукается передъ вами головой объ стѣну, да какъ еще — въ кровь! и все это за правду.

Digitized by Google

Развѣ вы такихъ бойцовъ не видывали? Въ чемъ же вы найдете наконецъ ошибку этого господина, его изъянъ, абсурдъ? Очевидно въ средствахъ имъ употребляемыхъ для достиженія его цѣли. Онъ въ средствахъ и только въ средствахъ ошибается, не такъ взглянулъ на предметъ и въ этомъ смыслѣ вы разумѣется найдете въ поступкѣ его столько *«путаницы и безсвязицы, сколько вамъ будетъ угодно.»*

Но скажете вы, вашъ прекрасный человѣкъ былъ сумашедшій, дуракъ. Неправда, милостивый государь, онъ могъ быть нетолько не сумашедшимъ и не дуракомъ, но даже очень умнымъ человѣкомъ. Онъ только *ошибался* и больше ничего. Развѣ умные люди не могутъ ошибаться. Да геніальные-то люди и ошибаются чаще всего въ средствахъ къ проведенію своихъ мыслей, и часто чѣмъ геніальнѣе они, тѣмъ и крупнѣе ошибаются. Вотъ рутина такъ та рѣже ошибается. Вы не вѣрите: разверните исторію, оглянитесь кругомъ, и вы каждую минуту найдете преумнаго человѣка, который для благороднѣйшей цѣли стукается лбомъ объ стѣну. Нужно только глаза имѣть и увидите. Возьмите людей историческихъ: ну Петра великаго напримѣръ, или помельче, возьмемъ хоть Сперанскаго... Развѣ они не ошибались и въ тоже время не имѣли благороднѣйшей цѣли — счастья отечества. Возьмите другихъ европейскихъ людей: Игнатій Лойола напримѣръ: Ну для чего онъ употребилъ столько благороднѣйшей энергіи, столько силы духа и упрямства, столько огромнаго ума! А между тѣмъ цѣль его была высокая — счастье человѣчества. Чѣмъ онъ хотѣлъ достигнуть его? усиленіемъ католичества, — значитъ колотилъ головой объ стѣну.

— Да, но Добролюбовъ не могъ, такъ какъ они ошибаться! говорите вы, — и это голосъ всѣхъ послѣдователей Добролюбова. Онъ былъ безъ ошибокъ, онъ не могъ ошибаться.» Но въ этомъ-то мы съ вами и разнимся, милостивый государь; — такого дѣтскаго и смѣшного поклоненія мы не можемъ имѣть, хотя эта разница и не составляетъ предмета настоящаго противурѣчія. Не забывайте этого. Дѣло идетъ теперь только о нашей непослѣдовательности, о нашей нелогичности и о нашей недобросовѣстности, въ которыхъ вы насъ обвиняете. Что же касается до Добролюбова, то будь онъ разгеній, онъ все-таки могъ ошибаться, покрайней-мѣрѣ такъ же какъ ошибались и тѣ нами названные великіе люди. А вѣдь Добролюбовъ далеко былъ не геній, а развѣ только что умный человѣкъ. Для своего времени онъ могъ дѣлать тѣ же самыя ошибки, какъ тѣ для своего. Конечно были умные люди, которые и тогда не ошибались, но по нашему убѣжденію Добролюбовъ не принадлежалъ къ ихъ числу...

Digitized by Google

Ясное дѣло, что довольно грубое сравненіе наше о стуканьи лбомъ не можетъ быть отнесено къ Добролюбову во всей его рѣзкости. Но отчасти — непремѣнно да. Предположите же теперь, что мы *дѣйствительно* и глубоко убѣждены, что Добролюбовъ не понималъ народа, видѣлъ въ народѣ и въ обществѣ по преимуществу одно только темное царство; грубыя и наносныя явленія, такъ-сказать кору, принималъ за сущность дѣла; даже иногда явленія самыя свѣтлыя и отрадныя въ нашемъ народѣ, грубо непонявъ ихъ, относилъ къ мерзѣйшимъ; въ силахъ народныхъ усомнился и придавалъ значеніе по преимуществу одной только западной выкройкѣ. Положимъ, что мы глубоко и свято убѣждены во всемъ этомъ. Ну вотъ это-то и есть его стуканье объ стѣну. Чтожъ изъ того? Развѣ такое убѣжденіе разрушаетъ въ насъ вѣру, что Добролюбовъ былъ въ тоже время благородный дѣятель, что онъ стремился неуклонно къ правдѣ, т.-е. къ освобожденію общества отъ темноты, отъ грязи, отъ рабства внутренняго и внѣшняго, страстно желалъ будущаго счастья и освобожденія людей, а слѣдовательно былъ благороднѣйшій дѣятель въ нашей литературѣ. Даже можетъ-быть самыя ошибки его происходили иногда отъ излишней страстности его душевныхъ порывовъ. Добролюбовъ могъ даже, еслибъ остался живъ, во многомъ измѣнить свой взглядъ на вещи, поправить свои ошибки, найти другую, *настоящую* дорогу къ своей цѣли, только одной своей благородной и праведной цѣли онъ не могъ измѣнить никогда. Цѣли и средства — это разница, милостивый государь. Бѣлинскій былъ благороднѣйшій изъ благороднѣйшихъ дѣятелей русскихъ, но раза три въ жизни основнымъ образомъ мѣнялъ свои убѣжденія. Одной правдѣ онъ не измѣнялъ никогда. Это чрезвычайно яркій примѣръ, милостивый государь, зачѣмъ вы его не припомнили?

Мы боролись съ Добролюбовымъ и убѣждены, что хорошо дѣлали. Нѣкоторые изъ бездарныхъ послѣдователей его въ настоящую минуту довели презрѣнье къ народу и невѣріе къ силамъ его до такого абсурда, что развѣ только одинъ безобразно-громадный размѣръ ихъ нелѣпости, пошлости и бездарности дѣлаетъ ихъ безвредными. Скоро сдѣлаетъ и смѣшными; это непремѣнно, потому-что это уже и теперь начинается. А между тѣмъ, благодаря святочтимой молодежью памяти Добролюбова, эти бездарные, единственно только тѣмъ, что прикрываются авторитетомъ Добролюбова, который бы ихъ самъ отвергъ, все-таки имѣютъ нѣкоторое и чрезвычайно вредное вліяніе на молодежь. Противъ этого надобно бороться и мы будемъ бороться.

Прибавимъ наконецъ, чтобъ кончить о Добролюбовѣ, что мы

Digitized by Google

всегда признавали въ немъ талантъ и кромѣ того во многомъ соглашались съ нимъ, въ томъ именно, въ чемъ онъ не ошибался и тутъ онъ былъ увлекателенъ и высокоталантливъ, а слѣдственно если мы умѣли это замѣнить и оцѣнить (и повѣрьте получше многихъ другихъ), то опять-таки имѣли право и хвалить его. А въ похвалѣ-то вы насъ и упрекали. Теперь перейдемъ къ нашему главному вопросу.

Итакъ, милостивый государь, гдѣ-жъ оно, гдѣжъ это противорѣчіе? Вся штука вышла изъ того, что вы не хотѣли даже и предположить, чтобъ умный и свято-проникнутый любовью къ правдѣ человѣкъ могъ ошибаться! Да что это за безграничное поклоненіе передъ авторитетами! Что за *служебность* (мы нарочно выбираемъ словцо помягче) передъ человѣкомъ, котораго почитаемъ и уважаемъ. По нашему мнѣнію можно уважать безо всякой служебности. Нѣтъ, почтенный свистунъ, все это обличаетъ только нѣкоторую вашу неумѣлость, нѣкоторую вашу скороспѣлость, нѣкоторую неудачу вашего мышленія, а... не нашу *недобросовѣстность*. Согласитесь, милостивый государь, что взваливать на людей такое тяжкое обвиненіе нужно осмотрительнѣе, совѣстливѣе, не торжествуя заранѣе, конечно если вы только сами человѣкъ...

Ахъ, милостивый государь! Вы не повѣрите въ какое положеніе мы иногда бываемъ поставлены. Кажется ужь на что разжовываемъ, кажется ужь ясно говоримъ — нѣтъ, хоть что хочешь дѣлай съ инымъ дѣятелемъ, просто хоть колъ теши. Это что еще вы! Съ нами можетъ-быть уже сотни такихъ примѣровъ случались. Многіе лѣзутъ-то вѣдь не для правды, а съ тѣмъ, чтобъ какъ-нибудь оскорбить, оговорить. Самолюбіе въ нихъ до послѣдней болѣзненности раздражено, такъ что отца родного готовъ на рынкѣ продать, только чтобъ дали ему васъ ущипнуть. Не отвѣчать же такимъ, разумѣется. Притомъ же тупость, тупость... Да кстати вотъ вамъ одинъ анекдотикъ изъ сотенъ съ нами случившихся. Позвольте вамъ его разсказать, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ необыкновенное сходство съ вашимъ письмомъ (то-есть сюжетъ другой, но пріемъ-то мышленія тотъ же, логика одинаковая.). Наконецъ и то, что случай этотъ вовсе не заключаетъ въ себѣ той злокозненности и злокачественности, объ которыхъ мы сейчасъ говорили. Это просто замѣчаніе, сдѣланное намъ однимъ любителемъ отечественной словесности, такимъ же безкорыстнымъ и добродушнымъ искателемъ правды какъ и вы. Замѣчаніе это было сдѣлано намъ въ «Сынѣ Отечества» въ прошломъ году, въ одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Будьте такъ добры, выслушайте.

Digitized by Google

Разительное сходство съ настоящимъ случаемъ.

Рецензентъ «Сына Отечества» разбиралъ октябрскую книжку «Времени». Въ сентябрской книжкѣ нашей была статья г. Родевича: «По поводу общественной нравственности». Въ октябрской же помѣщена была другая статья на туже тему г. Сокальскаго. Далѣе будемъ говорить словами самого рецензента:

«Указанными статьями мы и можемъ кончить обзоръ вышедшей книжки «Времени» (октябрской). Въ заключеніе мы укажемъ въ ней только на одну странность. Въ разбираемой нами книжкѣ между прочимъ помѣщено письмо г. Сокальскаго: «Замѣтка по вопросу объ общественной нравственности», вызванное статьей г. Родевича о томъ же предметѣ. Въ томъ, что явились эти замѣтки, удивительнаго нѣтъ ничего, — но удивительно слѣдующее примѣчаніе, сдѣланное къ письму редакціей: «хотя эта статья и *противорѣчитъ* статьѣ г. Родевича, недавно напечатанной въ нашемъ журналѣ, но такъ какъ она *прогресивна* и *гуманна* и трактуетъ о дѣлѣ съ особенной оригинальной точки зрѣнія, то намъ кажется, что подобныя противорѣчія служатъ къ дальнѣйшему разрѣшенію вопроса». Мы позволяемъ спросить: считаетъ ли послѣ этого редакція самую статью г. Родевича *прогресивной* и *гуманной*?»

Ахъ боже-мой, да почему же нѣтъ? Точно прогресивный и гуманный человѣкъ не можетъ ошибаться? Сошлись положимъ г. Родевичъ и г. Сокальскій. Оба они и прогресивны и гуманны; оба стремятся къ той же цѣли. Но во взглядѣ на дѣло, но въ средствахъ къ достиженію цѣли они расходятся радикально и вотъ — заспорили. Неужели одинъ изъ нихъ долженъ ужь непремѣнно сейчасъ же сдѣлаться и не прогресивнымъ и не гуманнымъ, потому только-что онъ не согласенъ, противорѣчитъ? Противорѣчіе противорѣчію рознь. Вѣдь у нихъ цѣль одна. Да они и оба могли ошибаться и въ тоже время оставаться и прогресивными и гуманными. По тысячѣ человѣкъ иногда сходятся и спорятъ въ парламентахъ и бываетъ что одинъ идетъ противъ всѣхъ и впослѣдствіи оказывается, что онъ-то и былъ правъ. Чтожъ, неужели всѣ остальные 999 мошенники и дураки, или не прогресивные и не гуманные? Прямо приходится вывести, что прогресивные и гуманные люди никогда не ошибаются, никогда другъ другу не противорѣчатъ, а вѣдь это явный абсурдъ, особенно среди нашей дѣйствительности. Ну какъ бы кажется непонять этого абсурда, какъ бы кажется недомыслить! А вѣдь вотъ же не понялъ, не домыслилъ человѣкъ! Ну посудите сами, милостивый государь, ну какъ прикажете отвѣчать на такіе вопросы? А вѣдь почти все такіе. Въ наше-то, въ наше-то положеніе вникните. Мы разумѣется и не отвѣчали «Сыну Отечества», да вотъ

Digitized by Google

теперь кстати, по поводу вашего письма припомнили... Сходство-то ужь очень съ вами разительное.

А впрочемъ, милостивый государь, относительно васъ мы не тяготимся. Обращайтесь къ намъ и впредь, присылайте, присылайте намъ ваши противорѣчія! Все что можемъ — мы для васъ сдѣлаемъ, цѣня вашу благородную жажду правды и вашу прекрасную любовь къ отечественной словесности. Еще разъ извините за многословіе; но чтожъ дѣлать! разжовываемъ, разжовываемъ...

II

МОЛОДОЕ ПЕРО

По поводу литературной подписи. Современникъ № 1 и 2.

Брамбеусъ! рѣшительно Брамбеусъ! Прочелъ съ удовольствіемъ. Фыркалъ, прыскалъ со смѣху. Пыхтѣлъ, задыхался. Потѣлъ! Игриво. Молодое перо. Талантъ. Каратель пороковъ. Упованіе Россіи... Игрунъ, визгунъ, танцуетъ. Далеко пойдетъ. Молодецъ (¹).

И все то дѣло изъ-за гг. Скавронскихъ. Г. А. Скавронскій помѣстилъ въ декабрьской книжкѣ «Времени» заявленіе о томъ, что подписью его злоупотребляетъ какой-то другой г. Н. Скавронскій, въ Москвѣ. Г. А. Скавронскій испугался чтобъ его какъ-нибудь не смѣшали съ г. Н. Скавронскимъ. Ну такъ вотъ какъ смѣлъ г. А. Скавронскій испугаться и напечатать, что онъ А. Скавронскій, а не Н. Скавронскій? Онъ — простой, обыкновенный сочинитель. Покрайней-мѣрѣ еслибъ былъ генералъ отъ литературы, какой-нибудь Катковъ, а то — А. Скавронскій! И туда же! Обличить, обличить скорѣе, неотлагательнѣе! Страждетъ литература, страждетъ общество. Надо карать, свистать, плевать. Даже непочтительность къ старшимъ замѣчается. Если все это спускать, такъ вѣдь что изъ этого выйдетъ?

Впрочемъ дѣло ясное: Молодое перо. Надо было дать пищу сатирическому уму. Искуство для искуства. А дѣйствительно игриво написана статейка (въ «Современникѣ» въ номерѣ первомъ и второмъ. Вообще въ «Современникѣ» какъ-будто начинается опять искуство для искуства. Новая похвальная струя). Я дѣйствительно смѣялся (кромѣ шутокъ): очень, очень забавно и съ несомнѣннымъ

(¹) Невинное подражаніе слогу барона Брамбеуса, сдѣланное не безъ цѣли.

Digitized by Google

талантомъ. Только вся штука мнѣ кажется несправедливою. Извините молодой рецензентъ, но у меня болитъ сердце. Вы начинающій талантъ, блестящій — это правда, но послушайте однако насъ, стариковъ. Не тратьте даромъ молодыхъ силъ, силъ юныхъ, пылкихъ, неопытныхъ. Еще у Кошанскаго сказано, что хорошія мысли предпочитаются блестящему слогу. Слогъ это такъ-сказать внѣшняя одежда; мысль — это тѣло, скрывающееся подъ одеждой. Взгляните на старую кокетку: одежда ея блеститъ совершенствами, разубрана розами, пахнетъ мускусомъ. Но однако что скрыто подъ сей одеждой? Фальшивые зубы, фальшивыя косы, фальшивыя такъ-сказать . . . впрочемъ опасно пускаться въ дальнѣйшія подробности. Однимъ словомъ молодой человѣкъ, вы убѣжали бы отъ ветхой прелестницы съ отвращеніемъ и ужасомъ. Убѣгайте же подобнымъ образомъ отъ наружнаго литературнаго блеска, берегите себя отъ соблазновъ блестящаго слога, дуньте на тѣнь Брамбеуса, которая носится передъ вами, соблазняя васъ на мишурные подвиги, и она исчезнетъ какъ исчезаетъ колечко табачнаго дыма, выпущенное ловкимъ военнымъ курителемъ. Вмѣсто всего этого заботьтесь о содержаніи, о мысли. Размыслите, молодой но блестящій писатель, вѣдь вы ошибаетесь.

Почему, скажите, г. А. Скавронскій не имѣетъ права досадовать, что другой писатель подписывается его именемъ? Потомучто онъ не генералъ, не великій писатель? Но вѣдь всякому свое дорого. Что ежели-бъ вы сами изобрѣли себѣ какой-нибудь псевдонимъ и приобрѣли себѣ славу, а другой какой-нибудь проказникъ въ Москвѣ взялъ бы да и сталъ подписываться вашимъ же псевдонимомъ, да еще положимъ гдѣ-нибудь въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Ну чтобы вы тогда сказали? Конечно и вы бы тотчасъ же «впились» въ нарушителя собственности. Или нѣтъ? Невѣрится что-то. Вѣдь впились же вы теперь въ почтеннаго А. Скавронскаго за то только, что по вашему мнѣнію онъ суется въ калашный рядъ. Ну чтожъ, что онъ не такъ славенъ какъ вы? Онъ можетъ быть еще будетъ также славенъ какъ вы. Вспомните разговоръ престарѣлаго Аннибала и молодого Сципіона при ихъ свиданіи:

Аннибалъ. Я былъ славенъ когда ты еще не родился.
Сципіонъ. Я буду славенъ когда ты умрешь.

Неправда ли что это величественно? Это изъ древней исторіи. Всѣ эти римскіе анекдоты тѣмъ хороши, что съ успѣхомъ прилагаются къ современной русской литературѣ. Повторяю вамъ, молодой человѣкъ, всякому свое дорого. Если г. А. Скавронскій цѣнитъ свой трудъ (а это благородная черта), то и ревнивъ къ сво-

Digitized by Google

ему труду. Какъ онъ смѣетъ представляться генераломъ, говорите вы? Но онъ можетъ-быть вовсе и не представляется генераломъ, а требуетъ себѣ только своего, своего собственнаго. Кто знаетъ, еслибъ вы могли отдать ему свое блестящее имя, то онъ можетъ-быть и не взялъ бы его. Мнѣ дескать мое дорого, а чужого не надо. Я не знаю вашихъ сочиненій, молодой поэтъ, знаю только одну теперешнюю статью вашу о «Литературной подписи» въ «Современникѣ». Она игрива безспорно, но можетъ быть А. Скавронскій и не захотѣлъ бы подписаться подъ вашей статьей. Всякому свое да и только. Употреблю сравненіе. Представьте себѣ, молодой но талантливый рецензентъ, представьте себѣ какой-нибудь великолѣпный домъ на Невскомъ проспектѣ или гдѣ-нибудь поблизости на канавкѣ. Домъ такъ-сказать палаццо, вилла, дворецъ, полы паркe, ну и всѣ тамъ эти роскоши. Прохожіе любуются величественной архитектурой. Какой-нибудь скромный и отчасти голодный чиновникъ съ ветхимъ портфелемъ подъ мышкой и даже безъ замочка, потомучто ключикъ лѣтъ десять тому назадъ затерянъ семерыми дѣтьми, пробирается мимо, въ притруску, въ департаментъ, но поднявъ нечаянно голову, встрѣчаетъ домъ и сердце его оживляется. Архитектура производитъ свое дѣйствіе, потомучто искуство неотразимо. Онъ ощущаетъ удовольствіе и съ новымъ рвеніемъ спѣшитъ на службу. Въ этомъ великолѣпномъ домѣ живетъ богачъ и разумѣется радуется. Но вотъ рядомъ съ великолѣпнымъ домомъ богача стоитъ еще маленькій деревянный домикъ, въ одинъ этажъ, окна въ четыре небольше и осѣненный березками. Въ этомъ домѣ живетъ бѣднякъ и наслаждается невозмутимымъ спокойствіемъ совѣсти. Всѣхъ этихъ мраморовъ и этажерокъ нѣтъ у него, но онъ объ нихъ не тужитъ: у него есть хорошая книга, испытанный другъ, всегда готовая котлетка — и чего же больше для счастья человѣческаго? Но вотъ однажды утромъ молодое поколѣнье зажигаетъ домъ богатаго владѣльца. Черезъ два часа остается одинъ только пепелъ (разумѣется владѣлецъ спасается; такъ нужно для сравненія, вы увидите дальше). На другое же утро молодое поколѣнье зажигаетъ и деревянный домикъ скромнаго счастливца. Черезъ полчаса отъ него не остается и камня на камнѣ. Разумѣется и богатый владѣлецъ и бѣдный счастливецъ будутъ горько плакать, но кто вамъ поручится, что бѣднякъ не заплачетъ еще горьче чѣмъ великолѣпный вельможа... Теперь оборотимъ медаль и разъяснимъ алегорію. Представьте себѣ, что богатый вельможа — это вы, генералъ и блестящій писатель, владѣлецъ бѣдный — это А. Скавронскій. Различіе качествъ обоихъ домовъ пусть означаетъ различную степень вашихъ литературныхъ талантовъ; таланты здѣсь изображены подъ видомъ домовъ, что

Digitized by Google

употребляется въ литературѣ (см. домъ Краевскаго на Литейной и домъ Старчевскаго на Мойкѣ.) Представивъ все это, вы тотчасъ же догадаетесь, что А. Скавронскому точно также дорогъ и можетъ-быть еще дороже его скромный талантъ, чѣмъ вамъ вашъ блестящій.

Но вы можетъ-быть не согласитесь и съ этимъ сравненіемъ, молодой рецензентъ; вы можетъ-быть скажете, что поступокъ А. Скавронскаго омерзителенъ, что воображать себя генераломъ, которымъ интересуется публика, смѣшно и что надо карать общественныя такъ-сказать язвы. Что это наконецъ святое дѣло журнала, его направленіе, его назначеніе. Что А. Скавронскій самолюбивъ, тогда какъ А. Скавронскій не долженъ быть самолюбивъ. О, молодое перо, молодое перо! восклицаю я. Согласенъ, согласенъ, что все смѣшное въ литературѣ надо искоренять и преслѣдовать, но мало ли въ литературѣ нашей что дѣлается? Мало ли въ ней нетолько смѣшного, но даже омерзительнаго дѣлается, а между тѣмъ вы обратили вниманіе только на А. Скавронскаго и избрали его предметомъ блестящей статьи своей, и пропустили омерзительное. Да вѣдь это сплетня, только сплетня и ничего больше. Какое ужь тутъ святое дѣло журнала, его направленіе и назначеніе, какія тутъ язвы. Тутъ просто литературная игривость молодого пера, и ничего больше. И наконецъ, зачѣмъ вы смотрите на весь этотъ фактъ только съ смѣшной стороны? Возьмите его хоть со стороны комерческой. За литературный трудъ получается у насъ плата. Если господинъ подъ вашимъ псевдонимомъ начнетъ писать плохія статьи, такъ вѣдь пожалуй подумаютъ, что это вы пишете плохія статьи и будутъ васъ пропускать въ журналѣ, не разрѣзывать. Справятся немногіе, увѣряю васъ. Такъ вѣдь это такъ-сказать подрывъ. А г. А. Скавронскій имѣетъ извѣстность. Г. А. Скавронскій съ талантомъ, ужь это какъ хотите-съ. Жаль вотъ, что я не читалъ его «Бѣдныхъ въ Малороссіи», о которыхъ вы упоминаете въ вашей блестящей рецензіи. Но я за то читалъ его «Бѣглыхъ въ Новороссіи» и знаю навѣрно, что романъ этотъ имѣлъ очень большой кругъ читателей и приобрѣлъ писателю значительную извѣстность. Ну вотъ г. А. Скавронскій и дорожитъ этой извѣстностью. Да еслибъ даже онъ преувеличилъ немного свое значеніе (хотя право его протестъ во «Времени» нисколько этого не доказываетъ), такъ вѣдь это такъ возможно, такъ всякому безобидно. Вѣдь это со всякимъ, ейбогу со всякимъ можетъ случиться. Вѣдь вотъ вы напримѣръ: чего добраго, пожалуй вопьетесь теперь въ меня за то, что я несогласенъ съ вашей рецензіей. Вы же такъ щекотливы, такъ обидчиво чувствуете чужое самолюбіе... А знаете что, молодой человѣкъ: вѣдь это вы нарочно

Digitized by Google

написали «Бѣдныхъ въ Малороссіи», вмѣсто «Бѣглыхъ въ Новороссіи» — для усиленія своего остроумія. Будто дескать и названіе-то романа забылъ, потомучто не стоитъ и помнить. О молодое перо! Истинно говорю, мое сердце скорбитъ, что столько остроумія потрачено съ такою эфемерною цѣлью. Заботьтесь о мысляхъ, молодой человѣкъ, о мысляхъ и вспомните мое сравненіе съ престарѣлой кокеткой.

Вѣдь еще это знаете что? Вѣдь это литературная такъ-сказать халатность, да еще халатность-то съ распахиваньемъ халата (Vous comprenez? «Ничего, ничего, молчанье!»)

Нѣтъ, опять-таки, почему-жъ непремѣнно только генералы смѣютъ писать о себѣ заявленія, почему именно вы за генераловъ однихъ стоите, почему они такъ вамъ милы, блестящій и талантливый аристократъ? Но ахъ... Чтожъ это я... Позвольте... да!.. ахъ боже-мой, да вѣдь я далъ маху. Вы тоже и генераловъ литературныхъ отдѣлываете. Хотя впрочемъ этотъ генералъ уже не генералъ, а статья совершенно особенная. У васъ написано:

«Повѣритъ ли напримѣръ кто-нибудь, что одинъ литераторъ вдругъ ни съ того ни съ сего объявилъ недавно въ «Сѣверной Пчелѣ», что онъ такъ великъ, что его даже во снѣ видитъ другой литераторъ? Что должна думать и чувствовать публика, которую подчуютъ подобными заявленіями?»

Да это про Тургенева, про извѣстное заявленіе Тургенева, напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ» прошедшей осенью! А другой-то литераторъ, который видѣлъ сны, это разумѣется г. Некрасовъ. Все вѣдь это теперь заявлено офиціально, слѣдовательно можно называть и имена. А вѣдь однако вы и тутъ покривили молодой человѣкъ. Вѣдь Тургеневъ вовсе не заявлялъ, «что онъ такъ великъ», какъ вы утверждаете и что поэтому его и видятъ во снѣ, да вовсе и въ мысляхъ этого не имѣлъ, и ошибаться тутъ ужь никакъ нельзя было. Исторія эта слишкомъ извѣстная: человѣка приглашаютъ въ журналъ, боятся, что потеряли его сотрудничество, заискиваютъ въ немъ, для чего и пишутъ ему чувствительныя письма, напоминая о прежней дружбѣ и о томъ, что даже и теперь его видятъ во снѣ, и только что человѣкъ не подался на чувствительность, не повѣрилъ и отказался отъ журнала, — начинаютъ распространять и писать въ журналѣ, что его чуть не выгнали, потомучто не согласны съ его направленіемъ. Нѣтъ ужь согласитесь сами, тутъ ужь нетолько сны, тутъ ужь и на яву-то было другое. Покривили, покривили душою, молодой человѣкъ! Вѣдь вы все это знали и зазнамо иначе выставили, а вѣдь это ужь не совѣмъ

Digitized by Google

честно (въ литературномъ отношеніи разумѣется). Вы добиваетесь славы Сенковскаго, Жюль-Жанена, Дружинина, это похвально, добивайтесь, но :

Береги честь съ молоду,

гласитъ пословица. Или вы ужь такъ весь впились въ интересы редакціи «Современника», что впиваясь оставили прежнее у порога? Конечно, талантливый молодой человѣкъ, вы защищаете новыхъ друзей вашихъ; дружба дѣло святое, прекрасное, но вы напрасно думаете, что г. Тургеневъ ужь такъ обидѣлъ г. Некрасова, напечатавъ о его ежедневныхъ снахъ : видѣть во снѣ отсутствующаго друга — фактъ по нашему очень похвальный, котораго стыдиться нечего, если онъ искренненъ и если наяву все продолжалось точно также, какъ и во снѣ. Но г. Тургеневъ доказываетъ, что не такъ продолжалось, а для этого и напечаталъ это письмо. Конечно можетъ-быть и лучше бы было совсѣмъ не печатать объ этихъ письмахъ : вѣдь г. Некрасовъ и въ самомъ дѣлѣ, да еще очень могъ видѣть извѣстнаго человѣка во снѣ и даже съ самою безкорыстною цѣлью. Но вѣдь чтожъ прикажете дѣлать, когда на яву-то совсѣмъ напротивъ было. Вѣдь тутъ терпѣнье потерять можно. И презабавная у васъ право мысль, молодой человѣкъ : одного пусть щиплютъ, теребятъ и душатъ, а тотъ и не пикни. Сложи руки, да улыбайся. Про одного два года пишутъ, что его выгнали изъ журнала, а тотъ, съ фактическими доказательствами въ рукахъ, два года молчитъ и не объявляетъ въ чемъ правда, и вотъ только-что успѣлъ заявить настоящую правду, онъ ужь и виноватъ выходитъ. И вотъ уже молодое, но талантливое перо скрыпитъ всему свѣту о новомъ его преступленіи. Проказники!

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google